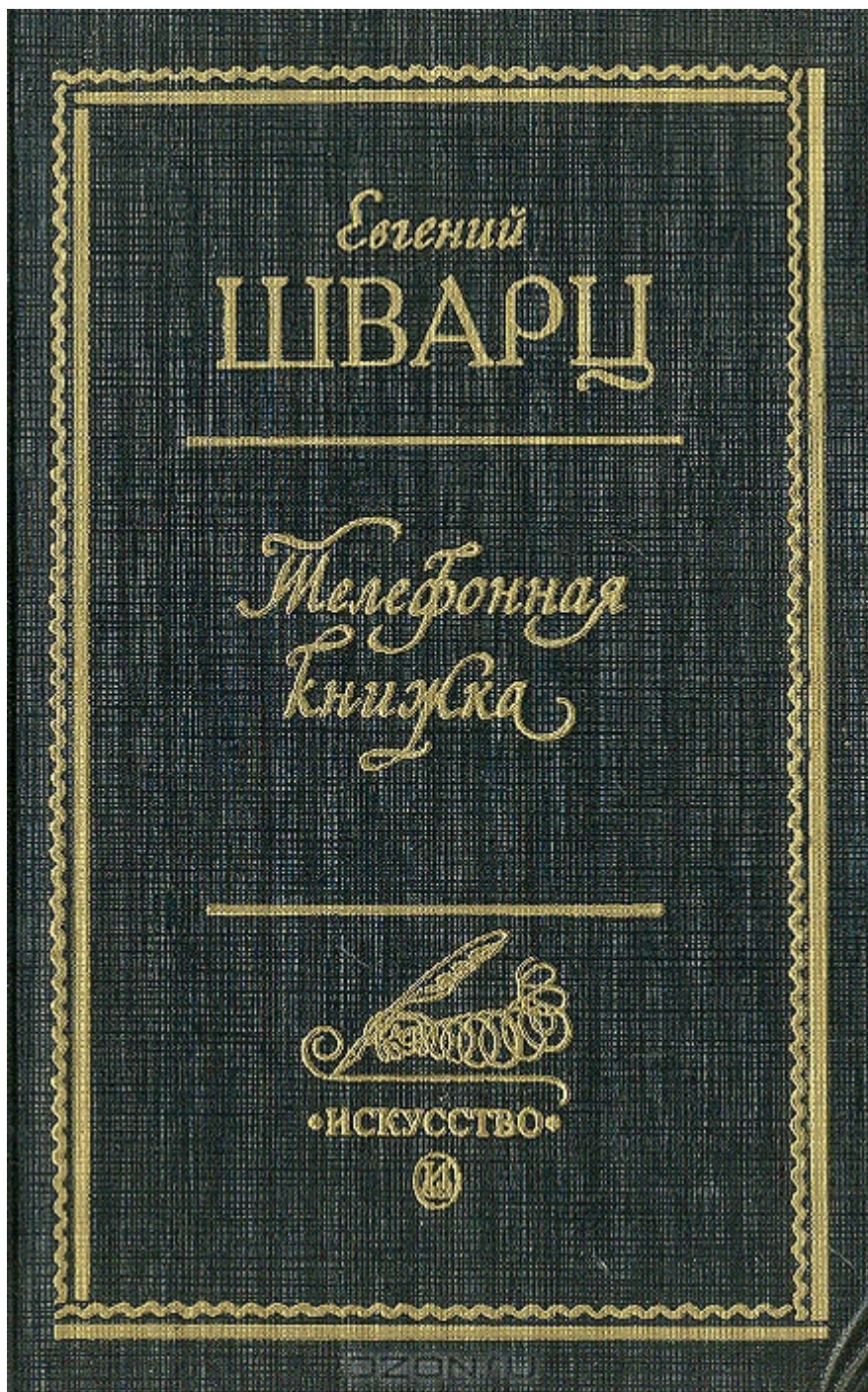

Евгений Львович Шварц
Телефонная книжка

«Телефонная книжка»: ИСКУССТВО; Москва ; 1997
ISBN 5-210-01327-8

Аннотация

«Телефонная, книжка» — уникальная форма мемуаров, написанных известным драматургом, автором пьес и киносценариев «Золушка», «Снежная королева», «Обыкновенное чудо», «Голый король », «Дракон» и других. В них использована реальная телефонная книжка автора. Это целая галерея миниатюрных литературных портретов современников писателя, с которыми в разные годы сводила его судьба.

Телефонная книжка

От составителя

Телефонная книжка» — уникальная форма воспоминаний, впервые примененная Евгением Львовичем Шварцем в мемуарной литературе. Записи этих воспоминаний велись писателем в составе его дневника. Основой их явилась старая потрепанная черная телефонная книжка, которая много лет постоянно была у него под рукой. К этой книжке почти ежедневно обращался Шварц, записывая телефоны лиц, с которыми творческая или человеческая судьба связывала его, или набирая номера телефонов писателей, артистов, режиссеров, художников, кинооператоров, в содружестве с которыми ставились спектакли в различных театрах, снимались фильмы в киностудиях, обсуждались проблемы литературно — театральной жизни. Немало здесь и записей о врачах.

В «Телефонной книжке» запечатлена целая галерея портретов современников, написанных точно, лаконично и ярко. За этими миниатюрами встает целая эпоха общественной и культурной жизни страны.

Не только людям посвящены записи, иногда «действующими лицами» становятся творческие союзы, театры, издательства, вокзалы, с которыми писателю часто приходилось вступать в те или иные отношения.

В записи от 24 марта 1955 г. Шварц сформулировал цель ведения «Телефонной книжки»: «Я еще вчера испытал некоторое смущение. Я пишу о живых людях, которых рассматриваю по мере сил подробно и точно, словно явление природы. Мне страшно с недавних пор, что люди сложнейшего времени, под его давлением принимавшие или не принимавшие сложнейшие формы, менявшиеся незаметно для себя, или упорно не замечавшие перемен вокруг — исчезнут. Нет, проще. Мне страшно, что всё, что сейчас шумит и живет вокруг — умрет, и никто их и словом не помянет — живущих. И это не вполне точно. Мне кажется, что любое живое лицо — это историческое лицо — и так далее, и так далее. Вот я и пишу, называя имена и фамилии исторических лиц».

В результате всех рассказов о людях и учреждениях складывается портрет самого Шварца, «чудесного писателя, нежного к человеку и злого ко всему, что мешает ему жить» (И. Г. Эренбург).

Шварц вел записи «Телефонной книжки» в дневнике с 19 января 1955 г. — по 11 октября 1956 г. Подлинники хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Часть записей вошла в книгу «Евгений Шварц. Живу беспокойно... Из дневников». М. — Л. 1990.

В настоящем издании помещен полный текст воспоминаний, снабженный комментариями и именованным указателем.

В исключительных случаях в тексте встречаются повторы. Они возникают тогда, когда Е. Л. Шварц, редактируя текст, переписывает его. Повторы сохранены при публикации, так как они позволяют пристальнее всмотреться в творческую лабораторию писателя. В книге во многом сохранено также своеобразие пунктуации автора.

Составитель приносит благодарность лицам, оказавшим помощь в подготовке к изданию книги — доктору искусствоведения А. Я. Альтшуллеру, доктору медицинских наук М. В. Войно — Ясенецкому, старшему научному сотруднику Русского музея Л. А. Славовой, народной артистке России Е. В. Юнгер.

К. Кириленко

Ленинградская телефонная книжка

1955 год

19 января

Хотел затеять длинную работу: «Телефонная книжка». Взять нашу длинную черную книжку с алфавитом и, за фамилией фамилию, как записаны, так о них и рассказывать. Так и сделаю.

А

Акимов. ¹ О нем говорил не раз: ростом мал, глаза острые, внимательные, голубые. Всегда пружина заведена, двигатель на полном ходу. Все ясно в нем. Никакого тумана. Отсюда правдивость. Отсюда полное отсутствие, даже отрицание магического кристалла. Через него в некоторых случаях художник различает что-то там неясно. Как это можно! Жаден до смешного в денежных делах. До чудачества. Даже понимая, что надо потратиться, хотя бы на хозяйство — отдаст деньги не с вечера, а утром, когда уже пора идти на рынок. Знает за собой этот порок. Однажды я осуждал при нем скупую женщину.

20 января

И он возразил: «Не осуждай, не осуждай! Это страсть. Не может человек заставить себя расстаться с деньгами — и всё тут». Так же, говоря о ком-то, признал: «Он, как умный человек, позволяет себе больше, чем другие». И то и другое высказывание нечаянное признание. Я не раз замечал, что художники скуповаты. Возможно, оттого, что уж слишком связаны с вещью. Но Акимов жаден еще и до власти, до славы, до жизни и, как человек умный, позволяет себе больше, чем другие. Жаден до того, что не вылезает из драки. Есть множество видов драки. Теперь в театральных кругах победил вид наиболее мучительный для зрителя: вцепившись в противника когтями, разрывая пальцами рот, ударяя коленом в пах, борец кричит: «Необходима творческая среда!», «Без чувства локтя работать невыносимо!», «Социалистический реализм!», «Высокая принципиальность!», «Не умеют у нас беречь людей!», — и так далее.

Акимов в драке правдив, ясен и смел до того, что противник, крича: «Мир хижинам, война дворцам!» или нечто подобное, — исчезает. Охлопков² любит говорить, что наше время подобно эпохе Возрождения: сильные люди, борьба страстей и так далее. Эта поэтическая формула разрешает ему куда больше, чем позволяет себе умный человек. Единственный боец, на которого я смотрю в этой свалке с удовольствием, — Акимов. Он не теряет чувства брезгливости, как безобразник эпохи Возрождения, не кричит, кусая врага: «Прекрасное должно быть величаво» (или «Призрак коммунизма бродит по Европе») и, наконец, он чуть ли не единственный имеет в своей области пристрастия, привязанности, обнаруживает чуть ли не гениальное упорство. Правдив, правдив! Любит он и женщин. Иной раз кажется мне, что, помимо всего прочего, и тут сказывается его жадность — к власти, к успеху. Любит и вещи, как Лебедев, но с меньшей строгостью, традиционной. Я с ним никогда, в сущности, не был дружен — мы несоизмеримы. Я отчетливо, и он, думаю, тоже, понимает всю противоположность наших натур. Но жизнь свела нас, и я его чувствую как

¹ Акимов Николай Павлович (1901–1968) — режиссер, художник. С 1935 по 1949 и с 1955 г. до конца жизни — главный режиссер Ленинградского театра комедии. Постановщик и оформитель следующих спектаклей по пьесам Шварца: «Тень» (1940), «Дракон» (1944), «Обыкновенное чудо» (1956), «Повесть

² Охлопков Николай Павлович (1900–1967) — режиссер, артист. В 1930–1937 гг. возглавлял Реалистический театр, в 1943–1966 гг. — главный режиссер Московского театра им. Вл. Маяковского

своего и болею за него душой.

21 января

В случае удач его мы встречаемся реже, потому что он тогда занят с утра до вечера, он меняет коней — то репетирует, то делает доклады в ВТО, то ведет бешеную борьбу с очередным врагом, то пишет портрет, обычно с очень красивой какой-нибудь девушки. И свалить его с ног могут только грипп, или вечный его враг — живот. Вот каков первый из тех, что записан в моей телефонной книжке. Среди многих моих друзей — врагов он наносил мне раны, не в пример прочим, исключительно доброкачественные, в прямом столкновении, или прямым и вполне объяснимым невниманием обезумевшего за азартной игрой банкомета. Но ему же обязан я тем, что довел до конца работу, без него брошенную бы на полдороге. И не одну. А как упорно добивался он, чтобы выехали мы в блокаду из Ленинграда. Впрочем, бессмысленно тут заводить графы прихода и расхода. Жизнь свела нас, и, слыша по телефону знакомый его голос, я испытываю сначала удовольствие. И только через несколько минут — неловкость и скованность в словах и мыслях, — уж слишком мы разные люди.

Вторым на букву «А» записан **Альтман**.³ Прелесть Натана Альтмана — в простоте, с которой он живет, пишет свои картины, ловит рыбу. Он ладный, желтолицый, толстогубый, седой. Когда еще юношей шел он пешком по шоссе между южнорусскими какими-то городами, навстречу ему попался пьяный офицер, верхом на коне. Заглянув Натану в лицо, он крикнул вдруг: «Япошка!» И в самом деле в лице его есть что-то дальневосточное. Говорит он с акцентом, но не еврейским, без напева. В отличие от Акимова пальцем не шевельнет для того, чтобы занять подобающее место за столом баккара. Во время эвакуации только, находясь в Молотове, сказал задумчиво: «Я до сих пор не придавал значения званиям и орденам — но с тех пор, как это стало вопросом меню...» Причем это последнее слово он произнес, как природный француз. Там же ловил он тараканов в своей комнате и красил их в разные цвета. А одного выкрасил золотом и сказал: «Это таракан — лауреат».

22 января

А потом подумал и прибавил: «Пусть его тараканиха удивится». Есть во всем его существе удивительная беспечность, заменяющая ту воинствующую независимость, что столь часто обнаруживают у гениев. Натан остается самим собой безо всякого шума. Когда принимали в союз какую-то художницу, Альтман неосторожно выразил свое к ней сочувственное отношение. И Серов⁴, громя его, привел это неосторожное выражение: «Альтман позволил себе сказать: на сером ленинградском фоне...» — и так далее. Отвечая, Альтман заявил: «Я не говорил — на сером ленинградском фоне. Я сказал — на нашем сером фоне». И, возражая, он был столь спокоен, наивен, до такой степени явно не понимал убийственности своей поправки, что его оставили в покое. Да, он какой есть, такой и есть. Всякий раз, встречая его, — а он ездит в Комарово ловить рыбу, — угадывая еще издали на шоссе его ладную фигурку, с беретом на седых — соль с перцем — густых волосах, испытываю я удовольствие. Вот подходит он легкий, заботливо одетый (он даже трусы заказывает по особому рисунку), на плече рыболовные снасти, в большинстве самодельные и отлично выполненные; как у многих художников, у него — золотые руки. Я люблю его рассказы — их прелесть все в той же простоте, и здоровье, и ясности. Как в Бретани жил он в пансионе, вдруг шум за стеной. За каменной стеной сада, где они обедали. Натан взобрался

³ Альтман Натан Исаевич (1889–1970) — художник, скульптор.

⁴ Серов Владимир Александрович (1910–1968) — художник. С 1962 г. — президент Академии художеств СССР.

на стену — все селенье, включая собак, копошилось и шумело возле. Прибой — нет, — прилив на этот раз был силен, дошел до самой стены пансиона и, отходя, оставил в ямах множество рыбы. «Тут и макрель, и все, что хочешь. И ее брали руками». И я вижу и стену пансиона, и берег. Стал этот незамысловатый случай и моим воспоминанием. Так же, услышав о реке Аа, вспоминаю, как поехал Натан летом 14 года на эту речку ловить рыбу. И едва началась война, как пристав его арестовал. «Почему?» А пристав отвечает: «Мне приказано, в связи с войной, забирать всех подозрительных лиц. А мне сообщили, что вы футурист».

23 января

Альтман — со своей ладностью, легкостью, беретом — ощущается мною вне возраста. Человеком без возраста, хотя ему уже за шестьдесят. Козинцев⁵ как-то сказал ему: «Слушайте, Натан, как вам не стыдно. Вам шестьдесят четыре года, а вы ухаживаете за девушкой».

— «Это ее дело знать, сколько мне лет, а не мое» — ответил Натан спокойно. Во время съезда⁶, ошеломленный жарой, бранью, оскорбленный собственной уязвимостью, общей бессмыслицей и громоздкостью происходящего, словом, в первые его четыре дня увидел я Альтмана, обычного Альтмана, вполне трезвого — я говорю не о водке, — освежающе спокойного. Как некое явление природы, напомнил он, что жизнь продолжается, а тяжелый хмель съезда ничего, в сущности, не значит. И я обрадовался ему, как радовался всегда, встретив в театре, на улице, на комаровском шоссе, радуясь еще и прочности своего чувства. Он спросил: «Слушай, где у вас тут записывают на экскурсии в Кремль?» И я повел его к столику в углу фойе, и он записался. Как он пишет? Каковы его рисунки? Этого не стану определять. Не мое дело. Я знаю, что он художник, и не усомнился бы в этой его породе, даже если бы не видел ни его декораций, ни книг, ни картин.

Телефонная книжка, по которой веду я рассказ, заведена в 45 году, поэтому стоят в ней и фамилии друзей, которых уже нет на свете. И первый среди них, по алфавиту, — **Ефим**

⁵ См. «Козинцев Григорий Михайлович», с. 589.

⁶ Говорится о Втором Всесоюзном съезде советских писателей, проходившем с 15 по 26 декабря 1954 г. в Москве в Большом Кремлевском дворце.

В дневнике 16 декабря 1954 г. Шварц писал: «Полевой в своем докладе достаточно безобразно... обругал меня», и 17 декабря: «...я что-то как в тумане от съезда: жарко, все говорят длинно, а главное — я хожу в обруганных» (РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 68, л. 45 об., 46 об.). Писатель и общественный деятель Борис Николаевич Полевой (1908–1981) 16 декабря в своем содокладе «Советская литература для детей и юношества» в разделе «О нашей сказке» сказал: «...у современной сказки есть еще один страшный враг, который, как злой волшебник, одним своим прикосновением может превратить золото и драгоценные камни в мусор и черепки. Это — формализм во всех его проявлениях, погубивший уже немало хороших в своей основе творческих замыслов. Отрыв формы от содержания, механическое перенесение традиционных сказочных образов в современную нашу обстановку или, наоборот, введение современного советского человека в традиционную сказочную обстановку — все это неминуемо приводит к искажению действительности, мстит автору, как бы взрывая его произведение изнутри. Проиллюстрирую это парой примеров. Евг. Шварца мы знаем как автора двух интересных инсценировок — «Золушка» и «Снежная королева». Но вот он написал сказку «Рассеянный волшебник» и главным героем ее сделал инженера Ивана Ивановича Сидорова, обладающего способностью изобретать всяческие машины, «огромные, как дворцы, и маленькие, как часики». И вот этого инженера-волшебника автор почему-то заставляет делать... механическую собачку, а аппарат, задуманный им для того, чтобы приносить пользу людям, из-за рассеянности этого человека оказывается испорченным. Хочу думать, что помимо воли автора получилась пошлость. Больше того — вредная пошлость. Действительность оказалась принесенной в жертву безвкусному вымыслу» (Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1956. С. 52, 53). В противоположность Б. Н. Полевому, на съезде творчество Шварца как явление положительное отметили А. Е. Корнейчук, О. Ф. Берггольд, А. Л. Барто и др. (См. там же. С. 190, 346, 555).

Альтус. ⁷ Жизнь переплела наши судьбы очень сложно — он женился на Гане⁸ вскоре после того, как мы с ней разошлись. Наташа⁹ росла в его семье. Рассказывать это невозможно, да и не слишком интересно. Рассказывать о первом периоде наших отношений. Был он артистом талантливым. И считался умным. А я только недавно открыл, что так называют актеров думающих. Бог с ними, с актерами умными. Это, как правило, не актеры. И Станиславский — артист и режиссер думающий. Замечает он ряд вещей верно. В своих открытиях, как правило, то прав, то произволен, и в этом его прелесть и сила. Это открытия не ума, а темперамента. Впрочем, это особый разговор. Сложный.

24 января

Итак, принадлежал он к группе актеров думающих, беспокойных, как Бабочкин¹⁰, с которым он, кстати, дружил, или Чирков¹¹. Такого вида актеры либо бродят из театра в театр, ищут режиссера по своей мерке, либо сами постепенно переключаются на режиссерскую работу. Альтус по темпераменту своему отводил душу и тем и другим образом — и бродил, и сам ставил пьесы. Был он среднего роста, но первое впечатление обманывало: казался он ниже среднего. Из-за большой головы, лишенной волос, гладко выбритой. Большое лицо. Темные глаза. Страдал он тяжелой, нет, не тяжелой, — а мучительной болезнью — особой формой невралгии, когда схватывало ему затылок и шею и лежал он неподвижно, с грелкой, целыми часами. Упрямый, неуживчивый, неуступчивый, мальчик из огромной и бедной одесской еврейской семьи, ставший отличным русским актером. Путь нелегкий. Все, что удалось, было результатом собственных самостоятельных решений. Это и сделало его актером думающим. И всегда на свой лад. И постановки его, — всегда результат упорнейшего и самостоятельного [труда], — давались ему нелегко. Он болел за каждый участок спектакля. Однажды в Кирове подрался с бутафором и разбил стеклянный его глаз. Ссорился с актерами. Переписывал целые сцены из пьесы. И в результате в большинстве случаев выходил победителем, и ему прощали всё. Так же самостоятелен был он и в быту. Вносил усовершенствования в хозяйство. Клеил абажуры с собственными аппликациями, удобные для глаз. Имел точные взгляды на воспитание. И на лечение. Когда у Наташи было воспаление легких, он решил, что надо вынести елку из ее комнаты, ибо смолистый воздух слишком густ для больных органов дыхания. Очень характерное для людей впечатлительных, для этого вида сознания, не умозаключение, а чувствозаключение. И доктор едва убедил его, что он неправ. В Кирове посадили мы с Катей¹² грядку табака и собрали урожай. И Альтус, подумав, сказал, что табак должен перебродить.

⁷ Альтус Ефим Григорьевич (1901–1949) — артист, режиссер. Второй муж Г. Н. Холодовой

⁸ Холодова (наст. фам. Халайджиева) Гаянэ Николаевна (1899–1983) — артистка. Первая жена Шварца.

⁹ Шварц (в замужестве Крыжановская) Наталия Евгеньевна (1929–1996) — дочь Шварца.

¹⁰ Бабочкин Борис Андреевич (1904–1975) — артист, режиссер. Работал в Ленинграде в 1931–1935 гг. — в труппе Театра драмы, в 1935–1940 гг. — в труппе БДТ.

¹¹ Чирков Борис Петрович (1901–1982) — артист. С 1926 по 1930 г. — в труппе ЛенТЮЗа, с 1932 г. — в Новом ТЮЗе. Участник спектакля «Ундервуд» по пьесе Шварца.

¹² Шварц (рожд. Обухова, по первому мужу Зильбер) Екатерина Ивановна (1903–1963) — вторая жена Шварца.

25 января

И привыкнув, что только личные догадки и впечатления помогали ему и в работе и в жизни, стал он угадывать и колдовать над табачными листьями, а я любовался на все найденные им обряды. Лицо строгое, вдохновенное, словно чутье подсказывает нужный путь, а он вслушивается. Не знаю, отразились ли чары на табаке, или тот таким уродился, но стал табак после того, как вывешивали мы его на солнце, потом клали под тюфяк, потом скидывали в тень, потом снова на солнце — до того крепким, что все удивлялись. Все, что угадывал и приказывал Альтус, было, может быть, и не точно, однако, талантливо. И в его постановках, даже наименее удавшихся, всякий чувствовал и талант, и волю. Дома он был иной раз тяжел, но всегда зато и заботлив, и деятелен. В конце концов он разошелся с Холодовой. И в Ленинграде мы встречались реже. Наташа его очень любила и все вспоминала о нем. И он тоже — девочка выросла на его глазах. И вот как я увидел его в последний раз. Шел я в ясный солнечный день мимо филармонии и вижу знакомую большую голову, и веснушки, и большие темные глаза, и коренастую фигуру — Альтус стоит в компании актеров. Мы давно не виделись и оба обрадовались. Он тут только узнал, что Наташа невеста и умилился и просиял так искренно, что я еще раз оценил верную, хоть и неукладистую его душу. И вскоре узнал об его внезапной смерти. И Наташа так плакала на его похоронах, что актеры долго вспоминали об этом и покачивали головами сочувственно. Не знаю, бывает ли кто-нибудь на Охтенском кладбище, на его могиле. Вдова — снова замужем. Мать и все родные погибли в Одессе. И я испытываю некоторый ужас, думая — неужели этот сильный, своеобразный, талантливый человек исчез со своей смертью? И ничего не останется? Быть этого не может.

Следующая запись такова: «Аэропорт».

26 января

Помню, почему я записал этот номер: «Первоклассницу» Фрэнс¹³ снимал в Ялте и очень хотелось ему, чтобы я прилетел, хотя бы на последние дни съемки. (Следовательно, это была осень 47 года). Регулярное летнее движение кончилось уже, но самолеты еще поддерживали связь с Адлером или Симферополем. По мере того, как накапливался груз или пассажиры, отправлялся самолет в рейс. Мне и хотелось на юг и не хотелось — никак я не мог решить, что делать, но телефон аэропорта записал. Расположен был он в те дни далеко от Ленинграда, в Ржевке. Думаю, что сыграло это роль в том, что я так и не решился улететь. И дорога к аэродрому, и он сам наводили тоску. Ухабистая, не ожившая с блокады дорога. Бараки. В одном из таких ждали мы самолета 10–11 декабря 41 года. Уныние. Когда я увидел в телефонной книжке слово «аэропорт», то представилось мне нечто противоположное. Белое здание, до того молодое или на днях подновленное, что известью пахло. Колонны, как повелось в послевоенных стройках. Пройдешь через вокзал — и соединение бетонных широких дорог и высокой травы, загородный воздух и запах бензина — сразу удивляют и мешают радоваться. Так, наверное, чувствовал бы себя я на железнодорожном вокзале, попади на его перрон впервые в жизни сейчас, человеком сильно взрослым. И все же в путаницу понятий входит новое чувство. Занимает свое место среди укоренившихся древних. Чувство воздушного вокзала. Помогают этому самолеты — как-то никак, а родные братья первого аэроплана, что увидел я в детстве. Был он системы Блерио¹⁴, а принадлежал

¹³ Сценарий фильма для детей «Первоклассница» Шварц написал в 1947 г., в этом же году начались съемки. Режиссер И. А. Фрэнс (см. «Фрэнс Илья Абрамович», с. 618). Фильм вышел на экраны в марте 1948 г.

¹⁴ Блерио Луи (1872–1936) — французский авиаконструктор и летчик, конструировал самолеты с 1906 г.

летчику Кузминскому¹⁵. И в новых пассажирских самолетах то же движение — от хвоста вверх. Те же колеса. То же семейное сходство в выражении широко распахнутых крыльев. Одно чувство, острое и сильное, но не имеющее имени, пережил я, увидев впервые полет.

27 января

Пережил я это чувство в тот самый миг, когда аэроплан Кузминского вдруг отделился от земли. И теперь не могу я найти названия этому чувству. Как всегда, подобные переживания дразнят тем, что вот — вот или вспомнишь их смысл, или поймешь, только надо чуть — чуть постараться. И никогда не переходишь эту границу сознания. И сколько я потом ни старался поймать тот самый миг, когда самолет меняет бег на полет, второй раз не пережил я ясного по силе и темного по смыслу чувства. Последний раз я встречал года два назад на Средней Рогатке Наташу и Андрюшу¹⁶. И трава, и бетонные дорожки, и люди возле самолетов — механики в прозодежде — далеко в летнем дрожащем воздухе, тут и вокзал и что-то совсем другое, просторное и в родстве не только с первыми самолетами, а и с дилижансами. Но вот появляется самолет серебряный, легкий — видишь, что вокзал ни на что не похож. Это новое. Это совсем не то, что черная полоска дыма, когда ждешь пароход. Это недвигающийся среди неподвижных составов, переходящий с пути на путь к твоей платформе поезд, который ты встречаешь. Легкий серебряный самолет делает один поворот в воздухе, другой, легко идет на снижение. Как трава вокруг бетонных дорожек, как ласточки, что шныряют у гнезд под карнизом вокзала — тут, кроме машины, еще и искусство. Летчик вел машину по воздуху на свой лад. Но вот самолет бежит уже по бетонной дорожке. Останавливается на площадке. Встречающих не пускают за барьер. Мы видим, как подкатывают к дверям самолета лестницу с площадкой. И пассажиры выходят.

Я со своей дальнорукостью вижу каждого. Как правило, те, кого вы встречаете, выходят не среди первых. И когда я уже начинаю пугаться, — то узнаю дочь с крошечным Андрюшкой на руках. Положив голову на плечо Наташе, он вяло, как бы ничего не видя, поглядывает вокруг. На самом-то деле он не только все видит.

28 января

Он и все запоминает. И рассказывает нам подробно через неделю — другую, кто его встречал, и кто что сказал, и кто нес чемоданы, и как сели в машину. Все он запомнил. И для него самолет и аэропорт будут понятиями, усвоенными с самого раннего детства, а чувства, вызываемые этими понятиями, — ясными, прочно укоренившимися.

Перед словом «Аэропорт» стоит в телефонной книжке фамилия **Авраменко**¹⁷. Я было ее пропустил. Умышленно. Мне почти что нечего сказать об этом старом знакомом. Но в телефонной книжке записывают разные фамилии, на то она сделана. Ее сущность в отсутствии умышленного подбора. Единственный порядок, свойственный ей — алфавитный. Авраменко живет этажом выше меня. Он поэт. У него есть сын и внук. Но при этом седые волосы у поэта отсутствуют и выглядит он полнокровно. В последние годы отпустил усы — не то польский пан, не то Тарас Бульба. Стихи его не слишком выделяются из общей массы,

¹⁵ Кузминский Александр Александрович (1881–1930) — один из первых русских летчиков, учился во Франции, в летной школе Л. Блерио. Приобрел там самолет «Блерио XI». Ездил по городам России, выступая с лекциями и совершая показательные полеты. В Майкопе был в 1911 г.

¹⁶ Крыжановский Андрей Олегович (1950–1994) — внук Шварца.

¹⁷ Авраменко Илья Корнильевич (1907–1973) — поэт, член редакции Ленинградского альманаха

но его часто печатают и часто ругают. Он из касты незащищенных. Саянова¹⁸, ничем его не превышающего, ругать не смеют. Он попал в группу защищенных. Авраменко очень оживляется, еще молодеет в тяжелые для союза времена. И в черные дни пишет страшные, предательские статьи, вырывается вон злоба, накапливаемая годами. Союз писателей по идее — союз необыкновенных людей. И самолюбие обыкновенного человека там, в силу порядка вещей, вечно раскалено. Правда, страшные статьи свои Авраменко пишет или подписывает не один. И черные дни сами по себе так ужасны, что не выделяются статьи моего усатого соседа, поэта и дедушки, из общей массы. И когда черные дни сменяются серыми, уходят в прошлое, забываются статьи Авраменко и Колоколова¹⁹, или с кем он еще там подпишется при случае.

Далее в телефонной книжке идет фамилия, попавшая на букву «А» по недоразумению. Катя думала, что фамилия нашего бородатого сердитого, безумного и острого комаровского знакомого пишется «Арбели». Он живет летом в академическом поселке.

29 января

Знакомы сначала, с давних времен, мы были с Тотей — она же Антонина Николаевна²⁰ — живая, близорукая, привлекательная, скорее высокая, тощенькая. Знали мы, что она альпинистка, искусствовед, умная женщина. Была замужем за историком Щеголевым²¹, овдовела. Я сомневался в ее уме. В интеллигентских кругах возле искусства выработался свой жаргон, и женщины, овладевшие им, легко зачисляются в категорию умных. Особенно их много возле театра, жаргон тут беднее эрмитажного, но зато непристойнее и веселее. Тут женщины, овладевшие им, называются не умными, а остроумными. Попугаи, повторяющие чужие слова, обнаруживаются просто. Но попугаи, схватывающие чужой круг идей, числятся людьми. Поэтому я с недоверием принял утверждение насчет Тотинного ума. Несколько лет назад вдруг вышла она замуж за своего начальника академика **Орбели** и родила мальчика²². Ей было за сорок, мужу за шестьдесят, и вот в этот период жизни познакомились мы с ней ближе, а с Иосифом Абгаровичем — заново. Прежде всего я, не без удовольствия, убедился в том, что Тотя и в самом деле умная. Она любила своего мальчика до полного безумия и однажды определила это так: «Смотрю на пейзаж Руссо²³. Отличный пейзаж, но что-то мне мешает. Что? И вдруг соображаю: воды много. Сыро. Ребенку вредно». Прелестно рассказала она о собрании в академическом поселке перед его заселением. Собрались будущие владельцы или их жены. В те дни неизвестно еще было — в собственность получают академики дачи или в пожизненное владение. Это особенно волновало членов семьи. И вот, сначала иносказательно, стали выяснять, что будет, так сказать, по окончании владения, — если оно только пожизненное. Куда денут иждивенцев? А потом, по мере того как страсти разгорались, вещи начали называть своими именами. Все академики были живы еще, но ораторши говорили: «Вдовы, вдовы, вдовы». И никого что не

¹⁸ Саянов Виссарион Михайлович (1903–1959) — писатель

¹⁹ Колоколов Николай Иванович (1897–1933) — писатель

²⁰ Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) — востоковед, первый президент Академии наук Армянской ССР (1943–1947), с 1920 г. работал в Эрмитаже, с 1934 по 1951 г. — директор Эрмитажа.

²¹ Изергина Антонина Николаевна (1906–1969) — искусствовед, жена И. А. Орбели.

²² Орбели Дмитрий Иосифович (1946–1971) — медик, сын И. А. Орбели.

²³ Руссо Теодор (1812–1867) — французский художник

пугало.

Иосиф Абгарович слегка сутуловат. Огромная седая борода. Огненные глаза.

30 января

Огненные глаза. Одет небрежно, что, впрочем, у академиков и ученых в обычае. Люди, работавшие с ним, вспоминают эти годы с ужасом: трудно объяснить его отношение к тебе на сегодняшний день, и когда произойдет взрыв, угадать нельзя. Он из людей, которым власть необходима органически, без нее им и жизнь не в жизнь. За годы работы своей в Эрмитаже он, словно настоящий завоеватель, распространил власть свою на все залы Зимнего дворца, забрав покои, так называемые исторические комнаты — личные апартаменты царей — и Музей революции. Когда началась война, то он с удивительной быстротой и отчетливостью эвакуировал весь музей — все у него было подготовлено. Славилось его умение выискивать и приобретать картины, пополнять эрмитажные коллекции — так говорили о нем в городе. Я был далек от Эрмитажа — повторяю то, что говорилось. А видел я своими глазами, как исторические комнаты исчезли и Музей революции впал в совершенное ничтожество. Видел, как на премьерах, на торжественных заседаниях появлялся спокойно, по-хозяйски академик Орбели, с большой своей бородищей, с академической шапочкой на редущих волосах. В Комарове узнал я его поближе. Я сторонюсь людей властных, умеющих раскаляться добела чистой и беспричинной ненавистью. И я особенно остерегаюсь! сановных людей. Не чиновников, а знатных людей. Однако, вышло так, что стали мы иной раз встречаться. И отчасти потому, что я детский писатель, а Иосиф Абгарович страстно, не меньше, чем Тотя, а может быть, и отчаянней, любит сына. И когда тот пошел в школу, академик вошел в родительский совет. И ходил вместе с мальчиком знакомиться к Бианки²⁴, когда Виталий жил в Доме творчества. Итак, мы стали иной раз встречаться, и я разглядывал Иосифа Абгаровича с глубоким любопытством. Я, болея, сомневаюсь и, радуясь, сомневаюсь, имею ли я на это право.

30 января

Уверенность в законности и даже обязательности собственных чувств у него доходила до живописности. Были чувства эти сплошь отрицательные. Точки приложения — бесконечно разнообразные. Однажды, например, говорил он с ненавистью о молодой луне. В молодости работал он где-то на раскопках. И в небе в те дни, когда у Орбели были очень тяжелые переживания, стоял точно такой серп. И Орбели возненавидел луну, правда, только в этой фазе. От силы его чувств пострадал однажды целый коллектив. В Москве собирались пересмотреть зарплату эрмитажных работников. Сильно увеличить ее, как только что увеличили в академических театрах. Увидев штатное расписание и новую смету, Орбели обнаружил, что какие-то особо и безумно ненавидимые им сотрудники будут получать более двух тысяч в месяц. И он задержал утверждение нового порядка зарплаты. И весь коллектив пал жертвой его ненависти к двум людям. Вскоре после того, как Иосиф Абгарович придержал увеличение зарплаты, его сняли с директорства. А новый не поднимал этого вопроса, так все и осталось, и два ненавистных сотрудника, а с ними и весь коллектив остались при старой зарплате. Снят с работы Орбели был по причинам стихийного порядка, с его личностью не связанным. Тут я особенно часто встречал его в Комарове — времени-то у него прибавилось. И я оценил его главное и основное свойство — талантливость. Все, что я рассказывал, — мелкие подробности. Пена, брызги, грохот, летят доски — разбило корабль — все это только признаки моря. Да, море имелось в наличии. И со всей своей стихийностью и чудачествами Орбели вызывал уважение. Правда, маленький Саша

²⁴ См. «Бианки Виталий Валентинович», с. 566.

Козинцев²⁵, увидев его огромную бороду, раздражался каждый раз горьким плачем. Однажды его уговорами и приказаниями заставили поздороваться с Иосифом Абгаровичем. Но едва тот ушел, как мальчик повалился на песок, рыдая.

1 февраля

И повторяя: «Мама, ну разве он не ужасный!»

Следующая запись такова: «**Александра Константиновна**. Это могучего роста, сложения и голоса очень пожилая женщина, которая живет с энергией, не изменившейся с молодых ее лет. Нет, не ослабевшей, но изменившейся. То, что уходило на театр (она бывшая актриса), на любовь, уходит на то, чтобы крепко стоять своими тяжелыми ногами на земле. И работает и болеет она с шумом и темпераментом своей юности. Если заходит она по делу, то в нашей маленькой квартире делается еще более тесно. С ней связано одно странное открытие. Она людей, которые заказывают ей связать галстук, скажем, не считает за людей. Впрочем, я не то хотел сказать. Странное это открытие в двух словах не разъяснишь и касается это не всяких заказчиков и фрайеров.

Дальше идет фамилия, переносящая меня 6 Комарове: **Вера Никифоровна Александрова**²⁶. Полагаю, что фамилия эта приписана Вере Никифоровне случайно: она теща Александрова²⁷. Александра Даниловича, ректора университета, мать Марианны Леонидовны, жены его, бабушка Дашеньки. Это знакомство как бы не настоящее, а комаровское. Там обычно знакомишься сначала с дачей. Я увидел ее на 2-й Дачной голубоватозеленую, с застекленной террасой, полукруглой крышей. И узнал ее историю. Молодой математик Александров, профессор университета, выиграл по займу 50.000 и приобрел ее. Потом я узнал, что он геометр. Потом, что член — корреспондент Академии наук. Потом, что он «математик на грани гениальности, но слишком разбрасывается». Потом узнал, что рослая, сильно румяная, просто до наивности разговаривающая женщина с девочкой столь же румяной — жена профессора, научный сотрудник. Я по росту и румянцу считал ее не то латышкой, не то эстонкой, но ошибся. Появлялась Марианна Леонидовна по праздникам. В остальные дни бабушка ходила с Дашей.

2 февраля

Потом постепенно, по хозяйственным, по бытовым делам, или встречаясь у общих знакомых, мы познакомились со всем семейством. Телефона у них в Комарове не было и звонили они по нашему, в особо важных случаях, когда нужно было срочно известить о чем-нибудь Мотю, работавшую у них сторожихой. Член. — кор, математик на грани гениальности, оказался человеком роста среднего, поджарым, умышленно неукладистым. Глаза его, несмотря на брови и ресницы, кажутся раздетыми. В его преувеличенно спокойной, чуть скандирующей речи — все время ощущается несогласие с кем-то или чем-то. Ему известна настоящая истина и до того она ясна, что смешно даже спорить и доказывать, если вы такие дураки, что сами не видите. Неукладистый, умышленно неукладистый человек. Правда, враги его, а он их нажил достаточное количество, утверждают, что там, где благоразумие не требует даже, а только намекает — он и не пробует проявлять строптивость. Но в гостях он строг и все спорит. В этих проявлениях его

²⁵ Сын Г. М. Козинцева, Александр Григорьевич (р. 1946), историк.

²⁶ Александрова Вера Никифоровна, наст. фам. Георг-Ушакова (1890–1981).

²⁷ Александров Александр Данилович (р. 1912) — математик, академик АН СССР. С 1952 по 1964 г. — ректор Ленинградского университета. Знакомый Шварца по Комарову.

натуры угадывается любовь к своеобразию, но та сила, что сказывается в настоящей его работе — глубоко спит. Впрочем, при моем почти религиозном уважении к музыкальности и математической одаренности — я все равно разглядываю его как чудо. Настоящего знакомства из этих дачно — хозяйственных встреч не образовалось. Как-то не по правилам и слишком уж случайно мы встретились.

Следующая фамилия в телефонной книжке — **Адаманис** ²⁸. Ветеринарный врач. До войны было у нас двое: кот и кошка — Венечка и Пышка. До Венечки и Пышки жила Васёнка, дымчатая ангорская кошка, мать Венечки, строгая, умная и несчастливая кошка. В детстве своем отличалась безумной веселостью. Умела открывать двери — прыгала на ручку и повисала всей тяжестью. Бродила по всей квартире на Литейном. И то влезет к соседу — художнику и до черноты вымажется в пыли. (Художник по сложности характера никогда у себя не прибирал.) То у мамы ²⁹ проползет на животе мимо бидона.

3 февраля

И по несчастливости своей все ходила на краю гибели. Ведь проползти через керосиновую лужу для кошки губительно. И Васёнка обожглась, проползая через лужу у бидона. Отопление на Литейном было печное. Зажег я однажды щепки под березовыми дровами, закрыл дверцу и вдруг через минуту — другую в печке грохот, как будто упал кирпич. Я заглянул в дверцу и увидел по ту сторону дров круглые от ужаса Васюткины глаза. Она глядела на меня через пламя. И прежде, чем я успел подумать — что же делать — кошка одним прыжком перелетела через пламя ко мне — и рысцой через комнату, отфыркиваясь. Слюна тянулась изо рта. Дымчатая шерсть опалилась. Самые кончики шерсти. Но через полминуты она уже гоняла свою любимую игрушку — плетеный из соломы лапоток, а мы все еще не могли отдышаться. Уже на новой квартире, здесь, на Грибоедова, придя домой, увидел я плачущую Катю с окровавленными руками и Васёнку в судорогах на полу. Она стала играть с ниткой, а кончилось тем, что проглотила иголку. Я схватил ее — и был разом исцарапан тоже. Но как — и сейчас не пойму, — заметила Катя ушко иглолки в самой кошкиной гортани и одним махом вытащила. И опять Васютка мгновенно успокоилась и отправилась к блюдечку своему. Пить. А мы еще только возились со своими исцарапанными руками и переживали происшедшее. Но трудней всего дались нашей несчастливой кошке ее роды. Из шести котят трое околели. Двое родились мертвыми, а один серебристо — дымчатый, в мать — тоже оказался несчастливым и погиб на третий день своего рождения. Вот тут в первый раз, не в той, которой я пользуюсь, а в довоенной телефонной книжке, появились телефоны ветеринарных врачей. Васютка так долго мучилась родами, что пришёл доктор. Матерью оказалась она, как и все кошки, страстной. Домработницу нашу тогдашнюю, когда не было нас дома, не пустила в комнату, где лежала с котятами. Прыгала на высоту ее лица и орала дурным голосом, и домработница позвонила нам.

4 февраля

Но вырастив своих двух котят, она так и не оправилась. Все хворала. Из необыкновенной веселости и храбрости сохранила она одну храбрость, когда жили мы на даче, держала она в строгости всех собак. Катюша слышала в Разливе, как дачница говорила своему псу: «Ну, куда, куда ты лезешь! Мало тебе вчера досталось». Котенком любила она

²⁸ Адаманис — ветеринарный врач.

²⁹ Шварц (рожд. Шелкова) Мария Федоровна (1875–1942) — мать Шварца, по специальности — акушерка, массажистка.

очень, если к нам приходили гости. Она тогда ныряла: бросалась на ковер на стене вверх и мягким, ныряющим движением вниз. И так бесконечно, по многу раз. В первые годы, живя на даче, боялись мы ее отпускать. И в Сестрорецке она сама убегала, прыгала с нашего чердака в сад и на дерево. Сидит на суку, скрывается в листьях, глядит на меня своими зелеными глазами, загадочно и как бы вызывающе и вместе с тем — с особым, кошачьим, племенным несокрушимым спокойствием. Когда попала Васютка за город в первый раз, то спокойствие изменило ей. Она попросту струсила. Сделала несколько шагов по дорожке, шагая словно горожанка, впервые рискнувшая пройти босиком, и взобралась поскорее ко мне на плечо. Но дня через два — три уже совсем одичала. Даже, ползя по траве, пыталась поймать, поддеть лапкой коровий хвост. Та паслась на лужке возле дачи. Любила Васютка подползти, распластываясь, к семейству гусей — и вдруг сесть, не скрываясь, в полный рост, и глядеть на переполох своими загадочными глазами, по — кошачьи, — до наглости, до отрицания твоего существования, — спокойными. И вот веселая наша Васютка в четыре года принесла первых котят. И все таскала их с места на место. Беспокоилась. На ночь отправлялась она с ними двумя на нашу постель, перенесет одного, другого, побежит к корзинке, и вид опустевшего логова приводит ее в отчаянье. И она поднимает плач. Что творилось в ее круглой башке? Видимо, ощущала она, что котят было много больше, а осталось два.

5 февраля

И после котят, как рассказывал я уже, ушла, исчезла веселая, отчаянная Васютка. Преобразилась в мрачную, больную кошку. То она дремлет, то, открыв свои зеленые глаза, пристально вглядывается в угол, словно там стоит ее болезнь, несчастная ее судьба, то вскакивает и уходит торопливо в соседнюю комнату, в кухню или в ванную, прячется от боли. Пропала она в несчастнейшее лето 38 года на даче во Всеволожской. Она и на даче все искала убежища и однажды так и не вернулась домой. Боюсь этому верить, но один мальчишка рассказывал, что ее утопил в пруду некий дачевладелец. Васютка пряталась от своих болезней в куче хвороста на его участке. Ошалевший от убытков, и налогов, и старости, хозяин решил, что кошка подстерегает там его цыплят. И швырнул ее в воду, и, бросая палки, не давал ей выбраться на берег. А она металась по воде, пока не погибла. И опять я этому верить не хочу. В то страшное лето потерял зрение папа³⁰. И все было затемнено этим горем. Я не хотел больше никаких несчастий. Кроме рассказа о пруде и палках, были и другие, обнадеживающие. Кто-то видел Васютку у дачников по ту сторону Всеволожской, за эту версию я и уцепился. Но так или иначе, прожив у нас семь лет, — Васёнка исчезла. Сын ее и знаменитого в Ленинграде кота Апельсина — Венька совсем не походил на мать. Сохраняя все кошачьи особенности: загадочность и безразличие взгляда, склонность к свободе, пристальное разглядывание чего-то неподвижного, занимающего точное место в комнате, но невидимого нам, и так далее и прочее — обладал он своим особенным характером. Был сдержан и благороден. Дети друзей таскали его на руках, хватали за лапы, но он, несмотря на молодые свои годы, только хмурился, как старый кот. Терпел. Никого не поцарапал за всю свою жизнь. Однажды поймал он птичку на даче.

6 февраля

И ему так влетело за это от Кати, что навсегда он, непривыкший к наказаниям, забыл о птицах. Но и мышей не трогал, полагая, что и это запрещено. Глядел на них и нежно говорил «мурр», не двигаясь с места. Но этот степенный, чуть сонный кот превращался в дикого зверя, едва встречал другого кота. Папа рассказывал, что глядел он на Венечку, бредущего к

³⁰ Шварц Лев Борисович (1874–1940) — врач.

террасе, и думал, какое вялое, безразличное животное. И вдруг, без малейшего перехода — он с маха рванулся куда-то в сторону, вопль, и клубок из двух сцепившихся котов взвился под гамаком, где дремал сосед. Тот вскочил в страхе, а Веня уже гнал побежденного соперника прочь со двора. Или во Всеволожской. Прибегают мальчишки: «Идите скорее, ваш кот дерется на участке за дорогой». Я бегу. Первое впечатление, что здесь щипали курицу — вся полянка — в серых перьях. И тут же я вижу, что это клочья шерсти светло — серого кота. В драке — перерыв. Наш темно — рыже — серый стоит против своего белесого врага. У того от ненависти скошены глаза, неправдоподобно перекошена вся башка, по — змеиную. Я кричу, чтобы разнять котов. Чужой кот отступает, а Венечка, поняв так, что это я подоспел к нему на помощь, бросается на отступающего. Я хватаю Веньку на руки, улучив подходящее мгновение. На зубах у него клочья шерсти. Нос и морда в крови. Но, попав ко мне на руки, он подчиняется, забывает всю свою дикость, не рвется. Дома Катюша смывает кровь, и мы убеждаемся, что она не Венина, а вражеская. На морде нашего — ни царапинки. Белёсый кот появлялся не раз, и Катя, увидев его перекошенные глаза и неестественно выгнутую башку, решила сначала, что он бешеный. Пышку подарили нам в 39 году. Она очень походила на Венечку, отличаясь живостью ума, характера и крайним любопытством. Провалились в мостик задние колеса грузовика. Стоит народ, смотрит, а впереди сидит Пышка. Чтобы заманить ее домой, я перед дачей крутил веревку или прыгал каким-нибудь особым образом, и Пышка прибегала поглазеть.

7 февраля

Она обладала редкой для кошек особенностью: любила ходить гулять с хозяевами. На кошачий лад: обгоняя. Идем, — вдруг едва слышный шелест в кустах, и галопом на дорожку перед тобой вылетает Пышка. И глядит прямо тебе в лицо кошачьим, нагло — спокойным манером. Любила она играть в лапту с ребятами, но по своим правилам. Лежала в засаде, пропускала три — четыре удара и вдруг летела стрелой, обгоняя всех, первая подлетала к мячу и опрокидывалась возле него, когтила всеми лапами. И эти наши кошки погибли в блокаду. Уезжая, оставили мы их заведующей столовой. Дали денег на их прокормление и обещали вдвое, если кошки выживут, но они не выжили. У меня есть одно, связанное с Веней, воспоминание, к которому не могу привыкнуть. Он с самых малых лет терпеть не мог спать под одеялом. Пышка — напротив, все забиралась поближе, под самый бок тебе, так, чтоб голова ее лежала на подушке. И вот в последнюю ночь, когда уложены уж были вещи и дом был в полном беспорядке — наш кот что-то угадал. Проснувшись, увидел я, что Венька забрался ко мне под одеяло, забыв свой страх, словно понимая, что происходит. В эту последнюю ночь он подобрался как можно ближе к человеку, чтобы его не забыли. Долго думали мы, что никогда не заведем больше кошек. Венька назван был в честь Каверина. У них была кошка по имени Катька. И Катюша сказала им, шутя, что в отместку назовет Васёнкиных котят: Венька и Лидка. Так мы и сделали. Лидку отдали, а Венька прожил у нас семь лет. Кошки замкнуты и несообщительны, но входят в твою жизнь, в жизнь семьи не главной, но заметной составной частью. У них нет чувства привязанности к человеку, врожденного, как у собаки. Оно, чувство это, деформируется из любви котенка. К человеку привязаны они, как в детстве к кошке. Тем более, что он их кормит. Это особенно заметно, пока коту меньше года. Или кошке.

8 февраля

Знания о людях, которое таят они в глубине существа, больше, чем мы предполагаем. Венька будил меня на даче мягкой лапкой, осторожно ударяя по векам. Угадывал, что дело в глазах. Глаза открыты — значит человек не спит. Поразили нас они в день объявления войны. Выпускали мы их с утра, и только к вечеру с трудом соглашались они после долгих упрасиваний и хитростей вернуться домой. И кормили мы их в садике. Мы, услышав речь

Молотова, сразу стали собираться в город. И кошки без зова вернулись домой и улеглись на веранде, словно боясь, что мы их забудем. Новый наш кот живет у нас уже одиннадцать лет. Мы его взяли в Москве для Письменских³¹, а они тем временем в Ленинграде достали другого котенка. И мы оставили кота у себя с радостью, потому что успели к нему привыкнуть. Думая, что мы у него хозяева временные, не дали мы ему никакого имени. Так он и откликается на имя Котик до сих пор. В гостинице «Москва» прославился он своим умением ловить мышей и опрятностью. Месяцам к восьми достиг он своего великолепного роста, но по — прежнему, когда уходили мы, он протестовал и кричал, как маленький. Мы слышали его мяуканье даже на лестнице. Принадлежал он к породе ангорской, отличался пышностью, хвостом в ширину спины. Бакенами. Привязан был к нам редкостно, а к месту — равнодушен. И в поезде, когда переезжали мы в Ленинград, он держался, как дома, раз хозяева возле — все в порядке. В Ленинграде опрятность его дошла до того, что научился он пользоваться Человеческой уборной, по — человечески. Переехав в Комарово, он одичал. В самой даче был он кроток и рассудителен, но, выйдя на природу, превращался в зверя, почуяв кошку или кота. Преображался, как Венька. Но тот трезвел, едва возьмешь его на руки, а этот совсем дичал. Покусал однажды Катюшу, Мотю, потом меня. Пришлось пускать его только на чердак или под дом. На одиннадцатом году стал он прихварывать. Идет и вдруг падает.

9 февраля

И сейчас день мой начинается с того, что слышу я пронзительное, жалобное мяуканье. Наш кот, по имени Котик, бродит по квартире — по крошечной нашей квартире в 23 с дробью квадратных метра. И вопит. И вопли его с одинаковой силой врываются мне в уши, куда бы он ни забрел. И я угадываю: он чувствует, что плохо его дело. Дело идет к вечеру. Если окликнешь его, вопли прекращаются и кот отвечает негромко и жалобно. Чувства котенка, чувства кота простейшие и ограниченные в своей мощи — не усложнились настолько, чтобы он со всей ясностью чувствовал, что дело идет к вечеру. Но все-таки тревожно. И кричит он, чтобы его взяли на руки. И тут он, как маленький котенок, мгновенно успокаивается и укладывается, как привык, лапы человеку на плечо. И мурлыкает. И перебирает когтями, как в детстве, когда сосал. Собака у нас первая. В истории наших животных. Других не было. Бывали — приходящие, а живущая — одна за двадцать пять лет, что мы прожили с Катей. Это черная нескладная Томка с башкой — хоть куда, хоть на выставку, как сказал ветеринар, регистрируя ее, но с ногами коротковатыми и склонностью к полноте. Привыкнув иметь дело с кошками, был я удивлен ясным и чуть ли не главным ее свойством: чувством человека. Упрямая любовь к своему и упрямая ненависть к чужому. Пойди уговори ее перестать лаять на незнакомого гостя. В детстве перебивало у меня множество собак, но я успел забыть силу их привязанности и все удивлялся на Томку. Главная ее задача — следить за нами: как бы не ушли мы без нее. Домработниц она слушается и даже любит их, пока они у нас. Уважает, так сказать, место, а не человека. Когда Шура, ушедшая от нас, попыталась взять ее, как бывало, на руки, Томка огрызнулась на нее. Скупа. Вечно прячет и перепрятывает свои запасы, зарытые в грядках. Ей влетает за то, что она с корнем вырывает клубнику, но скупость пересиливает. То и дело появляется она с носом, черным от земляных работ.

10 февраля

Или мы видим: идут гости, знакомые Томке, а она бежит впереди с костью в зубах. Чтобы не вздумали эти гости покуситься на Томкино богатство. И при всей покорности

³¹ См. «Письменский Андрей Аверьянович», с. 606

своей даже мне не отдаст она кости без протеста. Даже зарычит иногда тенорком. Когда шла борьба с бешенством, бродячих собак в Комарове убивали. Стреляли в них. Убивали заодно и не бродячих, если поблизости не было хозяев. Даже собак, сидящих на цепи: борцы получали зарплату поштучно. Томку оберегали мы тщательно. Но либо она видела, как стреляли в собак, либо поняла смысл далеких выстрелов, но с той зимы стала она неудержимо бояться пальбы. Ее ничем не успокоить, когда начинается артиллерийское учение на кронштадтских фортах. И еще больше боится она грозы. Забивается под диван с плачем. Потом выползает и глядит в окно, положив лапы на подоконник. Удар грома — и снова, скуля тоненько, как бы флажолетом, забивается она под кровать. А однажды убежала 'з лес и пропадала там два часа, пока небо не прояснилось. Она следит за нами, чтобы не ушли мы без нее. Но вот Томка видит, что берем мы маленький чемодан, с которым всегда ездим в город. И все ее существо переполняется скорбью. Она лежит неподвижно и хвостом не вильнет, когда с ней заговоришь. Но когда мы возвращаемся, визжит она и задыхается, радуется до страдания. Если нам надо взглянуть, чтобы понять, котам достаточно услышать. Вот слушает наш Котик, что происходит в кухне. И встает с места, когда из-за окна достают мясо и начинают резать его маленьким икусочками. Томка, когда мы гуляем, восстанавливает в своем представлении все, что произошло на дороге за день, с помощью обоняния. Томка с детства научилась считать Котика существом высшим, чем-то вроде человека. А Котик срывает на ней дурное свое настроение: бьет лапой по голове. А Томка валится в отчаянии на пол.

11 февраля

Много раз удивляла меня загадка. Собака — вся отдает себя человеку, служит ему из всех своих сил, до самой смерти. Кошка живет при человеке, привязываясь к нему, но работая для себя. Изредка разложит задушенных крыс возле хозяйской кровати. Покажет. А уважают куда больше кошку. Если собака забежит в алтарь, церковь осквернена. Если кошка — ничего. Кошка слово ласкательное, а собачьим именем ругают. Почему? Видимо, по наружности. По физическому отвращению к запаху псины, который не заставишь забыть ни любовью, ни работой.

Далее, в телефонной моей книжке идет телефон, записанный год назад в страшные февральские дни. Когда увезли в больницу Катю. Хирургов, с тех пор, как я себя помню, обсуждали в нашем доме. Точнее, операции. И всегда так: сегодня у Алексея Федоровича³² был интересный случай или в палате у Окиншевича³³. И мама сказала однажды, что как интересный случай — так кладут Соловьеву или Шкляру³⁴, а не папе. И папа вспыхнул. Верил папа, хоть и был врачом земского типа, по-настоящему в одну хирургию. И я привык относиться к хирургии с особым, почти родственным, чувством. И уважением. **Тувий Яковлевич Арьев** ³⁵— вот какой телефон записан последним на букву «А». Это человек хорошего роста, с седыми висками и решительным лицом. Воротник его военной формы подчеркивает выдвинутый вперед подбородок и отчетливые черты лица, словно с портрета, не то генерала 1812 года, не то декабриста. Я с удивлением узнал, что он много моложе меня, ему едва за сорок. Он доктор наук, лауреат Сталинской премии. Долго работал в Военно — медицинской академии, теперь переведен в Саратов. Живет он сердито и ответственно в

³² Соловьев Алексей Федорович (1870, по другим данным — 1866–1939) — врач, хирург, работал в Майкопе

³³ Окиншевич Александр Исидорович — врач, хирург, работал в Майкопе.

³⁴ Шкляр Василий Григорьевич — врач, хирург, работал в Майкопе.

³⁵ Арьев Тувий Яковлевич (1906–1981) — врач, хирург.

работе. И влюбчив.

Б

12 февраля

В этой, последней, области безответствен по — мужски, что идет к его решительному лейб — гвардейскому лицу. Впрочем, повторяю, — влюбчив. Влюбившись, насколько я знаю, красноречив. Как все супротивники типа ректора Александрова, артиста Суханова³⁶, говорит подчеркнуто спокойно и решительно отрицает то, что все утверждают в данный момент. Он год назад отправил, помог отправить, Катюшу на операцию. И приехал, и зашел туда, в операционную. И каждый день звонил в больницу, а потом мне. И поэтому я стал уважать его еще больше. Ведь звонил и заезжал он в так называемую госпитальную хирургию, откуда его по превратностям ситуациями перевели в Саратов. Впрочем, средний медперсонал умилялся и приходил в сентиментальное, подчеркнуто — уважительное состояние, увидев его статную фигуру в белом халате.

Следующая фамилия уж очень трудна для описания. **Ольга Берггольц** ³⁷. Познакомился я с ней году в 29, но только внешне. Потом, в тридцатых годах, поближе, и только в войну и после перешли мы на ты. Говорить о ней, как она того заслуживает, не могу. Уж очень трагическая это жизнь. Воистину не щадила она себя. И со всем своим пьянством, и любовью, и психиатрическими лечебницами она — поэт. Вот этими жалкими словами я и отделаюсь. Я не отошел от нее настолько, чтобы разглядеть. Но она самое близкое к искусству существо из всех. Не щадит себя. Вот и все, что могу я из себя выдавить.

А вот **Софья Аньоловна Богданович** ³⁸ — другое дело. Теперь это мать двух взрослых дочерей. Одна уже учится в медицинском институте. А когда мы познакомились, ее рассеянность, которая теперь кажется вызванной хозяйственными заботами, представлялась таинственной. Ее светлые глаза смотрели словно бы внутрь себя.

13 февраля

Словно сама она не может никак понять, куда ее влечет. И говорила она, словно бы запинаясь, небыстро. Мне казалась она и привлекательной, и чем-то пугала. На руке у нее были красные огромные родимые пятна, словно помечена была она — а какой силой? Правда, отца ее звали Ангел³⁹. Ангел Иванович. И мысли подобного рода приходили тридцать почти лет тому назад, а не сейчас, когда встречаю я на лестнице невысокую, озабоченную, пожилую женщину с авоськой в отмеченной красными знаками руке. Около тридцати — двадцать восемь — лет назад, встречался я часто и с матерью Софьи Аньоловны, Татьяной Александровной ⁴⁰. Я с майкопским уважением смотрел на

³⁶ Суханов Павел Михайлович (1911–1973) — артист, режиссер. С 1936 г. до конца жизни — в труппе Театра комедии, постановщик спектаклей по пьесам Шварца и исполнитель ролей в них

³⁷ Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975) — писательница, поэтесса, в начале войны работала вместе со Шварцем на Ленинградском радио.

³⁸ Богданович Софья Аньоловна (1901–1986) — писательница, дочь А. И. Богдановича.

³⁹ Богданович Ангел Иванович (1860–1907) — литературный критик, публицист. В 1894–1906 гг. — редактор журнала «Мир Божий».

⁴⁰ Богданович (рожд. Криль) Татьяна Александровна (1872–1942) — писательница, публицистка, историк,

последнюю представительницу редакции «Русского богатства»⁴¹. В соловьевской столовой⁴² в книжном шкафу, вделанном в стену, хранились по годам комплекты журнала, частью переплетенные, частью — за последние годы — в голубоватой обложке, как пришли. Но разрезаны были все страницы. Старшие читали журнал с полным доверием и монастырской своей добросовестностью. Воспитывалась Татьяна Александровна у самого Анненского⁴³, редактора журнала, если я не путаю. Короленко был другом ее. Он часто вспоминал, что Татьяна Александровна, еще девочка в те дни, отказалась пойти на елку, узнав, что он будет читать «Сон Макара»⁴⁴ у Анненских. На Татьяне Александровне словно проба стояла, подтверждающая, что она создана из того же драгоценного вещества, как ее товарищи по журналу. Ее общественная работа была и в самом деле работой, а не имитацией. А разговаривать с ней было чистым наслаждением. Однажды увидел я у нее альбом, еще Анненских, кажется, и понял, что шестидесятые годы не литературное понятие, а существовали действительно. Я увидел фотографии студентов в пледах, и стриженных курсисток, и бородатых стариков, покорно сидящих среди бутафорских пейзажей тогдашних фотографий. И о всех она рассказывала.

14 февраля

И простота, с которой все это существовало, и уверенность в том, что оно и есть настоящее, меня ужасно трогали. И вместе с тем угадывал я среди этих бородатых мужчин и стриженных девиц таких, которым это органично, и таких, которые идут за временем. Приспособленцев. По специальности была Татьяна Александровна историк. Она писала в те дни, когда мы познакомились, исторические книжки для детей («Соль Вычегодская», «Ученик наборного художества») и возглавляла детскую секцию старого, дореформенного Союза писателей. И когда в 29 или 30 году появилась в «Литературной газете» статья, нападающая на Маршака и на всю ленинградскую детскую литературу⁴⁵, вся тогдашняя секция, во главе с Татьяной Александровной, яростно выступила в бой за Самуила Яковлевича. Вот в те дни и увидел я впервые Софью Аньоловну. Она написала рассказ о ручном ежике, по своим детским воспоминаниям. Ангел Иванович, по наивности и простоте автора, написался отцом столь строгим и вспыльчивым, что мы догадались, за что прозвали его наборщики Черт Иванович. Да, за формой его времени, за бородатыми масками жило и бушевало все то же неистребимое разнообразие человеческих отношений и неизменность, или едва заметная изменяемость, страстей. Необыкновенно трогательно выглядела дружба

друг В. Г. Короленко, жена А. И. Богдановича

⁴¹ «Русское богатство» — литературный, научный и политический журнал. Издавался в Петербурге с 1876 по 1918 г. В 1880–1882 гг. издателями были писатели народнического направления. С 1893 г. новая редакция, в состав которой входили Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненский, сделала журнал центром легального народничества. Пользовался большой популярностью среди русской интеллигенции.

⁴² Детские годы Шварца прошли в Майкопе, самым близким ему домом, дороже его родного, был в то время дом врача Василия Федоровича Соловьева, с дочерьми которого он был дружен до последних дней своей жизни. В этом доме он много читал, слушал музыку и учился играть на пианино.

⁴³ Анненский Николай Федорович (1843–1912) — экономист, народник-публицист, общественный деятель. Один из редакторов, позднее — председатель редакционной коллегии журнала «Русское богатство».

⁴⁴ Рассказ «Сон Макара» написал В. Г. Короленко в 1883

⁴⁵ В «Литературной газете» (1929, 19 августа) в рубрике «К Всесоюзному пионерскому слету» была напечатана статья Нестеровского «Воспитатели мещанства».

Татьяны Александровны и Тарле⁴⁶. Он постоянно встречался мне на лестнице в нашей надстройке. А сама Татьяна Александровна однажды сказала: «Евгений Викторович рассердится, когда узнает, что я выходила сегодня. С тех пор, как вывихнула я руку, он требует, чтобы я сидела дома в гололедицу». И дружба эта продолжалась до самой смерти ее, он все заботился о ней во время войны. А на вечере в ее память столько говорил о ее патриотизме, словно речь шла о ее однофамильце генерале Богдановиче⁴⁷. Вот как изменились формы со времен «Русского богатства». Но человеческие отношения остались трогательными.

15 февраля

И у дочерей Короленко и у детей Ангела Ивановича складывалась жизнь совсем не по — отцовски. В Полтаве, где Татьяна Александровна с детьми жила у Короленок, вышла Софья Аньоловна замуж за Колю Степанова⁴⁸. Потом разошлась она с ним что-то очень скоро. И когда я с ней познакомился поближе в 28 году в Новом Афоне, никто и не вспоминал об этом браке, так что я узнал о нем много позже. Я знал, что она жена Виктора Гофмана⁴⁹, а Коли Степанова жену, черненькую, быструю и самоуверенную, зовут Лидочка⁵⁰. Коля Степанов — литературовед, занимается Хлебниковым⁵¹. Все они были знакомы, и каждый, в своем кругу вращаясь, попадался то здесь, то там, и был взвешен и измерен. О Коле говорилось, что он способный и добросовестный работник, но пишет ужасно длиннейшими предложениями, тяжело, не доберешься до смысла. Но при этом поэзию понимает. И хороший товарищ. И лишен подлости. Но иногда смешит своей нескладностью. Небольшого роста. Волосы, с преждевременной сединой, копной вздымаются над лбом высоким, но нешироким. Длинный нос, хобот, в минуты сомнений и уныния опущенный книзу. Это я сейчас пытаюсь расчленить весь этот сложный состав ощущений и мыслей, связанных с Колей Степановым тех дней. А клубок этот возникал в сознании мгновенно, легко и приятно (?), когда увидишь или услышишь Колю. И был этот комплекс в его пользу. Тынянов⁵² говорил, улыбаясь: «Наш Коля славный парень». И Эйхенбаум⁵³ говорил: «Степанов милый человек», — но за этим следовало всегда какое-нибудь добродушное «но», вроде того, что «но доклад затянул ужасно». Или «но пишет, как воз везет». При своем добродушии был Коля иной раз грубоват. Даже скандалил. В Мюзик — холле один раз поднял крик, когда старый актер Борисов⁵⁴ пел песенки шута. Кричал,

⁴⁶ См. «Тарле Евгений Викторович», с. 615

⁴⁷ Богданович Модест Иванович (1805–1882) — военный историк, генерал-лейтенант, автор трудов по истории Отечественной войны 1812 г.

⁴⁸ Степанов Николай Леонидович (1902–1972) литературовед.

⁴⁹ Гофман Виктор Абрамович (1899–1942) литературовед.

⁵⁰ Степанова Лидия Константиновна (р. 1906) — вторая жена Н. Л. Степанова

⁵¹ Хлебников Велимир (наст. имя Виктор Владимирович) (1885–1922) — поэт.

⁵² Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) — писатель, литературовед.

⁵³ См. «Эйхенбаум Борис Михайлович», с. 622.

⁵⁴ Борисов (наст. фам. Гурович) Борис Салюйлович (1873–1939) — артист, выступал на эстраде с исполнением песен Беранже, куплетов, музыкально-вокальных пародий.

что это пошлость, и его вывели. Был трезв при этом. Вообще в те дни пили куда меньше, чем теперь. Коля и вообще, помнится, был непьющий. И напал на старика, движимый только внутренним огнем.

16 февраля

Таков был Коля Степанов. Комплекс ощущений, определявший твоё отношение и поведение по отношению к Гофману, был много темнее. Я сразу стал темнее писать, едва дело коснулось его, и в памяти возникла его длинная, чуть сутулая фигура, кучерявые волосы, спокойное и замкнутое выражение худого лица. Боря Бухштаб⁵⁵ сказал о нём как-то: «Это звезда среди всех нас». Во всяком случае из специальности своей ведение считал он куда более достойным занятием, чем литературу. Паразитологи вовсе не любят паразитов, а микробиологи — микроорганизмы. И Гофман, как и они, не любил, а только интересовался предметом, который изучал. И смелее, чем любой из его друзей, высказывал это. Те предполагали, что критика и литературоведение такой же раздел литературы, как проза, поэзия, драматургия. Один Гофман, может быть, нечаянно, но признавался в том, что это разные виды сознания, которые сойдутся разве только в бесконечности. Я как-то рассказал, кажется, как поразил он меня. Взвешивая на ладони первый том книги Эйхенбаума о Толстом⁵⁶, он убежденно заявил, что это важнее и значительнее самого Толстого. Софья Аньоловна в том мгновенно выступающем клубке связанных с ней мыслей и ощущений освещена, словно солнцем. Это все светит и светит лето 28 года. В Ленинграде было оно на редкость дождливым, а в Новом Афоне в четырехугольном дворе монастыря было так ясно. И Новый Афон, и путешествие пешком с Гофманами и Степановыми — прочное и счастливое воспоминание. Мы говорили обо всем. Цельность мировоззрения Татьяны Александровны заменена была рядом вкусовых ощущений и литературных пристрастий. Софье Аньоловне и это помогало не без успеха определять свою дорогу в жизни. Никакой философской системы не имелось в наличии и у Коли и у Гофмана, но это им тоже не мешало ни жить, ни работать. Остались от предыдущего поколения впитанные с детства некоторые этические нормы и пристрастия, которым и следовали, не ища им обоснований.

17 февраля

Отсутствие цельной философской системы у моих спутников — литературоведов тоже не мешало, а скорее помогало им и жить, и работать. Они принимали то, что было в те годы принято. А формализм был им особенно мил именно тем, что оставался в пределах «совокупности стилистических приемов», не вторгаясь в смежные чисто идеологические области. И казалось, что ты, принимая в смежных областях то, что принято, не вступаешь в спор ни с кем, устанавливая, где в романе нанизывание, где обрамление, а где остранение. Мне, при тогдашней потребности веры, не очень нравилось подобное решение вопроса. Но и не отталкивало. Спутники мои в те годы были искренни и последовательны. Итак, мы шли пешком, и я был весел и счастлив, и в Ленинграде, я знал, меня ждет счастье. И как теперь понимаю, я правильно угадывал, с полным основанием предчувствовал счастье. Мы ночью ехали у Азовского моря, стояли на площадке с Софьей Аньоловной. И при луне казалась мне она совсем красивой. И я чувствовал, что её жизнь с Гофманом не кажется ей настоящей. И в самом деле они разошлись через несколько лет, и Френкель, славный, умный человек,

⁵⁵ Бухштаб Борис Яковлевич (1904–1985) — литературовед, критик.

⁵⁶ Имеется в виду трехтомный труд Б. М. Эйхенбаума «Лев Толстой». В 1928 г. вышла лишь 1-я книга, посвященная 1850-м гг.

настоящий человек, инженер, стал ее мужем⁵⁷. И еще много лет прошло, но, встречая на лестнице Софью Аньоловну, озабоченную, с авоськой — я испытываю радость, словно зайчик пробежал по стенам и ступенькам, зайчик от солнца двадцать восьмого года. И целый клубок представлений, воспоминаний, ощущение того времени, той среды и их соотношение с нашим временем и средой легко возникает во мне. И я с наслаждением занимался эти дни тем, что его распутывал и разматывал.

Следующая фамилия — **Воронина. Катя Воронина** ⁵⁸ умышленно прямая, похожая на бестужевку, молодая и миловидная, когда я познакомился с ней у Лиды Чуковской⁵⁹, а потом беспощадно изуродованная базедовизмом. Она появлялась в редакции «Ежа»⁶⁰. Походка угловатая, мальчишеская. Она писала в «Еже». Потом оказалась в Ташкенте.

18 февраля

Вот она упорно желала иметь собственное мировоззрение, что и кончилось для нее поездкой в Среднюю Азию. Она была студенткой университета перед отъездом. Вернувшись, писала она для детей. Прямота и укоризненно — насмешливый тон все укоренялись в ней. Вышла она замуж за Сережу Хмельницкого⁶¹, человека острого и талантливого. И он был литературоведом, но у него первая часть слова перевешивала. Писал он стихи. Написал роман. Небольшого роста, очень бледный, с глуховатым голосом человека, страдающего астмой, очень худенький. И какая-то внушающая уважение сила угадывалась в нем. И его жизненные правила, казалось, были отличны от тех, которыми руководствовались его товарищи. Были менее похожи на спортивные правила, правила игры, а более — на мировоззрение. Но брак двух этих колючих людей оказался нелегким для них обоим делом. И все больше и больше Катя становилась похожей на строгую и сердитую горемыку. Ее книжка «Удивительный заклад»⁶² имела успех. Шла ее пьеса в ТЮЗе⁶³. Но вдруг ее арестовали. На свидании с Сережей держалась она мужественно и только прощаясь — заплакала, почувствовала, что больше им не увидаться. И в самом деле, когда ее недавно реабилитировали полностью и вернули в Ленинград, Сережи уже не было в живых.

Следующая фамилия в нашей телефонной книжке — **Берлянд**. Высокий, статный, длиннолицый, не говорит, а кричит, не ходит, а бегает. Он врач. Ведает нашей лечебной помощью. Основная специальность — педиатр. Энергичен. Взбалмошен. Самолюбив. В восторге от всего, что его. Например, он продал мне, за ненадобностью, словарь Брокгауза и Ефрона. И при каждой встрече теперь кричит: «Ну как — пригодился вам мой словарь? Да? Ха — ха — ха! Еще бы! Вы знаете, кто был его владельцем? У него было четыре владельца — какие люди!» И так каждый раз, даже когда я звоню по телефону, чтобы вызвать врача.

⁵⁷ Френкель Леонид Давыдович (1907—1984)

⁵⁸ Воронина Екатерина Алексеевна (1907–1955) — писательница, печаталась в журнале «Еж». Незаконно репрессирована в 1951 г., освобождена в 1954 г

⁵⁹ Чуковская Лидия Корнеевна (1907–1996) — критик, мемуаристка. Дочь К. И. Чуковского.

⁶⁰ «Еж» — детский журнал, издавался в Ленинграде с 1928 по 1935 г.

⁶¹ Хмельницкий Сергей Исаакович (1907–1952) — литературовед, писатель

⁶² Повесть «Удивительный заклад» была издана в 1945 г

⁶³ В ЛенТЮЗе шли две пьесы Ворониной в соавторстве с С. Д. Зельцер: 28 декабря 1946 г. состоялась премьера спектакля «Удивительный заклад», 28 июня 1947 г. — премьера спектакля «Испытание».

Но он добился того, что у нас и рентген, и кардиограф.

19 февраля

У него настоящий дар организатора. Для союза он не просит, а требует. Я слышал, как он кричал по телефону: «Вы что, хотите попасть под суд? Вы хотите погубить писателей? А я вам говорю, что мне нужны эти медикаменты, иначе... Что? Я не кричу, я говорю. Что? Когда подослать? Хорошо, я подожду». В развевающемся халате бегают он по крошечной своей поликлинике — в одной большой комнате и зубной врач, и терапевт, и кабинетик с кварцевыми лампами, токами высокой частоты и прочей физиотерапией. Разделены кабинетники между собою не достигающими до высочайших его потолка перегородками. Любит Берлянд поговорить о театре, о новых книгах, о союзных событиях. Ум резко ограниченный, трезвый до глупости, не допускающий возможности других точек зрения. И при всем при том полное уважение, умиление и трепет перед признанными именами. «Это профессор с таким именем...», «Это музыкант с таким именем...» Сейчас его энергия еще расцвела с годами, а задерживающие центры ослабели, и рассеянность развилась. Но работник, при всем при том, золотой, и отдает он делу всю душу.

Следующая запись — «**банк**». Когда-то Управление по охране авторских прав добилось разрешения, чтобы нам авторский гонорар уплачивали непосредственно в банке, а не переводили бы через банк в сберкасса. Это ускоряло дело. И вот стал я ходить за своим гонораром в тупичок на Знаменской. Во втором этаже особнячок, у длинного прилавка, сновали озабоченные клиенты, все больше кассирши разных учреждений. И совершали они операции во всю длину прилавка, перерезывающего зал. Они заполняли какие-то формы и сведения и передавали на крайний стол. И двигались эти формы от стола к столу, и накапливались на последнем с противоположной стороны. И тут забирали их в папку курьерша и уносила в глубины банка к высшему начальству. И сведения, требования, формы возвращались подписанными к кассиршам.

20 февраля

Я прохожу, точнее моя банковская книжка с моим расходным ордером (приходных не писал ни разу) — проходит все инстанции гораздо скорее, чем документы учреждений. И я с талончиком направляюсь в комнату, где кассы. И жду, пока назовет кассирша номер моего талончика. Нет. Тут я жду, чтобы за решеткой касс показалась курьерша с папкой. Она приходит, как приходят из кухни с новой партией блинов. Кассирша банка разбирает папку документов. Всеобщее оживление. И, получив свои пачки денег, расходятся кассирши по столам — считать. Получающие крупные суммы — обычно не одни. Сопровождают их рослые мужчины в штатском, неопределенно улыбающиеся. Я обычно попадал во вторую партию получающих. Издали, по дальнорзости, узнавал свою книжку. Потом большинство из нас лишено было права иметь текущий счет в банке за то, что мы, едва только деньги приходили на книжку, снимали их со счета. Новый директор заявил, что банк не передаточная инстанция и не почтовая контора и клиенты, снимающие всю сумму перевода, кроме минимального вклада в двести, кажется, рублей — ему не нужны. И мне позвонили из ВУОАППа, чтобы я пошел закрыть свой счет в банке. Что я и сделал. За многие годы моей жизни мелкие, но определяющие на данный период жизнь, обстоятельства менялись и исчезали. Когда деньги получал я в банке, карточки еще не были отменены. Кроме карточек обычных и литературных, имел я еще так называемый лимит. В особом лимитном магазине мог получать я продукты, дефицитные, на триста рублей. Эта бытовая мелочь определяла тогда нашу жизнь, как банк, как множество мелочей, исчезнувших и, в сущности, мало что изменивших в нашей жизни. Чувства и привычка думать так, а не иначе — менялись мало, туго, куда затрудненнее, чем бытовое окружение наше. Спроси меня, и я скажу, что все изменилось с 48 года мало, а увидишь запись «Банк» и вспомнишь тогдашний быт и

увидишь, что перемен — то хватает.

21 февраля

Следующая запись — **Барченко**⁶⁴. О ней я уже где-то рассказывал. Когда мы познакомились, славилась она своей рассеянностью. Принадлежала к странному, но встречающемуся типу женщин: и неудачница, а вместе с тем избалована. Чем? Трудно сказать. То ли прежними успехами, то ли верой в свои достоинства, актерские и женские. Была она при первом нашем знакомстве одинока. Точнее, муж был на фронте. Ролей получала немного и все неинтересные. Рассказывали, что была она в свое время настоящей героиней, но теперь уж не могла играть подобные роли. Отяжелела. Что избалована она, обнаружил я, когда в Москве предложила она Кате вести общее хозяйство. Она спокойно уклонялась от своих обязанностей, а все принимала как должное. Искупалось дело это добродушием и какой-то особой бабьей невинностью в области самого простого мышления. Вот уж двух мыслей связать не то что не могла, а не хотела. Ни разу в жизни не испытала в этом необходимости. Сейчас не могу припомнить, читала она что-нибудь? Как будто, нет. Не могу представить себе ее с книжкой. Общее наше хозяйство распалось мирно, с переездом нашим в гостиницу «Москва» из «Балчуга». И, пожалуй, вовремя. У Барченки появилась склонность, ввиду того, что хозяйство общее, делить с нами итрагические свои настроения. Приходила и сидела, молча, глядя в одну точку. Ждала утешений. Так **бы мы** и остались друзьями — приятелями, но грянул гром. Акимов убрали из театра⁶⁵. Барченко написала статью, что пора изжить акимовщину. В стенной газете. Или за нее написали. Не знаю, все равно остался какой-то осадок. Встречаться мы стали много реже. А главное, с годами рассеянность, неумение связать две мысли приняли уже оттенок угрожающий. Несмотря на это, выбрали ее в председатели месткома. Я последний раз видел ее в гастрономе, что под театром. И плоть, остывающая и помрачающая рассудок — явление обычное — испугала меня. Совсем придавило беспечную, добродушную Барченко. Совсем состарившись, может, оживет?

22 февраля

Дальше идет снова фамилия человека, которого уже нет на свете — это **Бонди Алексей Михайлович**⁶⁶. Был он одарен богато и во многих областях. Хорошо писал, играл на виолончели, рисовал шаржи. Но считал он себя профессиональным актером, хоть в этой области был слабее всего. Очевидно, вся его душа была приспособлена к этому именно делу. Конституция его. Если не шла его пьеса, он огорчался. Но если не получал роль, о которой мечтал, то впадал в особое актерское отчаянье, доходящее до умопомрачения. Коренастый, с грудной клеткой сильно развитой, с большим ртом, крупной головой, длинными руками, спокойной манерой речи... как только дело доходит до умерших, мне еще труднее оживить их. Все верно и все не так. Сказал: коренастый, с широкой грудной клеткой, и сразу рисуется силач. А у него фигура была вполне интеллигентская. Был он интеллигентен глубоко и

⁶⁴ Варченко Нина Платоновна (р. 1905) — артистка. С 1936 по 1976 г. — в труппе Театра комедии.

⁶⁵ В конце 1940-х годов, в период так называемой борьбы с космополитизмом, удары критики обрушились на Н. П. Акимову, его обвиняли в стилизаторстве, в «западничестве», в утверждении на сцене «чистой комедианности». В августе 1949 г. Акимов был вынужден уйти из Театра комедии, куда вернулся лишь в 1955 г.

⁶⁶ Бонди Алексей Михайлович (1892–1952) — артист, драматург, музыкант, художник. С 1923 по 1925 г. выступал в театре «Кривое зеркало». С 1926 по 1927 г. — в Ленинградском театре сатиры, с 1927 по 1934 г. — в Московском театре сатиры, с 1935 по 1941 и с 1943 по 1949 г. — в Театре комедии.

начисто лишен дара обижать. Даже впадая в священную актерскую ярость, не обижал, но обижался свыше всякой меры. Говоря о нем, невозможно умолчать о Нурм⁶⁷. Его жене. Это могучего дарования актриса. Ее прибалтийское, чухонское лицо делается прекрасным, когда играет Нурм на сцене. Один из признаков таланта. Но увы. Нет темперамента актерского, нет силы дарования в чистом виде. В особенности у актрис. И она столь же темпераментно обижается на жизнь, на погоду, на друзей, как играет на сцене. А Нурм еще имела основание обижаться. Она играла удивительно. Глядя на нее, понимал я, как за одну фразу, даже одно слово, устраивали артистам овации. И ей удивительно не везло при этом. И она сердилась. Могуче. Темпераментно. Отлично играть и не иметь успеха, подобающего успеху, не получать подходящих ролей — поди-ка перенеси. Впрочем, я, дойдя до необходимости рассказывать о Бонди и связанный его смертью, теряюсь и сбиваюсь. Начнем еще раз.

23 февраля

Попробую распутать тот клубок, что возникал, едва я встречал Бонди или слышал его имя. Легко всплывал он в сознании и был настолько понятен, что я не распутывал его. Состоял клубок из уважения и неуважения, из вещей определенных и неопределенных. Уважал я его за то, что был он интеллигентен. И за это же и не уважал. У него за этим ощущалась вера в некоторые нормы. Но досталась она ему по наследству. Вера. И нормы тоже. Я предпочитал опыт, добытый лично. И некоторую беспощадность при исследовании веры и установлении норм. Пусть даже доходящую до юродства, как у Хармса, да и у всех них⁶⁸. В нем ощущалась некоторая слабость — вот главная причина того, что в клубке связанных с ним чувств и представлений присутствовала доля неуважения. А кроме того, в театре ужасно о нем сплетничали. А от этого всегда что-нибудь остается. Его там за что-то не любили. И в самом деле, уж больно он был сложен. По сути актер, а на деле писатель. И не было в нем простоты. Так было до Сталинабада⁶⁹. В Сталинабаде познакомились мы гораздо ближе, так близко, как случается в эвакуации. И оказался он проще, чем я ощущал до сих пор. Мы вместе ходили по гостям. Раз в неделю, образовалась традиция. И он читал записки Гусакова — вымышленный персонаж, придуманный им. Акимов чувствовал себя в Сталинабаде одиноким. Он вытащил Бонди из Театра сатиры, где тот до сих пор служил. (До войны работал он в Комедии.) И Бонди, оставивши там жену, послушно приехал в Сталинабад. Зажил степенно, в правительственном доме европейской стройки, в том же, где Акимов. Ходил на рынок, готовил сам себе завтраки. Говорил, что мечта его дойти до такой степени богатства, чтобы жарить свиное сало на сливочном масле. А пока жили небогато. Ходили на рынок продавать. То нам выдадут накомарники — марлевые одеяния, и мы едем их продавать на рынок, то выдадут изюм. Этот, последний, впрочем, мы не продавали.

24 февраля

Накомарники продавали мы вместе. За театром шла среди бурьяна дорожка, народ тянулся этим путем на базар, с базара. Сейчас в воспоминаниях — темнеют они, как

⁶⁷ Нурм Надежда Адамовна (р. 1901) — артистка. С 1944 по 1949 г. — в труппе Театра комедии

⁶⁸ Хармс (наст. фам. Ювачев) Даниил Иванович (1905–1942) — поэт. Принадлежал к литературной группе «Обэриуты» (см. «Разумовский Александр Владимирович», комм. 2). Незаконно репрессирован, погиб в заключении

⁶⁹ В Сталинабад (теперь — Душанбе) Шварц приехал 24 июля 1943 г. Н. П. Акимов пригласил его на должность заведующего литературной частью Театра комедии, работавшего там в период эвакуации с сентября 1942 по май 1944 г.

муравьи. Через просторный пустырь шла дорожка. За пустырем белели домики. Жили там беженцы из Бессарабии. Румынские врачи. В Сталинабаде, кроме основной, таджикской, восточной и в основном с детства понятной стихии, встретился я и вовсе с незнакомыми. Прежде всего, румыны или русские, выросшие в румынских условиях. Тут увидел я, неожиданно для себя, что это народ, тяготеющий к французской культуре, независимо от политических связей правительственного происхождения. Знали они все французский язык, многие учились в Париже. Держались они несколько замкнуто, своим кругом. И больше помалкивали. Профессора их среди обывателей славились. Совсем иначе держались поляки. Более шумно. Заметно. Ссорились с квартирными хозяевами. Высказывали, при случае, свое неудовольствие. И все просачивались, пробирались в Персию. Это одни. Другие — держались как свои. Один из таких, Грушецкий, он же Бирнбаум⁷⁰, — поляк по всему — по воспитанию, по склонностям, по духу — и учился на медицинском факультете и вступил в Союз писателей — все шумно, открыто, и хитро, и строптиво, и ужасно вежливо. На экзаменах спорил об отметках, в союзе спорил с переводчицей. Восхваляя богатство русского языка, с вежливо — язвительной улыбкой доказывал он мне, что польский все же богаче. И в пример приводил слово «труба». По — русски все труба — и водопроводная, и оркестровая, и водосточная, а по — польски для каждого этого понятия — разные слова. И он привел их. Запомнил одно: «рора». Водил он нас выступать в польский детский дом. Шли мы туда долго каменистой пустыней за городом. И сердце сжалось, когда увидел я стриженные сиротские головы, светлые славянские глаза. Длинные робкие девушки, не то сестры милосердия, не то монашки, собрали их в зал. И дети, оказывается, знали отлично по — русски. Всё поняли.

25 февраля

Самой шумной и самой заметной, тоже восточной, стихией были евреи, но менее понятные, чем таджики. Евреи из Западной Украины, бородатые, с пейсами. Многие из них говорили по — древнееврейски, и странно звучал этот язык на рынке, не на том, что за театром, а в конце той улицы, где посреди мостовой росла гигантская, великанская чинара. Что это язык древнееврейский, объяснил мне еврейский поэт из Польши. Мы с ним вместе искали табак на рынке, и он расспрашивал бородатых стариков с пейсами, не встречался ли им этот товар. И поэт был представителем незнакомого мне еврейства. Он все рвался на фронт и уехал воевать, наконец. По его мнению, евреи сами были виноваты, что их убивают, уничтожают. Если бы сопротивлялись они, не шли на смерть — никто не смел бы их так преследовать. Говорил он по — русски без акцента. Бросит несколько слов и задумается. Где-то, кажется, в Вильнюсе, немцы убили его жену и дочь. Был он у меня или я встретил [его] в театре раза два. Знакомство не завязалось. Я не чувствовал себя евреем, а его никто другой не занимал. В [конце] концов он уехал на фронт, и больше — я ничего не слышал о нем. Фамилию его — забыл. По бульварам, по улицам пестрели фанерные будочки — парикмахерские или сапожные мастерские. Бойко работали американки — так называли почему-то тоже большей частью фанерные будочки, где продавали вино в розлив. На перекрестках стояли милиционеры. Удивительное дело! Таджики; стройные, с удивительно легкой, будто танцующей походкой, ловкие в движениях, надев милицейскую форму, становились похожи на баб. И свистели вслед каждой машине, проезжающей мимо: в знак того, что проехала она, не нарушив правил. Высокие правительственные дома и кибитки — низенькие, глинобитные, с плоской крышей, на которых росла зимою трава. Деревья в

⁷⁰ Бирнбаум (или Грушецкий, как он переводил свою фамилию на русский лад) Жорж (р. 1919?) — писатель, критик, по образованию — медик. В дальнейшем взял псевдоним Ежи Помяновский. Руководил одним из кинообъединений в Варшаве, переводил пьесы Шварца на польский язык, затем жил в Италии, где печатались его критические статьи и издавались книги.

четыре ряда, бульвары.

Листья покрыты пылью. Когда пробовали обливаться листья из брандсбойта, они засыхали. Всё? Как будто. Не могу рассказывать в последнее время, не давая среду.

26 февраля

Забыл прибавить, что в Сталинабаде в те годы была еще очень заметная стихия — ученых. Никогда, вероятно, не было в Сталинабаде столько научных институтов, а их собственные, отечественные, не были столь богаты именами. Все эти эвакуированные не пропускали ни одной премьеры театра. И, естественно, знакомились с нами. Причем произошло случайное размежевание. Флоринские⁷¹ подружились с биологами, а мы и Бонди тоже — больше с зоологами, гиль (или гель) минтологами, паразитологами из ЗИНа. И с врачами. Особенно почему-то с патологоанатомами. Впрочем, бывал и знакомый одесский хирург, прелестный и скромный человек, о нем польский врач, жене которого одессит делал операцию, сказал: «Человек с такими золотыми руками в Польше давно был бы богачом». Хирург этот, еврей и одессит, был, повторяю, скромен до аристократичности, говорил по — русски без малейшего акцента. Его интеллигентность сказывалась, между прочим, и в том, что не считал он себя специалистом в литературе, музыке, живописи, куда вечно лезут его сотоварищи. По скромности своей был он в городе известен главным образом врачам. И случалось, что обижали его, но он не вступал в драку. Так же он уступил, когда заболел. Какая-то злокачественная опухоль убила его в необыкновенно короткий срок. И у меня сердце сжалось, когда услышал я о его смерти, хоть мы были знакомы недолго. И я забыл его фамилию! Непременно узнаю и запишу. Небольшая комнатка в институте переливания крови, чистая по — больничному, с белыми занавесками на окнах, с выбеленными стенами. Жена профессора, тоже врач, худенькая, спокойная, сдержанная, привлекательная. Медленно разворачивается клубок представлений, воспоминаний и впечатлений под названием Бонди. Но не могу я написать, что «ходили мы в гости раз в неделю и это стало традицией» — не назвать улиц, людей встречных. Без этого мы очень страшные, словно жестяные, шагаем по двухмерному пространству, и нам нечем дышать. А мы тогда жили и дышали.

27 февраля

И еще я вижу, что когда описываю просто город, — сколько брался я рассказывать о Сталинабаде, — то ничего не получается. А если вспоминаю я город в связи с людьми, — то мне легче его оживить. Чаще всего собирались гости у Сиповских⁷². Он необыкновенно жизнерадостный патологоанатом, еще молодой, крепко сколоченный, был вечно и необыкновенно, от природы, мажорен. Звал я его «Петька — трупорез», уверяя, что таково его прозвище в преступных кругах. И он не обижался, а смеялся готовым у него всегда смехом. За хохотком своим он в карман не лез. Был он человек способный, но эта единственная его тональность, как это ни странно, мешала его попыткам писать рассказы и сценарии и даже научной его работе. Склад ума у бодрячков подобного рода склонен к вещам легко постигаемым. Друзья, посмеиваясь, говорили — Петька не ученый. Вскроет два зоба и пишет научную работу с окончательными выводами. Но административная работа ему давалась и не мучила, а еще взбадривала, и кафедрой заведовал и — всего не упомяну. Помню только, что вечно при встречах он торопился, спешил с одной работы на другую. Страшная азиатская жара, серые листья, очередь у киосков с водой — и прохладный, крепко

⁷¹ См. «Флоринский Глеб Андреевич», с. 617

⁷² Семья патологоанатома Сиповского Петра Васильевича (1906–1962).

сбитый, утешительный Петя Сиповский договаривается о ближайшей вечеринке, хохочет и мчится дальше. И жизнь все потворствовала ему. В Сталинабад приехал он перед самой войной по договору на пять лет. Ленинградскую квартиру забронировал за ним Наркомздрав. В разгар блокады ее, было, забрали. Но вскоре приказ о броне был подтвержден, и управхоз прислал ему опись имущества, находящегося в квартире. И — о чудо! Количество вещей увеличилось. Вселенные в квартиру там и скончались, и вещи перешли во владение мажорного нашего баловня. Но шел он к своим целям открыто, хитрости его были доброкачественны, и все улыбались и потворствовали ему. И женщины тоже, но не из тех, что влюбляются

28 февраля

Жена Пети и свояченица, дочка и сынишка, мальчик — сын свояченицы. Женщины в семье были худенькие (особенно жена), миловидные, чуть наивные, по причине крайней культурности своей. Они знали языки и преподавали их где-то. И вот мы собирались чаще всего у них: Ирина Зарубина⁷³, Борис Смирнов⁷⁴, иногда Таня Чокоей⁷⁵ — и Бонди. И он там читал свои пародии, которые иногда мне нравились полностью. И нам было весело. Мы ели, что в трудные тогдашние времена действовало оживляюще. Да еще и пили. Патологоанатомам для работы их выдавали спирт. И это было тоже важно. Являлось некоторым событием. Шутка сказать — ужин. Бонди рассказывал, что когда Театр сатиры ездил в 42 году по Сибири, их от времени до времени приглашали на правительственные банкеты. В те времена с таких вот ужинов каждый норовил унести что-нибудь домой, для членов семьи, и это стало обычаем, ни в ком не вызывало удивления. Но один их актер носил с собою бутылку с воронкой. Помещался этот агрегат в его портфеле, а портфель — под стулом. И актер наловчился рюмку за рюмкой со стола сливать в бутылку. Таким образом он запасался спиртным для домашнего употребления, а на банкетах не пьянел. И все шло хорошо, пока где-то в Чите на банкете в обкоме не упала у него бутылка. Актер прозевал эту катастрофу. И потекла струя из-под его стула на середину зала, по всему полу. Вот как тогда гонялись за едой и питьем. В Сталинабаде вопрос об этом не стоял так уж остро. И мы никогда, и в блокадные даже дни, не впадали в умопомрачение в этих вопросах. Однако надо, говоря о том времени, непременно напомнить эту особенность быта. В гости не звали в Кирове. Сталинабад поразил нас своей щедростью. Кормили просто, но сытно. Картошка, селедка, оладьи — и разведенный спирт. Прелестный Борис Смирнов, наивный по — актерски, как и подобает красивому и темпераментному герою, вместе с тем был тих и скромн. У него была одна особенность. Он не пьянел до известной черты, а потом раз — и все.

1 марта

Вспоминаю об этой черте Смирнова к тому, что на этих вечеринках — ни разу не переходил он за роковую границу, ни разу не принимался спокойно и равнодушно и безостановочно ругаться по матушке, — а только так, а не иначе проявлялось у него опьянение. Было весело, но вместе и пристойно. В колее сталинабадской жизни существовала любопытная особенность: все мы понимали, что она недолговечна. Акимов все

⁷³ См. «Зарубина Ирина Петровна», с. 586.

⁷⁴ Смирнов Борис Александрович (1908–1982) — артист. С 1929 по 1942 г. — в труппе Театра им. Ленсовета, с 1943 по 1950 г.

⁷⁵ См. «Чокоей Татьяна Ивановна», с. 618.

уезжал в Москву, а труппа ожидала его возвращения и, в тот период существования театра, поругивала его с неустанной энергией. И я и Бонди были его вечными защитниками. Алексей Михайлович любил рассказывать, что Акимов как-то заявил ему, еще в ленинградские довоенные времена, что не побоялся бы после кораблекрушения остаться на плоту с весьма немногими людьми — и Алексея Михайловича включал в число этих избранных. И любопытно, что мне в труппе пришлось то, что я вечно заступаюсь за худрука, а на Бонди за это косились. И он любил, строго покачивая большой своей головой, пожаловаться на человеческое несовершенство. И в самом деле — переменчивее и капризнее существо, чем актерский коллектив — вряд ли разыщешь. Но вот Акимов совершил очередное чудо и добился перевода театра в Москву. Коллектив присмирел и повеселел. Впрочем, на Бонди к тому времени еще больше сердились, не прощая ему уже ничего. Вспомнили, что был у него длительный роман с какой-то актрисой в труппе, и он с ней обращался деспотически. Сердились на то, что он уехал в Москву, не ожидая всей труппы, а вместе с Акимовым. И всё в этом же роде. На последнем прощальном правительственном банкете был он мрачен. Сказал, что никогда в нем не просыпались так остро щедринские настроения. Геолог, дочка одного академика, которая была к нему равнодушна, прислала ему записку по — французски: «Пуркуа ву зет трист?» Попозже видел я, как сидели они на крылечке и Бонди, покачивая своей большой головой, говорил ей что-то негромко.

2 марта

И вскоре после этого банкета наше сталинабадское житье кончилось. В Москве получилось так, что встречались мы редко. Бонди написал там свою обработку «Льва Гурыча Синичкина» и много беспокоился, что никто не понимает, что сделал он, в сущности, самостоятельную пьесу⁷⁶. А так оно и было. И я писал, как завлит, разъяснения по этому поводу в Управление авторских прав. И в конце концов нужные инстанции признали «Льва Гурыча» пьесой самостоятельной. И спектакль очень удался, и вот здесь я был поражен удивительной игрой Нурм⁷⁷. У нее каждое слово было словно золотое. И словно колдовство — никто не понимал этого. То есть — недостаточное количество людей. Словно колдовство или проклятье не пускало ни Бонди, ни Нурм дальше известности в узком кругу. Написал он комедию, очень хорошую, но ее не пропустили. Написал пьесу для Образцова⁷⁸ «Обыкновенный концерт» — и тут исключительный успех спектакля привел к тому, что автора просто забыли⁷⁹. И он обижался, но так как никого при этом не обижал, то считались с его полными достоинства протестами мало. Да в случае с Образцовым и протестовать-то не приходилось. За все это время я был у Бонди в гостях только однажды. С Акимовым. За столом с нами ужинала худенькая девушка с чуть-чуть слишком полными, негритянскими губами и огромными влажными робкими глазами. Совсем молоденькая, дочь каких-то друзей Бонди или Нурм, танцовщица. И была она влюблена в Акимова, не сводила с него глаз. И театр переехал в Ленинград. И мы снова здесь подружились. Однажды у нас сыграли они, сидя за чайным столом, скетч, написанный Бонди. Захотелось им проверить, смешной

⁷⁶ «Лев Гурыч Синичкин» — водевиль Д. Т. Ленского, п. Театре комедии шел в литературной обработке А. М. Бонди

⁷⁷ Премьера спектакля состоялась весной 1945 г., во время пребывания Театра комедии в Москве. Режиссер и художник — Н. П. Акимов. Н. А. Нурм играла Сурмилову.

⁷⁸ См. «Московскую телефонную книжку. Образцов Сергей Владимирович», с. 628.

⁷⁹ «Обыкновенный концерт» был поставлен С. В. Образцовым и С. С. Самодуром в 1946 г. (премьера — 19 июня). Авторами текста были названы С. В. Образцов, А. М. Бонди, З. Е. Гердт, В. Я. Типот.

он или нет. И я еще раз удивился — как хорошеет Нурм, играя. Тут никакого грима не надо. Словно освещается лицо. Вот уж — божественная сила, творящая чудеса.

3 марта

Но я забыл рассказать о среде, о Ленинграде тех дней, 45–47 года. Стену нашей квартиры, пробитую снарядом в феврале 42 года, заделали, квартиру отремонтировали, и мы поселились на старом месте. Из жильцов напротив уцелело только семейство в четвертом этаже, где мальчишки вечно свисали из окон, собирались выпасть. Увидев Катюшу у окна, жильцы забегали, принялись звать кого-то из глубин своей квартиры. Узнали. Все окна напротив казались ослепшими: вместо стекол — фанера. Письменские жили в помещении Института усовершенствования учителей. Внизу, как войдешь, висело на дверце объявление: «Гардероб. Раздеваться обязательно». Но, открыв дверцу, видел ты бочки с цементом, доски и козлы, забрызганные известью. Город начинал, только начинал оживать. Нас преследовало смутное ощущение, что он, подурневший, оглушенный, полуослепший, — еще и отравлен. Чем? Трусами, что недавно валялись на улицах, на площадках-лестниц? Горем? Во всяком случае приезжие заболевали тут фурункулезом какой-то особо затяжной формы. Странное чувство испытали мы, возвращаясь от Письменских в девять часов вечера. Июль. Совсем светло. Мы идем по Чернышевскому переулку, переходим Фонтанку по Чернышеву мосту, потом переулком мимо Апраксина двора. Потом мимо Гостиного выходим на канал Грибоедова. И ни одного человека не встретили мы по пути. Словно шли по мертвому городу. Светло, как днем, а пустынно, как не бывало в этих местах даже глубокой ночью. И впечатление мертвенности усиливали слепые окна и забитые витрины магазинов. Вся почти труппа Театра комедии жила в гостинице, в «Астории» или в «Октябрьской» — все так или иначе потеряли свои квартиры. Родной город принимал своих блудных поневоле сынов, как и подобает существу больному, оглушенному — ему было не до нас. Бонди и Нурм поселились в «Астории». В телефонной книжке записан этот их номер.

4 марта

И вечный защитник и друг Акимов — Бонди в этот период своей жизни стал вдруг бунтовать против него. Нет, не так, как, скажем, Ханзель и Гурецкая⁸⁰, а на свой лад. Не обижая, но обижаясь. С ним, как и в былые дни, мог бы Акимов остаться на плоту. Бонди не съел бы его, но разговаривал бы сдержанно и холодно. И при встречах с прибавлениями — «Ну зачем это ему!», «Я перестану понимать Николая Павловича» — он обсуждал его поведение и личное и творческое. И мы поддерживали этот разговор не без увлечения. И без всяких угрызений совести. Я знал, с каким наслаждением сам Николай Павлович обсуждает всяческие приключения и личные делишки актеров и актрис. Тут услышал я, как безжалостно отверг Николай Павлович ту толстогубую девушку, с огромными влажными глазами, что понравилась мне в Москве у Бонди в гостях. Сначала был он благосклонен к ней, а впоследствии отверг. И то-то обещал и не сделал и вошел и даже не кивнул и так далее. Беда усугублялась тем, что жаловаться — было на что. Акимов великолепно понимал, что за актриса Нурм. Но у него была суеверная ненависть к неукладке. Брезгливость. Он сторонился таких своих соратников, словно боясь заразиться. И загадочный для меня полунуспех Нурм его раздражал, как некая лично ее бестактность. И она это чувствовала и пылала, и Бонди горько дымился рядом с ней. И перехожу я к заключительному коротенькому — пять — шесть дней — нашему совместному проживанию в Москве. Было это, помнится, летом 48 года. У меня бывают затмения. При всей мнительности моей на этот счет, я, иной раз, не понимаю, не хочу видеть, что бываю людям в тягость. Бонди звали меня

⁸⁰ См. «Ханзель Иосиф Александрович и Гурецкая Кира Яковлевна», с. 618

остановиться у них, если буду я в Москве. Они уехали к себе на время отпуска. И я поверил. И явился к ним, в их квартиру в Петровском переулке. И не поверил себе, когда почувствовал, что мешаю. Так и прожил у них дней пять — резко окрашенное дымно — летне — горькое воспоминание.

5 марта

Внешне ничего худого не произошло, но после этих дней отношения у меня с Бонди и Нурм расклеились. Хорошие отношения. В квартиру попадал ты через пустую и обширную кухню и шел по коридору до последней двери направо. Тут и жили Бонди и Нурм в большой комнате окнами в узкий колодец двора. Напротив их комнаты жил директор одного из маленьких московских театров, человек необыкновенно глупый и в силу этого растерянный. Держался он так, будто очень старается, но никак не может решить заданную кем-то задачу. Бонди его очень хорошо изображал. Спал я на широкой тахте, совсем недалеко от супругов Бонди. Война кончилась недавно, и мы еще не отвыкли от эвакуационной тесноты. Нурм поднималась чуть свет и шла на рынок, чтобы купить еды к обеду. И настаивала, чтобы я у них обедал, а я соглашался по напавшей на меня тупости. А если отказывался, то она сердилась. Играть ей было негде, дела в театре совсем разладились, и могучие силы ее не находили себе выхода. Я хотел было переехать в Переделкино к Заболоцким⁸¹, и она сказала мне: «Как вам будет удобнее». И эта фраза мне, в моей тупости тогдашней, ничего не объяснила. Разговоры шли об одном: о Театре комедии. Нурм пылала ярким пламенем, и Бонди горько дымился рядом с ней. И вместе они в жаркое это лето накаляли атмосферу до того, что я самым искренним образом пугался. До того пугался, что Нурм, странно улыбаясь, сказала мне однажды: «Да нет, не так уж это страшно, может быть, мы и преувеличиваем». Страдальцы жаркие и горькие. Однажды Бонди сообщил мне, глядя на меня, как бы даже с испугом, что он пьет. Каждый день. Уж не первый год. И не может без этого. Вино, водку, двести — триста грамм. И я удивился тому, что ни разу не выдал себя этот человек. Не оживился. Не повеселел. Особенно внешне. И даже запах спиртной умел скрыть. И еще с горечью и как бы против воли — пожаловался раз на Нурм.

6 марта

И на лице его, когда он жаловался мне, я прочел, кроме обычной горечи, еще и раскаянье. Как можно жаловаться на жену? Но ведь он, в сущности, и не жаловался. Он горевал, недоумевал. Нурм за что-то обиделась на его мать и не бывает теперь у его родных. За что? И мать очень огорчена. «Уж можете поверить мне — никаких оснований обижаться не было!» Я слушал и огорчался вместе с Бонди. Стихийная сила не находила приложения, не находила себе места. А лето было жаркое, небо все время синее. И я, огорчаясь вместе с Бонди, чувствовал, что там, за окнами, происходит нечто утешительное. Я очень любил Москву летом, в жаркую погоду. Однажды вечером наблюдал я одно явление впервые в жизни. У Бонди в комнате были не окна, а одно трехстворчатое, широкое, выходящее в узкий закоулок двора. Напротив такое же широкое окно без признаков занавесок. И однажды, разговаривая с моими хозяевами, увидел я, что в комнате напротив вглубине молодая женщина глядит на кого-то, разговаривает с кем-то и улыбается и стыдливо, и вместе с тем бесстыдно. И на мгновение разглядел я обнаженные ноги, колени, и отвернулся скорее, боясь, что увидят, что я подглядываю, и застенчивая грешница, и мои хозяева. А когда взглянул, словно нечаянно, второй раз — всё стало пристойным напротив в комнате. Стихийная сила, заставлявшая улыбаться на особый лад женщину за окном, стала

⁸¹ Семья поэта Николая Алексеевича Заболоцкого (1903-1958).

невидима. Однажды хозяева мои повели меня в гости к Курихину⁸² и Неверовой⁸³, которую помнил я красавицей, в кабаре в 18 году, да и в 24—м в «Карусели»⁸⁴ была она удивительна. Мне казалось, что все сплетни, ходившие о ней, мгновенно умирали, как бациллы на солнце, когда появлялась она в сиянье своей красоты. В гостях было так же напряженно, как дома. И вот пришел день моего отъезда. Впервые на небе появились облака. Грозовые. С утра поехал я на Союздетфильм.

7 марта

Обратно поехал я на попутной машине. А гроза все надвигалась. Стало темно, как в сумерки. Машина высадила меня у Петровских ворот. Дождя еще не было, но уже пахло влагой. Улица жила, как всегда, но шум был приглушенный, как будто опустили над улицами крышку. Идти мне было недалеко, но гроза, словно только меня и ждала, разразилась таким ливнем, что пока добежал я до ближайшего подъезда, весь промок. И погиб мой первый послевоенный костюм, которым так гордилась Катюша. Делал его хороший портной. И до этой грозы сидел он на мне отлично. Так вышло и с семейством Бонди. Виноват я был перед ними столько же, сколько перед грозой, и наладившиеся было отличные отношения наши стали в дальнейшем не по фигуре. Так мы с тех пор и не встречались почти. Пришло роковое для Театра комедии лето 49 года⁸⁵. Театр гастролировал в Сочи. Бонди держался, как всегда, в стороне от труппы, но на этот раз и в полном отдалении от Акимова. В труппе, оказывается, знали роковую привычку Бонди выпить потихонечку. Рассказывали, как старается он отделаться от спутников, чтобы нырнуть в погребок. Меня тронул он страстной своей любовью к музыке. В то белое, влажное, удушливое лето нашел он — и где — в гастролирующем оркестре филармонии — трех таких же любителей, и они, чуть не каждый день, играли бетховенские квартеты. Бонди обнаружил ноты у своей квартирной хозяйки. И вот грянул гром. Акимова сняли. Начались общие собрания. Одни — яростно крыли Акимова. Другие отказывались выступать против него и это равносильно было открытому протесту. И только один человек ушел из театра — это Бонди. А ведь был он в полном отдалении от Акимова к тому времени. После этого переехал он совсем в Москву. И год или два назад — с ужасом услышал я, что Бонди умер внезапно. Сердце сдало.

8 марта

Дальше в телефонной моей книжке стоит опять фамилия человека, которого уже нет в живых. Умер он так недавно, что не стану я о нем рассказывать подробно. Не могу. Рука не подымается. Это — крупный, несколько сырой, очень спокойный человек с большой головой, наш многолетний сосед по даче, **Леонид Тимофеевич Браусевич**⁸⁶. Писал он пьесы для кукольного театра. Был в очень трудные годы — после осени сорок шестого —

⁸² Курихин Федор Николаевич (1881–1951) артист, играл в театрах миниатюр в Петербурге — в «Веселом театре», «Кривом зеркале», «Карусели».

⁸³ Неверова Елена Николаевна (1897–1979) артистка.

⁸⁴ Петроградское артистическое кабаре «Карусель» было открыто в 1923 г

⁸⁵ См. «Варченко Нина Платоновна», комм. 1

⁸⁶ Браусевич Леонид Тимофеевич (1907–1955) — писатель автор пьес для кукольного театра; секретарь правления Ленинградского отделения Союза советских писателей после 1946 г

секретарем правления. Жена его и сынишка каждое лето общались с нами довольно близко. И привело это к тому, что смерть его задела куда живее и больнее, чем я предполагал.

Дальше идет **Бражнин**⁸⁷. Это — очень еврейского типа человек, не по — еврейски спортивный, на редкость владеющий своими недлинными, цепкими ногами. Я, увидев, как ходит он на лыжах, впервые в жизни понял, что сделаны они в помощь человеку, а не в нагрузку. Бегал он по котловине в Александровке и взбирался по крутому склону. И соскальзывал вниз так легко, что казалось это фокусом. Он увлекался спортом вообще, писал книги о спортсменах — но тут от его ловкости и цепкости ничего не оставалось. И вечно, видимо, поэтому ходил он тяжело озабоченным. Обиженным. Принадлежал к тому несчастному разряду писателей, которые лишены дара отличать хорошую литературу от средней. Поэтому не замечал он никакой разницы между своими книжками и теми, что вдруг почему-то нравятся читателям. Сейчас и от спортивности его ничего не осталось. Был у него инфаркт. Ходит он тихо — тихо с палочкой, вглядываясь во встречаемых маленькими, черными, до крайности близорукими глазами. Впрочем, литературная последняя его работа имела некоторый успех. Он выпустил стихотворный перевод «Энеиды» Котляревского, над которым работал много лет⁸⁸.

Дальше в телефонной книжке идет фамилия **Бианки**⁸⁹. Его я знаю около 30 лет.

9 марта

Вот я вижу себя молодым и легким, не легче, чем теперь, впрочем. Я говорю о весе. Только что выбрался я из болота на дорожку и до того был счастлив по этому поводу, что никуда и не шел, а стоял на месте. Обсыхал⁹⁰. И, как я вижу теперь, всех и уважал и не уважал. Радовался каждому новому знакомству в новой моей среде — и на каком-то внутреннем беспощадном измерителе отмечал безжалостно всё, что смущало меня в них, в новых знакомых. Я не глядел на показатель этого внутреннего измерителя, но помнил всегда, что он есть. И при неуверенности, так же в глубине — был крайне беспричинно уверен в себе. Скромность моя поддерживалась только одной мыслью, что никто ведь не видит еще, какой я молодец. Бианки я увидел в первый раз у Маршака. Внутренний измеритель отметил сурово, что у этого молодого человека маленькая голова и что-то птичье в круглых черных глазах. Я вежливо поклонился незнакомцу. Он ответил мне отчужденно. «Конечно, он не знает, что я за молодец, но все же надо было бы почтительнее», — подумал я. Но скоро, при дальнейших встречах, первое впечатление рассеялось. Увидел я, что Бианки здоров, красив, прост до наивности. Звание писателя им тогда еще не ощущалось, как теперь, как бы некое призвание. Возник он тогда с первым вариантом «Лесной газеты»⁹¹. И выносил бесконечные переделки как мужчина, натуралист и охотник. Не образовалось у него

⁸⁷ Бражнин Илья (наст. имя и фам. Илья Яковлевич Пейсин)

⁸⁸ Бурлескная поэма украинского писателя и культурнообщественного деятеля Ивана Петровича Котляревского (1769–1838) в переводе Бражниина вышла в 1953 г. (М., Гослитиздат).

⁸⁹ Бианки Виталий Валентинович (1894–1959) — детский писатель

⁹⁰ Шварц имеет в виду период начала своей литературной деятельности, когда после работы в Театральной мастерской до ее закрытия в 1922 г., после ряда случайных работ, после секретарства у К. И. Чуковского он написал свою первую повесть для детей в стихах «Рассказ старой балалайки». Она была напечатана сначала в журнале «Воробей» (1924, № 7), а в 1925 г. издана Госиздатом отдельной книжкой.

⁹¹ Первое издание научно-художественной книги Бианки «Лесная газета на каждый год» вышло в 1928 г.

тормозов, как у Пантелеева⁹² и Будогоской⁹³. Прост был и здоров. Однажды он тяжело меня обидел. Я стоял в редакции у стола, перебирал рукописи. Вдруг с хохотом и гоготом, с беспричинным безумным оживлением, что, бывало, нападало на всех нас тогда, вбежали Бианки и Курдов⁹⁴. И Бианки схватил меня за ноги, перевернул вверх ногами и с хохотом держал так, не давая вывернуться. Как я обиделся! Долго не мог прийти в себя. Я не был слаб физически, но тут сплоховал. Обидно!

10 марта

А главное — сила показалась мне грубой и недоступной мне по своим границам. Бессмысленное, похожее не то на зависть, не то на ревность неведомо к чему, чувство. Не сразу оно прошло. Постепенно я привык и даже привязался к Бианки. Он оказался в том отряде хороших знакомых, у которых не бываешь, которых встречаешь редко, но всегда с открытой душой. Он был прост и чист. Но дьявол все работал в те годы. Очень весело и очень незаметно спивались художники вокруг детского отдела. И Виталия втянуло в эту линию. Один ныне исчезнувший писатель, около квартиры которого даже на площадке пахло водкой, сказал мне однажды: «Я, когда захочу, тогда и брошу. А Виталий плох: он уже лечиться начал!» Любопытно, что пьяным Виталия я никогда не видел. Но он пил, пил помногу, каждый день. Я построил теорию, что художники пьют, потому что им нечем жить. Но Виталий был полон общими идеями. Много позже я понял, что пьют те, кому организм позволяет. Люди, которых водка не отравляет. Те, кто не знает страшных мучений похмелья. Художники шутили: «Бианки, чтобы отучиться пить, стал подмешивать в водку керосин. И действительно, не прошло и двух недель, как он возненавидел керосин навеки». Так художники все шутили, да пошучивали — и вот спился с круга Будогоский⁹⁵. Совсем. Безнадёжно. Плох стал Мочалов⁹⁶. К непьющим и малопьющим стали относиться они, весь круг, а не сошедшие с круга — подозрительно, словно к неким еретикам, вероотступникам. Но Бианки был очень уж здоров. Он хоть и пил, но всё работал, работал и ходил на охоту и ставил по своей специальности, по орнитологии, какие-то опыты. И уезжал путешествовать. У него была большая семья, которую вела спокойно и молчаливо беленькая, лёгонькая, веснушчатая Вера Николаевна, жена его. Она и по издательствам ходила, и корректуры ему правила.

11 марта

Отчего пьют люди? Из поэтов и писателей гениальных никто не пил. У тех была одна страсть — работа. Эта простая истина, оказывается, существует очень упрямо. А люди, задетые огнем, тронутые — впечатлительны, слабы. И поэтому пьют, если конституция позволяет. Пили, впрочем, и кавалергарды, ничем не задетые. Нет, сколько я ни думаю, а пили бы все, если бы не ужасы похмелья. Все, кроме самых крупных, которые оживлены и напряжены и без наркотика. Во время войны встречались мы с Бианки в Москве. Когда ссора Маршака с Житковым расколола ленинградский отряд детских писателей, Бианки

⁹² См. «Пантелеев Алексей Иванович», с. 608

⁹³ Будогоская Лидия Анатольевна (1898–1984) — детская писательница.

⁹⁴ Курдов Валентин Иванович (1905–1989) — художник-график.

⁹⁵ Будогоский Эдуард Анатольевич (1903–1976) — художник-график, иллюстрировал и оформлял книги.

⁹⁶ Мочалов Сергей Михайлович (1902–1957) — художник-график и гравёр.

решительно и энергично присоединился к Борису Степановичу. При встречах говорил он о литературных делах с соответствующей яростью. В Москве же вдруг увидел я его как бы притушенным. Глубокое уважение к писательскому званию, умение постоять за себя, пристальная работа над корректурами, строгость к иллюстраторам его рассказов — все осталось, как было. Но он словно дремал. Дьявол делал свое дельце. И видя, как медленно поддается этот здоровенный и простой до наивности человек, обрушился на него воистину дьявольски. Писать об этом не поднимается рука. Словом, несчастья обрушились на самых его близких людей, и Виталий не выдержал. Сначала хватил его инфаркт, потом — удар. Потом второй. И он, необыкновенно располневший, ходит сейчас с палкой. Вскоре после второго удара он сказал: «Хочешь понять, что чувствует человек после удара — надень эти очки». А на столе лежали очки черные, через стекла их мир казался притушенным. Но здоровье и простота — и здесь взяли верх. Он работает, печатает одной рукой на машинке. Сумеречное состояние исчезло. По — прежнему высоко ставит он писательское звание, по — житковски непримирим. Возится с молодыми писателями. Вера Николаевна, отяжелевшая, пополнившая, бабушка уже, все так же терпеливо и молчаливо ведет семейство, ходит за мужем. И мы встречаемся теперь чаще, чем в молодости.

12 марта

Дальше записан в телефонной книжке **Борщевский Юра** ⁹⁷. Сын известной своей красотой киноактрисы, он похож на мать и при этом некрасив. Хорош в нем только рост. Да общее выражение доброкачественности — силы, спортивности, выносливости. При моей впечатлительности, на меня, в первое время, заражающе действовала его застенчивость. Потом я привык к этому свойству его, и стало мне полегче. Всю войну пробыл Юра в Персии. Вернулся оттуда, зная персидский язык немного и отлично английский. В сорок восьмом году поступил на восточный факультет. (А может быть, и в сорок девятом? Нет, в 48). В те времена он был еще привычным на первом курсе явлением: старше большинства студентов, шинель со следами споротых погон — демобилизованный. Учиться он стал отлично: большая вытянутая его башка оказалась хорошо сбитой. Открывшись, обнаружил он душу столь же характерную для тех времен, как и фигуру. Открывшись — говорю условно, — дичился он по — прежнему. Высказывался больше знаками. То захохочет коротко, как бы вопросительно и недоумевающе, то пожмет плечами, то бросит фразы две — три, как будто и не значащие, но определяющие его отношение к миру. А сводилось оно вот к чему: война была свирепа, но ясна. Там ясно было, кто чего стоит. Там беды были доброкачественны (очень я полюбил за последнее время это слово). А тут, в гражданской жизни, много чего — то туманного, чего — то хитрят, как — то неясны мотивы поступков. Карьеристы. Приспособленцы. С ними бы, да по — военному бы, но у всех это последнее чувство гасло и расплывалось. По моей впечатлительности на мелкие впечатления, его рассказы о Персии, редкие и немногословные, я впечатал в свои воспоминания. То расскажет он о гостинице, то о тополях возле чайханы. И я забываю суть рассказа. Но мелкие подробности вдруг оживят воображение, и я вижу незнакомую страну, как будто в ней побывал чудом!

13 марта

Не приезжая и не уезжая, побывал я на миг в чужой стране. Боюсь, что вышел бы из меня путешественник плохой. Глаза разбегались бы. Пытался бы я понять то, чего не поймешь с первого взгляда. А тут чужими глазами — вдруг понимал. А потом я понял еще одну вещь: Юра, при своей молчаливости — умел рассказывать. И умел смотреть. Не то, что

⁹⁷ Борщевский Юрий Ефимович (1924–1984) — востоковед. Сын киноактрисы С. З. Магарилл

умел смотреть, а время дало ему простую точку зрения. Но сам он был не прост, как все застенчивые люди. И склонен к мрачным мыслям. Как все молодые люди, был скрытен. Молодые люди его возраста. Впрочем, был он скрытен больше, чем молодые люди его времени. С детства произвел на него впечатление Москвин⁹⁸, самый характерный и сильный человек из его окружения. И он невольно взял его за образец. Разбегаются у меня глаза, хочется рассказать все о Юре как о таковом, о Юре как о явлении, — о Юре вместе со средой и временем. Потому что Юра — демобилизованный первокурсник — одно, а Юра — аспирант Института востоковедения — совсем другое дело. Ладно. Ничего у меня из этого в данном случае не выйдет; для точности пришлось бы говорить о вещах, на которые не решусь. Гораздо проще Элла, его жена. Она из Пятигорска. Похожа на майкопских гимназисток: черноглазая, тупоногая, смуглая и привлекательная. Познакомились они на восточном факультете — специальность Эллы — китайский язык. Поженившись, приехали они в Комарово. Сняли комнату далеко — далеко, между поселком и лесом. Было это на зимние каникулы. И дня через два растерянный Юра, с обычным своим недоумевающим хохотом, сообщил, что Элла вдруг свалилась, температура около 40°, где бы достать машину. Я зашел к ним в домишко, который пахнул дымом и сыростью. В большой комнате лежала под одеялом черноглазая Элла и улыбалась. Так увидел я ее в первый раз. Живут они друг с другом. надежно, но ужасно ссорятся. Обижается Элла на вечное Юрино невнимание. Больше, пожалуй, не буду о них рассказывать.

В

14 марта

Следующая фамилия в телефонной книжке — **Воеводин**⁹⁹. Когда я его встретил в начале тридцатых годов, работал он вместе с Женей Рыссом¹⁰⁰. Так и спрашивали — это какой Воеводин, который Рысс? И наоборот. Писали они пьесы все больше для Театра сатиры, и пьесы их ставили, что в те дни не являлось такой уж редкостью¹⁰¹. Не вызывало шума и в рецензиях принималось легкомысленно. Одни поругивали, другие похваливали — нравы двадцатых годов еще не были выкорчеваны. Из названий пьес запомнил одно: «Сукины дети». Ударение полагалось тут ставить на конце, описывалось какое-то семейство. Но публика, естественно, читала привычным манером. Кто посмеивался, кто обижался. В Театр сатиры пришло письмо, где предлагались Рыссу и Воеводину названия для новых пьес — сплошные непристойнейшие ругательства, но в общем никто не придавал этой шалости большего, чем следует, значения. До пьес выпустили Рысс и Воеводин книжку с фотографиями, где громили пошлость¹⁰². Нэповские витрины, афиши и так далее. Слово

⁹⁸ Москвин Андрей Николаевич (1901–1961) — кинооператор, один из основоположников советской операторской школы. Снимал по сценарию Шварца фильм «Дон Кихот» (1957). Муж Н. Н. Кошеверовой.

⁹⁹ Воеводин Всеволод Петрович (1907–1973) — писатель, критик, редактор в издательствах «Детская литература» и «Советский писатель».

¹⁰⁰ См. «Московскую телефонную книжку. Рысс Евгений Самойлович», с. 629.

¹⁰¹ В 1930 г. в Театре сатиры (Ленинград) шли следующие пьесы В. П. Воеводина и Е. С. Рысса: «Мой дом», «Стая славных», «Сукины дети», в Театре комсомольской сатиры — «Табун знаменитостей»

¹⁰² Имеется в виду книга В. Богдановича, В. П. Воеводина, Е. С. Рысса, И. Г. Сегалю «Быт против меня. (Опыт памфлета)», Л., 1928.

применялось в его первоначальном значении: пошлость как пошлость. Мне книжка нравилась. Казалось только, что образцы пошлости до такой степени очевидно пошлы, что не стоило и обличать, и горячиться. Театр сатиры в те дни возглавлял Саша Кроль¹⁰³, человек с густыми, жесткими крупно вьющимися волосами, белокурыми при этом. И глаза — бледно — бледно голубые. И маленький рот с полными губами. И длинное бледное лицо с крупными нечастыми веснушками. Худой, молодой Саша Кроль, вечный мальчик, вечный зачинатель новых интересных театров¹⁰⁴. Мне, грешным делом, казалось, что больше всего на свете ему нравилось начинать, проповедовать, а когда требовалось репетировать, он трезвел и терялся. Но был и он, и Женя, и Всеволод Воеводин тех дней — человеком своего искусства. Других интересов было множество — но отдавались им, сознавая их незначительность. В искусстве считали себя вполне на месте, но все делали «пока».

15 марта

«Пока» — великая отрада тех дней. Это чувство появилось во время первой войны у меня и моих сверстников. Во время гражданской войны, разрухи, голода, ненадежности и странности нэпа — у людей помоложе, вроде Воеводина. Мы верили в свое предназначение, но не спешили осуществлять его. Казалось, что жизнь еще не началась. Нельзя же работать во время пожара. Следует носить воду, качать насосы, твердо понимая, что это «пока». Отсюда такое количество седовласых и лысых мальчиков, собирающихся начинать работать всерьез и утративших навеки эту возможность. То, что представлялось им чрезвычайным происшествием, оказалось новым бытом. Когда склеротические мальчишки пробуют начать всерьез, но ничего у них не выходит, в голову, иной раз, приходит утешительная мысль: а может быть, у них все равно ничего не вышло бы? Впрочем, Воеводин вместе с Женей ездили много по стране. Смотрели. И любили ездить. Вот уж где и служили они высокому делу искусства — собирали материал для будущих работ и при этом не было необходимости немедленно приступать к работе. Нельзя же писать, пока едешь. В те годы, в начале тридцатых, Воеводин жил более семейственно, более буржуазно, чем Женя Рысс. И жена его более походила на постоянную, настоящую. И мама, работавшая в Мариинке, жила возле. Но всегда он казался неустроенным и менее благополучным, чем вечно беспечный Женя. А мне казалось еще к тому же, что душа его — темна. Говорил он всегда тихо, до крайности тихо. И все поглядывал в сторону. Но при этом не слушал тебя. За его тихой речью, следовательно, скрывалась уверенность в себе. Что-то в нем все время скрывалось да заключалось. И насколько легко и спокойно чувствовал я себя с Женей, настолько с Воеводиным — неудобно. И знакомства с ним, близкого знакомства, так и не получилось. Впрочем, в тесном кругу нашем все время мы сталкивались. Перешли на ты. И я знал, что все время он, по особым свойствам душевным, попадает в какие-то сложные положения. Сложные романы. Сложные отношения с друзьями.

16 марта

Когда началась война, Воеводин попал в морское издательство, носил морскую форму и состоял на военном довольствии, когда мы уже вовсе отошались. Но вот на каком-то банкете, где выдавали спирт, по сложности характера, наговорил Воеводин своему

¹⁰³ Кроль Исаак Моисеевич (1898–1942) — режиссер. Главный режиссер Театра сатиры (Ленинград), в Музыкальном театре для детей поставил пьесу Шварца «Остров 5-К». Премьера — 31 марта 1932 г.

¹⁰⁴ Кроль участвовал в организации следующих петроградских — ленинградских театров 1920-х — 1930-х гг.: Агит-театр Роста, Театр сатиры и комедии, Музыкальный театр для детей (при Народном Доме), Новый театр и др

начальнику чего-то обличительного. И был отчислен. На гражданке он сразу попал в тот голод, в который погружались мы постепенно, — и дистрофия охватила его в короткий срок и сильнее любого из нас. Я был в Кирове, когда получил от него письмо из Ярославля. Его привезли туда в тяжелом состоянии. У него оказалась флегмона бедра. И его оперировали. Одно время думали, что он безнадежен. Но выходили его. И жизнь пошла дальше через все сложности. И в конце сороковых годов он был охвачен моральной дистрофией. И заболел манией преследования. И его отвезли в психиатрическую лечебницу. Одно время думали, что он безнадежен. Но выходили его, и жизнь пошла дальше. Его психическое заболевание было обусловлено водкой. Сложность жизни его дошла до того, что без общего наркоза обходиться он не мог. Незадолго до психиатрической лечебницы пришел он ко мне ночью в такой степени опьянения, какой я еще не наблюдал у него. Он говорил, говорил, как всегда, тихо и все об одном: об истории и, в частности, о Герцене. И доказывал с яростью то, что не нуждалось в доказательствах: Герцен любил Россию и тосковал без России. «Сядет на пол и поет «Вниз по матушке по Волге». А почему он сошелся с Огаревой? Мало было английских...» И так далее все в этом же роде. «У Сережи Антонова¹⁰⁵ нет чувства истории. Я его чуть не убил сейчас за это». Вскоре в его тихом бормотании стали появляться паузы. Он словно бы вслушивался во что-то. Удивленно, даже возмущенно. И вдруг сказал мне: «Ну как ты это можешь говорить?» А я молчал! И когда я стал доказывать это Воеводину, он с удивлением спросил: «Разве?» — и снова забормотал свое. И снова через некоторое время спросил, к моему ужасу: «Ну как ты это можешь говорить?» Сейчас он не пьет. Сильно пополнил и присмирел. Рот изменил свою форму. Что-то у него с зубами. Живет дальше.

17 марта

Следующая запись в моей телефонной книжке — **ВТО**¹⁰⁶. Это учреждение или общество связано со мной очень приблизительно. Вызывает ощущение смутное, скорее, доброжелательное, но вместе с тем тревожное. Жизнь показала, что в сложные времена даже такие призрачные существа, как ВТО, могут быть смертельно опасны. Добро, исходящее от них, не сильнее, ну, скажем, воздушного поцелуя. Но ударить они на своих общих собраниях способны значительно ощутимее. Впрочем, тут они виноваты не более, чем любой предмет, которым в тебя швыряют. Сами они не бьют. Ими бьют. Да это случается вовсе не так часто. В учреждении этом много женщин энергичных, говорящих надтреснутыми, хрипловатыми голосами, курящих. Они преданы своему обществу, как спутнику жизни, как семье. Целые дни проводят они в ВТО. Живут его интересами. Отдают ему все свое сердце. Но не разум. Разум их помрачен силою любви, силою страсти к своему дому. Как во всех человеческих обществах, и во Всесоюзном театральном — репутация его членов вечно меняется. Кроме обширной группы стариков, имена которых «обызвествились», слава которых близка к посмертной, все остальные находятся как бы под непрерывным судом или на вечном экзамене. И тут самые влиятельные, но часто неправедные судьи и несправедливые экзаменаторы, все те же самые, с пушком на подбородке и легкой тенью бакенбард, — штатные женщины. Иногда они кажутся мне трогательными со своей верностью призрачному, умозрительному существу по имени ВТО. Ведь платит оно им за любовь — полуголодным пайком — немножко денег, на грош влияния, иллюзия деятельности. И отбросит оно своих преданных мироносиц, едва те ослабеют да захромают. А иной раз эти женщины, которые и являются настоящими руководителями общества, пугают меня своей стихийностью. Но тоже более умозрительно. Так выглядит ВТО, если вдруг начнешь его

¹⁰⁵ Антонов Сергей Петрович (1915–1995) — писатель

¹⁰⁶ ВТО — Всероссийское театральное общество. Основано в 1885 г.

рассматривать. На самом же деле выглядит оно естественно, как будто выросло от природы. Получишь приглашение. Либо зайдешь, либо нет. Говорит докладчик. Играют актеры. Всё на месте.

18 марта

Следующая запись в телефонной книжке — **Васильев**¹⁰⁷. Это относится к Сергею Дмитриевичу Васильеву. Когда я записывал этот телефон, был жив и Георгий¹⁰⁸. Братья Васильевы, постановщики «Чапаева». На самом деле братьями они не были. Так писалось. Как братья Тур¹⁰⁹, которые даже и не однофамильцы. Сергей Васильев высок. Голова маленькая. Лицо аскетическое — у него язва желудка. Бородка. Он хороший человек, на самом деле хороший человек, того типа, что не слишком охотно идут на работу административного порядка. Но судьба выдвинула его так далеко вперед, что иной раз ему приходится соглашаться. И тут он остается вполне хорошим человеком. Как режиссер он талантлив. Но ему, видимо, не хватает покойного соавтора. Тот, замкнутый, молчаливый и подтянутый, чем-то уравнивал мерцающее и чуть дымящее добродушие Сергея. Во всяком случае после единственной, ошеломляющей победы «Чапаева»¹¹⁰ больше особых удач не было у них. И у него одного. Женат Сергей Дмитриевич был на Варе Мясниковой¹¹¹. Прелестная дочка родилась у них. Он и Варя были красивы. И вдруг — удар грома. Что за чудеса! Ко всеобщему соблазну Сергей Васильев влюбился и оставил Варю ради другой. И по греховности человеческой, многие стали относиться к Васильеву с большим уважением. Не с тем, слегка пренебрежительным, которым достаивают людей хороших и, следовательно, безопасных, а с приглядкой. Вот он, значит, какой. Надо поосторожней. Придется с ним считаться. Сейчас он снял в Болгарии картину о Шипке¹¹². Приехал оттуда благостный, довольный — и раз — судьба его опять привела на административный пост. Снимают на «Ленфильме» Глотова¹¹³, а назначают его. На этот раз отбивался он еще отчаянней, чем прежде, но ничего не вышло. И вот он в Москве. И ждут его сюда. Думаю, что станет при нем на «Ленфильме» здоровее. Его не решаются обижать, и он не обижает.

19 марта

¹⁰⁷ Васильев Сергей Дмитриевич (1900–1959) — кинорежиссер, сценарист, один из постановщиков фильма «Чапаев», в 1944–1946 гг. — художественный руководитель, в 1955–1957 гг. — директор киностудии «Ленфильм».

¹⁰⁸ Васильев Георгий Николаевич (1899–1946) — кинорежиссер, сценарист, один из постановщиков фильма «Чапаев»

¹⁰⁹ Тур, братья — коллективный псевдоним Леонида Давыдовича Тубельского (1905–1961) и Петра Львовича Рыжея (1908–1978) — писатели

¹¹⁰ Фильм «Чапаев» был поставлен Г. Н. и С. Д. Васильевыми в 1934 г., в 1941 г. получил Государственную премию СССР.

¹¹¹ Мясникова Варвара Сергеевна (1900–1978) — артистка театра и кино, исполнительница роли пулеметчицы Анки в фильме «Чапаев» и Феи в фильме «Золушка».

¹¹² В 1955 г. С. Д. Васильев совместно с кинематографистами Болгарии поставил исторический фильм «Герои Шипки».

¹¹³ Гловтов Иван Андреевич (1903–1979) — директор киностудии «Ленфильм»

Дальше записан у нас **Варшавский вокзал** ¹¹⁴. Думаю, что относится это к нашим поездкам на Рижское взморье. Мы ездили. Я отправлял Наташу. И встречал ее, когда возвращалась она из Дома творчества в Дубултах. Этот вокзал памятен и по несчастному лету 39 года, когда жили мы в Луге. Но телефон записан уже после войны, в связи с Рижским взморьем. Длинное, длинное здание вокзала. Московский вокзал стоит на ногах, а Варшавский лежит под деревьями. Особенно чувствуешь это, когда уезжаешь и долго — долго идешь до пассажирского зала. Какая-то высокая церковь без креста возвышается за забором. А вдоль пути лотки с булками. Киоски. Бабы с узлами. И запах карболки в залах, когдаходишь туда, в полумрак с освещенной солнцем улицы. И еще связаны для меня эти залы с безнадежным, тоскливым чувством ожидания билетов. Доставал их агент группы «Золушка»¹¹⁵ — персонаж и в самом деле только что посыпавший голову пеплом и золой и всю энергию потерявший на этом. Он скрывался в кабинете дежурного, выходил оттуда с виноватым видом, снова исчезал и появлялся для того, чтобы сообщить, что сегодня, как нарочно, отправляют сколько-то для курортников, а вчера билетов было сколько угодно. Уж не помню, как нам удалось уехать. Кажется, без его помощи. Наташа из Дубулы приехала загорелая, похорошевшая. В первый, кажется, раз жила она в доме отдыха весело, все ей понравилось, и она всем понравилась. Была она в белом платье. И я, увидев ее, как всегда почти, сразу угадал душевное ее состояние — и обрадовался. И тут мы вышли с правой стороны на асфальтированную улицу, с настоящего главного длинного подъезда со ступеньками. И больше ничего с этим вокзалом не связано. Состав стоит там у самых окон в вокзальное помещение. Там, не то уезжая, не то провожая Наташу, убедил продавщицу буфета продать мне боржому. И заплатил ей меньше, чем она ждала. И долго горевал. Вот и все.

20 марта

Следующая запись — **Войно — Ясенецкие Михаил Валентинович и Мария Кузьминична** ¹¹⁶. После смертной тоски первых дней войны и блокады жизнь, как будто, стала брезжить в Кирове¹¹⁷. Я стал там писать. Но пьеса моя «Одна ночь»¹¹⁸ не пошла. И свет, что забрезжил, стал исчезать в особом вятском быте, как в грязи. И вот мы приехали в Сталинабад ¹¹⁹, сухой, жаркий и подтянутый. Войно — Ясенецкие — знакомые, сохранившиеся с тех дней. Вскоре после отъезда из Сталинабада появился Михаил Валентинович в Москве. По дороге в Ленинград, на защиту диссертации в Военно — медицинской академии. Он защитил докторскую свою диссертацию и защитил с блеском. И

¹¹⁴ Варшавский вокзал. Сооружен в 1857–1860 гг. по проекту архитектора П. О. Сальмоновича

¹¹⁵ Говорится о фильме, снимавшемся по сценарию Шварца

¹¹⁶ Войно-Ясенецкие Михаил Валентинович (1907–1993) — врач, патологоанатом и Мария Кузьминична (р. 1909) — врач-бактериолог — знакомые Шварца.

¹¹⁷ 11 декабря 1941 г. в крайне тяжелой степени дистрофии Шварц был эвакуирован из блокадного Ленинграда, 23 декабря приехал в Киров, где снова получил возможность вернуться к писательскому труду.

¹¹⁸ Пьесе «Одна ночь» о жизни Ленинграда в дни Великой Отечественной войны Шварц писал в Кирове с 1 января по 1 марта 1942 г. Она была принята к постановке БДТ, находившемся в эвакуации в Кирове, но постановка не состоялась, т. к. 16 апреля 1942 г. пьеса была запрещена Главреперткомом.

¹¹⁹ См. «Бонди Алексей Михайлович», комм. 3.

перевелся во Львов. Львовский адрес его и записан в нашей книжке. Оттуда раза два он приезжал в Ленинград, — и, наконец, перевелся совсем. Крупный, худощавый, крупноголовый, с глазами большими, чуть сонными, широким носом, с большим ртом, производит он впечатление человека породистого. Породы не вполне привычной. Когда перед тем, как заговорить, покачивает он крупной своей головой, густые волосы назад, стоят над широким лбом, и, найдя слова, говорит нараспев чуть — чуть, сразу угадываешь, что человек он непростой. Не только по — русски, а по- польски тоже. И чудится мне иногда, что угадываю я ту самую родовую или семейную их закваску, что привела его отца в монашество¹²⁰. И над столом в его комнате висит фотография одной из галактик. Все то же стремление очиститься от сегодняшней суеты представлениями космическими. Мария Кузьминична проще, высказывается легче — такая натура. Но прежде всего, принадлежат они оба к разряду людей, согласившихся работать. И работает Войно — Ясенецкий, как положено ученому. И настоящие ученые разом узнают его, как и он их — по ряду неуловимых признаков. Поэтому и диссертацию его приняли в Военно — медицинской так блистательно. Вот у него без всякого напряжения, органично работа занимает основное место.

21 марта

Фамилия **Венецианова**¹²¹ записана в связи с неудачной моей попыткой работать для цирка, как раз по просьбе этого томного, воспитанного, как бы припудренного, серьезного человека. Увидел я его в первый раз в Мюзик — холле, где Акимов собирался захватить всю полноту власти. Венецианов томно и серьезно противостоял ему. Он ставил, вопреки Акимову, какие- то свои обозрения. И потом надолго исчез с моего горизонта. При встречах мы здоровались вежливо, но отчужденно. Года три назад шел я по Привокзальной улице в Комарове. Пересекал ее, поднимаясь от моря. Только что от станции к Зеленогорску отошел поезд, и я даже не взглянул на пассажиров, тянувшихся вдоль полотна. Еще и подумал, что никто к нам не может приехать. И вдруг меня окликнул Венецианов. Волосы его побелели заметно, но карие глаза смотрели все так же томно. Сопровождал его рослый застенчивый человек с маленькой головой — наездник Манжелли¹²². Они приехали заказывать мне пантомиму конную. Детскую. И я вдруг решил согласиться. Почему? А я откуда знаю. Сам не без удивления выслушал собственное согласие. Раза два после этого был я в маленьком кабинетике худрука цирка. Как всегда, если заносило меня куда- то помимо воли, ничего я не воспринимал. Запах конюшни и опилок, щелканье бича. Венецианов, с томной серьезностью спорящий о распределении по часам арены для репетиций. Лай дрессированных собак вдали. Полная серьезность бухгалтера, пришедшего со сметой. Соединение департамента с конским запахом, с конюшней. И всеобщая серость. Мое равнодушие к цирку несколько раз сменялось отвращением. Впрочем, пантомиму я написал.

¹²⁰ Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович (1877–1961) — хирург, доктор медицинских наук, профессор. С 1921 г., не прекращая врачебной и педагогической деятельности, стал священником, а позднее — епископом, затем архиепископом, приняв монашеское имя Лука. 12 лет провел в тюрьмах и ссылках. Во время Великой Отечественной войны был главным хирургом ряда эвакогоспиталей в Сибири. В 1946 г. получил Государственную премию за книгу «Очерки гнойной хирургии».

¹²¹ Венецианов Георгий Семенович (1896–1965) — режиссер цирка, педагог, драматург. С 1946 г. до конца жизни — главный режиссер Ленинградского госцирка. В октябре — ноябре 1946 г. Шварц в соавторстве с Венециановым написал заявку на цирковую пантомиму «Иван Солдат и Забава Путятишна» (см. РГАЛИ, ф. 2499, оп. 1, ед. хр. 435, л. 195–205).

¹²² Манжелли (наст. фам. Шевченко) Павел Афанасьевич (1872–1948) — артист цирка, дрессировщик лошадей, наездник.

И ее принял Венецианов. Потом Москва. Но договора со мной не заключили и денег не дали. Сказали, что пересматриваются ставки. Так это или просто не понравилась моя работа, или не выполнил я чего-то, принятого в этом сером, как он сейчас мне вспоминается, мире? Не понял. Но чувство осталось нехорошее.

22 марта

Вигдорович Михаил Владимирович прирожденный врач, не сомневающийся в своей науке. Был от отличным гинекологом и акушером. Но кроме того — лечил гипнозом нервных женщин. И проводил опыты по обезболиванию родов. Гипноз применял он к целой группе женщин, зараз обходил их в полумраке, внушал им что-то негромко мягким своим голосом. Высокий брюнет, несколько полный. Уверенный в себе точно так же, как в своей науке. Одно являлось следствием другого. И ни малейшего признака шарлатанства. Ни тени. Воистину верующий человек. Жил он так же степенно, истово, с достоинством и верою, как лечил. Жену свою, красивую, строгую, несколько суховатую в обращении блондинку, обожал. И она его тоже. И она была доктором. Хирургом. Кроме веры в себя и свою науку, выделявшей его из общего ряда врачей, поражал он доброжелательностью. На первый раз казалась она чуть преувеличенной и рассудочной, но скоро угадывался в ней все тот же могучий источник веры в свою науку и тем самым в себя. Когда лечил он или заботился о пациентке, он служил ей и науке своей и проявлял себя. И искренность его безошибочно схватывалась страдавшими, всем опостылевшими женщинами. Я думаю, что вылечил, или точнее — исцелил он много больше больных, чем настоящие ученые профессора. Те гонялись за точным знанием. А этот врач — врачевал. В 32 году встретился я с ним в Коктебеле, в нашем доме отдыха. Он прочел тут высокоубежденно, словно проповедь говорил, лекцию о лечении солнцем. А когда Катюша заболела гриппом, стал ее лечить йодом. Сам дозировал — капал в воду. И вылечил, оборвал болезнь. Когда пробовали мы повторить лечение без него, дело сорвалось. Растянула сухожилие Верочка из дома отдыха рядом. И ей наложил он тугую повязку. И та очень быстро исцелилась. Служа своему делу, работал он с утра до вечера, без отдыха, с достоинством, с честью. И сейчас лежит уже года три. Сердце. Что-то с пузырем. Никого не пускает к себе, кроме жены. Стыдится своей слабости. И когда подумаю о нем, пугаюсь. Мученик. После такой веры не спасает его наука.

23 марта

Дальше записан в книжке моей **Варзар Василий Васильевич**¹²³, отец недавно умершей Нины Шостакович¹²⁴. Полный человек с короткой шеей. Небольшого роста. В прошлом — адвокат. И все он бегал по Комарову. Строился. И построился пополам с Дмитрием Дмитриевичем. Его жизнеспособность, неутомимость поражали меня. Ведь ему было под восемьдесят. Года два назад был у него легкий удар, но скоро он оправился, только при встрече вглядывается в тебя, как будто издали, и говорит с напряжением.

Следующая фамилия **Вейсбрем Павел Карлович**¹²⁵. Нашему знакомству — без малого сорок лет. Познакомился я с ним в самый разгар душевной своей разладицы. Не зная,

¹²³ Варзар Василий Васильевич (1871–1960) — адвокат, отец Н. В. Шостакович.

¹²⁴ Шостакович (рожд. Варзар) Нина Васильевна (1909–1954) — физик, первая жена Д. Д. Шостаковича.

¹²⁵ Вейсбрем Павел Карлович (1899–1963) — режиссер, руководитель Театральной мастерской в Ростове-на-Дону, затем в Петрограде, где в качестве актеров работали Е. Л. и А. И. Шварцы. В 1920-х—1960-х гг. был режиссером в ленинградских театрах — БДТ, Театре им. Ленсовета, ЛенТЮЗе.

куда себя девать, побрел я вслед за Тоней¹²⁶ в Театральную мастерскую¹²⁷, основанную Вейсбремом. Этот молодой коллектив с очень неустоявшимся составом постепенно превращался в театр и в 20 году стал государственным. А в 18-м, когда я туда забрел, он едва — едва понимал, существует ли он. Павлик Вейсбрем, очень небольшого роста, очень некрасивый, не произносящий ни «р», ни «л», тремя, примерно, годами моложе меня, тем не менее, внушал мне уважение. Он твердо «знал, чего хочет, а главное действовал — способность для меня загадочная. Был он влюблен в Беллочку Чернову и помогал ей, несмотря на это, бежать с Литваком. И муки ревности терзали его. И он находил в этом трагическое, но все же наслаждение. И работал с утра до вечера. Готовил «Вечер сценических опытов»¹²⁸. И мы расстались — жизнь развела. И встретились в Ленинграде. Но того близкого знакомства, что в 18–19 году, не получилось. Как это ни странно, я вдруг почувствовал, что мне трудно его писать. Он утратил умение действовать. Сейчас он в трудном положении режиссера, у которого нет театра. Он сохранил, как все люди, рано развившиеся, навыки первых лет режиссерской своей работы. И все ему мешает пьеса, все он ее переделывает. Авторы сердятся. Судьба нас свела в Кирове¹²⁹, дружбы не получилось. Ближе всего был он мне, когда ставил «Два клена»¹³⁰. Успех сблизил. И говорит он языком понятным мне, а портрет не получается.

После этого имени стоит [имя и] отчество **«Валентина Абрамовна»¹³¹**. Я еще вчера испытал некоторое смущение. Я пишу о живых людях, которых рассматриваю по мере сил подробно и точно, словно явление природы. Мне страшно с недавних пор, что люди сложнейшего времени, под его давлением принимавшие или не принимавшие сложнейшие формы, менявшиеся незаметно для себя или упорно не замечавшие перемен вокруг — исчезнут. Нет, проще. Мне страшно, что все, что сейчас шумит и живет вокруг — умрет, и никто их и словом не помянет — живущих. И это не вполне точно. Мне кажется, что любое живое лицо — это историческое лицо — и так далее и так далее. Вот я и пишу, называя имена и фамилии исторических лиц. Валентина Абрамовна Иоффе — и знакома — и не слишком. Слышу о ней часто — она друг многих моих друзей, вижу редко. Впервые услышал о ней очень давно, задолго до войны. Мы пришли с Катюшей в цирк и прочли в программе, что выступает сегодня наездница Иоффе. И кто-то рассказал нам, что это дочка академика¹³², сама физик тоже, но при этом так великолепно ездит верхом, что ее пригласили в цирк. Замужем она за певцом Мигаем¹³³. Все эти сведения меня

¹²⁶ См. «Шварц Антон Исаакович», с. 619.

¹²⁷ С 1919 по 1922 г. Шварц выступал как актер в Театральной мастерской — театре, основанном группой молодежи в Ростове-на-Дону (1918), Шварц был также и членом художественного совета театра.

¹²⁸ В спектакль «Вечер сценических опытов» входили отрывки из спектаклей «Пир во время чумы» А. С. Пушкина, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова и др.

¹²⁹ В 1941–1945 гг. Вейсбрем работал режиссером в труппе БДТ, который был эвакуирован из Ленинграда в г. Киров, где полтора года (с конца декабря 1941 по конец июля 1943 г.) находился в эвакуации Шварц.

¹³⁰ Вейсбрем поставил пьесу Шварца «Два клена» в ЛенТЮЗе. Премьера — 5 ноября 1954 г.

¹³¹ Валентина Абрамовна Иоффе — физик, сотрудница физико-технического института, дочь академика А. Ф. Иоффе, наездница.

¹³² Иоффе Абрам Федорович (1880–1969) — физик, академик АН СССР.

¹³³ Мигай Сергей Иванович (1888–1959) — певец (баритон). В 1911–1924 гг. — артист Большого театра, в дальнейшем (до 1941 г.) попеременно — Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова и Оперного

заинтересовали не слишком. Я представил себе ясно самовлюбленную профессорскую дочку, взбалмошную и высовывающуюся вперед. Выступление в цирке не состоялось, так я и не видел ее. Каково же было мое удивление, когда познакомился я с высокой блондинкой с длинным лицом. Выражение — умное, степенное. Никакой взбалмошности. Воспитанный человек в высоком смысле этого слова. Держится скромно, говорит интересно. Во время войны прославилась смелостью, с которой разряжала немецкие мины неизвестных образцов. С Мигаем, наглым и шумным болваном, гулким, как погремушка, разошлась. Конь ее в блокаду погиб. Завела она мотоциклет и ездила на работу и друзей катала. Ездила отчаянно. А работала в научном институте строго, степенно.

26 марта

Следующая запись — **вахта Союза писателей**. Когдаходишь в наш дом, видишь доски, нет, фанерные щиты с объявлениями: секции, общие собрания, кинофильмы, концерты — это по обе стороны лестницы, ведущей в бельэтаж. Затем — стеклянная, всегда открытая дверь. За нею направо — темный коридор бельэтажа, где редакция «Звезды» и бухгалтерия, и кабинет директора Дома писателей. Прямо за стеклянной дверью еще лестница во второй и третий этажи. В библиотеку и союз. А если ты идешь в Дом писателей как таковой, то не надо тебе подниматься мимо фанерных щитов в бельэтаж, а надо спуститься направо, в полуподвал. Там гардероб. И через полуподвальный коридор попадаешь ты к настоящему парадному входу с зеркалами, мраморной, кокетливо заворачивающей лестницей в бельэтаж. Вахта помещается на скрещении всех путей. Как войдешь и отвернешься от бросающихся в глаза объявлений на фанерных щитах и глянешь налево, так видишь стеклянную будку. Ключи висят на крючках с табличками. Телефон стоит на столике. И никого нет в будке.

27 марта

Сколько раз проходил я в союз мимо вахты, всегда чуть напряженно, как всегда, ожидая новостей. Слишком уж много пережито с 34 года, когда я впервые вошел в этот дом. После блокады Дом писателей подтянулся и подкрасился. Но тот землистый или опаленный цвет, что вдруг выступает из-под косметического ремонта, напоминает пережитое. Или умершее. Все тот же темный и как бы опаленный Ленинград, который я вдруг увидел, вернувшись в конце декабря со съезда¹³⁴.

Последняя фамилия на букву «В» — **Венгеров**¹³⁵. Это очень тихий человек, небольшой, с лицом не по фигуре правильным, но тоже нескладным. Не вполне живым. Напоминающим валета. Ему сильно за тридцать. Молодой режиссер. Когда я занимался мучительнейшим делом, на которое потратил два года с ничтожнейшим результатом — переделывал роман Ликстанова в сценарий и пьесу¹³⁶ — появился у нас на даче Венгеров. Среди киношников не видал я человека, столь беззащитного и тихого. И на студии ощущали в нем существо другой породы. И все рычали на него, оскалив зубы, и если не кусали, то потому лишь, что он не отлаивался. Скромный, тихий, не вполне заполняя коричневый свой

театра им. К. С. Станиславского.

¹³⁴ 28 декабря 1954 г. Шварц вернулся в Ленинград после Второго Всесоюзного съезда советских писателей.

¹³⁵ Венгеров Владимир Яковлевич (р. 1920) — кинорежиссер.

¹³⁶ С октября 1951 по август 1953 г. Шварц работал над сценарием и пьесой «Первое имя» по одноименной повести писателя Иосифа Исааковича Ликстанова (1900–1955)

костюм, широкий, коротконогий и тощий — появлялся он и кротко выслушивал, знакомился с результатами моих мучений. И помалкивал. Не возражал. Он только что снял благополучно какую-то пьесу¹³⁷, но ему не засчитывали это. Только начальство, а не общественное мнение. В общем он, несмотря на кротость свою и хорошее ко мне отношение, сбежал, улизнул от моего сценария. И поставил фильм «Кортик»¹³⁸ и опять имел успех. Во время съезда встретил я его вдруг в ресторане «Москва». Он сидел нескладный, тощий, с плечами одного сорта, плоской грудью — другого, ужасно некомплектный, с лицом валета, — но я обрадовался, увидев его. Вся нескладность его носила отпечаток порядочности. И я, поговорив с ним, утешился.

28 марта

Глинка¹³⁹ записан первым на эту букву. О нем писал я отдельно и повторяться не хочу. Ходит он к нам теперь, почему-то, урывками, всегда без звонка — или днем забежит мимоходом, или вечером. Его карие глаза из-под заметных надбровных дуг глядят чуть по — обезьяньи печально. Волосы всё седеют. Он входит. Ставит в угол свою трость с костяным набалдашником. Снимает коротенькое пальто? полупальто — не знаю, как называется этот гибрид шубы и тужурки с барашковым воротником. Кубанку того же цвета. Одет всегда заботливо. Ботинки с гетрами. И худ до аскетичности, до прозрачности. Все так же богат литературными оборотами и при том немзыкален. Все так же не понимает шуток. На днях говорили с Катей о злопамятности. И она сказала, что дело не в мстительности — есть память на обеды, если они уж слишком сильны. «Вот как бы я хорошо ни относилась к вам, не могла бы я забыть, если бы вы мне плюнули в лицо». Глинка даже побледнел: «Катерина Ивановна, что вы говорите! Как могли вы подумать, что я способен на подобный поступок». И весь вечер не мог забыть этих слов. «Ну как могли вы подумать, что я способен на подобный поступок!» — восклицал он, и передергивало его от ужаса. И в этой буквальности и серьезности есть своя прелесть.

Вторая фамилия — **Герман**¹⁴⁰. О нем не могу писать по другим причинам. Это явление настолько сложное, а клубок представлений и чувств, вызываемых им, так запутан, что распутывать больно. Я все отхожу от него. В первые годы после войны были мы ближе. Сейчас мне с ним все более неловко. Одарен он необыкновенно, определился и вошел в силу рано. Сейчас постарел и отяжелел, тоже преждевременно. Но силу не потерял. Писать мог бы сильнее, чем начал. Но ему много надо. Он страстно любит жить. И теряет голову от этой страсти. И все же, ссорясь с ним, никогда я не мог осудить его до конца. Он очень уж талантлив. И литературу тоже любит.

29 марта

Гернет Нина Владимировна¹⁴¹ возникла в суеде редакций «Чиж» и «Еж» — не

¹³⁷ В 1952 г. Венгеров поставил «Живой труп» по Л. Н. Толстому, в 1953 г. — «Лес» по А. Н. Островскому (совместно с С. А. Тимошенко).

¹³⁸ Фильм «Кортик» по повести А. Н. Рыбакова был поставлен Венгеровым совместно с М. А. Швейцером в 1954 г.

¹³⁹ Глинка Владислав Михайлович (1903–1983) — писатель, историк, искусствовед. В 1944–1964 гг. — главный хранитель отдела истории русской культуры Эрмитажа.

¹⁴⁰ Герман Юрий Павлович (1910–1967) — писатель

¹⁴¹ Гернет Нина Владимировна (1899–1982) — писательница, сотрудничала в детских журналах «Еж» и

могу вспомнить когда. Вероятно, в конце двадцатых, а то и в начале 30-х годов, а то и ближе к середине. Нет, раньше. Я помню, что маленькая, четырехлетняя, Наташа заставляла меня бесконечное количество раз перечитывать повесть Гернет о лагере октябрят¹⁴². Книжка вышла давно, сильно потрепалась — значит, уже вышла в свет в начале 30-х. Приняли мы Гернет, как всех в то время, как самих себя, — весело, но не придавая значения. И скоро стала она составной частью той пестрой и шумной толпы художников и писателей, что собиралась каждый день вокруг детских журналов. Мы и знали и не знали друг друга. Каждый был до того занят решением своей судьбы, достаточно сложной, что остальных воспринимал как фон. Поглядывая на них между делом. Постольку — поскольку. К работе товарищей в те годы относились мы недоверчиво и строго. Требования Маршака — с одной стороны, и Житкова — с другой еще были в полной силе. Поэтому на книжки Гернет, как, впрочем, и на свои, поглядывал я без уважения. Разглядел я, на ходу, что человек она в общении не трудный. Что в свои способности верит. Что соединяются в ней избалованность прошлых лет и воспитанность особая, заставляющая ее высоко держать голову и все острить, — воспитанность, заработанная горем и неудачами. Скоро узнали мы, что есть у нее ребенок¹⁴³, мальчик. А мужа нет. С годами выяснилось, что работник она полезный, особенно в журнале. Так мы и жили, а толпа вокруг журналов все редела. Незадолго до войны вышла Гернет замуж за Салье¹⁴⁴, [одно слово нрзб], хромящего на обе ноги. Он был великим знатоком арабского языка. Оставил для Гернет жену. Но с войной распался их брак. Сын Гернет вырос. Женился. Она хворает, лечится, но, повинувшись воспитанности своей, все держит голову высоко.

30 марта

Продолжаю рассказывать о своей телефонной книжке. Много лет назад, в тот день, когда встретился я у Тыняновых с Катюшей, познакомился я там же с крепкой, ладной и наивной женщиной по имени Розочка. Точнее — по прозвищу. Наивен был взгляд ее светлых глаз, наивна была уверенность очень здоровой женщины в своем праве на существование. Она была миловидна. Еврейская кровь не сказалась ни в мягких чертах лицах ни в спокойных ее повадках. Только в наивнейшей, непреодолимой уверенности в своей правоте. Вскоре познакомился я с мужем ее. Он оказался высоким, очень сосредоточенным, а все время как бы внутренне сомневающимся человеком. Он состоял директором школы и преподавал там математику. Озабоченность его педагогическая, как мне казалось, усиливалась еще размышлениями личного свойства. Странно сейчас представить себе тогдашнее всеобщее отношение к браку. Мужу не положено было относиться к семье собственнически. И Розочка по здоровой и наивной уверенности в своем праве, весело и открыто, хотел сказать влюблялась, — нет. Выбирала себе возлюбленного. В трезвом и ясном существе ее таилось нечто, исключаящее это чувство, темное и путаное. А муж строгий, вдумчивый, идейный все задумывался. Русское его, чуть землистое, неправильное лицо, будничное, озабоченное — иной раз принимало выражение печальное. Время требовало отказа от мещанства, а душа — то, видимо, не слушалась. После длительного промежутка времени поселились мы на одной даче. Розочка уже не светила тем веселым дневным светом, что так понравился мне в 28 году. Дело шло к вечеру. И вся

«Чиж

¹⁴² Повесть Гернет «Три палатки» была издана впервые в 1933 г.

¹⁴³ Гернет Эрик Михайлович (р. 1927) — впоследствии инженер

¹⁴⁴ Салье Михаил Александрович (1899–1961) — арабист, второй муж Гернет.

сила ее существа была теперь направлена в одно — в любовь к сыну. Вот когда овладели ею и страхи и тревога. К старшей дочке, похожей на отца, была она благожелательно равнодушна, а этого все берегла, берегла от неведомых опасностей. А мальчик плотный, и крепкий, и красивый, несмотря на это, или в силу этого — все прихварывал. Был он молчалив и замкнут. Все думал. С матерью ласков. Война застала его в призывном возрасте. И этот избалованный мальчик в первые же месяцы войны попал на фронт, был тяжело ранен в живот, тащился до перевязочного пункта за несколько километров, и в госпитале выходили его. И снова ушел он на фронт. В конце войны я встретил Розочку, поседевшую и совсем уже утратившую былой свет. Она была полна одним желанием — дожидаться с войны сына. Бог спас ее от гибели — мальчик вернулся. И теперь мы встречаемся изредка. Она работает. Дочка — замужем. Живет с внуком и мужем вместе с матерью. Отец умер. Мальчик защитил диссертацию. Женился. Родился у него сын. Развелся он с женой. И я, сам не знаю почему, с глубочайшим интересом слушаю все эти новости.

Г

31 марта

И этот интерес — законен. Едва сосредоточишь ты внимание на жизни человека или целой семьи, как начинаешь угадывать влияние сил, задевавших и тебя, и удивляться разнообразию последствий этих влияний.

Следующая фамилия в телефонной книжке — **Гитович**¹⁴⁵. И опять опускаются у меня руки. Не хватает необходимого количества знания и ясности отношения. И не в том дело, что их мало. Нет. Слишком уж мкюго. Особенно за последнее время. Веселый, хоть и умеющий ссориться, но легкий человек, с которым познакомился я в 34 году, превратился в обрюзгшего, страдающего одышкой, всех и вся поносящего, вечно пьяного и проповедующего субъекта. Я ссориться не умею. И с ним поссорился неумело так, что стыдно вспомнить. Во время съезда пришел он ко мне в номер, и мы помирились. Трагическая судьба Гитовича, все изменения, вызванные в его существе временем, требуют полной ясности взгляда, если возьмешься их описать. А я этой ясности лишен. Как не мог в нужный миг рассердиться, так не могу простить сейчас. Не столько его, сколько себя. И поэтому перехожу к следующей фамилии.

И опять этого человека нет на свете. **Гаккель Евгений Густавович**¹⁴⁶. Увидел я его в первый раз на сцене, в ТЮЗе, году в 23. Маленькая легкая фигурка, большая голова, большие руки. Он играл в какой-то сказке не то дворецкого, не то церемониймейстера, вел шествие придворных с жезлом, торжественно, под музыку, и чем-то меня очаровал¹⁴⁷. Кажется, чуть меланхолической серьезностью и музыкальностью, совпадением всех движений с торжественным маршем, что гремел за сценой. В 27 году я решил влюбиться в Зандберг¹⁴⁸. И это привело меня в ТЮзовскую среду. Мир, окружающий меня, состоял

¹⁴⁵ Гитович Александр Ильич (1909–1966) — поэт, переводчик. С 1937 г. руководил объединением молодых поэтов при Ленинградском объединении Союза советских писателей, в

¹⁴⁶ Гаккель Евгений Густавович (1892–1953) — артист, режиссер.

¹⁴⁷ Очевидно, Шварц видел Гаккеля в спектакле «Золушка» по Ш. Перро, поставленном А. А. Брянцевым в петроградском ТЮЗе. Композитор — Н. М. Стрельников. Премьера — 31 января 1923 г.

¹⁴⁸ Зандберг (по мужу Макарьева) Вера Алексеевна (1897–1975) — артистка, педагог. С 1921 по 1959 г. — в труппе ЛенТЮЗа.

тогда из людей под тридцать лет и моложе. Любовь в том мире занимала соответствующее место. Чирков Борис¹⁴⁹ был влюблен в Лизу Уварову¹⁵⁰, которая в те дни была женою Гаккеля, а он — в Верочку.

1 апреля

Ленечка Любашевский¹⁵¹ влюблялся во многих, а многие в него. Но романы у него были какие-то укладистые, бесшумные, только жена — живая, маленькая, быстрая, мать многих, уже взрослых детей — ревновала. Считалось, что живет он с семьей, но он упорно не выписывался из комнаты своей в Гусевом переулке. В те годы ходил он в красной косоворотке, поздно, чуть не самым летом, расставался с валенками, курил махорку. (Забыл сказать, что жена его была матерью многих детей — от первого своего мужа). Лиля Шик, она же Елена Владимировна Елагина¹⁵², преподававшая в ТЮЗе тех дней систему, говорила о Любашевском, цитируя кого-то, что для успеха у женщин нужно иметь хоть какую-нибудь резко выраженную черту. И он покоряет женщин валенками, рубашкой и махоркой. Впрочем, тут же добавляла она, что обаяние его так велико, что черты, отличающие этого тихого, мягкого, худенького еврея, только помогают успеху у женщин, а не обуславливают его. Любашевский стоял на одном полюсе любовных историй тех лет. У него все шло счастливо. А Ольга Артамонова¹⁵³ — на другом. Эту женщину любовь травила и терзала с первого ее настоящего романа. Известный режиссер, стоявший в 20-х годах во главе одной из московских студий, был героем этой истории, продолжавшейся одну всего ночь. Утром на репетиции он не поздоровался с ней. Когда встретились мы, она все поеживалась, все куталась в платок и курила. Муж рослый, декоративный, с острой бородкой, интеллигент работал в ТЮЗе администратором и запивал. И каялся. И снова запивал. Она тянула семью. Воспитывала дочку, крупную, как отец, и замкнутую, как мать, девочку лет пяти. Жить ей оставалось недолго, она уже хворала туберкулезом, но ни она, ни мы этого еще не знали. Вот ее любовь охватила так, как многие и не испытают никогда и не поверят, что так бывает. Однажды, услышав мою болтовню с Зандберг, она сказала: «Ах, что вы понимаете в любви». И я смутился, словно попался во лжи. Гаккель, которого вспоминаю, вокруг которого пишу среду, — тоже был влюбчив.

2 апреля

Но он занимал положение среднее между двумя полюсами. Он не был столь осторожен, как Любаш, но и не схватывала его страсть схваткой непреодолимой, наподобие родовой. Маленький, большеголовый, с волосами преждевременно редеющими, темными, легкий, длиннорукий, похаживал он по большой комнате, с большим роялем, где жили они с Уваровой. Обстановка была простая и вместе красивая по — художнически. Собирались у них люди интересные. Все больше художники: Ец¹⁵⁴, Двораковский¹⁵⁵, Верочка

¹⁴⁹ См. «Альтус Ефим Григорьевич», комм. 4.

¹⁵⁰ См. «Уварова Елизавета Александровна», с. 617.

¹⁵¹ См. «Любашевский Леонид Соломонович», с. 599.

¹⁵² Елагина (наст. фам. Шик) Елена Владимировна (Лилля) (1895–1931) — артистка, ученица Е. Б. Вахтангова, педагог, преподавала в студиях ЛенТЮЗа и Театра драмы.

¹⁵³ Артамонова Ольга Михайловна (1898–1928) — артистка театра кукол и ЛенТЮЗа

¹⁵⁴ Ец Иосиф Михайлович (1907–1941) — художник-график.

Зенькович¹⁵⁶. Гаккель умел играть на рояле, владел языками, много читал. Имел склонность к литературе. Я с удивлением и почтением узял, что в Одессе показывал он свои рассказы Бунину, и тот был с ним ласков. По его описанию, Бунин был человеком высокого роста — и я все не мог сообразить, соответствовало это действительности или сказывался малый рост самого Гаккеля. Человек такого вида не мог долго оставаться только актером. И, похаживая по большой своей комнате, держа большие свои ручки перед собою, на весу, делая ими загребающие или захватывающие движения, строил он планы постановок. Мне понравился очень его спектакль «Разбойники Шиллера»¹⁵⁷. Тут он написал интермедии, и мы увидели не только пьесу, но и самого автора. Не только «Разбойников», но и Шиллера. Тогда это произвело впечатление. Потом написал он пьесу по «Тили Уленшпигелю» и поставил ее¹⁵⁸. Отношения с Брянцевым у него все осложнялись, и перешел он во взрослый театр. Не помню, что за имя носил тогда нынешний Театр Ленинского комсомола¹⁵⁹. Как и человеческий организм, театр обновляется так, что ни одной клетки не остается прежней. Кажется, сохранял он еще имя Красный театр. Дела у Гаккеля шли, по слухам, хорошо. Он мало был связан с театральной средой, в которой он теперь оказался. Актеры любили его, потому что угадывали его любовь к делу.

3 апреля

Но у него была верность к первым театральным впечатлениям, как будто являлись они его убеждениями. Зон¹⁶⁰, считавшийся режиссером более слабым, — сделал вдруг резкий шаг в сторону системы Станиславского. Ездил к самому Константину Сергеевичу, был им признан. Он решительно порвал с прежней своей манерой, с той, скажем, с которой ставил «Дон Кихота»¹⁶¹. Да это ему и не трудно было. А Гаккель задержался с перестройкой. Году в 30-м пошли мы на какую-то постановку его. Премьера была почему-то в Выборгском Доме культуры¹⁶². Шла какая-то пьеса Любашевского, тоже еще в манере 20-х годов. С цитатами из «Невского проспекта» Гоголя и остросовременными сценами, тут же, возле. Впрочем, может быть, и не эту пьесу он ставил. Но помню точно, была она примерно этого вида. Действие металось от картины к картине, с заседания завкома на Невский проспект

¹⁵⁵ Двораковский Валериан Дмитриевич (р. 1904) — художник-график.

¹⁵⁶ См. «Зенькович Вера Владимировна», с. 587.

¹⁵⁷ Спектакль «Разбойники Шиллера» Гаккеля по произведениям Ф. Шиллера был поставлен Гаккелем в ЛенТЮЗе в 1927 г. (премьера — 18 октября).

¹⁵⁸ Спектакль «Тиль Уленшпигель» по Ш. Де Костеру был поставлен Гаккелем в ЛенТЮЗе раньше, чем «Разбойники Шиллера». Премьера состоялась 22 мая 1926 г.

¹⁵⁹ Красный театр был создан в Ленинграде в 1924 г., в 1926 г. слился с театром «Красный молот» и в 1927 г., когда Гаккель пришел туда режиссером, назывался передвижным коллективом при Леноблпрофсовете, после ряда реорганизаций в 1936 г. получил наименование Ленинградский театр им. Ленинского комсомола.

¹⁶⁰ См. «Зон Борис Вульфович», с. 585.

¹⁶¹ Спектакль «Дон Кихот» А. Я. Бруштейн и Б. В. Зона (по М. Сервантесу) был поставлен в ЛенТЮЗе в 1926 г. (премьера).

¹⁶² Премьера спектакля «Фронт» по пьесе Д. Дзэля (Л. С. Любашевского) в постановке Гаккеля состоялась в Выборгском Доме культуры 3 февраля 1930 г.

прошлого столетия, а оттуда в колхозы, а оттуда на границу. И все это освещалось большей частью фиолетовым светом. Так и вижу: освещенный этим лучом пограничник на огромном овальном камне читает, взяв наизготовку ружье, отрывок из «Невского проспекта». Впрочем, может быть, и не совсем так, но камень и свет — были. И в этой робкой верности двадцатым годам — что-то залу не понравилось. Вскоре услышал я с удивлением, что Гаккель оставил театр и поступил в тот институт в Москве, что готовит кинорежиссеров. Забыл его название. Насколько я мог заметить, кинорежиссерами делались те, кто решился на это. Из работников киностудий или кинофабрик, как назывались они в те дни. А режиссеров с высшим режиссерским образованием — не наблюдалось. Гаккель, кончив ГИК (вспомнил название), — кинорежиссером не сделался. Тем, что пошел он учиться, показал он нерешительность. А чтобы стать кинорежиссером, повторяю, надо было решиться. Но он вернулся в театр и дела его пошли хорошо. Встречались мы редко. С Лизой Уваровой он разошелся, сохранив с ней дружеские отношения. Влюблялся. Был художником, кажется, в Казани.

4 апреля

А жизнь все шла и шла. Гаккель, когда встречал я его на улице, радовал меня, и сам он улыбался с искренней радостью. Если распутать клубок ощущений и мыслей, думаю, что обоих нас веселило воспоминание о начале знакомства, об очень светлых днях в Мисхоре, куда заходил я с Петром Ивановичем¹⁶³ пешком. (Светлых по освещению — не в переносном смысле). О влюбленности тех лет. О первых спектаклях. Гаккель женился, обожал ребенка своей жены, вернулся в Ленинград, поселился в нашей надстройке, стал работать в так называемом блокадном театре¹⁶⁴. А время все шло. Все реже ходили слухи о новых романах в нашей среде. А появились слухи о болезнях. И кто-то сообщил, что у Гаккеля в Казани был инфаркт. Мы еще так мало чувствовали возраст и так мало верили в смерть, что приняли эту новость не с горечью, а с любопытством, не лишенным некоторой остроты. Словно рассказы об однокласснике, познавшем женщину. Да и сам Гаккель, встретив меня на лестнице, рассказал о болезни своей скорее с удивлением. Но она свое дело знала. Скоро пятый этаж стал ему страшно труден. Но он, все ходил. Все ставил пьесы. За несколько месяцев до его смерти театр имел жестокость послать его в гастрольную поездку, чтобы мог он продолжать репетиции и следить за порядком, а когда после этого стало Гаккелю совсем худо, сообщил театр, что освобождает его от работы. Труппа возмутилась. Но было уже поздно. И Евгений Густавович с достоинством, мужественно умер в больнице. За несколько часов до смерти читал Лизе Уваровой какое-то стихотворение Блока. Верный человек!

Следующая фамилия в книжке: **Гуковский Г. А**¹⁶⁵. И этого человека нет на свете.

Далее идет **Гарин Эраст Павлович**¹⁶⁶. Тут надо мне будет собраться с силами. Тут я не знаю, справлюсь ли. Это фигура! Легкий, тощий, непородистый, с кирпичным румянцем,

¹⁶³ Соколов Петр Иванович (1892 — около 1941) — художник, ученик К. С. Петрова-Водкина. Незаконно репрессирован.

¹⁶⁴ Так называемый Блокадный театр в Ленинграде — ныне Драматический театр им. В. Ф. Комиссаржевской — был открыт во время блокады Ленинграда 18 октября 1942 г. в помещении Театра комедии.

¹⁶⁵ Гуковский Григорий Александрович (1902–1950) — литературовед.

¹⁶⁶ Гарин Эраст Павлович (1902–1980) — артист, режиссер. С 1922 по 1936 г. — в труппе Театра им. Вс. Мейерхольда, с 1936 г.

изумленными глазами.

5 апреля

С изумленными глазами, с одной и той же интонацией всегда и на сцене, и в жизни, с одной и той же повадкой и в двадцатых годах, и сегодня. Никто не скажет, что он старик или пожилой человек — всё как было. И кажется, что признаки возраста у него — не считаются. И всегда он в состоянии изумленном. Над землей. Всегда опьянен, не может без этого жить. И если не опьяняется душа сама собой, то принимает он с утра свои полтора и еще, и еще, и еще. У него есть подлинные признаки гениальности: неизменяемость. Он не поддается влияниям. Он есть то, что он есть. Самое однообразие его не признак ограниченности, а того, что он однолюб. Каким кристаллизовался, таким и остался. Он русский человек до самого доньшка, недаром он из Рязани. Он не какой-нибудь там жрец искусства. Разговоры насчет heilige Ernst¹⁶⁷ просто нелепы в его присутствии. Он — юродивый, сектант, старовер, изувер в своей церкви. Он проповедует всей своей жизнью. И святость веры и позор лицемерия утверждает непородистая, приказчицкая его фигура с острым и вместе с вздернутым носом и изумленными глазами. Чем выше его вдохновение, тем ближе к земле его язык, а на вершинах изумления — кроет он матом без всякого удержу. Как многие сектанты его вида, строг к людям. И восторжен. Когда ставил он пьесу Юры Германа «Сын народа», отрицал он резко меня. Теперь я у него в мастерах. Эти страстные поиски людей не для себя, для церкви, привлекательны, когда числит он тебя в мастерах. А когда он тебя отрицает, замечаешь особую его деспотичность. Родовую. Про него нельзя, собственно говоря, рассказывать, не сказав ничего о Хесе¹⁶⁸ с тощей, словно великомученица. С подозрительностью и мнительностью, порожденной первым ее театром. С великодушием и добротой. Она дрожит над Эрастом, мучается.

6 апреля

Далее следует фамилия, наводящая чувства тоскливые, как бывает это в страшном сне. Я говорю о **Голубевой**¹⁶⁹. Волосы, как пакля, выпцветшие не то от перекиси не то от внутренних ядов. Под этой куафюрой, в которой есть что-то от Медузы Горгоны, мягкое личико и глаза мопса. Недовольные и озабоченные. Говорит быстро, сыплет, сыплет слова. На двух — трех нотах не больше. Энергия и проникаемость, как у вируса. Слово вирус паратифа или гриппа злокачественного. Ее, Голубеву, не поймашь и не выжжешь. А что она захочет в недовольстве и озабоченности своей выесть, то и выедает. Пантелеев и Маршак оправились после нее, заразы. Организм осилил. Но думаю, умер от нее не один десяток людей. Были времена, когда питательная среда оказывалась для нее особо благоприятной и обильной. Когда же обстановка делалась здоровой, то она уходила в недра, в кости, в резерв. Однажды едва ее не схватили. Всех, пишущих о Сергее Мироновиче Кирове или Сереже Кострикове, считает она людьми, подлежащими уничтожению. И когда писатель Холопов¹⁷⁰ затеял роман об астраханском периоде жизни Кирова и приехал туда,

¹⁶⁷ святой серьезности (нем.).

¹⁶⁸ Локшина Хеса Александровна (1902–1982) — режиссер, жена Гарина, начала свою творческую деятельность в Театре Вс. Мейерхольда

¹⁶⁹ Голубева Антонина Георгиевна (1899–1989) — детская писательница. Автор книг о детстве и юности С. М. Кирова: «Мальчик из Уржума» (1936), «Сергей Костриков» (1939), «Рассказы о Сереже Кострикове» (1941), «Заря взойдет» (1957).

¹⁷⁰ Холопов Георгий Константинович (1914–1990) — писатель. С 1957 г. — главный редактор журнала

в Астрахань, в обкоме лежало уже страстное и красноречивое заявление Голубевой, доказывающее, что Холопов проходимец. И он потратил порядочно времени, прежде чем доказал обратное. Когда выбирали наше партийное бюро, Голубева предварительно сбегала в райком и там из всех своих желез выделяла секреты, убийственные для Холопова. Но на собрании ее пристукнули. Собирались исключить из партии за клевету. Однако дело ограничилось выговором. Некоторое время личико под куафюрой казалось еще более мятым, собачьи, боксерской породы, глаза — еще озабоченнее. Но месяц за месяцем — и наш фильтрующийся вирус пробрался через фильтр. И на съезде она уже злобствовала и с могучей проходимостью проникала в нужные места, выделяла, что надо. И делишки ее идут по — прежнему.

7 апреля

Следующая запись — **Григорьева Наташа** (в Москве)¹⁷¹. Это Наташа Соловьева, с которой познакомился я в 1902 году. Пятьдесят три года прошло с того дня, летнего дня (это я помню отчетливо, что летнего), когда увидел я соловьевский дом и сад, которые вошли в мою душу навеки. Три девочки — Наташа, Леля¹⁷² и Варя¹⁷³. Наташа была на два года старше меня, Леля — на неделю, а Варя — на два года моложе. В первые годы шло знакомство наше неровно. С Наташей я даже дрался. А потом стали мы все друзьями. Сейчас Наташа все работает, отдаваясь делу своему по — женски, всем существом. Она стенографистка Президиума Академии наук и живет интересами своего президиума, словно интересами семьи. Такие работники и предают учреждениям, так сказать, абстрактным многие свойства живого организма. Плохих академиков встречают холодно, а хороших тепло. Бывают по — женски несправедливы и по- женски чутки. И отдают делу все силы. Ничего взамен не ожидая. Особая Наташина самоотверженная доброта приводит к тому, что у нее вечно кто-нибудь живет или с кем-то возится она, отдавая остатки сил и ничего не требуя. Требовательна, мнительна, обидчива она со своими, по особым, недоступным сознанию законам душ подобного рода. Мужа любила она больше, чем детей. Длинного, детски благородного Глеба¹⁷⁴ — любит, но не во всю силу. А он вызывает и у чужих заботу и беспокойство. О Леле¹⁷⁵, более твердо стоящей на земле, и не говорю. Она, Наташа, при каждой встрече года три-четыре назад страстно и убежденно жаловалась на нее, на Лелю. Сейчас все установилось. Думаю, что после ухода и смерти мужа она, Наташа, так и не приходила в себя. Мужа нет, дети далеко, молодость ушла — одна работа не ушла, не изменила. Там, на работе, она всем нужна. Вот она и любит ее всем своим существом. Каждый приезд я встречаю ее с удивлением. Живет существо доледникового периода!

8 апреля

«Звезда».

¹⁷¹ Григорьева (рожд. Соловьева) Наталия Васильевна (1894–1975) — друг детства Шварца.

¹⁷² Соловьева Елена Васильевна (1896–1919) — друг детства Шварца, сестра милосердия, погибла во время гражданской войны.

¹⁷³ Соловьева Варвара Васильевна (р. 1898) — друг детства Шварца, впоследствии врач-терапевт в Майкопе.

¹⁷⁴ Григорьев Глеб Николаевич (р. 1928) — капитан дальнего плавания. Сын Н. В. Григорьевой.

¹⁷⁵ Григорьева Елена Николаевна (р. 1923) — дочь Н. В. Григорьевой.

Следующее имя — тоже Наташа, **Наташа Грекова**¹⁷⁶ — существо сложное, нежное и отравленное, словно принцесса какая-нибудь. Дом, где она живет с детства, — на углу улицы Достоевского и Кузнечного переулка. Нет, второй или третий от угла. В самом рыночном, суетливом, с лотками, пьяными инвалидами — месте. Аходишь в подъезд — попадаешь в мир, которого нет. И это тревожит, как будто вошел в комнату, где лежит покойник. Слишком широкие сени. Выложенная кафелем надпись «Добро пожаловать» по — латыни или французски: все рассчитано было на жильцов, которые уже не живут на свете. Единственная квартира уцелела тут с доисторических времен и при этом мало изменилась и сохранила прежних обитателей — квартира в бельэтаже, где проживал много — много лет Иван Иванович Греков¹⁷⁷. Был он широко известный профессор, хирург. Славился в литературных кругах как человек своеобразный, резко выраженного характера. Дружил с его семейством и с ним особенно — Федин¹⁷⁸, но после романа «Братья» — разошлись. Показалось Грековым, что семья их изображена в романе и при этом не так, как следует. С Наташей мы познакомились в Коктебеле. Тоненькая, с лицом в самую меру длинным, как полагается девушкам этой породы, черные волосы, светлые глаза, едва заметный пушок на верхней губе, крошечный рот. Угадываешь сразу, что она из хорошей семьи. Но тут же чувствуешь ее обреченность. Или отравленность, как я уже говорил. Каким ядом? А тем, что одинаково губит детей академиков, генералов, королей. Невидимые оранжерейные яды. Итак, познакомились мы с Наташей в Коктебеле и осенью 32 года вошли в дом на улице Достоевского. Двери открыл нам Иван Иванович. Как всегда бывает в огромных семействах, на звонок долго никто не шел, каждый надеялся на другого, пока, рассердившись, сам профессор не отпер нам двери.

9 апреля

Мы увидели большую темную переднюю с зеркалом, столиком, картиной в овальной рамке, такой же темной, как стены, стулья с высокими спинками, пол с ковром. Иван Иванович показался мне старым, старше, чем ждал я по рассказам. Стариковская посадка белой головы, сутулость, седые усы вперед, прямо на тебя, словно бы для того, чтобы отстранить, борода. Глаза небольшие, строгие, по — стариковски беловатые. Но все же, не глядя на возраст, на белизну сильно поредевших волос — он существовал, уж он-то был весь в настоящем, не в пример дому и передней, где, как я узнал со временем, полагалось ждать пациентам. Иван Иванович считался одним из первых в стране хирургов. И завоевана была эта слава не случайно. Сразу угадывал ты человека недюжинного, нашедшего себя. И по — русски не раздувающего этого обстоятельства. Он, например, терпеть не мог, когда называли его профессором. Хотя имел это звание. Он знал себе цену. Но знал и цену славе. Не хотел ей верить. Он был серьезный человек, вот в чем дело. И он существовал. А у вещей и у стен вокруг вид был неуверенный, словно ждали они с минуты на минуту, что попросят их присоединиться к их племени, ушедшему на тот свет много лет назад. По длинному коридору прошли мы в огромную и тоже неуверенную в праве своем на существование Наташину комнату. Принцесса тоже была неуверена в себе, неуверена в нас и все поглядывала на отца — как мы приняты. А тот все отодвигал, отстранял меня усищами, чтобы отодвинуть подальше и разглядеть. Но вскоре отношения стали много проще. Он

¹⁷⁶ Грекова Наталия Ивановна (1908–1982) — дочь И. И. Грекова.

¹⁷⁷ Греков Иван Иванович (1867–1934) — врач-хирург. С 1895 г. до конца жизни работал в Обуховской больнице в Петербурге, на базе которой в 1932 г. организовал Медицинский институт, с 1915 г. — профессор Психоневрологического института (ныне 2-й Ленинградский медицинский институт)

¹⁷⁸ Федин Константин Александрович (1892–1977) — писатель, общественный деятель

обожал Наташу и поэтому скоро признал нас. Им я восхищался, а Наташу обижал. Ее нежность, уязвимость, особое, вечное беспокойство по поводу того, как относятся к ней друзья, рассеянность, слабость были мне очень уж знакомы по мне самому. И я вечно придирался к ней, был попросту жесток. Но у Грековых любил бывать. Признаки времени, двух времен выступали там.

10 апреля

И меня трогала приязнь человека в этом направлении не слишком щедрого, во всяком случае разборчивого. По мере того, как открывалась нам комната за комнатой — все отчетливее выступала призрачность обстановки. Она умерла, но не сдавалась. В столовой и комнате хозяйки висели картины, все небольшие, в золотых рамках. На рамках — таблички с фамилиями художников. Когда-то были они, вероятно, ценимы, эти художники, почему-то все больше французы — но умерли и вымерли и ценители, и они сами. А главное, умерла и школа. И страшновато было, когда ты вдруг понимал, что всех этих покойников принимают за живых. А они умерли настолько недавно, что запах тления еще носился вокруг них. Самая большая комната — кабинет Ивана Ивановича был темноват по тонам. И носил подчеркнуто полемическо — русский характер: кресло, письменный прибор. И это очень, очень русскому Ивану Ивановичу — не слишком шло. Как не нужно ему было звание профессора. Национальность угадывалась по признакам более драгоценным, как и его мастерство. Семья Ивана Ивановича была велика. И самой страшной, трагической фигурой был первенец его, тоже Иван Иванович. Тоже врач. Лет за семь до нашего знакомства он сошел с ума внезапно. Припадок буйного сумасшествия. Диагноз — шизофрения. И в течение семи лет жил он в семье, в огромной этой квартире. Не хватало духа отвезти его в сумасшедший дом. Санитар ходил за ним — припадки буйства случались у него часто и без всякого внешнего повода. И вдруг Ваня — так звали его дома — поправился так же внезапно, как заболел. Семь лет болезни выпали из его сознания. Молчаливый блондин, среднего роста, с лицом странным, бессмысленным, появлялся за столом. И все помалкивал. Он не то, что был задумчив, а как бы ни о чем не думал. И все мне казалось, что он вот — вот заболеет снова. Однако он здоров до сих пор. И работает.

11 апреля

Следующая по возрасту, после Ивана Ивановича, была дочь. Как ее звали? Нелли. Елена Ивановна. Вот у нее не было и признака аристократической обреченности, что все время так и сказывалась в Наташе. Но и отцовских черт она не унаследовала. Была похожа на мать. И по примете — не была счастлива. Лицо красивое, но портило его недоброе выражение. Как понял я много позже — она была никак не зла, а только сердилась на нескладную свою судьбу. Была она в те дни замужем, но как-то непонятно. Как будто неудачно. Наташа осторожно намекала, что они вот — вот разойдутся. И жили они как будто розно. Муж, в морской форме, тонкий, молодой, высокий, с лицом жестоким, со слишком светлыми глазами, вечно под хмельком, и в самом деле, очень уж не подходил ко всему грековскому укладу. Даже когда пел под рояль песенку Вертинского о кораблях в забытых гаванях. Кроме родных детей, в одной из комнат огромной квартиры жила беленькая, болезненно застенчивая девочка — подросток. Очень нервная, замученная призраками умерших комнат. Нет, не подростком она была, а девушкой лет семнадцати. Следующей за столовой была комната матери семейства Елены Афанасьевны¹⁷⁹. Женщина высокая, в меру полная, скорее осанистая, с очень ясными следами замечательной красоты. Она была членом Союза писателей. По старому, еще дореволюционному уставу — автор, выпустивший в свет

¹⁷⁹ Грекова Елена Афанасьевна (1875–1937) — писательница, жена И. И. Грекова.

книгу, имел право войти в союз. У Елены Афанасьевны вышла некогда книга рассказов¹⁸⁰. Каких? Кто знает. Дома о них не говорилось. И у нее в семейной жизни не все ладилось. И у нее выражение лица было обиженным. И кроме того, ошеломленным. Она все откидывала голову гордо и при этом глядела с таким выражением, будто не совсем ясно понимает, что ей говорят. Где-то в недрах квартиры обитала древняя, совсем белая немка, гувернантка, вырастившая грековских детей. Двигалась она медленно, плавно. Ведала хозяйством. Подходила к телефону и вместо «я слушаю» говорила «я сюсю».

12 апреля

Однажды за столом, задетая какой-то невинной шуткой Ивана Ивановича, она разразилась длинной тирадой. Она сообщила нам, что в этом доме ее уже ничто не может удивить. Однажды она даже встретила в коридоре церковь. И молча поклонилась ей, и прошла дальше. Иван Иванович отнесся к этому заявлению весело, а Елена Афанасьевна заподозрила тут какое-то неуважение к ней. Беспомощно сказала: «Иван Иванович — ну что это она!» и гордо откинула назад голову. Но ошеломленное выражение сняло всю надменность позы. Гости у Грековых бывали трех видов: ученики и коллеги Ивана Ивановича, знакомые дочерей и, наконец, самый близкий к призрачной, засидевшейся посмертно обстановке их — круг хозяйки дома. Тут бывал некогда известный актер и автор пьес, шедших в «Кривом зеркале» — Урванцов¹⁸¹. Бывали вдовы некогда известных художников. Бывала известная поэтесса Изабелла Гриневская¹⁸², страшная, рослая, очень старая, с лицом, сохранившим какую-то тень миловидности. Выражением своим несколько ошеломленным напоминала Елену Афанасьевну. Мне казалось, что вызвано выражение возрастом — никак не может поэтесса к нему привыкнуть. Бывал некто, которого называли пушкинистом — человек вечно пьяный, вечно смеющийся, с заплетающимся языком. Он, этот пушкинист, заявил однажды, что няня Пушкина пережила его на много лет. А на возражение ответил: «Ну, не знаю, только я сам видел на кладбище ее могилу». Знакомые Ивана Ивановича были много интересней. Среди них самым любопытным показался мне Сперанский¹⁸³. Квадратный солдатский затылок, умышленная грубость речи. Тогда только что заговорили о его блокаде. Шишков¹⁸⁴ спросил, в чем смысл этого открытия. И Сперанский ответил резко: «Смерти боитесь? Нет уж, бессмертия не дожидетесь». Но почувствовав, что добряк Шишков только удивился его грубости, сразу смягчился и стал говорить.

¹⁸⁰ Е. А. Грекова — автор четырех книг: «Рассказы» (СПб., 1911), «Кусочек голубого неба. Рассказы» (Пг., 1916), «Богатырь. Повести и рассказы» (Пг., 1921), «Душа Сибири. Повести и рассказы» (Пг., 1923).

¹⁸¹ Урванцов Лев Николаевич (1865–1929) — драматург, беллетрист, автор популярных в предреволюционные годы пьес, широко шедших в столице и провинции. В театре «Кривое зеркало», работавшем в Петербурге — Ленинграде с 1908 по 1931 г., шли пародии Урванцова на мелодраму — «Жак Нуар, или Анри Заверни», на оперетту — «Восторги любви» и др.

¹⁸² Гриневская Изабелла Аркадьевна (1864–1944) — поэтесса.

¹⁸³ перанский Алексей Дмитриевич (1887–1961) — патофизиолог. В 1923–1928 гг. — ассистент И. П. Павлова, организатор (1926) и руководитель экспериментального отдела в Институте хирургической невропатологии (Ленинград), создатель своеобразного учения о роли центральной нервной системы при разных заболеваниях. Его книга «Элементы построения теории медицины» (М.—Л., 1935) пользовалась в свое время широкой популярностью. «Блокада» — временное нарушение нервных связей посредством инфильтрации тканей раствором новокаина

¹⁸⁴ Шишков Вячеслав Яковлевич (1873–1945) — писатель

13 апреля

Говорил убедительно и ясно. Медицина, старейшая из наук, а до сих пор не имеет теории. Все чистейшая эмпирика. Мы пробуем создать эту теорию — и так далее. И это был человек русский, очень русский. Он не в силах был начать говорить, не разрушив, не наказав свирепо половину, по крайней мере, своих предшественников. Да нет, что я говорю — всех, за двумя — тремя исключениями. И жил он свирепо —, все нападал, и поучал, и казнил. У Ивана Ивановича в Обуховской больнице ставил он опыты свои по блокаде, и на этот период времени был у него Иван Иванович — в исключениях. Он признавал блокаду, значит принадлежал к той же церкви. Личная жизнь, как и у всех людей его вида, не удалась. Да и не могла никак удалась. В Кирове, во время войны познакомился я у Мариенгофа¹⁸⁵ с одним его гимназическим товарищем, ныне — профессором Военно — морской академии. С гимназических лет не видал Мариенгоф этого человека. Разговор шел напряженно, пока не коснулся случайно Сперанского. И профессор забыл все. Как влюбленный, которого бросили без всякой причины и вины, жаловался профессор на капризы, переменчивость, сумасбродство Сперанского во всех его жизненных, а главное, научных делах. «Объясните мне, — все вопрошал он, — имеет ли право серьезный ученый выступать на серьезном заседании так, будто он отказался от собственных теорий или думает от них отказаться и считает чуть ли не дураками тех, кто сотрудничал с ним вчера». Производил в те годы Сперанский впечатление человека крупного, в котором играют силы. Но силы недобрые. Вроде тех, что веселье сводят непременно к битью зеркал и обмазыванию горчицей чужих физиономий и прежде всего к мордобою. И считают это, по свойствам натуры, чуть ли не обязанностью порядочного человека. И обвиняют в холодности и безразличии тех, кого в эту сторону не манит. Мрачность подобного веселья вызвана, вероятно, многовековыми обидами и неизлечима, врождеа. Люди ума живого безобразничают обоснованно.

14 апреля

Бывал у Грековых терапевт, профессор Горшков¹⁸⁶, тоже усатый, с бородкой, белый, тоже с общим ощущением талантливости, но менее характерный, более мягкий, чем Иван Иванович. Бывали его ученики и среди них Петя Сиповский, о котором рассказывал я, вспоминая Сталинабад. Остальных молодых врачей не запомнил, бывали они редко, от случая к случаю. Однажды Иван Иванович подмигнул на одного из них, сидящего скромно за стаканом чая. Подмигнул глазом и усом добродушно и удовлетворенно и сообщил вполголоса: «Он сегодня сделал первую операцию на сердце». В обыкновенные дни, когда не было гостей, Иван Иванович выходил к столу и выносил графинчик с петухом внутри. До самого гребня был покрыт петух разведенным спиртом. Был с нами Иван Иванович ласков и внимателен. Однажды, — в тот день почему- то ужинали мы у Наташи в комнате, — он почистил собственноручно кильки для Кати. И мы удивились ловкости и быстроте, с которой совершили это его золотые руки. О нем говорил кое- кто из хирургов весело, а кое- кто с раздражением, что моет он руки с меньшим педантизмом и меньше времени, чем положено. А он возражал на это, что для асептики, кроме чистоты, нужна быстрота. Сколько времени открыта полость — дело первейшей важности. И он разработал технику какой- то операции желудка, сведя ее к двадцати с чем- то минутам вместо часа с чем- то. Впрочем, вероятно, я неточно говорю. Так запомнилось. Две операции, кажется, разработал он. В те дни, когда у Ивана Ивановича были гости званные, занят был весь огромный стол. Однажды Елена

¹⁸⁵ См. «Мариенгоф Анатолий Борисович», с. 602.

¹⁸⁶ Горшков Михаил Алексеевич — врач-терапевт. Зав. терапевтическим отделением Обуховской больницы

Афанасьевна распустила волосы и все с тем же ошеломленным выражением еще красивого лица продекламировала гостям «Письмо женщины» Апухтина. И все хлопали. А поэтесса Изабелла Гриневская сказала: «Я ненавидела это стихотворение. Женщина не должна так писать мужчине. Унижать себя. Но вы примирили меня с ним вашим исполнением. Bravo!»

15 апреля

Мы, несмотря на вечную войну, уже воцарившуюся в детской ленинградской литературе, жили, в сущности, еще довольно тесной семьей. За нами потянулись к Грековым Олейников¹⁸⁷ и Хармс — еще пестрее стало в грековском доме. Олейников попал в большой день, когда собрались гости Елены Афанасьевны во всей своей силе. Призраки, но при этом из мяса, костей и крови, что делало их куда более пугающими, чем классические полупрозрачные. Олейников со свойственной ему впечатлительностью даже рассердился на меня, что не предупредил я его о том, что ждет его в доме с выложенной кафелем надписью «Добро пожаловать» по — латыни или по — французски. Точнее, он заподозрил, что я не заметил всей мрачности этого зрелища и обрушился на меня со всей язвительностью своей. Но вскоре он притерпелся. Особенно ему пришлось по характеру Иван Иванович. Они разговаривали охотно друг с другом. Однажды Иван Иванович спросил Олейникова: «Какая школа в медицине, по — вашему, лучше, — немецкая или французская?» «Желая ему сделать приятное, я ответил — немецкая, — рассказывал потом Олейников. — Мне почему-то показалось, что она должна ему нравиться больше. А он даже рассердился на меня! Оказывается, немцы считают, что боль вреда не приносит. А французы — что она развивает в организме яды и борются с нею. Не боятся наркотиков. И они правы!» Нравился Ивану Ивановичу и Хармс. Так и шли дни за днями. А дела у Наташи Грековой не ладились. Работала она у профессора Лондона¹⁸⁸, по биохимии, но все опаздывала в лабораторию. Печально и неуверенно, своим высоким, чуть дрожащим голосом жаловалась она, что не подняться ей утром! Кто-то из физиологов советует, проснувшись, сделать несколько резких движений ногами. Это усиливает кровообращение, вызывает бодрость. Но у нее не хватает энергии и на эти несколько движений. Ирина Сиповская, сестра Пети, сердилась на это.

16 апреля

Ирина обладала семейной трудоспособностью и жизнеспособностью. Перенесла в детстве костный туберкулез и заметно хромала. Болезнь часто давала рецидивы и при этом мучительные — но Ирина жила ровно, спокойно, не жалуясь. Она обожала отца своего, которого уже не было на свете, когда мы познакомились. И не ладила с матерью, некогда — красавицей, о которой Тынянов говорил всегда с улыбкой: «Да, хороша, хороша была». Ирина не унаследовала материнской красоты. Лицо у нее было простое. Но всегда у нее кто-то был. И был человек, в нее влюбленный. И она кого-то любила, и не вызывало это ни малейшего удивления. В ней угадывалась за спокойствием и сдержанностью ее жизненная сила, которая, как где-то у Островского говорится: «дорогого стоит!»¹⁸⁹. С нею вместе мы не без наслаждения ругали Наташу. И Наташа не обижалась, напротив — охотно шла на

¹⁸⁷ Олейников Николай Макарович (1898–1937) — поэт, детский писатель, редактор журналов «Еж», «Чиж», «Сверчок». Незаконно репрессирован, 24 ноября 1937 г. расстрелян

¹⁸⁸ Лондон Ефим Семенович (1868–1939) — патофизиолог, биохимик и радиобиолог.

¹⁸⁹ «Этот поцелуй, Юлия Павловна, дорогого стоит», — говорит Флор Федулыч Прибытков во втором действии пьесы «Последняя жертва» А. Н. Островского.

разговоры подобного рода. Даже иной раз сама заводила их. Бедная царевна понимала, что надо менять жизнь. То есть менять себя, — а как? Легко сказать.

В 34 году была премьера «Клада»¹⁹⁰. Я позвал Ивана Ивановича с Наташей. На генеральную репетицию. В те дни шел в ТЮЗе ремонт фойе. Зрителей задержали перед началом репетиции на лестнице. Я вышел из-за кулис и ужаснулся. В толпе стоял у перил Иван Иванович с лицом серым, ссутулившись больше обычного, с мертвенным взглядом. Возле Наташа, встревоженная и беспомощная. «Мне бы сесть, голубчик, только бы сесть!» Я бросился к Брянцеву, и мы проводили Ивана Ивановича в кабинет директора. Летом я встретил в Сестрорецке профессора Горшкова с дочерьми. И он отвел меня в сторону и попросил, чтобы объяснил я как-нибудь семье Ивана Ивановича, как тяжело тот болен. Не хотят они этого понять, а он все время — на волосок от гибели. За ним надо смотреть.

17 апреля

Но никто не хотел верить, что Иван Иванович болен так тяжело. Не верил этому и сам он. Иной раз исчезал он, скрывался от гостей в своей спальне. Лежал и читал «Историю» Соловьева¹⁹¹, но чаще оставался среди гостей. Я очень любил неторопливые, негромкие его рассказы. Так, однажды рассказал он, как поступил сначала на филологический Московского университета. И пробыл там год. И вот пришло время экзаменов. И греческий язык сдавал он в темном, полуподвальном помещении. Холодно, сыро. «И напала на меня, голубчик, тоска. Выхожу — просто идти не могу от тоски. Что же — это, значит, на всю жизнь? В гимназии греческий, тут греческий. Не могу дышать, взял извозчика. Приехал домой. Измерил температуру — 40! Воспаление легких. Тяжелое. Увезли меня после болезни на Дон. А когда вернулся — не могу учиться на филологическом.

Опротивел он мне. И поступил я на медицинский. И на первой операции, которую увидел, потерял сознание». Рассказывал с удовольствием он о разных течениях по обезболиванию и как пострадал он сам однажды на этой почве. Пришел в клинику с сильнейшей зубной болью и попросил выдернуть зуб. И молодой доцент взмолился: «Позвольте я сделаю это!» Три точки он определил, при всprыскивании в которые наступало полное обезболивание. Иван Иванович согласился... После удаления зуба доцент спросил: «Ну, как?» — «Больно было, голубчик!» — «Какой вы терпеливый человек! — сказал доцент с уважением. — Профессор такой-то по всему саду от меня бегал, а я за ним со щипцами». О своих успехах, о своих операциях — никогда ни слова не говорил Иван Иванович. А был он всегда и прежде всего в работе. В ее сути. Тут не потянет хвастать. Однажды сказал он дочери: «Никогда бы не согласился на операцию. Такая страшная встряска всего организма!» Он стоял перед самым делом с его трудностями и задачами, которые еще не решены.

18 апреля

Люди подобной породы, которым, на мой взгляд, цены нет, не то что лишены честолюбия. Но видя свое дело во всей сложности, они понимают всю относительность собственных успехов. Успех им приятен, но основные желания, их настоящая жизнь проходит в другой сфере. Наташа рассказывала, что когда он был еще молодым хирургом, то сделал очень сложную операцию какой-то женщине. Операцию ноги. И пациентка Ивана Ивановича, поправившись, ехала на пароходе, где познакомилась с Чеховым. И Чехов, узнав, какая была операция, сказал, что делал ее, несомненно хороший хирург. Об этом рассказала

¹⁹⁰ Шварц ошибочно указывает эту дату. Премьера спектакля «Клад» в ЛенТЮЗе состоялась 8 октября 1933 г.

¹⁹¹ Говорится о многотомном труде «История России с древнейших времен».

Наташа, о других успехах и победах Ивана Ивановича — ученики и друзья, а он молчал о деле своем. Нет, о своем участии в деле. Был он человеком могучего самообладания. Обыкновенно врачи избегают лечить близких людей. Даже диагноз не решаются поставить. А Иван Иванович оперировал старшую дочь от первого брака. У той был рак груди. Спасти ее не было почти возможности. Один шанс из тысячи. Уж очень запущенный был случай. Никто не соглашался на операцию, а Иван Иванович не мог отказаться хотя бы от тени надежды. И провел операцию с обычным своим блеском. Но было уже поздно. Держался он всегда спокойно до строгости, отстраняя усищами и взглядом неугодного, но холоден не был. И была у него обостренная впечатлительность, отзывчивость, доходящая до слез, что смешит людей без памяти и воображения. Задевшее его слово, или представление, не снимая его суровости, вызывало, как это бывает со старыми людьми с душой, разработанной до глубины и вполне до глубины живой, — слезы на глазах. Так вот он и жил, окруженный людьми, которых сам избаловал донельзя и за которых болел теперь душой, подчиняясь колее, которую сам создал. Щедро отдавая все, что зарабатывал.

А с Наташей мы все ссорились. Я ненавидел в ней те силы, или, точнее, ту слабость, что знал и за собой. Но я раздражался. В ненависти есть некоторое уважение, а я все ругался. Безжалостно.

19 апреля

Однажды я имел жестокость сказать, что приду к ней в гости, только если Иван Иванович будет дома. И она по слабости и нежности своей пожаловалась отцу. Ей нужно было, чтобы боль прошла немедленно, сейчас же, чтобы ее утешили и погладили. По тем же душевным свойствам своим, не уходила она, когда я бранился, а оставалась у нас, искала немедленного утешения у Катерины Ивановны. Или приходила на другой день и поглядывала тревожно и внимательно, старалась понять, не перестал ли я учить ее, не понял ли, что надо ее сейчас же утешить. А в доме у них становилось все тревожнее, никто не хотел верить, что нависла гроза над темными его коридорами и просторными темными комнатами. В именины Ивана Ивановича, — а может быть, произошло это в день его рождения, — собрались мы у них, как ни в чем не бывало, а вместе с тем чувствуя, что этого не следовало бы делать. Уже с неделю Наташа через свою горечь чувствовала и холод и страх — понимала, как болен отец. Но сил отказаться от праздника не нашлось. Собрались мы все сначала в Наташиной комнате. Здесь мы с Олейниковым написали Ивану Ивановичу поздравительные стихи:

«Я пришел вчера в больницу
С поврежденною рукой.
Незнакомые мне лица
Покачали головой.
Закрутили, завязали
Руку бедную мою.
Положили в белом зале
На какую-то скамью.
Вдруг профессор в залу входит
С острым ножиком в руке,
Локтевую кость находит
Лучевой невдалеке.
Плечевую удаляет
И, в руках ее вертя,
Он берцовой заменяет,
Улыбаясь и шутя.
Молодец профессор Греков —

Исцелитель человек.
Он умеет все исправить,
Хирургии властелин!
Честь имеем Вас поздравить
Со днем Ваших именин!»

Сначала не решались мы передать имениннику стихотворение, казалось нам, что слова «Молодец профессор Греков» звучат больно уж фамильярно, но Наташа сказала, что ничего, и пошла к отцу. Известно было, что чувствует он себя настолько плохо, что к гостям не выйдет. Скоро и меня потребовали к нему, и увидел я еще одну комнату.

20 апреля

В те годы странно было видеть, что работает человек в одной комнате, а спит в другой, но квартира Грековых была таинственно поместительна. Я до сих [пор] не уверен, что побывал во всех ее комнатах. Несомненно, не побывал: я не видал ни разу, где скрывается Ваня со своим странным лицом человека, спящего с открытыми глазами. Спальня Ивана Ивановича оказалась тесноватой, скромной. Мужской. На одеяле лежал томик «Истории» Соловьева. Глядел на меня Иван Иванович одобрительно, глаза за густыми бровями весело поблескивали, усы не были нацелены на меня, а разошлись широко — он улыбался. Он остался очень доволен нашим стихотворением. «Какой-то процесс описан», — сказал Иван Иванович и усмехнулся. Понравились ему и строчки:

«Он берцовой заменяет,
Улыбаясь и шутя».

«Да, уж тут пошутить», — сказал он весело. Скоро мы услышали, что Ивану Ивановичу лучше. Однажды я увидел его днем на Владимирской у трамвайной остановки. Он одет был всегда не то что неряшливо, а без заботы об этой стороне своего быта. Заговорившись, не заметил, что отходит нужный ему номер, и большими шагами, почти бегом, догнал вагон и вскочил на переднюю площадку. «Нет, он еще поживет», — подумал я. Через несколько дней пришли мы в гости к Ивану Ивановичу. И Хармс с нами. Иван Иванович появился в столовой веселый, обычная бледность исчезла. Я даже подумал, что он после ванны. Оказалось, что нет. «Как вы хорошо выглядите, Иванович», — сказал я. «Не знаю, почему, голубчик! Может быть, потому, что я прямо с похорон хирурга?» Оказывается, пришел Иван Иванович с гражданской панихиды по Вредену¹⁹². Там ему стало плохо, один из его учеников, молодой врач, увел его в какой-то из кабинетов клиники, усадил, и Иван Иванович отдышался и повеселел. И сказал: «Стыдно врачу признаваться, а ведь я не верю, что умру». Об этом случае узнали мы через несколько дней. Иван Иванович не рассказал домашним о своей дурноте. Был оживлен на редкость. Даже чуть возбужден.

21 апреля

Как бы праздничен. И вечер прошел весело. Наташа смеялась своим высоким, надтреснутым смехом. Хармс достал белые целлулоидные шарики, с которыми не расставался, и со своим обычным спокойным видом, словно ничего он особенного не делает, стал показывать фокусы. И это оценил Иван Иванович. Глаза его весело заблестели за

¹⁹² Вреден Роман Романович (1867–1934) — врач, хирург-ортопед, организатор и руководитель первого в России Ортопедического института.

густыми бровями, и дрогнули усы. Мы весело простились с ним. А на другой день прибежала к нам Ирина Сиповская и, едва успев я открыть ей дверь, сказала, что Иван Иванович умер. Что делать? Идти сейчас к Грековым? Но после такого страшного удара дом представлялся изменившимся, непонятным, разрушенным, как после взрыва. Сейчас там не до чужих. Ирина рассказала, что был Иван Иванович в Институте усовершенствования врачей. Шел по коридору под руку с приехавшим из Москвы Розановым¹⁹³ и еще каким-то хирургом, фамилию которого забыл. Был он весел — обоих этих людей он очень любил. После заседания они собирались пообедать вместе. И Иван Иванович сказал: «Что это мы всё заседаем, заседаем — надоело!» и вдруг опустился на пол. Умер. Двадцать минут бились с ним друзья, вспрыскивали, что положено, все не хотели верить тому, что произошло. На гражданскую панихиду в Обуховской больнице пришли мы с Сиповскими какими-то боковыми входами. Переполненный зал. Иван Иванович суровый лежит высоко в гробу. Поставлены кресла для семьи. Мы задержались в маленькой полутемной комнатке, здесь формировали четверки почетного караула. Попал в такую четверку и я. И едва занял я место у гроба, как Наташа вскрикнула горестно и тоненько: «Женя», и заплакала вся грековская семья. Всем припомнилось, как встречались мы до сих пор и вот как встречаемся мы теперь. Начались речи. Карпинский¹⁹⁴, тогдашний президент Академии, кроткий, до того старый, что вели его под руку, маленький, говорил с детской простотой, как ему жалко Ивана Ивановича. «Мы не были знакомы домами, но я знал, какой он хороший человек, какой ученый»

22 апреля

И когда Карпинского увели и одевали, он все оглядывался кротко, как добрый ребенок, и казалось, что от седины его исходит свет. Говорил на панихиде и Павлов¹⁹⁵. У этого старость была стальная. Высокий. Надежный — сам поддержит под локоть, при случае. Такого вести не требуется. И речь свою начал так: «Великий учитель человечества, Христос, сказал: «Возлюби ближнего своего», — и зал зашевелился и зашелестел, пораженный, но тихонько, не нарушая похоронного чина. На похороны мы не пошли, все по той же ошеломленности, особой застенчивости. Народу собралось множество — огромная толпа проводила Ивана Ивановича до кладбища. И кто-то из знакомых рассказал мне, что есть такое поверие: покойник встречает на том свете каждого, кто проводил его до могилы. И я подумал с огорчением, что меня Иван Иванович, значит, не встретит. Через несколько дней позвали нас к Грековым, и Елена Афанасьевна просила не оставлять дом, собираться, как в дни, когда Иван Иванович был жив. И Сперанский за ужином сказал речь с бокалом в руке, сердитую речь по отношению к живым, смеющим полагать, что мог бы Иван Иванович прожить дольше, ведь он более осторожный, осмотрительный образ жизни. «Прожил Иван Иванович ровно столько, сколько мог. И умер стоя, как римский император». В этот вечер впервые заметил я на маленьком столике кабинетную фотографию — Иван Иванович с маленьким Ваней на руках. На стуле, в свободной и легкой позе, придерживая легко мальчика, молодой, чернобородый, весело глядел он вперед и весь был полон той игрой, тем оживлением, что вспыхивало в его глазах до последнего дня. И я вдруг подумал: «Теперь я

¹⁹³ Розанов Владимир Николаевич (1872–1934) — врач-хирург, в 1922 г. оперировал В. И. Ленина, с 1931 г. заведовал кафедрой хирургии в Центральном институте усовершенствования врачей

¹⁹⁴ Карпинский Александр Петрович (1846–1936) — геолог, общественный деятель, с 1917 г. — президент АН СССР

¹⁹⁵ Павлов Иван Петрович (1849–1936) — физиолог, создатель материалистического учения о высшей нервной деятельности.

могу, вспоминая, выбирать любого Ивана Ивановича. Того, что на карточке, не существует больше. Но нет и того, что неделю назад жил среди нас, то задыхаясь, то приходя в себя. На этой карточке он счастлив, и легок, и весел. И вот о таком и буду думать сегодня. Он прожил целую жизнь — а я из нее выберу, чтобы утешиться, Ивана Ивановича молодым.

23 апреля

Без Ивана Ивановича сборища у Грековых стали догорать, дымить. Наташа еще некоторое время у нас бывала, но постепенно, постепенно этот период жизни переменялся. Грековы исчезли, погасла беспокойная дружба с Наташей. Не могу вспомнить, как совершилось это замирание. Вскоре вышла Наташа замуж. Грековская бесконечная квартира смирилась, уплотнилась. С Грековыми совсем разошлись наши дороги году в тридцать пятом. А года три — четыре назад передавали по радио записанную на пленку мою встречу с детьми во Дворце пионеров. Там читал я сказку. А минут через пять после конца передачи — звонок. И нетерпеливый детский голос спрашивает: «Ну, а куда она ушла? Жаб?» — «А кто это говорит?» — «Ваня говорит. Куда она потом пропала? Зазвонил телефон, они выключили радио!» Тут раздался знакомый высокий надтреснутый смех, началом тридцатых годов пахнуло на меня — Наташа Грекова взяла трубку. Ее сынишка Ваня потребовал, чтобы вызвали к телефону меня, раз уж помешали дослушать передачу. Елена Афанасьевна умерла. Нелли и Наташа только и оставались в старой квартире. Ваня работал где-то на периферии. Все это я знал, но, слушая Наташу, представлял я себе тот же бесконечный грековский дом и не в силах был представить себе другого. Увидел я потом и мальчика. Красивый, крепкий, глаза синие, немножко уж слишком независимый. На меня он поглядывал с удивлением, не лишенным насмешки. В прошлом году увидал я на площадке электропоезда Наташу. Ваня, уже школьник, стал прихварывать, приходится жить с ним в Зеленогорске. И такой отчаянный, такой непослушный! Наташа жаловалась не на прежний лад — ей, в сущности, нравилась определенность характера мальчика. Виски у Наташи чуть поседели, стал заметнее пушок в углах крошечного рта. Она работала в какой-то лаборатории в каком-то институте. Мне казалось, она — принцесса в изгнании — скорее довольна жизнью. Я записал ее телефон — вот откуда он в послевоенной книжке.

24 апреля

Следующий телефон — **Гиппиус Никодим Васильевич**¹⁹⁶. Длинный, белокожий, длиннотелый, юный, когда увидел я его впервые, еще молодой сегодня. Как титул что-то изменяет в твоём представлении в ту или другую сторону, но непременно отражается на твоём отношении к человеку, так и Дима был для меня еще и Гиппиус. Этот род только что был владетельным в литературе. Не говоря уж о Зинаиде¹⁹⁷, отец Димы, Василий Васильевич¹⁹⁸, занимал вполне по праву заметное место в истории литературы. В этой науке, точнее говоря. Едва приехав в Ленинград, слышал я еще об одном Гиппиусе — забыл, по растерянности своей тогдашней, о котором. Кажется, его звали Владимир¹⁹⁹. Говорили,

¹⁹⁶ Гиппиус Никодим Васильевич (р. 1918) — артист, драматург, сценарист, заведующий литературной частью Ленинградского драматического театра в 1950–1951 гг.

¹⁹⁷ Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) — писательница, поэтесса, критик

¹⁹⁸ Гиппиус Василий Васильевич (1890–1942) — литературовед, поэт, переводчик

¹⁹⁹ Гиппиус Владимир Васильевич (псевдонимы Вл. Бестужев и Вл. Нелединский) (1876–1941) — поэт, литературовед. Брат Василия Васильевича Гиппиуса.

что это человек, гениально одаренный. В памяти моей существуют едва освещенные пространства, в которые следовало бы вернуться для проверки. И вот в них — то и занимает заметное место Владимир Гиппиус, о котором, как будто, говорили как о человеке трагически погибшем, не высказавшем себя. Есть и еще Гиппиус — или был, занимавший место в длинном списке секретарей Корнея Ивановича. Об этом, кажется, вспоминал Корней Иванович, улыбаясь и отмахиваясь. Должность оказалась тому не по конституции. Память о Зинаиде Гиппиус еще была совсем свежа в Ленинграде. Показывали дом Мурузи, где жили Мережковские²⁰⁰. С яростью говорил о ней Белый²⁰¹. Сердился на нее и Корней Иванович²⁰². Однажды, впрочем, уже много позже, в тридцатых годах, представил я ее себе особенно ясно в рассказе тетки Ираклия Андроникова²⁰³, одной из тоже многоталантливой семьи Гуревичей. Она описала с врожденным этому роду мастерством молодую, надменную, блистательную, золотоволосую, насквозь литературную, окруженную поклонниками Зинаиду Гиппиус начала века. Больше всего говорила она о золотых волосах ее. И династический отблеск этого золота угадывался и в пышной шевелюре Василия Васильевича, и в длинных прямых волосах Димы, несмотря на дальнейшее родство. У Зинаиды Гиппиус не было ни малейшей примеси рыжего — именно золотые волосы. У Димы, пожалуй, цвет их мог чуть смутить. Профиль у Димы был чуть вял, сделан утомленной рукой.

25 апреля

И цвет лица был слишком уж бледный. Итак, Дима воспринимался мной как последний в роде. Династическая одаренность сохранилась в нем, но золото его головы не собиралось ли перейти в рыжий цвет? Впрочем, несмотря на некоторую вялость профиля, был он скорее энергичен и никак не глуп. Метнуло его в актеры, потом в киноактеры. Здесь, в одном из капустников, где человек высказывается полнее, он написал прелестный монолог. Пародию. Я такие вещи уважаю. Было это в Доме кино. Потом его метнуло в завлиты Ленинградского драматического театра²⁰⁴. Был он завлитом энергичным, сужу по себе — я тогда собирался для них написать сказку «Василиса — работница», и он со мной по этому поводу встречался. Потом из театра его вышибли по соображениям загадочным. И его метнуло в драматургии. Он приносил мне показать пьесу с двумя инженерами — хорошим и карьеристом. Сейчас он пишет сценарии. Как и его внучатая двоюродная или троюродная тетушка, он — сын своего времени.

Следующий телефон — **Газ**. Когда появилась у нас в квартире газовая плита и газовая

²⁰⁰ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941) — писатель и Гиппиус Зинаида Николаевна, его жена.

²⁰¹ В воспоминаниях А. Белого «Начало века» следующие строки посвящены З. Н. Гиппиус: «...в те годы она — confidentка, мне нужная; еще не видел я тени ее, ставшей ею впоследствии, когда она — стала тень; это — сплетница, выросшая в клеветницу и кляузницу!» (М.—Л., 1933, с. 434)

²⁰² В дневниковой записи от 15 января 1953 г. Шварц фиксирует рассказ К. И. Чуковского о Д. С. Мережковском и З. Н. Гиппиус: «... уже решив бежать, ходили по издательствам и собирали авансы. До отъезда были они с Корнеем Ивановичем ласковы, все просили советов и помощи, подписывая договоры в непривычных обстоятельствах, а бежав, стали обливаться грязью. Гиппиус посвятила ему стихи, где говорила, как радуется ее всегда приход «седого мальчика с душою нежной», а за границей ругала его, как торговка» (Шварц Е. Живу беспокойно... Из дневников. Л., 1990, с. 276).

²⁰³ См. «Московскую телефонную книжку. Андроников Ираклий Луарсабович», с. 623. О З.Н.Гиппиус, очевидно, рассказывала Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1940).. — литературовед, историк театра, критик.

²⁰⁴ См. «Гаккель Евгений Густавович», комм. 18.

ванна, точнее — газовая белая с раструбами, вроде пелеринки, наверху — колонка, жизнь приняла новый оттенок. Чайник закипал через две — три минуты. Быстро нагревалась и заполнялась ванна. И вместе с тем — угрожающий запах газа наполнял иной раз комнаты. Горелки у нас оказались излишне энергичными. Газ выбивался из них с такою силою, что сам себя гасил. Монтеры учили нас вкладывать в устье трубок, подающих газ в горелку, надломленную и согнутую по надлому спичку, однако это не всегда помогало. А однажды квартира наполнилась угрожающим запахом, когда закрыты были все горелки. Вот тут и появился телефон, по которому и вызвали мы монтера. Пришел мальчик из уважаемой мною породы согласившихся работать. Двигая стремянку с места на место, он со спичкой в руках обследовал все наши трубы.

26 апреля

И вдруг расцвел, обрадовался — возле соединения двух труб, у самой гайки вспыхнул, неуверенно мигая, синий огонек — утечка газа обнаружилась. И он справился с аварией, о чем я расписался в соответствующей ведомости. Электричество и водопровод мы не замечаем, словно явление природы, а газ еще обсуждаем и находим в нем недостатки: он разводит в квартире сырость, от него гибнут комнатные цветы, болит голова. Но, хваля квартиру, уже говорят: центральное отопление, телефон, газ. И под большие праздники он горит заметно слабее. Все готовят на газовых плитах и в газовых духовках.

Следующая фамилия **Гор Геннадий**²⁰⁵. “Это благообразный, коротко стриженный лысеющий человек в очках, очень, очень, очень культурных пристрастий в области литературы, живописи и вообще искусства. Был за это столь часто и строго наказываем, что вид имеет всегда неуверенный, глаза вопрошающие. Любит французскую живопись. Сообщает с величайшей радостью: «В Эрмитаже выставили нового Сезанна²⁰⁶». Писал формалистично, а теперь пишет просто из жизни народов Севера, которых любит, кроме всего прочего, и за их живопись, к формалистичности которой не придерешься. Много читает. Увидев у меня Леви — Брюля²⁰⁷, сказал: «Это у меня настольная книжка», чему я, при всем уважении к Леви — Брюлю, подивился. Живет трудно. Спасает хозяйственность жены, являющей полную ему противоположность. Могучая блондинка. Русская. Еще два — три года назад было вполне ясно, что заставило культурного Гора жениться на простой женщине. Сейчас она несколько отяжелела, что и простительно ей по возрасту: ведь она уже бабушка. Впрочем, ни одного седого волоса у нее нет. Сын Гора геолог²⁰⁸. Мальчик острый, лишенный благообразия отца и добродушия матери. Высок. Бледен. На лице красные пятна. Но судя по строгой и сосредоточенной наружности — это обстоятельство, собственная красота, волнует его мало. Учился великолепно, перескочил через курс, что является исключением. На практике зарабатывал так много, что не раз выручал семью. Сестра²⁰⁹ на

²⁰⁵ Гор Геннадий (наст. имя Гдалий Самойлович) (1907–1981) — писатель

²⁰⁶ Сезанн Поль (1839–1906) — французский художник.

²⁰⁷ Леви-Брюль Люсьен (1857–1939) — французский этнограф и психолог. Имеется в виду его книга «Первобытное мышление», вышедшая в русском переводе в 1930 г.

²⁰⁸ Гор Юрий Геннадиевич (р. 1930) — геолог

²⁰⁹ Дочь Г. С. Гора Лидия Геннадиевна (р. 1932) — биолог, вышла замуж за сына Кирилла Федоровича Огородникова (1900–1985) — астронома, доктора физико-математических наук, профессора Ленинградского университета, Сергея Кирилловича Огородникова (1933–1985), ставшего впоследствии доктором химических наук.

него совсем не похожа. Познакомились мы с нею году в 37, вероятно.

27 апреля

Горы переехали в надстройку позже, чем мы. Им дали чью-то освободившуюся квартиру. И вот, однажды, услышала Катерина Ивановна громкий звонок. Она открыла — никого. Но едва она успела закрыть дверь — снова звонят. И увидела Катюша маленькую девочку, с белыми пушистыми волосами, очень привлекательную и растерянную. И девочка спросила шепотом: «Скажите, пожалуйста, где мы живем?» Это дочка Горов заблудилась в бесконечных наших коридорах. Она росла проще, чем бледный их мальчик с красными пятнами на лице, росла, как подобает привлекательной девочке с пушистыми волосами. Вышла замуж на первом курсе, но брак оказался непрочным. Она ушла от мужа. И года полтора назад вышла замуж прочно, за сына профессора Огородникова. Я встретил его недавно: он в пижаме выносил ведро с мусором. И родилась у Гора внучка — аккуратненькая, складная, с правильными чертами лица. Гор очень доволен, гуляет с нею, сохраняя, впрочем, все то же неуверенное, вопрошающее выражение. Как это ни странно, мне гораздо удобнее и проще разговаривать с ней. Говорят, что она бывшая домработница. Она так спокойно занимает место в жизни, так заботливо ведет дом, так понятна в полной простоте своей, что мне это, прости господи, внушает больше уважения, чем полное страха пристрастие ее мужа к высокой культуре. Я думаю, что от настоящих привязанностей в этой области, его так же отвадили, как собаку доктора Иванова в Брянцевке, в Донбассе — от охоты. Ивановского сеттера так избил кухарка за то, что будучи щенком, охотился тот на цыплят, что всю остальную жизнь боялся он любой птицы. Почуввав перепелку, поджимал хвост и ложился. У всех у нас зрение, обоняние, вкус и некоторые другие чувства в большей или меньшей степени вывихнуты. И ничего нет приятного, когда чужое вопрошающее и неуверенное выражение напомнит тебе о разрушенной цельности.

Следующий телефон — **группком домработниц**. Несмотря на тяжелую Катину болезнь, до 34 года обходились мы без чужого в доме.

28 апреля

Потом пришлось нам пережить это сложное изменение в домашнем укладе. В войну снова обходились мы своими силами. Потом, после того, как снова заболела Катюша в 49 году, опять появилась у нас домработница. До войны помещался их группком в многоэтажном доме на улице Пестеля, недалеко от Фонтанки. Помещался он в самом первом этаже, за витриной, словно какое-нибудь ателье. Отношения были до крайности просты: зайдешь, заключишь договор, внесешь деньги за марки и все тут. После войны обнаружить группком удалось не сразу. Нашелся он возле ТЮЗа на Моховой во втором этаже дома новой стройки. Никаким образом не шел он тут тебе навстречу, как на улице Пестеля, не глядел на тебя приветливо из-за чисто вымытых витрин. Здесь он преобразовался в существо недоверчивое и строгое. Катюша хворала, и в первый раз отправился я на заключение договора с домработницей. Я попал в женское царство. Впрочем, какое там царство. Здесь никто не царствовал и не управлял. Тут служили. Кому? Не работникам коммунального хозяйства. И не их нанимателям. И не самим себе. Строгие и недоверчивые женщины служили строго установленным правилам. Если в их недоверчивости и строгости, в страстности, с которой они проявляли эти свойства существа своего, сказывалось и нечто личное, человеческое, то это было результатом событий, разыгравшихся за стенами учреждения и не имевших к нему отношения. Их кто-то обидел и тяжело обидел, может быть, муж, может быть, любовник, может быть, сама жизнь, и теперь женщины эти хотели показать нам всем, что больше это никому не удастся. Я должен был принести целый ряд справок. Например, что домработница не состоит со мной в родстве. Причем, неясным оставалось, кто может дать такую справку. Выяснилось, что я сам, а домоуправление должно

было заверить только мою подпись. Справка о заработке. Я предложил считать по максимальной ставке. Нельзя без справки. Справка из милиции. Возможно, что каждая из справок была разумна и целесообразна, но никто и попытки не делал объяснить это нам. Напротив — тайно радовались непониманию нашему.

29 апреля

Но все кончилось хорошо в конце концов. Договор был заключен — это раз. А во — вторых — больше ни разу не пришлось мне побывать в этом матриархате. Причем обращались матери со всем миром, словно мачехи.

Следующая фамилия **Григорович Юрий Николвич**²¹⁰. Он пришел поговорить, разузнать — не соглашусь ли я написать либретто для балета. Был он артистом Кировского театра и, в отличие от балетных мальчиков, с самых первых слов произвел впечатление человека, а не только цветущего растения. Он уже пробовал себя в качестве балетмейстера и надеялся получить постановку. Черненький, большеротый, среднего роста, подобающей худобы и ладно скроенный. Ведь их измеряют сантиметром, прежде чем примут в балетную школу. Я начал говорить с ним относительно его намерений. Конечно, ему хотелось сказку. Преодолевая некоторое отвращение, я стал беседовать с ним на эту тему. Отвращение, точнее страх, вызывал не будущий балетмейстер. Боже избави. Боялся я духа, что властвует в их театре. Вот где было царство женщин, да еще молодых и жадных до работы. Да. До работы прежде всего. Во имя этого шли они на все. Один физиолог рассказывал, что кто-то из его собратьев собирался заняться специальной работой о танцовщицах. Зная, сколько работают они у штанги, на репетициях, на спектаклях, он считал их выносливость загадочной. Он полагал, что в организме их должны произойти изменения, еще неизученные. Возможно. Во всяком случае — все у них было направлено к одному, все силы их существа: к балету. Драматические актрисы чаще вели жизнь обычных млекопитающих. А балерины любили страстно, сильнее всего в мире — танцевать. И это фантастическое, вне-женское, на первый взгляд, монашеское стремление не могло бы оттолкнуть меня — напротив. Пугали пути, которыми добивались они удовлетворения страсти. Володя Дмитриев²¹¹, который не только писал великолепные декорации, но и балетные либретто, с кем-то вдвоем, жаловался однажды Акимову. Балерина написала на него заявление. Самый факт его ничуть не удивлял. Он принял его вполне спокойно.

30 апреля

Словно являлся он естественной функцией балерины. Володя только никак не мог припомнить и понять, за что. При распределении ролей был он на ее стороне! Словом, все было естественно, огорчала только непонятность поступка. Когда встречал я тощих, не имеющих веса, все больше почему-то черноглазых, миловидных и таких кротких, не то, что злых мыслей, а просто мыслей не имеющих балетных девушек, то испытывал раскаяние. Они были так естественны, так сами по себе. Словно цветы. И только, когда начинали они рассказывать о подругах, то снова проскальзывало нечто сомнительное, угрожающее. Два последних, по времени, рассказа оказались таковы: одна девушка, неожиданно получившая роль, стоя под сценой у люка так испортила воздух, что рабочие чуть не упали в обморок.

²¹⁰ Григорович Юрий Николаевич (р. 1927) — артист балета, балетмейстер. В 1946–1964 гг. — в труппе Театра оперы и балета им. С. М. Кирова.

²¹¹ Дмитриев Владимир Владимирович (1900–1948) — театральный художник. Участвовал в создании балетных сценариев («Пламя Парижа», совместно с Н. Д. Волковым;* «Лебединое озеро», новая редакция сценария; «Утраченные иллюзии»; «Партизанские дни», совместно с В. И. Вайноненом).

Так позорно волновалась она перед выходом. А второй рассказ обвинял балерину некую в том, что пользовалась она ящиком стола как уборной. И все эти рассказы касались молодых, борющихся за право работы. И были, очевидно, порождены злобой. Однажды во время войны я сидел в директорском кабинете в театре города Кирова. Великолепное здание на грязной площади. Великолепный кабинет с бархатной мебелью. И вдруг коротенький, полненький директор театра встает из-за стола, подходит к дивану, стоящему у стены напротив, и, легко подняв короткую свою ножку, принимается давить нечто живое и многочисленное на бархатной диванной спинке. Червяки выползли из диванных недр. И я подумал: «Чего только не заводится в театре». Итак, испытывал я малодушный страх при мысли о недрах Театра оперы и балета. Но вот попадешь на балетный спектакль — и словно свежим ветром рассеивается сплетнический, за глотку хватающий туман предубеждения. Великолепное, близкое музыке, вне смысла лежащее зрелище охватывает твоё сознание. Стройно, словно звуки в оркестре, сочетаются и разлетаются на огромной сцене массы человеческих тел. И как в музыке — появление нового, очищенного от привычных представлений смысла. И чистота.

1 мая

И как всегда в переживаниях подобной высоты, похожее на влюбленность чувство жажды. Со смутным сознанием, что утолить ее — нет надежды, нет способа. И при встрече с Григоровичем последнее ощущение смутно заговорило во мне. И я как будто испытал желание присоединиться, стать участником того, что видел на сцене. Впрочем — очень смутное. Яснее говорило единственное, неизменное и могучее чувство, сопровождавшее меня всю жизнь — оставьте меня в покое. Опыт научил, что для этого спокойнее всего — изъяснить согласие, а там видно будет. И я согласился подумать. Но у Григоровича натура оказалась здоровая. Он вовсе не хотел покоя, а хотел либретто. Он зашел еще раз и еще, и кончилось дело тем, что я, к собственному удивлению, придумал нечто, соответствующее моему представлению о балете. И Григоровичу это понравилось. И я рассказал, по своей привычке слишком много болтать о том, что едва придумано, проект либретто Дзержинскому²¹², который состоял завлитом в Кировском театре. Оттуда позвонили. Потом прислали письмо. И я стал писать заявку, которую они с меня требовали. Но едва я дошел до середины, как в Комарове, когда не было меня дома, появился человек, отлично одетый и крайне самоуверенный. Он сообщил Кате, что вызван из Москвы Кировским театром, дабы стать моим соавтором. У него большой опыт в этой области. Он уже отыскал композитора. И так далее. И так далее. Я ужаснулся. Еще не прочтя либретто, не зная толком, в чем тут дело, разыскали они мне соавтора, который в свою очередь добыл композитора. Ну и дельцы! И обычное желание — оставьте меня в покое — разгорелось непобедимо. Профессионал кинулся мне наперерез, и театр полностью пошел ему навстречу²¹³. Это заставило меня прекратить работу. Но до сих пор я раскаиваюсь. Надоело мне отказываться. Зачем поддался я совершенно бесплодному ужасу. Балет царствует себе, не глядя на своих цариц и паразитов. И самоуверенный делец помог бы мне наяву пробиться к тому, что мне только

²¹² Дзержинский Иван Иванович (1909–1978) — композитор.

²¹³ В архиве Шварца сохранилось письмо Петра Федоровича Аболимова от 16 сентября 1953 г. Он писал: «В июле этого года, по просьбе дирекции Театра оперы и балета им. С. М. Кирова, я приезжал к вам в Комарово, но вас, к сожалению, не застал. Цель посещения — установить с вами творческий контакт по сценарию балета о скоморохах. Очевидно, вы об этом уже знаете от И. И. Дзержинского (Лит. часть театра). Если еще не отпала необходимость моего участия в совместной с вами работе над балетным сценарием, то я просил бы вас уведомить меня об этом и ознакомить с вашим первоначальным замыслом» (РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 92). Как видно из записи в книжке, Шварц отнесся резко отрицательно к предложению о соавторстве. Творческий контакт не состоялся.

приснилось. Но уже поздно.

2 мая

Под словом «Гараж» и соответствующим телефоном подразумевается Виктор Устинович, шофер, работавший у нас в начале нашей комаровской жизни. Герман еще не решился продать своего «Опель — капитана», а дела у него резко ухудшились. И мы решили держать машину пополам. И вот, Виктор Устинович (фамилию забыл) взялся привести машину в должный порядок и работать у нас. По совместительству. Основное его место было в гараже «Ленфильма», где служил он механиком. Высокий, сдержанный, деликатный, худенький, заботливо одетый, он совсем не походил на шофера ни повадками, ни поведением. Неспроста был он механиком гаража, а впоследствии перешел работать механиком на электростанцию студии. На работе дежурил он сутки, а двое суток был свободен, и мы звонили ему в гараж в дни дежурства, чтобы договориться. И он приезжал к нам. И в течение года привыкли мы к свободе, которую дает обладание машиной, когда живешь за городом. Вот едем мы в глубь Карельского перешейка, где земля подумывала вздыбиться горой, но природная сдержанность не позволила. Однако мы видим волны, покрытые вспаханнами полями и лесами, бесконечные волны, последние следствия усилий земли. Мы едем по гребню волны и видим далеко — далеко налево просторную спокойную долину, а за ней новую просторную спокойную волну. И чувство простора, покоя и все той же влюбленности, похожей на жажду, которую нет способа утолить, овладевает мной. Направо крутой холм. Тут было некогда имение. Дорога, усаженная старыми березами, ведет в пустоту, к вершине холма, где теперь зияет ямища с исковерканным котлом парового отопления, с грудками кирпичей, обломками фундамента, с уцелевшими кусками стен со следами штукатурки и масляной краски, рухнувшими всё в ту же ямищу. И множество ландышей по склону холма. Видимо, разводили их здесь, я нигде не встречал подобного изобилия. И по какой, бывало, дороге не поедешь, всё видишь новое.

3 мая

Дороги по Карельскому перешейку бегут, переплетаясь, и вот мы попадаем в лес, где холмы оказывались круче гораздо, чем я ждал по воспоминаниям. Озера встречались на пути. И всегда вспыхивала та самая, обожаемая мною жажда познания, проникновения в то, что поразило душу, показалось прекрасным, которую нет способа утолить. Которую как бы утоляешь попыткой сделать нечто подобное. Получается другое, но в случае удачи — родственное. И для этого вовсе нет надобности описывать то, что видел. Однажды я ехал с Виктором Устиновичем в Ленинград в такую снежную бурю, что не верилось мне. Не верилось, да и только. Душа смутилась — подобного еще не приходилось переживать. И я сдержанно глядел на снеговую пыль и хлопья снега, что остервенело мчались поперек шоссе, с моря. Радиомачта у Ольгино была закрыта полупрозрачным, густеющим и редющим, непрерывно мчащимся справа налево занавесом. И сама наша машина два — три раза за время пути как бы задумалась, не подчиниться ли ей отчаянным порывам бури, и не то что замедляла, а словно собиралась замедлить ход. Однажды я прилетел на самолете из Москвы. Виктор Устинович со сдержанной, но дружелюбной улыбкой встретил меня. И всю дорогу от Средней Рогатки до Комарова чудилось мне, что еду я к несуществующему (что чувствовал я все время, как бы сквозь сон), но ясно представляемому дому. Где меня ждут. Я видел ясно крышу, стены, сад.

Машина все изнашивалась. Особенно покрывки. Пришло время ее продавать. Денег не было ни у нас, ни у Германа, и Юра продал «Опель — капитана» кому-то, и наше полувладение пришло к своему концу.

Последняя фамилия на эту букву — **Голичников**²¹⁴, недавно скончавшийся. Он любил жизнь и умел хлопотать, и ему смерть так не шла! Мать его — румяная старушка сидела у гроба. И когда выносили ее сына, закричала, запричитала: «И все ты спешил сюда, все торопился, а больше никогда не придешь». Голичникова выносили из Союза писателей. Я много мог — бы рассказать о нем, но уж больно недавно он умер²¹⁵.

Д

А следующий телефон уже на букву «Д».

Дом кино²¹⁶.

4 мая

Когда попал я туда, в Дом кино, он был еще молод, и своей самоуверенностью и элегантностью чисто профессиональной раздражал и вызывал зависть. Для утешения я придумал, что разница между писателем и киношником такая же, как между обтрепанным и сомневающимся земским врачом и процветающим столичным зубным. Как зубной врач, имеющий свой кабинет на Невском, выходит в рассуждениях своих далеко за полость рта: «Рассказ делается так: сначала завязка, потом продолжение, потом развязка», — так и киношники судили обо всем на свете, не сомневаясь в своем праве на то. Любимая поговорка их определяла полностью тогдашнее настроение племени. Начиная вечер, ведущий спрашивал с эстрады ресторана: «Как живете, караси?» И они, элегантные, занимающие столики с элегантными дамами, отвечали хором: «Ничего себе, мерси!» Приблизившись к Дому кино, обнаружил я, что настоящие работники кинофабрики «Ленфильм» появляются там не так часто. И не они создавали тот дух разбитного малого, что отличал толпу Дома. Скромн, хоть и отлично одет, был Козинцев. Тихо держались братья Васильевы. Шумно и уверенно держалась безымянная толпа, что питается возле процветающего дела. А «Ленфильм» был на подъеме. Только что грянул успех «Чапаева», словно взрыв. Бабочкин, Чирков, Васильевы, Варя Мясникова подняты были волной до неба, стали разом, в один день, знамениты на всю страну²¹⁷. И картина имела, кроме официального, настоящий массовый успех. Имели успех и картины «Юность Максима», и «Возвращение Максима», и «Выборгская сторона»²¹⁸. Прославился «Великий гражданин» Эрмлера²¹⁹. Этот режиссер держался тоже скромно, хотя и необыкновенно значительно, как мыслитель. «Ленфильм» широко славился. И вокруг столпились, слетелись, зажужжали самые предприимчивые люди города. А может быть, и страны. Кроме картин вышеупомянутых, выпускала фабрика и

²¹⁴ Голичников Вячеслав Андреевич (1899–1955) — писатель. В 1937 г. — ответственный секретарь секции драматургов Ленинградского отделения ССП.

²¹⁵ А. Голичников умер 29 января 1955

²¹⁶ Дом кино в Ленинграде был открыт в 1930 г. В нем проводились творческие конференции и вечера, совещания, дискуссии, просмотры фильмов, встречи со зрителями

²¹⁷ В фильме «Чапаев» Б. А. Бабочкин снимался в роли Чапаева, Б. П. Чирков — в роли Крестьянина.

²¹⁸ Фильмы Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга, составившие трилогию о революционном движении в России в 1910–1918 гг., с Б. П. Чирковым в главной роли, выходили на экраны: «Юность Максима» — в 1935 г., «Возвращение Максима» — в 1937 г., «Выборгская сторона» — в 1939 г.

²¹⁹ Двухсерийный фильм Ф. М. Эрмлера (см. «Эрмлер Фридрих Маркович», с. 622) «Великий гражданин» с Н. И. Боголюбовым в главной роли вышел на экраны в 1938 и 1939 гг.

картины второстепенные, имеющие успех у своего зрителя. Совсем уже небрежно одетый Адриан Пиотровский²²⁰ был владыкою сценарного отдела.

5 мая

Считали они себя самым искренним образом самыми главными на земле. Был такой поэт по фамилии Тиняков²²¹, человек любопытный. Он просил на улице милостыню по принципиальнейшему и глубокому отрицанию каких бы то ни было принципов. И кто-то из Дома кино сказал: «Слыхали? Тынянов-то! Пока работал у нас, человеком был, а теперь на улицах побирается». Мало того, что Тиняков и Тынянов звучало для них одинаково. Они понятия не имели, что у Тынянова вышли романы, наделавшие шуму²²². (Не знала, впрочем, народная чернь, режиссеры знали). А чернь смутно помнила, что когда начинали ФЭКСы, Тынянов что-то там для них делал²²³. После войны Дом кино сильно притормозил. Да и слава «Ленфильма» поблекла. Беда в том, что нет сплошной и непрерывной истории театров, писателей, кинофабрик. «Ленфильм» получил имя киностудии, но не принесло это ему счастья. Ввиду отсутствия непрерывности, этот прежний «Ленфильм» терпел некоторые неудачи. Нет. Та история оборвалась. Образовалась пропасть между прежним, отличным, и новым, порицаемым, «Ленфильмом». Старые режиссеры рассматривались как новые, за которыми нужен глаз да глаз. И Дом кино соответственно изменился, стал менее разбитным и гораздо более склонным к теории. Там начались по средам семинары с просмотрами картин. Я не люблю ходить в театр. День, когда мне предстоит посетить спектакль знакомого режиссера или знакомого автора, полон тягостного ощущения несвободы. Любое другое времяпрепровождение кажется мне куда более привлекательным. А кино — люблю. В эти среды старался я заранее во что бы то ни стало освободить вечер. У меня была особая книжечка, дающая право посещать эти семинары, и я шел туда, в Дом кино, и стоял в очереди, чтобы мне отметили места в просмотровом зале. Царствовал на этих вечерах Трауберг²²⁴. Большеликий, с нагловатыми, а вместе и простоватыми, светлыми глазами, он энергично удалял внизу не имеющих права.

6 мая

Нет, он был не из тех руководителей, что скрываются где-то в глубинах и высотах, предоставляя черную работу администраторам и контролерам. Его невысокая, но и никак не низенькая, начинающая тяжелеть фигура все появлялась у самого входа, у самого контроля,

²²⁰ Пиотровский Адриан Иванович (1898–1938) — литературовед, театровед, киновед, драматург, переводчик, заведовал в те годы сценарным отделом «Ленфильма». Незаконно репрессирован, посмертно реабилитирован.

²²¹ Тиняков Александр Иванович (1886–1934) — поэт, незаконно репрессирован в 1930 г., в 1932 г. освобожден.

²²² В эти годы были изданы исторические романы Ю. Н. Тынянова «Кюхля» (1925) и «Смерть Вазир — Мухтара» (1927–1928, отдельное издание — 1929).

²²³ В 1921 г. Г. М. Козинцев, Л. З. Трауберг и С. И. Юткевич организовали мастерскую — студию «Фабрика эксцентрического актера» (ФЭКС), в 1926 г. Козинцев и Трауберг поставили фильм «Шинель» — сценарий Ю. Н. Тынянова по повести Н. В. Гоголя. Тынянов участвовал и в сборнике группы ленинградских литературоведов «Поэтика кино».

²²⁴ См. «Трауберг Леонид Захарович», с. 616.

и рассеянные и нагловатые глаза со странно рассосредоточенным выражением устремлялись куда-то в плечо или в темя человека, настаивающего на своем праве проникнуть в Дом кино. И своим решительным, чуть шепелявым говором он ставил просителя на место, свирепо разрубал узлы даже там, где они легко развязывались. Власть доставляла ему удовольствие. А он это любил. В кино народ подобрался, прости господи, не аскетический. Один из директоров кинофабрики, как рассказывали, до тех пор работавший по антирелигиозной пропаганде, будто бы приказал развесить по кино-фабрике плакаты, утверждающие, что бога нет. Когда до нас дошел этот слух, мы много смеялись. Киношники не нуждались в подобных разъяснениях., В большинстве поотсеялся тут народ цельный. Свойственные людям, с духовной жизнью несколько переразвитой, разногласия со своей физической природой, сознание греха или просто удивления перед собственной порочностью, или восхищение ею, свойственное декадентам — тут просто — напроосто исключилось. Тут все было упрощено еще и двадцатыми годами, в течение которых складывался облик киношников, определяющих характер Дома кино до 48–49 годов. Трауберг был особенно характерен тем, что занимал середину между нарядной чернью и творческими работниками. С последними роднила его склонность к теоретизированию. Чуть не каждый найденный прием тогда клали в основу теории. Но Трауберг и в этом не нуждался. Мыслитель он был чисто шаманского образца. Он начинал речи тогда, когда человек более рассудительный еще и думать-то последовательно не решался за неимением нужного количества мыслей. Он обходился, он пускался в дальнее плавание с ничтожным багажом и шел на дно.

7 мая

Но терпел он крушение со столь уверенным видом, тонул так теоретически высоко продолжая говорить, что подавляющее большинство слушателей оставалось в полной уверенности, что он приплыл благополучно к цели. Тем более, что они не слушали оратора. А сам Трауберг, утонувши, оставался жив и здоров и вместе с подавляющим большинством слушателей не сомневался, очевидно, в том, что доплыл, куда следует. Во всяком случае он даже пытался получить звание профессора Ленинградского университета, где провалили его представители наук точных. На ученом совете кто-то из физиков или из математиков, может быть, с несколько излишним высокомерием сказал: «Этак Мы и циркачей начнем принимать». И вопрос, несмотря на попустительство представителей наук гуманитарных, как-то рассосался сам собою. Не обсуждался. Был снят. При моей нелюбви к спорам не было ни одного обсуждения, ни одной встречи, где не вступал я в самой решительной форме в спор с Траубергом. Больше всего раздражало меня, что существует для Трауберга два несоприкасающихся мира. Один вполне реальный, в котором он пребывает, и второй, вполне вымышленный, который он считает по неряшливости и трусости мысли существующим. Искренно считает, что меня и пугало и приводило в ярость. То проповедует он на художественном совете, что советская семья не знает таких отношений, которые я робко и осторожно пытался изобразить в одном своем сценарии²²⁵: «Где видели вы в нашей жизни молодых супругов, которые ссорятся». То на какой-нибудь очередной встрече с писателями, глядя мимо всех своим рассосредоточенным взглядом невозмутимо, невозможно широкими мазками рисует он картинки из мира, который существует в его представлении и чудится ему обязательным. И если не потеряешь, слушая его, нити, как подавляющее большинство присутствующих, то к концу особый ужас, страх перед извращением сознания охватывает тебя. Ведь жил он в свое удовольствие, не отказывая себе ни в каких радостях в очень, очень сложной обстановке.

²²⁵ Шварц пишет о своем сценарии «Повесть о молодых супругах», первоначальное название его — «Первый год». Работа над ним относится к 1947–1949 гг.

8 мая

В такой особенной путанице жил Трауберг, что каждая попытка рассказать о ней выглядела бы, как сплетня, а вовсе не как картинка из жизни, решенной на плоскости, о которой Леонид Захарович столь обожал распространяться. Я никогда не понимал, что сближало его с Козинцевым, заставляло работать вместе. Козинцев возле него выглядел как человек другого измерения. Вот у Козинцева были и настоящие знания, и уж он с большим правом мог и выступать, и учить. Однако он брался за это в крайнем случае. Не могу, при моей дальнзоркости, говорить сейчас о Козинцеве, слишком близко подошел к нему, не вижу его. Взрыв. Удар, подобный по длительности и силе самому Октябрю. Один из многих, впрочем, в истории советского искусства и, тем самым, в истории Дома кино. Вот подобными переворотами и объясняется отсутствие непрерывности преемственности. Взрыв. Удар. И никого из прежних руководителей. Только в речах догрызают остатки их репутации. И последний удар по Дому кино оказался на этот раз прицельным. Поразили самую душу его. Самого Трауберга. Удар был ясен по целям. Трауберга надлежало уничтожить. Почему именно его? Не спрашивалось. По идеологической линии били его. И по лично — морально — этической. И немедленно из всех щелей поползли паразиты, ожидающие черного дня. И пошли показывать, на что способны. И я почувствовал впервые в своей жизни сочувствие к лежащему Траубергу, которого в течение двух — трех месяцев на поучение и устрашение били и наказывали. И снова история Дома кино прервалась. Он стал строже. Еще долго в коридорах и кабинетах и еще отчетливее во всем поведении сотрудников Дома, усидевших на месте, ощущался запах гари. Я жил долго в Комарове и когда недавно попал на просмотр «Укротительницы тигров», то резко ощутил перемену. Толпа словно утратила вдруг цвет. Посадили и режиссеры. А в ресторане, где решили мы поужинать, не было ничего. Коньяк нашелся и лимоны. А еды не дали. Сказали, что надо было предупредить. О чем? То время, когда кричал самый веселый из черни: «Как живете, караси» — казалось легендарным.

9 мая

Детиздат 226 помещается сейчас на набережной Кутузова, в здании чинном, не роскошном, но вполне дворянском. Бельэтаж принадлежит Дому детской книги. Сам Детгиз, а не Детиздат, я припомнил одно из девичьих его имен, расположен над ним. Входишь в чинное, вполне окостеневшее, сильно определившееся учреждение. Внизу за черным письменным столом помещена дежурная, которая не спрашивает пропуска и не осведомляется, зачем вы сюда явились, но только осуждающе взглядывает на вас, оторвавшись от разбора почты, чтения приказов или от целых кип упакованных книжек, доставленных из типографии. Поднявшись в самый Детгиз, видишь объявление, предупреждающее, что авторов принимают после таких-то часов. Кажется, с 2-х до 5-ти. Или после трех. Тобой овладевает впечатление, что остальное время суток здесь великолепно обходятся без авторов, которые только мешают налаженной и размеренной жизни издательства. Потом только воображаешь, что авторов не пускают сюда, чтобы без помех производить различные действия над их рукописями. В какое время ты сюда ни явился бы, в приемное или запретное, поражает тебя одно: пустота и тишина.

Впроходной комнате, перед кабинетом директора, сидят две секретарши. И никого. Изредка кто-нибудь пожилой терпеливо ждет приема. Оживление детиздатовское и госиздатовское, с авторами и художниками в коридорах, словно в клубе, — улеглось века

226 Детиздат — Издательство детской литературы создано в Москве в 1933 г., до 1941 г. название его сокращалось как Детиздат, с 1941 г. — Детгиз. Существовало и Ленинградское отделение.

назад. Директор Чевычелов ²²⁷, довоенный, несменяемый, маленький, с беспокойным взглядом, один глаз с прямоугольным зрачком. На голове тюрбейка. Без тюрбейки никто его не видел. Помню я его года с 26–27-го. Работал он в те годы в Гублите. По детской литературе. И ежедневно бывал в Госиздате. Однажды Хармс и Паперная ²²⁸, стоя на просторной, словно холл, площадке пятого этажа, пели какую-то песенку, кажется, немецкую. Выяснилось, что оба они ее знают, и, обрадованные, они, наклонившись друг к другу, негромко, но музыкально спевались. Боже, как поглядел на них Чевычелов, как обошел их, словно зачумленных. Петь в учреждении! И вот, придя к власти, он постепенно завел у себя тишину и порядок. Войдя к нему в кабинет, видишь ты его тюрбейку над большим столом.

10 мая

Под прямым углом к его письменному столу, через всю обширную комнату тянется длиннейший канцелярский, покрытый сукном. Вокруг — стулья. Тут происходят заседания. Витрины с вышедшими книгами висят по стенам. Насколько больше места, чем в довоенном помещении, в том, что в здании Филармонии, насколько больше порядка и насколько меньше книг. Всё катаклизмы! Они породили эту пугливую тишину и архивоподобный порядок. Они и сам Чевычелов. Я особенно ясно понял все его существо, разглядел, словно рака-отшельника, вынутого из раковины, когда его эвакуировали из блокадного Ленинграда в Киров областной. Было это зимой в конце 42 или в начале 43 года. Нет, ошибаюсь, осенью или весной — иначе откуда взялась бы лужа. Я встретил его на главной улице, в разорванном ватнике, заляпанном грязью. И едва успев поздороваться и ни слова не сказав об осажденном нашем городе, мало сказать, с негодованием, с таким лицом, словно увидел конец мира, поведал он, что произошло с ним в столовой для эвакуированных. Там же обедали инвалиды. И стали они ругаться матерно. А в столовой были дети. И Чевычелов приказал инвалидам вести себя прилично. Один из них пополз в драку. Чевычелов принял вызов и, несмотря на маленький рост, одолел и скрутил противника. О нем и в Ленинграде говорили, что он очень силен. Но тут противники, инвалиды, зашедшие в тыл, подняли Чевычелова на руки, причем разорвали ему ватник, и вытащили из столовой на улицу и швырнули в лужу. Но не это потрясло Чевычелова, словно светопреставление. А равнодушные власти. В областной милиции ему сказали, чтобы не совался он к ним с мелочами! Куда он ни жаловался, все только отмахивались. Привыкнув в Ленинграде к великолепно защищенным раковинам: издательство, горком комсомола и тому подобное и прочее — тут он вдруг оказался никому неизвестным, никому не нужным и полностью беззащитным. И это напугало его куда больше, чем голод, обстрелы, трупы на улицах. И он добился возвращения в Ленинград.

11 мая

Перед съездом я выступил с докладом на предвыборном собрании ²²⁹. И, пользуясь

²²⁷ Чевычелов Дмитрий Иванович (1904–1970) — директор Ленинградского отделения Детгиза с 1941 по 1959 г.

²²⁸ Паперная Эстер Соломоновна (1901–1987) — журналистка, критик, переводчица.

²²⁹ 6 декабря 1954 г. открылось отчетно — выборное собрание ленинградских писателей в Таврическом дворце. 7 декабря Шварц выступил с докладом по детской литературе. В «Литературной газете» от 11 декабря в отчетной заметке говорилось о том, что Шварц резко критиковал Ленинградское отделение Детгиза за чрезвычайную медлительность, нерешительность, за противоречивость требований, предъявляемых авторам детской книги. «Ленинградская правда» считала, что Шварц остроумно и доказательно критиковал деятельность Ленинградского отделения Детгиза (см. «Ленинградская правда», 1954, 10 декабря).

материалами, которые собрал для меня союз, критиковал Детгиз. По мнению секции — слишком деликатно. Но не по мнению Чевычелова. Тут я еще раз убедился, до какой степени он владеет створками незримой своей раковины. Не прошло и часа после моего доклада, как вступился за Чевычелова, в разговоре со мной, видный работник горкома: «Ну, уж вы его слишком». Потом Полевой²³⁰ в своем выступлении. Потом Пискунов²³¹ в мое отсутствие. «О нем очень хорошо отзывается Дубровина»²³², — сказал Козьмин²³³ и так далее и так далее. Так что я, дабы створки раковины, защищающие Чевычелова, не ущемили меня, в резкой форме на заседании секции напомнил Чевычелову, что был докладчиком, а не выступал в прениях, и потребовал, чтобы материал, которым я «пользовался, либо опровергли, либо вспомнили, что высказывал я мнение всей организации, и считались с этим. После этого муть, поднятая раковиной рака-отшельника, несколько улеглась. Отношения у нас благожелательные. При встречах пожимает он мне руку с такой энергией, что я вспоминаю сразу разговоры о его физической силе. На заседаниях редсовета никто не поет и не шалит. Все чинно сидя за длиннейшим столом, перпендикулярным к директорскому. Первой засыпает, некогда боевая и упрямая, Катерина Петровна Привалова²³⁴. Не детский отдел Госиздата — Детгиз собрал свой редсовет! Вскоре и я ловлю себя на мысли, что если после Чевычелова положить короля пик, то пасьянс выйдет. И вздрагиваю, и просыпаюсь. Но Левоневский²³⁵ не дремлет. В притихших, чинных пространствах Детгиза не пахнет карболкой. И нафталином — тоже нет. Не пахнет и хлористой известью. Но к воспоминаниям о его кабинетах — почему-то примешивается этот больнично — казарменный запах, не убивавший бацилл, но вечно о них напоминавший. Что это? Произошла ли вдруг от человека обезьяна, или издательство переживает особый период роста. Неужели пламя первых дней детской литературы оставило лишь дым, пахнувший дезинфекцией?

12 мая

Следующий после Детгиза — **Деммени Евгений Сергеевич**.²³⁶ Томный, раздражительный, с неопределенным, уклончивым выражением губ, и порочным, и вызывающим. Он стал во главе Кукольного театра что-то очень давно. Раньше

²³⁰ В этой же заметке говорилось о том, что Б. Н. Полевой дал положительную оценку произведениям ряда писателей, напечатанным в Ленинграде.

²³¹ Пискунов Константин Федорович (1905–1981) — директор Детгиза.

²³² Дубровина Людмила Викторовна (1901–1977) — директор Детгиза с 1945 по 1948 г.

²³³ Козьмин Николай Дмитриевич — секретарь Ленинградского обкома партии по идеологии.

²³⁴ Привалова Екатерина Петровна (1891–1977) — педагог, работник детской библиотеки Педагогического института им. А. И. Герцена.

²³⁵ Левоневский Дмитрий Анатольевич (1907–1988) — писатель, журналист, переводчик, критик.

²³⁶ Деммени Евгений Сергеевич (1898–1969) — артист, режиссер. С 1918 г. выступал как актер — любитель в петроградских коммунальных театрах. В 1924 г. организовал и возглавил театр кукол — петрушек (первоначально при ЛенТЮЗе), который в 1930 г. был объединен с Театром марионеток и получил название Ленинградский кукольный театр под руководством Евг. Деммени. Ставил спектакли по пьесам Шварца «Пустяки» (1932), «Красная Шапочка» (1938), «Кукольный город» (1939), «Сказка о потерянном времени» (1940 и 1947).

Брянцева²³⁷. Еще в Народном Доме поставил он «Гулливера» Елены Яковлевны Данько²³⁸. Как всегда вокруг театра подобного рода, подобрался тут вокруг Деммени народ особенный. Люди, не знающие, куда деть себя. Это состав переменный.

13 мая

Есть люди, которых жизнь свела с тобой близко, они как бы в фокусе, а есть такие, которых видишь боковым зрением. Я не знаю ни дома, ни родных Деммени. Как будто припоминается седая, достойная дама, худощавая, с взглядом, как и у Деммени, тревожным и надменным, — его мать. Как будто я видел, как он с ней почтителен и ласков, — именно как люди его толка. А может быть, это просто обман бокового моего зрения. Я начал вчера и оборвал рассказ о составе его труппы, характерной для театров подобного рода. Обычно подбираются тут три вида актеров. Первый — как я уже сказал — состоящий из людей, по той или другой причине не нашедших себе применения. Второй — наиболее мной уважаемый — вечные дилетанты, от преувеличенного уважения к искусству. Словно мальчишки, вечные мальчишки, сохраняющие невинность оттого, что слишком уж влюблены. Они идут в кукольный театр не из любви к нему, а чтобы стать поближе к искусству, прикоснуться к самым его скромным формам. Иные, приблизившись, столкнувшись с театром, угадывают, что искусством можно овладеть, и приближаются к третьему виду кукольников. Но большинство так и замирает во втором. Ибо почтительная любовь к искусству не всегда связана с талантом. Как почтительная любовь мальчика — с мужской силой. Их, бедняг, сокращают, когда молодой театр делается профессиональным, или переходят они на подсобную работу. В монтировочную часть, в помощники режиссера. Третий вид актеров — это прирожденные кукольники. Признающие только этот театр. Иные, возможно, по особой жажде спрятаться от зрителя. Только руку ему и показать. Но большинство Яз любви, чистой любви, к этой форме. Людей третьего вида, самого редкого, найдешь не в каждом кукольном театре. Есть их немного у Деммени. А больше всего у Образцова. Деммени сам дилетант, но не по причине излишнего уважения к своему делу, а от природы. Полуумение свое считает он мастерством. Техника, далеко шагнувшая с начала двадцатых годов, вызывает у него ревность, а не потребность соревноваться. Он по — женски, по — дамски раздражается и бранится.

14 мая

У меня в театре Деммени шло несколько пьес. В начале тридцатых годов — «Пустяки». Тут я впервые испытал, что такое режиссер и все его могущество. Ничего не оставил Деммени от пьесы. Выбросил, скажем, текст водлаза, целую картину сделал вполне бессмысленной, полагая, что оформление подводного царства говорит само за себя. Я тут впервые понял, что существуют люди, которые не умеют читать и никогда не научатся этому, казалось бы, нехитрому искусству.

* * *

Он сокращал, переставлял и выбрасывал все, что надо было куклам. И сюжетно важные места вырезал с невинностью неграмотности. И пьеса, то, что для меня главное мучение, оказалась рассказанной грязно, с зияющими дырками. Можно было подумать, что я дурак. И

²³⁷ А. А. Брянцев стал во главе Петроградского (позднее Ленинградского) ТЮЗа в 1922 г.

²³⁸ Данько Елена Яковлевна (1898–1942) — писательница, артистка театра кукол, живописец на фарфоровом заводе. Ее инсценировку «Гулливер в стране лилипутов» Деммени поставил в 1928 г.

что еще удивительнее, никто этого не подумал. Но и не похвалил меня. Состоялась обычная кукольная премьера, поставленная полуумело и заработавшая полууспех. Деммени видел я боковым зрением, не потому, что был невнимателен к нему, а по сознанию, что не имеет смысла подходить ближе и смотреть прямее, — не договориться нам. Поэтому не бывал я на репетициях. И то, что увидел на премьере, было для меня полной неожиданностью. Тем не менее, переделал я для их театра написанную для Зона «Красную Шапочку». Потом сочинил «Кукольный город», потом «Сказку о потерянном времени». Шли они, в основном, лучше, чем «Пустяки», но все принимал я эти премьеры боковым зрением и шел на премьеру все же со страхом. Нет. С чувством протеста. А на последнюю премьеру просто не пришел. Потом уже посмотрел с большим опозданием. Отношения личные с Деммени никогда не нарушались ссорами. Один только раз он, оскорбленный тем, что я с заказанной его театром пьесой опоздал, а ТЮЗу сдал «Клад»²³⁹, подал на меня в суд о взыскании аванса в размере 75 рублей. И ни слова мне об этом не сказал. Повестки я каким-то образом не получил, дело слушали без меня как бесспорное. И ко мне явился судебный исполнитель и описал письменный стол и кресло — единственное, что мог в нашей комнате на Литейной. Вообще письменный стол описывать не полагалось, но он сделал это с моего согласия. Я внес деньги на другой же день, и печати сняли. Я обиделся, чем порадовал вздорного худрука, и решил, что работать у него не буду. Но вспомнил об этом только сегодня.

Деммени необыкновенно моложав.

15 мая

Все такой же, одинаковый, корректный, с тем же выражением встревоженно — надменным, встречается он то в театре, то на улице. Только здороваётся он горловым и капризным своим тенором все более приветливо.

Как ни говори, как ни суди друг друга, а прожили мы жизнь по — соседски, под одним небом. И свыклись. Мы знаем, чего ждать друг от друга, и ничего не требуем и не ждем свыше определившегося. Все установилось. Меняется только одно: с каждым годом мы все более и более старые знакомые. Вот почему при встречах вижу я его боковым зрением, но словно бы и ближе. А его тенор звучит все дружелюбнее.

Следующая фамилия — **Сима Дрейден**.²⁴⁰ Вот уж, кто в фокусе. Помню я его с первых дней приезда в Ленинград. Когда познакомился я с Колей Чуковским²⁴¹ и с Лидой Чуковской²⁴², то вскоре познакомился с его соучениками по Тенишевскому училищу: с Лелей Арнштамом²⁴³, который тогда собирался стать пианистом, с Лидочкой Цимбал²⁴⁴ — беспокойной, маленькой, большеротой и, как все Цимбалы, белоглазой. Она страстно

²³⁹ Очевидно, Шварц, работая над пьесой «Клад», не сдал в установленный срок пьесу «Пустяки», предназначавшуюся для Кукольного театра под руководством Деммени.

²⁴⁰ Дрейден Симон Давыдович (1905–1991) — критик, театровед, литературовед. Автор рецензий на спектакли по пьесам Шварца.

²⁴¹ Чуковский Николай Корнеевич (1904–1965) — писатель, сын К. И. Чуковского.

²⁴² См. «Воронина Екатерина Алексеевна», комм. 1.

²⁴³ Арнштам Лео Оскарович (1905–1979) — кинорежиссер, сценарист. Окончил Ленинградскую консерваторию по классу фортепиано. В 1929–1942 гг. работал на киностудии «Ленфильм».

²⁴⁴ Жукова (рожд. Цимбал) Лидия Львовна (1905–1985) — литератор, театральный критик. В кн. «Лидия Жукова. Эпизоды» (Нью — Йорк, 1983) содержатся воспоминания о Шварце.

стремилась к чему-то, но сама не определила, к чему. И так на всю жизнь. Начинала как отличная пианистка, а потом перебралась в искусствоведение, пишет о театре, ездит от ВТО смотреть периферийные постановки все с тем же страстным стремлением, неясно к чему. И познакомился я тогда же с Симой Дрейденом. Вот он — сразу пошел по тому пути, которому не изменил и сегодня. Он страстно любил театр и пробовал писать о нем чуть не на школьной скамье. Была вся эта компания моложе меня, но приняла меня как сверстника, что мне казалось естественным. Я так мало вырос с тех дней, что кончил реальное. Тут, в Петрограде 22 года, едва начинал я приходить в себя. Стал питаться не только от корней, но и от почвы. Время было голодноватое. И у Лели Арнштама, родители которого были щедры, устраивались кутежи. Нам выдавали какао, сгущенное молоко и сахар. И в большой кастрюле варилось какао на всех. И мы пили, пили и были счастливы. Встречались мы часто, особенно часто на вечерах в Доме искусств. Однажды, глядя мрачно на собравшихся, где присутствовали весьма почтенные имена, Леля Арнштам начал вечер, где должен был играть, вступительным словом, и первая фраза была такова: «Как известно, писатели свински необразованны в музыке».

И профессионально из этих молодых первыми определились Коля Чуковский и Сима Дрейден, Леля Арнштам еще некоторое время держался музыки, а потом стал кинорежиссером. Решился на это. Коля печатался чуть ли не с 18 лет²⁴⁵. Перевод какой-то Лонгфелло²⁴⁶, стихи. Позже приключенческий роман для «Радуги». Об удивительном профессоре Зворыке²⁴⁷. Перехожу теперь к Симе Дрейдену. Он был самый длинный, патлатый и хохочущий из всех. Тощий. В очках. Необыкновенно и энергичный, и рассеянный в одно и то же время. Вот рецензии его стали печататься, и скоро мы все привыкли к тому, что Сима Дрейден — журналист, рецензент, театровед. Так и пошли годы за годами. Первоначальную компанию, как положено законами роста, разбросало далеко. Дрейден и Чуковский даже поссорились, кажется. А я и Сима, связанные одним делом, держались близко друг от друга, в сфере притяжения. И он, определившись в юности, все не менялся. После войны, на каком-то совещании в Москве, дали нам комнату в «Гранд — отеле». Нет, во время войны. И живя с Дрейденом, еще раз вспомнил я его энергию и рассеянность. Вот он сидит, пишет статью для Совинформбюро. Всклакивает на полуфразе, вдет к телефону в глубокой задумчивости. И вешает трубку, не дождавшись ответа телефонистки, и стоит над телефоном в той же глубокой сосредоточенности. И бросается писать статью. От обычных критиков отличала его именно правдивость всего существа. Он и в самом деле во многих случаях, в большинстве — писал искренно. Ну, разве уж в порядке дисциплины. Простота и детская непосредственность его иной раз меня удивляли. Были мы у них в гостях еще до войны. С Образцовыми. Дрейдену нездоровилось, а мы засиделись. И он лег на диван и прикрыл голову подушкой. Катерина Ивановна приподняла подушку — видит, Сима плачет, обливается горькими слезами! Измерили температуру, — около сорока. И он ответил на жар, как ребенок. Я вижу его не боковым зрением, но все же связаны мы всегда были больше по театральной линии, чем по бытовой. Он женился, как подобает, на женщине, вполне ему по конституции противоположной: полной блондинке. Донцова

²⁴⁵ В альманахе «Ушкуйники» (Пг., 1922) были напечатаны три стихотворения Н. К. Чуковского под псевдонимом Ник. Радищев: «Над золотыми куполами», «И горят огни во храме», «К душе», три стихотворения — «В глухие месяцы разлуки», «Синее ледяные скаты» и «Вечер» — под тем же псевдонимом вошли в сборник «Звучащая раковина» (Пг., 1922).

²⁴⁶ В подробном библиографическом указателе «Русские советские писатели. Прозаики» (М., 1969) этот перевод Н. К. Чуковского не учтен.

²⁴⁷ Повесть Н. К. Чуковского «Приключения профессора Зворыки» (Л., 1926).

Зинаида Ивановна²⁴⁸ работает в Госэстраде или Филармонии: художественное чтение. Родился у них мальчик Сережа²⁴⁹.

16 мая

И Дрейден любил его со всей открытостью и шумом, на какие был способен. Мальчик беленький и уж до того русский, что это просто удивительно. Есть у меня смутное воспоминание о том, как встретил меня в Новосибирске Новый ТЮЗ. Чужие театры были до сих пор главными покровителями и защитниками. В Ярославле артисты, не зная нас, взяли к себе в номер, устроили билеты в скором поезде, до Кирова. Большой драматический театр дал комнату в театральном доме, заключил договор, кормил и снабжал не слишком богато, но наравне со своими актерами. А когда они уехали, Кировский областной пригласил в завлиты²⁵⁰, и директор театра самоотверженно помогал нам достать билеты до Новосибирска в скором поезде. И уж подъезжая, был я убежден, что кто-то, а свой, связанный со мною твердо театр встретит меня подобающе. Но на вокзале никто нас не встретил. Ни один человек. Знал я Зона мирного времени, но не подозревал, во что развернулся он в условиях эвакуации. Театра к этому времени уже не существовало. Зон и труппа вступили в ту непримиримую вражду, которая и привела к смерти театра в Ленинграде²⁵¹. Не знаю, сохранилось ли у меня письмо Бруштейн, некогда соавторши и друга, в Новосибирске — злейшего врага Зона²⁵². Театр Новый ТЮЗ в июле 43 года, в

²⁴⁸ Донцова Зинаида Ивановна (1902–1971) — артистка, мастер художественного слова, жена С. Д. Дрейдена.

²⁴⁹ Дрейден Сергей Симонович (р. 1941) — артист. С 1964 по 1980 г. — в труппе Театра комедии.

²⁵⁰ С февраля по июль 1943 г. Шварц был заведующим литературной частью Кировского областного драматического театра.

²⁵¹ Новый ТЮЗ перестал существовать в 1945 г.

В архиве Шварца сохранилось письмо А. Я. Бруштейн от 25 ноября 1942 г. из Новосибирска. Она писала: «Очень много грустного пришлось пережить в связи с переездом сюда Зона и его театра. Я еще не решила вопроса — всегда ли Зон и многие из его окружающих были такими мразными людишками, — и только я этого по тупости не видала, — или же они, в самом деле, были раньше другими, очень прекрасными, и только война сделала их сволочами. Думаю, что тут действуют оба момента... Я всегда знала, что Зон — ну, скажем, не эталон. Но я очень многое прощала ему за его талантливость, и, может быть, потому мне многие противные Зоновы черты казались какими-то инфантильными, — детям прощаешь эгоизм, себялюбие, даже хамство. Но война обнажила все, — и многое предстало перед нами таким неприкрыто противным, что уже никакое самообольщение не стало больше возможно. Оттого ли, что мы стали строже и требовательнее, оттого ли, что сейчас все, и люди, и дела — как-то невидимо, но очень ощутимо связывается для нас с тем, что происходит в стране, на фронтах (и оттого не стало мелочей, — все стало крупным и важным, и не стало больше снисходительности, потому что довольно снисходить и прощать друг другу все возможное и невозможное), — оттого ли, что война развила гигантскую химию, — по которой все невероятно активизируется, и плохое, и хорошее, — но только все страшно изменилось. Я, например, не могу говорить с Зоном без раздражения и даже отвращения! Эта самовлюбленность... эта тупость, проведение первого меридиана не через остров Ферро, Париж или хотя бы Пулково, а через собственный многолюбимый пуп, — не могу я этого без раздражения видеть! В театре у них исключительно вонючая атмосфера. Душой театра, его совестью Зон никогда, вы знаете, не был... Заботы о коллективе у Зона нет ни на копейку, — никогда не было у него человеческой заботы о товарищах, но прежде это было не так ощутимо, когда людя

мжилось лучше и легче, — но теперь это приняло формы отвратительные, потому что осложнилось противнейшей зоновской жадностью, стяжательством и т. п. — достаточно сказать, что в театре ни один актер не имеет еще на зиму ни килограмма картошки и ни полена дров, — и Зон, и Тихановский заняты только устройством своих личных дел, набиванием своих погребов. Среди актеров есть много хороших людей, — все они тяготеют атмосферой в театре и чувствуют себя на песке...» (РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 115, л. 6,7).

²⁵² См. «Черкасов Николай Константинович», с. 619.

сущности, уже не существовал — вот почему нас никто и не встретил. И Дрейден в письмах своих ужасался (как и Александра Яковлевна) и Зону, и, наравне с ним, первачам Александринки, тоже эвакуированным в Новосибирск. Они смотрели на мир так, словно создан он для того, чтобы их обслуживать! Зон оказался при встрече приветливым, но что-то трусливое мелькало в его глазах за стеклами очков. Оказывается, из-за путаницы на почтамте, ему вторично доставили мою телеграмму, посланную год назад. И он решил, что я сошел с ума из-за трудной жизни в Кирове. Возможно, что с Зоном на моем месте так и случилось бы. Через час он понял, что я в здравом уме, и добыл мне мошенника, который за невозможно дорогую цену отправил нас в Ташкент. Театр или то, что продолжало так называться, уехал гастролировать не то в Омск, не то в Томск. С нами были ласковы Любашевские, Уварова, а потом самоотверженно провожала на вокзал Донцова.

18 мая

Сима Дрейден в те дни уехал в область, кажется, с Черкасовым²⁵³. Он делал доклады, а Черкасов читал, но все было полно его присутствием. Сима, как все очень живые и вступающие в жизнь люди, чувствовался даже будучи вне пределов наблюдения. «Сима рассказывал...», «Сима сказал...» «Вы знаете Симу — он так ему и заявил» — и так далее. Вот мы двигаемся через весь город на вокзал. И с нами Зинаида Ивановна, Симины жена. И она самоотверженно бранится с мошенником, получившим вперед такую драгоценную валюту, как водка, и опять не добывшим билета. Надо было попросить Александринку — там все для меня сделали бы, а у Зона даже мошенники ничего не могут сделать! И возвращаясь через весь город домой, она бранит Зона. Видимо, приблизившись, поразил этот человек свойствами натуры, в отдалении незамечаемыми, весь круг близких и знакомых. С ним в ссоре был уже весь театр, за малыми исключениями. Беюл²⁵⁴. Любашевский — этот, последний, неспособен был на ссору органически, и любопытно отметить, что весь театр это понимал. Никто не осудил Любашевского за нейтралитет, дружеский обоим воюющим сторонам. Зато на Беюл все сердились. «А Сима это так называет». «А Сима ему так прямо и сказал». В эту поездку я понял, как отчетливо окрашивают сегодняшний день люди типа Симы Дрейдена. Для этого вовсе не нужно разговаривать непосредственно с ними. Их чувствуешь через среду. И вот разыгрались события, о которых рассказывать нет сил. Грянул в Москве пленум по драматургии, последствия которого были воистину историческими²⁵⁵. Помню высоченного Первенцева²⁵⁶ со лбом в складках, с глазами, в которых мерцал упорное желание. Желание взять свое. Он громил Славина²⁵⁷. И тот на другой день, белый, с влажным лбом, уничтожающе ответил Первенцеву, что ничего не изменило. Были знамения. Они, если верить римским историкам, являются спутниками великих событий. На час или полтора выключилась электрическая энергия во всей Москве. Даже в метро. Но

²⁵³ Беюл (Гальперина — Беюл) Ольга Павловна (1901–1985) — артистка. В 1932–1935 гг. — в труппе ЛенТЮЗа, в 1935–1945 гг. — Нового ТЮЗа. Участница спектаклей по пьесам Шварца.

²⁵⁴ Шварц принимал участие в работе XII пленума Правления ССП, который был посвящен состоянию литературы народов СССР и вопросам драматургии. Чрезвычайно резкой, несправедливой критике подверглось творчество ряда крупных драматургов. Пленум проходил с 15 по 20 декабря 1948 г.

²⁵⁵ Первенцев Аркадий Алексеевич (1905–1981) — писатель.

²⁵⁶ Славин Лев Исаевич (1896–1984) — писатель.

²⁵⁷ Софронов Анатолий Владимирович (1911–1990) — писатель, поэт.

исторический пленум правления ССП нельзя было остановить. Принесли аккумулятор из чьей-то машины, приспособили над кафедрой электрическую лампочку, и люди, бледные от обвинений, что неожиданно обрушились на их головы, пытались отбиться при тусклом ее свете. Во время речи Софронова²⁵⁸ позвонили, что жена его произвела на свет дочку. И впоследствии оказалось, что родилась, бедная, глухонемой. Я не хотел понимать.

19 мая

Я упорно не хотел понимать того, что совершается. Поворачивался к вихрю спиной. Старался, вглядываясь в лицо Первенцева, в его глаза — глаза однолюба, человека, любящего одного себя, — понять, как может он жить, как мог он образоваться. Черносотенец — с детства отталкивавшее меня существо! И кто, кроме него самого, выигрывает от его возвышения? Софронов — круг, от ботинок, которые кажутся маленькими по дородству, линия идет высоко вверх и косо к пупку, а оттуда скашивается к толстому подбородку. Он почему-то раздражал меня меньше Первенцева. Охотнорядский или чичкинский²⁵⁹ раздобревший молодчик. Но при этом с проблесками. Мог и на гитаре сыграть. Впрочем, тут он не играл, а деловито, добросовестно, с наслаждением громил. И Фадеев²⁶⁰ гневался старательно, послушно, повернувшись в профиль к аудитории, беспощадно лупил лежащих, стоящих в данный момент на кафедре. Словно на снимке отпечатался в воспоминаниях о черных днях. Седая голова председательствующего Александра Александровича. Он стоит фигурой к залу, профилем к обвиняемому. И поддерживает сипловатым голосом то, что заставляет отворачиваться и жмуриться. Затыкать уши и нос. И страшнее всего, что ты не можешь забыть до конца того необъяснимого обстоятельства, что Фадеев — несомненно хороший человек. И вот в этой роковой, лишенной целесообразности, смысла, неразберихе, надвинувшейся вслед за пленумом, Дрейден исчез из поля зрения на пять почти лет²⁶¹. И чудо в том, что когда он воскрес, то не обнаружил ни признака разложения. Мы уже не те. Мне под шестьдесят. Сима, конечно, моложе — но и он не молод, далеко не молод. Но есть какая-то сила, мешающая стареть. Видимо, в особенно черные дни мы не живем. Во всяком случае, когда он вернулся и я пришел к нему, то был поражен тем, как мало он изменился. Он шумел. И перескакивал с предмета на предмет. И удивлялся. И удивлял. И смеялся, и смешил. И все бегал взглянуть, как спит сын, уже школьник. И их черный пудель, узнавший хозяина через пять лет, ходил за ним следом, боялся, что тот опять исчезнет. Все как было? Через несколько дней я обнаружил, что Дрейден смущен.

20 мая

Да. Он был человеком советским. Насквозь советским. От малых лет. И зная, что ни в чем неповинен, и будучи реабилитирован, он, тем не менее, как бы чувствовал себя виноватым. В чем? А кто его знает. В своем несчастье? Весьма возможно. Чувствовал себя запачканным. Чудилось ему, что все то, что грянуло над ним, оставило след, как бы изуродовало его. Он не хочет показываться в дни премьер, я не мог вытащить его на

²⁵⁸ Чичкин Александр Васильевич — купец, владелец молочных магазинов в Москве.

²⁵⁹ Фадеев Александр Александрович (1901–1956) — писатель, общественный деятель, в 1946–1954 гг. — генеральный секретарь и председатель Правления ССП.

²⁶⁰ Дрейден был незаконно репрессирован в 1949 г., реабилитирован в 1954 г.

²⁶¹ Генеральные репетиции и общественные просмотры спектакля МТЮЗа «Два клена» проходили в марте — апреле 1954 г.

просмотр «Двух кленов»²⁶². Не возвращается в среду, отчего не чувствуешь его присутствия, хоть он уже на месте. Но постепенно это начинает рассасываться, и Сима Дрейден делается увереннее. Прощает себе то, что над ним стряслось.

Далее следует фамилия человека более благополучного, значительно более сохранившего себя. Это **Друскин Михаил Семенович**.²⁶³ Держится томно и насмешливо. В музыкантские существа вштампована манера говорить покойного Соллертинского²⁶⁴. У Друскина эта манера ослаблена, но угадать ее просто. Он музыковед. Когда познакомились мы, считался он еще пианистом. У Тыняновых за ужином восседал он тихий, но вполне самоуверенный. Так увидел я его впервые в 28 году. Как-то пошли мы большой компанией на его клавирабенд в кружок камерной музыки. Играл он Бетховена, как мне показалось, не слишком удивительно. Да и в самом деле, вероятно, было так. Иначе не стал бы он музыковедом. Он был из тех миловидных мальчиков, которых берут женщины, а они в конце концов подчиняются и выполняют, что велено. И в области искусства, столь, по словам знатоков, связанной с сексуальной, послушался он, подчинился суровой необходимости. Те немногие кусочки из его трудов, хотя бы объяснения на программке к Третьей симфонии Рахманинова, показывают, как он выполняет, что велено. Всем видом показывает, что получает наслаждение. Пишу и удивляюсь, почему это я так строг. С одной стороны, из-за одной давней истории, где вольно или невольно покоряясь одной женщине, он тем самым обидел, как мне казалось, одного моего друга. С другой стороны, из необъяснимого желания, едва увижу, поддразнивать его. И больше ничего о нем, пожилом, миловидном, томноироническом человечке, рассказывать не стану.

Дальше идет **Дворец пионеров**.²⁶⁵ Как приступить?

21 мая

Впервые в жизни попал я во дворец, дворец вообще как таковой, в ноябре или декабре 21 года, вскоре после переезда нашего театра в Петроград. Мы получили халтуру в РОСТе, в их театре. И репетиции назначены были во дворце, бывшем, Сергея Александровича²⁶⁶, где теперь Куйбышевский райком. Тогда звали все это здание дворец Нахимсона²⁶⁷. Вот в этот дворец и попал я впервые в жизни. Высокие, свыше человеческой меры, ближе к церковным, — стены. Чтобы сразу видно было, что это не квартира какая-нибудь. Только потолок плоский и светский убивал сразу ощущение церкви. Драпировки неиспытанной вышины от потолка с избытком до полу. Круглый диван посреди комнаты. И некого спросить, что здесь от прежнего дворца, а что от нового. Особенно смущал меня круглый, сооруженный посреди комнаты, уже упомянутый мной диван не диван, тахта все в той же драпировке и с усеченным конусом посреди круглой спинки. Все в валенках и шубах — зима

²⁶²

²⁶³ Друскин Михаил Семенович (р. 1905) — музыковед, пианист, педагог.

²⁶⁴ Соллертинский Иван Иванович (1902–1944) — музыковед, литературовед, театровед.

²⁶⁵ Дворец пионеров — бывший Аничков дворец

²⁶⁶ Сергей Александрович (1857–1905) — великий князь, сын Александра II. В 1891–1905 гг. — московский генерал-губернатор, убит И. П. Каляевым.

²⁶⁷ Дворцом Нахимсона называли здание, где помещались Куйбышевский райком партии и райсовет. Названо по имени

С. М. Нахимсона (1885–1918) — большевика, жившего в Петрограде и погибшего в дни белогвардейского мятежа в Ярославле.

началась очень рано в 21 году. Канделябры, бронза и буржуйка у стены, у которой мы и спасались. Второй дворец, Зимний, вспоминается по — разному. Два разных ощущения. Первое — это при дожде и ветре в унылый очень день осматривал я дворец. Такое ощущение не имеет ничего общего с приходом во дворец по делу. То музей ты осматриваешь, а тут участвуешь в дворцовой жизни. И это, второе, совершилось, когда бывал я у Михаила Борисовича Каплана²⁶⁸ на работе. А он долгие годы состоял директором Музея Революции, разместившегося в нарышкинских комнатах дворца. Фамилии Михаила Борисовича в телефонной книжке нет. Он умер в Сталинабаде вскоре после войны. Но поговорить о нем хочется. Поэтому запись о дворце пусть будет поводом для разговора о Михаиле Борисовиче. Отступаю на минуту от дворца. Михаил Борисович в некотором роде представлял собою чудо. Когда я с ним познакомился, было ему уже за сорок. А жил он на Невском в большой квартире, и вот в чем чудо — со дня рождения. Мне казалось в те дни, что самый авантюрный роман в этом и должен заключаться: человек родился, состарился и умер в одной и той же богатой квартире в Москве или Ленинграде. Нужно удивительное стечение обстоятельств для того, чтобы это могло случиться. Михаил Борисович все же последней войной был вырван из своей квартиры в бельэтаже на Невском, 74 — и умер далеко — далеко от родного города, собираясь на работу в музей. Но прожил в одной квартире лет шестьдесят. Был он высок, крупен и мягок. Добрые и мягкие черные глаза, мягкий голос, мягкие движения, одежда.

22 мая

Порода никак не зависит от семьи и происхождения. Во всяком случае — у людей. Двое из сыновей портного Каплана выдались породистыми: актер Аркадий Надеждов²⁶⁹ и Михаил Борисович. Сестра родилась горбатой. Два остальных брата евреи, как евреи. Аркадий Борисович красавец, но несколько чересчур шумен. Кутил. Дрался. Скандалил. Пытался в зоологическом саду накормить слона французскими булочками досыта. По его приказу носили сторожа корзину за корзиной. Влюблялся. Имел у женщин успех. Одна поэтесса написал, что у него «тигра горделивая повадка». Остепенившись, стал режиссером, худруком, получил заслуженного деятеля искусств. Работал шумно, храбро до наглости, но талантливо. Одаренность и уберегла его от последствий невинности в области каких бы то ни было познаний. Вероятно, и беллетристику читал он разве только за обедом. Некогда было. Его породистость носила характер гвардейский. Уланский. А Михаил Борисович обладал куда более редкой разновидностью породистости: врожденной воспитанностью. В мягкости, которую вспоминаешь прежде всего, вспоминая его, не было и тени искательности. Нет. Он был мягок по тем же причинам, что и черноглаз и крупен, таким уж уродился на свет. И, как это свойственно людям воспитанным, не ломался. Был правдив. Ничего из себя не строил. Держался он с достоинством, тоже врожденным, и потому на памяти моей ни разу ему не изменившим. Ощущалась порода более высокая, чем у Аркадия, и в некоторой его медлительности, даже пренебрежительности, когда дело шло о его чисто карьерных интересах. Он был чист в этом отношении. Вот почему так ласковы были с ним старики — народовольцы, даже такие требовательные, как Вера Фигнер или Герман Лопатин. В бархатной куртке, в мягких сапогах, в академической шапочке на редущих волосах, впрочем, густых и темных на висках, припоминается он мне больше то в креслах, то на широчайшей тахте в огромной комнате с коврами и книжными полками. При мягкости и спокойствии своем, все время бился он в сетях собственной доброты и непобедимой

²⁶⁸ Каплан Михаил Борисович — директор Музея революции в Петрограде — Ленинграде с 1919 по 1930 г.

²⁶⁹ Надеждов (наст. фам. Каплан) Аркадий Борисович (1886–1939) — артист, режиссер Театральной мастерской (Ростов — на — Дону).

обаятельности. У него никогда не хватало жестокости порвать с женщиной, а он пользовался еще большим успехом, чем Аркадий Борисович. По образованию был Михаил Борисович юристом, как и многие.

23 мая

В то время на юридический факультет шли те люди, что не знали, куда себя определить. Так и Михаил Борисович. Кончив университет, стал он помощником присяжного поверенного, но ни разу не слышал я, чтобы говорил он о своей практике. Он женился, кажется, на дочери своего патрона, очень и давно влюбленной в него молоденькой совсем девочке. И в Париже встретил Александру Тимофеевну Шакол²⁷⁰. Партийная кличка ее была Алеша. Ей недавно исполнилось 16 лет. Она кончила институт, забыл какой. Ксенийевский, кажется, но была уже довольно заметной, несмотря на свои годы, анархисткой. Бегство, которое устроила она жениху своему Алейникову из окружного суда на Литейном, наделало в свое время много шума. Выйдя замуж за Алейникова, скрылась она в Париж с мужем, и вот тут и произошла встреча, перевернувшая жизнь и ей, и Михаилу Борисовичу. Более противоположных людей, чем Михаил Борисович и Алеша — свет не видывал. Вот судьба и связала их веревочкой на много — много лет. До революции жили они розно. Алеша утверждала, что совместная жизнь убивает любовь. Трудности быта заставили их поселиться вместе. Но Алеша очень сердилась, когда ее называли женой Михаила Борисовича. Во всяком случае, когда мы познакомились. Деятельна и работоспособна была она до крайности. До самодурства. И эта особенность женской трудоспособности создала ей множество врагов и усложнила жизнь аристократически мягкому Михаилу Борисовичу. Алеша, маленькая, быстрая в движениях, круглолицая, стриженная, с чуть — чуть монгольскими скулами, вечно хлопотала над чем-то и другим придумывала работу. С Капланом у нее тон был вечно укоризненный, и вечно ему влетало, хоть и были они на вы. Он отшучивался. Иногда показывался маленький, глуховатый, совсем седой еврей. Это приходил в гости знаменитый военный портной Каплан, некогда владелец не только этой квартиры. Он занимал весь этаж. Отец Михаила Борисовича. К двадцатым годам он совсем уж потерял ощущение происходящего. Нэп сбил его с толка. Так как некоторые открывали заново свои предприятия, то и он хотел кое-что вернуть. Но робко — робко. Не выходя из пределов семейного круга. И приходил советоваться к Михаилу Борисовичу, который должен был все понимать — ведь он сидел в Зимнем дворце! Вопросы были такие: вот я подарил Яше в 909 году золотые часы. Не может он мне их отдать?

24 мая

Вся квартира Капланов, как и весь город в начале 20-х годов, завоевана была крысами. Наискось от дома 74 на углу Владимирского и Невского в комиссионном магазине Помгола крысы дрались за огромными витринами окон так ожесточенно, что останавливались прохожие и удивлялись наглости и сытости зверей. И в глубинах каплановской квартиры вечно дребезжала посуда, что-то падало с грохотом или пробегала крыса через большую комнату и скрывалась под книжной полкой. И при этом не слишком спешила. И Капланы завели черного кота. И однажды, когда сутулый старичок, ниже, чем по плечо сыну ростом, сидел у него, советуясь, выбежала из кухни Алеша, и сказала: «Кот на кухне ест крысу!» — «Спасибо я уже поел», — ответил старичок. Он был глуховат и в страшном для него мире все понимал с трудом. И я увидел его совсем в беде — умер от гриппа младший его сын. Впервые в жизни попал я на еврейские похороны. Рыжий толстощекий кантор пел над гробом и плакал. Я решил было, что он хорошо знал умершего. Нет. Это песнопения довели

²⁷⁰ Шакол Александра Тимофеевна (Алеша) — революционный деятель, анархистка.

его до слез. Ничего не было отменено с библейских времен. Но только смягчено. В синагоге не сидели на полу в знак траура, а на очень низеньких скамеечках. И не разрывали на себе одежду, а служба осторожно, по шву разрезал местечко в полсантиметра, выбрав его на кофточке или пиджаке. Оказалось еврейское кладбище таким же печальным, как христианское. И таким же разрушенным. Памятник Антокольскому²⁷¹ возвышался вдали среди всех надгробий, с крышей на столбах, пышный и полуразбитый. Таким он запомнился. Я не рассматривал. Сутулый старичок подошел к могиле сына с привычным своим растерянным видом. Ему предстояло прочесть кадыш, ту заупокойную молитву, что сыну положено читать над отцом. Начал старик безразлично, покорно и тихо, но вдруг затрясся и расплакался. Вспомнил отца или понял, как страшно, что читает над телом сына то, что следовало бы читать над ним самим? Был он когда-то богат и славен. В глубинах квартиры Михаила Борисовича сохранилось множество толстых конторских книг. Обратная сторона листов, сохранивших чистоту, шла для Алешиных докладов и работ. Иные покоились в уборной.

25 мая

Сохранилось множество гроссбухов, в которых заключались копии судебных решений об удержании с офицерского жалования и в Петербурге, и в Польше, и во многих других городах и краях империи, причитающихся за пошитие офицерской одежды долгов. Удерживали милостиво — какую-то часть жалованья. Мне казалось, по огромному количеству судебных дел, что это был в те времена единственный способ расплаты за пошивку. Добровольно платить воли не хватало. Все предприятие, правда, вел не старик Каплан, а жена его. Михаил Борисович вспоминал мать почтительно и любовно, хоть и редко, как человек воспитанный. И Алеша говорила о ней всегда уважительно, что при ее строгости являлось исключением. Старик Каплан поступил в делах только однажды самостоятельно. Незадолго до Октября мать вынула из сейфа все драгоценности. И старик взбунтовался; в такое время держать дома такие вещи! И тайно от жены отнес он их, да и сдал в сейф обратно... Высокий, неторопливый в движениях, в полупальто — или как его назвать — гибрид шубы и тужурки с меховым воротником, в шапке-ушанке отправлялся Михаил Борисович в Зимний дворец. И несколько раз бывал я у него там в гостях. Нечасто. Поэтому каждый раз кабинет его представлялся мне расположенным иначе. Зависело это еще и от того, через какие местности, — трудно найти другое слово для дворцовых пространств — пробирался я к Михаилу Борисовичу. Если входил через Детский подъезд Зимнего, то оказывался у цели относительно быстро. Нарышкинские комнаты обтянуты были обоями с цветочками. Не бумажными — матерчатыми. Атласными. И мебель тоже. Говорили, что комнаты эти, пустовавшие после смерти старой фрейлины, отделаны были для эмира бухарского²⁷² и в таком виде перешли к Музею Революции. Михаил Борисович сидел за большим столом так же просто и свободно, как дома, и так же просто, не придавая значения тому, что он директор, не то что руководил музеем, а принимал участие в его жизни. И поскольку он все же был директором, участие его являлось весьма заметным. Властную Алешу это очень раздражало. Но Михаил Борисович так же мало мог изменить линию поведения, как цвет волос и фигуру. Он был мягок. Но неуступчив. И необыкновенно увертливый и уклончивый с женщинами — тут он был прост и ясен. И правдив. Все угадывали в нем человека чистого, и это отражалось на музее.

²⁷¹ Автор надгробия М. М. Антокольскому на Преображенском (еврейском) кладбище в Ленинграде — И. Я. Гинцбург. Бронза, мрамор, 1903.

²⁷² Эмир бухарский посетил Петербург в 1902 г.

26 мая

Было в нем множество признаков времени, того, что так отчетливо сказывалось в более молодых — рокового времени между пятым и семнадцатым годом. Но все же он был постарше. И если не имел отчетливой веры, то вел себя так, словно бы она у него и была. Она была ему врождена, как воспитанность. Вот почему народовольцы благоволили Михаилу Борисовичу. Угадывалось безошибочно: это хороший человек. Время сказывалось нем более во вкусах. Обнаружил я на книжных полках, под которыми укрывались крысы, комплекты «Аполлона»²⁷³, правда, неразрезанные. В начале 20-х годов чтение этих журналов доставляло мне истинное страдание. Я чувствовал, что остался в искусстве без дороги. А уверенный менторски — презрительный «Аполлон» утверждал единственным такой путь, что был мне органически невозможен. Впрочем, речь идет не обо мне. Человек десятых годов сказывался в Михаиле Борисовиче и отношением к Петрограду. В те годы словно прозрели и с восторгом открыли, что город прекрасен. Куда исчезли вечные жалобы «небо серое, как солдатское сукно». «Холодные, казенные здания, выкрашенные казенной желтой краской». Исчезло вместе с прежними владельцами города чувство отчужденности и враждебности. Но с мягкой своей повадкой оставался он самим собой, всё самим собой! Аркадий Борисович любил покричать о «статуарности», о стиле. Знал даже такое слово, как «орхестра». Но Михаил Борисович, породистый по — другому, оставался самим собой, всегда самим собой! Вечер. Богатый по тем временам чай, черствый белый хлеб, но его целая буханка из академического пайка. Топленое масло. Сгущенное молоко. Алеша сильно не в духе: Михаил Борисович собирается к приятелю. Алеша догадывается, что с сестрой этого приятеля у него роман. Прямо нападать не положено женщине идейной, да еще лично знакомой с Кропоткиным. И на самом деле верующей в незыблемость целого ряда принципов. И среди них — в кризис буржуазной семьи. И в то, что ревность позорна. Это чувство собственности, и так далее, и так далее. Но с другой стороны — сердце не заговоришь. И глубоко несчастная Алеша, глядя своими близорукими глазами в пространство, чуть скуластая, что придавало ее лицу еще более упрямое выражение, нападала на Михаила Борисовича вообще. За беспринципность. За то, что бывает у людей, с которыми у него общих интересов не может быть. Один пошляк, другой дурак. Что это не мягкость, а безразличие. Что он неправдив и так далее. А Михаил Борисович все не терял спокойствия. Шутил.

27 мая

И вдруг на самое решительное из Алешиных обвинений отвечает: «Мать — перемать!» — «Михаил Борисович! Вы сошли с ума! Опомнитесь!» — «Я цитирую детскую книжку. Доктор Мазь — Перемазь. «Приключения Мурзилки»²⁷⁴. И Алеша, и Михаил Борисович немолоды, но ему годы идут только в украшение. Он все мужчина в силе, и черные, добрые глаза его все привлекают сердца. Алеша же чувствует, что блекнет, и тут уж ничего не повернуть. И в работе не все ладится. Место в жизни — не по сердцу, место в работе — не по власти. Однажды провожал я ее на междугородную станцию на улицу Марата. Тогда по своему телефону нельзя было звонить в Москву. И с обычной своей строгостью поставив на место телефонных барышень и ожидая вызова в кабинку, Алеша стала жаловаться, что преследуют ее мысли о конце. «Только не говорите мне, пожалуйста, что у вас бывает такое

²⁷³ Художественно — литературный журнал «Аполлон» выходил в Петербурге в 1909–1917 гг. под редакцией С. К. Маковского.

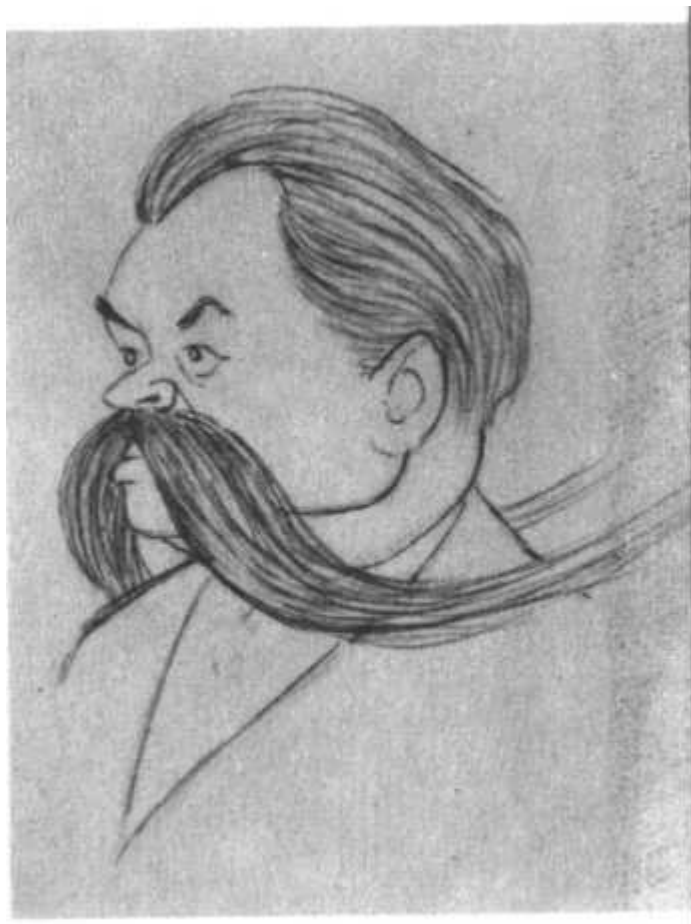
²⁷⁴ Говорится о детской книге А. Б. Хвольсон «Царство малюток. Приключения Мурзилки и лесных человечков», вышедшей впервые в 1898 г., имевшей большую популярность и многократно переиздававшейся.

же чувство». И стала объяснять мне Алеша, что все время она думает теперь о том, что смертью все кончится, что все пережито. Что бы она ни делала, о чем бы ни думала... Я нежно любил и Михаила Борисовича, и Алешу. Они, когда погибла Театральная мастерская²⁷⁵, в самые трудные дни, оказались просто спасителями и оба относились так по — дружески уважительно. И оба они были чистыми людьми, за что и любили их старики — народовольцы. У стариков это слово звучало особенно. Почти восьмидесятилетняя Вера Фигнер, жалуясь на Морозова, отступившего на невидимую для простого смертного долю миллиметра от строгих жизненных правил, этим кругом установленных, вдруг улыбнулась, просветлела и сказала Алеше: «Вы не поверите, какой это был чистый юноша!» Вот образец их — не нахожу слова — их математически требовательной совести. Их излишеств в этом направлении

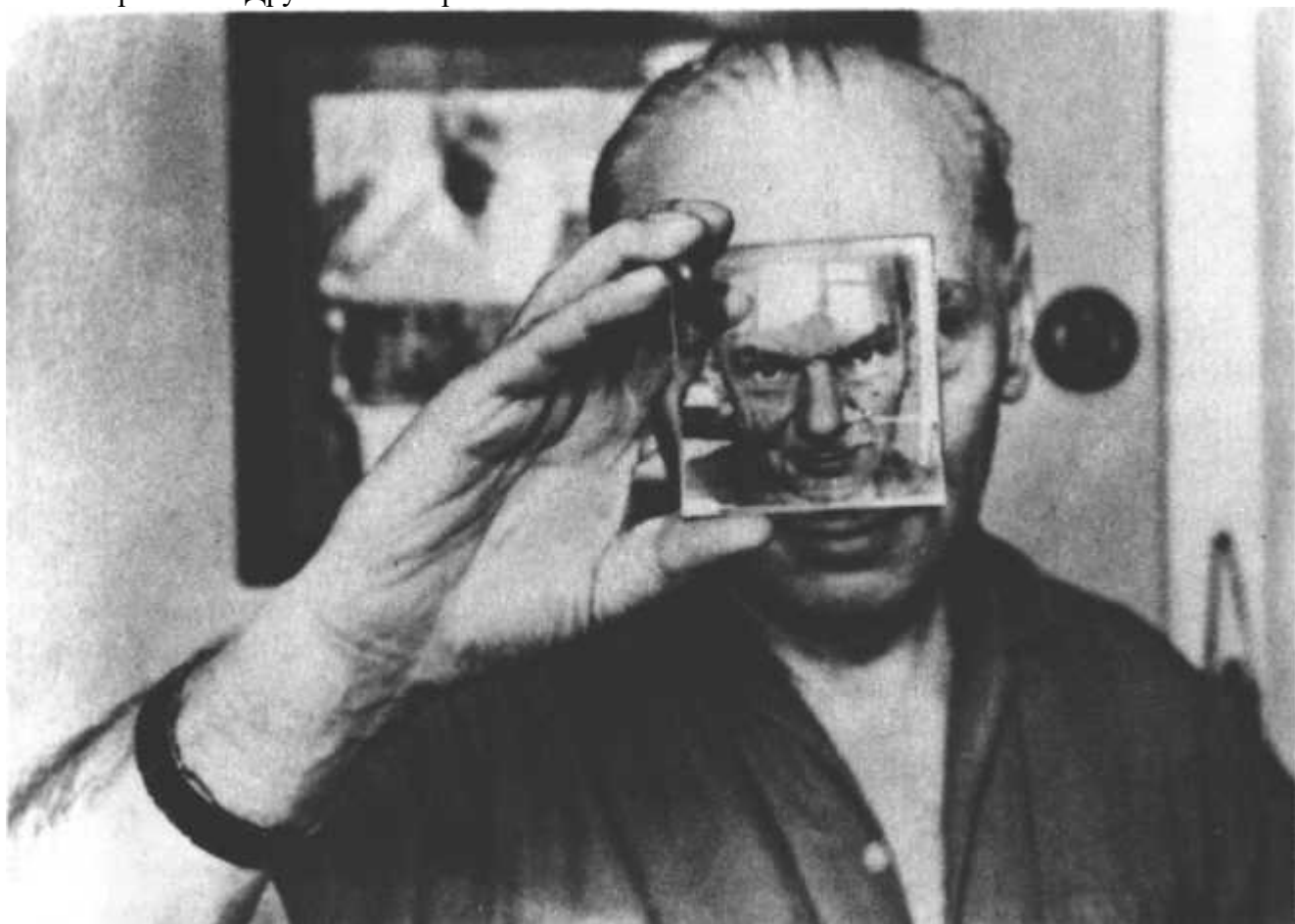

Н.П. Акимов

²⁷⁵ Театральная мастерская в 1921 г. переехала из Ростова- на — Дону в Петроград. 8 января 1922 г. состоялся первый спектакль («Гондла» Н. С. Гумилева), весной этого же года театр закрылся.

И. К. Авраменко. Дружеский шарж И. И. Игина

Н.П. Акимов

М. И. Алигер

И. Л. Андроников

Н. И. Альтман, Е. Л. Шварц, И. Г. Эренбург

О. Ф. Берггольц и Е.Л. Шварц

А. М. Бонди

В. В. Бианки. Дружеский шарж И. И. Игиа

П. К. Вейсбрем

С. Д. Васильев

А. Я. Бруштейн (справа) и К. В. Пугачева

М. В. Войно-Ясенецкий

Т. Г. Габбе

Э. П. Гарин и художник А. Папикян у портрета Гарина в роли Короля из спектакля «Обыкновенное чудо»

С. М. Городецкий

Е.Л. Шварц с женой Е. И. Шварц, с Машей Тагер и Н. И. Грековой

О. М. Грудцова

Ю. П. Герман (справа) и Э. П. Гарин С. М. Городецкий

С. Д. Разумовская и Д. С. Данин

К. Я. Гурецкая

Е. С. Деммени

Л.Н. Давидович. Дружеский шарж И. И. Игина

Д. Дрейден

Я. Б. Жеймо с Э. П. Гариным. Кадр из «Золушки» с дарственной надписью Э. П. Гарина

Я. Б. Жеймо в роли разбойницы из фильма Н. Г. Легошина «Снежная королева»

К. Зандерлинг

И.П. Зарубина

Е. В. Заболоцкая с детьми — Никитой и Наташей

Б.В. Зон

М. М. Зощенко

В. А. Каверин

Л. С. Зинковский

М. Э. Козаков

П. П. Кадочников

О. Г. Казико

В. К. Кетлинская

Л. К. Колесов

Г.М. Козинцев

К.А.Корчмарев

А. Крон

Выставка В. В. Лебедева (крайний справа). Крайний слева — Н. Н. Лунин

Л. И. Левин

Л. С. Любашевский с К. В. Пугачевой в спектакле по пьесе Е. Л. Шварца "Ундервуд", поставленном Л. И. Левин и ЛенТЮЗе

В. Г. Легошин

А. М. Лобанов

А. Б. Мариенгоф, Д. Д. Шостакович, А. Б. Никритина

Кропоткин в Петропавловской крепости потерял зубы от цинги. И в Лондоне вставили ему новые, до того ловко пригнанные, что несколько человек, на беду, сказали ему: «Какие у вас красивые зубы». И Кропоткин перестал носить свои искусственные челюсти: «Не хочу обманывать людей». В начале революции, когда жил Кропоткин уже в России, Алеша поехала к нему советоваться — она хотела вступить в партию, а от анархистов уйти. И старик разгневался. И Алеша обиделась. И сказала ему: «Я приехала к революционеру Кропоткину, а со мной разговаривает князь Кропоткин» Идовела ста рика до слез. И просила прощения за такие обидные слова. И вот теперь работала Алеша в Зимнем дворце, где Кропоткин мальчиком — пажем дежурил при императоре. Вход в Музей революции вел из сада, решетка вокруг которого была уже снята.

28 мая

Самый Музей Революции не действовал на воображение. Слишком много стендов, диаграмм, мало вещей. Та музейная отвлеченность, что мешает даже в квартире Пушкина²⁷⁶. Но когда по дороге в кабинет Каплана попадал ты в умышленно высокий фрейлинский коридор, чувство истории иной раз охватывало тебя. И отчетливей всего сознавал ты не случайную, музейную, а умышленную отвлеченность дворца. Это тебе не квартира. Это построено для существ абстрактных, некомнатных. По дружбе приходилось мне помогать Михаилу Борисовичу в запутанных его любовных делах. Вскоре после нашего знакомства, когда захворал он гриппом, съездил я на его велосипеде по указанному адресу, отвез записку той самой сестре его товарища, которая так огорчала Алешу. Телефонов тогда в Ленинграде не было — еще не восстановили сгоревшую в 21 году станцию. И Каплан отвечал мне услугой на услугу. Однажды встретился я во дворце у него с очень молоденькой

²⁷⁶ Имеется в виду мемориальный музей — последняя квартира А. С. Пушкина на набережной Мойки, 12 в Ленинграде.

девушкой. Нам надо было поговорить. И девушка сияла, и оглядывалась, и сказала, что это прямо Дюма! Когда переехал я с Невского, 74, и началась у меня совсем новая жизнь, стали мы встречаться с Капланами все реже и реже. Смутно слышал я, что с Алешей разлаживаются у него отношения все больше и больше. И вот встретились мы в 43 году, через двадцать с лишним лет после первых дворцовых времен нашего знакомства. И подивился я бесконечной изобретательности жизни. Алеша и Михаил Борисович разошлись. Новая жена Михаила Борисовича ревновала его к Алеше. А они сжились за горькие годы жизни своего супружества. Стариков неудержимо тянуло поговорить, посоветоваться. И тайно встречались Алеша и Михаил Борисович по воскресеньям у нас за обедом. Вот как все перевернулось! Алеша заведовала детской библиотекой в клубе МВД. Молодой парень, выдававший себя за сына нашего ТЮЗовского Брянцева, а оказавшийся сыном опереточного актера, контуженный, рослый, грубый, с отсутствующими белыми глазами, ненавидел Алешу и преследовал как человека совсем непонятного, словно с другой планеты. Алеша находилась у него в подчинении — Брянцев со своей контузией и отсутствующим взглядом властно и свирепо заведовал клубом. А Михаил Борисович работал в Республиканском музее. Сталинабад ни разу не бомбили, но одно здание лежало в развалинах. Купол его обвалился сам собой, так его построили. Жизнь теплилась во флигелях. Вот это и был музей, сюда-то и пристроил Комитет по делам искусств Михаила Борисовича как специалиста.

27 мая

По воскресеньям приходил Михаил Борисович в пиджаке и воротничке, в черном галстуке. На всем, как и на всех нас, следы долгих странствий, печать эвакуации. Врожденная достойная манера держаться не могла изменить ему, но все же был Михаил Борисович чуть-чуть ошеломлен, растерян в самой глубине. И, делясь с Алешей горестями и заботами, говорил он чуть больше, чем следовало, о пайках и литерных карточках. Как и все мы. Алеша, маленькая, седая, но по — старому властная и до самодурства деятельная, глядя в пространство своими близорукими светлыми глазами на чуть скуластом, упрямом лице, все рассказывала о библиотеке и горько жаловалась на Брянцева. А однажды пришла она в смятении и сообщила, что Брянцев выкрутил из детской читальни часть лампочек. И в пылу спора она сказала ему такое слово, такое слово — ужас! Я с большим трудом заставил ее вполголоса произнести, какое. Оказалось, «сволочь». Алеша, наша властная, отчаянная Алеша, через свой анархизм, через войны и революции, через крушения и беды личной жизни пронесла все же кое — какие убеждения и правила, привитые в Ксениевском институте. О, мощь воспитания. А что же контуженный Брянцев, верзила с отсутствующими глазами? Как в дальнейшем выяснилось, он словно переродился, словно увидел в Алеше человека, словно узнал ее. Нехорошее слово оказалось магическим, примирило врагов. На другой же день утром вернул он похищенные лампочки на место. А вечером принес Алеше так называемые «ужины», талоны на добавочное питание. И Алешина жизнь сразу стала попроще. За обедом вспоминали мы часто дворцовый период нашего знакомства. Как странно скрестились на миг судьбы наши, и стариков — народовольцев, и Зимнего дворца, который со всей своей судьбой отсюда, из Средней Азии, представлялся живым существом. Вспоминали мы фотографию: Николай II, сильно выпивший, в немецкой военной фуражке и пиджаке, добродушно глядит в объектив. С ним под руку — прусский принц, напаявший забавы ради мягкую шляпу царя. Он — в военной форме. Значит, в Зимнем и в самом деле и жили, и выпивали, хоть и рассчитаны были залы на сверхчеловеков, надсмертных. Вспоминаем историю с картиной в уборной Николая I. Там изображена была скромная красавица. Но вот обнаружили крошечную замочную скважину в раме, а за рамой — ключик. Рама отпиралась и открывала картину, писанную маслом, с огромным количеством фигур — «Вакханалия». С Вакхом, вакханками, ослом, сатиром, и чего — чего там только не было. «Ну, довольно» — останавливала Алеша. Вспомина и Золотова, дворцового лакея, оставшегося работать в Музее Революции. Он единственный знал проводку Зимнего.

Электричество там провели чуть не при Александре II.

28 мая

И говорили мы об этих, таких недавних, годах, как о времени, века назад исчезнувшем. Я говорю о первых годах нашего знакомства. Что двадцатые, — сороковой год рухнул, ушел в давнее — давнее прошлое. О сегодняшнем Ленинграде вспоминать было жутко. Словно разглядывать рану на собственном теле. И в который раз повторял я, что судьба наших сверстников определяется двумя классическими произведениями. Тютчевским:

«Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир»²⁷⁷

— и крыловской «Демьяновой ухой». Но вот события нашей жизни сложились так, что Театр комедии получил назначение в Москву ²⁷⁸. Еще до этого с Алешей стали мы встречаться реже. По роковой неуживчивости своей разладила она как-то отношения с Катей. Михаила Борисовича встречали чаще. Он утратил технику лжи по женской линии. Желая помочь Алеше, он доставал ей через Союз художников то кофе в зернах, то муку. А жене рассказывал, что это все для меня. И нарушил простейшее техническое правило — не предупредил меня об этом обстоятельстве. И едва не засыпался, когда я встретил его с женой на улице Лахути. В последние дни перед нашим отъездом должны мы были устроить прощальный ужин с Алешей и Михаилом Борисовичем, но он не состоялся по моей вине — забыл точно, почему. По ошеломленности перед отъездом. И обидел обоих, что теперь мне горько вспоминать. А может быть, еще каким-нибудь [образом] задел Алешу, не поняв и не заметив, чем. Я уезжал, как в чаду, обруганный за «Дракона»²⁷⁹, без денег и в суете. Уже в 45 году получил я от Алеши суховатое письмо. Она просила строго, чтобы написал я для ее библиотеки пьесу, для детской самодеятельности. О дизентерии, биче сталинабадских детей. И тогда она простит мне все обиды. Но не написала, какие. А у меня были дни трудные. Осложненные моим проклятьем — полной бездеятельностью. И я не ответил ей. Скоро, примерно через год, узнал я, что у Каплана на собрании художников приключился легкий удар. Еще через некоторое время встретил я его с женой на Марсовом поле. Он мечтал перебраться из Сталинабада в Крым. Это был и Михаил Борисович — и нет. Он похудел. Был словно чуть смущен встречей, будто застал я его не одетым. И речь была чуть косноязычна. Он вернулся в Сталинабад, и скоро узнал я о его внезапной смерти. Он умер, собираясь на работу в музей. А об Алеше давно ничего не слышал. Кончилось знакомство, связанное так близко с теми днями, когда становился я ленинградцем. А связь с Зимним все теплится.

29 мая

²⁷⁷ Шварц неточно цитирует строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1831). У Тютчева: «Счастлив, кто посетил сей мир...»

²⁷⁸ Театр комедии приехал в Москву в мае 1944 г.

²⁷⁹ Пьеса — памфлет Шварца «Дракон», направленная против деспотизма, была принята к постановке в Театре комедии.

В период репетиций появилась разгромная статья С. П. Бородин «Вредная сказка» (см. газ. «Литература и искусство», 1944, 25 марта), и спектакль был снят.

Вот присутствую я на заседании райсовета в Эрмитажном театре. Здание Дзержинского райсовета еще не восстановили тогда, после войны. Небольшой и рутой бархатный амфитеатр и огромная сцена. Смеш гное ощущение: игрушка, однако великанская и драгоценная. Времена тяжелые, и поэтому в антракте все стоят в очереди к буфету в пышном мраморном холодном зале. Вот много позже в этом театре я даже председательствую. Вместо Орбели, которого куда-то вызвали. Собрание не первостепенной важности: перед выборами судьи и народных заседателей. Фамилия кандидата — Паукова. Изредка захожу я к Орбели. Они живут в том же подъезде, где Эрмитажный театр. Квартира их столь же по — дворцовому высока. Неловко называть квартирой. Кухня почему-то на антресолях, куда ведет лестница с белыми перилами. В огромной спальне Мити²⁸⁰ — хоры, видимо, для оркестра. Ну, и в заключение несколько слов об Аничковом дворце, он же Дворец пионеров. В начале тридцатых годов (вероятно) в Таврическом дворце (еще дворец!) на каком-то общегородском собрании молодежи увидел я впервые Натана²⁸¹. Он появился на кафедре председателя, массивной и внушительной, маленький, узколицый, черный и небритый, никак не случайно, а от природы. Что-то обезьянье мне почудилось в его лице. Забрался он на кафедру вовсе не для того, чтобы открыть собрание, а как затейник. Он должен был организовать зал на предмет веселья и пока не начнется деловая часть. И он добросовестно и притопывал, и прихлопывал вместе с залом. Еще не были осмеяны прихлопы и притопы. Вторая встреча с ним была значительно менее веселой. Я попы — тался написать для ТЮЗа эстрадное представление²⁸². И его заваливали и труппа, и Брянцев, а возглавлял их Натан. РАПП еще не был отменен. И Натан, обливаясь потом, горячо, добросовестно громил меня. И настоял, чтобы в резолюцию внесено было, что «пьеса не принята, благодаря политическим ошибкам, допущенным автором». Это породило некоторую холодность между нами. Его узенький, бледный лоб, покрытый крупными каплями пота, запомнился навеки. В связи с этим, когда назначили его директором Дворца пионеров, тень от фигурки его с лобиком в поту, с вечной небритостью щек падала в моем представлении на все дворцовые залы. И я избегал его приглашений, впрочем, далеко не частых. Но жили мы в одном городе и занимались одним делом, и вечно встречались, впрочем, уже не сталкиваясь на собраниях. Первую мою пьесу «Ундервуд» он выругал в печати²⁸³, вторую завалил, а третья — прошла в том же ТЮЗе.

1 июня

Называлась эта пьеса «Клад»²⁸⁴. Ее сильно похвалили. И в чутком и точном

²⁸⁰ См. «Орбели Иосиф Абгарович», комм. 3.

²⁸¹ Штейнварг Натан Михайлович (1907–1966) — педагог, организатор пионерского движения в Ленинграде, директор Дворца пионеров. В последние годы жизни — работник педагогической части и директор ЛенТЮЗа.

²⁸² Рукопись эстрадного представления не сохранилась.

²⁸³ Имеется в виду статья Н. М. Штейнварга «Дайте пьесы, достойные великих задач коммунистического воспитания детей», напечатанная за подписью «Натан» в газ. «Ленинские искры», 1932, 20 марта. В статье говорилось: «Постановка «Ундервуд», в которой театр впервые хотел показать пионеров, была политической ошибкой ТЮЗа. Автор и театр, не зная пионеров, не зная задач пионерского движения, исказили сущность пионерской организации».

²⁸⁴ Премьера спектакля «Клад» в ЛенТЮЗе состоялась 8 октября 1933 г.

снарядике, образовавшемся за годы службы где-то в мозжечке Натана, далеко за мокрым лобиком, был отмечен и этот случай. Но предыдущие — не вычеркнулись. И все это смешанное отношение ко мне отражалось при встречах на его черномазом личике. Долго ли, коротко ли, но в Аничков дворец я все же попал. Получил пропуск в соответствующем отделе, налево от ворот, на Фонтанке. Предъявил его дворнику под колоннадой. Прошел длинной каменной дорожкой, каменным двором между одноэтажными длинными флигелями, открыл дверь, рассчитанную на все тех же абстрактных, несуществующих надчеловеческих обитателей, но в дворцовом надменном вестибюле сразу окунулся в столь любимую не то тюзовскую, не то школьную жизнь. Дети, дети у вешалок, на лестнице, на галереях вверху. Мне скорее понравилось во дворце. Даже комнаты, расписанные палехскими мастерами, показались терпимыми, хотя дворцовые стены решительно отказались превратиться в крышку лаковой коробки. Грянула война, и в 44 году вышло так, что я даже ночевал во дворце. Я приехал из Москвы навестить дочку. Письменские жили в те дни в правом флигеле дворца в нижнем коридоре. Натан с женой и сынишкой — там же. Он дружил с Письменскими, я остановился у них и волей — неволей встретился я с Натаном в семейной обстановке. И снарядик стал сигнализировать. Меня только что выругали за «Дракона» в «Литературной»²⁸⁵. Да и вообще показателям снарядика был я не из той среды: «Акимов. Театр комедии. Формализм». На бледном лобике собрались морщинки, и выражение у Натана стало, с одной стороны, приветливым, с другой же — испуганным. Но жили мы в одном городе, занимались одним делом и поэтому за чаем держались в рамках как бы приветливых. Фанерами были забиты дворцовые окна. Времянки дымили в безбоязненно, не по времени, высоких комнатах. Крысы шныряли по коридорам. Опять эти таинственные существа от голода в Ленинграде не вымерли, а расплодились в угрожающем числе. Но время шло, и война кончилась. И вот я переехал в Ленинград. Написал для балетной группы Дворца какое-то либретто. И когда пришел во дворец, чтобы подписать договор, то все уже было по — старому, по-дворцовому, по — довоенному, и я даже не вспомнил, что когда-то жили тут люди и я ночевал однажды. Но вот разразилась катастрофа. «Ленинградское дело»²⁸⁶. И увидел я Натана вырванным из раковины.

2 июня

Его еще не исключали из партии, но должны были со дня на день. Но жизнь шла своим чередом, семейные заботы оставались семейными заботами, и приехал Натан в Комарове снять комнату. Для сына. Сын. Сын! Натан, маленький, бледнолобый, черномазый, похожий на мальчика с подозрительной непристойно — переразвитой колючей шерстью на лице, по — библейски обожал семью. Снарядик отказал, ввиду иррациональности обрушившихся на Натана бедствий. И он зашел ко мне с просьбой проводить по указанному кем-то адресу. Там будто бы сдавалась дача. И впервые глядел он на меня без опаски, без всяких задних, гнездящихся возле мозжечка, мыслей. Его не пугало больше, что я какого-то там другого как будто круга. Напротив. Бед и ударов, о ужас, ждал он от своих. Мир перевернулся, привычные очертания предметов исказились. А людей, ужас, ужас! Ему было так страшно, — будто родная мать, одичав, бросилась кусать и грызть его за что попало. Дача,

²⁸⁵ См. комм. 14 к настоящей записи.

²⁸⁶ «Ленинградское дело» — серия дел, сфабрикованных в конце 1940-х — начале 1950-х гг. по обвинению ряда видных партийных, советских и хозяйственных работников в измене Родине, намерении превратить ленинградскую парторганизацию в опору для борьбы с ЦК. Среди привлеченных — академик АН СССР Н. А. Вознесенский, генерал — лейтенант, один из организаторов обороны города в 1941–1944 гг. А. А. Кузнецов и мн. другие. Одновременно был осуществлен массированный разгром ленинградского руководства по линии партийно — административных органов. Заменено свыше 2000 руководителей, репрессировано свыше 200 работников и их родственников. В дальнейшем все были реабилитированы, большинство посмертно.

которую он искал, оказалась далеко, и всю дорогу пытал он меня рассказами о доносах друзей. И о том, какие они сами нехорошие люди. Снарядик пришел в действие, и Натан с непогрешимой памятью перечислял ошибки своих погубителей, начиная издали, не с 17-го года. И снова возвращался к горестной своей судьбе. «Как я буду смотреть в глаза сыну!» Он, ни в чем неповинный, по дисциплинированности своей, считал себя не оскорбленным, а опозоренным. Вскоре исключили его из партии. И попал он в психиатрическую лечебницу. А когда он оттуда вышел, то Александр Александрович Брянцев добился, чтобы его приняли в ТЮЗ, в педагогическую часть. Я встречал Натана исхудалого, глядящего в землю. Оживлялся он, только говоря о Брянцеве. Пел ему хвалы. И было за что. Но вот через год-два времена переменялись до неузнаваемости. И Натана восстановили в партии, почему-то, впрочем, с перерывом в стаже. Но при этом с полной реабилитацией. И предложили вернуться во Дворец пионеров, но он отказался. Заявил, что не уйдет от Брянцева. Когда в ТЮЗе ставили «Два клена»²⁸⁷, увидел я на репетиции Натана и убедился с удовольствием, что вместе со временем изменился и он. Пополнел, облагодетельствовался. И снарядик, обнаружив меня, сработал в мою пользу: приветливо улыбнувшись, сказал Натан искренне: «Поздравляю с премьерой». Одно осталось неизменным: оказался Натан небрит, непреодолимо, от природы. Тоскует он без Дворца пионеров? Полагаю, что так. Когда запираются огромные дворцовые двери ночью, по опустелым залам бродят две тени — Александра III и Натана, негодуя, не узнавая дворца, не глядя друг на друга.

Следующая фамилия в телефонной моей книжке **Добин**.²⁸⁸

3 июня

Ефим Добин мягкий, кругленький, маленький. Он доброжелателен, а это в пасмурном нашем Союзе писателей всегда радует, словно солнышко пробилось. Фигурой и судьбой похож на ваньку — встаньку. Сколько его валили! Во время одного из зловещих собраний в Доме писателей в 37 году после того, как излупили его так, что и великану не выдержать, кто-то вышел в фойе и увидел: лежит маленький наш Ефим посреди огромного зала на полу, неподвижно. Потерял сознание. Но и после этого нокаута он очнулся, реабилитировался. Выйдешь на улицу, а впереди покачивается на ходу наш ванька — встанька, спешит на «Ленфильм», где работал он редактором сценарного отдела. С его редакторским мнением ты мог не соглашаться, но всегда считался. Ты чувствовал всегда, что его соображения искренни. И являются на самом деле соображениями, а не имитацией редакторского глубокомыслия. Но вот снова сгустились тучи. И Ефим был удален с «Ленфильма» и исключен из партии. Он не мог согласиться с этим и негромко, но упорно и упруго отбивался, отбивался и отбивался и реабилитировался. Выйдешь на улицу, едет Ефим, шагает из магазина. В руках авоська, из авоськи глядит сквозь петельки картошка. Он пока еще нигде не работает. Приглашали его вернуться на «Ленфильм», но он колеблется. Кончает книжку²⁸⁹. Напечатал статью в «Звезде»²⁹⁰. Мягкий, кругленький, но никак не толстенький. Увидишь его и хочется подразнить. Шура Штейн²⁹¹, например, дразнил

²⁸⁷ Премьера спектакля «Два клена» состоялась в ЛенТЮЗе 5 ноября 1954 г.

²⁸⁸ Добин Ефим Семенович (1901–1977) — литературовед, критик, искусствовед, редактор сценарного отдела «Ленфильма».

²⁸⁹ Говорится о книге Добина «Жизненный материал и художественный сюжет».

²⁹⁰ Статья Добина «Типическое в сюжете» была напечатана в журнале «Звезда», 1954, № 8.

²⁹¹ Штейн Александр Петрович (1906–1993) — драматург.

Ефима тем, что будто бы того во время войны списали с корабля за то, что он по малому росту не доставал до писсуара. Отвечает на шутку Ефим с достоинством. Всегда упруго. Посмеются — глядь, а он, пошатавшись, стоит на ногах. Ну и хорошо. Я не знаю, до какой степени изуродовано его сознание смертным боем, которому подвергалось. Но, увидев его, улыбаешься, к словам его прислушиваешься. Работает он много. Как он пишет, каков он в своей театроведческой специальности, что он может — неизвестно. До этого еще мы не доходили.

Следующая фамилия **Дембо Александр Григорьевич**.²⁹² У меня много знакомых врачей. Из них лечат лучше всего те, которые глуповаты. В том смысле, как сказано это у Пушкина: «Поэзия должна быть, прости господи, глуповата»²⁹³. Умный, скептический врач не верит прежде всего в медицину, потом больному и, наконец, самому себе, что особенно опасно. Дембо — исключение. Он никак не глуп, но и не скептичен, хоть и холодноват. Верит в медицину, хоть и трезв. Вероятно, потому, что долго работал с крупнейшими врачами.

4 июня

Он много лет был ассистентом у Ланга²⁹⁴, много лет вел научно — исследовательскую работу в I Медицинском институте и в больнице Эрисмана²⁹⁵. Кожа обеих рук у него изуродована, блестит, кажется тоненькой, неестественно розовой, словно воспаленной. У него во время опытов взорвался кислородный баллон, дверь заклинило, и он пытался открыть горящие створки руками. Когда вышибли, наконец, двери, — и он, и сотрудник его были обожжены так тяжело, что их едва отходили. Руки его, точнее, кожу на руках спасли несколькими последовательными пластическими операциями. Сейчас Дембо уже доктор наук. Считается одним из лучших кардиологов города. Его били смертным боем по причинам, далеко отстоящим от науки, но образовались ли в душе его места, столь же деформированные, как кожа на руках, — не разглядеть. Сейчас он приходит ко мне в качестве лечащего врача, — за эти дни, с помощью кардиограммы установили, что был у меня инфаркт. Корректен, строен, высок. Взгляд холодноват и заперт на семь замков, но не так, как у людей застенчивых или надменных, а как у наученных горьким опытом. Это замкнутость травматического порядка. В диагнозах своих точен — проверено на знакомых. Ни примеси шарлатанства — он верит в свои знания. Не верует, как врачи, прости господи, глуповатые, а знает. Как многие врачи, трогательно уважает искусство. Он хорошо знаком с Кабалевским²⁹⁶ и гордится этим. Прост. Работает уйму, как и подобает доктору наук, что я уважаю бесконечно.

Ж

Следующая фамилия **Жеймо**.²⁹⁷ Удивительно привлекательное существо. Трагична

²⁹² Дембо Александр Григорьевич (р. 1910) — врач — кардиолог.

²⁹³ Письмо П. А. Вяземскому от 1826 г. [не позднее 24 мая].

²⁹⁴ Ланг Георгий Федорович (1875–1948) — врач — терапевт, кардиолог, гематолог.

²⁹⁵ Эрисман Федор Федорович (1842–1915) — основоположник научной гигиены в России. По национальности швейцарец.

²⁹⁶ Кабалевский Дмитрий Борисович (1904–1987) — композитор.

²⁹⁷ Жеймо Янина Болеславовна (1909–1987) — артистка. Снималась в фильмах по сценариям Шварца.

судьба людей, обожающих искусство, но не имеющих никаких данных для того, чтобы им заниматься. Таких в театре — легион. Но еще трагичнее люди, рожденные для сцены или экрана, и которые роковым образом сидят без работы. Жеймо сделала десятую долю того, что могла бы. Должна бы. И до сих пор она еще надеется, что сыграет, наконец, то, что душа просит. И судьба шадит ее — она все по-девичьи легка и вот — вот сорвется и полетит. Только пусть для этого сойдутся несколько тысяч случайностей, выйдет пасьянс из миллиона колод. Родилась она в цирковой семье. На арене выступала чуть не с пяти лет²⁹⁸. Потом попала к ФЭКСам²⁹⁹, совсем еще девочкой. Играла в «Шинели»³⁰⁰. Потом вышла замуж за Костричкина³⁰¹ — его считала выдающимся эксцентрическим актером. Родила от него дочку. Развелась. Вышла замуж за Хейфица³⁰². Родила от него сына. Вот что слышал я о ней краем уха в тесном нашем кругу.

5 июня

А потом встретились мы гораздо ближе во время картин «Разбудите Леночку» и «Леночка и виноград»³⁰³, сценарий которых писал я с Олейниковым. Первая (короткометражка) имела некоторый успех, вторая же, вместе с комедией нашей «На отдыхе»³⁰⁴, провалилась с шумом, с таким шумом, что братья Тур написали в «Известиях»: «Неизвестно, зачем авторам понадобилась подобная жеребятина»³⁰⁵. Янина Болеславовна или Яня, как все ее называли, была тут ни при чем. Мы думали, что удастся нам сделать картину, ряд картин, где Жеймо была бы постоянным героем, как Гарольд Ллойд³⁰⁶ или Бестер Китон³⁰⁷, и где она могла бы показать себя во всем блеске. Но ей опять роковым образом не повезло. И сценарий не удался, и режиссер решился взять себе эту специальность без достаточных оснований, словом, опять не вышел пасьянс в тысячу колод. Но я поближе

²⁹⁸ Жеймо выступала в цирке даже несколько раньше — с трехлетнего возраста, была наездницей, гимнасткой, балериной и музыкальным эксцентриком.

²⁹⁹ См. «Дом кино», комм. 7.

³⁰⁰ В 1926 г. в фильме «Шинель» Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга Жеймо играла роль подручного портного.

³⁰¹ Костричкин Андрей Александрович (1901–1973) — киноартист.

³⁰² См. «Хейфиц Иосиф Ефимович», с. 618.

³⁰³ Жеймо играла Леночку в комедийных короткометражных фильмах «Разбудите Леночку» (1935) и «Леночка и виноград» (1936), режиссер А. В. Кудрявцева. Фильм «На отдыхе» поставлен в 1936 г. режиссером Э. Ю. Иогансоном.

³⁰⁴ 17 ноября 1936 г. в газете «Известия» была напечатана рецензия братьев Тур на кинокомедию «На отдыхе», где говорилось: «Неизвестно почему сценаристы Олейников и Шварц написали такую «жеребятину», режиссер Иогансон ее поставил, а «Ленфильм» выпустил».

³⁰⁵ Ллойд Гарольд (1893–1971) — американский киноактер-комик.

³⁰⁶ Китон Бестер (наст. имя Джозеф Фрэнсис) (1895–1966) — американский комический актер и режиссер кино

³⁰⁷ Жанно Леон (наст. имя и фам. Леонид Ефимович Кац) (р. 1908) — кинорежиссер.

разглядел Янечку Жеймо и почувствовал, в чем ее прелесть. Все ее существо — туго натянутая струнка. И всегда верно настроенная. И всегда готовая играть. Объяснить, что она делает, доказать свою правоту могла она только действием, как струна музыкой. Да и то — людям музыкальным. Поэтому на репетициях она часто плакала — слов не находила, а действовать верно ей не давали. Я не попал в Ялту на съемку несчастной «Леночки», но Олейников был там, и даже у этого демонического человека не нашлось серной кислоты для того, чтобы уничтожить ее, изуродовать в ее отсутствие. И он говорил о ней осторожно и ласково, испытал ее в разговорах на самые различные темы. Спросив, как относится она к своему первому мужу, получил он ответ столь наивный и женственный и вместе с тем целомудренный, что умилился. Записывать мне его не хочется. Тут дело не в словах, а в музыке. Впрочем, Хейфица она обожала. Хотя, по слухам, иногда ужасно с ним ссорилась. Все потому же. Она была создана для того, чтобы играть. А вне этого оставалась беспомощной и сердилась, как сердятся иной раз глухонемые. В Доме кино праздновали однажды полушутя — полусерьезно, в те легкомысленные времена это было допустимо, ее юбилей что-то не по возрасту огромный. Ведь начала она свою актерскую жизнь в пять лет. И весь юбилей проводился бережно, и ласково, и весело. Мы с Олейниковым сочинили кантату, которая начиналась так:

«От Нью — Йорка и до Клина
На сердцах у всех клеймо
Под названием
Янина Болеславовна Жеймо».

И после всех речей, растроганная, раскрасневшаяся, маленькая, как куколка, разодетая по — праздничному, будто принцесса, открыв наивно свои серые глазища, прокричала Янечка в ответ какие-то обещания, может быть, чуть газетные, чуть казенные, но все поняли музыку ее речи и слова не осудили. Струна не сфальшивила.

6 июня

И вот пришла война. А Янечка разошлась с мужем и приняла, по рассказам, это очень тяжело. Но когда встретились мы в Сталинабаде, была она все та же, только темнее и озабоченнее обычного, по — военному, как и все мы. И вышла замуж за режиссера Жанно³⁰⁸. И вот пришел 45 год, и я написал сценарий «Золушка». И Кошеверова³⁰⁹ стала его ставить. А Янечка снималась в заглавной роли. И пасьянс вышел! Картина появилась на экранах в апреле 47 года и имела успех. В июне того же года увидел я, выйдя из Росконда, на теневой стороне Невского у рыбного магазина Янечку с мужем. И догнал их, перебежав проспект. Они, по слухам, собирались на Рижское взморье, и я хотел расспросить, знают ли они, как там живется. Жарко. Пыльно. Около шести. Невский полон прохожими. Янечка маленькая в большой соломенной шляпе, просвечивающей на солнце, в белом платье с кружевцами. Посреди разговора начинает она оглядываться растеряннo. И я замечаю, в священном ужасе, что окружила нас толпа. И какая — тихая, добрая. Даже благоговейная. Существо из иного, праздничного мира вдруг оказалось тут, на улице, «Ножки, ножки какие!» — простонала десятиклассница с учебниками, а подруга ее кивнула головой, как зачарованная. Мы поспешили на стоянку такси. И толпа, улыбающаяся и добрая, следом. И на Янечкином лице я обнаружил вдруг скорее смущение и страх, чем радость. То самое чувство, что словно проба метит драгоценного человека. Что заставляло сердиться Ивана Ивановича Грекова, когда называли его «профессор». Он видел предел, до которого, по его

³⁰⁸ См. «Кошеверова Надежда Николаевна», с. 588.

требовательности, было еще ему далеко — далеко. И Яня, настроенная неведомой силой с полной точностью, чувствовала то же. Она уселась с мужем в такси тех лет, в ДКВ. Низенькое. Казалось, что человек сидит не в машине, а в ванне. И такси загудело строго, выбираясь из толпы, провожающей Яню Жеймо, словно принцессу.

Следующая запись в книжке: **Жакт**.³¹⁰ Так записала Катюша, по старой памяти, девичью фамилию домоуправления. Помещается он в большой комнате, нет, в зале, скорее, в первом этаже. Сначала надо подняться до первой площадки лестницы, войти через двойные двери, борясь с пружинами, и спуститься точно на ту глубину, на какую высоту только что взобрался. Длинные, черные канцелярские столы, шкафы на замках, огромные окна во двор, и ощущение большого количества неосвоенного пространства. Здесь до революции репетировал симфонический оркестр графа Шереметева, в бывшем доме которого помещается Дом писателей.

7 июня

А теперь об оркестре и воспоминаний не осталось, разве только во многих квартирах, по традиции, живут оркестранты, вероятно, потомки шереметевских. Играют в Филармонии. Впрочем, весь наш огромный дом, построенный в екатерининские времена, принадлежал дворцовому ведомству, и проживали здесь певцы и музыканты придворной капеллы. Длинные коридоры тянутся от площадки к площадке лестничных клеток — их в нашем корпусе три. А в коридоры выходят двери квартир. Когда-то, года до 38, у всех этих квартир уборные были размещены в общих помещениях в шумящих водой комнатах в конце коридоров, у площадок. Теперь распределили их по квартирам. Только у двоих — троих несчастливцев, по особенности распределения фановых труб, уборные вынесли в коридоры, достаточно людные. И когда бредут жильцы с ключиками от висячих замков в похожие на шкафы уборные свои, то вечно этому находятся свидетели. Почему тебя так оскорбляют кухонные запахи, из чужих кухонь пробивающиеся в коридор? Рыбу жарят, о, ничтожные люди! Гороховый суп варят, обидчики! А сам при этом любишь и рыбу, и гороховый суп и не бранишь себя за это. Дом с екатерининских времен до 34 года был трехэтажным, а с тех пор стал пятиэтажным. Надстроили два этажа. Писательская надстройка. Строили долго, замучили нижних жильцов стуком, грохотом, а когда стали проводить отопление и водопровод — потопили. Вскоре после переезда услышал я, как две старухи, стоя у обвалившейся в коридоре штукатурки, с яростью бранились: «Это всё писатели, всё они, проклятые, проклятые». Вначале — не имели мы отношения к общему жакту. У нас был свой комендант Котов — рослый парень, недавно демобилизованный, в первый год своего комендантства вежливый, а в последующие — недоверчивый. Но в конце тридцатых годов он ушел, а с начала войны все руководство домом, все управление — забыл вдруг нужное слово, ну, скажем, жактовскими отрядами противовоздушной обороны — сосредоточилось в той самой огромной комнате, где репетировал некогда оркестр. Несчастный дворник, получивший вдруг повышение в управляющего домохозяйством, седой, длинный, все метался от избытка энергии и чувства ответственности. Страшные ведьмы, гнездившиеся по углам, источали яды. Позволяли себе все, что им взбрело в башку, только бы рассеять тоску и злобу. Покойный Жак Израилевич³¹¹ добыл ~для нашего домохозяйства ряд необходимейших вещей.

8 июня

³¹⁰ Жакт — жилтцно-арендовательное товарищество

³¹¹ Израилевич Яков Львович (Жак) — коллекционер картин.

Асбестовые рукавицы, шлемы, клещи, ряд вещей, необходимых для ПВХО — вспомнил название наших отрядов — добыл Жак Израилевич. И ведьмы немедленно написали донос, что Жак срывает снабжение, добывая по блату то, что распределяется по плану. Угодить им было невозможно, словно мачехам. Ходишь на дежурство — высываешься, не ходишь — трусишь. Ненавидели эвакуирующихся, подозревали остающихся. «Уезжаешь — бежишь, остаешься — ждешь» — сформулировала их отношение к людям балерина Иордан³¹². Одна из этих всему свету мачех каждый день сидела в жакте над домовыми книгами с таинственным человеком в штатском пальто и военных сапогах. Помогала ему выискивать подозрительных жильцов. И каждый знал, что в случае надобности эта ведьма любого жильца превратит в подозрительного. И все косились в ее сторону. Эти ведьмы могли бы сожрать весь дом, если бы объединились. Но они ненавидели и взаимно уничтожали друг друга в Глазах начальства. В тех же случаях, когда объединялись, не было от них спасения. Так подвели они под расстрел несчастного дворника, выросшего в управхоза. Так он и погиб — длинный, бледный, красноречивый, растерянный. Они обвинили его в том, что не сдает он карточки умерших, а до конца отчетного месяца держит их при себе, отоваривая в свою пользу. И беднягу расстреляли. Ведьм было относительно немного, но они вселяли в присутствующих чувство тревоги. Из-за них были резки постоянные служащие домоуправления. В вечерние часы в зале было многолюдно — смена караулов, люди забегали погреться с наружных постов, когда бомбежка кончалась, а тревога не отменялась. И среди толпы бродил дурачок, подросток, лет пятнадцати, с кустиками растительности на лице. Рослый, обрюзгший. Он всем приветливо улыбался и отдавал честь. И кто-то сказал однажды: «Подумайте только, во всем жакте один человек вежливый, да и тот сумасшедший». Были среди работников ПВО настоящие подвижники. Кроткая и нежная жилища второго этажа вела старательнейшим образом списки дежурств. И когда недалеко разорвалась бомба, и дом зашатался, и задребезжали и едва не вылетели стекла, она схватила список дежурств — самое ценное, как ей почудилось по ее добросовестности, и выбежала на улицу. Отлично работало санзвено. Дежурили они на крыше и у ворот, отчего ведьмы в своих углах истекали ядом, считая это прямым вызовом их осторожности. Страшные своей будничностью дни! Я попытался написать жакт более реалистическим. В пьесе.

9 июня

Я сделал попытку изобразить. Нет, вру. К моему удивлению, когда написал я пьесу «Одна ночь», полагая, что изображаю наше домоуправление, оказалось, что похож портретно один бедняга управхоз. Остальные издали — писалась пьеса в Кирове — казались куда более благообразными. Даже о покойниках можно писать строго. А о смертниках — нельзя. А все они издали казались приговоренными к смерти. И многие из них и в самом деле умерли, начиная с бедного вежливого дурачка Виталия. Ведьмы выжили. 8 сентября, в первую же бомбежку Ленинграда, разбитыми оказались Бадаевские склады. Всё домоуправление, все работники ПВХО — беда приключилась днем или к вечеру, но когда еще было совсем светло — собрались на чердаке. Черные столбы почти неподвижного, тяжело клубящегося, занявшего полнеба дыма вздымались где-то далеко, далеко за крышами домов. Я был уверен, что горит нефть. Ленинград был обречен на голод первой же бомбежкой, но мы понимали это столь же мало, как рыбы в садке свою судьбу. Странно сказать, но были мы скорее веселы — до сих пор все тревоги были ложные, а теперь что-то приключилось. Словно гроза пронеслась. И странная, непонятная тревога, но и радость при виде пожара овладела отрядом ПВХО. А ночью дежурил я на посту наблюдения, на крыше. Рядом со мной расселись на помосте так называемые связисты, ребята лет тринадцати — четырнадцати, школьники и ремесленники. Народ лихой. С большинством из них я был

³¹² Иордан Ольга Генриховна (1907–1971) — артистка балета, балетмейстер, педагог. С 1926 по 1950 г. — в труппе Театра оперы и балета им. С. М. Кирова.

знаком и раньше. Они звонили к нам и спрашивали, нет ли работки, и бегали за керосином, за папиросами или приносили дрова. С остальными познакомился во время дежурств. Самым заметным среди них был преждевре — менно вытянувшийся, узкоплечий ремесленник по прозвищу Крокодил. Недавно выписался он из больницы. Он, убегая из сада, напоролся подбородком на решетку, да так и повис. Сад, кажется, был Михайловский. А почему Крокодил бежал и кто за ним гнался, связисты мои вопроса не поднимали. И я не спрашивал. Рассказывали они, как обнаружили лаз в церковь Спаса — на — Крови. Оказывается, именно там и гнездились голуби, которых мы до блокады подкармливали. Кроме того, в церкви был склад. Какой именно — ребята помалкивали. Выяснил я только, что лаз был до того головоломный, что, обнаружив нарушителей, сторож больше перепугался, чем рассердился. И ребята, вспоминая это, очень смеялись. Один из ремесленников кончил школу и получил разряд. И поступил на работу. В одно из дежурств он все волновался — на другой день предстояло ему получить первую зарплату. «Не знаю, засну я сегодня?» — говорил он, потягиваясь.

10 июня

Здоровенный, большеголовый парень с большим, туго подвижным лицом, он удивлял меня волнением перед завтрашней зарплатой. Значит, он из тех, что соглашаются работать. Значит, радовался тому, что присоединяется к взрослым, с которыми воевал, по мере возможности, как и все мои связисты, показывая свою лихость и независимость. И никогда бы я этого не узнал, если бы не дежурили мы на деревянной площадке с перилами, под навесом из листового железа на крыше левого корпуса нашего домохозяйства, выходящего на улицу Перовской. Зачем нужно дежурить на посту наблюдения — никто не знал толком. Но мне нравилось тут больше, чем на чердаке, и, во всяком случае, больше, чем в бомбоубежище, где мне чудилось, что я в западне. По лестнице, миновав последние квартиры, поднимался я к чердаку с его особым застоявшимся запахом дыма и глины и пробирался к выходу на крышу. К нему вела особая лестница. Тут однажды я думал, кончив дежурство, сократить путь. Пойти прямо вниз. И вдруг заметил, что шагни я прямо, то слетел бы на площадку или на чердак — не вспомнить сразу, куда. Только высоко. Достаточно высоко для того, чтобы сломать ногу или свернуть шею. И обиделся. Заслонка была спущена, чтобы я не видел более страшной угрозы. А от мелких защищен я не был. И эта беда, хоть и была она отведена, несколько дней меня преследовала. Я до сих пор не понимаю, почему я вдруг в последний миг не шагнул прямо во тьму, в яму, — так ясно вдруг представилось мне, что так будет ближе. Выйдя на крышу, шел я по гребню. И железо громыhalo под ногами, что напоминало детство и крышу сарая в доме Санделя. Так пришел я на дежурство и 8 сентября, ничего не ожидая, — ведь бомбежка уже была! На этот раз со связистами говорили мы только о дневном налете. И вдруг — тревога. И с неожиданной быстротой, еще и сирены не отвыли своей машинной и вместе животной жалобой, я услышал свист. И где-то неожиданно близко поднялся сноп, — это не привычное сравнение, именно сноп, очень крупных искр. И еще свист. И еще взрыв. Я был уверен, что будут немцы бомбить заводы и железные дороги, и не понял ни свиста, ни снопов таких объемистых и полных, ни взрывов совсем близких. А больше всего сбили меня с толку ракеты. Множество ракет, ставших над городом. Связистов моих словно ветром сдуло — они ползком нырнули в лаз.

11 июня

И я возгордился. Мальчики мои были народ отчаянный, но просто относящийся к опасности. Они бежали, когда надо. Крокодил недавно даже повис на острие решетки — так безрассудно отступил перед сторожем. Привычка к нарушениям породила привычку к отступлениям. Но все это я понял впоследствии. Тогда же я возгордился. Ребята удрали, а мне это и в голову не пришло. Впоследствии же я сообразил, что был просто ошеломлен разнообразием впечатлений. О храбрости тут говорить не приходилось. В дальнейшем,

правда, я не уходил, уже понимая, что происходит, подчиняясь чувству приличия. Вскоре после бегства моих связистов налет прекратился. Умолкли зенитки. Только ракеты продолжали взлетать неторопливо над затемненным городом. Помост мой заполнился людьми. Какие-то гости не из нашего жакта в военной или полувоенной форме. Жак Израилевич в широком своем шлеме. К негодованию жактовских мачех и в дальнейшем он, едва начиналась тревога, бросался в самые опасные места, чтобы не подумали, что еврей трусит. А ведьмы понимали это так, что намекает он своим безрассудством на их осторожность. Я спросил, что значат эти ракеты. И кто-то из гостей ответил, что таким образом подаются знаки нашим ночным истребителям. Вечер был такой странный, что я поверил этому безоговорочно. И только через два дня мы узнали, что это шпионы-ракетчики, как мы их сразу прозвали, — подают знаки фашистским самолетам. И количество ракет поразило меня. Стою я на чердаке нашего жилого корпуса. Все тот же горький запах дыма и глины. В глубине белеет лазаретная койка. Когда стал я дежурить на чердаке, Катюша устроила тут же пункт санзвена. И стала дежурить возле. Чтобы если убьют, так уж вместе. Я смотрю в окно и вижу, как на Петербургской стороне где-то далеко за остовом сгоревших американских гор взлетают не спеша семь ракет. И горечь охватывает еще сильнее. Люди, которых я вижу в домоуправлении каждый день, повторяемость тревог, голод, голод — все вместе открывает передо мной следующее: большие и малые горести в родстве. Серость и будничность. Ужас в том, что ко всему привыкаешь. И если мы выживем, то будем рассказывать об этих днях, словно имели они цвет, а не серость и тьму, словно были они интересны. И только однажды будни были резко нарушены.

11 июня

Я только что сменился с поста наблюдения и зашел в жакт погреться. Дурачок отдал мне честь. И сказал хрипловато: «Представьте, неприятность, надо ехать на трамвае, а я потерял двадцать копеек». Домработница из пожарного звена рассказывала что-то подругам шепотом. И те хохотали. Звено это вообще держалось самостоятельно, с достоинством. Вечно они секретничали и хохотали, а то вдруг заводили песню. А однажды во время тревоги на крыше подняли столь шумную пляску, что управхоз поднялся к ним и сказал речь. Ему казалось, что есть в подобном поведении некоторое кощунство, а они возражали, что устава не нарушают.

Это все был деревенский народ, тронутый городом. Дом-работницы послабее в первые же дни войны уехали домой, в колхоз, а эти остались хозяйками в опустевших квартирах своих нанимателей. Одна из них, родную деревню которой заняли немцы, ухитрялась получать оттуда известия. И в дни дежурств моих, метнув в меня смелым до нагловатости взглядом, сообщала, вздыхая: «Снилось мне, что в нашей деревне еще пока ничего. Живут. Сестра крышу толем покрыла. Мать все плачет, как бы я с голоду не померла», — и тому подобное. Итак, было в тот вечер в домоуправлении спокойно, как всегда во время затянувшейся тревоги. Вдруг над самым домом возник стонущий и зловеющий звук немецких самолетов, выстрелы зениток приблизились, раздался гул голосов, непривычные шумы ворвались в обычные. Замерли разговоры в жакте. И ворвались в комнату связисты с криком: «Зажигалки сбросили». Одна из них полыхала посреди переулочка, ее быстро забросали песком. На крыше над каверинской квартирой пылали две. Управхоз, скользя в резиновых сапогах по мокрой крыше, схватил одну клещами, сбросил на мостовую. С другой, засевшей как раз на углу у желобов над водосточной трубой, бился Борис Викторович Томашевский³¹³. Он командовал, его слушались с серьезными и напряженными лицами домработницы из пожарного звена. И эту бомбу погасили. В три — четыре минуты, не помню, кажется, семнадцати зажигалок словно и не бывало. Прежде чем успели мы понять,

³¹³ См. «Томашевский Борис Викторович», с. 617.

что происходит. Весь дом роем поднялся и сделал свое дело. Напротив, в бывшем доме Нобеля и на крыше Михайловского театра, еще возились с зажигалками. Им пришлось труднее — ведь там не было жильцов. Работали только отряды ПВХО. А у нас вышли все жильцы, кроме ведьм. Все до одного. Почувствовалось, что кроме домоуправления есть и дом.

12 июня

В начале октября вечером, когда дежурил я во время тревоги на чердаке, напала на меня и моего напарника тоска, похожая на предчувствие. Было это числа седьмого — восьмого. Мы спустились в самый низ лестничной клетки и встали в угол, как ведьмы какие-нибудь. А самолеты, со своим машинно — животным завывом, все не унимались, кружили, кружили и с каждым заходом сбрасывали бомбы. И вот раз — далеко, два — чуть ближе, три — оглушительный удар совсем близко, звон стекол, и жужжащее завывание или завывающее жужжание, идиотски упорное в своем однообразии, замирает постепенно. Удары бомб кажутся не слишком многозначительными. Не веришь. Не хочешь верить, что кто-то убит так просто. Но в домоуправление звонят: пришлите санзвено к «девятке» — так называют гастрономический магазин на углу Желябова и Конюшенной площади. Номер дома никто не помнит, а «девятку» знают все. Управхоз собирает звено, но в это время звонят еще, — поправка. Требуется не санитарное, а пожарное звено с лопатами. К утру только возвращаются наши пожарницы. Бомба разрушила доМ, где была «девятка». Разорвалась под самыми сводами ворот. А там столпились прохожие. И трупы их швырнуло до середины Конюшенной площади. И наше пожарное звено, вместе со звеньями всех уцелевших соседних домов, производило раскопки в развалинах дома. И трупы увозили на грузовиках. Вот что наделал третий, близкий удар бомбы, показавшийся, несмотря на оглушительность свою, таким механическим, таким незначительным. Идиотским. Мне трудно было определить тогда, да и теперь нелегко объяснить, почему немецкие самолеты казались мне идиотским недоразумением. Соединением солдафонской глупости и автоматизма машины. Что-то по ощущению напоминающее тир. Выстрел — и, в случае попадания, сухое щелканье, и плоская жестяная, дурачки раскрашенная птица машет жестяными крыльями. Вот очень приблизительный перевод очень ясного чувства. Происходящее страшно. Страшно глупо. Когда тревога случалась в часы, свободные от дежурств, я оставался дома. Если бомба падала близко, наш дом качался, и трубка настенного телефона, и лампочки раскачивались вслед за ним, и несколько мгновений казалось, что дом вот — вот рухнет. Но прежде чем ты успеваешь осознать это и ужаснуться — все приходило в норму. Но вот приблизился к концу этот период.

13 июня

Я перечитал свое описание военного домоуправления и огорчился. Как только перенесешь явление из одной категории в другую, оно все равно что исчезает. Начинаешь рассказывать и поневоле отбираешь. И вносишь правильность. А главное в том времени — затуманенная, унылая бытовая бессмыслица, доведенная до пределов вселенских. От убийств, смертей, трупов, выброшенных на середину площади из подворотни, не становилась блокада объяснимей. Люди, приезжающие с фронта, терялись в этой непереставаяемо терзаемой массе города. Что можно тут сделать, где тут твое место? Ты знаешь свое место во время бомбежки. Но какой смысл в том, что стоишь на чердаке, где к зиме заколотили все слуховые окошки, ничего не видишь, ничего не делаешь — терпишь. А других, потерпевших до конца, везут на детских салазках в общую могилу. И если сейчас это звучит печально, то в те дни и не оглядывались люди на подобное погребальное шествие. Все может войти в быт. И это было страшнее всего. Все может войти в быт, в будни. Всё. И я, и актеры Театра комедии в Кирове с удивлением поняли, что невозможно объяснить

актерам БДТ, уехавшим в августе из Ленинграда, что такое Ленинград в блокаду. Мы сами не знали, как это рассказывать. И поэтому те же лестницы, та же знакомая ненужно высокая комната домоуправления с широкими окнами во двор совсем не напоминают блокадного времени. Даже сирена пароходика на Неве, поднимающая иной раз животный и вместе машинный вой, отчетливо слышный ночами, не вызывает воспоминаний о тревоге. Тогда война и блокада с непонятной простотой вошли в быт, а теперь начисто исчезли. Теперь бываю я в жакте, когда приходится продлить, точнее, получить новый паспорт по истечении срока. Да и то в последний раз выдали мне паспорт бессрочный. Был я там на елке — читал детям. И ни разу не вспомнил прежнего военного домоуправления. Ведьмы благополучно продолжают действовать в новых условиях. Мои связисты, подумать страшно, погибли почти все. Крокодил умер с голоду и многие другие. Иные были убиты в боях. Однажды мы шли с Катюшей двором в 46 году. Рослый и красивый парень в военной форме без погон поздоровался с нами застенчиво. Это был Колька, самый маленький и разбитной из связистов, тот, что чаще всех прибежал и спрашивал: нет ли работы.

14 июня

Следующий в телефонной книжке **Павел Терентьевич Журба**, ³¹⁴ человек, похожий на сельского учителя, выражение скорбное и неуверенное, очки. И при этом — загадка природы — вежлив и доброжелателен, вместо того, что полагалось бы ему по наружности. Вместо молчаливого упрека. Он тяжело болен. У него туберкулез, который то отпускает, то схватывает его, но не оставляет много лет и не оставит никогда. Поэтому Журба то исчезает надолго, то появляется, и как ни спросишь его о здоровье, он все говорит: лучше! Ведь появляется он на глаза и в самом деле, когда здоровье его улучшается. Он написал книгу об Александре Матросове³¹⁵, и она имела успех. В один из длительных периодов облегчения выбрали Журбу председателем детской секции — вот в связи с этим и появился его телефон в моей книжке. В Москве устраивали Всесоюзное совещание по детской литературе, дорого мне обошедшееся. Первая встреча с бесплодным и волевым Нагишкиным³¹⁶. Воля- то и развилась у него, чтобы компенсировать работу отсутствующих органов. Встреча, которую вспоминаю я с ужасом. Не потому, что Нагишкин ругался. А потому, что произвело это на меня впечатление. И на этом же самом совещании безобразно обидели нашего тихого Павла Терентьевича. Ему дали на доклад 40 минут, кажется, потом сократили чуть не вдвое. А затем Сурков³¹⁷ оборвал его, сказав, что не к чему называть фамилии ленинградских писателей, что совещанию интересны общие идеи, а не перечисление фамилий и книжек. А

³¹⁴ Журба Павел Терентьевич (наст. имя и фам. Пантелеймон Терентьевич Скрипников) (1895–1976) — писатель, в 1950–е гг. — председатель детской секции ЛО ССП.

³¹⁵ В 1949 г. вышла в свет биографическая повесть Журбы «Рядовой Александр Матросов», впоследствии неоднократно переиздававшаяся с дополнениями, менялось и заглавие ее — в 1949 и 1955 гг. был издан биографический очерк «Герой Советского Союза Александр Матросов».

³¹⁶ С 14 по 18 апреля 1952 г. проходило Всесоюзное совещание по вопросам детской литературы, созванное ЦК ВЛКСМ, ССП и Министерством просвещения РСФСР. Шварц выступил 17 апреля. В отчете о совещании отмечалось, что он «говорил о многолетнем опыте и традициях советского театра для детей. Главное место в его выступлении занял вопрос о сказке, имеющей большое воспитательное значение для юных зрителей, особенно для зрителей младшего возраста» («Советское искусство», 1952, 19 апреля). 21 апреля 1952 г. Шварц записал в дневнике: «18-го выступает хабаровский писатель Нагишкин и в своей речи ругает мои сказки. Выступление его меня глубоко оскорбляет» (РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 56, л. 39). И в дальнейшем Дмитрий Дмитриевич Нагишкин (1909–1961) выступал в печати с необоснованной критикой сказок Шварца, не видя положительной идеи и воспитательного смысла его сказок, издаваемых Детгизом с 1945 г.

³¹⁷ Председательствовал Сурков Алексей Александрович (1899–1983) — поэт, общественный деятель.

Журбе доклад давался и без того трудно. Он его читал. Скороговоркой. Тихо из-за больных своих легких. Я испытывал физические мучения, пока разыгрывался весь этот скандал. Нашли кого мучить. Нутром угадали, что он не кусается. И в самом деле он не оскорбился, Журба, а пришел в ужас. Я разыскал его за кулисами. Он был потрясен тем, что провалил доклад, порученный ему секцией. Но вот прошло два — три года, и никто об этом совещании и не вспоминает. Павел Терентьевич опять исчезал надолго, а вернувшись, утверждал, что ему лучше. И пришли письма из Кореи и Китая, восхваляющие книгу Журбы об Александре Матросове. И его хвалили на собраниях. А он слушал. Прямые черные волосы падали, как всегда, прядями на узкий и высокий лоб. Маленькие черные глаза глядели, как всегда, скорбно и неуверенно.

3

15 июня

Из-под очков. Но рот — зеркало души — выдавал подлинные чувства Павла Терентьевича. Ему было приятно, что его хвалят. И никто не осуждал его за это.

Следующая фамилия **Зощенко Михаил Михайлович**.³¹⁸ Это имя выходит за пределы того, что я тут рассказываю, того, что могу рассказать. Это уже история³¹⁹. Правда, характеры нигде так не сказывались, как в этой истории, но тут уж ничего не поделаешь. История есть история. И некоторых участников ее я осуждаю в меру. Они действовали в силу исторической необходимости. Но я ненавижу тех добровольцев, что до сих пор бьют лежащего, утверждая этим свое положение на той ступеньке, куда с грехом, нет, со всеми смертными грехами пополам, удалось им взгромоздиться.

Дальше, по свойственной словарям и телефонным книжкам непоследовательности, идет **Зон Борис Вульфович**.³²⁰ Познакомился я с ним в 22 году, когда был актером, а он только собирался на сцену. Впрочем, и мой театр закрылся³²¹, и мне кто-то нашел место у владельца частной конторы. Помещалась она на Литейном, в бывшем магазине Шацлыгина.

³¹⁸ Зощенко Михаил Михайлович (1895–1958) — писатель. С его именем связано начало литературной работы Шварца.

Он пишет в дневнике: «Попробовал через Зощенко устроить две — три мелочи в юмористических журналах тех дней. Точнее, он дал мне два или три письма для обработки. Я сдал их ему, он одобрил и снес в редакцию. И они, как я узнал потом, были напечатаны» (РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 56, л. 86).

³¹⁹ В записи говорится о постановлении ЦК ВКБ(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и его последствиях. В постановлении, в частности, есть такие строки: «Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе... Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание... Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами...». ЦК ВКП(б) постановляет прекратить доступ в журналы произведений Зощенко.

³²⁰ Зон Борис Вульфович (1898–1966) — режиссер, один из основных деятелей тюзовского движения. В 1921–1935 гг. работал в ЛенТЮЗе как актер и режиссер. В 1935–1945 гг. — директор и художественный руководитель ленинградского Нового ТЮЗа. Ставил спектакли по пьесам Шварца. Автор воспоминаний о нем. В 1940 г. в «Известиях» от 10 мая была напечатана статья Шварца «Стиль работы театра» об уважении к авторскому тексту в Новом ТЮЗе; см. также статью Шварца о Новом ТЮЗе «Моя дружба с театром» («Московский комсомолец», 1940, 24 мая).

³²¹ См. «Дворец пионеров», комм. 10.

Этот хирургический магазин занимал целый этаж в доме, кажется, 55. Второй этаж. Национализированное имущество сложено было в крайней комнате, дверь в которую была запечатана сургучом. Остальные занимала контора моего хозяина. Мои обязанности были многообразны, а зарплата неопределенна. Я ездил за мукой на мельницу имени Ленина и отвозил мешки в булочную компаньона моего хозяина. Впрочем, было это всего раза два. Являлся в девять утра к хозяину за приказаниями. Сидел в конторе. Продолжалось это, впрочем, недели две — три, а потом хозяин разорился. И с Зоном я встретился как раз в этот короткий и унылый период моей жизни. И он занимал столь же неопределенную должность у столь же несчастливого дельца. И мечтал о театре. Так он тонок, по — еврейски пригож, высок, лицо правильное. Очки. Весел и смешлив он был, как школьник. Потом встретились мы в ТЮЗе. Я играл в Театре новой драмы³²², а Зон — у Брянцева. Потом встречались мы у Александры Яковлевны Бруштейн. И Зон был все весел и смешлив. Но к этому прибавилась самоуверенность, которая шла к его пригожему жениховскому лицу.

16 июня

И веселость была уже не школьническая, но жениховская. Не столько от счастья, а по должности. Глядите, я веселый, молодой, уверенный в себе, довольный работой режиссер. И это вызывало невольную настороженность. Чудилось, что этот жених пойдет на любой выгодный брак. И пьесы его, написанные с Бруштейн³²³, отличались полным отсутствием любви к чему бы то ни было, кроме успеха. Никакой задачи, кроме желания соответствовать. Хотел успеха и Гаккель — но в нем, как я уже рассказывал, была и верность или пристрастие к известным литературным формам, и вера. Тем не менее, в конце двадцатых годов обнаружил я, что Зон обладает особенностью весьма важной — он умел учиться. И учился жадно. Он ставил все лучше. Молодые студенты — народ недоверчивый — верили ему. А когда ставил он «Ундервуд» и «Клад»³²⁴, убедился я в добросовестности, с которой относился Зон к авторскому тексту. С течением времени он круто повернул в сторону системы и, подумать только, при всей трезвости натуры своей, уверовал в нее. И сам Станиславский его полюбил. И Зон вступил в пору своего расцвета. Он и в самом деле стал одним из лучших режиссеров Ленинграда. Причин этому было много. Прежде всего органически образовавшийся коллектив. В Новый ТЮЗ вошли кончившие Театральный институт ученики Зона и те из актеров основного ТЮЗа, которые в Зона верили. Успех пьесы Любашевского «Музыкантская команда»³²⁵ еще более укрепил театр. У Зона обнаружили, да они и были всегда, впрочем, административные способности. А без этого режиссеру трудно. Он по — прежнему был весел, пригож, но уже не как жених, а как хозяин. Уверенность его опиралась на солидные достижения. Он поставил «Бориса Годунова», и с

³²² Театр новой драмы работал в Петрограде в 1922–1923 гг. Режиссерами были: А. Л. Грипич, К. Н. Державин, В. Н. Соловьев, К. К. Тверской. В труппе — А. А. Мгебров и др., после закрытия театра основная часть труппы вошла в Театр Пролеткульта.

³²³ Зоном написаны с А. Я. Бруштейн и поставлены в ЛенТЮЗе следующие пьесы: «ДонКихот» (по М. Сервантесу, 1926), «Хижина дяди Тома» (по Г. Бичер — Стоу, 1927), «Так было» (1929), «На полюс!» (1930), «4.000.000 авторов» (1930).

³²⁴ В 1929 г. в ЛенТЮЗе Зон совместно с А. А. Брянцким поставили спектакль «Ундервуд» по первой пьесе Шиарца (премьера — 21 сентября). В 1933 г. Зон поставил там же спектакль «Клад» по пьесе Шварца (премьера — 8 октября).

³²⁵ Спектакль «Музыкантская команда» по пьесе Л. С. Любашевского (Д. Дзеля) Зон поставил в Новом ТЮЗе в 1935 г. (премьера — 6 ноября).

успехом³²⁶. Прекрасно играл Самозванца Чирков. Зон отлично поставил и пушкинские сказки, не инсценируя их³²⁷. Актеры и читали, и играли весь пушкинский текст, не пропуская ни строчки. И так далее, и так далее. Успех театра был настолько солиден, что на премьере «Бориса Годунова», когда в публике дружно захлопали отлично танцующим полякам, один из самых известных режиссеров Ленинграда сказал как бы про себя, однако так, чтобы начальство услышало: «Аплодируют интервентам». Зона в те дни принимали всерьез. Из маленького театра на ул. Желябова перебрались в гораздо больший на Владимирскую, 12. И Зон все хохотал при встречах. И ходил, откинув голову назад.

18 июня

Великое дело вера. В конце тридцатых годов система Станиславского еще не стала общеобязательной. Новому ТЮЗу пришлось она по душе, была им избрана добровольно. Мне даже грустно расставаться с этим временем театра и с тогдашним представлением моим о Зоне. Много было и пережито вместе. Он поставил за десять лет пять моих пьес³²⁸, театр считал меня своим. Зон — тоже. Я успел примириться с тем пригоже — буржуазным привкусом, что при некоторых атмосферных условиях явственно ощущался во всем существе Зона. Но он производил на свет вполне здоровые спектакли. А чего он искал, производя, — наслаждения или потомства, — было в конце концов не так уж важно. Законы природы! Ладный, с правильной неполнеющей фигурой, с правильным лицом, сверкая очками, сияя от наслаждения, раздражая этим сиянием товарищей по ремеслу, проходил он бесконечными фойе театра из кабинета своего к зрительному залу. Звонок. Гаснет свет, и товарищи по ремеслу вынуждены признать, что от этого легкомысленного мужчины опять родился здоровый ребенок! К лермонтовскому юбилею поставил Зон его сказки³²⁹. Все было не по — вчерашнему, а по — военному, даже солнце светило не так, как всегда. Спектакль был хорош, но я не со вчерашней, а нынешней, самого меня пугающей ясностью, не предчувствовал, а знал, что больше не увидать мне ни одной премьеры в Новом ТЮЗе. В конце июля театр эвакуировался. Мы хотели было ехать с ними. Даже вещи уложили. Да передумали и встретились с Зоном только в июле 43³³⁰. Страшно переменялся коллектив. Да в сущности его уже не было. Были враждующие силы: Зон с двумя — тремя верными или, как Любаш, с нейтральными — и все остальные. Этот покойный Новый ТЮЗ еще бежал и размахивал руками. Но уже готов был рухнуть. Зон все был пригож и весел — но это уже была веселость хозяина, желающего скрыть подлинное положение своих дел. Та часть его существа, что тревожила благообразно буржуазной аккуратностью — в тяжелых условиях утратила и пригожесть, и аккуратность. Все театры в эвакуации захирели, потускнели, но один только Новый ТЮЗ погиб, закрылся. Когда мы встретились с Зоном в Москве, он сказал Катюше: «Театр, как горб у меня на спине».

³²⁶ «Бориса Годунова» А. С. Пушкина Зон поставил в Новом ТЮЗе в 1938 г. (премьера — 14 апреля).

³²⁷ Спектакль «Сказки Пушкина» Зон поставил в Новом ТЮЗе в 1937 г. (премьера — 14 апреля).

³²⁸ Кроме указанных в комм. 4 спектаклей, Зон поставил в Новом ТЮЗе по пьесам Шварца «Клад» (премьера — 25 января 1936 г.), «Брата и сестру» (премьера — 16 марта 1936 г.), «Красную Шапочку» (премьера — 12 июня 1937 г., режиссер — постановщик В. П. Чеснаков, художественный руководитель спектакля Зон), «Снежную королеву» (премьера — 22 марта 1939 г.), «Далекий край» (в Новосибирске во время эвакуации, премьера — 11 марта 1943 г.).

³²⁹ В 1941 г. к 100-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова, Зон совместно с В. П. Чеснаковым поставил в Новом ТЮЗе «Песню про купца Калашникова» и «Ашик Кериба».

³³⁰ Встреча с Зоном произошла в Новосибирске, где Шварц был проездом из Кирова в Сталинабад.

19 июня

Уверенность — сначала щенячья, потом несколько напускная, юношеская, потом хозяйская, потом полемическая, вопреки нападкам, вопреки подлинному положению вещей, — пропитала его насквозь. И стала терять свою благообразность. И Зон одновременно с этим стал терять представление о реальном положении вещей. Он верил, что и без своего театра будет сиять и наслаждаться и производить премьеры. И дело кончилось катастрофой. Один единственный из всех ленинградских театров, Новый ТЮЗ, коллектив которого славился до войны как самый дружный в городе, был закрыт. Развалился. В огромном городе остался один единственный детский театр³³¹. А Зон — не прижился ни в одном коллективе. Ни одной удачи с тех пор, как закрылся Новый ТЮЗ — вот тебе и горб на спине. Терял он одно время и профессорскую должность в Театральном институте. Потом восстановился. И, несмотря на все злоключения и потери, сохранял все тот же благообразно — цветущий вид. Разве только — волосы поседели, что, впрочем, только украшает его, придает благообразию почтенность. Он и заслуженный артист, и орденосица, и член партии, но бесплоден, бесплоден, его нет. Любит себя до самодурства, вот во что переросла его жениховская фатоватость. В институте берется за ручку двери только через носовой платок. Бережет себя. И свои вещи тоже. Недавно встретились мы с ним в университете. На годовщине «Дон Кихота». И одевались вместе. И я увидел, что шуба его с бобровым воротником повешена не как у людей, а на особых плечиках, чем он даже похвастал: «Всегда, — говорит, — вожу их с собой». И он сложил плечики пополам и спрятал в боковой карман шубы, и это почему-то привело меня в ярость. Словно именно эта вешалка и погубила Новый ТЮЗ. Это бережное, бережливое отношение к себе и своим вещам.

Следующая фамилия **Зарубина Ирина Петровна**.³³² Это артистка настоящая, не умственная, а от природы. Великолепная русская речь, голос, музыкальность. Мешает ей излишняя полнота. Как и многие, ссылается она на обмен веществ, предрасположение, утверждает, что никакая диета не помогает. Однако во время блокады похудела. Вряд ли я вспомню, о чем за время знакомства нашего пришлось нам разговаривать, но это неважно.

20 июня

Я ее знаю отлично, и для этого не надо разговоров, признаний, анкет, длительных наблюдений. Ты угадываешь по ее повадкам, по вечному неустройству семейных и сердечных дел, что это за существо. Вот пример. Она пожалела и пригрела несколько лет назад старушку, погибающую без близких, без жилья, без работы. И поселила у себя сначала временно, а потом прописала постоянно. И бедная старушка необыкновенно быстро превратилась в злую старуху, которая привязалась к Зарубиной. Да как привязалась — не отвяжешься. Шагу не дает ступить. Из ревности выжила другую старушку, которая вела заботливо и разумно Иренино хозяйство и приглядывала за Таней — дочкой Зарубиной³³³. Оставшись единственной старухой в доме, победительница совсем обезумела и перестала что бы то ни было делать по хозяйству, отказалась по слабости здоровья. Зато яростно вмешивалась она во все Иренины романы и не позволяла ей идти замуж — выживала очередного претендента из дому. Так идет и посейчас. И мужья у Ирины были в этом роде. А

³³¹ Имеется в виду ЛенТЮЗ, работающий и до настоящего времени.

³³² Зарубина Ирина Петровна (1907–1976) — артистка. С 1935 г. до конца жизни — в труппе Ленинградского театра комедии, исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

³³³ Зарубина Татьяна Александровна (1940–1995), впоследствии филолог.

попадался хороший человек — ей не нравился. Сейчас как будто подвернулся и человек хороший и нравится Ирине, неизвестно только, допустит ли старушка. При всем при том не следует думать, что Ирина — бестолковое и безвольное существо, которое по болезненности и слабости обижают. Она ровна, спокойна. И, пожалуй, аристократична. Как милостию божьей артистка. И аристократически непрактична. Танечку ее знали мы близко, когда было [ей] года четыре, с гостиницы «Москва», с военного времени. Она прибегала к нам в номер с утра, рассказывала новости, потом мчалась обходить остальных друзей, в число которых входили: епископ Минский, какие-то азербайджанцы, торгующие сухофруктами, какие-то военные и все актеры театра, из числа живущих в гостинице. Общительная, отчаянная, своевольная — боялась она только одного человека из всей гостиницы — директора. Того самого, что с золотыми пуговицами стоит у входа. Он однажды поймал Таню, когда убежала она в метро кататься на эскалаторе, привел обратно и так отчитал, что она больше не смела этого делать. В Ленинграде встречались мы реже. Но при встречах с удовольствием видел, что Ирина все та же, может быть, чуть еще пополнела. Все так же радуешься, увидев на сцене особенную ее улыбку, уголки губ кверху, услышав ее голос, очарование ее говора. Но время, оказывается, идет!

21 июня

И это почувствовал я на вечере в союзе. На вечере 150-летия Андерсена. Я заметил в публике девочку-подростка, с лицом знакомым и незнакомым. Что-то очень знакомое, связанное с чем-то милым и веселым в крутой линии лба, в светлых ресницах. Танька Зарубина? Но откуда же тогда это выражение застенчивости, связанности, замкнутости? Я знаю, что она изменилась, но неужели до такой степени. Но вот девочка встретила со мной взглядом и кивнула несмело, с полуулыбкой. Танька? Так вот, значит, что такое десять лет, от пяти до пятнадцати! А мы все те же. Или это кажется?

Дальше идет **Зинковский**, ³³⁴ такой знакомый в эвакуации и исчезнувший, когда изменилась жизнь, как многие, с которыми свели обстоятельства. Смуглый, нездоровый, с улыбкой излишне открытой, когда зубы слишком уж беззастенчиво выбираются на свободу из-под губ. Такой оскал бывает у туберкулезных и у истощенных людей. Зинковского мучила язва желудка. В театре его не то, чтобы не любили, но считали хитрым, он не слишком доверял актерским своим способностям, ведал еще и режиссерским управлением: ведал расписаниями репетиций, выходными днями, когда какой состав играет — и так далее. В силу этого всего постоянно встречался он с Акимовым. И труппа в черные дни, сердясь на руководство, косилась и на Зинковского. Впрочем, недолго. Я больше ничего не умею рассказать о нем. Нет, просто я испугался, что нет у меня достаточно ясной точки зрения, отчего получается трудный ракурс. Попробую начать сначала, Зинковского я встречал до войны, а во время войны познакомился с ним ближе. Раньше сливался он у меня с фоном. Вот знакомые артисты Театра комедии, а вот знакомые лица. В эвакуации же мы перезнакомились все. Смуглый, нездоровый, с улыбкой слишком широкой, когда зубы слишком уж открываются из-под губ. Такой оскал бывает у туберкулезных или просто истощенных людей. Зинковский страдал язвой желудка. Он был всегда приветлив. И он, и тихая его жена. И не только играл, а ведал режиссерским управлением. В труппе считали его хитрым.

22 июня

³³⁴ Зинковский Абрам Соломонович (1909–1970) — артист. С

1942 г. до конца жизни — в труппе Ленинградского театра комедии. Ряд лет совмещал работу артиста с заведованием режиссерским управлением театра, с 1956 г. — заведующий режиссерским управлением.

Возвращаюсь к труднейшей задаче: рассказывать о мало, в сущности, знакомом человеке, на которого нет у меня точки зрения. В труппе считали его хитрым, потому что высказывался он редко, на собраниях отмалчивался, никого не задевал. И не пил. И в затруднительных случаях улыбался, излишне открывая огромные свои зубы. Актером он стал давно, еще в неэповские времена. Играл в Симферополе. И я любил слушать его рассказы о театре того времени. Воображение оживлялось тем, что одно, хоть и второстепенное, действующее лицо находилось передо мной. Сам рассказчик во всей своей несомненности. Любопытнее и характернее всех был бутафор того времени. Частник. Всю бутафорию привозил он к спектаклю вместе со своим подручным мальчиком на тележке. А ночью увозил к себе домой. Однажды поставил Симферопольский театр пьесу, где Зинковский играл бандита и по ходу действия должен был выбежать на сцену с живой курицей в руках. Курица не являлась режиссерской выдумкой. Сюжет требовал, чтобы у бандита в руках была она, и непременно живая. От этого обстоятельства зависела вся сцена. Зинковский несколько раз напоминал бутафору, и тот бил себя в грудь, кричал, что он не мальчик, что его, слава богу, учить не надо, что его знали и хвалили большие актеры, когда Зинковского еще и на свете не было. Пришел спектакль. На вопросительный взгляд Зинковского бутафор крикнул: «Все будет». И вот пришла та сцена, которой так боялся Зинковский. Бутафор как сквозь землю провалился. Но перед самым выходом Зинковского вырос возле, сунул ему сбитую в ком кожаную куртку и крикнул: «Берите! Хороший актер сыграет так, что это курица».

23 июня

Так же сердился он, когда напоминали ему, что в каком-то спектакле нужен во втором акте в сцене обеда — настоящий виноград. «Все будет!» — кричал он до самого начала спектакля. И вот спектакль начался, а винограда нет. В Симферополе цена ему в то время была 15 копеек кило. В антракте перед вторым актом, получив очередное напоминание, бутафор позвал мальчишку подручного и крикнул: «На тебе 10 копеек, беги и купи кило винограда, чего бы тебе это ни стоило!» Так рассказывал Зинковский, а я слушал с тем особым наслаждением, что дает разыгравшееся воображение. Я представлял себе Симферополь, в котором никогда не бывал. Нет, он сам появлялся в моем представлении, совсем южный, белый, жаркий даже вечером, пыльный, плоский. Нелепый тем, что при всем южном и приморском своем выражении — моря — то как раз он был начисто лишен. Словно таланта. Как, вероятно, и театра. Но тем не менее, представлял я с удовольствием мальчишку подручного возле углового киоска, освещенного цветными бумажными фонариками, как видел я в Ялте, в 27 году. И как пытается он купить на десять копеек кило пятнадцатикопеечного винограда, чего бы это ему ни стоило. И покупает, наконец, восемьсот грамм. Сейчас, освежая в памяти рассказы Зинковского, понял я, что еще меня в них прельщало. Мирное время! Рассказывалось это в самый разгар войны. Самая цена винограда казалась детски прельстительной. Были мы у Зинковского один только раз, в 46 году. Время пришло уже мирное, но жизнь только начинала налаживаться. Театр устроил Зинковским крошечную комнату, где-то в конце Караванной, около кинотеатра, в районе Манежной площади. Попадали в их конурку через темную прихожую, заставленную чьими-то сундуками. А их комната была загромождена их знакомыми по эвакуации чемоданами и парусиновыми мешками. Мы зашли взглянуть, как живет котенок, сын нашего кота, которого мы подарили им. Котенок оказался необыкновенной красоты, живости и ума. Ему нравилась комната.

25 июня

Котенку очень нравилось, что комнатка так загромождена вещами. Темно — дымчатый, пушистый, он то скрывался где-то между чемоданами, то вылетал внезапно, как

пушистый пружинный чертик. Вот нырнул он в высокий фетровый валенок, стоящий у стены, и не мог развернуться, так что пришлось его оттуда вытряхивать. Но он вывалился из своей тюрьмы без признаков страха или растерянности — такая игра, и все тут. И поскакал боком на Зинковского. А недели через две узнали мы, что радостное это существо погибло. Котенок заболел, пришел ему конец. В послеблокадном Ленинграде гнездились какие-то яды. Люди страдали фурункулезом. А потом пришел мор на кошек. Они погибали от какой-то болезни, названной, для порядка, паратифом — в два — три дня. Потом я узнал случайно, что микробиологи установили тут инфекционное заболевание крови. Военные и голодные времена очищали город с боем. Потом Зинковские завели щенка, но и этот погиб у них от чумы. Скоро ушел я из Театра комедии³³⁵, а в 49 году ушел оттуда и Акимов³³⁶, и Зинковский начисто ушел из мыслей и воспоминаний, будто его и не было. Но вот стал я его с некоторым усилием восстанавливать в памяти. И убедился, что подобного рода насилия полезны. Сначала увидел я улыбку Зинковского, излишне обнажающую зубы. И понял ее свойство: так часто улыбаются истощенные люди. Затем припомнил, с каким удовольствием слушал его рассказы о Симферополе, и угадал природу этого удовольствия: тоска по мирному времени. И понял, как оживляет воображение то, что хотя бы второстепенное действующее лицо сидит перед тобою. И рассказывает. А затем маленькая комнатка, где вернувшийся из эвакуации еще не распаковался. Дом еще не принял тебя. Родной город поглядывает на тебя хмуро. Он еще болен. Ему не до гостей. Он еще отравлен.

Следующая запись «Звезда».³³⁷ С этим журналом связан я мало. Никак не связан. Не знаю, кто там секретарша.

26 июня

Если в поисках кого-нибудь из знакомых открою я двери в маленькие, заставленные большими столами редакционные комнаты, взглядывают на меня с опаской строгие, аскетического вида личности, усидчиво работающие над рукописями и гранками. «Уж не автор ли? Не за ответом ли?» Только в последнее время стал там работать прелестнейший Миша Марьенков³³⁸. Лицо простое, утешительное. До войны — здоровяк. Теперь, после тяжелых ранений, сдал. Но по — прежнему чувствуешь в нем некоторую здоровую беспечность, особенно заметную среди похоронно — торжественных редакционных сумерек. Помещается «Звезда» в Доме писателей, в первом этаже. Сначала попадаешь ты в темный и узкий коридор, а потом замечаешь надпись на двери. Я помню, как «Звезда» родилась еще высоковысоко в Госиздате, в Доме книги. И с самого дня рождения была она строга и академична, что чувствовалось и в обложке, и в верстке. «Литературный современник»³³⁹ держался куда более оживленно, позволяя себе пару шрифтов и дискуссионные статьи в области искусства. Впрочем — довольно о них. Я мало встречался с журналами для взрослых. Одно явление меня интересовало всегда: врожденные свойства журналов и газет.

³³⁵ Шварц ушел с должности заведующего литературной частью Театра комедии 20 февраля 1946 г.
Комментарии

³³⁶ См. «Барченко Нина Платоновна», комм. 1.

³³⁷ «Звезда» — литературно — художественный и общественно политический журнал, орган СП СССР. Основан в 1924 г. и Ленинграде.

³³⁸ См. «Марьенков Михаил Макарович», с. 602.

³³⁹ «Литературный современник» — литературно — художественный и общественно — политический журнал. Издавался в Ленинграде в 1933–1941 гг.

Кто бы ни был редактор, как бы ни менялись времена, а «Ленинградская правда»³⁴⁰ по внутреннему какому-то выражению оставалась неизменной. И резко отличалась от «Красной газеты»³⁴¹. Кто нес, укрывал от всяких перемен традиции? Кто передавал эстафету? Кому? Я не точно выразился. Дело не во внутреннем выражении, а в лице. Менялось выражение лица, а черты оставались прежними.

Следующая фамилия **Зандерлинг Курт Игнатьевич**.³⁴²

Сутулый, длиннолицый. Нос горбатый и чуть приплюснутый вместе с тем. Большеротый. Общее выражение — серьезное. И что-то непреодолимо немецкое начисто снимает то, что есть семитического в его чертах. Тоненькая, сутулая, высокая, прилежная фигурка. Что-то, может быть, от гелертера³⁴³. Вот привезли свежий хлеб. Дачники выстроились в очередь. Курт Игнатьевич, углубившись в чтение, двигается к цели.

27 июня

— «Что вы читаете, Курт Игнатьевич?» Он предлагает мне взять эту книжечку почитать. Я заглядываю и убеждаюсь с почтением и завистью, что мне это, увы, недоступно. Это изданная малым форматом, переплетенная в красный сафьян партитура Третьей симфонии Брамса. И из разговора с Зандерлингом узнаю я, что, по его мнению, Брамс — великий музыкант. А Жан — Кристоф говорил о нем просто глупости. Столь же почтительно отзывается он о Брукнере³⁴⁴. А о Малере³⁴⁵ говорит, что он слишком уж хорошо знал оркестр. И что его язык сегодня вдруг стал непонятен. Когда гуляю я, ищу грибы в леске за безымянным переулком, то на поляне среди сосен вижу сутулую знакомую фигуру, в очках, с листами партитуры. Зандерлинг шагает назад — вперед и, когда подхожу я ближе, то слышу, как он шипит. Это его особенность. Некоторые дирижеры поют, а он, погружаясь в свою музыкальную стихию, с лицом напряженным, строгим и торжественным, — он то и дело, словно собираясь произнести нечто таинственное и важное, надувает губы, приоткрывает рот, но не произносит ни слова, а только шипит. Говорит за него оркестр. Готовил он Третью симфонию Рахманинова и называл эту поляну своим кабинетом. Я в детстве был столько раз порицаем за то, что у меня нет слуха, что проникся особым почтением к людям музыкальным.

Лет в шестнадцать стал я учиться музыке. И дела пошли неожиданно хорошо. Но уроки свои я бросил, едва начав. Одно время я думал о себе, что одет в одежду из лоскутов. Из начатых и оборванных дел. Потом, когда нашел я спасение от другого начатого и оборванного дела, от актерского, и как будто вышел на путь к настоящему своему делу, музыка заняла в моей жизни заметное место. Я думал, что люблю ее. И только в прошлом году понял, что не так, как следует. Гостила у нас Варя Соловьева. Она лежала в Катюшиной

³⁴⁰ «Ленинградская правда» — газета, орган Ленинградского обкома и горкома КПСС, обл. и гор. советов народных депутатов, выходила с апреля 1918 г.

³⁴¹ «Вечерняя Красная газета» выходила в Ленинграде с 1922 по 1936 г.

³⁴² Зандерлинг Курт (Курт Игнатьевич) (р. 1912) — немецкий дирижер. С 1936 г. жил в СССР, с 1941 по 1960 г. работал в Ленинградской филармонии, с 1960 г. — главный дирижер Берлинского симфонического оркестра.

³⁴³ Человек, обладающий книжной ученостью, оторванный от жизни.

³⁴⁴ Брукнер Антон (1824–1896) — австрийский композитор, органист, педагог.

³⁴⁵ Малер Густав (1860–1911) — австрийский композитор и дирижер.

комнате, читала мою пьесу. А я писал. А по радио передавали концерт Моцарта, и это мне помогало работать. И я встал взглянуть — сколько Варя успела прочесть. Гляжу — ничего!

28 июня

Ни одной страницы. Почему? Потому что слушала музыку. Она не могла читать и слушать! Недавно вышли воспоминания современников о Толстом. И в них много рассказывается об отношении Толстого к музыке³⁴⁶. В часы, когда он работал, никому не разрешалось играть на рояле. И сыну не разрешалось готовить уроки по музыке. Толстой не мог не слушать. Какова бы музыка ни была, он бросал работу и слушал. Вот что значит любить музыку на самом деле. Я, следовательно, был и этого дара лишен! И это прибавило к моей бессильной любви еще долю горечи. И безнадежности. Ну, а если говорить попросту, музыку я очень люблю. И часто думаю о музыке. И во время музыки думаю особенным образом. Но не лезу в эту область со своими соображениями. Но с уважением смотрю на то, что там происходит. Как в литературе — идет там непрерывное движение. И я с интересом открываю: Малера перестали они понимать. Зато Брукнера и Брамса почитают и понимают сегодня. **Шостакович** даже рассердился, когда я признался, что не понял Девятую симфонию. Впрочем, он к Малеру, кажется, относится с прежним уважением. Зато не прощает сегодня начисто Стравинского³⁴⁷. Музыка для музыкантов и в самом деле есть способ мыслить. Жизнь меняется, появляются новые мысли, по — новому оценивают они старых мыслителей. К Бетховену отношение двойственное. Что-то в нем они принимают, а что-то не вполне. О Моцарте говорит Зандерлинг всегда с благоговением. Бах для него велик без всяких оговорок. В отличие от «лабухов», настоящий музыкант Зандерлинг много знает о музыке и кроме музыкального мышления владеет и другими его видами. Как-то зашел разговор о неслыханной производительности Баха. Разговор начался с того, что я спросил, почему у протестанта Баха есть мессы. И Зандерлинг объяснил, что, поссорившись со своим герцогом, Бах решил уйти.

29 июня

И написал для дрезденского двора, куда собирался он уйти, мессу. Он ссорился с начальством, дирижировал хором мальчиков, учил их пению, писал кантаты к каждой воскресной службе и оставил чуть ли не восемьсот опусов. «Вот они, люди восемнадцатого века», — сказал я. «Не в этом дело! — возразил мне Зандерлинг. — Просто Бах думал, что он ремесленник. Романтики брали отсюда (и Зандерлинг указал на сердце). А Бах отсюда (и Зандерлинг развел широко руками). У Баха не опускались руки перед величием музыки. Он думал, что он ремесленник». Женат Зандерлинг на Нине Игнатьевне, тоже худенькой, высокой, тоже в высшей степени проникнутой немецким духом женщине. Она очень приветлива, очень вежлива и чем-то трогает за сердце. Тем, что много пережила и так подтянута? Вежливостью? Живостью? Трогательными, но тщетными попытками овладеть русским языком? От года к году труднее ее понимать! Не берусь объяснить. Но каждый раз, когда вижу я удлиненное ее лицо, с узенькими глазами, забавное, словно сделанное, — мне становится весело. У них есть сынишка, Томика, нежный, как девочка. Лицо удлиненное, словно у мамы, рот большой, отцовский. Когда ему было лет шесть, он вошел к нам во Д50р

³⁴⁶ В книге «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников» (М., 1955) о восприятии Толстым музыки и отношении к ней говорится в дневниках В. Ф. Булгакова, Н. Н. Гусева,

В. Ф. Лазурского, С. А. Толстой, П. И. Чайковского, в воспоминаниях В. И. Алексеева, Т. А. Кузминской, С. Л. Толстого, в записях П. А. Сергеенко, В. Г. Черткова, в записках Д. П. Маковицкого и др.

³⁴⁷ Стравинский Игорь Федорович (1882–1971) — композитор, дирижер.

с букетиком незабудок в руках. Томка залаяла на него. А Томик жестом беспомощным и неловким швырнул в собаку цветами. Томик музыке учится в музыкальной школе. И прилежание воспитывается в нем родителями со всей немецкой методичностью. Однажды его отпустили к Браусевичам на зимние каникулы, с тем, однако, чтобы он положенное время играл на скрипке, неукоснительно, ежедневно. И маленький Томик выполнял приказ свято. И вот однажды прибежал он ко мне в слезах. У него лопнула струна. И он просил, чтобы я ему натянул ее. И никак не мог он понять, почему я отказываюсь, как взрослый человек вдруг не может сделать такой простой вещи. Я был в Филармонии, когда дирижировал Зандерлинг Третьей симфонией Рахманинова.

Пройдя через служебный подъезд.

30 июня

Пройдя крутыми лестницами, где курили музыканты в своих черных костюмах, крахмальных воротничках, буднично — праздничные, словно официанты, и на тот же лад озабоченные делами далеко не музыкальными, но вполне земными, миновали мы актерские фойе, полные теми же черными фигурами. Здесь царил то же: одни перешептывались озабоченно, другие рассказывали что-то вполголоса, далеко не деловое, зато вполне непристойное. Есть любопытная связь между математической одаренностью и одаренностью музыкальной. Зандерлинг рассказал, что у Моцарта была обнаружена очень солидная математическая библиотека. Многие математики, и крупные при этом, были отличными музыкантами. Но музыкальная одаренность имеет связь и с другой, куда менее абстрактной, стороной человеческой жизни. Сережа Иванов, поступивший в Петроградскую консерваторию в 14 году, рассказывал, когда я с ним познакомился, одобрительно: «В консерватории понаслушаешься! Там народ по традиции — сплошь похабники!» Я боюсь утверждать, что это так, может быть, просто, где много мужчин, там казарма, но пока я иду по мраморным, дворцовой высоты переходам с бархатными драпировками, дух оркестрантов, или «лабухов», со своим жаргоном, со своим самоуверенным от презрения ко всем законам видом, смущает меня. Но вот прохожу я в директорскую ложу — собственно говоря, в часть нижней галереи, отделенной от остальной барьером, и занимаю место на диванчике. Я не люблю ходить в концерты, потому что, на беду свою, как я уже говорил, настоящей любовью к музыке не одарен. Когда слушать мне ее приходится в назначенный вечер, лень моя бунтует. И я стыжусь этого. И заставляю себя собраться. А внимание не подчиняется, а рассеивается. И я отвлекаюсь — разглядываю публику, с озлоблением думаю о громоздкой машине, что действует, дымя и скрипя, для того, чтобы послушал ты музыку, посмотрел спектакль.

1 июля

Но вот вдруг, в отличие от театра, свет в зале не гаснет, а вспыхивает. Над эстрадой загорается огромная хрустальная люстра. И ощущение торжественности предстоящего приводит меня в чувство. Музыканты за пультами совсем уже не те, что на лестнице и в фойе. Они внимательно настраивают инструменты. «Лабухи» «лабухами», но ведь каждый из них владеет инструментом, музыкальным — шутка сказать! Вон литаврист наклонился над гигантским своим котлом, постукивает по туго натянутой плоскости, и я вспоминаю, что, кажется, литавристу полагается обладать абсолютным слухом, чтобы перестраивать свой инструмент на ходу. Как называются эти инструменты? Кларнеты? Или я путаю? А это, кажется, туба? Я не удосужился узнать даже названия инструментов. О, холодность! Недаром я так распушен, распушено мое внимание. Бродит вокруг да около, вместо того, чтобы овладевать предметом, о, разврат, неизбежное следствие холодности! Я браню теперь уже себя. А беспорядок в оркестре постепенно затихает. Контрабасисты покорно стоят возле своих долгошеих контрабасов. Иные скрипачи еще касаются кончиками пальцев струн, не то

приноравливаясь, не то сомневаясь в точности настройки. И вот на верхней галерее вспыхивают аплодисменты, подхватываются задними рядами партера и сдержанно замирают в первых. Появился Зандерлинг, сутулый, тонкий. Несмотря на фрак и открытый жилет, сохраняет он все ту же наивную сосредоточенность гелертера. Поднявшись на свое место, кланяется он залу, отвечает на аплодисменты вежливой улыбкой, показывая крупные, чуть выдвинутые вперед зубы. И через мгновение он уже отвернулся от публики к музыкантам. И стоит неподвижно, легко и вместе строго постукивая тоненькой своей дирижерской палочкой по пюпитру. Требуется сосредоточенности от нас и готовности от музыкантов. И вот он взмахивает рукой — и нет больше «лабухов», нет музыкантов, а есть оркестр. И я удивляюсь, как мог я забыть, что меня ждет. Да, я не владею музыкой, но она овладевает мной. И я стыжусь мыслей, разбиравших только что мое внимание. Точнее, сожалею себя свысока, снисходительно.

2 июля

Все чувства проникнуты тем, что совершается на огромной эстраде. Вот смычки разом поднимаются над головами скрипачей. Вот они падают и снова поднимаются. Скрипачи опускают скрипки, опирают их на колено, но сохраняют сосредоточенность и готовность. Вдруг я слышу удивительной чистоты звуки и, к радости своей, чувствую, что у меня сжимается горло. Вот как может звучать флейта, оказывается. Вот как я, оказывается, чувствую музыку! И музыка имеет смысл. Какой — не понимаю. Я слежу не за ней. Симфония подчинила и преобразила строй моих мыслей, как преобразило бы их сильное чувство, даже страсть. И я слежу за строем своих мыслей. Я если и понимаю симфонию, то отраженно, приблизительно. Вот симфония окончена. И я, измученный слабостью, безнадежностью моей любви к музыке, взбудораженный близостью, не перешедшей в обладание, иду в артистическое фойе. Там Зандерлинг без фрака, мокрый, с полотенцем на шее, окруженный друзьями и поклонниками, весело посмеивается, показывает крупные зубы. Кажется, что он после многих трудов и опасностей добрался, наконец, до берега. Весь его вид и полотенце на шее подтверждают это ощущение. «Флейтист? — говорит он. — Да, флейтист у нас удивительный. Вряд ли в каком-нибудь оркестре в Европе найдется лучше. И при этом — такой дурак!» На рояле лежит длинный футляр, плоский, как готовальня — набор дирижерских палочек. Легчайших. Я в смятении чувств не успеваю разглядеть, из чего они сделаны. Одна, крайняя, чуть ли не из гусяного пера. Другая — из тонкого камыша. И вставляются они в различные ручки? Или мне только кажется? Для всех одна ручка? И едва собираю я, наконец, внимание, как отвлекает меня разговор, завязавшийся между Зандерлингом и Николаем Семеновичем Рабиновичем³⁴⁸. Это худощавый, но при этом явно полнеющий еврей. Полнота еще никак не скрыла его худобы. Она разбросана прихотливо по фигуре. Начинает выдаваться нижняя часть живота, например. Лицо овальное. Густые, недлинные волосы назад, и непобедимая привычка — или тик — жевать язык.

3 июля

Он засовывает язык за щеку и жует его усердно, пользуясь для этого любым удобным и неудобным случаем. Он, как и Зандерлинг, дирижер, и музыканты, не шутя, жаловались, что эта дирижерская особенность Николая Семеновича им очень мешает. При всем при том его уважают, и Зандерлинг о нем повторял неоднократно: «Это неважно, какой он дирижер, — он музыкант». Я давно помню Рабиновича, с его молодых лет. Он всегда нравился мне. Помимо того, что связан он был в моем представлении с Андрониковым, веселым и легким Ираклием тридцатых годов, в нем самом, в Николае Семеновиче, ты чувствовал что-то

³⁴⁸ См. «Рабинович Николай Семенович», с. 610.

легкое и славное. Некоторое спокойствие и отсутствие суетности, по которому ты безошибочно чувствуешь человека одаренного. Он шел по своей дороге, был настоящим музыкантом, а какой он дирижер, беспокоило его не более, чем следовало. И вот на концерте он подошел к Зандерлингу. И с завидным для меня спокойствием, с тем самым спокойствием, которое дает настоящее знание дела, заговорили они о тех бурях и приключениях, что пережил только что Зандерлинг, и от которых отдыхал теперь с полотенцем на шее. И на некоторое время почудилось мне, что в настоящем обладании музыкой есть нечто, затемняющее предмет, как и в моей безнадежной любви. У них любовь была слишком спокойная — так мужья любят жен, не говоря об этом, да иной раз и не понимая этого. Что-то уж больно домашнее. Бытовое. Но Зандерлинг знал законность и другого отношения к музыке. Я спросил его об одной пианистке, которая все металась, как в тревоге или в жару. Не находила себе места. Одно время носила тунику. И все что-то искала, проповедовала. Я спросил, верно ли говорят, что она сумасшедшая. И, сохраняя наивно до крайности внимательное гелертеровское выражение, Зандерлинг ответил: «Не знаю. Может быть. А может быть, она и есть нормальный музыкант, а мы не нормальны?»

4 июля

Если к своему собственному делу, к литературе, я подходил в двадцатых годах на цыпочках, переулочками, — то к музыке подойти ближе, чем рассказано, я никак не могу. Во втором отделении играл Святослав Рихтер³⁴⁹ Концерт Рахманинова. Он сидел лицом ко мне, и я видел, как изменился он, едва начал играть. Пришли в движение брови, губы, голова. Вначале мне показалось, что в движениях его есть что-то нездоровое, жеманное, я отвернулся и только слушал. Но постепенно я поверил, что движения его произвольны, как шипение Зандерлинга, которое иногда различал я даже через оркестр, как выражение напряженного внимания на лицах оркестрантов. Музыка охватывала музыкантов, как страсть, не отнимая рассудка, но преобразовывая и подчиняя его себе. По дороге домой я думал, что музыканты — исполнители беспринципны. На этом уровне очень уж много виртуозов, соединяющих в своей программе композиторов, которые, встретившись, не поняли или возненавидели друг друга. Впрочем, не мое это дело. Меня так часто ужасало непонимание людей, обожающих литературу, но не умеющих читать, в сущности. Чего я выясняю отношения с музыкой? Чего я хочу? У меня есть место, вполне определенное и почтенное: в зале. Сиди и слушай внимательно. И все.

Верочку Зенькович мне очень трудно писать (ее фамилия идет следующей после Зандерлинга) — трудно все по тому же недостатку зрения: по дальнорзости. Верочка в последние годы стала уж слишком близкой знакомой. Кроме того. Писать о людях то, что угадал — это одно. А писать то, что узнал — это что-то вроде сплетни. Впрочем, попробую. Верочка, как и все мы, героически не дает зрелости своей перейти в старость. Полнота ее стянута могучими лифчиками. Вся она подтянута. Не в пример большинству художниц — одета со вкусом. Черные волосы, носящие всё те же следы борьбы за зрелость. Плоская прическа, чуть плоское лицо.

5 июля

Глаза небольшие, кажутся еще меньше из-за уменьшительных стекол сильных очков. Взгляд несколько неуверенный. Но когда Верочка, сняв очки, вглядывается во что-нибудь, поднеся предмет к самому носу, взгляд принимает зоркость неожиданную. Очень шумна и сама того не замечает. Когда она приходит, пространство заполняется смехом, высоким и

³⁴⁹ Рихтер Святослав Теофилович (р. 1915) — пианист.

чуть слишком напряженным, как и лиф ее, громким, высоким голосом, в котором, несмотря на смех, есть что-то жалобное, но не от недостатка, а от избытка. Так трамвай жалобно вопит на поворотах от избытка мощности. Андрюшка, в гениальный период своего развития — в два с половиной года — увидев ее впервые, спросил: «Что ты смеешься и плачешь? Плакса — вакса!» Потом обошел вокруг сидящую на стуле Верочку и сказал: «В тебе есть что-то вкусненькое. Сейчас я тебя укушу!» Таковы ее личные свойства, есть и еще одно, определяющее породу Верочки. И роднящее ее с Зандерлингом, и Рабиновичем, и Берггольц, и другими некоторыми моими друзьями и знакомыми. Она — художник. И это заставляет ее иногда собираться и, вопреки тяжелой нагрузке телесной, вопреки терзаниям одинокой зрелости, делать очень хорошие акварели. У нее есть два толстых переплетенных альбома. Портреты людей, что запомнились ей в трамваях и на улице. Очень хорошие портреты. Особенности породы заставляют ее, несмотря на переменчивость женскую и несправедливость, и норовистость, когда речь идет о произведениях искусства, высказываться точно и чисто. Она много претерпела. Жизнь ее не баловала. Но, как большинство людей ее породы, она как-то умеет оберегать себя. Падая, ушибается, но самое главное прячет далеко внутрь, чтобы не разбить. Но в последнее время начинает мне казаться, что запрятала она свои драгоценности уж слишком глубоко.

6 июля

Начинает мне в последнее время казаться, что оберегает она не только самое ценное в глубинах своей души, но и себя самое. Ведь так трудно определить, где кончается одно и начинается другое. Семейная жизнь ее оборвалась, страшно оборвалась — муж сошел с ума. И проживает с ней в одной квартире при этом. Она заботится о нем, поскольку он это допускает в своем безумии. Детей у нее никогда не было. В своем зрелом, могучем и томительном одиночестве она имеет одно утешение — независимость и самостоятельность. В трудное для художников нынешнее время она всегда имеет работу в издательствах, считается одной из лучших оформительниц книжек. Но к той настоящей работе, во имя которой бережется, в последнее время приступает она все реже. Очевидно, беспокойно, даже болезненно стало трогать, приводить в действие эту самую внутреннюю сторону своего существа. Вот играет она у нас в пятьсот одно. Не на деньги. Чистый азарт заставляет ее краснеть, тяжело переводить дыхание, оскорбляться, говорить обидные вещи, хохотать и шуметь при выигрыше так, что начинают мрачнеть самые равнодушные партнеры. Высоким, плачущим от избытка чувств голосом доказывает она, что кто-то из играющих поступил «честное слово, ну, сами вы поймите» — неправильно. Тут она дает себе волю. А в остальном, в том числе в подлинной ее работе — что-то она становится больно уж бережливой. При всей могучей ее фигуре, вдруг видишь ты за зрелыми формами старого эгоиста холостяка. С причудами. Готового много отдать во имя собственного покоя. Но есть одно различие. Бездна. Старый холостяк обожает свою свободу. Она же, человек талантливый, владеющий своим мастерством, завоевавший себе положение, завидует женщинам, которым дала судьба мужа. И многие художницы и писательницы тоже. Уж так они созданы.

8 июля

Зимин идет у меня следующим по списку. Это доктор наук, специалист по мухам, человек не простой, с оттопыренными ушами, выпуклыми светлыми глазами, тонким ртом, испитой. Я познакомился с ним в Сталинабаде, где занимал он квартиру в две комнатки в Сейсмологическом институте. А идти к нему надо было через Тропический институт, пролезать через вынутые две доски забора, пробираясь какими-то зарослями. Это в **высшей степени соответствовало** запутанному существу Зимина. Но тем не менее, с квартирой его связано у нас воспоминание прекрасное. В 43 году позваны мы были к ним в

гости. И в суровое и голодное время вдруг обнаружили, что в этом доме гостям рады! Грех, наверное, но после блокады, черно — глинистой кировской грязи, душа просила праздника. И он состоялся вдруг. Хозяин и хозяйка глядели весело и безбоязненно. Большой стол белел и блестел рядом в комнате. И когда позвали нас к столу, оказалось, что каждому приготовлена карточка, лежала на приборе, указывала, где сидеть. И была она с акварельным рисунком, каждому — особый, значит хозяин готовился к встрече с нами за несколько дней. От этого на душе у меня и вовсе посветлело. Зимин — человек очень обиженный и не то что не забывающий обид, но каждая из них оставляет след на обидчивой его душе. Выпив достаточное количество, он ушел в ванную, а когда вернулся, выпуклые его глаза были красны. Он заплакал о том, что разбомбило в Ленинграде их комнату, такую роль сыгравшую в его жизни. Значит, и жизнь его с женой пришла к концу. И Майя Фридриховна, его жена, наивная, миловидная, посмотрела на мужа с искренним соболезнованием, растерянно, и спросила: «Почему?» В следующие наши встречи, когда мы познакомились получше, зывал он иной раз в коридор или в ту же ванную меня и там жаловался на обиды, трудно понимаемые.

9 июля

Но заставлявшие его говорить дрожащим, высоким тенором. И вызывавшие слезы на его выпуклые светлые глаза. Квартира их в Ленинграде уцелела — две большие комнаты, попадать в которые было относительно просто — с улицы Марата во второй двор. Но несмотря на мистическую связь комнат этих с его семейной жизнью, обменял их Зимин на новые. И вот эти уже более соответствовали его характеру. Встречаюсь я с ним в Ленинграде редко. Но он зовет меня в гости в торжественных случаях, и я пошел к нему на празднование по случаю утверждения Зимина в докторском звании. Да, новое обиталище доктора соответствовало его характеру. Я ехал на такси. Шофер не сразу нашел Адмиралтейский канал, и я с трудом нашел квартиру — так же мало имеющую отношение к Зимину, как Сейсмологический институт, где принимал он гостей при первом нашем знакомстве. Тут попал я вдруг в квартиру морскую. Фотографии военных судов, фотографии группы командиров, восседавших под орудиями, с матросами, стеной стоящими позади. На шкафу модель корабля. Ужинали мы в комнате бывшей владелицы всей квартиры, вдовы моряка, и тут со всех стен и с крышки рояля глядели на нас моряки в своей черной форме — фотографии родных и друзей. И по — прежнему Зимин был рад гостям. Уходил и вернулся с покрасневшими веками. Сталинабадские друзья, все зоологи, были веселы. Прелестный баритон оказался у гостя, эпидемиолога по фамилии Шуря — Буря. Как всегда, вечер, где собрались повеселиться ученые, проходил живее, чем у писателей. Ученые народ занятой, пение не презирают, праздник для них редкость. И с тех пор Зимина мы не видели.

Напрасно оборвал я и смазал рассказ о Зимине. Я не люблю, когда говорят, как неинтересны писатели. Нет, в них есть своя прелесть. Но и в самом деле за столом ученые бывают веселее. Я люблю, когда кто-нибудь из них вдруг сядет за рояль, а другой вдруг запоет. Тут есть уважение к музыке. В их истовой повадке. И о литературе говорят они осторожно, зная, что на свете есть такие категории, как специальность. И по собственному опыту понимают, что в чужую область надо идти осторожно. Многие из них в литературе при этом разбираются куда лучше, чем ждешь. Одна женщина, геолог, говоря о переводах сонетов Шекспира, вытащила маленький томик в мягком переплетике — карманное издание сонетов по — английски — и переводила их с листа. Рассказываю это и вдруг вспоминаю обратные случаи. Цвет врачей — терапевтов говорил о живописи с такой постыдной неграмотностью, что я потом никак не мог верить им, когда говорили они о медицине. И, может быть, эти врачи и в самом деле не были настоящими учеными. В тот год, когда я был у Зимина в последний раз, вспыхнула вдруг эпидемия бешенства. О ней было множество разговоров в городе: заболели собаки и не укушенные другими. Рассказывали ужасы о вдруг, разом, заболевших собаках, изолированных от остальных, подопытных, находящихся

в каком-то институте ВИЭМа. Шуря — Буря, только что певший у рояля лучше, чем обычно поют артисты, то есть не покушаясь на декламацию — спокойно, обстоятельно и толково, не покушаясь на красноречие, объяснил, почему вспыхнула эта эпидемия: волков не уничтожали в годы войны. Число их так возросло, что никакие облавы и премии не помогают. А волки — то как раз очень предрасположены к водобоязни. Эпидемии начинаются с них. Все слухи о таинственно вспыхивающих заболеваниях он опроверг. Не хочется мне больше писать о Зимине.

И

На букву «И» — один телефон: **Издательство «Искусство»**. Помещается это учреждение в Доме книги, где столько было пережито в 20-х годах. Но я сам и то издательство, в котором изредка приходится бывать, до того не похожи на авторов и издательства тех лет, что никаких воспоминаний у меня не возникает. Тут у меня вышел однажды разговор, особенно разительно подчеркнувший эту разницу. Было это года три назад. Издательство заговорило о том, чтобы издать мои детские пьесы. Я согласился. «Напишите заявление», — сказал директор. «Какое заявление?» — «О том, что вы просите издать такие-то ваши пьесы». И этот порядок в издательстве, где автор подает прошение, привел меня в отчаяние. И книжка так и не вышла.

К

Перехожу к букве «К». Первой в телефонной моей книжке стоит фамилия: **Кошеверова Надежда Николаевна**.³⁵⁰ Познакомились мы с ней давно, в начале тридцатых годов. Как — совсем забыл.

10 июля

Тогда она была замужем за Акимовым. У него на углу Большой и Малой Посадской мы и познакомились. Подниматься надо было до неправдоподобности высоко, казалось, что ты ошибся и карабкаешься уже к чердаку по лестнице, бывшей черной, узкой и крутой. Послала судьба Акимовым квартиру большую, но нескладную. Попадал ты в кухню, просторы которой, ненужные и сумеречные, не могли быть освоены. Оттуда попадал ты в коридор, с дверями в другие комнаты, а из коридора — подумать только — в ванную. А из ванной в комнату самого Акимова, такую же большую, как кухня, выходящую окнами, расположенными полукругом, на ту широкую, расширяющуюся раструбом часть Малой Посадской, что выходит на Кировский проспект. Подобная квартира с ванной, разрезающей ее пополам, могла образоваться только в силу многих исторических потрясений и множества делений, вызванных необходимостью. Где живет хозяйка квартиры и кто она, узнал я не сразу. У Акимова бывал я сначала с пьесой «Приключения Гогенштауфена»³⁵¹. Потом с «Принцессой и свинопасом»³⁵², потом с некрещеной и неудачной комедией для

³⁵⁰ Кошеверова Надежда Николаевна (1902–1990) — кинорежиссер, постановщик фильмов по сценариям Шварца.

³⁵¹ Пьеса «Приключения Гогенштауфена» написана Шварцем в 1933 г. Опубликовано в журнале «Звезда», 1934, № 11.

³⁵² Пьеса «Принцесса и Свинопас» — впоследствии «Голый король» — первое обращение Шварца к Андерсену.

Грановской³⁵³, потом с «Нашим гостеприимством»³⁵⁴ и, наконец, с «Тенью»³⁵⁵. Семь лет. И только через два года он познакомил меня с черной, смуглой, несколько нескладной, шагающей по — мужски Надеждой Николаевной, ассистенткой Козинцева. Говорила она баском, курила и при первом знакомстве не произвела на меня никакого впечатления. В дальнейшем же мне показалось, что она хороший парень. Именно так. Надежный, славный парень при всей своей коренастой, дамской и вместе длинноногой фигуре. Вскоре с Акимовым они разошлись. Вышла она за Москвина³⁵⁶, и родился у нее Коля³⁵⁷. И он успел вырасти и превратиться в очень хорошенького восьмилетнего мальчика, когда завязалось у меня с Надеждой Николаевной настоящее знакомство, непосредственно с ней, — она ставила мою работу, а не Акимов. «Золушку».

11 июля

Начал я писать «Золушку» в Москве. Сначала на тринадцатом этаже гостиницы «Москва». Потом в «Балчуге», потом в «Астории», когда приезжал я в Ленинград по вызову «Ленфильма». Война шла к концу, и вот мы вернулись, наконец, в опустевший и словно смущенный Ленинград. Но ощущение конца тяжелейшего времени, победы, возвращения домой было сильнее, чем можно было ждать. Сильнее, чем я мог ждать от себя. Я думал, что вот и старость подошла, а ничего не сделано и весь я рассосредоточен после крушения «Дракона»³⁵⁸, трудных отношений с Акимовым. Он сделал открытие, что нужен ему настоящий завлит, а от меня одни неприятности. И Катюша была в тяжелом настроении. Как никогда в самые трудные времена. Ей не хотелось возвращаться в Ленинград, а хотелось, чтобы остались мы в родном ее городе, в Москве. А тут еще, едва мы уехали, пришла телеграмма от Володи Дмитриева³⁵⁹, что он предлагает нам взять его квартиру. Сам он переезжает в новую. А мы только что прописались на прежней нашей квартире, расставили вещи. Два столяра из Музея обороны города — Анечка³⁶⁰ прислала их к нам — сделали шкаф в переднюю, кухонный столик, висячие шкафы и табуретки, в кухню же. И у нас не хватило решимости снова подниматься с места и начинать все сначала. Остались мы, до сих пор не знаю, к добру или худу, в Ленинграде, что очень угнетало Катюшу. А город,

³⁵³ Грановская Елена Маврикиевна (1877–1968) — артистка, с 1931 г. — в труппе Ленинградского театра сатиры и комедии, преобразованного в 1935 г. в Ленинградский театр комедии.

³⁵⁴ В 1938 г. Шварц написал для Театра комедии пьесу «Наше гостеприимство». Тема ее — патриотизм советских людей. 5 июня 1938 г. Н. П. Акимов писал в статье «Ленинградский театр комедии. К гастролям в Москве»: «Особый интерес для нас представляет решение вопроса о постановке в комедийном плане, т. е. в жанре нашего театра, спектакля на боевые актуальные темы. Над одной из таких пьес (на оборонную тему) работает с театром драматург Е. Шварц» («Вечерняя Москва», 1938, 5 июня). Разрешение Главреперткома на постановку пьесы в Театре комедии было получено 24 января 1939 г., однако спектакль не был поставлен.

³⁵⁵ Премьера спектакля «Тень» состоялась в Театре комедии 11 апреля 1940 г. Режиссер и художник — Н. П. Акимов.

³⁵⁶ См. «Борщевский Юрий Ефимович», комм. 1.

³⁵⁷ Москвин Николай Андреевич (р. 1935) — физик.

³⁵⁸ См. «Дворец пионеров», комм. 14.

³⁵⁹ См. «Григорович Юрий Николаевич», комм. 1.

³⁶⁰ См. «Лепорская Анна Александровна», с. 598.

глухонемой от контузии и полуслепой от фанер вместо стекол, глядел так, будто нас не узнает. Но вот вдруг я неожиданно испытал чувство облегчения, словно меня развязали. И с этим ощущением свободы шла у меня работа над сценарием. Песенки получались легко, сами собой. Я написал несколько стихотворений, причем целые куски придумывал на ходу или утром, сквозь сон. И в этом состоянии подъема и познакомился я, как следует, с Кошеверовой. Она писала рабочий сценарий, и мы собирались у нее обсуждать кусок за куском. Дом новой стройки на углу Кировского и Песочной. Серый.

12 июля

Строитель дома архитектор Левинсон³⁶¹, которого все звали Женя, несмотря на вполне зрелый возраст, жил в подъезде со двора. Почему-то, кажется мне, что как-то зашли мы к нему и дразнили, что не удалась ему постройка и что единственное для него возмездие в том, что приходится ему самому мыкать горе, наравне с прочими жильцами. И в самом деле дом этот, Корбюзье³⁶², не Корбюзье, с длинными балконами и широчайшими окнами, темно — серый, то промокал, то протекал. Лестница, ведущая к Кошеверовой, уже не в результате делений, а по вине Жени Левинсона, седого брюнета, с легкомысленным, словно с похмелья, лицом, с глазами не то ошалевшими, не то томными, с жесткими полуседыми волосами, прилаженными поперек лысины, была крута и неудобна. И снова казалось тут иной раз, что ты уже миновал номер, нужный тебе, а поднимаешься на чердак. Еще вспоминаю одну особенность этой весны: доехать до Кошеверовой в трамвае в 45 году было невозможно трудно. Одинаково трудно было сесть в трамвай и вылезти из него. Вагонов не хватало даже для опустевшего города. И когда я правдами и неправдами выдирался, наконец, из трамвая и шел от угла Песочной, где остановка, к широчайшему, прямоугольному проходу, взятому в решетки, ведущему во двор левинсоновского создания, меня не покидало ощущение того, что я расширяюсь. На самом деле, не шутя. Меня так долго и свирепо тискали, что мне казалось, будто я расширяюсь. Когда я пришел в первый раз на обсуждение рабочего сценария, весь коллектив был уже в сборе. Оператор Женя Шапиро³⁶³, полуеврей — полугрузин, с глазами черными и наивными, заикающийся после контузии, художник, фамилию которого я вдруг забыл, длинный, с большим ртом, нежным голосом и смутным выражением темных глаз. В нем чувствовалось что-то порочное. Не могу вспомнить Мишу Шапиро³⁶⁴.

13 июля

По — моему, на первых обсуждениях рабочего сценария он отсутствовал, согласился быть вторым постановщиком позже. Итак, из-за того, что я опоздал на первое обсуждение, не попав в набитый трамвай, — оно уже было в разгаре. Очень довольные, оживленные, все трое встретили меня сообщением, что нужно будет написать диалог, пока они тут придумали рыбы слова — король говорит — ту — ту — ту, а привратники — та — та — та. Им выгоднее дать ворота не прямо, а в ракурсе, а для этого нужен лишний пробел. Я сразу

³⁶¹ Левинсон Евгений Адольфович (1894–1968) — архитектор.

³⁶² Ле Корбюзье (наст. фам. Жаннере) Шарль Эдуар (1887–1965) — французский архитектор и теоретик архитектуры.

³⁶³ Шапиро Евгений Вениаминович (р. 1907) — кинооператор. С 1940 г. работал на киностудии «Ленфильм». В 1947 г. снимал фильм «Золушка».

³⁶⁴ См. «Шапиро Михаил Григорьевич», с. 621.

рассердился, но, как всегда в тот период, весело. И объяснил твердо, что сценарий есть сценарий, что каков он ни есть, а написан добросовестно. Я могу согласиться, потому что уже охладел и забыл множество соображений, но моя уступчивость потом отомстит за себя, повредит картине. Так как соображения эти — насчет ворот, ракурса и прочего — были рассчитаны на обычное авторское безразличие и сами были предварительны и приблизительны — все трое легко, даже не без удовольствия согласились со мною. После того, как мы поработали, Кошеверова накормила нас ужином, даже с водкой. Так и начался и потянулся легкий и вдохновенный, можно сказать, период работы над «Золушкой». И это навсегда, вероятно, установило особое отношение мое к Кошеверовой. словно к другу детства или юности. Что-то случилось со мной, когда вернулись мы в Ленинград. словно проснулся.

14 июля

Ужасно трудно бороться с дальноркостью. Ну как можно описывать близких знакомых. Таких близких, что жалко задеть. Что не смеешь задеть. Вот я и бросаюсь от описания акимовской квартиры к рассказу о начале «Золушки». А будь Надежда Николаевна человеком в надлежащем отдалении, я бы связал ее и с той странной квартирой, в которой она жила. Ее судьба — жить в странных квартирах, с неудобными лестницами и со странными людьми с неудобным характером. Квартира, в которой мы познакомились, имела проходную ванную, ванную, загораживающую вход в кабинет. Сколько пришлось пережить жилплощади, прежде чем дошла она до такого состояния. Разойдясь с Акимовым, вышла Кошеверова за Москвина. Не знаю, каким был бы Москвин в условиях простых. У него жизнь, поскольку она известна мне, простотой не отличалась никак. В кинематограф он попал по превратностям судьбы. Очевидно, превратности оставили свои следы на его характере. Помощник его, бывший, в дальнейшем сам оператор, рассказывал с негодованием, не остывшим от времени, как нападали на Москвина припадки мрачности, выражавшиеся в полном молчании. Он не говорил, куда поставить аппарат, а плевал на соответствующее место ателье. С женой был на вы. На вы был и со своим единственным сыном, даже когда тому было всего только два — три года. Что намерен он делать, куда собирается поехать отдыхать, где бывает, кто его друзья — он глубоко скрывал. Жил, как бы на отшибе, в собственной семье. Всеми способами показывая, что они сами по себе, а он сам по себе. Спросишь его, где Надежда Николаевна. «Мне неизвестно, куда они отправились». Когда поздравили я его с тем, что поступил Коля в университет, он ответил: «Это их дело». И только.

15 июля

А сам звонил, как всем было это известно, после каждого Колиного экзамена из Ялты, спрашивал: «Чем дело кончилось у этого субъекта?» Он снимал в Ялте в это время «Овод». Как у всех скрытных людей, жизнь его была, как на ладони. Скрывал он мелочи — куда идет вечером, что привез из Москвы, какие носки он там купил. Но и это открывалось. В конце концов носки приходилось надевать. А что он любит, что уважает, что ненавидит — все знали. Молчанием своим, свирепой серьезностью завоевал он себе на студии положение независимое. Никто от него не требовал имитации общественной активности. На собраниях он не выступал, статей не писал. Угловатая, но сильная его индивидуальность не укладывалась в рамки, и все чувствовали, что уложить ее будет хлопотливо, а то и невозможно. Любопытно, что при всей угловатости у него врагов не было. Было — нормальное количество. Сколько положено талантливому человеку. А может, и меньше — враги подобного рода не любят хлопот, а Москвина побаивались. Он не завел друзей, не завел и врагов — держался особняком. Необходимо добавить, что удалось ему это, конечно, не только с помощью строгого нрава. Все знали, что он едва ли не лучший оператор во всем

союзе. И он, кроме того, великолепно разбирается в самой теории своего дела, в научной ее стороне. Правда, множество не менее талантливых и ученых людей никак не могли поставить себя на столь независимый лад. Значит все же дело в его поведении. Иной раз казалось мне, что по древней традиции, впитанной, вошедшей в плоть и кровь, юродствует он во имя свободы. Вполне бессознательно. Уходит от суеты сует. Отсюда его молчание, плевки, манера говорить «вы» близким, чтобы отгородиться. И полная чистота от фразы и фальши.

16 июля

Но и от внимательности, уживчивости, простой вежливости, от всех форм, облегчающих совместное проживание, освободил себя Москвин. И поэтому жизнь с ним — далеко не проста. Упрощение всех форм, принятых односторонним решением Москвина, близким его отнюдь не упрощало жизнь. Но заражало. Он, **человек** сильный внутренне, имел некоторое подобие школы. Например, его манеру безоговорочно усвоил Юра Борщевский³⁶⁵, сын актрисы Магарилл³⁶⁶, выросший в сфере влияния Москвина. И впитал и усвоил Коля — родной сын самого героя. Я иногда смеюсь, иногда прихожу в ярость, видя, как отец и сын, посостязавшись друг с другом, испробовав друг на друге непроницаемость, прямоту, независимость от каких бы то ни было условностей, показывают норы на Надежде Николаевне. Я зван к обеду. Хозяйка возится в кухне. «Когда, наконец, будет питание?» — возглашает Москвин, ни на кого не глядя. В пространство. Из кухни отвечает нетерпеливо, баском Надежда Николаевна: «Сейчас! Подождите, Андрей Николаевич». — «Когда будет питание! — повторяет Андрей Николаевич, словно не слыша. — Шварц, наваливайтесь. Их не дожидаться. Они не могут». А Надежда Николаевна спорит с сыном: «Николай!» Молчание. «Николай!» — «Ну, что?» — «Сними эти лохмотья». Молчание. «Слышишь, что я тебе говорю?» — «Мне в них удобно». — «Мне нужно, чтобы ты спустился вниз, в магазин». Молчание, «Николай!» Молчание. Лежа на тахте, в брюках от лыжного костюма, которые и в самом деле внизу обтрепались до невозможности, обратились в лохмотья, Николай читает. «Когда, наконец, будет питание», — провозглашает Москвин. А за обедом Юра Борщевский голосом и тоном Москвина говорит жене, глядя в пространство: «Они изволят сегодня есть третий кусок пирога, а потом удивляются, что полнеют».

17 июля

Юра вовсе не похож на Москвина, но, очевидно, в детстве был очарован своеобразием его натуры. И до сих пор подражает ему, хотя не дано ему от Бога искренней и неподдельной независимости. Юра куда нежнее и уязвимее. Впрочем, его фамилия записана у нас на букву «М», и я еще вернусь к нему и Элле. Я и без того уж слишком отошел от Надежды Николаевны, все описываю среду, в которой ей приходится действовать, не покладая рук. Вернусь к Москвину и, тем самым, — ближе к Надежде Николаевне. Итак, однажды я был позван к ним на обед. И в ожидании его сидел в комнатке Москвина. Он взял себе самую маленькую из комнат, именно потому, что она его заметнее отграничивает от остальных. Стены — вот они! Прячут, и видно, что прячут. Хоть рукой потрогай. Кровать его отграничена и скрыта шкафом. Между шкафом и изголовьем — низенький столик, на нем — радиоприемник особенной системы, кажется, трофейный, с немецкой подводной лодки, дополненный и исправленный Москвиным до последней степени совершенства. Впрочем, возможно, что теперь у него приемник новый. Я спросил, не новый ли у него приемник, и

³⁶⁵ См. «Борщевский Юрий Ефимович», с. 566.

³⁶⁶ Магарилл Софья Зиновьевна (1900–1943) — киноактриса.

получил ответ: «До известной степени». На обратной стенке шкафа портрет того единственного человека, уважение к которому он не скрывает. А именно — Эйзенштейна³⁶⁷. Против двери у стены расположен токарный станок, не по комнатке пространный, заводской. На подоконнике и на столике у кровати — нет, кровать это было бы слишком откровенно — у тахты лежат сконструированные им детали, обточенные на станке, и никто не знает, для каких целей — для радио, для аппарата для цветной съемки или для автомобиля. Во дворе, в гараже стоит его «Москвич», его лично, никто не пользуется машиной, никого он не возит — ни Колю, ни Надежду Николаевну. И никто не знает, когда ездит он сам. Кажется, на рассвете.

18 июля

Известно только, что «Москвич» доведен Москвиным до последней степени совершенства. Он перенес туда сидение от «Победы», отчего, правда, на заднем диванчике приходится сидеть с ногами. Двигатель усилен. И так далее и прочее. Итак — я зван обедать и сижу в комнате, похожей на мастерскую. Москвин уже провозгласил положенное число раз: «Когда будет питание!» Николай, надев приличные штаны, отправился в магазин, чтобы купить чего-то недостающего к обеду. Вернее всего, боржома для меня. Я спросил строго, придя: «А боржом, небось, забыла купить?» И я, как и все, не стесняюсь с Надеждой Николаевной. Уж очень она хороший товарищ, славный парень. Я сижу на низком кресле в ногах москвинской тахты. Он что-то мастерит у станка. На столе у станка. Самый станок в действии не видал я ни разу. Москвин не позволил бы себе подобной откровенности. Вдруг, пристально разглядывая детали неведомой машины, Москвин заявляет в пространство: «Сподобился». Я жду. И короткими, умышленно небрежными фразами Москвин позволяет себе неслыханную вольность: рассказывает, как выступал он в Академии наук, рассказывал о своих опытах по цветному кино. И несмотря на умышленно иронический тон, легко угадать, что Москвин доволен встречей с учеными, что оппонентов он разбил и академик, председательствующий на заседании, принял его сторону. И я с удовольствием замечаю, что и Москвин иногда испытывает желание поделиться, а не запрятать поглубже. И Москвин — человек. И вот, наконец, зовут нас к столу. Надежда Николаевна — человек занятой, режиссер, работник редкой энергии, кроме того, отлично умеет угостить. Причем закуски у нее не магазинные — сама изобретает и сама готовит. Водка — ледяная.

19 июля

Впрочем, это частично заслуга Москвина. Он добыл где-то холодильник, небольшой, не выше ночного столика, загадочной системы, и усовершенствовал. В самом разгаре обеда я говорю Кошеверовой: «А ваш-то! В Академии выступает», — и сообщаю, что услышал от Москвина. Надежда Николаевна коротко смеется, баском. В смехе ее и смущение, и удовольствие. «Вот как! — говорит она. — Это для меня новость!» Я взглядываю на Москвина. Невиданное зрелище! Он вдруг краснеет. Его суровое, по — своему красивое лицо, длинное, очкастое, с высоким лбом, заливается краской, сохраняя все то же замкнутое и неприступное выражение. Надежда Николаевна такой славный парень, такой надежный товарищ, что подчиняется правилам игры, предложенным близкими, безропотно. Отвечает им грубовато и безлично, как предложено. И возится с ними так, что в сущности они и ухожены, и накормлены, и чувствуют, что живут в налаженном доме. Николай — славный парень, едва выбирающийся на дорогу, что вчуже страшно: куда-то его занесет, выберется ли. Никто, кроме него, особенно тут помочь не может. То он появляется на даче у нас — бледный, в прыщах, заросший волосами так, что за чубом не видно лба, то приедет

³⁶⁷ Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948) — кинорежиссер и теоретик кино.

повеселей. В десятом классе подтянулся и работал, как вол. В университете работать продолжает. Надежда Николаевна добилаь того, что он с детства занимался английским языком. Потом перевела в английскую школу — знание языка помогает ему на физическом факультете, очень помогает. В 47 году в Лиелупе он был отчаянным мальчишкой, на редкость хорошеньким. Красота его пропала в закоулках и превратностях роста. В те дни он сумасбродствовал и не слушался в течение дня. Вечером же непременно садился возле матери вплотную, словно прирастал к ней. И не отставал.

20 июля

И просил, уже из комнаты, улегшись: «Ну, довольно тебе сидеть на террасе. Ну почитай, хоть немного». И мать, словно украдкой, стыдясь своей слабости, садилась возле и читала сердитым голосом. Нарушали оба правила суровой, мужественной игры, установленной в семье. Изредка приходили суровые, написанные в обезличенной форме письма отца семейства. Одна Колина открытка, написанная в ответ, такова: «Здравствуйте. Я много купаюсь. Вечерами мы играем в шарады. Я придумал шараду. Первое — взрывчатое вещество. Второе — часть родительного падежа от пастуха. Целое — Ольга Дмитриевна, Коля». Шарада решалась так: ТолСтуха. С годами то, что проявлялось в Коле каждый вечер, стало проявляться так редко, что можно было бы и забыть. Но все же проявлялось. Вот живут они летом в Пюхьярви. Коля и Надежда Николаевна. Всей семьей никуда и никогда они не уезжали. На такое открытое признание семейных связей Москвин не был способен. И вот ушла Надежда Николаевна погулять в лес и заблудилась. Выбралась только к вечеру, когда весь дачный поселок, разбившись на отряды, собирался идти на поиски. Но едва они тронулись, из лесу, прямо на первый же отряд, вышла сама заблудившаяся. Она шла и смеялась весело, баском. И в сумерках двигались навстречу ей остальные отряды. И Коля с ними. И он сказал: «Идет, смеется, как русалка, а мы тут с ума сходим». Проявляются Колины чувства и в том, что всю свою университетскую стипендию отдает он матери. Как-то прибежал он срочно, взять взаймы — увидел датский чайный сервиз, который, как он знал, должен понравиться матери. И купил. И подарил его ей. В прошлом месяце, возвращаясь из отпуска, задержалась Надежда Николаевна в Москве. Я позвонил к Москвиным, и Коля сказал с досадой: «Они не явились. Разве им можно верить? Я знаю, что еще неделю их ждать».

21 июля

«А мама не звонила?» — спросил я. «Звонили. О чем-то беседовали с папенькой». — «И ты не спросил, о чем?» — «Нет». Однажды, года три назад, жил Коля с Юрой Борщевским в туристском лагере. И не писал домой. Молчал и Юра. Надежда Николаевна стала беспокоиться. И вот сидим мы у нас на террасе в Комарове, и вдруг входит Николай с огромным заплечным мешком. И с ним Юра — оба участвуют в большом туристском переходе. Николай с чубом до бровей, одичавший, но веселый. Его первый вопрос: «Не известно ли, где маменька?» Оказывается, произошло какое-то недоразумение с адресами: он не получал писем и тоже встревожился. И вдруг минут через двадцать — столь же внезапно, как сын, — появилась мать, случайно попавшая в Комарово. И мы увидели редкое зрелище: встречу близких людей москвинской школы. Оба обрадовались. И сын, и мать. Она даже коротко засмеялась, баском. Он же только опустил глаза и принял упрямое выражение. Даже «здравствуйте» не сказали они друг другу. После некоторой паузы мать спросила: «Ты что, с ума сошел — почему не писал мне?» На что сын ответил безлично: «Для того, чтобы получать письма, надо точно сообщать о своем местопребывании». После чего разговор стал общим. Проблески внимания, подобие ласки видит Надежда Николаевна от сына не слишком часто, зато молчанием, полным упрямого достоинства, и грубоватыми ответами — никак не обделена. Этим товаром дышит весь дом, как хозяйственная лавка — керосином, хоть там

продают и свечи, и гвозди, и даже фарфоровые сервизы. Чехов утверждает, что, как живут муж и жена, знают только они сами и Бог. Поэтому я ничего не знаю насчет того, какой Москвин муж. Но как глава семьи — это явление, подобное полярному климату или сирокко там какому-нибудь. Угловатое явление.

22 июля

И Надя, славный парень, отличный товарищ, ведет дом в условиях, далеко не приспособленных для человеческого житья. Никто не скажет, что она у своих мужчин в рабстве или обезличена их могучими юродствующими личностями, дурацкими выходками. Нет, ведет она дом весело, не мудрствуя лукаво, покрикивая баском в ответ домашним агрессорам. Москвин был вызван в Литву, снимать какое-то торжество. Он, приехав, обнаружил, что киноаппарат, приготовленный для него, — негоден. И целый день возился он, согнувшись над аппаратом, чинил его, пока не свалился, вдруг охваченный сильнейшими болями в сердце. Не говоря никому ни слова, дотащился он до буфета, принял двести грамм коньяку и уехал в Ленинград. Здесь добрался он по своей крутой лестнице до пустой своей квартиры — Надежда Николаевна уехала в Кубачи снимать картину — и свалился на свою тахту. И сообщил на студию, что не мог выполнить задания. Прислали врача и срочно вызвали Кошеверову. Он перестал курить — единственный признак того, что признался хотя бы сам себе, что произошло нечто. Лежал он на спине. Неслыханное подчинение чужой воле! Но вот вскоре вызвал он приятеля механика, которого Роза Григорьевна, знакомая Москвиных, суровая профессорша, называла «лупоглазый дурак», и тот по указаниям и под руководством Москвина настроил аппарат, с помощью которого Москвин сам себе стал делать кардиограммы. После чего объявил, что дело это — чистое шарлатанство. «Как здоровье, Андрей Николаевич?» После паузы, которая необходима ему, чтобы пережить столь резкое вмешательство в свою жизнь, Москвин отвечает: «Коновалы сегодня еще не являлись». Или: «Коновалы утверждают, что скоро поднимут». С тех пор прошло года три. Москвин уже работает. Во время болезни он угрюмо подчинялся заботам «их». «Они» его выходили. И теперь попробуй «они» узнай, как он себя чувствует. Разговор по телефону с ним проходит так. «Вас слушают». — «Здравствуйте, Андрей Николаевич!» — «Здрассте...»

23 июля

«Как живете?» — «Смотря с кем и где». — «Мадам дома?» — «Сейчас покричу». И Москвин кричит в пространство сурово и протяжно: «К телефо — о-ну! К телефо — о-о — ну!» Надежда Николаевна после «Золушки» хотела поставить еще одну картину по моему сценарию, но ничего с этим не получилось³⁶⁸. Но так или иначе продолжала она работать без простоев, столь обычных у режиссеров в прошедшие годы. И Козинцев, полушутя, жаловался: «Надя опять мечется с монтировками в зубах». «Я чувствую, что с Надей все кончено. Она опять утонула в монтировках». И в самом деле — в работе она была на зависть вынослива, неуступчива, неутомима. И делала то, что надо. Не мудрствуя лукаво. Убеждена была она в своей правоте без всяких оглядываний. И когда друзья налетали на нее по тому или другому случаю, касающемуся ее режиссуры, она в ответ только посмеивалась, баском. И хотел написать — поступала по — своему. Но вспомнил, что в тех случаях, когда доводы оказывались убедительными, она спокойно соглашалась. Нет, упрямство ее было доброкачественным. А иногда оставалась при своем, хотя друзья налетали строго и темпераментно, — Надя была отличный парень, великолепный товарищ. Во — первых, не обижалась. А во — вторых, обидевшись, так и сказала бы, а не ответила бы ударом из- за

³⁶⁸ После смерти Шварца Кошеверова дважды обращалась к его драматургии. Ею поставлены фильмы: «Каин XVIII» («Два друга»; 1963). и «Тень» (1972).

угла. Чего же тут стесняться. Так вот она и живет. И дом на ней. И работа. И держится она среди своих домашних юродивых так бодро, что Козинцев искренне убеждал как-то, что Наде это нравится. На самом же деле принимает она их такими, как они есть или изображают себя, не причитает по поводу горькой своей женской доли. Не косится с завистью на семьи, где мужчины попроще. Не мудрствует лукаво, славный парень, отличный товарищ. И в работе, и дома, и с друзьями.

Следующая фамилия — **Конашевич Владимир Михайлович**.³⁶⁹ Его одарил господь легким сердцем. Это не обидчик, как Лебедев. Черные мягкие глаза.

24 июля

Мягкое, но никак не искательное выражение лица. Некоторая мягкость, но никак не полнота фигуры. Воспитанность. Мягкий теноровый голос. И все это от природы, но не от желания импонировать. Легкий человек. Плохие мальчики — Лебедев, Лапшин³⁷⁰, Тырса³⁷¹ — косились несколько на Конашевича. Он казался им слишком хорошим мальчиком, слишком воспитанным «Миром искусства»³⁷². Но признавали в нем художника. Нехотя. С легким пожиманием плеч. По крови украинец, даже запорожец, потомок того Сагайдачного³⁷³, что «променял жинку на тютюн да люльку, необачний»³⁷⁴, Владимир Михайлович не унаследовал воинственности предков. Не лез в бои. И жил всегда в Павловске. В стороне. С краю. И не менял жену на тютюн да люльку — семья его оказалась прочной. Я приехал к нему в 30-х годах на блины с Маршаком, который все не мог выбраться в путь, охал, терял палку, портфель, кепку и в дороге задыхался и, приехав, повалился на диван. С Олейниковым, который от ненависти к Маршаку слишком шумел за столом. С Лебедевым, который как символ веры провозглашал, что он ест, а что не принимает в пищу. «У меня есть такое свойство». И среди этих неблагополучных людей благополучие дома Конашевичей могло показаться изменой. Спокойно! Легко! Хозяин сыграл с дочкой дуэт на скрипках! Впрочем, может быть, играл он один, или она одна — все равно неукладистые гости, вспоминая, пожимали плечами. А сейчас вдруг видишь, что Конашевич не поднимал шума, с легким сердцем ни на шаг не уклонился от своего пути. Жил, как ему свойственно. И выяснилось, что свойственны ему вещи настоящие. Делать настоящие вещи и при этом без тиранства. Без мозолящего глаза щеголяния силой и непримиримостью. Мягко, но непримиримо, с легким сердцем, но упорно действовал он так, как ему свойственно. Ну и хорошо, и слава Богу!

25 июля

³⁶⁹ Конашевич Владимир Михайлович (1888–1963) — художник — график, оформлял книги Шварца.

³⁷⁰ Лапшин Николай Федорович (1890–1942) — художник, художественный редактор журнала «Еж», один из организаторов Ленинградского отделения Детгиза.

³⁷¹ Тырса Николай Андреевич (1887–1942) — художник.

³⁷² «Мир искусства» — художественное объединение (1898–1924), созданное в Петербурге А. Н. Бенуа и С. П. Дягилевым. Проповедовало идеи «чистого искусства» и «преображения» жизни искусством, отвергало как академизм, так и искусство передвижников. Живописи и графике художников, входивших в «Мир искусства», были присущи утонченная декоративность, стилизация, изящная орнаментальность.

³⁷³ Сагайдачный Петр Кононович (? — 1622) — гетман украинских казаков. Сторонник сближения с Россией.

³⁷⁴ променял жену на табак и трубку, неосмотрительный, нерасчетливый (укр.).

Следующая фамилия — **Козинцев**,³⁷⁵ но о нем писать решительно не могу. Сейчас я работаю с ним, и взгляд на него отсутствует. Его изящество. И снобизм, родственный и Акимову, и Москвину, уходящий корнями в двадцатые годы. Самолюбие и отсюда скрытность. Талантливость. Знание настоящее. И все это окрашено его собственным цветом, имеет особую форму. Это его талантливость, его снобизм, его злость. А когда работаешь с человеком, на одно закрываешь глаза, другого не видишь. Я когда-то пробовал писать его, надо будет поискать и вставить при перепечатке. А сейчас спокойно искать форму для рассказа о нем — все равно, что подмигивать за спиной товарища, указывать глазами неведомо кому на него. Не получается у меня даже отказ от описания Козинцева.

Следующая фамилия — **Козаков, Миша Козаков**. Об этом трудно говорить по другой причине. Он слишком уж далеко. На том свете. Недавно, на второй или третий день съезда, в Доме писателей в Москве мы были на гражданской панихиде о нем. Он лежал высоко, кругом венки, а мы, соблюдая очередь, стояли в почетном карауле. Маленький, красивый, черненький Миша Козаков стал за годы нашего знакомства болезненным, обрюзгшим. Волосы поредели. Ходил он с палкой. И вот увидели мы его мертвым. И проводили на Немецкое кладбище в Москве, до сих пор не по — нашему прибранное. Проводили, полные растерянности, — уж очень сразу он свалился. От больного человека не ждешь конца. Напротив. Столько раз слышал, что ему плохо, и столько раз удавалось ему выжить. И вот вдруг — конец. Съезд. Там в перегретых залах Дома Союзов слоняются делегаты, включаются, оскорбительно лупят светом в лицо прожектор и гаснут. А киношники озабоченно возятся с пленкой. А мы тут хороним Мишу Козакова.

26 июля

Искренняя доброжелательность — вещь редкостная, а у Миши Козакова, когда мы встретились в двадцатых годах, сохранялось в этой самой доброжелательности что-то студенческое, особенно привлекательное. Он хотел, разговаривая, понравиться и подружиться. Гонорар получали мы в те годы во втором этаже Дома книги. Гонорар по Детгизу. И там запомнился мне Козаков в первый раз. Со студенческой любовью к проблемам советовался он — а не написать ли ему детскую книжку об отце и сыне. Сын не уважает отца, — как ему поступить в таком случае? Морща свой чуть покатый лоб и значительно открывая глаза, легонький, хорошенький, сияющий Миша говорил: «Это проблема! Этого не решишь просто!» В это же время напечатал он повесть, где с музыкантшей, старой девой, играющей в ресторане, произошло нечто неприличное, над чем захохотал весь зал, а она заметалась, как мышь. У Миши обнаруживалась решительно склонность к проблемам. Но времена пошли суровые. Лапповцы³⁷⁶ принялись его школить весьма свирепо. Он сам сказал как-то, выступая на одном собрании, что его, как бобра, гоняют по кругу, чтобы он поседел от ужаса и повысился в цене. И принялся Миша, оставив проблему, за многотомный труд: «Девять точек»³⁷⁷. Он однажды присутствовал при крайне резком споре, вспыхнувшем в редакции между прозаиком и критиком, обругавшим его за

³⁷⁵ Козинцев Григорий Михайлович (1905–1973) — кинорежиссер, сценарист. По сценарию Шварца поставил фильм «Дон Кихот» (1957). Писал о Шварце в книге «Глубокий экран» (М., 1971).

Козаков Михаил Эммануилович (1897–1954) — писатель.

³⁷⁶ Лапповцы — члены Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП).

³⁷⁷ Над основным своим произведением — романом «Девять точек» — Козаков работал с 1929 по 1954 г. Книжки 1–4 выходили в 1930–1939 гг. В 1956 г. роман был полностью опубликован под названием «Крушение империи».

незначительность последнего рассказа. Миша глядел растерянно, подобная резкость была не по нем. И желая поддержать прозаика и убедить критика, он повторял, открыв глаза многозначительно и наморщив лоб: «Это ж цикл! Его рассказы — цикл!» И вот принялся Миша за цикл романов. Со студентом роднила Мишу общественная жилка. Он занимался делами общественными по склонности душевной. И если ему нравилось, что его выбирают, что он в руководстве, то и обязанности свои выполнял он честно.

27 июля

Однажды Пантелеев, человек трагический, попал в очередную беду. Только что вышел закон о хулиганстве, а наш Алексей Иванович вступился за какого-то пьяного, которого, по его мнению, обижали милиционеры. И под сердитую руку отдали Пантелеева под суд за хулиганство. Дело слушалось без сторон. Необходим был свидетель, представитель Союза писателей, который объяснил бы судье, что Пантелеев никак не хулиган, а напротив того — подающий надежды молодой писатель. И Миша Козаков сразу согласился помочь в этом трудном деле. Поднялся в 8 часов и выступил до того красноречиво, что судья сказал, улыбаясь: «Ну, довольно. Вы уже что-то вроде ЧКЗ». Но его речь уже прояснила положение, и Пантелеев был спасен. Особенно хорош оказался Миша Козаков как редактор. Он отлично вел «Литературный современник»³⁷⁸ и расцветал в редакционной среде. Жил журналом, сиял, угадывал, чем жив сегодняшний день, шел, улыбаясь, к автору, по — студенчески стараясь подружиться с ним и понравиться ему. Ах, не поднимается рука рассказывать о нем дальше. Столько раз стреляли из пушек прямо по его покатоному лобику, шли на него одного стенкой в трудные времена. Попробую найти форму для рассказа о нем завтра. Сегодня очень уж поздно.

28 июля

Миша Козаков жил интересами литературы. Нет, о нем надо рассказывать иначе. Начну сначала. И не сплошным рассказом, а по годам. Впервые я воспринимал их как-то всех вместе, новых писателей, появившихся во второй половине двадцатых годов. Лавренев³⁷⁹, длиннолицый, в очках. Олейников уверял, что подобные лица нарисованы на спинках длинных красных плоских жуков, что вечно мы видели в детстве, под кустами. Когда Лавренев смеялся, то поднимал недоумевающе брови. Браун³⁸⁰, замкнутый, с сероватой кожей, и такими же бровями, и такими же глазами, не улыбающийся. Четвериков³⁸¹, высокий, широколицый. Отчаянный, чуть шепелявый, с веселым и разбойничьим взглядом Борисоглебский³⁸². Занятый собой, детской литературой, не веря, что вне нашего отдела есть настоящие писатели, я не скоро научился отличать их всех друг от друга.

Нет, и это начало не годится. Вдруг что-то стало меня беспокоить в форме моих рассказов о телефонной книжке. Попробую иначе. Первая встреча с Козаковым произошла.

³⁷⁸ Козаков с 1933 по 1937 г. был вначале заместителем, а затем ответственным редактором журнала «Литературный современник».

³⁷⁹ Лавренев Борис Андреевич (1891–1959) — писатель.

³⁸⁰ Браун Николай Леопольдович (1902–1975) — поэт, переводчик.

³⁸¹ Четвериков Борис Дмитриевич (1896–1981) — писатель (до 1939 г. печатался под псевдонимом Дм. Четвериков).

³⁸² Борисоглебский Михаил Васильевич (1896–1942) — писатель.

Нет, не так. Двадцатые годы. Я стою в очереди, веселой и возбуждающей, — получать деньги в бухгалтерии Госиздата. Касса для всех отделов — общая. Тут и детские писатели, и сотрудники научного отдела, и участники альманаха «Ковш»³⁸³. И все мы знали друг друга, пригляделись в коридорах издательства. За мной в очереди писатель, которого знаю в лицо я давно, а фамилию узнал только на днях. Я не слишком верю, зараженный сектантской нетерпимостью детского отдела, что есть люди вне нашей редакции, и не слишком хорошо знаю, что там пишет Михаил Козаков. Но я слушаю его с невольной приязнью, трогает искренняя, еще студенческая, не отсохшая, не убитая приветливость. Он приветлив для того, чтобы подружиться. Маленький, легкий.

29 июля

Хорошенький. Чуть покатый лоб, который он многозначительно морщил. Черные глаза, которые он многозначительно открывал. И неудержимое праздничное сияние. Радуюсь, развивал он передо мной тему, проект вещи, которую интересно было бы написать. Сын, мальчик — подросток не уважает отца. Он — пионер. Как ему поступить? И, рассказывая, Миша приговаривал: «Это проблема! Этого не решишь просто!» И, сияя, поглядывал на меня. И я узнавал студента, который охотно выступал в свое время в литературных судах над Раскольниковым или героями пьес Андреева. Он еще любил слово «проблема». Оно его вдохновляло и веселило, и он широко открывал свои черные глаза. А я радовался, глядя на него, — такой он был хорошенький, ладный, сияющий и доброкачественный. Спустя некоторое время увидел я его во второй раз. Или мне рассказал об этом Олейников. В Доме книги, как в Ноевом ковчеге, спасались от потопа и люди, и звери. И по возможности не ссорились. Хищники не были достаточно уверены, что в новых условиях можно охотиться по — прежнему. Поэтому в редакционных кабинетах тон царил вежливый, веселый. Только изредка взглядывали друг на друга с излишней зоркостью. И вдруг в одном из кабинетов при большом стечении народа вспыхнул спор — неожиданно открытый. Один хищник показал коготок: обругал за бессодержательность хороший рассказ. В печати. И автор рассказа обрушился при встрече на хищника. Всенародно. Хищник дрогнул. Все смутились. А Миша Козаков, растерянно, желая убедить критика, повторял, наморщив лоб и открыв глаза: «Это ж цикл! Его рассказы — цикл!» И это слово нравилось Мише. И казалось многозначительным. От встречи к встрече становился он все понятнее.

30 июля

Он был и общественником на студенческий лад. Такие сияющие, легкие, веселые распорядители с бантами носились на вечерах своего землячества. Они радовались тому, что распорядители, но вместе с тем делали свое дело самоотверженно. Так и Миша. Когда во время кампании против хулиганства попал по роковому своему характеру под суд Пантелеев, — выручил его Козаков. Дело слушалось без сторон. И Миша Козаков явился в восемь утра в качестве свидетеля со стороны Союза писателей. Объяснить суду, что Пантелеев никак не хулиган, а подающий надежды писатель, автор книги, отмеченной самим Горьким³⁸⁴. И Миша выполнил свою задачу с таким увлечением, что председатель

³⁸³ Литературно — художественный альманах «Ковш» выходил в Ленинграде в 1925–1926 гг. Ответственный редактор

С. А. Семенов. В нем печатались М. М. Зощенко, В. А. Каверин, О. Э. Мандельштам, Н. Н. Никитин, Б. Л. Пастернак, Е. Г. Полонская, В. А. Рождественский, М. Л. Слонимский, Н. С. Тихонов, А. Н. Толстой, К. А. Федин, О. Д. Форш и др.

³⁸⁴ М. Горький отметил первую книгу Л. Пантелеева, написанную совместно с Г. Белых, «Республика Шкид», вышедшую в 1927 г. Он писал 29 марта 1927 г. воспитанникам колонии им. Горького в Кураже: «Для меня эта книга — праздник, она подтверждает мою веру в человека, самое удивительное, самое великое, что

остановил его. Улыбаясь, сказал: «Ну, довольно, а то вы уже что-то вроде ЧКЗ». Но Пантелеев был спасен. Склонность к проблемам заводила Мишу иной раз куда-то уж очень в сторону. В одном из журналов напечатал он повесть, где, между прочим, изображалась музыкантша, старая дева. Играла она в ресторане. И на эстраде приключилось с ней некое неприличие. И весь зал захохотал, а музыкантша заметалась, как мышка. Вот он какие острые ставил проблемы. Встречались мы не часто. Вот в тридцатом году идем мы с Катюшей по лестнице в Сочи, поднимаемся от ресторана, где обедали. И Миша, весь в белом, по — летнему, легкий, хорошенький, сияющий, идет навстречу. И обычное ощущение от него — доброкачественности и доброжелательности — делает эту встречу особенно веселой. Ничего не произошло, а встреча почему-то осталась в памяти освещенной солнцем по — летнему, по — черноморски. А времена для Миши пришли нелегкие. Его все перекидывали из одного разряда попутчиков³⁸⁵ в другие. И делали это беспощадно. В одной из речей своих он сравнивал себя с бобром, гоняемым по кругу.

31 июля

«Говорят, что охотники так поступают, дабы бобер поседел». И Миша поседеть не поседел, но заболел диабетом. И многозначительно морща лоб и широко открывая глаза, он рассказывал, сдержанно сияя, что теперь медицина знает происхождение диабета: оно психогенно. Встречались мы не часто, но прожили в одном кругу, тесном кругу, уже более десяти лет, радовались одному и тому же, и ужасали нас в основном одни и те же явления. В начале тридцатых годов были мы уже на ты. А с 34 года поселились в одном и том же доме, в писательской надстройке. Миша развелся с прежней своей женой, с которой я не был знаком, и женился на Зое Никитиной³⁸⁶. О Зое мимоходом не рассказать, а отступать от основной линии описания не хочется. Скажу только, что считалась она женщиной красивой, богатая фигура, небольшая голова, гладкая прическа, огромные глаза, по — восточному темные. Была Зоя греческого происхождения и унаследовала бешеную энергию своего племени. Голос низкий. Хрипловатый. Психическое здоровье — как у парового катка. И она, и Миша всем существом своим были преданы интересам литературным. Когда кончился РАПП³⁸⁷, стал Миша редактором журнала. И со студенческой энергией, которая все не отсыхала, ринулся он вести «Литературный современник». Незримый бант распорядителя трепетал на его груди. Он радовался тому, что распорядитель, но работал самоотверженно. И его страстный интерес к сегодняшнему дню литературы, и общественная жилка, и доброжелательность, и доброкачественность — все пошло впрок. После того, как погоняли Мишу по кругу, страсть к острым проблемам у него поулеглась. Он затеял цикл. Цикл историко — революционных романов под названием «Девять точек». А время все шло и

есть на земле нашей» (Горький М. Собр. соч. Т. 30, 1956, с. 17).

³⁸⁵ «Попутчики» — распространенное в критике 1920-х гг. обозначение писателей, сочувствовавших социалистической революции, стремившихся служить ее идеалам, но в своем мирозерцании далеких от пролетарской идеологии. К «попутчикам» относили писателей, входивших в литературные группы «Серрапионовы братья», «Перевал», «Леф» и др., а также многих писателей, не входивших в литературные содружества, например, Л. М. Леонова, Б. А. Лавренева, А. Н. Толстого, М. С. Шагинян и др.

³⁸⁶ Никитина (рожд. Гацкевич) Зоя Александровна (1902—1973) — в первом браке замужем за Н. Н. Никитиным, во втором — за М. Э. Козаковым, мать М. М. Козакова.

³⁸⁷ 23 апреля 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно — художественных организаций», которым была ликвидирована Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), и началась подготовительная работа к созданию Союза советских писателей.

шло.

1 августа

И для Миши иной раз оборачивалось грозно. Вплоть до того, что Зоя вдруг едва не оказалась в числе репрессированных. Во всяком случае — ее забрали, и Миша тут впервые утратил сияние. Но делал все возможное, по тем временам, чтобы помочь Зое. И рассказывал, как на приеме у высокого начальника он заявил, что привык верить его учреждению. «Но у меня есть брови! — так закончил Миша свое обращение к начальнику. — У меня есть брови, и они могут подниматься от удивления». Однажды я шел по той лестнице надстройки, что выходит в Чебоксарский переулок, — и услышал знакомый хрипловатый, а вместе с тем зычный голос, — и остановился пораженный. Прямо навстречу мне поднималась непобедимая, побледневшая, но ликующая Зоя, с чемоданом в руках. Мне теперь трудно вспомнить, когда студенческие черты Миши уступили место признакам зрелости, а может быть, и старости. Пожалуй что никогда. Если Миша по нездоровью появлялся на улице с палочкой, то казалось — сам не верит, что она ему необходима. Войну принял тяжело. Он не принадлежал, как выяснилось, к верующим, к людям, не сомневающимся, что бомба предназначена не ему, но соседу. Жарким летом 41 года тревоги объявлялись часто — разведчики летали над городом. И никто не уходил в бомбоубежище. Мы сидим у Эйхенбаумов, идет обычная беседа тех дней: слухи о движении фронта. За окнами — стук, сухой и резкий: играет в домино какая-то команда, расквартированная в нашем дворе. Сигнал воздушной тревоги был дан минут десять назад, но ничего не прибавил к унылой, ноющей, предблокадной тревоге, не оставляющей ни днем, ни ночью в те июльские дни. Да еще не улеглась тоска по уехавшим детям, во главе которых отправилась Зоя. Что нам этот ежедневный бесплодный вой сирены. И вдруг Миша встает и говорит: «Товарищи, пойдёмте в бомбоубежище».

2 августа

Сначала мы принимаем это за шутку. Но он настаивает. Сияние — отсутствует. Ничего студенческого ты в нем теперь не обнаруживаешь. Это говорит взрослый человек, на своей шкуре испытавший, как неумолимы и механичны враждебные силы, если приведены в действие. За пережитые годы в его многозначительно нахмуренный лобик палили из орудий, говорили ему невесть что прямо в сияющие, многозначительно открытые глаза. Даже друзья, такие как Лавренев, бросались вдруг на него, захваченные течением. Миша, переживший столько собраний, знал, что бомба попадает в человека ни за что, ни про что. Просто, если окажешься ты в полосе поражения. «Идёмте в бомбоубежище», — звал он нас, как старший неразумных детей, но мы отказались. И он ушел в одиночестве. И мы поругали его дружно, с наслаждением. Очень утешали в те дни разговоры о чужой робости. В дальнейшем встречались мы в гостинице «Москва». Я попадал из очень скудного вятского быта в самую середину грешной, подпольной, тыловой, гостиничной жизни. Герои Советского Союза. Грузины с таинственными ящиками. Узбеки. Епископы с панагиями. Польские патриоты. Испитой зеленолицый драматург, великий мастер блата, каждый мой приезд — с новой девушкой. И Миша Козаков, повеселевший, погруженный в литературные интересы свои, московские, молотовские — туда была эвакуирована большая группа ленинградских писателей. Он шагал, сияя, по коридорам. Вся многоэтажная громада гостиницы тщательно изучалась массаами девиц. Они звонили во все номера по очереди, словно бы по ошибке. И заводили беседы. Луковский³⁸⁸ таким образом приобрел уже несколько любопытных знакомств и все совращал Мишу. И тот рассказывал, сияя: «Опять звонила! Зовёт в гости. Я,

³⁸⁸ Луковский Игорь Владимирович (1909–1979) — драматург.

говорит, ничего от вас не жду. Я библиотечная работница, я тоскую. И мне нужны люди».

3 августа

«Интеллигентные люди нужны мне. Не с кем поговорить!» И, рассказав это, Миша вглядывался многозначительно в собеседника. И ждал, наморщив лоб, совета. Он был своим человеком в Комитете по делам искусств. Помогала его доброкачественность, сказывавшаяся даже в его хитростях. Он был прост и обаятелен с начальством — вот и все его тонкости. Он и обращался с ними, как с людьми. Был я в Москве 42–43 года раза три или четыре и всегда заставал в гостинице Мишу. И вот однажды, заглянув к нему в номер, увидел я, что лежит он в постели. На спинке стула — рубашка, промокшая до нитки. Лицо белое, отчего еще чернее казались многозначительно открытые глаза. Что случилось? И с удивлением рассказал Миша о припадке, который с ним только что произошел. Начался в метро. Миша вдруг утратил ощущение пространства. Легкий просвет он ощутил, когда услышал голос дежурного по станции «Охотный ряд», который уговаривал испуганно и ласково: «Голубчик, опомнитесь! Куда же вы! Прямо на рельсы!» После этого Миша ничего не помнил, пока вдруг не понял, что он в гостинице жалуется дежурной этажа на ни в чем неповинную официантку. Обе они его и раздели и уложили. И они его выделяли из всех постояльцев за обходительность. Выяснилось, что вызван припадок инсулиновым отравлением. Но принял его Миша с тем же недоверием, как припадки хромоты, заставляющие его ходить с палочкой. Но инфантильность — ювентализм³⁸⁹, что ли, младоподобие, неистребимые признаки студента — все еще проглядывали, не желали считаться с поредевшим теменем и упорными проявлениями болезни. Скучно рассказывать, как снова, то по одному, то по другому поводу открывали по Мише огонь. То он один был мишенью, то вместе с Мариенгофом. Для меня это время как бы запеклось.

4 августа

Ряд послевоенных лет сплавился в одно целое. Не могу рассказывать об этом времени, всё, как в тумане или в болотной тине. А Зое пришлось и вовсе страшно. Словно в ответ на несокрушимую ее жизнеспособность, судьба принялась избивать ее с механическим упорством. В конце войны погиб один ее сын. Второй, уже в мирное время, был убит нечаянным выстрелом из трофейного пистолета. Школьник, товарищ по классу, взял пистолет у отца, вертел, вертел и убил рослого, серьезного, умного мальчика. Остался у нее один сын — от Миши Козакова. Тоже Миша. Зоя, по несокрушимой жизнерадостности своей, согласилась работать директором Литфонда. Это одно из самых ядовитых учреждений, какие видал я на своем веку. Главным образом для директора. Еще ни один наш директор не ушел со своего поста благополучно. Их вечно снимают со скандалом. Основное объяснение этому — «загноившиеся самолюбия». Наименее удачливые писатели наиболее мнительны. Отказ в аренде на литфондовскую дачу в Мельничных Ручьях рассматривается очень часто как покушение на писательскую репутацию данного лица. Наиболее требовательные члены Литфонда наименее совестливы. И в центральное правление Литфонда, в правление союза, в райком, в прокуратуру, в обком — лавиной валятся заявления. Для Зои пребывание на посту директора кончилось особенно худо. Ее обвинили в нарушении сметной дисциплины. И отдали под суд. И арестовали, хотя в делах подобного рода эта мера пресечения не применялась. И освободили. А потом и оправдали. Но, несмотря на благополучный конец, обошлось это дорого и Зое, и Мише в особенности. Кончилось дело тем, что обменяли они свою квартиру на московскую. Миша обрюзг. На легкой его фигурке живот, сильно выпуклый и перетянутый ремнем, казался умышленной, шутки ради

³⁸⁹ производное от имени древнеримской богини юности Ювенты.

надетой толщинкой. Он ходил только с палочкой. Страдал одышкой. И словно играл в постаревшего.

5 августа

Но на этот раз, уже не шутя, одолевали его бесконечные горести, и болезни, и старость. Опынение молодостью, студенческая легкость подменились особой лнсулиновой жизнерадостностью. Мы только и слышали от него хорошие новости и благие предсказания, — но уже несколько раз сваливался он в каких- то тяжелых припадках, не то сердечных, не то мозговых. Врачи находили у него что- то неладное с позвонками. И ни одной удачи! Непонятное дело! Ведь он был воистину советским человеком! В дали времен потонула его склонность к острым проблемам, да и в те доисторические времена он шел в ногу со временем, радуясь, как на параде. И в наши дни, когда какая- то комиссия явилась в союз проверить, как изучают писатели марксистско- ленинскую теорию, Миша приятно поразил ее глубиной своих знаний. Наморщив лоб и многозначительно открыв глаза, рассказывал он с гордостью, как в течение полутора часов говорил он, а комиссия только руками разводила. И темы он брал либо современные, либо, если уж исторические, то связанные с сегодняшним днем: в последней пьесе, написанной совместно с Мариенгофом^{390 391}, действовали и Черчилль, и интервенты. И все, что говорили эти действующие лица, вполне соответствовало задачам дня и вызывало у зрителей соответствующие чувства. А отвечать за свои пьесы приходилось Мише, словно он возглашал лозунг: «Искусство для искусства» или еще что похуже. Да и у самого Миши было, видимо, такое чувство, будто пострадал он в борьбе за высокое искусство. Непонятное дело! За что на него налетали с такой силой? Или чувствовали нападающие, что он незащищен? Так или иначе, на него нападали, и когда переезжал он в Москву, на него было бы жутко смотреть, если бы мы не разучились делать это. Однако там, в Москве, у него дела быстро пошли на поправку. Квартирка маленькая, но отдельная, в новом доме. Близость от самого истока литературных событий воскрешала.

6 августа

Пошли хорошо и материальные дела — роман «Девять точек» переиздали. Подписали договор на новый роман. И когда приехали мы на съезд, встречал нас Миша вместе с москвичами, уже как настоящий москвич. Был он так же и здоров, и тяжело болен, как все последние годы. Он казался чуть — чуть более озабоченным, чем обычно. Как выяснилось позже, его обидело глубоко, что он, старый писатель, не был выдвинут в депутаты на съезд. Ему твердо обещали, что он получит постоянный гостевой билет, но он знал, как трудно в предсъездовской суете рассчитывать на чьи бы то ни было обещания. Были озабочены и все мы. Не знали, в какой гостинице будем жить, где получать билеты на съезд. А в общем тем, что каждый из нас, занимающий дома определенное место, тут делался одним из многих, из таких, которых легко затоптать в предсъездовской суете. Что мы не генералы, мало беспокоило нас дома. А здесь создавалось множество мельчайших забот и неудобств. Эта неожиданная чувствительность огорчала и казалась постыдной, не менее, чем сами мелкие уколы. И поэтому встретились мы с Мишей не то что холодно, а рассеянно. На заседаниях в Кремле, на торжественном открытии съезда его не было. А на другой день в Доме Союзов Коля Чуковский с перепуганным, а вместе и двусмысленным выражением лица, словно ужас этот вызывал в нем и некий истерический восторг — поди пойми Колю Чуковского —

³⁹⁰ Козаков Михаил Михайлович (р. 1934) — артист театра и кино.

³⁹¹ Говорится о пьесе «Золотой обруч», написанной в 1945 г. совместно с А. Б. Мариенгофом.

спросил меня: «А ты слышал, что Мише Козакову очень, очень плохо?» Но я не поверил.

7 августа

Услышав от Коли Чуковского о Мишиной болезни, я не поверил, что это конец. Смерть человека, о котором слышал столько раз, что ему плохо, и который всегда справлялся с опасностью, поражает не меньше, чем внезапная. Судьба не посчиталась с Мишиным желанием уцелеть. И его простодушием. Мы поехали на Пятницкую. По дороге узнал я, что, по всей видимости, тот страстный интерес к литературным делам, которым он жил, и убил его. Миша вечером поехал в союз за гостевым постоянным билетом. Продержали там ожидающих до глубокой ночи. Тревожили их различные неясные и невеселые слухи. Так они и уехали ни с чем. Утром позвонили Мише, что билет для него получен, чтобы ехал он в союз. Но он только и успел спуститься вниз. Обратном привели его под руки. В маленькой квартире толпились, когда мы приехали, растерянные и словно виноватые друзья. Зоя плакала в спальне, окруженная писательскими женами. Она метнулась нам навстречу. Мы поцеловались. «Вы только берегите себя, берегите себя», — повторяла она горячо. И тоже растерянно и как бы виновато. А он лежал на столе в комнате возле. Не хочу продолжать. Когда буду переписывать на машинке, сюда вставлю начало первого варианта, где все рассказано.

8 августа

Из трусости оборвал я рассказ о Козакове. Буду продолжать, хоть и не хочется писать о смерти. Он лежал на столе в комнате возле, и впервые его побаивались, хоть он и улыбался едва заметно. Мы постояли возле, не зная, что говорить в смятении чувств. На другой день в Доме журналистов состоялась гражданская панихида. Приехал Федин. Оставил свое председательское место на съезде Фадеев, стоял у гроба в почетном карауле, седой, краснолицый, строго глядя прямо перед собой. А съезд продолжался без живых и мертвых. Там, в перегретых залах Дома Союзов, слонялись делегаты. Прожектора оскорбительно лупили прямо по глазам и меркли, будто насытившись. А здесь Федин, говоря надгробную речь, вдруг стал останавливаться после каждого слова. Молчал, побагровев, потупившись. Борясь со слезами. И Мишу ему было жалко. И вспомнилось, наверное, как хоронил недавно жену. Да и себя пожалел — трудно, стоя у гроба, не думать и о своем возрасте, и о своей судьбе. И Федин сохранил до наших дней студенческие черты. Только не распорядителя на вечеринке, а покрупнее. Председателя землячества. Знающего, что кроме всего прочего, он еще и красив. Но был он по — студенчески прост и добр. А когда кончилась панихида, двинулся гроб к распахнутым на обе створки дверям, прямой, несгибающийся, почтительно поддерживаемый со всех сторон провожающими, — где же ты, легкий, покладистый Миша! На немецком кладбище, куда добирались мы долго — долго, сохранилась еще нерусская подтянутость. С правой стороны глянул на нас с серого памятника суровый генерал в эполетах. Стааль³⁹². Комендант Москвы при Николае I.

9 августа

Затем свернули мы с главной аллеи налево, с трудом пробираясь по сугробам среди чугунных решеток к свежеразрытой земле, где ждали могильщики с лопатами и веревками. И здесь вдруг над открытой могилой заговорила Марина Чуковская³⁹³. Так не шел ее

³⁹² Стааль Карл Густавович, фон (1777–1853) — генерал, комендант Москвы.

³⁹³ Чуковская Марина Николаевна (1905–1993) — переводчица, жена Н. К. Чуковского.

уверенный, столько лет знакомый голос к венкам и крестам. И я испытал желание закрыться или убежать. Ужас неловкости охватил меня. И медленно растаял. Знакомый женский голос говорил о самом главном, забытом в смятении чувств. О доброкачественности душевной, порядочности и страданиях Миши Козакова. Потом постояли мы над прикрытой венками могилой, не зная точно, сколько времени положено это делать, переглядываясь. И наконец отправились по узкой дорожке, протоптанной в сугробах, между чугунными оградами к главной аллее. Здесь подошли мы поближе к памятнику генералу Стаалю и прочли, что водружен монумент иждивением друзей и подчиненных.

Следующая фамилия — **Казико**.³⁹⁴ Увидел я ее на сцене впервые в 24 году. Голос низкий, иной раз с тем надломленным звуком, что бывает у мальчиков-подростков, лицо, показавшееся мне ослепительным. Я в этом подвале на Троицкой, где открылся [театр — кабаре] «Карусель», в своих стоптанных бусах и обмотках, со своей запутавшейся жизнью, едва смел разговаривать с актерами. Но как мне нравилась Казико! Она была проста, однако я терялся, едва входила Ольга Георгиевна в темный театрик — кабаре. И не смел не то что заговорить, даже поздороваться с ней. Самые прожженные и непристойные волки и крысы с Казико были ласковы и почтительны. Такой лаской веяло от нее. Лаской таланта и женственной прелести. То один, то другой вдруг завязывал длительные беседы с ней. О жизни. Вообще. А я поглядывал и не завидовал.

10 августа

В то странное время я все видел и ощущал как бы приглушенно. Через пыль. Так что моя влюбленность переживалась ослабленно. Как бы сквозь сон. Я просыпался в те годы, но оцепенение сна еще владело мной. Я написал для кабаре «Карусель» первую свою пьеску под умышленно длинным названием «Три кита уголовного розыска, или Шерлок Холмс, Нат Пинкертон и Ник Картер». Пьеску эту лихо оформил Акимов, лихо поставил кто-то, чуть ли не Вейсбрем, лихо разыграли актеры, их всех хвалили, а про меня и не вспомнил никто. И я считал, что так и следует. Впрочем, так оно, вероятно, и было, — вряд ли эта пьеса чего-нибудь стоила. Владелец полутемного театра, толстый, томный, озабоченный грузин, — видимо, сразу угадал, с кем имеет дело, и ни за что не хотел уплатить мне причитающихся пяти миллионов или миллиардов. Мачабели — такова была фамилия, соответствующая в какой-то степени заведению — жаловался на то, что «нэп — нэп — а во всех кабаре облавы. Разгоняют публику. Сборов нет». А публика в кабаре бывала в достаточном количестве. И люди с проборами, в визитках и люди в полувойенной форме, и дамы в открытых платьях, и девушки с огромными зрачками и смертельно бледные. Показывали актрису, по крови связанную с кем-то из великих князей. Веселую, простую, со вздернутым носом. Впрочем, скоро она уехала на гастроли в Эстонию и не вернулась, отчего муж ее — актер — едва не спился. Звали ее Марианна Эриковна. И была эта публика, как и всякая, глупа, капризна, неумна, несправедлива, но вдруг расцветала и умнела, поражала тонкостью понимания. Для этого нужно было особое совпадение обстоятельств. И когда Казико выходила на сцену, чудо с публикой совершалось

11 августа

«Умные речи и дурак поймет», как говорится. Не знаю, в этом ли разгадка, или зритель умнее, чем кажется? Если вывести его из рассосредоточенности, указать, куда смотреть, он все начинает понимать не хуже других, по — видимому. Едва появлялась на сцене Казико,

³⁹⁴ Казико Ольга Георгиевна (1900–1963) — артистка, педагог. В 1922 г. играла в Школе-студии при академическом театре драмы, в театре «Карусель», позднее — в театре «Вольная комедия» (Ленинград), в театрах Витебска, Смоленска. С 1927 г. — в труппе БДТ.

зритель преображался. Однажды сидел я в зале во время спектакля, и кто-то подшутил над фамилией Казико. И тотчас же некий человек в визитке, с пробором, до сих пор не проявлявший признаков жизни, как и подобало пажу тех лет, вдруг с яростью обрушился на обидчика. Он кричал об уважении к актрисе. О том, что Казико — хорошая, старая казачья фамилия. О культуре и об искусстве. Спутники успокаивали его, а он ворчал: «Да нет, в самом деле. Обижают молодую талантливую артистку. Есть предел... некультурности». А играла Казико в какой-то ничтожной пьеске — никак не могу ее вспомнить. Но такой победительной силой таланта и женственной прелести веяло от нее, что даже несокрушимые пажи из уцелевших и те проникались почтением к артистке. Вскоре Мачабели бежал, кабаре «Карусель» закрылось. Я не получил своих миллионов. Да они уже исчезали. Помню, как один из актеров рассказывал, что извозчик взял с него тридцать копеек, а может быть, и показывал серебряные деньги. Так и вижу — полутемный угол театра, и актер, улыбаясь недоверчиво, показывает серебряные монетки на ладони. В нэп как-то и верили, и не очень. (А может быть, это просто игра памяти. Ведь прошел с тех пор тридцать один год. Я говорю не о нэпе, а о монетках на ладони.) Впрочем, именно той весной, кажется, и был отменен двойной курс. Но дело не в этом. Они уехали, и о Казико я только слышал от случая к случаю. Окружен я был актрисами злыми.

14 августа

Продолжаю рассказывать о Казико. В двадцатые годы всё бывали у нас актрисы, полные яда, склонные произносить смертные приговоры. И ни разу не нападали на Казико. Напротив — похвалили за то, что не осталась она в Ленинграде, а уехала в провинцию, где играет с успехом таким, что и в Ленинграде об этом говорят. Однажды услышал я, что у нее роман с неким человеком. И она путешествует со своим возлюбленным по Крыму. И что-то, к моему удивлению, больно кольнуло меня. Жил я в те годы связанно, робко, а тут пахнуло на меня вдруг свободой. И явственное чувство ревности. Все тот же тесный круг привел к тому, что я познакомился с Казико. Но не близко. И каждый раз, когда я видел ее на сцене, — удивлялся и радовался. А однажды на концерте объявили, что Казико будет читать Пушкина. Я испугался, но опять — словно подарок. Она нашла общее чувство стихотворения. И не топила его выразительностью.

И вот пришла война. Казико еще в 28, кажется, году вернулась в Ленинград в Большой драматический театр. С огромным успехом выступила в «Разломе»³⁹⁵. И осталась в этом театре. И вместе с ним эвакуировалась в Киров областной, куда попали и мы. Большой драматический театр состоял из нескольких наслоений: монаховское, группа Дикого³⁹⁶, и так далее, и прочее. Друг друга они настолько презирали, что даже и не ссорились. В Кирове утонули в бытовых делах с темпераментом, воистину актерским. А Казико держалась в стороне. Это время совпало с трудным для нее актерским ощущением: она теряла уверенность в себе. Молодость уходила. Театр, чтобы поднять сборы, поставил «Трактирщицу»³⁹⁷. Казико в Мирандолине успеха не имела. Что товарищи по работе отнесли целиком на ее вину, забыв о количестве репетиций и прочих обстоятельствах. Жила она в том же актерском доме, деревянном, двухэтажном, что и мы. Таскала во второй этаж

³⁹⁵ Казико в 1927 г. в спектакле «Разлом» по пьесе Б. А. Лавренева сыграла роль Ксении (премьера — 7 ноября).

³⁹⁶ Н. Ф. Монахов был одним из основателей БДТ в 1919 г., в 1936–1937 гг. там ставил спектакли А. Д. Дикий.

³⁹⁷ «Трактирщицу» К. Гольдони поставил в БДТ во время пребывания театра в Кирове П. К. Вейсбрем (премьера — 13 января 1942 г.)

дрова вязанками, стряпала, бегала на рынок.

15 августа

Есть ощущение, знакомое каждому. Ты погасил летом свет, думаешь уснуть, но мешает сухой шорох и сухие удары о стену. Это ночная бабочка мечется по комнате. Что тебе до ее горя? Но она бьется головой о стену с непонятной для ее почти невесомого тельца силой. Ты зажигаешь свет. И она уходит к абажуру лампы под самым потолком, серая, короткокрылая. Может, это и не бабочка вовсе, а ты так и не удосужился за всю свою долгую жизнь спросить, как ее зовут. Если удастся тебе поймать ее, то так отчаянно бьется она о твои ладони и уходит так круто вниз, когда бросаешь ты ее за форточку, что так ты и не знаешь, отпустил ты ее на свободу или окончательно погубил. И некоторое время не оставляет тебя суховатое и сероватое, как само насекомое, ощущение неудачи — неведомо чьей — и собственной твоей неумелости.

16 августа

Ничего Казико не имела общего с ночной бабочкой, которую я описал. Похоже было беспокойное чувство, возникавшее во мне, когда слышал я, как третьестепенные актеры ее бранили за то, что играет она недостаточно удивительно. Или когда замечал я вдруг, как много появилось седины в ее стриженных волосах. Каждая девчонка осуждала ее за то, что не умеет Казико следить за собой, полнеет. А с мужчинами несчастна, потому что отдает им себя полностью, не рассуждая. «Вот как оно, значит, было», — подумал я и представил себе то, что в те дни сметено было со света: спокойную крымскую ночь в степи, виноградники. При ближайшем знакомстве, да еще в эвакуации, Казико оказалась еще прелестней, чем представлялась. Лишена была бабьей цепкости и хитрости. Как она открылась, так и цвела. И не считала, что мир обязан ей служить за это. И теперь начинала стареть с достоинством. Но чувство необъяснимое, но отчетливое не оставляло. Все то же чувство чьей-то вины и собственной неумелости. Она не суежилась, не билась головой, но ощущение, что и она попала в какую-то ловушку, появлялось. Иногда. Среди вятской грязи, безобразия, среди воровства чиновников и их высокомерия под ежевечернее пение солдат: «Прощай, прощай, подруга дорогая» — трудно было задумываться над судьбой женщины, хотя бы и созданной из столь драгоценного материала. А главное, она не жаловалась. Вечерами в нашем театральном доме вечно гас свет, и Казико появлялась у нас в гостях. Впереди шагала маленькая ее дочка с фонарем в руках. Словно паж. И не горечь, а радость испытывал я, услышав столь доходящий до сердца, словно тронутый, чуть — чуть расколотый ее голос. Когда я прочел ей «Одну ночь»³⁹⁸, Казико сказала: «Ну вот — все то же! Мне казалось все, что творится в Ленинграде, страшным безобразием, полной непонятностью — а в пьесе все понятно». И я согласился. Что делать. Когда переносишь явление в область искусства, приобретает оно правильность! Вот и Казико рассказал я проще.

18 августа

А по телефонной книжке вдет фамилия **Карнауховой**.³⁹⁹ Это женщина короткая, полная, с большим лицом, черными глазами и голосом то сливочным, то плачущим, в зависимости от обстоятельств.

³⁹⁸ Пьеса, написанная Шварцем в 1942 г. в Кирове и посвященная жизни Ленинграда в период блокады.

³⁹⁹ Карнаухова Ирина Валерьяновна (1901–1959) — поэтесса, писательница — прозаик, драматург, фольклорист, мастер художественного слова — исполнительница народных сказок.

19 августа

Впервые увидел я ее в 22 году, на «серапионовском» вечере⁴⁰⁰ у Тихонова⁴⁰¹, на Зверинской, 2. Там в обширной его квартире увидел я впервые гавайские куклы сдвигающимися кистями длинных рук. Увидел как-то сердитого военного без погон, отца жены Тихонова, известного географа. (Или мне говорили о нем, и я себе его отчетливо представил?) Увидел сестру жены Тихонова, наивно улыбающуюся, полную, краснощекую (а может, какую другую родню?). Там всего было много, как взберешься черным ходом высоко — высоко в их многокомнатную квартиру, так насмотришься редкостей. Начиная с хозяина, Коли. И все эти редкости никак не скрывались, а выставлялись, как и подобает редкостям. Деревянный Коля показывал себя сам, все рассказывал и хохотал от удивления деревянным хохотом, хохотал и рассказывал. Показывала себя и жена его. Много позже, уже в военные времена, Габбе⁴⁰² сказала, побывав у них, что они, муж и жена Тихоновы, похожи на две широкоэвентральные станции в эфире, забивающие друг друга. Это и тогда, в начале двадцатых годов, вполне определилось. Другие редкости показывались хозяевами. Когда «Серапионы» собирались у Слонимского⁴⁰³ или у Лунца⁴⁰⁴, характер комнаты на сборищах не отражался. Квартира Федина на Литейном вносила что-то — не в самые высказывания, а в твое самоощущение: квартира! С длинным узеньким кабинетом, с книжными полками, закрывающими стены до потолка, с бюстом Толстого на полке, с большим письменным столом у окна, глядящего во двор. За кабинетом шла столовая, где обсуждался, помню, «Трансвааль»⁴⁰⁵. В другие комнаты не попадал, да и была-то, кажется, всего одна еще. У Федина была квартира, как квартира. А у Тихонова нет. Там «Серапионовы» собрания проходили, подчиняясь невольной интересности подчеркнутой, умышленной, интересности квартиры. Вещицы, чтобы на них удивлялись. Не то чтобы у Тихонова говорили иначе, — но появлялся кто-нибудь еще, кроме «Серапионов», из недр квартиры. То энтузиасты гавайских кукол, о которых я уже говорил, а вот однажды вывели очень полную, коротконогую девушку в белом национальном испанском костюме в кружевах, и стала она читать испанские сказки собственные, или в своей обработке — не вспомню. Лицо большое, тяжелый взгляд черных глаз, тон уверенный. Так я и познакомился с Карнауховой.

20 августа

Мне приходилось встречать женщин не слишком красивых, а то и просто дурнушек, которые держались как хорошенькие, и многие им верили. Вот таким же образом прожила всю жизнь Ирина Карнаухова и хворает сейчас в нашем новом доме, где лежу и я больной. На одной со мною площадке. Происходит она из семьи интеллигентной, с причудами, что

⁴⁰⁰ Литературная группа «Серапионовы братья» устраивала вечера, посвященные чтению и обсуждению своих произведений, спорам об искусстве.

⁴⁰¹ Тихонов Николай Семенович (1896–1979) — писатель, общественный деятель.

⁴⁰² См. «Московскую телефонную книжку. Габбе Тамара Григорьевна», с. 624.

⁴⁰³ См. «Слонимский Михаил Леонидович», с. 611.

⁴⁰⁴ Лунц Лев Натанович (1901–1924) — писатель, публицист.

⁴⁰⁵ Повесть К. А. Федина (1926).

видно хотя бы по имени, отчеству ее матери: Алла Митрофановна. Сама Ирина Валериановна утверждала, что по материнской линии она внучка Глинки. Так что Маршак даже спросил ее — а разве Глинку звали Митрофан? Ирина Валериановна держалась всю жизнь не как хорошенькая — это для нее мелко, а как хорошая писательница с большим именем. И многие верят ей. Тем более, что поддерживает она эту версию с энергией, не слабеющей, как все жадно живущие, но ограниченные в своих возможностях существа, она страстная общественница., Возглавляла детскую секцию. Часто ездила по делам секции в Москву. Вела сложные переговоры с Чевычеловым. Выступала на общих собраниях. И на совещаниях. Сливочным голосом. В большинстве случаев — хорошо. С точки зрения самого ораторского искусства. Элоквенция. Многолетнее понимание собеседника, на коего надо произвести то или другое впечатление, — сказывается. С точки же зрения других искусств и взаимоотношений человеческих — разное. Если бы у Карнаухова был хозяин, то на вопрос «не кусается ли ваша Ирина Валериановна», он честно должен был бы предупредить: «Да, да, осторожнее, не надо ее гладить». При всей практичности своей и энергии она ухитряется обижать и говорить неправду и нападать чисто судорожно, как раз когда ее гладят, то есть дела ее идут хорошо. Пребывание ее на посту председателя секции и поездки в Москву укрепили ее положение в детской литературе. Книжки ее издавались и продолжают издаваться бесконечное количество раз. Но она, пока ее гладили, ухитрилась поссориться с множеством народа. Кусалась. Впрочем, голодных собратий раздражали тиражи ее книг, являющихся обработкой фольклора. Они тоже кусались при случае. Так или иначе, секция была воспалена.

21 августа

Среди членов ее возникла склока. Секция разделилась на две партии, одну из которых возглавил Н. Ф. Григорьев⁴⁰⁶, а вторую — Карнаухова. Будущий историк ничего не поймет, если не усвоит одной истины. Ее лучше всего определил мой отец, сказавший с раздражением: «Теперь в каждой парикмахерской — тайны мадридского двора». Было это сказано в тридцатых годах. И не утратило силы и до сих пор. Отголосок могучих боев в секции доносился и до Комарова, но мне удалось, как всегда, уклониться от участия в них. Есть люди, которые боятся собак, а мой главный страх в жизни — это люди. Те люди, которые кусаются. Позорно признаться, но увидев белое и огромное лицо Карнауховой, с недобрыми черными глазами, увидев кубастую ее фигуру, — принимал я тон уверенный и шутиливый, но не враждебный. Она держалась, как хорошая писательница, а я ни разу в жизни и виду не подал, что у меня имеются в этом хоть какие-нибудь сомнения. Недобрая, капризная, темная — матушки мои! Тут зашутишь. И вот она сделала с собой в союзе то, что я так презираю по слабости своей. Она поставила себя. Она сумела себя поставить. Правда, когда это делается только при помощи личной энергии, а другого фундамента не имеется, то вся подобная постановка оказывается непрочной. Неужели ничего хорошего я о ней не могу рассказать? Как будто хорошо работала она в эвакуации в нашем детском лагере в деревне Черная. Точнее — ничего худого я не слышал о ее работе там. Очень славная у нее дочка. Простая, пухлая, наивная, с огромными глазищами. Учится, бедная, в Театральном институте, на искусствоведческом отделении. Впрочем, недавно мне кто-то жаловался, что дома она командует, что мать ее ужасно избаловала, — и я, услышав это, стал относиться к Ирине Валериановне мягче.

Следующая фамилия — **Кетлинская Вера Казимировна. Познакомились** ⁴⁰⁷ **мы** **году в тридцатом, когда** детский отдел Госиздата кончился и мы стали работниками

⁴⁰⁶ Григорьев Николай Федорович (1896–1985) — писатель, редактор журнала «Костер» (1956–1957).

⁴⁰⁷ Кетлинская Вера Казимировна (1906–1976) — писательница. Автор воспоминаний о Шварце.

«Молодой гвардии», если я не путаю. Время, во всяком случае, наступило новое. «Еж» реконструировался, и Кетлинская была назначена **туда** не то **редактором**, не то введена в редколлегию. И мы поехали по школам⁴⁰⁸.

22 августа

Решено было приблизить журнал к задачам педагогики сегодняшнего дня, чем от времени до времени, в моменты своих реформ и реконструкций, занимаются все наши детские журналы. Я много лет не бывал в школе в часы занятий. И напонила мне она сумасшедший дом. Для меня это было настоящим открытием. Раздался звонок, и в коридоры школьного здания вывалились школьники, умышленно создавая давку в дверях. Девочек не помню. Всѣ заняли во всю свою силу галдящие мальчики, стриженные, с излишне большими затылками, с нездоровым цветом лица. Они то и дело схватывались, словно желая подраться, и так же внезапно разбегались в разные стороны. И при этом не казались веселыми. Это был этаж, занятый младшими классами. И запах в нем стоял не то как в зверинце, не то как в больнице. Ничего нового я не увидел, все было знакомо с детства. Не так уж давно и сам я вылетал на перемену с жаждой двигаться, кричать, стукнуть, двинуть. Я только понял то, чего не понимал тогда. И еще одно: рост человека похож на затяжную болезнь. И еще: мальчики не личности, а личинки. Ошеломленные шумом, прошли мы в учительскую, где беседовали с директором. Мы попросили познакомить нас с ребятами младших классов, особенно недисциплинированными.

23 августа

Директор, всем своим видом, показывая, что ни с чем он не согласен, но повинуетя, пошел, словно повар в живорыбный садок, вылавливать заказанную породу рыбы. Мы ждали в каком-то из кабинетов, с длинными столами — методическом, что ли. После довольно долгого ожидания раздался визг и свист, и в дверь вломились мальчики все такие же — с большими затылками и тонкими шеями. Иные бежали на четвереньках. Это и были главные бузотеры, сразу проведавшие, зачем их собрали вместе. И ничуть этим не смущенные. Напротив. Набралось их с дюжину. Разговаривая с ними, убедился я еще раз, что бузить никак этим бузотерам не весело. Плохое поведение словно бы одолело их и не отпускало. Всѣ эти ребята отлично понимали, но от понимания до действия лежала у них пропасть еще большая, чем у взрослых. Ушел я из школы несколько обескураженный тем, что припомнил, увидел и понял. Ясно, что дело заключалось в воле этих ребят. Они могли связать две-три мысли, но действия их были бессвязны, что мучило самих бузотеров. Следовательно, дело шло о воспитании воли. Кетлинская разговаривала с педагогами и ребятами спокойно, вполне веря в значительность журнала «Еж», в комплексный метод как единственно правильный, обвиняя мягко, но спокойно и уверенно директора в том, что он недоучел воспитательную роль пионерской организации. И при первом же знакомстве нельзя было не заметить одной особенности Веры Казимировны: она и в самом деле верила во все это. Всем существом. Без всяких подмигиваний в сторону — дескать, мы сами понимаем, да приходится. На пути в издательство в трамвае рассказывала Вера Казимировна о себе, и я убедился, что и в себя она верит так же степенно и достойно, как в свою общественную деятельность. Несмотря на свой возраст, выпустила уже Вера Казимировна книжку, название которой забыл⁴⁰⁹. И в книжке этой — я прочел ее вскоре — она рассказывала о девушке, которую обидели. Рассказывала уж больно просто

⁴⁰⁸ В 1931 г. Шварц был заведующим редакцией журнала «Еж».

⁴⁰⁹ Говорится о первом художественном произведении Кетлинской — повести «Натка Мичурина» (1928).

24 августа

Но с полной верой в значительность рассказываемого. В «Молодой гвардии» я с удивлением убедился, что молодежь, в отличие от школьного возраста детей, схватывается не на шутку. Такая склока стояла в «Молодой гвардии», что просто клочья летели. Ощущения сумасшедшего дома, которое поразило меня в школе, не было. Редактора схватывались и дрались на разумных основаниях. У каждого была своя идея. Как вести дело, уверенность и возрастное неумение уважать кого бы то ни было, кроме самых высоких личностей. Друг друга — то они уж во всяком случае не считали за людей. Кетлинской в подобных склоках доставалось особенно жестоко. Вероятно, несокрушимая последовательность ее веры раздражала товарищей по работе. Больше всего любили ее бить, вытаскивая из мрака прошлых лет биографию ее отца, бывшего царского адмирала, перешедшего в Красную Армию и убитого в Архангельске на улице. Убийца же скрылся. Когда я познакомился с Кетлинской, было общеизвестно, что убит адмирал белыми. Но вот дела Кетлинской ухудшались, склока обострялась. И на свет в чаду и пламени рождалась темная и неясная, но упорная история: отец Кетлинской убит красными. Почему воспитывалась она на счет государства, а мать получила пенсию и продолжала получать, несмотря на новую версию, — оставалось неясным. С Кетлинской в первые годы нашего знакомства отношения были благожелательно — равнодушные. Но мне скорее нравились последовательность ее поведения и бодрость — тоже вытекающие из цельности мировоззрения. Когда ушел я из «Молодой гвардии» в 31 году, то встречались мы от случая к случаю. Но все так же благожелательно. Как — то я даже был у нее в гостях, в тот период, когда была она замужем за художником Кибриком⁴¹⁰. Жили они в надстройке, окнами на Перовскую. Кибрик попросил меня постоять неподвижно, поднявши кулаки. Он иллюстрировал «Кола Брюньона»⁴¹¹, и я ему немножко попозировал для фигуры монаха. Все в доме дышало верой в то, что жизнь идет, как должно. В гостях бывали актеры.

25 августа

Философствовал Федор Михайлович Никитин⁴¹². Вывод из его философских построений всегда был тот, что трудно играть хорошо, когда коллективом и руководством не поняты со всей тонкостью ряды этически-политически — эстетических построений, ему, Никитину, абсолютно ясных. Глядя вам в лицо своими большими, небесно — голубыми глазами, он силился быть понятным, но понятным было одно, что он чувствует себя обиженным. Этот человек, высокий, с благодарной наружностью и странным выражением лица, был одаренным актером. Губил он себя воспаленным самолюбием, которое прятал за бесконечными рассуждениями. Каждая неудача на репетиции, каждое замечание режиссера вызывали пароксизмы философски — теоретического красноречия. В гостях он философствовал добродушнее, чем в театре. Голубые напряженные глаза его сияли. Тон держал он мхатовски правдивый. Мхатовские заминки посреди речи подчеркивали театральность его простоты. «Искусство должно быть...» — заминка, пощелкивание пальцами, мычание, мигание, муки поисков точного слова и, наконец, рождение его, открытие: «Искусство должно быть... правдивым, ну, честное слово, товарищи, это так,

⁴¹⁰ Кибрик Евгений Адольфович (1906–1978) — художник.

⁴¹¹ Повесть Р. Роллана (1914). Е. А. Кибрик иллюстрировал ее для издания в переводе М. Л. Лозинского (Л., 1935).

⁴¹² Никитин Федор Михайлович (1900–1988) — артист театра и кино.

поверьте мне». И Вера Казимировна верила ему. В мире, который она создала, холодноватом, простом, лишенном сумерек, фантастическом, но строго последовательном, — Никитин назывался так: «умный актер». Все было просто, ясно, отчетливо, как аппликации, в мире, созданном Кетлинской. Муж — художник. Гости — умные актеры Коковкин⁴¹³, Никитин и другие. Партийная работа. Писательство. Но мир подлинный бесстрастно разрушил ее домик. Взял да и ушел муж, такой простой, такой медведь. Сообщил ей, что полюбил другую, и попросил понять его. Пришли темные и трагические времена в партийной жизни, и появилась вызванная вечными ее врагами тень несчастного ее отца. Но, встречаясь с ней, каждый раз любовался я на ее выдержку. Ни жалобы. Голос звучит с обычным спокойствием. И врагам не удалось справиться с нею. И к 41 году занимала Кетлинская в союзе место вполне отчетливое. Состояла в правлении, в секретариате, выходили ее книги.

26 августа

И вышло так, что когда грянула война, Кетлинская оказалась первым секретарем союза. И вышло так, что я, Рахманов⁴¹⁴, Орлов⁴¹⁵ и Женя Рысс встречались с ней каждый день и как раз по вопросам руководства. Жила она, как я рассказывал уже, в надстройке. Ее мать и грудной сынишка, родившийся тоже в нарушение законов созданного ею мира, переселились в бомбоубежище. Мальчик заболел воспалением легких, Катюша ставила ему банки. Мы постоянно встречались на дежурстве. В самые трудные времена видел я Кетлинскую и на работе, и в быту. И должен заявить со всей ответственностью, рад заявить, что оказалась она человеком вполне достойным. И все мы четверо — и я, и Рахманов, и Орлов, и Рысс — сохранили к Кетлинской с тех пор до наших дней вполне дружеские отношения. Тогда как другие члены союза, стоявшие от нее дальше, прониклись к ней самой искренней и прочной ненавистью, тоже сохранившейся в неприкосновенности и чистоте до сего дня. И ее упорно не хотят выбирать в правление, что доказано и на последних предсъездовских выборах. В чем же дело? А все в том же. Вера Казимировна с полной верой и с полной последовательностью проводила ту линию, которую ей указывали. Не подмигивая и не показывая большим пальцем через плечо: дескать, не я виновата, а высшие силы, мной руководящие. Она брала всю тяжесть в эти тяжелые времена на свои плечи. Распоряжалась и приказывала от своего имени. Ни на миг не позволяя себе усомниться в правильности приказов, которые отдавала от своего имени и от всего сердца. Вот этого ей и не могут простить. И в самом деле — на кого же сердиться? Не на горком же тогдашнего состава. Кетлинская до сих пор вызывает сильнейшее раздражение даже среди людей вполне порядочных. Она для них олицетворяет голод, холод, блокаду, чувство беспомощности твоей и бесполезности. Она — тот Ванька, которому в трудные времена крутили локти и вели сбрасывать с раската. По решению Кетлинской союз вел творческую работу. Пытался существовать в вымышленном мире. Вот назначается собрание правления с активом для обсуждения «Звезды».

27 августа

Все пытались держаться как ни в чем не бывало на этом собрании, что было так же непросто, как сидеть под проливным дождем, не придавая ему значения. Придавай не

⁴¹³ Коковкин Борис Сергеевич (1911–1985) — артист.

⁴¹⁴ См. «Рахманов Леонид Николаевич», с. 609.

⁴¹⁵ См. «Орлов Владимир Николаевич», с. 605.

придавай, промокнешь насквозь. Мы были погружены в войну, и всякие попытки обсуждать очередной номер «Звезды» как ни в чем не бывало являлись притворством. Но есть инерция заседания, которой нельзя не подчиняться. Председатель председательствовал, предоставлял слово очередному оратору, оратор ораторствовал, его слушали и не слушали, но вот завывала сирена — и наступил вынужденный перерыв. Нам предложили спуститься в бомбоубежище, а попросту говоря, в гардеробную Дома писателей в полуподвале. И на лестнице остановил меня Голлербах⁴¹⁶. Это был большеголовый человек, коротко остриженный, с кирпичным румянцем на больших щеках, с выражением лица спокойным, даже излишне спокойным, словно сонным. По специальности искусствовед, близкий, кажется, в юности своей к «Миру искусства». Хорошо знал Розанова⁴¹⁷. Лично знал. В двадцатых годах выпустил о нем книжку воспоминаний. Книжечку в синем переплете в одном из уцелевших частных издательств с именем таинственным и многозначительным. Вроде «Центрифуга» или «Гептахор». А может быть, «Алконост»⁴¹⁸. Еще за неделю до этого заседания о «Звезде» встретились мы с Голлербахом на площадке трамвая. Девушки в прозодежде вели на тросах слабонадутый длинный аэростат воздушного заграждения. И Голлербах, улыбнувшись, заметил: «Розанов непременно сказал бы, что это фаллический символ». Когда заговорил Голлербах со мной на лестнице в союзе, и тени улыбки не было на его большом излишне серьезном лице. Он начал с того, что насколько он мог заметить, я отношусь к нему, Голлербаху, благожелательно. И поэтому он умоляет открыть ему правду — что значит, чем вызвана враждебная атмосфера, образовавшаяся вокруг него. Люди замолкают, когда он проходит мимо, или начинают шептаться, поглядывая на него. Сегодня, например, при обсуждении «Звезды», никто не говорил о его статье.

28 августа

Чем дольше говорил Голлербах, тем сильнее овладевал мною особого качества страх. Тот, что овладевает при виде змеи или скорпиона. Я увидел за привычной и знакомой маской душевную болезнь. Настоящую манию преследования, отравившую ядом несчастного искусствоведа. Я попробовал разубедить его. Напрасно. Голлербах, не глядя на меня, со страстным упорством стоял на своем. И я попробовал, наконец, призвать на помощь самую войну. «Неужели вы можете думать о таких пустяках, когда кругом творятся вещи и в самом деле ужасные!» — «Какие?» — спросил Голлербах с ужасом, впервые подняв на меня глаза. — «Война. Блокада. Бомбежки. Голод». — «Ах, это! — вяло протянул Голлербах. — Я был бы счастлив, если бы это производило на меня впечатление». И тут я убедился, что мир вымышленный может оказаться куда более ощутимым чем существующий. Правда, в данном случае действовала энергия безумия. Но и здоровое сознание, при достаточно сильной воле, при многолетней привычке оказывалось не менее энергичным. Мир, созданный Кетлинской, не поддавался войне. Не Вера Казимировна придумала слово «дистрофия», например. Но могла бы придумать. Именно с помощью таких легких изменений имен и мог существовать ее дневной, без признака теней, мир. Назови голодающего дистрофиком — и уже все пристойно. Принимает даже научный характер. Холод и грязь — «трудности». Смерти нет. Есть «потери». Но при всем при том Вера Казимировна неустанно хлопотала об облегчении писательской участи. Хлопотала так,

⁴¹⁶ Голлербах Эрих Федорович (1895–1942) — литературовед, искусствовед.

⁴¹⁷ Розанов Василий Васильевич (1856–1919) — религиозный философ, литературный критик и публицист.

⁴¹⁸ Имеется в виду книга Э. Ф. Голлербаха «В. В. Розанов. Жизнь и творчество», последняя глава которой представляет собой воспоминания Голлербаха о Розанове, цитируются письма Розанова к Голлербаху (Пг., «Полярная звезда», 1922).

словно бы дистрофия была не лучше голода. Если поначалу ей удавалось сделать немного, — то виною тяжелые времена. И те, кто думает, что для себя она еду добывала, находятся до сих пор во власти своих рожденных в голоде и холоде представлений. Кетлинская очень любила свою мать, маленькую черноглазую старушку, всегда в шарфе, чалмой завязанном на голове, всегда светски оживленную. И никто не хочет вспомнить, что умерла она, бедняга, от дистрофии. А Вера Казимировна делила с матерью последний кусок. В 42 году вышла Вера Казимировна замуж. Зонин⁴¹⁹, ее муж, был человек с ярким лицом.

29 августа

Седыми волосами. Храбрый на войне, как рассказывали очевидцы. И при этом тяжело изуродованный психически, как это смутно угадывалось. Его первая жена расстреляна была за участие в оппозиции. Если в те времена отделался он только исключением из партии, сохранив свободу и орден Красного Знамени, — то, значит, перетряхнули его до самого доньшка. И невозможно было угадать, где в его душе лицо, а где изнанка. Отпраздновали они свою свадьбу так: каждый из гостей принес кроху своего пайка. Но в союзе даже хорошие люди, оставаясь во власти темных своих представлений, рассказывают до сих пор о пире, который закатали Кетлинская, когда люди кругом гибли с голоду. И вот война отошла, наконец, в прошлое. Я заходил как-то в новую квартиру Кетлинской. Зонин устроил свою комнату на морской лад, с андреевским флагом. Яркая получилась комната и странная, господь с ней. Беспокойная. А время пришло после войны немирное. И должен сказать, что Кетлинская держалась храбро. На заседании в Смольном, том самом, что было посвящено журналам «Звезда» и «Ленинград», выступила Кетлинская едва ли не единственная с вполне трезвым словом, где заступилась за Берггольц. А враги ее, как всегда оживающие в трудные для союза времена, зашевелились. Снова появилась тень отца. Один из самых свирепых ораторов наших кричал тогдашнему секретарю Дементьеву⁴²⁰: «Ты хочешь въехать в коммунизм верхом на адмиральской дочери!» И вдруг, к величайшему их огорчению, получила Вера Казимировна Сталинскую премию⁴²¹. Жила она все так же спокойно, достойно. Писала. Вела семью, которая выросла. У нее родился сын от Зонина, темноглазый, нежный, необыкновенно трогательный. Однажды он зашел к нам, когда было ему лет пять. Был он бледен. И все ежился, все зевал. Оказывается, утром околел у них котенок, и мальчик все не мог до самого вечера прийти в себя. Просто заболел. Старший, Сережа, в те годы казался куда более простым. Здоровенный. Только над лбом — седая прядь. Словно в воспоминание о днях блокады, когда рос он в бомбоубежище. Старший сын Зонина от первого брака был курсантом.

30 августа

В каком-то военном училище. В морском. И этот мальчик — впрочем, жених уже — был на попечении Веры Казимировны. Все казалось в семье ясно, лишено теней и углов, несмотря на комнату с андреевским флагом и ее хозяина с ярким лицом, и белыми волосами, и обезумевшей душой. И вдруг, как это случалось в те немирные, послевоенные годы, — Зонин исчез. Взяли. Я не знаю, что пережила Вера Казимировна, когда ветер и дождь ворвались вдруг в ее мир, стены исчезли, исчезла крыша. Пронесся смутный слух, что она собирается в Москву, в ЦК заявить, что она не верит, да, не верит в виновность своего мужа.

⁴¹⁹ Зонин Александр Ильич (1901–1962) — писатель, критик.

⁴²⁰ Дементьев Александр Григорьевич (1904–1986) — критик, литературовед.

⁴²¹ Кетлинская получила Государственную премию за роман «В осаде» в 1948 г.

Но не успела. Ее вызвали куда-то. И объяснили, какой нехороший человек Зонин. И Вера Казимировна уверовала в это свято, без малейшего притворства, и стены мира ее и его своды воздвиглись из хаоса. Она пожаловалась друзьям, что Зонин скрыл от нее ряд фактов из своего прошлого. И отказалась от него со свойственной ей железной последовательностью. И не пошла к нему на свидание, когда его высылали. А времена делались все более мутными. Я говорю о Союзе писателей. Но Кетлинская с вызывающей уважение храбростью занимала позицию вполне ясную. Она одна решилась выступить на общем собрании прямо против скопившейся в союзном воздухе мути, указывая на могучих и мстительных виновников этой мути. Спокойно, достойно, степенно говорила она, и ни один человек не осмелился возразить ей по существу. И речь ее признали даже вечные враги ее. И на съезде выступала она ясно, смело, последовательно, открыто. Вера — великая и очищающая сила. Кетлинская жила в мире, сознательно упрощенном, отворачиваясь от фактов, закрывая то один, то другой глаз, подвешивалась за ногу к потолку, становилась на стол, чтобы видеть только то, что должно, но веровала, веровала с той энергией, что дается не всякому безумцу. И снова она писала, вела общественную работу. Построила себе дачу в Комарове, что далеко не просто. Мальчики подросли. Володя с годами не потерял своей прелести, мягкости

31 августа

Сережа изменился — и изменился странно: он словно бы раздобрел, но как-то неладно, чуть по — бабьи, — он, здоровенный мужик, пока не овладели им превратности переходного возраста. Это, видимо, так и называлось дома — болезнь роста. Мир и покой не могло нарушить осложнение столь второстепенное. Но времена менялись. И Зонина вдруг освободили. Мы притихли в ожидании. Освобожден был Зонин по болезни. По акту о состоянии здоровья. Таких называли по установившейся терминологии — активированными, в отличие от реабилитированных. Примет его Кетлинская? Ведь не пересмотрено его дело! Сам Зонин не верил, видимо, в это. Когда, освобождая, предложили ему выбрать город, он назвал Новгород. Но усложнился мир, созданный Кетлинской, изменила она, слава тебе, господи, железной своей последовательности. Забыла она о том, что скрыл Зонин от нее нечто неслыханно преступное в своем прошлом. Приняла она его, приняла! И рассказывает при встрече о его здоровье. И хлопочет вместе с ним о пересмотре дела. Усложнился ли ее мир, смягчил простоту своих законов, или мир вокруг нее изменился — все хорошо! А он, Зонин, появился среди нас все такой же. Лицо яркое, волосы густые, седые. В Доме творчества жаловался он в безумии своем, что попал в плохой концлагерь: все шпионы да антисоветские люди — процентов пять невинно осужденных. А сейчас живет он на даче у Кетлинской. А она пишет, ведет свою выросшую семью, поместила недавно в «Литературной газете» большую статью о романе на производственные темы⁴²², и, встречаясь, я разговариваю с ней дружески и с уважением⁴²³.

⁴²² 26 июля 1955 г. в «Литературной газете» была напечатана статья Кетлинской «Человек и его дело».

⁴²³ В архиве Шварца сохранилось письмо Кетлинской от 17 мая 1942 г., в котором она пишет о жизни литературного Ленинграда, пишет дружески, тепло и с уважением. Приводим отрывки из ее письма, позволяющие живее ощутить обстановку Ленинграда 1942 г. и настрой самой Кетлинской:

Дорогой Евгений Львович, не думайте, что я так быстро забыла вашу светлую улыбку, освещавшую одичалые союзные пейзажи, или что я вас — чуть вы удалились — причислила к лицу тех эвакуантов, имена коих ни у меня, ни у вас не вызывали восхищения. Просто время было очень тяжелое и хлопотное, в союзе было некогда писать и холодно, а дома и холодно, и темно. Так что ответ на ваше письмо пришлось приурочить к весеннему теплу.

Рассказать о том, что пережили за последние 4–5 месяцев — не расскажешь. Вы, конечно, слышали многое. У нас было немало жертв. Я потеряла маму и тетю. Временами все это казалось каким-то приснившимся в недобрый час кошмаром, но дух живучее тела, а если тело привыкло подчиняться духу — все уже выносимо, даже невыносимое.

На днях я прочитала в газете, что лишения ленинградской осады были таковы, что перед ними бледнеют все

1 сентября

Каверин Вениамин Александрович,⁴²⁴ — один из первых моих ленинградских знакомых. После Слонимского и Лунца или одновременно с ними. Встретился я с ним у «Серапионовых братьев». И сколько я его помню, был он с людьми даже несколько наивно приветлив, ожидая от них интересного. От ученых — что расскажут они что-нибудь научное, от меня, актера, — чего-нибудь актерского. Но тогда же, вскоре, почувствовал я, что и ученых, и актеров видит он, как через цветное стекло, через литературное о них представление. Из «Серапионовых братьев» был он больше всех литератор. Больше даже, чем Федин, которого все-таки судьба пошвыряла до того, как попал он в свой длинный и узенький кабинет с книжными полками. Правда, и Федин продолжал смотреть на мир через цветные стекла, только некоторые из них потеряли окраску, так что он кое-что иной раз видел непосредственно. Когда встретил я Каверина в первый раз, ходил он еще в гимназической тужурке с поясом. Был студентом университета и Института восточных языков. Кончал филологический и арабское отделение⁴²⁵. Тут я, может быть, не совсем

когда-либо бывавшие осады от Трои до наших дней. И я искренно удивилась — неужели? Значит, уж не так страшно было самое страшное в истории! Потом стала перебирать в памяти все пережитое — вышло, что не так уж легко. Но сейчас стало тепло и сравнительно очень сытно, все повеселели, и мы начали проводить массовую работу под лозунгом: «Товарищ, опусти воротник!» Есть у нас такие люди, которые все еще ходят с поднятым воротником, грязные и голодные по инерции, оттого, что не заметили, как наступила перемена. [...] А все-таки в самые тяжелые дни ежедневно были литпередачи по радио, и люди писали стихи, рассказы, романы. Лучшее из стихов написано Берггольц и Верой Инбер, у Ольги поэма «Февральский дневник» очень хороша и может быть приложена к истории осады как документ о душевной жизни ленинградцев. В прозе пишут в Ленинграде многие, но законченных вещей еще нет. [...] С начала апреля мы начали проводить выездные заседания правления на фронте, в армиях, — моя информация о Ленинграде и работе писателей, а затем писатели — фронтовики рассказывают о себе и — главное — читают свои вещи — очень интересно получалось. [...]

Недавно, греясь у буржуйки в моем кабинете, мы рисовали картины послевоенной жизни. И представили себе, как возвращаются Козаков, Слонимский и прочие и возмущаются, «что здесь без нас было? Водопровод лопнул, стекла выбиты, канализация не работает, что делала Кетлинская?!»

Вас я прошу меня извинить — не доглядела, снаряд попал прямо в вашу квартиру. Не знаю, чем загладить эту свою нераспорядительность. В союзе у нас позавчера вылетели все стекла, очень сильный был обстрел нашей улицы, один снарядик залепил в стенку дома во дворе в флигеле. Мой кабинет сейчас открыт всем ветрам. [...]

На смену стационару, который откармливал по 20 писателей одновременно в течение 3 месяцев, мы открыли (в помещении горкома и «Звезды») комнату творчества и комнату творческих встреч, в последней два — три раза в неделю происходят литературные вечера — читки, обсуждения. Начали устраивать и военные лекции. В общем — весна.

И вы пожаловаться на меня не можете — не писала, не писала, а потом написала столько, что и не прочитать за один раз.

Как вы живете? Поправилась ли Екатерина Ивановна? Не тянет ли вас снова к вашему пожарному ремеслу? Вспоминая осенние месяцы, я всегда чувствую себя в долгу перед вами за стояние на крыше — я-то ведь не стояла! Если бы вас не доконала эта крыша, вы бы, наверно, и сейчас ходили среди нас ясным солнышком.

Ну, теперь уж не так долго ждать, увидимся — наверно обрадуемся.

Сердечный привет вам обоим

Вера Кетлинская

По — женски не могу обойтись без приписки на полях — у нас возрождаются все журналы, в июне будут печататься и книги. Что у Вас есть, присылайте в редакцию любого журнала или прямо в союз, а мы пристроим, куда лучше. (РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 173, л. 1–4 об.)

⁴²⁴ Каверин Вениамин Александрович (1902–1989) — писатель.

⁴²⁵ Каверин окончил Институт восточных языков (1923) и историко — филологический факультет Ленинградского университета (1924).

точен — уверен я только в арабском отделении. Но с филологическим он был связан, писал о Бароне Брамбеусе и издал о нем целую книжку ⁴²⁶. Дело не в том, кончил он филологический или нет, а в том, что духовно был он с ним связан не меньше, чем с «серапионами» и вообще с писательской средой, а больше. И к литературе подходил он через литературоведение. И то, что прочел, было для него материалом, а то, что увидел, — не было. Точнее, вне традиции, вне ощущения формального он смотрел, но не видел. В те дни — был рассвет формализма. Каверин был близок к Тынянову, самому из них прельстительному и прелестному. Все «серапионы» любили говорить об острашении, обрамлении, нанизывании, и только один, пожалуй, Каверин принял эти законы органично, всем сердцем. Он веровал, что можно сесть за стол и выбрать форму для очередной работы. Он в те дни вряд ли подозревал о законе, определяющем твою работу: «Человек предполагает, а Бог располагает». И платился.

2 сентября

Но, страдая за свою веру, и тени сомнения не испытывал. Вся его судьба, его вера и личная жизнь — все шло прямо и последовательно. Жизнь в бесконечном разнообразии своем захотела показать, что способна создавать и такие благополучные судьбы. После 29 года знакомство наше по ряду обстоятельств стало гораздо ближе. Каверин женат был на сестре Тынянова — Лидочке, а Тынянов на сестре Каверина — Елене Александровне. Невозможно рассказывать о близких знакомых. Они так неожиданно и близко росли в твою жизнь, что писать точно почти невозможно, как делать автопортрет с собственного затылка, пользуясь одним зеркалом. И богатство знаний тебя сбивает с толку. Все не похоже рядом с тем, что ты знаешь. Вот написал я: Лидочка — а как мне передать привычное, немолодое, много раз проверенное представление о много лет сопутствующем нам существе? Чем определить и доказать то, что не требует доказательства, слишком уж известно? Увидел я ее в начале двадцатых годов, когда какое-то серапионовское собрание проходило у них дома, на углу Введенской и Большого. С удивлением увидел я, что дом у Каверина, у мальчика в гимназической тужурке, еще больше налажен, чем у Федина. Настоящая квартира, с мебелью, внушающей уважение. Настоящая чистота, та самая, что зависит только от хозяйки дома. И тут я познакомился с ней, с хозяйкой, с Лидочкой. Бледная, темноволосая, маленькая, как все Тыняновы, она все помалкивала да поглядывала. И позже узнал я, не без удовольствия, что она, когда смотрела, — видела. У нее был дар, рассказывая, передать то, что заметила, очень похоже и весело. Веня мог рассказать интересно о Лобачевском ⁴²⁷, о котором собирал материалы, а то, что у него творилось под носом, решительно не видел. И Лидочка еще поставила дом так, что совсем освободила Веню от бытовых мелочей. Он, например, в начале тридцатых годов, чуть не через год после того, как масло исчезло из продажи, спросил, к нашему удовольствию, правда ли, что с маслом теперь какие-то затруднения?

3 сентября

В тридцать третьем году мы жили на одной даче с Кавериными, в Сестрорецке. Лидочка была беременна, но все так же спокойно и весело легкой рукой вела дом и никому не позволяла беспокоиться о себе, о своем здоровье. Беспокоился Веня. Вот он выходит,

⁴²⁶ Историко — литературная работа «Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения» была издана в 1929 г.

⁴²⁷ Лобачевский Николай Иванович (1792–1856) — математик, в 1827–1846 гг. — ректор Казанского университета.

поработав положенное время, в сад и бродит по дорожке, откашливаясь, держась рукою за кадык. «Ты что?» — «У меня странное чувство в горле. Не могу решить — ехать мне на велосипеде или нет». Однажды приехали к нам Хармс, Олейников и Заболоцкий. Пошли бродить.

Легли под каким-то дубом, недалеко от насыпи, что вела к пляжу. Погода была не хорошая, не плохая. На душе у меня было неладно, как всегда в те годы в присутствии Олейникова, при несчастной моей уязвимости. А Николай Макарович был всем недоволен. И погодой, и нашей дачей, и дубом, и природой сестрорецкой, — он еще медленнее, чем я, привыкал к северу. И все мы были огорчены еще полным безденежьем. Хорошо было бы выпить, но денег не было начисто. Потом Хармс, лежа на траве, прочел по моей просьбе стихотворение: «Бог проснулся, Отпер глаз, Взял песчинку, Бросил в нас». Я любил это его стихотворение. На некоторое время стало полегче, в беспорядок не плохой, не хорошей погоды, лысых окрестностей вошло подобие правильности. И без водки. Но скоро рассеялось. Вяло поговорили о литературе. И стали обсуждать (когда окончательно исчезло подобие правильности), где добыть денег. Я у Каверина был кругом в долгу. А никто из гостей — не хотел просить. Стеснялись. Пошлелись к нам в сад, под яблоню, которую в то лето до последнего листика, почему-то объели черви. Сели за столик на одной ножке, вкопанный в землю. Скоро за стеклами террасы показался Каверин. Он обрадовался гостям. Он уважал их (в особенности Заболоцкого, которого стихи знал лучше других) как интересных писателей, ищущих новую форму, как и сам Каверин. А они не искали новой формы. Они не могли писать иначе, чем пишут. Хармс говорил: хочу писать так, чтобы было чисто. У них было отвращение ко всему, что стало литературой. Они были гении, как сами говорили, шутя. И не очень шутя.

4 сентября

Во всяком случае, именно возле них я понял, что гениальность — не степень одаренности, или не только степень одаренности, а особый склад всего существа. Для них, моих злейших друзей тех лет, прежде всего просто — на просто не существовало тех законов, в которые свято верил Каверин. Они знали эти законы, понимали их много органичнее, чем он, — и именно поэтому, по крайней правдивости своей, не могли принять. Для них это была литература. Недавно, разговаривая с Шостаковичем, любовался я знакомой особой правдивостью и простотой его. Да, люди этого склада просты, и пишут просто, и кажутся непонятными потому только, что законы, общепринятые для того, что они хотят сказать, непригодны. Пользуясь ими, они лгали бы. Они правдивы прежде всего, сами того не сознавая, удивляясь, когда их не понимают. И невыносима им ложь и в человеческих отношениях. Судьба их, в большинстве случаев, трагична. И возле прямой — прямой асфальтированной Вениной дорожки смотреть на них было странно. Не помню, дали нам водки или нет. Помню только, что смотрели гости на него, на Каверина, без осуждения, как на представителя другого вида, с которым и счетов у них не может быть. А как сам он смотрел на себя? Однажды, тем же летом, гуляли мы втроем — я, он и Миша Слонимский. И заспорили они, Веня и Миша, не помню уж, по какому поводу. У них были свои серапионовские юношеские свары и счета, причины которых уже и сами они не помнили, но следствие которых сохранилось до наших дней. И Веня вдруг, несмотря на несокрушимое свое добродушие, сказал с раздражением: «Да, я верю в свой талант, и ты в него не можешь не верить». Каждое утро на даче ли, в городе ли садился Каверин за стол и работал положенное время. И так всю жизнь. И вот постепенно, постепенно «литература» стала подчиняться ему, стала пластичной. Прошло несколько лет, и мы увидели ясно, что лучшее в каверинском существе — добродушие, уважение к человеческой работе, наивность мальчишеская, с мальчишеской любовью к приключениям и подвигам — начинает проникать на страницы его книг.

5 сентября

У Тихонова и у Слонимского процесс развивался в обратном направлении. Многие удивились бы, прочтя Мишин рассказ «Варшава», которым он начался⁴²⁸, — до такой степени далек он от его последних вещей и похож на автора. Тогда как последний роман, продолжение «Инженеров» — ни на что не похож⁴²⁹. В «Дороге» Тихонова⁴³⁰ видна его деревянная, необструганная хохочущая фигура. А в последних стихах — и этого не обнаружишь. Обтесался. Читатели почувствовали преображение Каверина. Мальчик в гимназической курточке, сохраняя свои литературные пристрастия, заговорил с читателями по — человечески. Особенно удалось ему это в «Двух капитанах»⁴³¹. Вот сколько, оказывается, дорог ведет к тому самому сочувствию, что дается как благодать. Даже такая благополучная и асфальтированная самой судьбой дорога, что досталась Вене. «Два капитана» имеют прочный, органический, на вполне благородных чувствах основанный успех. И Заболоцкий, единственный оставшийся в живых из трех гостей, приехавших в 33 году к нам на дачу, дружит с Кавериним совсем как с человеком одного с ним измерения. Каверин оказался верным и смелым другом в трудные минуты. Довольно хвалить, а то на портрете получается редкой красоты юноша в гимназической форме. Веня занят собой с наивностью обезоруживающей. Если он приезжает из Москвы один, то, значит, ничего не сумеет рассказать, надо ждать Лидочку. Он вечно говорил о своем здоровье и оказался прав: во время войны в Москве увезли его в «скорой помощи» в больницу. Внутреннее кровоизлияние. Оказалось, что у него давняя язва желудка. Было о чем говорить, что предчувствовать. Нет, трудно мне его ругать после стольких лет жизни в одном кругу. Я давно еще сделал открытие, что великие люди — одно, а близкие — другое. За другое их любишь. За то, что у них такое знакомое лицо. За то, что радуются они, услышав твой голос по телефону. За то, что сочувствуют тебе в трудные дни не отвлеченно, а словно бы беда случилась с ними самими. И за то, наконец, что на все это отвечаешь ты им тем же самым.

6 сентября

Казмичев М. М. ⁴³² — телефон записан московский, а познакомился я с этим ленинградцем в Сталинабаде. Зашел я к нему в маленькую комнатку, где лежал он на узенькой девичьей кровати, сраженный очередным припадком своей бронхоэктазии. Небольшой, слабенький, лицо — желто — серое, взгляд терпеливый, а вместе с тем — недоверчивый. Но с течением времени выражение его смягчилось, мы познакомились. Я был у него по делам театра, когда увидел Казмичева впервые. Он переводил для «Комедии» кого-то из испанцев⁴³³. Он был поэт и переводчик. Переводчицей и поэтессой оказалась и

⁴²⁸ Рассказ «Варшава» вошел в ранний сборник Слонимского «Шестой стрелковый» (1922).

⁴²⁹ Имеется в виду второй роман трилогии Слонимского «Друзья» (1951, 1954), последний роман трилогии «Ровесники века» вышел после смерти Шварца, в 1959 г.

⁴³⁰ Поэма «Дорога» написана Н. С. Тихоновым в сентябре — ноябре 1924 г., после поездки в Закавказье. Впервые опубликована в альманахе «Ковш» (Л., 1925, № 2).

⁴³¹ Роман для юношества «Два капитана» (кн. 1–2) впервые был издан в 1938, 1944 гг.

⁴³² Казмичев Михаил Матвеевич (1897–1960) — поэт, переводчик, составитель двухтомника Избранных драматических произведений Лопе де Вега (М., 1954), впервые перевел пьесу «Уехавший остался дома», включенную в это издание.

⁴³³ Очевидно, говорится о пьесе П. Кальдерона «С любовью не шутят», поставленной в Театре комедии в 1948 г.

сестра Михаила Матвеевича — Татьяна Матвеевна, женщина странная, с багровыми щеками и встревоженным выражением ⁴³⁴. Говорила она серединою губ, словно кончики рта ей зашили. И стихи, а в особенности переводы ее, соответствовали всей тяжелой, нескладно одетой фигуре, увенчанной шляпой — грибом. Но не это определяло ее. Сразу угадывалось, что она несчастна. Пришлась не ко двору. Кому? А всему миру. Таков же был, в сущности, и Михаил Матвеевич. Стихи его нравились мне. Люди подобного душевного склада всегда казались мне понятными. А все-таки что-то разделяло нас, словно бы стекло. И он, и сестра были как бы вечно без места. Обречены на это. Им пришлось бы совсем туго, не пошли им господь мать и отца в одном лице, в лице младшего их брата⁴³⁵, рослого молодца, с грудной клеткой, словно бочка, преисполненного добродушия, терпения и веселости. Он шагал на сталинабадских улицах, как хозяин, твердо занимал свое место в жизни. Он был художником и заметным лицом в Союзе художников и имел какие-то заказы и ездил по республике в командировки что-то расписывать и писать. Печальный дар, заставлявший его брата сочинять стихи, тончайшие, как паутина, а сестру бормотать, как в бреду — в нем обернулся легко, весело, как бы шуткой. Он не только картины писал, но и стихи, шуточные, для своих. Чистые фокусы.

7 сентября

Вот писал он, например, веселое стихотворение о том, как всем теперь хочется есть. Вполне гладкое, хорошо срифмованное. Но хитрость была не в этом. В стихотворении скрывались имена семи или восьми великих драматургов. Имя Шекспира мог найти ты в той строке, где автор горевал об исчезновении «ватрушек с пирогами». В другом стихотворении скрывались имена балерин. К концу пребывания нашего в Сталинабаде подружились мы с братьями Казмичевыми и особенно, пожалуй, с Юрием. Незадолго до отъезда были мы у него в гостях. Народу в небольшой его комнатке набилось до отказа. Был тут студент — медик пятого курса, он же поэт и переводчик с польского, он же польский патриот по фамилии Грушецкий. Худая, гибкая до развинченности, смуглая, с глазами огромными, темными и усталыми артистка русского сталинабадского театра. Она же — драматург и при том способный, она же отличная карикатуристка. Но так она ничего и не сделала, потому что шла, куда глядели ее глаза, огромные, окруженные темной тенью. И все делала она, подчиняясь тому, что хочется сегодня. И даже не очень хочется. Подчиняясь некоторой своей развинченности. Чувствует, что не надо бы, да уж так получается. И Михаил Матвеевич сидел в уголке. И глаза его смотрели терпеливо, и он чуть улыбался. Бронхоэктазия отпустила его подышать. Татьяна Матвеевна все ссорилась с польским патриотом, бормотала серединкою губ нечто непонятное, но Грушецкий оскорблялся, вздергивал голову по — пански и вступал в пререкания. И сидела за столом поэтесса, молодая, крупная, нескладная, томная. Выпив, взяла она мою руку и сначала прижала ее к горячей своей щеке, а потом стала целовать осторожно и нежно. Даже с благочестивым выражением. Я очень удивился, но руки не отнял, мне понравилось. Я даже подумал, может, не такая уж она нескладная. Но поглядел и увидел: нет, ничего не поделаешь.

11 сентября

Очень уже было тепло, мы только что пережили чудо сталинабадской весны. Началась она в феврале и до того дружно, что я, отвыкший от юга, все умилялся'. Шел апрель, а окна были открыты и тянуло в них теплом. Как во дворце ты чувствуешь избыток высоты, избыток блеска, праздничность, доведенную до религиозной силы, так и здесь ты ощущал избыток богатства в непривычной глубине и черноте неба и в количестве звезд. И как ни посмотришь в окно, все тепло, все мерцают звезды, нет отказа. Когда становилось потише,

⁴³⁴ Казмичева Татьяна Матвеевна — поэтесса, переводчица.

⁴³⁵ Казмичев Юрий Матвеевич (1907–1980) — художник.

мы слышали, как не по — городскому лают — перекликаются собаки. И изредка вставлял свое слово Барбос, наш степной овчар бежевого цвета, с огромной головой, ростом с хорошего теленка. Он был ничей пес, но провожал нас, куда бы мы ни шли, а встречи», в чнак особой привязанности, брал в пасть полу твоего пальто и провожал до дому, до площадки третьего итмжн, до самой двери. Когда вышли мы от Казмичеви, Бнрбос очень обрадовался. Но мы были без пальто, ночь стояла совсем летняя. И тогда, чтобы все-таки доказать свою любовь, Барбос подошел к Катюше, забрал в пасть ее руку и так и проводил до двери. Все казалось в те дни налаженным и круг знакомств установившимся. И отъезд в Москву, казалось бы, ничего не менял. Все сталинабадские друзья заброшены были в город войной и собирались уехать вслед за нами, при первой возможности. 9 мая 44 года, в знойный — знойный день, стояли мы у окон двух наших, выделенных для Театра комедии вагонов. Роз принесли столько, что пришлось освободить ведро с кипяченой водой, что припасли в дорогу, и поставить туда цветы. Юрий Матвеевич подарил Катерине Ивановне крошечное, фокус да и только, художественное издание «Станционного зрителя» с дружеской каллиграфически сделанной крошечными буквами надписью. Профессора патологоанатомы подарили в дорогу бутылочку спирта. Поезд загудел, и все закричали «ура», и сталинабадский быт, столь установившийся, растаял, словно его и не было. Юрия Матвеевича и сестру его так мы и не видали с тех пор ни разу.

9 сентября

А Михаил Матвеевич зашел к нам в Москве, потом в Ленинграде, но это уже был не полный Михаил Матвеевич, некомплектный, без брата и сестры, без Сталинабада. Так и это знакомство растаяло. Их квартиру в Ленинграде захватили прочно, и устроились Казмичевы в Москве. Сначала непрочно, а теперь как будто бы попрочней. Две пьесы, переведенные Михаилом Матвеевичем, идут⁴³⁶. А Юрий Матвеевич, по слухам, женился. И мы, обсудив это сообщение, понадеялись, что он не оставит своих нежнейших, неприкаянных старших.

Следующая фамилия — **Клыкова Лидия Васильевна**,⁴³⁷. Это сестра Катерины Васильевны Заболоцкой⁴³⁸. Лидию Васильевну я почти не знаю, но рад поговорить о Екатерине Васильевне. Это, прямо говоря, одна из лучших женщин, которых встречал я в жизни. С этого и надо начать. Познакомился я с ней в конце двадцатых годов, когда Заболоцкий угрюмо и вместе с тем как бы и торжественно, а во всяком случае солидно сообщил нам, что женился. Жили они на Петроградской, улицу забыл, кажется, на Большой Зелениной. Комнату снимали у хозяйки квартиры — тогда этот институт еще не вывелся. И мебель была хозяйкина. И особенно понравился мне висячий шкафчик красного дерева, со стеклянной дверцей. Второй, похожий, висел в коридоре. Немножко другого рисунка. Принимал нас Заболоцкий солидно, а вместе и весело, и Катерина Васильевна улыбалась нам, но в разговоры не вмешивалась. Напомнила она мне бестужевскую курсистку. Темное платье. Худенькая. Глаза темные. И очень простая. И очень скромная. Впечатление произвела настолько благоприятное, что на всем длинном пути домой ни Хармс, ни Олейников ни слова о ней не сказали. Так мы и привыкли к тому, что Заболоцкий женат. Однажды, уже в тридцатых годах, сидели мы в так называемой «культурной пивной» на углу канала Грибоедова⁴³⁹, против Дома книги.

⁴³⁶ В переводе М. М. Казмичева шли пьесы П. Кальдерона «С любовью не шутят» (1948, Театр комедии) и «Спрятанный кабальеро» (1955, Театр им. Ленсовета; 1956, Театр им. Вл. Маяковского).

⁴³⁷ Клыкова Лидия Васильевна (1903–1988) — сестра Е. В. Заболоцкой.

⁴³⁸ Заболоцкая Екатерина Васильевна (р. 1906) — жена Н. А. Заболоцкого.

⁴³⁹ В подлиннике ошибочно — Фонтанки.

10 сентября

И Николай Алексеевич спросил торжественно и солидно, как мы считаем, — зачем человек обзаводится детьми? Не помню, что я ответил ему. Николай Макарович промолчал загадочно. Выслушав мой ответ, Николай Алексеевич покачал головой многозначительно и ответил: «Не в том суть. А в том, что не нами это заведено, не нами и кончится». А когда вышли мы из пивной и Заболоцкий сел в трамвай и поехал к себе на Петроградскую, Николай Макарович спросил меня: как я думаю, — почему задал Николай Алексеевич вопрос о детях? Я не мог догадаться. И Николай Макарович объяснил мне: у них будет ребенок. Вот почему завел он этот разговор. И, как всегда, оказался Николай Макарович прав. Через положенное время родился у Заболоцких сын. Николай Алексеевич заявил решительно, что назовет он его Фома. Но потом смягчился и дал ребенку имя Никита. Хармс терпеть не мог детей и гордился этим. Да это и шло ему. Определяло какую-то сторону его существа. Он, конечно, был последний в роде. Дальше потомство пошло бы совсем уж страшное. Вот отчего даже чужие дети пугали его. И как-то Николай Макарович, неистово внимательный наблюдатель, сообщил мне, посмеиваясь, что вчера Хармс и Заболоцкий чуть не поссорились, Хармс, будучи в гостях у Заболоцкого, сказал о Никите нечто оскорбительное, после чего Николай Алексеевич нахохлился и молчал весь вечер. Зато женщин Заболоцкий, Олейников и Хармс ругали дружно. Хармс, впрочем, более за компанию. Кроме детей, искренне ненавидел он только лошадей. Этих уж не могу объяснить, почему. Яростно бранил их за глупость. Утверждал, что если бы они были маленькие, как собаки, то глупость их просто бросалась бы в глаза. Но когда друзья бранили женщин, он поддерживал их своим уверенным басом. «Культурная пивная» гудит от разговоров, и все на темы общие — «народ — философ!» — говорил по этому поводу Олейников. И наш стол говорит о женщинах вообще. Кудрявая голова, бледное лицо и спокойные, даже сонные, светлые глаза.

11 сентября

Это Олейников, всегда внимательный, точнее, всегда на высокой степени внимания. Рядом — Заболоцкий, светловолосый с девичьим цветом лица — кровь с молоком. Но этого не замечаешь. Очки и строгое, точнее, подчеркнуто — степенное, упрямое выражение, — вот что бросается в глаза. Хоть и вышел он из самых недр России, из Вятской губернии, из семьи уездного землемера и нет в его жилах ни капли другой крови, кроме русской, крестьянской, — иной раз своими повадками, методичностью, важностью напоминает он немца. За что друзья зовут его иной раз, за глаза, Карлуша Миллер. Рядом возвышается самый крупный из всех ростом Даниил Иванович Хармс. Маршак, очень его в те дни любивший, утверждал, что похож он на щенка большой породы и на молодого Тургенева. И то и другое было чем-то похоже. Настоящая фамилия Хармса была Ювачев. Отец его, морской офицер, был за связь с народовольцами заключен в Шлиссельбургскую крепость. Там он сошел с ума, о чем многие шлиссельбуржцы пишут в своих воспоминаниях. Им овладело религиозное помешательство. Крепость заменили ссылкой куда-то, чуть ли не на Камчатку, где он выздоровел и был освобожден. Помилован. Женился он в Петербурге.

Мать Хармс очень любил. В двадцатых годах она умерла, и Введенский^{440 441} с

⁴⁴⁰ Заболоцкий Никита Николаевич (р. 1932) — сын Н. А. и Е. В. Заболоцких.

⁴⁴¹ Введенский Александр Иванович (1904–1941) — поэт. С 1928 г. выступал как детский писатель, сотрудничал в журналах «Еж» и «Чиж».

ужасом рассказывал, как спокойно принял Даниил Иванович ее смерть. А отец заспорил со священником, который отпевал умирающую или приходил ее соборовать. Заспорил на религиозно — философские темы. Священник попался сердитый, и оба подняли крик, стучали палками, трясли бородами. Об этом рассказывал уже как-то сам Даниил Иванович. Так или иначе, но вырос Даниил Иванович в семье дворянской, с традициями. Вставал, разговаривая с дамами, бросался поднимать уроненный платок, с нашей точки зрения, излишне стуча каблуками. Он кончил Петершуле⁴⁴² и отлично владел немецким языком. Знал музыку.

12 сентября

И сейчас, за столом в «культурной пивной», он держался прямее всех, руки на столе держал правильно, отлично управлялся с ножом и вилкой, только ел очень уж торопливо и жадно, словно голодающий. В свободное от еды и питья время он вертел в руках крошечную записную книжку, в которую записывал что-то. Или рисовал таинственные фигуры. От времени до времени задерживал внезапно дыхание, сохраняя строгое выражение. Я предполагал, что произносит он краткое заклинание или молитву. Со стороны это напоминало икание. Лицо у него было значительное. Лоб высокий. Иногда, по причинам тоже таинственным, перевязывал он лоб узенькой черной бархоткой. Так и ходил, подчиняясь внутренним законам. Подчиняясь другим внутренним законам, тем же, что заставляли его держаться прямо за столом и, стуча каблуками, поднимать уроненный дамой платок, он всегда носил жилет, манишку, крахмальным высоким отложной воротничок и черный маленький галстучек бабочкой, что при небрежности остальных частей одежды могло бы усилить впечатление странности, но оно не возникало вообще, благодаря несокрушимо уверенной манере держаться. Когда он шагал по улице с черной бархоткой на лбу, в жилете и крахмальном воротничке, в брюках, до колен запрятанных в чулки, размахивая толстой палкой, то на него мало кто оглядывался. Впрочем, в те годы одевались еще с бору да с сосенки. Оглядывались бы с удивлением на человека в шляпе и новом, отглаженном костюме. Был Даниил Иванович храбр. В паспорте к фамилии Ювачев приписал он своим корявым почерком псевдоним Хармс, и когда различные учреждения, в том числе и отделение милиции, приходили от этого в ужас, он сохранял ледяное спокойствие. Хочу добавить еще одну важную вещь. Я, рассказывая о Каверине, недостаточно подчеркнул разное отношение к форме его и гения Хармса; в частности, Каверин уважал форму, а Хармс, чувствуя ее неизмеримо точнее, владея ею, видел, когда она жива.

13 сентября

Вот маленький пример того, как владел он формой. Мы все придумывали стихотворные рекламы для журнала «Еж». И вот я придумал четверостишие. В шутку. Невозможное для печати даже в те легкомысленные годы. «Или сыну — «Еж», или в спину — нож». И прочтя Хармсу, пожаловался на неприятное сочетание «в спиНУ НОж». И он, не задумываясь, ответил: «А вы переставьте: «Или «Еж» — сыну, или нож — в спину». И я еще раз проникся к нему уважением. Итак, мы сидели вчетвером в «культурной пивной». Я и трое людей, которых вспоминаю так часто. И они ругали женщин. Двое — яростно, а Хармс несколько безразлично. Олейников прежде всего утверждал, что они куры. Повторив это утверждение несколько раз страстно, убежденно, он добавил еще свирепее, что если ты пожил раз с женщиной — всё. После этого она уже тебе не откажет. Это все равно, что лошадь. Поймал ее за челку, значит — готово. Поезжай. Заболоцкий, строго и важно поблескивая очками,

⁴⁴² Немецкое училище при Лютеранской церкви св. Петра в Петербурге. Основано в 1710 г. После Октябрьской революции вошло в единую сеть учебных заведений (школа № 222). До 1928 г. в нескольких классах обучение велось на немецком языке.

рассказал следующий случай. Одну молодую женщину любил композитор Гречанинов. А она предпочла ему простого парня, чуть ли не деревенского. Когда выяснилось, что композитору было много лет, а деревенскому парню — мало (я почему-то подозревал, что это был сам Николай Алексеевич), то я спросил Заболоцкого, мог бы он любить старую женщину за музыкальность и не предпочел бы он ей простую девушку за молодость. Но Николай Алексеевич не ответил, а только посмотрел на меня через очки. Женщин ругали не только в «культурной пивной», но и по всякому поводу при любом случае. Однажды, когда сидели мы у Олейникова, Заболоцкий неожиданно, без всякого повода заявил со страстью, строго и убежденно, что женщины не могут любить цветы. «Почему?» — «Не могут! Женщины не могут любить цветы!» Соответственно со своими взглядами дома был Николай Алексеевич строг. И Фома, названный Никитой, тоже разговаривал с матерью по — мужски. Жили они уже не в одной комнате, а в квартире в надстройке. И заболел он ветрянкой.

14 сентября

Никита заболел однажды ветряной оспой. Было ему в это время, вероятно, лет шесть. Нет, меньше. Чтоб не дать ему чесаться, мать передвинула ночью кровать его к своей. И Никита спросил коротко и строго по — мужски: «Пол не поцарапала?» По странной непоследовательности чувств, Николай Алексеевич, презирующий женщин, когда родилась у него дочка, названная Наташей⁴⁴³, просто Наташей, не Феклой и не Домной, нежно ее полюбил. Больше, чем Никиту. Во всяком случае, о нем он никогда ничего не рассказывал. А Катерине Ивановне рассказал однажды, как Наташа, восьмимесячная, кажется, собирала своими тоненькими пальцами крошки на диване. И, рассказав, чуть улыбнулся.

И вот грянул гром. В 38 году Николая Алексеевича арестовали. Вечером пришла к нам Катерина Васильевна и рассказала об этом. Пока шел обыск, сидели они с Николаем Алексеевичем на диване, рядышком, взявшись за руки. И увели его.

Катерину Васильевну разглядели мы тут, как следует, одну, саму по себе. Спокойно, с чисто женским умением переносить боль, взвалила она на плечи то, что послала жизнь. Внезапное вдовство — не вдовство, но нечто к этому близкое. Так в те дни ощущалась разлука. Двое ребят. Домработница сразу же, рыдая и прося прощения, призналась, что она боится и попросила расчет. Передачи. Справки. И, наконец, пришлось ей с детьми выехать в Уржум, на родину Николая Алексеевича, где оставался кто-то из родни. Летом 39 года высылку признали незаконной. Катерина Васильевна вернулась. Она всё не жаловалась, разговаривала всё так же спокойно, даже весело. Делилась своим горем только с двухлетней Наташей, которая нечаянно выдала мать, сказав Лидочке Кавериной: «Ох, тяжело, как жить будем!» Суд постановил предоставить Катерине Васильевне площадь. Сначала дали ей комнату в надстройке. Нет, не так.

25 сентября

До того, как переехать в надстройку, до суда, жила Катерина Васильевна у родных. И заболели они гриппом. Катерина Васильевна и Никита. И мы взяли к себе маленькую Наташу, после чего на всю жизнь у меня к ней осталось отношение, как к своей. Прожила она у нас месяца полтора, Катерину Ивановну стала за это время называть «мама», а когда спрашивали ее: «Чья ты девочка?» — отвечала: «Катерины Ивановны я». Отличалась полным отсутствием аппетита. Она покашливала и прихварывала у нас, и доктор велел ей ставить горчичники, чего она очень боялась. И однажды, придя домой, увидел я следующее: на телефонном столике мокнут горчичники, а на тахте возле сидит Наташа и, обливаясь слезами, ест манную кашу. Катерина Ивановна пригрозила ей, что если Наташа не станет есть, она сразу примется ее лечить.

Только после всех вышеописанных событий состоялся суд, постановивший вернуть

⁴⁴³ Заболоцкая Наталья Николаевна (р. 1937) — дочь Н. А. и Е. В. Заболоцких.

Катерине Васильевне принадлежащую ей площадь. После ряда приключений, о которых рассказывать по ряду причин никак не хочется, получила она временно одну комнату, потом поселили ее на счет Литфонда в «Европейской гостинице», потом дали в надстройке комнатку постоянно. Было в этой комнатке так тесно, что Наташа большую часть дня проводила у нас. Каждый день бывала и Катерина Васильевна. Два года прожили мы бок о бок, и не было случая, чтобы пожаловалась она на судьбу. И целый день работала. Вязала кофточки на заказ. Все время то по хозяйству, то вязание в руках. Приходили в положенные сроки письма от Николая Алексеевича. И Катерина Васильевна читала их нам. Росли дети. Никитка, молчаливый и сдержанный, словно чуть — чуть пришибленный тем, что обрушилось на их семейство, и Наташа, то веселая, то рыдающая. У нее был особый дар: в случае обиды обливалась она слезами вдруг, без всхлипываний, разом.

16 сентября

Меня называла она Женюрочкой, Катерину Ивановну, расшалившись, умышленно, сверхъестественно тоненьким голоском: «Катеришка Ивашка!» Очень любила танцевать со мной. Танцевал, собственно, я, взяв Наташу на одну руку, а другой держа ее ручку на весу, словно танцуем мы фокстрот. И она часто просила: «Женюрочка, давай поплешим!» «Попляшем» ей никак не удавалось почему-то выговорить. Во время квартирных мытарств помогал я Катерине Васильевне. Однажды, когда перебиралась она в «Европейскую», дело было вечером, номер им дали во втором этаже, и поэтому поднимались мы пешком, на площадке между первым и вторым этажом увидела Наташа в открытую дверь ресторанный зал, танцующие пары, услышала музыку. И сказала умоляюще: «Женюрочка, пойдем туда, посидим, поплешим!» А Катерина Васильевна воскликнула: «Каково это слышать матери». Во время финской кампании зима стояла неестественно суровая, словно ее наслали знаменитые финские колдуны. Ввели затемнение. Начались грабежи, а еще больше пошло слухов о грабежах. Стоишь в полной тьме. Из-за морозов трамвайное движение сократилось. Стоишь на остановке в толпе, угрюмой и тихой, и, наконец, в темноте проступают два синих, медленнодвигающихся огонька. «Какой номер?» И кто-нибудь из висящих на площадке отвечает угрюмо. То в одном, то в другом доме лопались водопроводные трубы, замерзало отопление. Холодно было и в «Европейской гостинице», но Катерине Васильевне удалось перебраться скоро к нам обратно, в надстройку. И снова каждый вечер появлялась она за нашим столом, с вязаньем в руках, все спокойная, все веселая, худенькая, как девочка. И ни разу не видал я, чтоб слезы выступили на темных ее глазах. Ни разу за все годы знакомства, хоть столько было пережито. И оставалась она все такой же ровной в обращении, хотя было отчего беспокоиться. Шли хлопоты.

17 сентября

О пересмотре дела Заболоцкого подал ходатайство Союз писателей. Точнее, ряд влиятельных московских писателей. И дело направлено было на пересмотр. Когда горе — злосчастье вот — вот спрыгнет с твоих плеч — и ты надеешься на это, — еще труднее сохранять спокойствие. Но у Катерины Васильевны и тут хватило сил не показать, как ждет она счастья. Как замучилась, ожидая. Каверин, из всех сил хлопотавший по этому делу, утверждал, что Николай Алексеевич вернется вот — вот, со дня на день. Но грянула война. И жизнь Катерины Васильевны стала еще страшнее. Когда 11 декабря 41 года уехали мы из Ленинграда, Катерина Васильевна с детьми поселилась в нашей квартире. С конца января, чтобы голодающие дети теряли меньше сил, она их все время держала в кровати. Было это в начале февраля 42 года. Всякие заказы на кофточки прекратились, конечно. Первые месяцы Катерина Васильевна подрабатывала тем, что ухаживала за больной старухой, которая уделяла ей какую-то часть своих запасов за это, чем Катерина Васильевна и подкармливала детей. Наташа спросила однажды: «Мама, это правда было, или мне во сне снилось, что ты

когда-то меня заставляла есть». Но вот старуха умерла. И труп ее все носили с площадки на площадку. Жильцы. Чтобы избавиться от него. Но трупы все прибавлялись, на всех площадках, на улицах. И вот, наконец, Кетлинская включила Катерину Васильевну с детьми, маленькой племянницей и сестрой, той самой Л. В. Клыковой, что записана у меня в телефонной книжке, в список, в писательский список подлежащих эвакуации. А смерть в те дни как будто с умыслом ловила тех, что пытались от нее убежать. Однажды, кажется, было это 6 февраля, за два дня до отъезда, сидела Катерина Васильевна в нашей крошечной кухне, где удавалось кое-как поддерживать тепло. Дети лежали на раскладушке. Шел сильный артиллерийский обстрел нашего района. Снаряды так и рвались по соседству. Боже мой, как далеко ушло в глубь веков то время, когда сидели мы в пивной.

18 сентября

«Культурная пивная» сегодня похожа была на тяжелораненую. В дом, бывший Энгельгардта, попала бомба. И дом как бы временно перевязали — забили фанерой. Снег, да щебень, да запах гари — вот что нашел бы ты там, где за всеми столами, увильнув от работы, словно школьники, громко рассуждали мужчины на общие темы. А за нашим столом надменно бранили женщин. Века прошли с тех пор, большая часть наших соседей по «культурной пивной» погибла, наш район обстреливали, а Катерина Васильевна советовалась с сестрой — нести детей в бомбоубежище или не стоит. У них была повышенная температура. И вдруг разговор их на полуслове оборвался. Взрыв, вспышка ослепительная, пронизавшая всю квартиру, удар, шум разрушения. Когда я через два месяца спросил Наташу, что сделала мама, когда в квартиру попал снаряд, она ответила: «Мама? Она побежала вверх по лестнице, потом вниз». — «А ты где была?» И Наташа, пожав плечами, ответила как вещь само собой разумеющуюся: «У мамы на руках!» И в самом деле, когда снаряд попал в столовую, под самый подоконник и, свернув радиатор отопления восьмеркой, вбил его в противоположную стенку, Катерина Васильевна, схватив детей на руки, побежала в растерянности, ошеломленная, вверх, а потом вниз, в бомбоубежище. Смерть промахнулась чуть — чуть. У нас в квартире всего-то было около 24 метров. Между столовой и кухней помещался так называемый кабинет — моя комната в 9 метров. Но жильцов наших только напугало. И через два дня Катерина Васильевна погрузилась с сестрой и детьми в писательский эшелон. На Большой земле Заболоцкие отделились от писателей. Они решили пробираться к нам, в Киров, а оттуда всё в тот же Уржум. В то время Ленинград и ленинградцы, их горести перешли за те пределы, что люди знали. Если больной вызывает жалость, гроб — уважение, то разлагающийся мертвец вызывает одно желание — убрать его поскорей. Вагоны, теплушки с несчастными дистрофиками ползли от станции к станции. А смерть гонялась за беглецами.

19 сентября

На остановках в двери теплушек стучали и просили: «Граждане, не скрывайте трупы!» Но граждане скрывали, чтобы получать продовольствие за умерших. Несчастные, обезумевшие с голоду и холоду ленинградцы. У них, умирающих, были свои счета с умершими. И немирно было в теплушках. В той, где поместилась Катерина Васильевна с детьми, дружно ненавидели одну семью: отец — научный работник, мать и ребенок, страдающий голодным поносом. Отец на станциях, где кормили ленинградцев, ходил за диетическим супом для больного сынишки и половину съедал на обратном пути и, чтобы скрыть, доливал котелок сырой водой. И попался. И его яростно бранили. И еще больше возненавидели. И когда он умер, радовались все эвакуированные, и жена покойного в том числе. Весь эшелон доставили в Кострому, где был устроен стационар для ленинградцев. Их вымыли, уложили, откормили. И Катерина Васильевна недели через две увидела, что жена умершего научного работника, которую она вместе со всеми ненавидела, очень славная

женщина. И мальчик, избавившийся от голодного поноса, оказался хорошим мальчиком. И жена научного работника целыми днями плакала, вспоминала мужа, рассказывала, каким он был, пока в блокаду не потерял облика человеческого. А мы жили в Кирове, в десятиметровой комнате, в театральном доме. И мы ничего не знали о Заболоцких. Знали, что к нам в квартиру попал снаряд, что Заболоцкие уцелели и через два дня после этого эвакуировались. Но прошло почти два месяца с тех пор. И я сам не знал, как беспокоит меня их судьба. Но вот однажды рано утром, когда я еще курил с наслаждением самосад, только что проснувшись и лежа в кровати, вошла улыбаясь Катюша и протянула мне телеграмму на розовой бумаге. И я прочел, что Катерина Васильевна с детьми едет к нам. И, прочтя, заплакал вдруг, что никак не свойственно мне. Никогда со мной этого не бывало. Катерина Васильевна пробиралась в Киров со множеством бед и трудов. Попробуй, сядь в поезд!

20 сентября

С детьми, с огромным, неуклюжим багажом эвакуированных. Был такой случай, что Катерина Васильевна однажды вскочила с Наташей в теплушку и поезд вдруг тронулся, а Никита, рыдающий, остался с вещами на перроне. И Катерина Васильевна с первого же разезда побежала обратно с Наташей на руках. Но вот, наконец, удалось погрузиться всему семейству, и состав медленно пополз к Кирову. Ночью обнаружилось, что в теплушке больные дети. Утром врач установил скарлатину. Больных высадили. А через положенное время ночью вдруг поднялась температура у Наташи. Боже мой, как далеко, на целые века, ушло то время, когда, сидя за столом у Олейниковых, упрямо, строго, со страстью повторял Заболоцкий: «Женщины не могут любить цветы!» На другой день к вечеру Наташа поправилась. Ночью, когда температура вскочила, зажигая спички, не могла определить Катерина Васильевна, появилась у нее сыпь или нет. А днем сыпи тоже не обнаружила. А врачей на этом перегоне не было. Так и пробирались они к нам, медленно полз состав от станции к станции. А мы всё ждали гостей и разговаривали о них. Вспоминали, как Зон, к ужасу педагогов, провел трехлетнюю Наташу на «Красную Шапочку» в Новый ТЮЗ. Посадил ее в свою ложу. А вечером Наташа сыграла нам всю пьесу, сцену за сценой. Моя Катерина, Катерина Ивановна, была к тем, кого любила, внимательна до мнительности. То ей казалось, что маленькая Наташка дальтоник. Пока не выяснилось, что девочка путает не цвета, а по малолетству, названия цветов. То казалось ей, что у девочки недостаточно хорошая память. И когда сыграла Наташа всю «Красную Шапочку», Катерина Ивановна обрадовалась. И Катерина Васильевна, худенькая, как девочка, сидя на диване нашем, глядела на дочку с наслаждением, любовалась ею, но сдержанно. Всегда ровная, в горе и радости. То вспоминал я один из первых обстрелов города. Было часов девять вечера.

21 сентября

Бомбоубежище наше не было еще оборудовано. Договорились с Малым оперным, что детей будем направлять к ним. И вот снова, как в день переезда в «Европейскую», двинулись мы в путь через пешеходный Итальянский мостик. Впереди Катерина Васильевна с подушками и одеялами и с Никитой, а позади я, с Наташей на руках. Девочка была встревожена, молчала и ни о чем не спрашивала. Казалось, что снаряды пролетают над самой головой. Ясно слышался звук разрыва, которым заканчивался свист. Когда раздался особенно громкий взрыв, я с удивлением заметил, что в своем смятении чувств испытал удовольствие. Именно от силы звука. И подумал: неужели свойственна человеку любовь к грохоту? Не отсюда ли — хлопушки, петарды, орудийные салюты? Словом, некие заслонки опустились в душе, и я сосредоточенно думал о чем угодно и отбрасывал мысль о том, что стреляют — то, в сущности, в нас, в ленинградских обывателей, и могут попасть. Такие же заслонки опустились в душе, когда не было известий от Заболоцких, и я думал о чем угодно, только не о том, что могли они погибнуть. Но, видимо, чувствовал, что это возможно, вполне

возможно. Так просто умирали люди вокруг. Вот почему я и заплакал, когда пришла телеграмма. Смятение чувств исчезло, осталось только облегчение и радость. Долго ли, коротко ли, но вот к нам в дверь постучали рано утром. Открываю и вижу Катерину Васильевну и сияющую, беленькую, румяную Наташу. И первое, что девочка закричала, не поздоровавшись, не войдя в комнату: «Вас разбомбило!» С ударением на «о». «Как тебе не стыдно!» — сказала дочке Катерина Васильевна. Оказывается, Никита остался на вокзале только при том условии, чтобы не рассказывали без него, как попал к нам снаряд. Он хотел вместе. А Наташа не удержалась. Вскоре все, с вещами, чудом каким-то разместились в нашей десятиметровой комнате. И Лидия Васильевна со своей девочкой, совсем незнакомой, загадочно улыбавшейся.

22 сентября

Впрочем, она довольно скоро уехала с дочкой в Уржум, а мы остались впятером. Катерина Васильевна еще с порога, как Наташа о том, что нас «разбомбило», предупредила о таинственном Наташином заболевании. Но мы и думать об этом не захотели и не отделили девочку от остальных детей театрального дома. Уж очень она хорошо выглядела, и, когда мыли ее, никаких признаков шелушения не обнаружили. Значит, девочка перенесла не скарлатину, а просто грипп. Весела она была необыкновенно, веселее всех на наших десяти метрах. Ей уже исполнилось пять лет. От отца унаследовала она нежнейший цвет лица и золотистые волосы, а от матери темные глаза. Маленький, живой, отчаянный мальчик, сын одного из мобилизованных работников Кировского областного театра, примерно Наташин ровесник, описывал ее так: «К Катерине Ивановне приехала дочка, красивая! Таких не бывает!» И все приняли девочку ласково, зазывали из комнаты в комнату. Вот возвращается она от Никритиной⁴⁴⁴ и Мариенгофа. «Ну, как тебя принимали?» — «Принимали? Очень хорошо! Какао. Бутерброд с медом. Бутерброд с колбасой. Очень хорошо принимали!» И. пожив в Кирове с неделю, пятилетняя Наташа сказала с удивлением: «Я не знала, что так хорошо жить!» А Никита, которому уже исполнилось десять лет, а на вид казалось меньше, всё молчал и читал, — нет, не читал, а изучал — одну и ту же книжку, купленную на вокзале. Называлась она: «Постройка дома из местных материалов». Столько лет Никита был бездомным! Забьется в угол и рассматривает, рассматривает плиты, изучает, мечтает. А вдруг удастся построить? Катерина Васильевна, хоть и отошла немного в Костроме, была еще хуже прежнего. Она рассказала о своих приключениях дорожных, об умершем научном работнике, которого даже собственная жена возненавидела, а потом пожалела, придя в себя. Рассказывала вдумчиво, сосредоточенно, как бы с трудом добывая воспоминания со дна души. И руки у нее, как всегда, были заняты. Что-то перешивала ребятам. Катерина Ивановна спрашивает ее: «А где у вас кусок шерсти был такой хороший?» Она задумывается.

23 сентября

И отвечает сосредоточенно, как бы с напряжением собирая разбегающиеся воспоминания: «Забыла. Может быть, взяла, а, может быть, и нет. Пять шкурок беличьих забыла, это я теперь точно знаю. Разве я помню, что брала? Я уезжала, как в тумане!» Вскоре заболела Катерина Ивановна ангиной в очень сильной форме. Чего с ней вообще никогда не случалось. По хозяйству теперь хлопотала одна Катерина Васильевна. И ей изо всех сил помогала Наташа. И подметала, и бегала с пепельницей то ко мне, то к Катерине Ивановне и предлагала: «Макайте, макайте!» А Никита делался все молчаливей, и едва поправилась Катерина Ивановна, свалился он. До сих пор спал Никита возле письменного стола, на полу,

⁴⁴⁴ Никритина Анна Борисовна (Нюша) (1900–1982) — артистка БДТ, жена А. Б. Мариенгофа.

рядом с Наташей. Теперь соорудили ему у стены отдельное ложе из рюкзаков и тюков. Он лежал и вздыхал. И через несколько дней выяснилось, что у него воспаление среднего уха. И, несмотря на отчаянные боли, он только кряхтел. Дело уже идет к весне. Я только что пришел с улицы, где заметил, что деревянные мостки, идущие вдоль деревянных заборов, почти полностью обсохли, послушал, как с шумом бежит вода по канавкам по всей дороге от нашего дома вниз, к Пупыревке, к рынку, и обрадовался. Дома Катерина Васильевна меняет Никите компресс. Потом собирается капать ему в нос протаргол. И Никита просит кротко: «Подожди, подожди с каплями. Дай я отдышусь». А Наташа, вытирающая пыль, поет рассеянно: «Отдышусь, от — дышусь, от — дышусь». Когда все лечебные процедуры кончены, я спрашиваю Никиту: «Что ж ты лежишь, не читаешь? А где «Постройка дома из местных материалов»? Потерял?» — «Что вы! — отвечает Никита. — Я эту книгу берегу, как **зенитку** ока». Через несколько дней у Никиты началось воспаление желез. Квартирный врач вызвал инфекциониста. И тот установил, что у Никиты скарлатина. А жили мы в театральном доме. Кругом дети. Родители сердитые.

24 сентября

И надо сказать к их чести, что мы ни слова упрека не услышали от замученных и обиженных на весь мир соседок наших. Никиту увезли в больницу. В комнате нашей сделали дезинфекцию. Наташа играла только с моей Наташей, которой в то время было двенадцать лет. Глянешь за оттаявшее уже окно и видишь: стоит моя Наташа в своей шубке из каких-то беличьих отходов, из бело — желтых прямоугольничков. Выросла она из этой шубы, так что она ей чуть не выше колен. Стоит Наташа, сильно откинувшись назад, держит на руках Наташу Заболоцкую в белой шубке. Маленькая Наташа это очень любит, хоть Катерина Васильевна и запрещает — боится, что большая Наташа надорвется. Когда маленькая Наташа играла одна и к ней по привычке направлялись соседские дети, она поднимала руку и кричала: «Не подходите! Заразитесь!» С ударением на втором «а». Каждый день ходили они — Наташа и Катерина Васильевна к Никите в больницу. Он уже поправлялся. Он подходил к закрытому окну и кивал. А однажды показал записку, написанную крупными буквами: «Хочу домой». Больница помещалась на краю города, дорогу совсем развезло, так что Катерина Васильевна возвращалась домой еще более бледной, с еще более темными глазами, а Наташа — красная, как из бани. Однажды разыгралась буря. Кормились мы в Кирове в те дни относительно сытно, в основном картошкой. Наташа, некогда привередливая, ненавидевшая пенки или яйца всмятку, теперь их обожала. Но больше всего — масло. И, видимо, ей все время хотелось есть. И вот однажды обнаружилось, что масло в масленке сверху слизано. Кошек не было — кроме Наташи, никто не мог совершить преступление. А она не сознавалась. И ей так строго выговаривали — не за то, что слизала, а за то, что не сказала, что сама преступница пришла в отчаянье от своей нераскаянности. И Катерина Ивановна услышала на другой день, как Наташа говорит своей кукле: «Я, наверное, оттого такая плохая, что некрещеная».

25 сентября

Но на другое утро всё было забыто, и Наташа носилась между курящими с пепельницей и уговаривала: «Макайте, макайте». Катерина Васильевна никогда не отводила душу, как это вечно бывает, на самых беззащитных в семье, но и не распускала ребят. И только однажды, когда Наташа вечером слишком уж развеселилась и потом ни за что не хотела ложиться спать, плакала и бунтовала, Катерина Васильевна только молча глядела на дочку своими темными глазами, опустив руки. А утром сказала сосредоточенно, ни на кого не глядя, будто отчитываясь перед собой: «Для того, чтобы рассердиться на ребенка, тоже надо силу иметь. Я вчера совсем без сил была». Но обычно Наташа вела себя, как подобает воспитанной девочке. Катерина Ивановна ее так и спрашивала за столом: «Как сидят воспитанные

девочки?» И Наташа вытягивалась в струнку и даже подбородок выставляла вперед. Катерину Ивановну Наташа слушалась не меньше, чем мать. 16 апреля мы приглашены были обедать к Гане на торжественный обед по случаю дня рождения моей Наташи, большой Наташи. Позвали и маленькую Наташу, Заболоцкую. Сидела она за столом старательно, как воспитанная девочка. Но вот подали телятину. И вскоре, взглянув на Наташу, увидел я, что она опять вот — вот заплачет. «Что с тобой?» Вместо ответа Наташа залилась слезами, на свой особенный лад, не всхлипывая. И не сразу угадали мы причину. Оказывается, попался ей жесткий кусочек, который не могла она прожевать, а выплюнуть не смела как воспитанная девочка. Катерина Ивановна разрешила ей избавиться от погубительного кусочка с помощью салфетки. В театральном доме жил парикмахер чех, по фамилии Свобода. И было у него двое детей. Мальчик Франтишек и девочка Власта. Дети звали их Франтик и Ласточка. Ласточка была необыкновенно хороша собой. О чем неоднократно говорили мы при Наташе. Однажды Наташа провинилась, уж не помню в чем. Екатерина Васильевна сделала ей выговор, который девочка выслушала спокойно.

26 сентября

Тогда Катерина Ивановна сказала: «Ну, конечно. Решено. Вместо тебя возьмем мы в дочки Ласточку». Несколько мгновений Наташа сидела неподвижно, с тем же легкомысленным выражением, с каким выслушивала мамин выговор. И вдруг рухнула, уткнулась лицом в колени Наташи большой, сидевшей возле. И расплакалась, на свой лад, не всхлипывая, безудержно и безутешно. Когда Наташа Заболоцкая, уже студенткой, в прошлом году была у нас и мы вспоминали прошлое, выяснилось, что Ласточку и угрозу Катерины Ивановны помнит она ярче всего. Помнит и несчастье со сливочным маслом. «Сама теперь не понимаю, почему я не могла признаться», — сказала она вдумчиво, сосредоточенно, как Катерина Васильевна. В конце апреля, в назначенный день, отправилась Катерина Васильевна за Никитой и привела его, довольного, сдержанно улыбающегося. Дом из местных материалов еще не был построен, но все-таки вернулся мальчик к своим, как бы домой. К знакомому неуклюжему эвакуационному багажу, в комнату, где уже прижился. Но приближался день новых странствий. Письменский помог Катерине Васильевне устроиться преподавательницей в интернат ленинградских школьников, эвакуированных в Уржум. Назначен был день отъезда. И перед самым этим днем покрылся сыпью, заболел я. Когда Катерина Васильевна укладывала вещи, еще не было установлено, скарлатина у меня или нет. Но она все поглядывала на меня сокрушенно, словно виноватая. Приехал за ними возчик, уже на колесах. Как нарочно, повалил мокрый снег. Я попрощался с Катериной Васильевной, с детьми. Поволокли к выходу тяжелый эвакуационный багаж. Катерина Ивановна вышла проводить во двор. И, глядя им вслед, едва не заплакала. Катерина Васильевна шагала под снегом, сгорбившись, рюкзак на спине, вела детей за руки.

27 сентября

Когда дня через два позвонила Катерина Васильевна из Уржума и узнала, что все-таки у меня скарлатина, то ужасно извинялась, будто виноватая. А я все не мог отделаться от ощущения, вызванного рассказом Катерины Ивановны. Валит снег. На возу мешки, узлы, потемневшие от странствий, а возле шагает, сгорбившись, Катерина Васильевна и ведет детей. И примерно в эти дни бездетный Владимир Васильевич Лебедев горевал, вспоминая с искренней любовью о вещах, покинутых в Ленинграде. О каком-то половнике, удивительно сработанном. О коллекции кожаных произведений искусств: ботинок, и полуботинок, и поясов, и о шкафах своих, и о кустарных фарфоровых фигурках своих. И под конец воскликнул убежденно, со страстью: «Да, да, не людей жалею, а вещи. Хорошие вещи создаются раз в сто лет. А людей — хватает!» О, шалуны! О, гении.

В Уржуме интернат оказался тяжелым. Собрали туда ребят трудновоспитуемых. Жила

Катерина Васильевна с детьми в каком-то чуланчике и с утра до вечера то по службе, то по дому. И готовила, и стирала, и учила трудновоспитуемых, и глаз не спускала со своих ребят, которым приходилось расти в столь опасной обстановке. И так шло до 44 года, когда Николая Алексеевича освободили. И Катерина Васильевна вновь двинулась в странствование. В Кулунду, где Николай Алексеевич работал теперь вольнонаемным. Сколько ребят, оставшихся в те годы без отца, «потеряли себя», как говорит Илико⁴⁴⁵. Но Катерина Васильевна привезла отцу ребят хороших и здоровых. Только бледных и худеньких, как все дети в те времена. И семья Заболоцких восстановилась. Попрощавшись с Катериной Васильевной весной 42 года, встретился я с ней и с детьми через пять лет. В Москве. Летом. В Переделкине, где снимали они комнату. Наташа, поздоровавшись, все поглядывала на нас издали из-за деревьев. Исчезла Наташа трехлетняя, исчезла пятилетняя, беленькая десятилетняя девочка, и та и не та, все глядела на нас недоумевающе, старалась вспомнить. И Никита поглядывал. Этот улыбался. Помнил яснее.

28 сентября

И Николай Алексеевич глядел на нас по — другому. И тот и не тот. И дома не снисходил к жене, а говорил с ней так, будто и она гений. Просто. Вскоре написал он стихотворение «Жена», в котором все было сказано. Все, со свойственной ему силой. Долго ли, коротко ли, но прописали Николая Алексеевича в Москве. И союз дал ему квартиру на Беговой. И вышел его стихотворный перевод «Слова о полку Игоревом»⁴⁴⁶ и множество переводов грузинских классиков. И заключили с ним договор на полное собрание сочинений Важа Пшавела⁴⁴⁷. И он этот договор выполнил. Приедешь в Москву, приедешь к Заболоцким и не веришь глазам: холодильник, «Портрет неизвестной», подлинник Рокотова⁴⁴⁸, — Николай Алексеевич стал собирать картины. Сервиз. Мебель. Как вспомнишь комнатку в Кирове, горы багажа в углу — чудо да и только. И еще большее чудо, что Катерина Васильевна осталась все такой же. Только в кружке в Доме писателей научилась шить. Сшила Наташе пальто настолько хорошо, что самые строгие ценительницы удивлялись. И еще — повысилось у нее после всех прожитых лет кровяное давление. Сильно повысилось. Но она не сдавалась, глядела своими темными глазами весело и спокойно и на детей, и на мужа. Никита кончил школу и поступил в Тимирязевскую академию, где собирались его пустить по научной линии. Уважали. А Наталья училась в школе всё на круглых пятерках. Это была уже барышня, тоненькая, беленькая, розовая, темноглазая. И мучимая застенчивостью. С нами она еще разговаривала, а со сверстниками, с мальчиками, молчала, как замороженная. И много, очень много думала. И Катерина Васильевна болела за нее душой. А Николая Алексеевича стали опять охватывать пароксизмы самоуважения. То выглядит из него Карлуша Миллер, то вятский мужик на возу, не отвечающий, что привез на рынок, по загадочным причинам. Бог с ним. Без этого самоуважения не одолел бы он «Слова» и Руставели⁴⁴⁹ и не написал бы множества великолепных стихотворений.

⁴⁴⁵ Пантелеева Элико Семеновна (Симоновна) — жена писателя Л. Пантелеева.

⁴⁴⁶ Стихотворное переложение Заболоцкого «Слова о полку Игореве», изд. 1946 г.

⁴⁴⁷ Собр. соч. Важа Пшавела, т. 1–2, изд. М., 1958, подавляющее большинство переводов стихотворений и поэм принадлежит Н. А. Заболоцкому.

⁴⁴⁸ Рокотов Федор Степанович (1735? —1808) — художник-портретист.

⁴⁴⁹ Поэма Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в переводе Н. А. Заболоцкого (М., 1937). Неоднократно переиздавалась.

29 сентября

Но когда, полный не то жреческой, не то чудаческой надменности, вещал он нечто, подобное тому, что «женщины не могут любить цветы», испытывал я чувство неловкости. А Катерина Васильевна только улыбалась спокойно. Придавала этому ровно столько значения, сколько следовало. И все шло хорошо, но вот в один несчастный день потерял сознание Николай Алексеевич. Дома, без всякого видимого повода. Пил много с тех пор, как жить стало полегче. Приехала неотложная помощь. Вспрыснули камфору. А через полчаса или час — новый припадок. Сердечный. Приехал профессор, который уже много дней спустя признался, что у Николая Алексеевича начиналась агония и не надеялся он беднягу отходить. Кардиограмма установила инфаркт. Попал я к Заболоцким через несколько месяцев после этого несчастья. Николай Алексеевич еще полеживал. Я начал разговор, как ни в чем не бывало, чтоб не раздражать больного расспросами о здоровье, а он рассердился на меня за это легкомыслие. Не так должен был вести себя человек степенный, придя к степенному захворавшему человеку. Но я загладил свою ошибку. Потом поговорили мы о новостях литературных. И вдруг сказал Николай Алексеевич: «Так — то оно так, но наша жизнь уже кончена». И я не испугался и не огорчился, а как будто услышал удар колокола. Напоминание, что кроме жизни с ее литературными новостями есть еще нечто, хоть печальное, но торжественное. Катерина Васильевна накрыла на стол. И я увидел знакомый финский сервиз, тонкий, синий с китайчатами, джонками и пагодами. Его купили пополам обе наши Катерины уже после войны, в Ленинграде. Мы взяли себе его чайный раздел, а Заболоцкие — столовый. Николай Алексеевич решил встать к обеду. И тут произошло нечто, тронувшее меня куда живее, чем напоминание о смерти. Катерина Васильевна вдруг одним движением опустила к ногам мужа.

30 сентября

Опустилась на колени и обула его. И с какой легкостью, с какой готовностью помочь ему. Я был поражен красотой, мягкостью и женственностью движения. Ну, вот и все. Рассказываю все это не для того, чтобы защитить Катерину Васильевну от мужа. Он любит ее больше, чем кто-нибудь из нас, ее друзей и защитников. Он написал стихотворение «Жена», а сила Николая Алексеевича в том, что он пишет, а не в том, что вещает подвыпивши. И уважает он жену достаточно. Ей первой читает он свои стихи — шутка ли. Не сужу я его. Прожили они столько лет рядом, вырастили детей. Нет ему ближе человека, чем она, нет и ей ближе человека, чем он. Но о нем, великолепном поэте, расскажут и без меня. А я сейчас болен и особенно чувствую прелесть заботы Катерины Ивановны, не ждущей зова, а идущей навстречу. Вот и рассказываю с особенным наслаждением о женщинах, которые, как говорят, по природной ограниченности своей, не могут любить цветы.

1 октября

Колесов Лев Константинович, 450 — недавно худенький, теперь несколько отяжелевший, — как все хорошие актеры, не похож на актера. Лицо простое. Обращение тоже. Иногда, впрочем, чуть небрежно — насмешливое, как свойственно мудрецу, понявшему мир. Это когда он выпьет, что случается с ним чаще, чем следовало бы.

450 Колесов Лев Константинович (1910–1974) — артист. С 1933 по 1935 г. — в труппе Ленинградского ТЮЗа, с 1935 по 1940 г. — Нового ТЮЗа, с 1940 г. до конца жизни — Театра комедии. Исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

Отлично играет острохарактерные роли. Никогда не забуду, как играл он Дракона. Но любит он больше роли умных людей с уклоном в героизм. Получаются они у него холодноватые. Он прост, никогда не лезет под колоду, чтобы оттуда ужалить. Если обижен, высказывается прямо. Однажды, когда был Театр комедии еще в Москве, читали на труппе какую-то пьесу Симонова, которая вскоре отдана была автором в другой театр⁴⁵¹. Но тогда предполагалась она к постановке в Комедии и ее обсуждали после чтения внимательно. Даже заговорили о распределении ролей, чего на подобных чтениях не случалось обычно. Впрочем, может быть, разговор завязался уже после собрания, среди задержавшихся его участников. Колесов сказал, что ему хочется роль, на мой взгляд, ему вполне неподходящую, что я и высказал. Вечером Колесов пришел в наш памятный 405 номер гостиницы «Москва». Уселся в кресло у окна. И вдруг побледнев, с глубокой скорбью сказал, что он от меня этого не ожидал. Я успел уже забыть об утреннем разговоре. А он все повторял свое: «Не ожидал я этого. Ты — и вдруг выступил против меня!» И слезы потекли у него по щекам. Еле — еле мы его успокоили и утешили. Чтобы он плакал, видел я единственный раз за годы нашего знакомства. Обычно он, обидевшись, сердился, выступал против, ходил, нахохлившись, сильно размахивая палкой, напивался. Боюсь, что когда текли слезы по его побледневшим щекам, он уже с горя выпил, предварительно. Вот тут он был похож на актера.

2 октября

Он оказался похож на актера тем, что из-за роли пришел в такое отчаяние. Волконский писал, что актер выдержит, если ему убавят жалованье, но если отнимут роль — конец, уйдет из театра⁴⁵². Это одна из немногих профессий, где труд свой любят, как правило, все (это уже я говорю, а не Волконский). Одна актриса утверждала, что уже от запаха грима у нее становится веселее на душе. Познакомился я с Колесовым в начале тридцатых годов, когда в ТЮЗе шел «Клад»⁴⁵³. Колесов должен был играть студента. Но не играл, заболел, и его заменил Емельянов⁴⁵⁴. Я приходил взглянуть, когда, поправившись, Левка стал играть с Емельяновым в очередь.

Тогда он был женат на Леночке Юнгер⁴⁵⁵. Но вскоре она ушла от него к Акимову, и Лева тяжело переживал это, по слухам. Впрочем, вскоре женился он на Тане Волковой⁴⁵⁶, и родилась у них дочка. Когда образовался Новый ТЮЗ, Колесов перешел к Зону, там сыграл Бориса Годунова⁴⁵⁷. Хорошо, но не удивительно. Вскоре перешел он в Театр комедии. И в Сталинабаде из знакомого просто превратился в хорошего знакомого. С Таней Волковой он разошелся и женился на молодой актрисе, фамилию которой всегда забываю⁴⁵⁸. Еще до

⁴⁵¹ Говорится о пьесе К. М. Симонова «Так и будет», написанной в 1944 г., в этом же году пьеса была поставлена в Московском театре им. Ленинского комсомола (премьера — 27 декабря).

⁴⁵² Шварц имеет в виду высказывание Николая Осиповича Волконского (1890–1948) — артиста, режиссера, работавшего с 1919 по 1931 г. в Малом театре.

⁴⁵³ См. «Грекова Наталия Ивановна», комм. 14.

⁴⁵⁴ Емельянов Сергей Николаевич (1898–1942) — артист ЛенТЮЗа, затем Нового ТЮЗа, погиб на фронте.

⁴⁵⁵ См. «Юнгер Елена Владимировна», с. 622.

⁴⁵⁶ Волкова Татьяна Сергеевна (1907–1978) — артистка ЛенТЮЗа, Нового ТЮЗа, с 1945 по 1963 г. — в труппе Театра им. В. Ф. Комиссаржевской.

⁴⁵⁷ См. «Зон Борис Вульфович», комм. 6.

⁴⁵⁸ Русецкая Галина Францевна (р. 1918) — артистка Театра комедии с 1942 по 1956 г.

войны он приводил ее как-то ко мне, она показывала свои стихи. Беспокойная, похожая на таинственных, переменчивых, истерических гимназисток. И с этой женой Лева развелся в эвакуации, когда театр был в Сочи. И ко времени нашего приезда в Сталинабад женат он был на Тамаре Сезеневской⁴⁵⁹. Никогда не ходило слухов о Левкиных похождениях. О его возлюбленных. Нет. Он все женился. Тамара была прелестна. Больше всего нравился мне ее чистый детский лоб. Очень ясный. И спокойные брови. И светлые глаза. Вот мы идем с ней и Зарубиной под праздничным сталинабадским небом по широкому, четыре ряда деревьев, бульвару улицы Лахути, прячась от солнца, как скрываются под навесом от ливня. А навстречу нам идет Акимов.

3 октября

И он жалуется Тамаре на Левку, как директор школы родителям ученика. Все насчет его пьянства. Говорит строго, но и ласково, зная, что Тамара, со своей стороны, делает все, что возможно. И в самом деле, весь театр говорил, что Левка на этот раз женился очень удачно. Что Тамара с ним очень терпелива.

4 октября

Вскоре после моего приезда разыгралась с Левой очередная трагедия. Он и еще двое актеров сильно выпили.

5 октября

Леву в пьяном виде роковая сила загадочным образом влекла непременно к Акимову, почему-то. А он, Акимов, не переносил Левку в пьяном виде. Тем более, что Левка, хоть и без всякого шума, посмеиваясь по своей привычке, но заводил с ним беседы на туманный, укоряющий, намекающий лад. А Акимова подобные беседы приводили в ярость. Не застав Николая Павловича дома, Левка со своими спутниками отправился в театр. И весь Сталинабад увидел трех актеров в очень веселом настроении, но до такой степени пьяных, что на другой день, по восточным традициям, об этом говорили даже на обоих рынках — на Старом и Новом. Как на грех, приехал в эти дни представитель Комитета по делам искусств СССР. Молодой человек на костылях. Он чудом только не заметил наших пьяных. Задержался в директорском кабинете, а когда вышел, шалунов уже удалось выманить из театра. На другой день состоялось общее собрание труппы. Нарушителей клеймили. И в заключение, дав строгий выговор Левке и его спутникам, придумали следующую меру наказания: каждого, кто бы он ни был, в случае появления в театре в нетрезвом виде, исключают с работы. Увольняют немедленно и автоматически.

7 октября

Пока мы жили в Сталинабаде, в гостях у Левушки я был всего однажды. Тамара еще дичилась меня, ее сестра, Нина — совсем не разговаривала со мной, только поглядывала искоса. Лучше познакомились мы в вагоне, а еще лучше, приехав в Москву. И Левка, и Тамара, и Нина вплелись в тогдашний ежедневный быт нашей жизни очень плотно. И тут я окончательно убедился, что главная его прелесть в том, что он смешной. В необычном смысле этого слова. Так говорят, любясь на кустарную вещицу, или старинную чашку, или на драгоценность, люди, любящие подобные произведения искусства. Левка удался. На всем его существе, — даже в теноровом смехе его, — угадывалось нечто его собственное.

⁴⁵⁹ См. «Сезеневские Тамара Вячеславовна и Нина Вячеславовна», с. 614, 615.

Сообразное. И встречая его, я всегда испытывал удовольствие. И он жил с удовольствием, искренно, хоть и распушенно, господь с ним. Смешной. Талантливость определяла его.

16 октября

Я, вспоминая Левушку Колесова все ближе, замечаю в нем одну особенность: он, конечно, разговаривал. Особенно с близкими. Разговаривал и со мной. Но настоящее высказывание и понимание угадывалось в его полусловах. Так вдруг ближе к моему отъезду почувствовал я, что дома у него как будто неладно. И по театру прошел не то, что слух, а еще только предчувствие, догадка, что Левка начинает закидывать глаз на Люльку⁴⁶⁰. Я этому не хотел верить. Уж очень ласков был Левушка с Тамарой. И лоб ее был все так же ясен и спокоен. Однажды шли мы с ней по мосту — раскаленному до неловкости новому мосту идущей через город, до устрашения внушительной трассы Сочи — Мацеста. Мост шел не над рекой, а над долиной узенькой, с грунтовой дорогой в зарослях, с белыми домиками. И Тамара указала на белый домик под самым мостом. И сообщила, что домик этот — исторический. Почему? Здесь жил Лева в 42 году. И однажды, когда Тамара срочно понадобилась на репетиции, нигде ее не могли найти. И Алеша Савостьянов⁴⁶¹ зашел к Левке спросить, не видал ли он Тамару. И он ответил: «Нет, не видал», — сказала Тамара, улыбаясь. А я к тому времени уже настолько знал историю Театра комедии, что понял, почему Тамара улыбалась. Алеша Савостьянов, услышав ответ Левки, удалился, но успел заметить на спинке стула Тамарино платье. Умолчав об этом, Тамара продолжала: «И все подружки стали уговаривать, чтобы я не выходила за Левку замуж. Что угодно, но не это».

17 октября

Итак, я остановился на том, что Тамара, указав на беленький домик, рассказала, что тут начался ее роман с Левой. А я, глядя на ее совсем юное лицо, испытывал все ту же безнадежную жажду понять. И Тамара описала, как подружки уговаривали ее оставить Леву. Но она не послушалась. И Русецкая (Левина третья жена) бунтовала. И это ни к чему тоже не привело. И тут мы увидели, что в ларьке дают какие-то консервы по коммерческой цене. И мы стали в очередь. И Тамара договорила. Нина тоже была против. Она никогда не говорит Тамаре прямо. Но вот когда Ягдфельд⁴⁶² был влюблен в Тамару, Нина придумала, что у Ягдфельда одна нога, как копыто. Про Левку она ничего подобного не говорила. Но все же Лева до сих пор, когда выпьет, упрекает Нину в том, что она против него настроена. И мы купили консервы и пошли домой мимо декоративных растений и таких же ступенек, мимо кафе, где вечно не было ни одного места, мимо домов, оставшихся с дней моего детства, но оголенных на старости лет — ни заборов, ни цветников, набитых людьми до отказа. От полной непристойности спасало все то же богатство зелени, прикрывавшей белье на веревках, щебень, мусор. В те же дни Левушка рассказал мне, что вечно ясное лицо Тамары — это только маска. Она не может забыть гибели родителей в блокаду. Ей кажется, что виновата в этом она — уехала с театром. Она очень совестливая и привязчивая. Говорил об этом Левка заботливо, любовно, и я подумал еще раз, что слухи, точнее, тень слухов о Колесове и Люльку — следствие того, что театр лихорадит. Если мы собирались кутить, то

⁴⁶⁰ Люлька Людмила Александровна (1923–1967) — артистка. С 1945 г. до конца жизни — в труппе Театра комедии, исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

⁴⁶¹ Савостьянов Алексей Владимирович (1909–1993) — артист. С 1936 по 1991 г. — в труппе Театра комедии, исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

⁴⁶² См. «Ягдфельд Григорий Борисович», с. 623.

спускались вниз, в самый центр города, а потом поднимались в ресторан по крутым, засыпанным гравием дорожкам высоко на горку. Уже издали мы слышали музыку.

18 октября

И обсуждали: найдем ли мы столик. А если найдем, то не съедено ли все до нашего прихода. А если не съедено, то как с коньяком. В те дни ресторан работал на пределе. Чуть опоздаешь — и сиди за пустым столиком. Помогала обычно мощная междуведомственная сила: оркестранты. Они были знакомы с театральными, при случае заменяли их в спектаклях, и нам устраивали столик на хорошем месте, у перил, и в пристойный срок подавалось все, что заказано. За перилами черная ночь, освещенные ресторанными фонарями верхушки деревьев, идущие круто вниз, раскачивающиеся, и все то же ощущение близко присутствующего моря. За столом каждый переживает опьянение по — разному. Если Колесова днем обидели, то после первых же ста грамм делался он всепонимающе надменен. Он сам рассказывал, как, выходя в таком состоянии из ресторана гостиницы «Москва», увидел он незнакомца, который закричал весело: «Товарищ Колесов!» — «Я вас не знаю», — ответил Левушка надменно. — «Ну вот, поглядите на него!» — ответил незнакомец. — А кто вам вручал диплом на звание заслуженного артиста Таджикской республики?» И Левка узнал одного из таджикских министров. Вот до каких высот поднималась его надменность. Недаром тянуло его в пьяном виде к самому Николаю Павловичу Акимову. Тамара, когда выпьет, делалась весела, как котенок. Несла вздор до того талантливый, хоть записывай. И до того легкий, что он забывался. Это тот блеск, что исчезает, когда собранные на берегу камушки высыхают. Домой мы шли по городу, совсем уж опустевшему. Море угадывалось еще отчетливее. Несмотря на ночную тишину, прибой не был слышен. Но бензиновый запах и запах разгоряченного асфальта уже улеглись на ночь. И соленый морской воздух напоминал, что до него совсем близко. Тамара вдруг закричала: «Аллигаторы — в ночной тишине. — Аллигаторы, зачем вы спите?» И на нас напал смех, такой смех, будто никаких тревог в нашей жизни нет и не было. И Левушка смеялся и любовался Тамарой, и я подумал: «Как приятно, что все это слухи». Я заботился не о Левке и его нравственности, а мне жалко было Тамару, такую веселую, такую легонькую и светлую в ночной темноте.

25 октября

Я отошел от Комедии. И вдруг узнал, что театр, как всегда, оказался чуток на происшествия подобного рода. Он их чувствует, когда происшествиями и не пахнет. Колесов развелся с Тамарой и ушел к Люлько. И мне страшно было подумать, как Тамара переживет эту обиду. Непокойно было и Левушке. Он в философском всепонимающем настроении вваливался к Тамаре, рассказывал, как ему трудно было ее оставить. А когда Нина ему сказала, что не следует мучить Тамару подобным образом, Левушка обиделся и пожаловался, что Нина всегда к нему плохо относилась. И вот прошло несколько лет. Тамара замужем. Муж ее Хазин⁴⁶³, драматург и поэт, плотный, черный, внешне спокойный человек. На самом же деле — беспокойный, уж очень его потрепало. И в войну, и в послевоенные годы. Но все пережитое еще крепче заставляет его держаться за семью. У них мальчик⁴⁶⁴. Когда было ему около трех лет, зашли они к нам в гости, на дачу. Подрались собаки. Мальчик схватил Тамару за руку и как заклинание стал повторять: «Я держусь за маму, я держусь за маму». И на платформе, испугавшись паровоза, повторял он то же заклинание, оберегающее от всех бед. Когда Левушка празднует день рождения, то еду я на Исаакиевскую площадь.

⁴⁶³ Хазин Александр Абрамович (1912–1976) — поэт, драматург.

⁴⁶⁴ Хазин Михаил Александрович (р. 1950) — впоследствии переводчик.

Живет он в бельэтаже в старом доме рядом с дубовским черным особняком. Теперь это коммунальная квартира неестественного размера. Комнат двадцать. Идешь по коридору, идешь без конца.

26 октября

От прошлого этой барской квартиры осталась одна только высота. В коридоре — сомнительная опрятность меблированных комнат или общежития. Сор словно только подгребли в углы и закоулки, а стены подмазали нехотя, клеевой краской. В конце коридора — уборные, умывальная, что еще увеличивает сходство с гостиницей. Тут поворачиваешь ты налево, потом направо. Пахнет известкой и сыростью. За высокой дверью — гул разговоров, гости уже собрались. Левка занимает в этой гигантской квартире две узких — узких комнаты, выходящих во двор. Вероятно, это одна, разделенная пополам. Тут они и живут: Левка, Люся и ее сынишка. Левку любят, и он любит людей, поэтому гостей приглашено множество. Вся узкая комната занята накрытыми столами, составленными вместе. Сидеть приходится и на диване, и на стульях, и на табуретках. При этом прижимают тебя к столу так тесно, самой грудобрюшной преградой, что первый момент даже пугаешься. Люся черноглазая, до сих пор совсем юная на вид, терпеливо и расторопно возится по хозяйству. Ее отец военный, исчез в 37 году, мать разыскалась после войны. С малых лет росла она в детдоме и в хозяйстве не мастер. Но вот, наконец, собрались все гости, последний прошел по дивану за спинами уже сидящих, протиснулся на свое место. Водку разлили. Люся, все еще растерянная, но уже повеселевшая, совсем юная, необыкновенно привлекательная, с глубоким вздохом облегчения усаживается в конце стола. Все Левушкины жены в сборе, кроме третьей. Здесь и Леночка Юнгер, старшая, точнее первая из них, и Таня Волкова, по — крестьянски коренастая и все такая же легкая. Тамара с Хазиным. Все это подтверждает, что Левушка прелестный человек, раз все жены не сохранили дурных чувств против него. Правда, Леночка сама ушла от него, но он простил. Все жены ласковы и веселы. Тут же Левкина дочка от Тани Волковой. Взглянешь на нее и благословишь в душе.

27 октября

Она унаследовала от матери некоторую излишнюю широту в плечах, но ощущение сутуловатости исчезло у дочери. В ней угадываешь ты прежде всего здоровье. Глаза огромные. Не волоокая, нет еще. Очи удивленного теленка. Когда видел я ее в последний раз, она уже успела выйти замуж, что не казалось удивительным. Но несколько крупный рот ее и глаза еще сохраняли божественную безмятежность детского здоровья. Казалось, от нее исходил запах парного молока, что, впрочем, проверить было невозможно. Она скрывалась в табачном дыму на той стороне стола или цепи столов. Она озиралась своими глазищами, несколько строгая, как ее мама, и осуждающая как единственный представитель иного поколения за столом. В таких случаях младшие еще строже старших. Во всяком случае вся фигурка Левиной мамы, единственной представительницы старшего поколения за столом, выражает полное сочувствие происходящему. У бабушки нет и тени осуждения, что мелькает на широком лице внучки. Кроме жен, здесь Хазин, две подруги Люси Люлько, длинноты и смирные. Не актрисы. Люсин брат в тужурке, не то электротехнического, не то горного института, совсем такие носили студенты во времена моего детства. Он похож на Люсю черными глазами, еще более юным лицом. Люсин сын от первого брака, бегавший на все звонки, обессиленный волнениями сегодняшнего дня, раскачивается на стуле, побледневший и осунувшийся, но радостный. Он жадно и с восторгом вслушивается в разговоры старших. Этому лет восемь. Присутствуют те актеры, с которыми на данном этапе Люся и Лева в дружбе. Под столом мечется пес, которого подарили Лева и Люсе в Сочи в 49 году. Как все кобели, ведущие городской ненормальный образ жизни, он нажил нрав темный и раздражителен. Он уже кусал кого-то на улице из чистой горечи, ничем на подобное

преступление не подвигнутый. И нынче он загадочен.

28 октября

Большое количество людей раздражает его, а запах кушаний радует. Он то лает, то протискивает между сидящими свою черную башку с белыми пятнами и косится то на стол, то на чужих, то рычит, то виляет хвостом. Но вот добрая водка всех утешает, наводит порядок. Всем нам так нравится и теснота, и гости, и паче мы сами нравимся себе и все болтаем, болтаем и восхищаемся. Завтра, даже сегодня по дороге домой нам не припомнить, над чем мы так смеялись. И только одно и скажем, если спросят: «У Левки вчера было весело». Часто повторяли мы одно и то же, что кажется нам ужасно смешным. Тамара вспомнила, например, однажды стихотворение, которое она сочинила, когда ей было лет шестнадцать и любовные неудачи пронзили ее сердце. Там шли рефреном две строки: «Черное было лето, — Черная будет зима». И мы в течение часа кстати или некстати повторяем эти строки, умирая со смеху. Потом усложняем. Присочиняем к рефрену две строчки. Например: «О „Прекрасной даме“ мечтается. / Можно сойти с ума / Черное было лето / Черная будет зима». Или: «Выпью рюмочку эту / Коль выпьет хозяйка сама / Черное было лето / Черная будет зима». Шум то делается общим, то разбивается между группами гостей, то снова овладевает всеми, все шумят. Пес решил, что так и будет отныне и навеки, и ласкается ко всем без разбора. Люсиного мальчика уводят спать. Гаснет вдруг свет во всей квартире. Кипятили чай, заключающий ужин, и произошло короткое замыкание. Люсин брат уходит с лестницей далеко — далеко по коридорам на площадку. Свет вспыхивает. Мы вскрикиваем от радости. И он, словно испугавшись, гаснет. Но вот вспыхивает опять уже прочно. Женщины протискиваются, по мере возможности, помочь хозяйке. Убирают грязную посуду. Подают чистые тарелки. Со старыми, уже обжитыми, многие расстаются неохотно, просят не убирать их. Это те, кто еще продолжает пить. На столе появляются торты. От «Норда» и самодельные. Передают чай, который пьешь без сахара, от жажды. Чашки разные.

29 октября

И вот так же постепенно, как начался, пока дождались всех гостей, да разместились, да начали пьянствовать, вечер приходит к своему завершению. Перед пьющими стоит последняя бутылка столичной — и как дошла до половины уровня, так и не пустеет. Ты замечаешь не без удивления, что ряд мест — освободился. Подобие, первые проблески похмелья мелькают в твоей душе, тебе чудится, что обидел ты ушедших. Почему они скрылись, не попрощавшись? И тут же вспоминаешь: «Что ты! Ты просто забыл в угаре — ведь ты сам провожал их и помог добыть пальто из груды в углу, и все так хохотали чему-то, что Левка с опасением покосился в сторону гостиницеподобного коридора. Кто-то спросил, не разбудим ли мы Люсиного сына. И она ответила: «Его теперь и пушками не разбудишь». Вспомнив эту картину, я несколько успокаиваюсь. Но охлаждающая, отрезвляющая сила растет. Меня тянет домой. Иногда вдруг с такой силой, что время, когда окажусь я в своей комнате, в постели, кажется мне недостижимым счастьем. И тогда ухожу я один. Но чаще — с последними гостями, с хозяином и хозяйкой, которые идут провожать. Иногда только до ворот, потому что надо вывести пса, который давно уже с надеждой вьется у ног каждого уходящего. В последний раз вышли на улицу мы все, и гости, и хозяева. Уходишь от Левушки не тем путем, что пришел. Ты попадаешь новыми коленами коридора в огромную, приблизительно чистую кухню. С Октябрьской революции плита ее, с волейбольную площадку величиной, не топилась. Из кухни — на черную лестницу со сводчатыми потолками, очень крутую. И ты попадаешь в неожиданно маленький, не по дому, двор, строгий, с конюшнями, за воротами которых десятилетия не стучали копытами по деревянному настилу кони. И не будут больше стучать. Тебе-то это все равно, а двор

глядит хмуро. Его приспособили к потребностям сегодняшнего дня, и он как бы в порядке, а вместе с тем латаный. Долго кричим дворника, пока не прекращается вдаль шарканье метлы и не раздаётся звон ключей. И дворник выпускает нас на улицу, принимая чаевые хмуро, недовольный, как мастер, оторванный от любимого дела. Но когда он вновь берётся за метлу, наконец, то веселее.

30 октября

Исаакиевская площадь пуста. Собор, что бы ни говорили архитекторы, вызывает почтение. Особенно в этот ночной час, когда выходишь ты из прокуренной узенькой комнаты на, площадь и видишь сквозь туман колонны и патетические фигуры высоко — высоко и едва намеченный блеск купола во мгле. Как бы случайно замедляет ход такси. Тамара с мужем усаживаются. Ее легкая, чуть — чуть, может быть, отяжелевшая фигурка выражает вдохновение и восторг. И она кричит, обращаясь к пустой площади: «Аллигаторы! Что вы спите?» И такси уносится в туман. Красный фонарик чуть вспыхивает позади, когда машина притормаживает, пропускает замечтавшегося пьяного. Мы пересекаем площадь. Слышно только нас. Дворники замерли у ворот в тулупах. Иные подметают, словно косят, широко взмахивая метлой. Вот и приходит к концу рассказ о Колесове. Он считает меня знатоком в медицине. Звонил мне как-то, когда заболел Люсин сынишка. Советовался. Однажды уже ночью позвонил он в Комарово. Как я думаю, если болит левое плечо и над сердцем — не может ли это быть обыкновенный прострел. Я сказал, чтобы вызвал он неотложную помощь. И его уложили в Свердловку на два месяца, нашли спазм коронарных сосудов. Уж слишком часто появлялся он в последние годы с насмешливо понимающей улыбкой, дыша в лицо встречным коньячком. После больницы все Левкины друзья радостно, но, правда, с оттенком недоверия рассказывали, что он начисто бросил пить. Однако, на съезде писателей увидел я его в знакомом надменновдохновенном состоянии. Попал он на съезд, махнув перед контролем пропуском в мавзолей. Цвет был одинаковый. Вечером он сидел у меня в гостинице «Москва». Ввиду переполнения, устроили его в конторе у заместительницы директора, где спал он на диване. Все любили, все баловали Левушку, вот он и капризничал.

И теперь — пьет, как пил, и не верит, что болезнь обидит его. Не подозревая, что, не в пример остальным близким ему женщинам, она тупа и ничего не прощает.

31 октября

Но пока что он развелся с болезнью и живет, как жил. Только начал полнеть.

Следующая фамилия **Кукс Миней Ильич**⁴⁶⁵ художник, без признака волос на острой голове, с быстрыми и острыми глазами, поджарый. Любит ходить пешком. Любит забираться летом в настоящую деревню. Он действительно художник, понимающий искусство, только им, его интересами живущий. Отличный рассказчик. Благороден как художник. Одно мешает ему — он ЛИШЬН тятрпдятпт в своей профессии. И говорит он, и чувствует, и живет, и даже сны видит, — как художник, а начинает рисовать — руки отнимаются. Всегда загорелый — все ходит, все глядит, все замечает, а ничего не умеет. Интересен тем, что более русского по характеру редко встретишь. Сибиряк. Он учился там у художника, фамилию которого забыл. Вокруг него в Иркутске (или Томске?) подобрались люди всё крупные, характерные. Он, художник этот, объяснял, что жизнь — подобие решета. Одних просеивает, других объединяет. Увидел я Кукса в первый раз в 41 году. Пришли они ко мне: Тырса, Володя Гринберг⁴⁶⁶ и Кукс — поговорить о том, чтобы эвакуировать Детгиз.

⁴⁶⁵ Кукс Миней Ильич (1902–1978) — художник.

⁴⁶⁶ Гринберг Владимир Ариевич (1896–1942) — художник.

В глазах у Володи была та самая тоска, что охватила и меня в первые дни войны и начисто исчезла в августе. Но я понимал его. Боюсь, что эта тоска и помогла голоду убить его. Тырса был оживлен деловым образом. Он делал разумное дело с увлечением. И никак я не мог поверить, что когда дело это удастся, наконец, и вырвется он из блокады на Большую землю, то умрет по пути. Кукс помалкивал, улыбался только. Мы в те дни мало были знакомы. Познакомились ближе в Комарове, когда заходил он к нам по пути из Дома художников или просто путешествуя по лесам. Всегда чуть возбужденный, маленькие темные острые глазки горят. Говорит, как бы с середины продолжая внутренний монолог, что вел по пути. И всегда на высоком уровне, всегда интересно. Сам похож на индейца с острым своим черепом, черными глазками, красным лицом. Нет, красной кожей. А говорит чисто сибирским говором. А пишет безлично. Даже обидно.

1 ноября

Елена Осиповна Катерли, ⁴⁶⁷ человек оживленный, говорит с напором, все хохочет или кричит преувеличенно сурово своим сипловатым голосом. Лицо нездоровое, обрюзгшее, немолодое — да и с чего быть молодым — она уже бабушка. Наше отделение союза похоже на Азовское море или Меотийское болото, как называли его древние. При небольшой величине, отличается оно сильными бурями, а в тихие дни идет незримое глазу болотоподобное человекоубийство. Не в переносном, а в прямом смысле. Физически, правда, не приканчивают, но подготовка к этому акту проводится со всей бессовестностью, со всей озлобленностью, на какую способны неудачники. И ты чувствуешь эту незримую работу, придя в союз, как чувствуешь сырость, подойдя к трясине. И вот тут утешительно видеть светлые глаза Катерли, длинное лицо Чивилихина⁴⁶⁸, круглого, к к мяч, вспыхивающего, как спичка, Прокофьева⁴⁶⁹. Они не отравлены ядовитым воздухом Союза писателей. И если полезут в драку, то тебе на пользу. И ты это знаешь твердо. Это люди. У Катерли милейший и тишайший муж, долго работавший в военной газете и сначала переведенный в Свердловск, а года три назад уволенный в отставку. Он пишет книгу об Урале, Семен Семенович. И все прихварывает, но тихо и молча. После работы, многолетней работы в газете, у него повышенное кровяное давление. Их дочка вышла недавно замуж, мальчику, внуку их, год девять месяцев. Они дрожат над ним. Плача, пришла ко мне в Комарове дочка Катерли жаловаться — после кормления мальчик недостаточно прибавляет. Мы звонили по телефону Елене Осиповне, и дочка говорила жалобно: «Что ты сердишься, я сама волнуюсь». Но все кончилось хорошо. Когда внуку исполнился год, позвали нас в гости. Зван был и старый детский врач Фарфель, лечивший и мою Наташу, которая теперь, когда у нее двое ребят, удивляется, как это можно беспокоиться о ее здоровье. На столе у Семёна Семеновича стояла фотография женщины такой красоты, что даже грустно. Тайно смотрели огромные глаза из-под больших полей шляпы. Это и была сама бабушка, наша Катерли в молодости.

2 ноября

Кадочников Павел Петрович, ⁴⁷⁰ когда я с ним познакомился, был человеком. В

⁴⁶⁷ Катерли Елена Иосифовна (1902–1958) — писательница.

⁴⁶⁸ См. «Чивилихин Анатолий Тимофеевич», с. 619.

⁴⁶⁹ См. «Прокофьев Александр Андреевич», с. 606.

⁴⁷⁰ Кадочников Павел Петрович (1915–1988) — артист театра и кино. С 1935 по 1944 г. — в труппе Нового

середине тридцатых годов я встречал его в Новом ТЮЗе. Тогда он был артист настоящий, с тем послушным воображением, что так удивляет и превращает искусство в чудо. Совсем еще мальчик, играл он старика в одной пьесе моей⁴⁷¹, вставляя свой текст, против которого не поспоришь, а только удивляешься и радуешься. Играл во всю силу, радуясь ей и заражая своей радостью. Играл отлично. С артистом, так сыгравшим в твоей пьесе, устанавливается особая близость, вроде родственной. Еще лучше сыграл Кадочников Сказочника в «Снежной королеве». И ему было тесно в актерских рамках, он пробовал писать излишне эмоционально, словно играя роль. Из таких актеров, если жизнь их складывается благополучно, вырастают еще и режиссеры. Они играют и ставят. Но у Кадочникова случилась беда, — он прославился. В кино. Сыграв, нет, показав самого себя, в картине «Антон Иванович сердится»⁴⁷². Он привлекателен и понравился зрителям. И его пригласили еще сниматься, и еще, и еще⁴⁷³. Театр он бросил, а в кино играл все одно и то же. И люди на улицах узнавали его, он получал сотни писем и поверил, что он такой и есть, и кончился. Я с тюзовских времен не встречал его. И вот однажды позвонил мне в Комарово некто, судя по голосу, человек разбитной, и сказал: «С вами говорит секретарь Кадочникова Павла Петровича». Уже и секретарь образовался возле него! Оказывается, Павел Петрович прг зит написать ему программу для выступлений. И вот тож ехал он сам, в собственной машине, которую вел лично. Некогда он был умен, по — актерски. Имел чутье. Но потерял его — слава отбила. Он привез мне свои записки. В начале войны имеющие признаки жизни. Чем дальше, тем хуже. Любопытны были не записки, а стенографические беседы его со зрителями. И он все улыбался, неудержимо, как влюбленный. А предметом любви был он сам. Мы поехали вместе в город. Он все улыбался.

3 ноября

По дороге он рассказывал, что есть у него дача, где столько-то фруктовых деревьев. Что получил он новую квартиру на углу улицы Горького и Кировского проспекта. Что его хотел оштрафовать гаишник, но увидев, что нарушитель — Кадочников, улыбнулся и отпустил. И все это была правда. И его глаза сияли, и влюбленная улыбка почти застенчивая, не сходила с миловидного лица. И цена ему, лицу этому, была грош, а душа, единственное, что могло бы спасти его, давно и с охотой была продана черту. Но и в аду дела его не так хороши, как прежде. Гаишник, улыбаясь, отпустил его, не оштрафовал за нарушение. Но в киностудии народ безжалостный. Криво, косо, спотыкаясь, но искусство это совершенствуется. И в последней картине его партнеры играли, а он пытался заразить зрителей своей влюбленностью в самого себя. «Ну, разве я не мил», — повторил он, какие бы слова не доставались ему по его роли. А тут же, рядом, мальчик, играющий в кино чуть не в первый раз, воспользовался новыми открытиями в своей области. И получилась у него фигура поразительная по живости. Получилось чудо, рядом с которым постыден был бедный миловидный, со лживыми губами Павел Петрович⁴⁷⁴. Туго. Балласта не дали ему в юности,

ТЮЗа, исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

⁴⁷¹ Кадочников играл роль Деда Тараса в спектакле по пьесе Шварца «Брат и сестра», поставленном Б. В. Зоном в Новом ТЮЗе.

⁴⁷² Фильм «Антон Иванович сердится» вышел на экраны в 1941 г. Режиссер — А. В. Ивановский. Кадочников исполнил роль композитора Мухина.

⁴⁷³ Кадочников снимался в следующих фильмах: «Иван Грозный» (1 и 2 серии, 1945, 1948), «Подвиг разведчика» (1947), «Повесть о настоящем человеке» (1948), «Заговор обреченных» (1950), «Большая семья» (1954) и мн. др.

⁴⁷⁴ Имеется в виду фильм «Укротительница тигров» (1955), где снялись Леонид Федорович Быков

того балласта, что помог бы ему сохранить устойчивость. По самоуверенности походил он на жену ответственного работника. А был человеком когда-то. Даже секретарь не помогал ему. Я не разглядел — нет ли у секретаря козлиного копыта. Но, увы, кажется и этого подобия значительности лишена простая история Павла Петровича Кадочникова. Был человек — и нет. Осталась чертова кукла.

Королев Михаил Михайлович, ⁴⁷⁵тощенький человек, бледный, блондин, вместо крови и в артериях, и в венах обращается у него лимфа. То он поднимется довольно высоко — в Управление по делам искусств, или определяют его режиссером в Большой драматический театр — и уйдет поскорее. По своей воле. В место, более близкое его душе, в Театр кукол по улице Некрасова, в тот самый, где бушевал некогда темноволосый выпуклоглазый Шапиро⁴⁷⁶ — полная противоположность Королеву.

4 ноября

Он, видимо, не лишен способностей. В театре, даже в Большом драматическом, отзывались о нем скорее доброжелательно, что для подобного коллектива почти чудо. Но не по тщедушной его фигуре был этот цинический, и равнодушный, и непослушный бывший театр. На работе мы не сталкивались, но одна его речь надолго запомнилась мне. Было какое-то совещание в Смольном, посвященное репертуару и драматургии. И Королев говорил о том, как поставлен в «Ленинском комсомоле» «Аленький цветочек»⁴⁷⁷ (пьеса, кстати, шла и в его излюбленном Театре кукол). «В основном спектакль получился, — жалобно говорил он, прижимая худые ручки к плоской груди. — Но один образ решен не! ерно. Образ Кикиморы не удался». И он горячо, насколько позволяла лимфа, пульсирующая в его сосудах, и вместе с тем жалобно глядя поверх непочтительно болтающих о своих делах театральных работников, лесочно- бледный, невесомый, все доказывал и доказывал, что образ Кикиморы в Театре Ленинского комсомола не удался⁴⁷⁸?

Капица Петр Иосифович ⁴⁷⁹ — человек, с которым я знаком лет двадцать. Он пополнил и поширил, стал матерым, взрослым, и его Валя из тоненькой стала осанистой и не видит без очков, у нее развилась какая-то особенная дальнорзоркость, требующая стекол и для улицы. И сын их вырос, кончил в прошлом году десятилетку. И все еще мы не знакомы. Словно стена между нами, мы прожили все эти годы как бы в несообщающихся разделах союза. Отношусь я к нему доброжелательно. Он менялся, когда менялось время, но в необходимых пределах, сохраняя честь. По возможности. И он понятен мне насквозь, когда я вижу из окна, как шагает он с кем-то из родственников, в подсученных старых штанах, в старой рубашке, в сапогах, с удочками в руках на рыбную ловлю. Это в Комарове. И я

(1928–1979) в роли Пети Мокина и Кадочников в роли мотогогонщика Ермолаева.

⁴⁷⁵ Королев Михаил Михайлович (1913–1983) — режиссер кукольного театра. С 1946 г. — режиссер, с 1948 г. — главный режиссер Ленинградского Большого театра кукол.

⁴⁷⁶ Шапиро Савелий Наумович (1906–1948) — режиссер, с 1932 г. — директор, с 1947 г. — художественный руководитель Ленинградского театра кукол, театральный рецензент. Ставил кукольные спектакли по пьесам Шварца.

⁴⁷⁷ Спектакль «Аленький цветочек» по инсценировке Л. Т. Браусевича и И. В. Карнаухова был поставлен в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола. Премьера состоялась 30 декабря 1951 г. Роль Кикиморы (Бабы Яги) исполнял Е. А. Лебедев.

⁴⁷⁸

⁴⁷⁹ Капица Петр Иосифович (р. 1909) — писатель.

сочувственно смотрю, как Валя и он, купив два сруба на Карельском перешейке задешево, но толково и хозяйственно, чудом каким-то подняли дачу и почти достроили ее. Но если мы встречаемся в поезде по пути из Комарова, говорить нам не о чем.

Мы прожили много лет рядом, рядом и работали и настолько знаем друг друга, чтобы угадать, как по — разному смотрим на свою работу. Можно писать на его лад, — простые морские рассказы с приключениями. Можно писать на мой лад. Но он не отравлен самой литературой, хотя бы как Гор, с которым, при всех условиях, у нас найдется, о чем поговорить в течение часа, пока идет поезд из Комарова в Ленинград. Капица, вряд ли сознавая это, больше душевных сил отдает той работе, в которой воспитался с пионерских лет. Он бывал и секретарем партийной организации, и членом бюро, и одним из редакторов «Звезды», и членом редколлегии и редсоветов различных издательств. Люди, отравленные литературой, в подавляющем большинстве бегут от работы административной. А Петя Капица погружен в нее с головой и не чувствует от этого ни малейшего неудобства. И носится он в волнах Азовского моря, или перебирается через трясины Меотнийского болота, или, проще говоря, бьется горячо в боях и отбивается в склоках ЛО ССП. Но сохраняя честь в необходимых пределах.

5 ноября

Кобзаревский Павел Семенович. И тут же приписано — Михаил Семенович. Как его зовут по — настоящему, не знаю. В союзе нашем не так много людей, знаешь всех в лицо. Но некоторых без фамилии, некоторых — без имени. Долго я с Кобзаревским только здоровался, а потом, когда поселился и он в Комарове, узнал его ближе. Существо, скроенное нескладно, но крайне жизнеспособное. В семье вечно у него горести. Иной раз совсем худо, но он не сдается. Однажды, увидя меня на Привокзальной улице, соскочил он с велосипеда, на котором ездил тоже нескладно. Привязывал к раме свою собаку непонятной породы и крутил педали, не оглядываясь, а та мчалась, высунув язык, за машиной, казалось, что ошейник вот — вот ей перережет глотку. Соскочил он с велосипеда и сообщил с глубоким возмущением: «Наш Берлянд! Красив! Сказал, ну его к черту, что жена моя безнадежна. Поверю я ему! Как же так! Еще чего!» Ему так не хотелось верить в самую возможность подобной обиды, что жена его и в самом деле поправилась. Через год или два помешалась его теща или что-то еще в этом роде стряслось над его кудлатой головой. Но и с этим он справился как-то прямыми жалобами и возмущением. Незаметно перестроил он сторожку во дворе дачи, арендованной Брауном, так что превратилась она в настоящую дачу приличного размера. А литературные дела свои уладил, укрепившись в должности некоего полпреда Белорусского союза писателей в Ленинграде. И сам переводит, и издание сборников — на нем, и белорусские писатели, приезжая, останавливаются у него. Один из таковых, полный и солидный, крепко обхватив меня за шею, спросил: «Признавайся, есть черт или нет!» Это был известный партизан, ныне писатель, иногда запивающий. И Кобзаревский возле него был до того пьян, что казалось, над кудлатой его головой, словно нимб, не рассеиваясь, стоит запах перегара.

6 ноября

Но он себя вел вполне жизнеспособно. Только улыбался непривычно широко и несколько застенчиво. В последние год — два он окончательно перестал стричься. Волосы, полуседые уже, шапкой стоят над головой. Лыжный костюм, ночные туфли на босу ногу, дачники оглядываются, а сторожилы ничего, привыкли. Собачка его пропала. Кобзаревский взял спаниеля и этому псу, не в пример первому, беспородному, предоставил полную свободу. И попал пес под машину, и ампутировали ему заднюю ногу. Но пес длинношерстный, с болтающимися ушами, черно — белый, жизнеспособный, бегаёт легко по чужим дворам на оставшихся трех — ведь потерял он, в конце концов, такую короткую

ногу. Кобзаревский при встрече редко ограничится поклоном. Тряхнув кудлатой головой, скажет он: «Евгению Львовичу!» И пожмет руку. И расспросит о новостях, и сам расскажет что-нибудь о Белоруссии. Точнее, о той ее части, что входит в Союз писателей Белоруссии. В президиум союза. Тебя выслушивает крайне внимательно. Все заставляет повторять дважды. Словно недослышав. Только и раздается: «А? А?» Часто вставляет белорусские словечки и целые фразы. Зная его жизнеспособность, переходящую границы — я с осторожностью отношусь к добродушию, которым дышит его речь. Ему не нравится, что сад у меня в порядке. Точнее, хочется, чтобы сад был у него. И тоже в порядке. Он сказал сторожу, пьянице Алексею Гавриловичу, что я зарабатываю тысячу рублей в день. Вон какие подозрения бродят в его ревливой, воспаленной от избытка жизнеспособности, нескладной башке. А пьяный добродушнейший монтер, по прозвищу Елка — Палка, чистая душа, начал было рассказывать, как поспорил из-за меня с Кобзаревским, который говорит... Но я не позволил ему продолжать. Не желая огорчаться. Вот тебе и «Евгению Львовичу». Но тем не менее мы встречаемся и обмениваемся приветствиями. Чего там. Мало ли что. Пусть живет.

7 ноября

Есть среди членов союза, много лет привычных и знакомых, настоящие сумасшедшие. В моей телефонной книжке на букву К таковым является **Канторович Анатолий Всеволодович**, пишущий под псевдонимом Танк⁴⁸⁰ журналист. Между припадками безумия он совершенно нормален. Разве что уж слишком вежлив. Лицо несколько рассеянное и озабоченное, чуть как бы потертое временем. И волосы пообтерлись с годами. Самое пугающее во всей фигуре — это полная обыденность и прозаичность, когда знаешь, что от времени до времени увозят его в сумасшедший дом. И еще удивительно, что он, небогатый, немолодой, робкий, пользуется успехом у женщин. Это обнаружилось, когда жил он в Доме творчества в Комарове и они ездили к нему. И он с нарочитой своей вежливостью целовал руку очередной гостье, низко склонившись, и уводил в свою комнату. Что их привлекало? Страх одиночества? Непривычная вежливость, с которой он обращался с ними? Или в самом его безумии скрывалось нечто прельстительное для женщин. Кто его разберет. Во всяком случае, раз в полгода примерно увозят его в психиатрическую лечебницу. В чем заключаются припадки, не смею сказать. Однажды, впрочем, много лет назад, в Крыму покушался он на самоубийство, пробовал перерезать себе горло. Слышишь ты, что его увезли, — без удивления. И так же спокойно — о, сила привычки! — замечаешь в городе его прозаическую, обыденную фигуру и читаешь его крайне нормальные статьи, за подписью Танк. Вот и верь наружности. Вот и попробуй угадай, что скрывается в глубинах и трясинах любого твоего соседа по общему собранию.

8 ноября

Перехожу на букву «Л». На букву «К» остались только **Кальма** — о ней буду говорить, если дойду до московских телефонов, записанных отдельно в книжечке, что беру я с собой, когда еду в командировку. Остались еще **Крыжановские: Олег и Нина Владимировна**, слишком близко ставшие ко мне, чтобы о них можно было рассказать. **

Остался **Кратт**, не могу заставить себя говорить о нем. Миша Козаков такой старый знакомый, что и смерть не уводит его из поля зрения. А Кратт словно весь в черных драпировках, что никак не идет к нему живому и сбивает с толку. Осталось на «К» и несколько фамилий, о которых я никак не могу вспомнить — почему они записаны и кому принадлежат.

Л

Начинается список на «Л» с **Анечки Лепорской**.⁴⁸¹ Познакомился я с ней в 28 году. Тоже — из самых близких людей и поэтому из самых трудных для описания. А не описывать обидно: уж очень характер любопытный. Она из Пскова, где родилась и выросла в среде, полярной той, где пришлось ей жить в дальнейшем. Отец ее был ректором семинарии, а учителем в Академии художеств — Казимир Малевич⁴⁸², основатель школы супрематистов. Человек с признаками гениальности, поляк, воспитавшийся на французском искусстве и восставший против своих учителей, — вот куда попала Анечка из строгой русской священнической семьи. Из Пскова почти что в Латинский квартал. Впрочем, был этот квартал уже деформирован. Малевич обосновался почему-то сначала в Витебске. К годовщинам, первым годовщинам, Октября добывал Малевич и его ученики вагон, теплушку, на которой укрепляли огромный белый квадрат с черным посередине, герб школы или марку школы, и ехали показывать новые работы в

Москву. И там выставляли их на Страстной, кажется, площади. И никто не удивлялся ни квадрату, ни выставке. Такое было время.

10 ноября

Думали, что так надо. В Витебске вел Малевич идейную борьбу с Шагалом⁴⁸³ и победил, и вытеснил побежденного в Париж. Как было установлено, кто победил, — я никак не могу себе представить. Вряд ли судило тут вече или Совет рабочих депутатов. Идеи свои излагал Малевич столь темно, да еще с полонизмами, что о победе его, вероятно, судили ближайшие ученики, которых личным влиянием и загадочной речью сколотил Малевич вокруг своей школы плотней и дружней. Те из них, кого я знал, говорили об учителе своем и говорят до сих пор с благоговением и берегут его записные книжки, словно священное писание. И никогда о нем не сплетничали, но говорили о нем лично с улыбкой, как лебедевские графики — о Лебедеве. Из Витебска с самыми верными перебрался Малевич в Ленинград. Тут Анечка с ним и встретилась и стала преданнейшей его ученицей и вышла замуж за Костю Рождественского⁴⁸⁴. И сняли они комнату у Тыняновых, Анечка знала их еще с Пскова. Тут познакомилась она с Катей⁴⁸⁵. А Малевич с лучшими учениками стал работать на Ломоносовском заводе. В Ленинграде он воевал больше всего с Татлиным⁴⁸⁶. Они обвиняли друг друга чуть ли не в уголовных, очень таинственных преступлениях. Они, если верить их разбушевавшейся подозрительности, все время становились жертвами шпионажа. Лазутчики прокрадывались в мастерскую Татлина и похищали для Малевича его идеи. И наоборот. Посуда Малевича и его учеников — беспредметная, супрематическая, расписанная квадратами, и треугольниками, и кругами, — они искали чистой формы, хотели ее освободить, — производила впечатление. И длинный Татлин, стоящий возле своих картин

⁴⁸¹ Лепорская Анна Александровна (1900–1982) — художник-прикладник.

⁴⁸² Малевич Казимир Северинович (1878–1935) — художник, основоположник супрематизма, одной из разновидностей абстрактного искусства.

⁴⁸³ Шагал Марк (1887–1985) — французский художник, родился в России.

⁴⁸⁴ Рождественский Константин Иванович (р. 1906) — художник декоративного искусства, оформитель советских павильонов на Всемирных выставках в Париже (1937), Брюсселе (1958).

⁴⁸⁵ См. «Альтус Ефим Григорьевич», комм. 5.

⁴⁸⁶ Татлин Владимир Евграфович (1885–1953) — художник.

на выставке в Академии и объясняющий их, производил еще более сильное впечатление. Любимым учеником Малевича⁴⁸⁷ был Суетин. Более молодые, — не по возрасту, а по стажу ученическому, — называли его полушутя: маэстро. И он влюбился в Анечку и приходил вечером, бросал камешки в окно Анечки. Звал ее объясняться. И через Катю передавал угрозы Косте.

11 ноября

Вернусь к временам более ранним. Вчера, как нарочно, зашла Анечка, и я расспросил ее подробнее о витебских боях между Малевичем и Шагалом. В Витебске оказались эти художники по причинам голодного времени. Они работали в художественном институте, Анечка не могла вспомнить его названия точно: номенклатура так часто менялась за эти годы. Находился институт в ведении ИЗО Наркомпроса как будто, и Малевич возглавлял его. Победа над Шагалом, в сущности, заключалась именно в том, что я вчера рассказал предположительно. Впрочем, школа супрематистов еще умела оформить выставку, праздник, казалась местным властям куда более современной, чем Шагал, с его летающими по воздуху влюбленными. Вот почему удавалось супрематистам добывать теплушки и ездить в Москву с творческим отчетом к каждой годовщине Октября. Однако, борьба Шагала с Малевичем вышла скоро за пределы мастерских. На каждом заборе Шагал и его ученики писали своих летающих женихов и невест, а на брандмауэрах — супрематисты свои квадраты. В Москву полетели жалобы. ИЗО Наркомпроса послал Фалька⁴⁸⁸⁴⁸⁹ разобраться, в чем дело. Фальк приехал. И Витебск ему очень понравился. И вместо того, чтобы судить, он взял да и остался в этом городе и получил и себе мастерскую в институте. И ученики с удивлением и восторгом узнали, что есть на свете живописные ощущения еще одного рода. И Фальк вместо того, чтобы судить, стал учить. И кончилось дело тем, что к 21 году институт закрыли и Малевич с лучшими учениками перебрался в Петроград. Здесь он вовсе не поступил в Академию художеств, а стал во главе какого-то экспериментального института, работал на Ломоносовском заводе и так далее. Вот тут-то Анечка и Костя стали учениками Малевича. И Суетин, любимый ученик, вывезенный из Витебска, которого звали ленинградские ученики полушутя, а вместе и почтительно «маэстро», влюбился в Анечку. И со свойственным школе красноречием убедил ее, наконец, уйти от Кости.

12 ноября

Я познакомился с ними, когда уже давно состоялся развод. Анечка в пенсне, светловолосая, шустрая, веселая, высокая, а маэстро — с лицом аскетическим, темным, взглядом диловатым, молчаливый. Знакомились мы осторожно, поглядывая друг на друга с недоверием. Я был в ковбойке, такие рубахи продавались во всех магазинах в 28 году. Вследствие чего приняли они меня за киношника. А я почувствовал осуждение в диловатом взгляде маэстро и тоже замкнулся. Вскоре, однако, мы разглядели друг друга ближе. Анечка и маэстро были в расцвете, как бывает с людьми после тридцати лет. Маэстро вместе со вторым любимым учеником Малевича — Чашником⁴⁹⁰ руководил окраской домов на улице Стачек. Связь с Ломоносовской фабрикой еще не была потеряна. Наступление на

⁴⁸⁷ В подлиннике ошибочно — Малюгина.

⁴⁸⁸ Суетин Николай Михайлович (1897–1954) — художник.

⁴⁸⁹ Фальк Роберт Рафаилович (1886–1958) — художник.

⁴⁹⁰ Чашник Илья Григорьевич (1902–1929) — художник, ученик К. С. Малевича.

формалистов едва только намечалось. И маэстро, и Анечка охотно и легко, как подобает ученикам Малевича, говорили об искусстве. Любимым их словом было «ощущение» — причем, сами они признавали, что это слово дает приблизительное представление о том, что они пытаются с его помощью передать. Самым понятным было утверждение, что они хотят сначала найти чистую форму — черный квадрат в белом был как бы предпосылкой, началом этих поисков. Хармс тоже говорил: «Хочу писать так, чтобы было чисто». Здесь я еще понимал кое- что. Но ни один из знакомых художников не теоретизировал так много и так загадочно о путях к этой чистоте. Когда я смотрел на беспредметные их скульптуры, что- то понимал. Но длинные с цитатами — «Казимир сказал» и «Казимир написал» — речи оставались для меня темны. Анечка веселая, высокая, шустрая — по моему ощущению — более веровала, чем понимала. Вероятно, на свой аскетический, диковатый лад маэстро понимал то, что говорит, более Анечки. Во всяком случае он верил, что понимает.

13 ноября

Уж очень сосредоточенно, без примеси притворства, он проповедовал, потупив диковатые, выпуклые свои глазки. И худые плечи, и руки расположены были у него в подобных [случаях] почти совсем по — монашески, совсем бы проповедник новой религии, если бы через каждые два слова не поносились мистика. Мистика мешала добиться чистоты формы. Развод дался Анечке тяжело. До сих пор кажется мне, что тут — в решении развестись — сыграла роль та сила, что толкает иных женщин туда, где ждет ее боль. Веселая светловолосая Анечка, со своей вечно бодрой и шустрой повадкой, мучительно страдала и, чтобы справиться с собой, пошла лечиться к докторше. Она в домашних беседах называлась Софья и считалась непререкаемым авторитетом в области психики, как Казимир в области супрематизма. Лечила она психоанализом по Фрейду⁴⁹¹. Помогал ей муж, которого называли у Суетиных Сережка, хоть и относились к нему не без уважения. Он не был врачом. Стал психоаналитиком из пациентов. И мужем Софьи стал тем же путем, полечившись у нее долгое время. Мне спокойствие, уравновешенность дается с таким трудом, что я чувствую ужас, когда кто- то анализом или не анализом пробует тронуть хоть песчинку из этой моей самодельной постройки. Но Анечка испытывала облегчение после каждого сеанса, где добивались до переживаний даже утробного периода ее жизни. И маэстро стал ходить на лечение психоанализом. «Это помогает вышибать из подсознательного всякую мистику». Так и в фрейдизме и в сближении пациентов с врачом чувствовалась все та же потребность веры, что объединяла учеников Казимира. Маэстро был в расцвете сил. Его хватало и на супрематизм, и на психоанализ, и на проповеди. И Анечка и страдала, и хохотала, и писала натурщиц, решая их кубистически в зеленовато- коричневатом — грязноватых тонах, и занималась хозяйством, и все спешила, и все опаздывала. И маэстро за ней. Чтобы не опаздывать, переводили они часы вперед [на час].

14 ноября

Потом на два. Но это мало чему помогло. Они собрались в Псков и три дня подряд опаздывали на поезд. Спускались со всеми вещами, садились на извозчика и возвращались обратно. Три раза! Однажды позвала нас Анечка к пяти часам обедать. Достала где- то утку. И с утра она и маэстро хлопотали над ней. Над уткой. Весело, шумно шустрая, как всегда, убегала Анечка в кухню и возвращалась. И все как будто с толком. То принесет вымытые

⁴⁹¹ Фрейд Зигмунд (1856–1939) — австрийский врач — психиатр и психолог, основатель психоанализа. Названия известных изделий, выпускавшихся фарфоровыми заводами немецкого города Мейсена, а также русскими заводами, принадлежавшими Попову и Гарднеру.

тарелки, то отнесет на кухню чищенную картошку. Но за стол мы сели в девять часов вечера. Жили они тогда в огромном доме, угол Греческой и Бассейной, дом бывших собственников квартир. У дома не было владельца. Каждый жилец не нанимал, а покупал квартиру. И многие владельцы квартир, в прошлом люди состоятельные, еще ютились в одной — двух комнатах своих бывших владений. Живут они там и до сих пор. В комиссионном магазине возле, на углу ул[ицы] Восстания, до сих пор можно увидеть их фарфоровые чашечки — старый Мейсен, Попов, Гарднер⁴⁹², веера, гранатовые браслеты, даже лорнеты на черепаховой палочке — все оттуда же, из недр этого дома. По общительности своей Анютка знала очень многих из этих на диво жизнеспособных представителей отживающего мира. И вечно узнавали мы об удивительных историях, разыгрывавшихся в недрах этого дома, подобных тем, что Софья добывала в недрах человеческой психики. То пожилая дама выходила замуж за человека лет тридцати пяти, которого считали все женихом ее дочери. И в пасхальную ночь встречали мы их во дворе под руку, по дороге в Греческую церковь. Он в котелке на круглой, упрямой башке, большемордый, в белом атласном кашне и она, вполне еще привлекательная женщина, в каракульчевой шубке. То узнавали мы об истории противоположного характера: мать запрещала дочери выходить за того, кого та выбрала, и дочь — лимфатическая, тихая, умолкая, подчинялась. И в этом окружении Суетины и жили.

15 ноября

И приносила Анечка из недр этого дома не только новости о жильцах, но и разные новые лекарства. Склонность к подобного рода непременно самодельным лекарствам была ей удивительно свойственна. Где корни этому? Очевидно, все тот же дар — вера. Она все ждала чуда. К прежней детской вере пути позаросли. А тут еще Софья вышибала из подсознательного мистику. И вера укрывалась в кубистически решенных зеленых бедрах натурщицы, в религиозном уважении к фрейдизму и супрематизму. «Ощущение» произносилось с тем же чувством, что «откровение». А лекарства, вроде алоэ (вскоре отвергнутого, поскольку признала его медицина), были еще и протестом против установившихся форм. Ожидание чуда, потому что установившиеся формы давали мало радости. Медицина была суха, холодна и рационалистична вроде академической живописи. А травы или отвар из лишая на березе — обещанные чудеса. Впрочем, недоверие к медицине законной — явление народное. Когда жили мы на Литейном, во втором этаже принимала сестра доктора Бадмаева. Бывало, не протолкнешься на лестнице к себе на четвертый. А в доме рядом принимал известный гомеопат, старик, по фамилии, кажется, Габрилович, и к нему записывались чуть не за две недели вперед. Анечка сообщала об инженере, открывшем какие-то порошки, обрывающие рак, о какой-то коре, излечивающей все болезни. И тут же рассказывала запутаннейший случай, излеченный Софьей. И добавляла: «А в лечебнице эту больную, несчастную, лечили водой!» Но всегда у Анечки было интересно. Зайдешь во двор дома собственников, поглядишь наверх. Две комнаты Суетиных были расположены под прямым углом. Если светятся окна, пускались мы в длинное путешествие наверх. Радовал меня запах на лестнице. Пахло, как в майкопской библиотеке. Жилось мне в те дни непривычно. Жизнь вдруг переломилась и как будто бы очистилась, и я был счастлив, но никак не мог оглядеться.

17 ноября

У Суетиных всегда было интересно. В те дни Суетин занимался своим делом вполне бескорыстно. Уже началось гонение на формалистов, а он все делал одно: или карандашом

⁴⁹² Всемирная выставка в Париже открылась 24 мая 1937 г. Сообщения об открытии на выставке павильона СССР см. «Известия ЦИК», 1937 г., 26 и 27 мая.

узкую, чуть склоненную набок как бы голову и ее же маслом, и фигуру, как бы фигуру, как бы с подносом, украшенным цветными треугольниками. И у фигуры была все та же склоненная голова, форма головы, без лица. Иногда маэстро начинал, все так же диковато поглядывая или потупив глаза, проповедовать и на литературные темы. Так, однажды объяснял он долго, сосредоточившись изо всех сил, как было бы интересно стихотворение о форме «А». Буквы «А».

Имел ли он в виду форму ее начертания или некую другую, понять я не мог. Говоря, он делал руками движения, рисующие именно типографскую форму этого звука. Выражался же гораздо темнее. Как будто имелось в виду нечто другое, куда более сокровенно — глубокое, однако, безо всякой мистики. И ничего не понимая, я тем не менее чувствовал, что сам он верует в то, что добывает из цепи ощущений. В литературе он, как, впрочем, многие настоящие художники, ничего не понимал. Веровал в Хлебникова. В Коране признают одним из пророков Иисуса. А спросить у любого магометанина — читал ли он Евангелия? И кроме того, в те дни еще было ощущение какой-то связи между передним краем литературы, изо и музыки. Но наступление на этот край — на левое искусство или формализм — шло все возрастая. У Малевича мастерскую отобрали. Формалистов стали удалять со всех ключевых позиций. Но маэстро и Костя Рождественский, с которым тот успел помириться, считались все еще лучшими оформителями города. Умели объяснять каждую свою работу теоретически. К этому времени обстоятельства сложились так, что мы реже встречались с Анечкой и Суетиным. Им поручили оформление Парижской выставки⁴⁹³.

18 ноября

Суетины остались хорошими знакомыми, которых, по стечению обстоятельств, встречаешь два — три раза в год. Анечку, впрочем, чаще. Она прибегала с массой новостей и сведений, высокая, шустрая, веселая. От жадности, с которой она впитывала впечатления, в голове у нее происходили иной раз недоразумения. Так, сообщила она мне однажды, что Шекспир писал по-латыни. Сколько я ни спорил, она стояла на своем. Первое впечатление задело ее чувства и тем самым заняло место среди прочих ее верований. А попробуй, вырви чувство, воздействуй на веру. Я звонил Лозинскому⁴⁹⁴, но и он ее не убедил. Я показал ей издание «Гамлета» в переводе Лозинского, где на левых страницах шел текст английский, а на правых — перевод. Тут она чуть дрогнула. «Ну, может быть (может быть!) — сказала она. — Некоторые пьесы писал он по — английски. Но все (все!) они написаны по — латыни». Издали — издали стали доноситься слухи, что маэстро уже не тот. Работали они с Костей в Москве, своими глазами убедиться я не мог и потому предпочитал не верить, но рассказывали, что маэстро, пьяневший от одной рюмки, теперь научился пить. Связался с какой-то девушкой. С Анечкой не то разошелся, не то нет. Впервые встретился я с ним, когда вернулся он из Парижа. Анечка привела его к нам в гости. И в самом деле — держал маэстро руки и плечи не по — монашески. И не проповедовал. Со смертью Малевича, главы ордена, с успехом выставки он словно бы разрешил себе наслаждения менее высокие. Глаза все смотрели диковато. Он выпил со мной пол — литра коньяку, потом вина, но ничего с ним не случилось. Маэстро вырос, дверь школы со смертью учителя распахнулась и выпустила его в толпу взрослых и практических людей. Опьянев, он стал не проповедовать, нет, но делиться практическим опытом. Он объяснял, как надо обращаться с заказчиками. Как вести себя — не стоит вспоминать. Со свойственной людям его склада правдивостью, он не стыдился себя в новом воплощении и веровал, что так и надо.

⁴⁹³ Лозинский Михаил Леонидович (1886–1955) — писатель, переводчик.

⁴⁹⁴ Международная выставка открылась в Нью — Йорке 30 апреля 1939 г.

19 ноября

Взрослый маэстро отошел от нас еще дальше. Вскоре стал он готовить вместе с Костей оформление американской выставки⁴⁹⁵. Советского отдела выставки. Тут они поднялись до таких высот, что Костя Рождественский уверовал в свою значительность до самой глубины души. Он и без того уродился дородным и рослым, а тут еще появилась некоторая сановитость и почти министерская рассеянность. Ему чудилось, что удача пришла к нему неспроста. Все, что он думал о самом себе, подтвердилось — так чудилось ему. Превратился он в оформителя, но писать бросил начисто. А маэстро, по правдивости своей, сошелся с молоденькой женщиной, но объяснил Анечке, что без нее жить не может тоже, и она, по верности и склонности к самым трудным для нее, самым мучительным положениям, пошла на это. Все они жили в Москве и работали над оформлением выставки, но Анечка получала меньше других, — маэстро считал, что неудобно выдвигать жену. И при этом все знали, что есть у него еще жена.

Так и представлял он свою девушку. А потом с Костей уехали они в Америку. А у новой жены маэстро родилась девочка. Мы совсем уж почти не встречались. Катюша поговорила с маэстро по телефону, сказала, что Анечка погибнет, если он не поддержит, хотя бы с материальной стороны, ее жизнь. Потом, кажется, Катя встретилась с ним и поговорила в Летнем саду. И сказала потом, что понимает маэстро. Правдивость в любовной стороне его жизни, вероятно. Я не расспрашивал. (Почему всегда неловко писать о жене и приводить её слова?) Летом сорокового года, когда совсем уже больной папа жил у нас на даче, и маму перевез я туда же, уговорили мы и Анечку переселиться к нам. Она заняла верх во флигельке, где жила хозяйка дачи. Сложностей и боли досталось ей на этот раз больше, чем может вынести человек. Она исхудала. Всегда бледная, как подобает блондинке с рыжеватым оттенком, тут стала она невозможно белой.

20 ноября

Но по удивительной жизненной силе оставалась она все той же — веселой, шустрой, быстрой. Вставая на рассвете, ухитрялась тем не менее опаздывать к завтраку. Папа не жил, а мучился, но выходил к столу, задыхаясь. На людях ему было легче. И Анечке раза два — три удалось рассмешить его. Мы, как любил папа в детские мои годы, придумывали шарады, и Анечка умышленно давала нелепые ответы с необыкновенной быстротой. И папа смеялся.

25 ноября

Когда началась война и бомбежка Москвы, маэстро приехал в Ленинград, отправив свою девочку с матерью в эвакуацию. Он, в случае несчастий и бед, чувствовал себя спокойнее возле Анечки. По правдивости натуры ужас он так же мало скрывал, так же отдавался ему, как и прочим своим страстям. Увиделись мы с ним в 44 году. К этому времени погибла молодая жена маэстро. Возле Уфы, в какой-то деревне. Уже перед возвращением в Москву пошла она в соседнее село купить шерсти и попала в буран, заблудилась и замерзла. Анечка и маэстро обменяли квартиру, все в том же доме собственников. Я пришел к ним с Наташей⁴⁹⁶, приехав на несколько дней из Москвы. Лестница оказалась еще круче. По черной этой лестнице попали мы в кухню, она же столовая. Вихрем налетела на меня Анечка, высокая, веселая. Встал из-за стола, улыбаясь и

⁴⁹⁵ См. «Альтус Ефим Григорьевич», комм. 2.

⁴⁹⁶ См. «Шварц Антон Исаакович», с. 619.

диковато поглядывая, маэстро, очень похожий на раннего, двадцатых годов. Он рисовал развалины домов. И как настоящий ученик Малевича, объяснял свои рисунки, давал их теорию. И все-таки они были хороши. Рисовал он все время женщину с худым лицом, головой, склоненной набок, как на прежних его картинах. И Анечка объяснила мне шепотом, что это он хочет найти ощущение женщины, умирающей в бурю в снеговых сугробах. Анечка же работала в Музее обороны. Занималась реставрацией окраски зала Кировского театра. Жизнь кипела. По случаю моего приезда Анечка убежала в какую-то из квартир в недрах дома, к какой-то бывшей владелице квартиры, у которой всегда можно было купить водку. И вихрем же примчалась обратно с пол — литром. Выпив, маэстро не говорил о том, как жить, а все больше смеялся, что не было ему свойственно в двадцатые годы. Появился он после этого у нас в гостинице «Москва». Он был художественным руководителем Ломоносовского завода. Получил орден Ленина — по совокупности. За выставки и завод.

26 ноября

И вскоре снова ринулась Анечка туда, где страшней, словно в водопад. Оформлять зал Мариинского театра она кончала. И напечатана была поэтому беседа с ней, полная теоретических ее высказываний, в «Ленинградской правде». Очень сердился Натан Альтман по этому поводу: «Вот эта манера школы. Скажите, пожалуйста, восстановила окраску зала, хотя бы и новую придумала, — чего ж тут разводить философию! Покрасили — вот и весь смысл. Вопрос один — хорошо или плохо». Работала Анечка и на Ломоносовском заводе. Но в маэстро с горьким дымом и серным пламенем заиграли душевные вихри и телесные страсти. Он убедил Анечку взять к себе дочку его, Нину. История эта длилась долго и мучительно. Девочка появлялась с бабушкой и дедушкой, которые потом исчезали. Тут же примешалась история с мастерской. Анечка устраивала себе свою, а маэстро — свою, причем он собирался жениться на какой-то девице. Но не позволял Анечке уходить от него совсем. Это было бы для него погибельно. А в квартире у них поселилась Анечкина сестра со своим сынишкой. Муж ее умер в блокаду. И Анечка приняла ее. Быстрая, шустрая, веселая носилась она по всем своим службам, объяснялась до утра с маэстро — иначе он не мог — и возилась со всеми своими подопечными. И Нинка — дочь маэстро — привязалась к ней, как к родной матери. И оставшиеся от прежних времен художники ходили к ней и вели длиннейшие труднопонимаемые разговоры. И Анютка вела их, словно богомолка с юродивыми. И в нее влюблялись еще. И она, продолжая любить маэстро или мучения, исходящие от него, отвечала иным влюбленным взаимностью. И принимала набор травок, открытый каким-то чудом врачом Кириченко, и веровала в них со страстью, как в психоанализ. И всем она была нужна. Вся семья жила ею.

27 ноября

Кроме сестры, живущей у нее и нигде не работающей (впрочем, потом она поступила куда-то), кроме Нинки, вечно в семье Лепорских заболел кто-нибудь или впадал в бедственное состояние и обрушивался на Анютку со всей тяжестью, словно она осталась старшей в семье. Год жила у нее сестра, помешавшаяся в известный период женской жизни на том, что зять ее убийца и шпион. Впрочем, и Анечку она подозревала в чем-то подобном. И это перенесла Анютка наша со всей своей богатырской силой. Последние годы ее жизни с маэстро трудно рассказывать. Тут уж действительно нужен был психоанализ, или тибетские травы, или юродивый из-за Серпуховской заставы. Я, боясь за свою непрочную уравновешенность, старался не глядеть в ту сторону. Маэстро, не желая лгать и притворяться, дал разгореться и раздымиться во всю мочь в адской мгле тех лет одной своей страстишке. К Верке — так называлась эта девица в узком кругу. Служила эта Верка на заводе, не знаю, в какой должности, и согласилась ответить на домогательства маэстро

только при условии зарегистрированного брака. Не знаю, поняла она хоть сотую часть того, что бормотал ей смуглый наш маэстро, потупив свои диковатые очи. Но как соблюсти свои интересы, понимала со всем хладнокровием молодой служащей. И после множества объяснений Нинка переехала к Анечке в мастерскую, а маэстро записался с Веркой. И она запрещала ему ходить объясняться с Анечкой и поносила ее всячески. Анечка встречалась с ней ежедневно на заводе, где Верка давала ей чувствовать, где законная жена. Кроме тех случаев, впрочем, когда принимали с похвалой какую-нибудь Анечкину чашку или пепельницу. Тут вспоминалось, что она, Анечка, жена худрука, и на блеск успеха ее ложилась словно бы пыль. В изнеможении, превращаясь из бледной в серую, едва доживала Анечка до отпуска и уезжала на Рижское взморье.

28 ноября

И там, на Рижском взморье, жила она шумно, шустро, весело, несмотря на усталость, с таким живым вниманием к людям, что они, истосковавшиеся без этого драгоценного проявления человеческого духа, открывались перед ней. О чем, приехав домой, рассказывала она в подробностях. Чужих тайн таить она не умела, с чем примирился я понемножку за время нашего знакомства. А в начале чуть не поссорился, когда узнал, что одна художница рассказывает историю нашей с Катюшей женитьбы, уже обросшую некоторыми подробностями, трогательными, но никогда не существовавшими. Анечка не лгала, но такова уж судьба историй, передаваемых из уст в уста. На Рижском взморье влюбился в Анечку старик — садовник, латыш. Со своими светлейшими волосами, высоким ростом казалась она ему, видимо, своей. Но как-то шла она по шоссе, и с грузовика какой-то парнюга латыш швырнул в нее картофелиной. Ударил в грудь, до синяка. Этот не считал ее своей. Откуда ему было знать Анечку, со всей ее перевернутой душой, самоотверженностью, мученичеством и счастьем. Подумал, дубина, русская идет — и все. В 52 году летом уехала Анечка отдыхать в Коктебель, и вдруг вызвали ее телеграммой в Москву: у маэстро сильнейший инфаркт, и, как всегда, без Анечки ему показалось страшно в страшную минуту жизни. Она была все время при нем. Через некоторое время прибыла и Верка. Санаторий, в котором оказался больной маэстро, просто закипел от любопытства. Но скоро его перевезли в Кремлевскую больницу, и Верка удалилась к месту службы. Анечка оставалась при маэстро, пока не стал он поправляться. Вернувшись в Ленинград, она ежедневно звонила в больницу. В январе он вернулся. И стало ему настолько лучше, что — к Верке. Тут он узнал, что Верка продала его шубу, полагая, что он безнадежен. И маэстро вернулся к Анечке. И расхворался снова и 22 февраля 54 года умер в Военно — медицинской академии. На гражданской панихиде, перпендикулярно к гробу, в отличие от других, прислоненных к нему, стоял стоймя неестественной величины венок из белых цветов, с надписью «от жены».

29 ноября

Сама Верка заняла место у изголовья, все остальные стояли на почтительном расстоянии, в прямом смысле этого слова. Иные жались у стен, в испуге и растерянности. Анечка стояла в первом ряду пришедших попрощаться с маэстро, окруженная друзьями и уцелевшими учениками Казимира, некоторые из которых приехали из Москвы. Среди них Костя Рождественский. О нем трудно было сказать: уцелевший. Слово это как бы указывает на некоторую неполноценность. Ущербность. Какое там! Он стал куда крепче и еще осанистее, чем в 20-е годы. Его простоватое и благообразное лицо дышало благодушием, хоть и хоронил он друга. Прямо с похорон отправлялся он в Данию оформлять какую-то выставку. Витебское умение побеждать и доказывать, что данный вид искусства является единственно советским, уцелело и процветало только в области оформления, и Костя Рождественский отныне оставался единственным его представителем. А маэстро лежал в белом гробу — любимый его цвет, Анечке удалось добиться этого. Страшный, как никогда,

без признака благообразия, обычного у покойников. Лицо казалось маленьким, рот перекошенным. И тут же показалось, что он правдив, как и при жизни. Со страстью, с ужасом отрицал он смерть, умирая, и не скрыл этого, как ничего не скрывал, пока был жив. Умер без всякой мистики. Я, как всегда на похоронах, был в смятении чувств и потому холоден. За день до этого похоронил Тоню⁴⁹⁷, что еще усиливало тупую холодность, с которой глядел я на происходящее. Но когда понесли гроб, белый, в цветах, к похоронному автобусу, и художники высыпали на улицу, дрогнуло у меня сердце. Кроме Кости Рождественского и еще двух — трех, остальные походили на толпу нищих у церкви. Ободранные, облезшие, кто с перевязанной щекой, кто в ватнике, кто с перевязанным глазом, кто хромой. Тут были уцелевшие с веселого и боевого времени двадцатых годов, чудом уцелевшие, битые — перебитые левые художники. Ели да пили они теперь от случая к случаю.

30 ноября

Но еще больше собралось их гонителей, честно верующих в реализм в нынешней трактовке его, пожравшие и поправшие и побившие камнями леваков, но нисколько от этого не раздобревшие. Угрюмо и осуждающе глядели они на мир, смутно понимая, что разрушив новое, не воскресили старого. И теперь готовы были они написать, как нужно и что угодно, но ни заказов, ни приказов — один мрак на душе. В первый автобус возле гроба уложили часть венков, втиснулись близкие. И я решил проводить маэстро на кладбище, лучшая полоса моей жизни — конец двадцатых, начало тридцатых годов — была связана с ним. И я забрался в один из автобусов. На кладбище одни столпились у разрытой могилы, а я все с тем же смятением чувств присоединился к тем, кто остался на аллее. И Костя Рождественский, высокий, дородный и благообразный до того, что природная простоватость едва прорезывалась в большом лице его, милостиво приветствовал меня. Сказал: «И какой изящный!» Валя Курдов уклончиво и открыто, на восточный курдский лад, то взглядывая, то убегая от прямого взгляда повел нас на могилу тестя, профессора Неменова⁴⁹⁸, где на постаменте возвышался бронзовый бюст работы Сарры Лебедевой⁴⁹⁹. И лица у художников стали непритворно строгими и внимательными. И они замолчали, как на молитве, обходя памятник со всех сторон. И почтительно похвалили бюст. И мы вернулись к могиле. И вдруг в конце аллеи показалась «Победа», такси, вопреки правилам несущееся под деревьями, мимо крестов и памятников. И затормозило такси возле нас. И оттуда по — старушечьи хлопотливо выбралась, чуть не вывалилась старая еврейка, бабушка Нинки и, переваливаясь, побежала к гробу. И с ходу завyla над ним, запричитала: «Что же это с тобой сделали». Пошла она обратно с Анечкой под руку.

1 декабря

И, несмотря на скорбное выражение, лицо бабушки сияло некоторым самодовольством. «Видите, как управилась! Это надо уметь!» Холмик над могилой был скрыт под венками, и мы ушли. И только через несколько дней в памяти моей воскрес живой маэстро с темным худым лицом и диковатыми глазами. Как прожил он жизнь — не мне судить. Все было. Зато не было равнодушия. Анечка ездит на кладбище. Поставила решетку. Добилась пенсии для Нинки. Добилась утверждения ее в правах наследства. Причем Верка вывезла на глазах у соседей ряд чемоданов с вещами, папок с рисунками маэстро и его полотна с женщиной как бы с подносом, склонившей печально овал головы без лица, но написанной в красках чистых и ясных, без мистики. И многие другие. А на заводе Верка распустила слухи, что Анечка

⁴⁹⁷ Неменов Михаил Исаевич (1880–1950) — врач — онколог, рентгенолог. Его бронзовый бюст работы С. Д. Лебедевой отлит в 1952 г.

⁴⁹⁸ Лебедева Сарра Дмитриевна (1892–1967) — скульптор.

⁴⁹⁹ Коненков Сергей Тимофеевич (1874–1971) — скульптор.

вывезла все это, подобрав ключи. Быстрая, шустрая, уже не бледная, а светло — серая, продолжала Анечка борьбу за Нинкины права. Глаза у нее отекали, сердце сдавало. Но она отсудила ей отдельную комнату, и теперь, после ряда обменов, у девочки отдельная комната в 22 метра. Но живет она и у себя, и у Анечки, чтобы девочка не оставалась безнадзорной. Бабка ее, столь полная жизни, умерла недавно от рака. Работает Анечка на заводе. Встает чуть свет, чтобы успеть к восьми в село Рыбацкое, и возвращается темным вечером. И все полна забот о Нинке, о родном племяннике Димке, талантливом математике, поступившем в этом году в университет. Ей кажется, что мать лишает его уверенности в себе, развивает какие-то комплексы. Она все ищет новых и чистых форм для фарфоровых чашек. Недавно московская комиссия признала лучшим ее проект фарфоровой люстры. И пьет Анечка травы, чудом открытые Кириченко (иначе не поверила бы, коли не чудом). Но едва доживает до отпуска, несмотря на это. В отпуск ездит она теперь на Черное море в Пицунду. И возвращается загорелая, полная рассказов, шустрая и до того быстрая, что недавно в спешке упала и сломала ребро.

2 декабря

Но в суете, с беспокойстве, в бегстве, к врачу собралась она только недели через две, когда ребро уже само по себе начало кое-как срастаться. Перемогалась, переносила боль все такая же шустрая и веселая, как и при целом ребре. Вчера была она у нас, принимала ванну — она живет в мастерской, где ванны у нее не имеется. Пришла веселая, серая от усталости, с отеками верхними веками, нависшими над глазами. Когда вышла из ванны, то словно после отпуска расцвела. Светлые ее, круто выющиеся, жесткие волосы, подсохнув, гривой поднялись над лбом. И вся она сияла от оживления. Рассказала о Нинке, с которой поссорилась в воспитательных целях, а теперь помирилась. Помянула с глубокой верой Кириченко. Но спросила, не могу ли я устроить ее через Литфонд к Сорокиной, известной гомеопатке. Увидала фотографии скульптур Коненкова⁵⁰⁰, и лицо ее приняло то самое выражение, что я так люблю у художников. Непритворно отреченное. Она замолчала, как верующий на молитве. И потом заговорила неясно, не точно, как всегда говорят художники. После завода, после работы, дома была все той же — ни признака слабости или усталости. Все та же Анечка, какую встретил 27 лет назад.

Следующая фамилия — **Любашевский**. Я уже писал о нем, говоря о Гаккеле. Человек худенький, по — еврейски, за такой худобой угадываются — и сила, и темперамент. Но Любашевский, Ленечка, Любаш, как все его зовут, не по — восточному мягок и немногословен. В отличие от Анечки, боли боится. Уклоняется от сильной любви, от жизни. Но мил. Ничего не скажешь, мил, милый человек.

Следующая запись — **Литфонд**. Если рассматривать учреждение, как живое существо, то это равнодушное создание, лежащее, уткнувшись носом в песок. Впрочем, самые голодные и сердитые — доят его, как корову. Само же оно редко действует в нужном направлении. У него столько ног и рук, что запутаешься.

3 декабря

Проще же говоря, в Литфонд ты попадаешь по черной лестнице, через двор. Карабкаешься ты до второго этажа, потом попадаешь на длинную площадку с перилами неожиданно с этой черной, нет, серой лестницы с гулкими обрывками разговоров верхних жильцов, с кошками, сором, попадаешь ты, открыв дверь, на барскую дубовую, широкую, с широкими перилами лестницу. Можно было бы попасть сюда и через так называемую готическую комнату Дома писателей. Но руководство Дома не соглашается, утверждая, что в таком случае придется тут держать сторожа. Войдя в Литфонд, ты видишь знакомую по двадцатым годам, исчезающую помесь барского особняка и учреждения. Во втором этаже сходство с барским особняком всячески поддерживается: бронза, старинные картины на стенах, старинные часы на старинных столах, здесь Литфонду не до красоты. В последнем своем воплощении он менял лицо и перепланировывался множество раз, он сохранил

барский характер только в окраске стен, да в высоте потолков, да в кожаных диванах в большой комнате неясного назначения. В бывшей домашней церкви — лечебный отдел, где за вновь сделанными перегородками зубной врач, терапевт, психиатр, невропатолог принимают больных писателей. Здесь же кварцевая лампа. При всех своих чудачествах и безумии Берлянд оборудовал лечебный отдел на славу. Здесь есть и аппарат, который лечит ультракороткими волнами, а по лестничке из коридора поднимаешься ты в комнатку, где стоят электрокардиограф и рентген. Здесь единственное место Литфонда, где чувствуется жизнь. Орет неистовый Берлянд, гудит бормашина. В комнатах же возле царствует многоногое, уткнувшееся носом в песок безразличие. Литфонд богат.

4 декабря

Но сколько ни менялось у нас директоров, все они побаиваются своего богатства. К сегодняшнему дню проданы дачи в Луге, в Александровке. Дом творчества особой комиссией описан в страшных, едва ли не библейских тонах, — он вот — вот рухнет. Я, будучи членом ревизионной комиссии, года два назад, испугавшись после этого документа, запросил Литфонд и получил ответ, что старый Дом творчества разберут, а построят новый. Однако, пока что как-то подклеили и подперли щепочками старый, а новый не строят. Страшно! Понять свою задачу это многоногое и многорукое и вялое, как овощ, существо никак не в силах, ибо вместо мозга у него аппарат. Предыдущий директор искренне презирал писателей и обвинял своих сотрудников в том, что они их избаловали. И издавал приказы, что, мол, кормить писательских жен он разрешает в Доме творчества только в том случае, если доказано, что они помогают мужьям в их творчестве. Любопытно, что речь тут шла о платном питании. Питание свое жены оплачивали. И при всем при том, директор, отставной полковник, уволенный в отставку из трофейного какого-то отдела, чувствовал склонность к писательскому труду. И, запершись у себя в кабинете, писал историю Литфонда. И когда его заставили уйти, он устроился на работу в Пушкинский Дом Академии наук. Правда, на работу административно — издательского характера, но чуть ли не заместителем директора. И при встрече с писателями сообщал небрежно, где работает, не уточняя, кем. Надо признаться в его оправдание, что писатели менее всего похожи на людей именно в Литфонде. Отказ в получении ссуды, дачи на лето, подписки на «Огонек» рассматривается не как ущерб материальный, но прежде всего, как удар по самолюбию, по месту у писателей больному. И чего только ни кричат они, куда только ни жалуются, как только ни поносят тугой аппарат, управляющий всеми ручками и ножками, всеми органами вялого, как овощ, существа. А тем временем самые лихие доят его под шумок и похваляют. Впрочем, тайно. Явно — ругаются.

5 декабря

Кто работает в аппарате, мало определяет самое существо Литфонда. Зайдя в его обиталище, как и в Союз писателей, которому он подчинен, ты чувствуешь свое положение в обществе с той же ясностью, как видишь цвет лица в зеркале. И иной раз угадываешь, что у этого существа есть не только ножки, но и рожки.

Лифшиц Володя⁵⁰¹, — рослый и молодой, сильно близорукий, волосы густые, зачесаны назад — знаком очень давно. Он появился в группе молодых задолго до войны. Бывал у Гитовича. Я отошел в то время от Гитовича и его учеников. Встречал Володю от случая к случаю. Он нравился мне, казался человеком знакомого склада. Такие еврейские мальчишки, спокойные, естественные, внимательно вглядывающиеся в мир через [очки] с неестественно толстыми стеклами, рослые и тонкие, были знакрмы и казались понятными. Так и встречались бы мы, от случая к случаю, но вмешались силы, запутанные и темные. Проявляют они себя обычно с помощью женщин, отчего и сжигали их так ожесточенно на

⁵⁰¹ Лифшиц Владимир Александрович (1913–1978) — поэт, прозаик, драматург, автор текста песен к фильму «Марья-искусница» по сценарию Шварца.

кострах. Володя женился на Ирине Лебедевой⁵⁰². Когда встретились мы с ней в Кирове, могучая натура ее была изуродована и извращена мужчинами, да и всей жизнью, что ей пришлось вести до сих пор. Она была и наблюдательна, и умна, и могла рисовать карикатуры (одну храню с уважением до сих пор) и могла бы стать художницей, и была молода и красива, — казалось бы, радуйся! Но нет. Сила ее стала недоброй. И не радовала, а истерзала ее. Ко времени встречи с Лифшицем стала она еще запутаннее. И они поженились. Володя, по — еврейски, уважал жену. Когда любил ее. А Ирина была из тех женщин, которые могли заставить себя любить. И его прямота и простота (он мог хитрить, но в пределах здравого смысла) вдруг тоже затемнились и запутались, и он запутался в темных, не имеющих утешения Ирининых страданиях и обидах. Отношения у нас теперь сложные. И живут Лифшицы сложно. Однако интересно.

6 декабря

Ирина, то ссорясь, то мирясь, не давала Володе жить, как жил, среди все тех же людей. Теперь он не застаивался. Он скакал и брыкался. Но при всей сложности и безумии Ирина направляла его в сторону полезную. И так наворожила и накружила, что стала у них из одной комнаты в надстройке квартира в три комнаты. Но и тут ее безумная душа не утешилась, и унеслись они в Москву, обменялись на одну комнату. Но скоро у них будет квартира и там. А сейчас есть у них машина «Победа». Уже вторая. И в беспокойстве своем носятся они летом по всей стране. Из Латвии в Каховку, а оттуда — в Крым. В Латвии столкнулись они с чужой машиной. Не по своей вине. И виновники заплатили за ремонт. И продав старую, носятся Лифшицы на новой, на зиму ставя ее в гараж. Ну и как — худо ему? Нет. Он пополнел, ничего не осталось от тоненькой длинной фигуры Лифшица юного. Он с наслаждением и уважением поглядывает на Ирину, когда она умна, и не предаст ее, когда она безумна. Он работает куда больше, чем в давние дни. Одна из пьес его имела успех. О студентах⁵⁰³. Он пишет и для эстрады, и для цирка, и для детей, и для себя, и эти стихи иной раз печатаются в толстых журналах. Я при миролюбии своем ни с кем так часто не вступал в столь темные и враждебные отношения, как с Ириной. Но вот облака рассеиваются, и при дневном свете кажется мне, что Ирина человек как человек, что все просто, что силы, играющие в ней, обыкновенные, человеческие, только немножко слишком богатые. А тут она еще со свойственной ей точностью памяти и наблюдательностью расскажет что-нибудь, и совсем все станет, как днем. Но где-то на дне души остается настороженность. Не забыть судорожных, темных метаний этого сильного, слишком сильного, и недоброго, по чужой и собственной вине, существа. Сейчас мы в мире. Вероятно. Давно не виделись. Летом были они у нас, и все было нормально.

7 декабря

«Ленфильм»⁵⁰⁴, идущий в книжке за Литфондом, существо совершенно противоположного Литфонду характера. Прежде всего, он не обслуживает, а производит, значит при том же количестве ножек и ручек и еще более запутанном хозяйстве аппарат его поневоле умней. Менялся он на моих глазах так же часто, как Дом кино. Первое впечатление в начале тридцатых годов было тяжелое. Я взял небольшую работу — сделать подписи к

⁵⁰² Кичанова — Лифшиц Ирина Николаевна (р. 1918) — театральная художница, соавтор Лифшица по некоторым детским пьесам.

⁵⁰³ Пьеса «Студенты» была поставлена Г. А. Товстоноговым в Театре им. Ленинского комсомола (Ленинград, 1950).

⁵⁰⁴ «Ленфильм» — одна из крупнейших советских киностудий. Создана в Петрограде в 1918 г. Последнее наименование — кинофабрика «Ленфильм» — получила в 1935 г. В 1936 г. все кинофабрики были переименованы в киностудии.

фильму Лебедева «Настоящие охотники»⁵⁰⁵ — и сразу испугался, увидев на фабрике самый ненавистный для меня вид людей — потребляющий. И торжествующий. И одетый так, чтобы вы сразу угадывали, что эти функции удаются ему. И говорили они на свой разбойничий лад: «Вы что, простудились?» — «Да, схватил насморчек». Почему-то невинная эта, по сути своей, фраза преследовала меня дня два. Тон и отбор выражений затронул меня и напугал. Это был чужой мир. Но приглядевшись, я разобрал, что этот народ, наглый, развязный, заметный, занимает третьестепенное место. Работал народ тихий. Шумные толпились вокруг, потому что дело было денежное. Теперь мне даже и жалко их. Было нечто мальчишеское и открытое в их клетчатых ковбойках и цветастых шарфах и оранжевых костюмах. Полиняв и повзрослев, околкиношные хищники стали злее и запутаннее. Впрочем, процесс линьки шел медленно. Еще в начале войны киношников хватало на улице, принимая по одежке за иностранных шпионов. Сейчас «Ленфильм» и вылинял, и выцвел, и выгорел. И на лестницах воцарилась пугающая тишина.словно в закоулках кто-то засел в засаду, с ножом или нет, — с заявлением в зубах. Но несколько человек проволокло свое умение работать через все столетия, что уместились между двадцатыми и пятидесятыми годами. Москвин, Козинцев, например. Или Хейфиц. А смена отличается тем, что требует шефства. Просится в сорок лет на ручки. Но жизнь продолжается.

8 декабря

«Лавка писателей»,⁵⁰⁶ то есть книжная лавка Литфонда — существо дружественное. Особенно за последний год, когда живем мы больше в городе, чем в Комарове, приблизилась она к нам. До ремонта я входил в общее отделение магазина, где никто меня не знал. Здесь встречали меня одинаково безразлично и продавцы, и покупатели. Но в зависимости от состояния духа безразличие это представлялось мне то враждебным, то доброкачественным. Я шел по общим отделениям с неприятным чувством насильственно — рассеянного внимания, как в музее, где экспонаты наперебой отвлекают твоё внимание. Иногда через магазин невозможно было пробиться: это значит, выпущена в продажу книжка, за которой охотятся. Подобного рода очереди меня всегда радуют: начинает казаться, что искусство не менее нужно, чем хлеб. Но увидишь, что очередь стоит, скажем, за «Финансистом» Драйзера — и отрезвеешь. В комнате, отведенной для писателей, свободно. Чувство рассеянного насильственным путем внимания исчезает. Тут знаешь точно, на каких полках что лежит. И, улыбаясь, встречает тебя Мария Львовна⁵⁰⁷. Невысокая брюнетка, несколько полная, черноволосая, черноглазая и всегда явно или в глубине души озабоченная, несмотря на улыбку. Сидит она за столом, всегда занятая делом. Обслуживать писателей тоже непросто, не легче, чем в ателье или в лечебном отделе. И тут загноившиеся самолюбия дают себя знать. Лауреат Сталинской премии, автор толстой книги о Ломоносове, не говорящий, а крикливым тенором вещающий бородатый Морозов⁵⁰⁸, года два назад кричал на пожилую, потерявшую на войне мужа Марию Львовну, как барин на горничную. И написал множество заявлений на нее, ко всему вдобавок. И с месяц встречала тебя Мария Львовна с улыбкой, но румянец пылал на щеках, будто у нее жар. Она жила до войны в Киеве. Спокойно и достойно. И теперь переносила мужественно чужой город, вдовство. Растила сына, потеряй тут место.

9 декабря

По лицу Марии Львовны угадываешь и о других бедах. Ведь в книжной лавке писателей не меньше сложностей и борьбы, чем при дворе. (Это папа говорил: «В каждой парикмахерской — тайны мадридского двора».) То ведет подкопы товаровед, то бухгалтер,

⁵⁰⁵ Лебедев Николай Иванович (1897–1989) — кинорежиссер. С 1929 г. — режиссер — постановщик на студии «Ленфильм», работал над фильмами для детей. Фильм «Настоящие охотники» поставлен в 1930 г.

⁵⁰⁶

⁵⁰⁷

⁵⁰⁸

то сам заведующий обругает. И на лице Марии Львовны то и дело пылает румянец, словно у нее жар. А в этом году еще преследует ее страх одиночества, сын кончает холодильный институт, и останется она одна, если получит он назначение куда — нибудь далеко от Ленинграда. В комнате обслуживания писателей все знакомо. При всех своих огорчениях Мария Львовна занимает свое место за столом и встречает тебя на южный киевский лад, не по — чухонски, бодро и доброжелательно, где бы ни бродили ее мысли, как бы ни терзали ее заботы. Над ней чуть правее возвышались до ремонта полки с современными книгами. Под углом к ним — мои любимые полки — букинистические, с отдельными томами полных собраний сочинений — с их помощью удалось мне собрать всего Диккенса, скажем, с много лет не уходящими книгами. Например, «Зверь из бездны» Амфитеатрова⁵⁰⁹, том I, и разной макулатурой, среди которой вдруг натыкаешься ты на нечто утешительное. Под окном застекленная витрина, укрепленная на столике. Тут старинные книжки, фотографии с подписями, подлинные письма писателей и так далее, и так далее. Посреди комнаты круглый стол со сборниками, справочниками, монографиями об отдельных актерах. Налево от Марии Львовны (если стоять к ней лицом) полки с поэтами. Под углом — полки с полными собраниями сочинений, рядом — мемуары, исторические книги. Впрочем, вероятно, теперь все разложено по — новому, в магазине был ремонт. На время ремонта помещалась Мария Львовна в загородке из фанеры, с ванную комнату величиной. Я любил прежнюю нашу книжную лавку. Когда уходил бродить по Невскому, словно у меня времени сколько угодно, и, опьяненный праздностью, сворачивал в книжную лавку писателей. Теперь все это ушло в историю. В далёкую.

10 декабря

Есть люди, одаренность которых вызывает у меня уважение, подобное религиозному. То, с которым народ выслушивал приговоры царя Соломона: «И народ ужаснулся». Примерно так отношусь я к математикам и музыкантам. Я познакомился с **Ольгой Александровной Ладыженской**, ⁵¹⁰ когда слушал музыку. Играли в четыре руки математик — академик Смирнов⁵¹¹ и математик — профессор Фаддеев⁵¹². Дело было летом, доктор наук, ученица Смирнова, математик Ладыженская сидела и слушала. Она снимала дачу в Комарове, внизу под обрывом в домике, поставленном на месте старой финской каменной дачи. Старые каменные ступеньки вели круто вниз, упирались в изгородь из колючей проволоки. На калитке висела фанерная табличка «Во дворе злые собаки». Я не бывал у нее. Знал место, где сняла она дачу. А познакомились мы и слушали музыку в академическом поселке. От нас минут десять ходьбы. Перейдешь полотно, пройдешь мимо бывшего финского железнодорожного домика, и вот уже опускаешься ты по асфальтированной дороге к высокому забору бывшей обкомовской дачи. Пройдя забор, поворачиваешь ты направо. Впрочем, и забор поворачивает тоже. Теперь шагаешь ты по шоссе между двумя заборами. По левую руку невысокий, прозрачный. За ним детский сад с обычными игрушечными постройками: домики, качели, фанерный пароход. Старые, старые огромные тополи отличают этот детский сад от других. И еще просторность и то, что стоят игрушечные постройки не на песке, а в высокой траве. А справа тянется все тот же таинственный и строгий забор, за которым, впрочем, помещается теперь обыкновенный детский дом. Оба забора оканчиваются одновременно. В те дни, о которых я рассказываю, в дни только — только ушедшие в прошлое, по обеим сторонам шоссе за заборами начинался лесок. По левую — высокие сосны, по правую — мелкая ольха. Теперь левая сторона

⁵⁰⁹

⁵¹⁰ Ладыженская Ольга Александровна (р. 1922) — математик.

⁵¹¹ См. «Смирнов Владимир Иванович», с. 615.

⁵¹² См. «Фаддеевы Дмитрий Константинович и Вера Николаевна», с. 618.

застраиывается, а правая не изменилась. И через три — четыре минуты подходишь ты к дачам.

11 декабря

Академический поселок вырос на наших глазах. И то время, когда он строился, представляется мне столь же далеким, как и детство, и так же непохожим: теперь и тогда. Теперь дачи стоят себе за высокими штакетными заборами, с таким выражением, будто все так и было. И уже ремонтировали их раза два за шесть лет их жизни, словно старые дома. И от железной прокладки вокруг труб протянулись по серым гофрированным крышам ржавые подтеки. И каждый успел обжить свой участок по — своему. А бывало, идешь — все участки на один лад завалены строительным мусором. Дачи растут незаметно для простого глаза. В конце поселка овраг глубокий, в который спускаешься с трудом по крутым дорожкам, прыгаешь через ручеек и с таким же трудом выбираешься на волю. А теперь овраг перерезан насыпью, поверх которой тянется шоссе, огороженное столбиками. А ручеек взят в бетонные трубы. И кажется, что так всегда и было. Мне за эти годы пришлось побывать в трех — четырех академических дачах. Они распланированы вполне одинаково, но я убедился, что расположение комнат — дело третьестепенное. Печать семьи, семейных привычек и вкусов до того сильна, что академические дачи так же разнообразны, как их владельцы. Итак, я познакомился у Смирновых на музыке с Ольгой Александровной Ладыженской. Дело было летом. Владимир Иванович и Дмитрий Константинович ушли в музсгу целиком. Только перелистывая страницу, они на какую-то ничтожную долю мгновения трезвели и приближались к нам, простым смертным. Или в тех случаях, когда расходились. Тогда, коротко условившись, с которого листа начинать, возвращались они на два — три такта назад и снова уходили в мир, непостижимый для меня. Я любил музыку за то душевное состояние, в которое она приводила меня. А они — самую музыку. И я ревновал их к той красоте, что недоступна мне. И наслаждался.

12 декабря

Вера Николаевна, математик, кандидат наук, жена Фаддеева, занимала всегда одно и то же место — по ту сторону рояля, возле радиоприемника, над которым видело расписание поездов. Она со своего места видела музыкантов, но взглядывала на них хоть и любовно, но изредка. Она сидела, откинув голову, погруженная в музыку, почти так же, как наши пианисты. Она слушать умела. Сильно похожая на курсистку — бестужевку, столь же склонная, как и те, к спорам на принципиальные темы. Упрямо отстаивающая чаще всего нечто простоватое, не стоящее и десятой доли той страсти, которую вкладывала она в свои доводы, прямая, честная, насквозь понятная, тут, за музыкой, она превращалась в существо другого строя. Даже лицо ее перестраивалось и приобретало особую значительность, внушающую уважение. Ольга Александровна же слушала музыку растерянно. Маленькая, легкая, одетая с характерным для академических кругов безразличием, невнимательностью, но аккуратненько, с большими, темными, несколько утомленными глазами, она старалась проникнуть в чуждый для нее вид сознания, но не могла. А притворяться, по честности натуры, была не в состоянии. Так она и слушала какую-то из симфоний Малера, приподняв недоумевающе брови, напрягая внимание со всей добросовестностью. Как-то, уже много времени спустя, я показал ее Вейсбрему на улице в Комарове и предложил угадать: какова профессия этой женщины. И он ответил: «Похожа на пианистку». В вечер нашего первого знакомства я с обычной человеческой беспомощностью старался угадать внешние признаки той самой одаренности, что внушала мне уважение, близкое к религиозному. И не мог. Я знал по рассказам, что она математик, близкий к гениальности. Строгий в работе. Она была замужем. О муже ее Вера Николаевна говорила: «Добродушный, большой, настоящий Пьер Безухов».

13 декабря

И Ольга Александровна, чуть не плача, рассказывала друзьям, что она предлагает ему заниматься какой-то математической работой, «а он с котенком играет». Когда дело касалось математики, она была пряма, чем нажила множество врагов, беспощадна, о чем

отлично знали студенты, и сильна. «Во всяком случае сильнее Софьи Ковалевской⁵¹³». «Где же скрывается все это?», — думал я, глядя на недоумевающее лицо Ольги Александровны. При дальнейшем знакомстве, которое оставалось, впрочем, столь же поверхностным, я убедился, что музыки она не понимает, но уважает ее. И к литературе относится с тем же уважением, что я к математике. Меня умиляло ее честное желание понять. И полное отсутствие ломания. Это признак, дающий часто понять, что в этом человеке есть талант. Но как трудно примириться с тем, что в области духовной или умственной жизни существуют несообщающиеся или независимые друг от друга области. Или зависимые и сообщающиеся, но более сложными путями, чем ты можешь угадать.

Любарская Александра Иосифовна, пожалуй, одно из самых преследуемых судьбой существ, которых встречал я в своей жизни. И принимает она свои горести так, что не посмеешь назвать ее несчастной. Близкие ей, самые близкие люди гибнут, и гибнут непременно трагически. Книги ее бранят несправедливо. Жизнь не дает ей покоя. Но глаза ее глядят ясно. Видеть ее легко. Ум ее так же ясен и светлоглаз, как сама она. И казалось бы, Бог ее благословил на жизнь счастливую. На самом же деле ей суждена была жизнь достойная.

Лебедев Владимир Васильевич. О нем рассказал все, что мог, когда описывал Печатный двор⁵¹⁴. Лебедев все такой же, как в двадцатых годах. Только часто живет то в Москве, то в Ленинграде все на той же квартире. Хвалился недавно Анечке Лепорской, что он язычник и не понимает, что такое грех. Работает каждый день, как святые молились. В полную силу. Не стареет. Недавно женился. Пить только стал больше, чем в первые годы нашего знакомства. А так все тот же. И одет так же.

14 декабря

Однажды в тридцатых годах появился у нас высокий и широкий человек, с задумчивым или рассеянным взглядом. Оказалось, что это старый знакомый Катюши и Сашки Зильбера. Когда лет за десять до описываемых дней аккомпанировал Сашка актерским песням в «Синей блузе», **Володя Легошин**⁵¹⁵ работал там же: не то актером, не то режиссером, не то художником. В тогдашние времена в подобных коллективах каждый актер участвовал во всей жизни театра. От погрузки декораций на грузовик до акробатических танцев, или, по крайности, хоть до хоровой декламации. Впечатление Володя Легошин произвел неясное, молчаливость и рассеянный взгляд этому были причиной. К этому времени перешел он на работу в кино. Еще, кажется, не решился стать режиссером, но был к этому близок. Вероятно, этим и объяснялся рассеянный его взгляд. Тяжело человеку в кино, пока не привился он к тому живому, что имеется в этом явлении природы нашей. Чем чаще приходил к нам Володя, тем яснее становилось, что человек он доброкачественный. По каким масонским знакам, невидимым и неопределимым, определяешь все — таки, какой разряд людей человек выбрал, к какому войску присоединился, трудно сказать. Но редко ошибаешься ты в подобных случаях. И хоть Володя был молчалив при встречах по — прежнему, впечатление, что он производил, прояснилось. Вскоре он переехал в Москву в «Союздетфильм». К отъезду его стало ясно, что ко всему прочему он человек немножко странный. В материале, из которого был он создан, замечал ты не изъян, нет, а проработку. В «Союздетфильме» он привился окончательно. Не помню, на какой картине (кажется, «Белеет

⁵¹³ Ковалевская Софья Васильевна (1850–1891) — математик, первая женщина член — корреспондент Петербургской Академии наук (1889).

⁵¹⁴ См.: Евгений Шварц. Живу беспокойно... Л., 1990.

⁵¹⁵ Легошин Владимир Григорьевич (1904–1954) — кинорежиссер, в 1920–х гг. — актер, режиссер и художник коллектива «Синяя блуза».

парус одинокий»⁵¹⁶) — весь коллектив сочувствием рассказывал, что от Легошина ушла жена. И что он портит финал ленты, до того страдает. Рассказывали с сочувствием, но и с удовольствием, как о чуде, или редкости, или странности, случившейся в доме.

15 декабря

Перед войной собрался Легошин ставить «Снежную королеву». Он приезжал по сценарным делам ко мне, и я ездил в Москву, и оказался Володя в работе понятливым, легким и оживленным, без следа его обычной чуть странной, рассеянности. Когда работаешь с кем — н хбуди над пьесой своей или сценарием, и работа идет, то вырабатывается у тебя с этим человеком особый вид связи. Дружба — не дружба, но встречаешь его в дальнейшем не так, как до сих пор. И хоть война и оборвала работу над «Снежной королевой», встретились мы в Сталинабаде как друзья. «Союздетфильм» был эвакуирован туда. Легошин, помнится, никак не мог найти себе работу по душе. Он твердо знал, чего не хочет. Но угадать, какую именно картину ему хочется делать, не был в силах. Это приближало его к типу режиссеров — актеров, вроде Бабочкина, Чиркова и некоторых других, одичавших от желаний творческого порядка, которых они и сформулировать не могли. Бабочкин — по грубости и простоте. Чирков — по робости, уклончивости и вытекающей отсюда сложности душевной. А Володя — по честности. Все его горести, связанные с разводом, к тем дням позабылись. Женат он был на Алле Борозиной⁵¹⁷, женщине, заслуживающей особого рассказа, но он увел бы слишком уж далеко в сторону. Когда познакомились мы, была она мила, внимательна. Хотела нравиться — не то чтобы как женщина, а вообще. Вся. Видно, пришлось хлебнуть ей много горя, так как была она в ранней молодости необыкновенно красива. Но обиды не озлобили ее, а породили в ней жажду хороших со всеми отношений. Страх боли. Она и пьесу свою приносила читать. И подарила что-то в наше нищее сталинабадское хозяйство. Но не этим взяла, а искренним доброжелательством, и с ней мы подружились. Был у нее мальчик лет пяти — шести. Бледный, истощенный и необыкновенно сосредоточенный. Он все молчал. Уложат его спать, и он молчит.

16 декабря

Не засыпает, а все думает. О чем? Рядом бушевали во всем своем адском великолепии жены киноактеров. Одну из них не назову, она умерла в бедствиях и горестях, но была в те дни в полном своем черном сверкании, и зло, и злоба на твоих глазах излучались из всего ее существа. Нет, она была недовольна жизнью, и все свое недовольство, всю ненависть, всю неутолимую алчность вымещала на сынишке, тоже лет шести. Она его так избивала, что однажды прибежал человек простоватого вида в сапогах. Оказался работником обкома или даже ЦК партии, их дом отделен был от того, где жили киношники, только садом. Он увидел в окно, как мать истязает сына, и, бросив работу, прибежал на выручку. Но мать с такой адской силой возопила и так бешено напала на простоватого человека в сапогах, что тот при всей правоте и при всем могуществе своем отступил, убоявшись. Я, увидев ее у Легошиных, тоже испытал ужас. Такой недоброй силой дышало широкое, черноглазое лицо ее. Через некоторое время поссорилась грозная эта грешница с кем-то из нашего театра. И с удивительным изяществом нечестия простейшим способом оклеветала она весь мужской состав труппы, объявив, что все они — педерасты. И пожилые, и отцы семейств — тоже; это придавало новости особую остроту. Нервно настроенная киностудия детских фильмов радостно бросилась на столь жирную кость. Уж очень им хотелось грызть. Шагая взад и вперед по комнате Легошиных, один из административных работников студии кричал, что он не сомневается в достоверности этого известия. И воскликнул в пароксизме благородства:

⁵¹⁶ Зильбер (псевдоним Ручьев) Александр Александрович — пианист, аккомпаниатор в коллективе «Синяя блуза». Брат Л. А. Зильбера и В. А. Каверина. Первый муж Е. И. Шварц.

⁵¹⁷ Борозина Алла Владимировна — жена Легошина.

«Я не оставил бы актера N наедине с моей матерью!» На что Катюша, к удовольствию Аллы Борозиной, возразила: «Тогда уж скорей с отцом!» Но старый грешник, находящийся в экстазе благородства, не расслышал возражения. Акимов, к моему удивлению, отнесся к клевете вполне равнодушно. И в самом деле: постепенно воздух очистился от этого яда сам собою. Начисто.

17 декабря

Легошины жили рядом со всей этой нечистью и не вступали с ней в соединение, как масло с водой. И их уважали за это. Алла только в карты играла с иными соседями с увлечением, выходящим за пределы обычного. Но вот с пересадкой на новую почву знакомство наше не привилось и постепенно замирало. В Москве мы почти не встречались с Легошиными. Он был занят на студии (теперь мне кажется, что «Белеет парус» он поставил после войны, а развод, сочувствие и прочее были связаны с какой-то другой картиной). А она — домом, сыном. Володины странности я уже не замечал. Акимов, наименее странный из моих знакомых, напротив, открыл их и рассказывал с тем аппетитом, [с] каким говорим мы о других, но не о себе, вопреки тому, что утверждал Тургенев⁵¹⁸. Впрочем, возможно, народ в наше время более замкнутый. Акимов, например, рассказывал, что, купив машинку и не умея решительно печатать, Володя сидел и, вставив лист, стучал по клавишам, как попало. Играл в свою новую игрушку, что Акимова приводило в недоумение, доходящее до восторга. Он же, Акимов, еще в сталинабадские времена рассказывал, что находящийся в Москве в командировке Володя сказал Акимову, выезжавшему в этот день в Сталинабад: «Счастливцев! Вы скоро увидите мою жену!» Чем опять привел Николая Павловича в веселое недоумение. Несмотря на вышеприведенные слова, переехав в Ленинград, мы услышали скоро, что живут теперь Легошины неблагополучно. И материальные дела плохи — Володя все не может выбрать сценарий по нраву. И дом разладился. Иные рассказчики не шутя приписывали это неудержимой страсти Аллы к картам. А потом пришла и вовсе страшная новость: мальчик Аллы, тот самый, что не засыпал, когда его укладывали, а все думал о чем-то, уставившись огромными светлыми глазами в потолок, заболел психически, и его отправили в лечебницу. Он все шептал что-то и шептал.

18 декабря

Не могу сейчас установить точно, когда, кажется, году в 51, появился на нашей комаровской даче и знакомый и точно из давних — давних времен возникший

Володя Легошин. Он все не мог и не мог найти сценария по душе и приехал поговорить со мной — не напишу ли я для него сказку. Занимался он так называемым дубляжем, и это как бы чисто прикладное дело в его руках превратилось в искусство. Он дублировал «У стен Малапаги»⁵¹⁹ — чуть ли не единственный дубляж, где забываешь о бесчеловечной операции, произведенной над актером: собственный его голос вырезали и заменили чужим. Но Легошину было тесно в этой переводчески-хирургической области кино. Я находился тогда, как понимаю теперь, в состоянии холодном и затемненном. И сначала вяло отказался, а потом вяло согласился. И насильственно, со скрипом выжал из себя нечто вялое и бесформенное, назвав это заявкой на сценарий, над чем Володя горестно задумался, и что студия впоследствии совершенно справедливо отвергла. Но дело не в этом. Узнав, что Катерина Ивановна нездорова, а в Ленинграде не найти диуретина, Володя сказал, что поищет его в Москве. И — вот странный человек — прислал из Москвы заказным письмом, тщательно, виртуозно запечатанным, множество таблеток этого лекарства. И повторил

⁵¹⁸ Шварц имеет в виду строки из повести И. С. Тургенева «Переписка»: «Начинаю, по обещанию, говорить о самом себе и буду говорить с удовольствием, доходящим до аппетита... Именно так. Обо всем на свете можно говорить с жаром, с восторгом, с увлечением, но с аппетитом говоришь только о самом себе» (*Тургенев И. С. ПСС*. Т. 6, 1963, с. 167).

⁵¹⁹ Франко — итальянский фильм, поставленный Р. Клеманом в 1949 г.

посылку трижды. И, как я припоминаю теперь, я, в тогдашнем затемнении своем, даже не поблагодарил его, не известил, что посылки дошли. А это была последняя наша встреча и последний от него подарок. Мы существуем в тесном кругу и поэтому знали мы, в основном, как живет Володя. Лишенный каких бы то ни было странностей Роу⁵²⁰ рассказывал, что, не найдя сценария, Легошин сам сочинил сказку, но очень странную — невозможно ставить. И художественный совет отверг ее. С Аллой он разводится. Мешает только квартирный вопрос. И вот год назад, во время съезда, заехавший по делу Роу говорит спокойно: «Я спешу на похороны». — «Чьи?» — «Володя Легошин позавчера умер. Не вылежал после инфаркта».

М

19 декабря

Макарьев Леонид Федорович ⁵²¹ все жаловался в длинных своих речах на обиды. На непонимание, которым он окружен. Работал с утра до вечера, секунды свободной не имел. Да и теперь не имеет. Получил и орден, и звание, но лицо его сохраняло все то же чуть жеманное и вместе с тем обиженное выражение. Господи, как я ненавидел его! Из немногих ясных чувств, доставшихся в жизни на мою долю, при вечном смятении душевном, ненависть к Макарьеву занимала не последнее место. А теперь мне приятно, когда я вижу столь памятное по переходным годам его лицо с актерской и вместе педагогической улыбочкой, печальной и в чем-то упрекающей. И мне жалко былой ненависти. Она была частью целой системы чувств, к сегодняшнему дню угасшей. Мы ждали большего. Я называл его профессором Серебряковым из «Дяди Вани», автоматическим оратором, человеком, который даже в пьяном виде перестал говорить рискованные вещи, когда за них стали наказывать не шутя. А он кричал, что я несу в искусство пирожные, когда нужен черный хлеб, что «Клад» — вылазка, писал статью с огромным количеством слов, взятых в кавычки (не цитат) и с таким же количеством курсива. Все о «системе», о «правде», **преломленной** через «актерское», но прежде всего через **миросозерцание** — или что-то в этом роде. Я был уверен, что Макарьев губит детский театр, а Зон и его группа его возрождает. И что же? Зон свой театр погубил, растратил, а старый ТЮЗ существует. Не весть как, но дышит. Макарьев когда-то хотел власти. Ну вот, он может ее взять — Брянцев совсем стар. Но и Макарьев так немолод, что сделать последние усилия и закрепиться на троне не может. И не хочет. Преподавать спокойнее. И подводя итоги, я вижу, что столь ненавидимый мною некогда Макарьев кое-что сделал. И я гляжу на него без признака ненависти. Но в глубине души жалею о ней.

20 декабря

Как жалею о тех первых днях знакомства, которые вспоминаю каждый раз, проходя мимо дома на углу Халтурина и Аптекарского переулка. «Дом этот строил Гваренги», — так сказал мне Макарьев, потом Елагина, снимавшая у них комнату, потом Зандберг. И я испытал чувство раздражения, которое быстро подавил. Я не любил, не выносил тогда разговоры о том, кто что построил и что какого стиля. Самоуверенные пижоны, знавшие все это, казались мне народом мертвым. Ничего не понимающим в старом, раз не увидели нового. Нового в искусстве. Кажется, я говорил, что похвалой тогда в нашем тесном кругу было: «Чему-то соответствует в действительности». А Петр Иванович Соколов, некогда

⁵²⁰ См. «Московскую телефонную книжку. Роу Александр Артурович», с. 629.

⁵²¹ Макарьев Леонид Федорович (1892–1975) — артист, режиссер, педагог, драматург, искусствовед. В 1921 г. участвовал в организации ЛенТЮЗа, позже — заместитель художественного руководителя по репертуару в этом же театре. Автор воспоминаний о Шварце.

ученик Петрова — Водкина⁵²², восстал против него именно потому, что у того не было чувства современности. И писал картины, которые понимало два — три человека. (Не могу скрыть, хоть и стыжусь этого, что я не входил в их число.) Он все сердился на себя, тем не менее, что не нашел еще выражения современности. Единственное, разве, он высказывал отчетливо: «У современной Венеры должны быть толстые ноги». И это принималось, как говорилось, без улыбки. На переднем крае, возле Олейникова, Соколова, было все холодно и ясно. В макарьевской же среде любимое слово было: «в каком-то смысле». Елагина еще несла настоящее знание от настоящего Станиславского и непосредственно от Вахтангова. Она ушла из Вахтанговского театра (тогда, кажется, еще III студии) по причинам творческим. Вместе с Завадским⁵²³. Но насколько даже тут было туманнее и, следовательно, теплее, чем возле моих беспощадных друзей. На переднем крае были по — солдатски грубы, что меня задевало более, чем следовало. Здесь же царствовала деликатность в приемах. Особенно возле Елены Владимировны. В ее комнате на стене висели юношеские акварели Юрия Завадского: стол с бутылкой, а за столом пьяница в цилиндре. Лицо зеленое. Без глаз. Все условно, но, увы, той условностью, которая умерла.

21 декабря

Я в те дни только что бросил курить и починил, наконец, зубы, пришедшие за голодные девятнадцатый, двадцатый годы в очень плохое состояние. Унизительные мучения в зубо врачебном кресле ушли, наконец, в прошлое. Курить мне больше не хотелось. Без папирос, к моему удивлению, я вдруг услышал запах земли, запах травы, пыли, прибитой дождем; обоняние вдруг проснулось или воскресло. Я стал каждое утро делать гимнастику и обливаться холодной водой. Словом, принялся, но все для того, чтобы проснуться или воскреснуть. Но писать еще не начал. Никак не мог найти креста по плечу. Это объяснялось еще и тем простым обстоятельством, что я его и не искал. Писал в крайнем случае. В полсилы. Пока. Но зубы, гимнастика, ясность головы после того, как бросил я курить, радовали. Однажды, сходя с трамвая на углу Садовой и Невского, я испытал такое острое чувство счастья, предчувствия счастья, что сам удивился. Я выбирался, выбирался из полной тьмы, и, хоть и не делал самого главного, чувство радости и счастья охватывало меня внезапно не один раз. Не с той силой, что тогда на Садовой, но все же я веселел до безумия и заражал своей веселостью даже свирепых моих друзей. Вот в каком я был состоянии, когда познакомился, точнее, сблизился с макарьевским домом, построенным Гваренги на углу Аптекарского переулка. Их тоже заражал я своей безумной веселостью, особенно в первое время. Вспоминаю те дни с каждым словом яснее — и вижу, что с самого начала знал все, что приведет меня к расхождению с хозяином. Но закрывал на это глаза. У них было легко. По — летнему. Макарьевы доживали последние дни в Аптекарском переулке. Дом переходил во владение какого-то учреждения. И Макарьевым предоставляли новую квартиру на углу Невского и Фонтанки.

22 декабря

Вот, собственно, и все. Для меня эта встреча с Макарьевыми была важна тем, что я написал для ТЮЗа первую свою пьесу⁵²⁴. Хотел рассказать обо всем подробно — а вижу, что скучно говорить о 1927 годе. Тем более, что я как-то раз писал уже о ТЮЗе.

Метгер — уж больно прост для меня. Зависть к подобного рода простоте лишает меня возможности говорить о нем отчетливо. Это длинный еврей, сильный. Тощий. По

⁵²² Петров — Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939) — художник.

⁵²³ Завадский Юрий Александрович (1894–1977) — режиссер, артист, педагог, художник, театральный деятель. В 1915–1923 гг. — в труппе Студии, затем Театра Е. Б. Вахтангова. В 1924 г. перешел в МХАТ и организовал свою студию.

⁵²⁴ См. «Зон Борис Вульфович», комм. 4.

образованию математик. Не знаю, сколько времени занимался он педагогической работой, но с тех пор любит говорить о воспитании, поучать. Не прочь поговорить и на этические темы. Он талантлив — и это свойство у него на поверхности. Он легкий, остроумен, глядит умно. Владеет от природы формой повествовательной, так что рассказы его выглядят искренними и трогают. Но вся эта шелковая ткань при случае приходит в движение, и глазам открывается неожиданное зрелище.

24 декабря

Несомненно, считать надо уметь. Особенно бывшему математику. Но когда он, человек столь остроумный и легкий, с выражением умным, интеллигентным поднимает историю с магазином, где — то в Челябинске продавшим ему несортную чернобурую лису, и добивается возврата денег или ловит спекулянта, продавшего ему уцененные брюки, испытываешь раздражение. Как будто не Селика обманули спекулянты, а ты обманулся. Вот еще легкий порыв ветра, и ты снова с неудовольствием чувствуешь, что за тканью не все благополучно. Например, когда узнаешь ты, как строго у него насчет домашних расходов. Как будто и мелочь — но не умещается она в том Селике, что радует тебя. Все как будто весело. Он и выпить не дурак, а уж насчет женщин... Именно такие тощие и сильные евреи и тут молодцы. И поступает иной раз молодцом. На вечере каком — то в Театре комедии один актер, ни ростом, ни силою Селику не уступающий, позволил себе за ужином неуважительно отозваться о Юнгер. И Селик вступил с ним в драку, схватил за горло, швырнул на пол, шум, скандал! В ССП хватало и тогда людей, ненавидящих его. Могли поднять дело, и он понимал это. Вот тут, казалось, за шелковым полупрозрачным домино скрывается парень ничего себе. Раза два поражал он меня очень пустыми рассуждениями о Толстом. Но я сам в этой области не силен. Однако, под привычной и милой маской мелькала вдруг туповатая рожа. И несколько дней, как бывает, когда человек приснится тебе не в обычной привычной сущности, относился я к нему не так, как всегда. Но вот недавно не ветер подул, а заревел ураган. Селика охватила страсть. Сначала сказала его привлекательная сторона. С неудержимой искренностью и легкостью рассказывал встречному и поперечному Селик о том, что он влюбился. Я ему сказал, что не сочувствую его любви, и в самом деле, сорокапятилетний матерый волк влюбился в шестнадцатилетнюю девочку, которую знал с детства. Да еще из семьи, где был принят как ближайший друг.

25 декабря

Да еще был он женат семнадцать лет и с женой не собирался расходиться. И разодрал этот вихрь всю

полупрозрачную ткань, что талантливость набросила на его практическую, боязливую, грубоватую сущность. Теперь стало ясно: ближе он к тому, как бы неожиданному Селику, что обнаруживался от случая к случаю, от скандала с чернобурой лисой до рассуждений с Борисом Михайловичем по поводу «Анны Карениной». Я не смею осуждать страсть. Тут понятно, что забывает человек все. Непонятно другое, с какой быстротой Селик отрезвел и вспомнил все и подсчитал на пальцах, как следует ему поступать при такой разнице в годах, едва обстановка усложнилась и дело приняло характер открытый. Он забегал, засуетился. Стал намекать, что, собственно, это он лицо пострадавшее и даже с какой — то точки зрения совращенное и едва ли не диффамированное⁵²⁵. Пишу об этом с досадой и отвращением, потому что муть и грязь поднялись со дна, — подобные истории притягивают их, как пароход — магнитные мины. В нашем союзе состоялось заседание специально о добродетели. Обвинялся Успенский, причем участникам собора давали копии писем, посланных грешником некоей блуднице, ныне угнетенной невинности. И многие их читали. Затем поставили дело Селика, которое отложили, ввиду того, что сей грешник пребывал в нетях. И я испытал то, в достаточной степени отвратительное ощущение, когда, осуждая, оказываешься ты в дурном обществе, но оправдать не можешь по брезгливости. Я захворал и

⁵²⁵ от латинск. diffamare — порочить.

не видел давно этого мыслителя и писателя. Думаю, что шелковое домино опять ниспадает с его плеч. И друзья давно примирились с очевидностью. Ну, обделался и обделался — так когда это было. А все же он в плаще. Но я боюсь встречи с ним. Боюсь того безразличного, приятельского тона, которым, вероятно, заговорю с ним.

26 декабря

Следом за Меттером идет фамилия: **Монэ**. Эту женщину я ни разу не видал, но слышу о ней часто. Она портниха, но не простая, а с талантом. Иные не признают ее работу, другие — восхищаются, третьи — обсуждают со знанием дела — то ей удалось, другое — нет. Я давно уже не осуждаю женское умение разбираться в этом искусстве. Некоторые мужчины обладают им. Чаще всего актеры или режиссеры. Иной раз, реже, чем это можно подумать, художники. А художницы, почти все, в этом искусстве тупы. Театральные костюмы придумать еще могут, а сами одеваются нехорошо. С претензиями. Когда разговаривают женщины о платьях, лица их принимают выражение сосредоточенное, внимательное. У самых даже изломанных — правдивое. Это чувство неподдельное, от природы. Я в Липецке в базарный день увидел непривычное для меня зрелище: баб в домотканых юбках чистых цветов, отделанных позументом, в коротеньких плюшевых кофточках до талии, в бусах. А девки — с разноцветными лентами в косах. И какими, словно умышленно серыми, выглядели рядом с ними мужья и братья — словно «русский крестьянин XVIII века» из какой-нибудь книжки. На Кубани такой разницы в одеже между казаками и казачками не наблюдалось. У нашей молочницы купили мы ее домотканую юбку рублей, кажется, за 70. Узнав, что позумент нам ни к чему, она его тут же отпоролла, но цены за юбку не сбавила, сказавши, что таких теперь не делают, что это у нее еще бабкина. И они с Катюшей заговорили о юбках, о тканях, об одеже все с тем же, знакомым мне, внимательным, сосредоточенным выражением. Я очень удивился, когда мне сказали, что Варя Кешелова⁵²⁶ хорошая девочка: она явно заботилась о своей наружности, когда народ страдал. Это не говорилось прямо, но подразумевалось. И соблюдалось, как закон. Но потом я отрекся от него.

27 декабря

После фамилии Монэ идет запись **Федоров**.⁵²⁷ А затем в скобках — монтер. Этим и объясняется, почему фамилия на букву «Ф» попала в алфавит на «М». Телефон, первый в моей жизни, имел № 2–00–66. Поставили этот деревянный неуклюжий настенный аппарат, вероятно, году в 24, когда жил я еще на Невском 74, кв. 71. Именно по этому аппарату услышал я в ужасный день 3 октября 25 года о страшной смерти моего шурина Феди Халайджиева⁵²⁸. И удивлялся, как не заржавела мембрана, когда мне Олейников упавшим голосом сообщил об этой беде.

Этот телефон так и числился за мной. Слышал я и дурное и хорошее. Сообщили о рождении Коли, сына Фединоного мальчика. Звонили и друзья, и враги, и враги, они же друзья. Сердился на меня Самуил Яковлевич за лень и беспорядочность в редакционной работе. Он же иной раз звонил весело и шутя. На рассвете 16 апреля позвонил звонок, и вскрикнула Искуги Романовна⁵²⁹: «Это из родильного дома!» И я услышал равнодушный, но старательный голос сиделки: «Родилась у вас девочка, черненькая, восемь фунтов с четвертью. Супруга ваша чувствует себя нормалѣно»~ Я повторил все это Искуги

⁵²⁶

⁵²⁷ Федоров Иван Иванович — монтер по установке телефонов.

⁵²⁸ Халайджиев Федор Николаевич (ум. 1925) — брат Г. Н. Холодовой. 3 октября 1925 г. кончил жизнь самоубийством.

⁵²⁹ Халайджиева (рожд. Хачатурова) Искуги Романовна (1870–1958) — теща Шварца, племянница М. Налбандяна — известного армянского просветителя, друга А. И. Герцена.

Романовне, и она расплакалась, беспомощно и радостно, как в марте 54 года, когда позвонила ей Катерина Ивановна, что родилась у Наташи, у той самой «черненькой и здоровенькой девочки», дочка⁵³⁰. Тоже 8.5 фунтов. Второй уже Наташин ребенок.

28 декабря

Первый, Андрюша, родился в Москве в 50 году, и я звонил об этом событии в Ленинград Катерине Ивановне. По нашему третьему телефону, о котором речь пойдет впереди. Разойдясь с Холодовой, я долго жил без телефона. С 29 по 34. Но вот в апреле 34-го переехали мы в так называемую писательскую надстройку. И через несколько дней появился у нас на стене, хоть и висячий, но на этот раз маленький, черненький, не лишенный изящества телефонный аппарат. И номер наш стал 4-80-11. С апреля или мая 34-го по 9 декабря 41 чего только не наслушался я по телефону 4-80-11. Тогда это не был автомат. Ты нажимал кнопку «А», если первые цифры номеров, которые ты вызываешь, начинались с единицы или двух. И на кнопку «Б», если номера были выше. И женский голос с особенной, выработанной интонацией отвечал тебе: «Группа «А» или «Б» и повторял преувеличенно отчетливо названный тобой номер. После чего сообщал: «Позвонила» или «Соединяю», на что я, по московскому обычаю, усвоенному в студенческие годы, отвечал «спасибо». И прислушивался к звонку, похожему на сипение. Это телефонистка звонила. Иной раз отвечала она отчетливо: «Номер занят» или «Занято». Этому предшествовало гудение, дававшее опытному абоненту понять и без заявления телефонной барышни, что тот, кому ты звонишь, разговаривает с кем-то. Изредка барышня сообщала: «Трубка снята» или «Повреждение на линии». Случалось, что по таинственным причинам вдруг перепутывались кнопки. Это ничему не мешало. Когда нужно было «А», нажимал ты кнопку «Б» — и наоборот. Уточняю — когда барышня звонила по нужному тебе номеру, то раздавалось не сипение, а такой звук, словно сыпали на пол зерно. Рассказываю так подробно, потому что это уже ушло в прошлое, далеко — далеко, так же далеко, как детство. Телефоны с кнопками были чисто ленинградской особенностью. В Москве ты просто снимал трубку. Итак, на Канале Грибоедова поставили нам телефон 4-80-11 — и чего я только не наслушался по этому номеру. Каждый день разговаривал я с Наташей. Разговаривал подолгу.

29 декабря

Попрощавшись, она кричала испуганно: «Папа! Скажи еще что-нибудь. Пожалуйста». Если я не мог в тот день быть у нее, мы решали вместе по телефону задачи. У Наташи была одна фраза, разрывающая мне сердце. Когда я сообщал, что занят, она умоляла: «Папа, приди! Папа, пожалуйста, приди!» И это звучало так патетично и так убедительно. Конец 36-го, 37, 38 и 39 годы. Я боялся телефонных звонков — несчастье за несчастьем. Операция Катерины Ивановны кончилась благополучно — тут телефон не передавал дурных вестей. Но чем дальше, тем хуже пошли дела. Вдруг заболела Наташа: у нее нашли в сердце шум. Катерина Ивановна поправилась, но началась сразу же одна история, в которой обвинить я ее не могу. Она ни разу не изменила мне за всю нашу жизнь вместе. Это я знаю. Но тут началась одна история, которая жжет меня до сих пор. И больше всего — искренняя радость Олейникова, Германа, да и всех моих друзей, которые ждали, что это вот — вот произойдет. Такого одиночества не испытал я ни разу в жизни. Дальше — больше. Телефон сообщал то, что не зажило до сих пор. Мои друзья исчезли. Многие из них. В начале 38 года умер Коля. Сын Феди Халайджиева. В мае папа вызвал меня в «Европейскую гостиницу»: «Заболел Саша⁵³¹, и дела его швах». Дело было на рассвете. Папа сидел у окна с сильнейшим сердцебиением, первым в его жизни. А у Саши, моего дяди, видимо, произошел инфаркт. Тогда его не умели так быстро диагностировать. Через две недели он умер в больнице. А папа на другой день ослеп. В трамвае. По пути на работу. Один глаз давно у него отказал —

⁵³⁰ Крыжановская Мария Олеговна (р. 1954) — внучка Шварца.

⁵³¹ Шварц Александр Борисович (ум. 1938) — адвокат, артист — любитель, антрепренер.

глаукома. А в другом закупорился сосуд, питающий сетчатку. И я перевез родителей на дачу. До этого суждено мне было увидеть их горестное шествие. Мама в белой панамке вела отца с какой-то очередной комиссии. По Литейной. Шли они торжественно. Как бы на похоронах. Сознавая это. Мы с Наташей догнали их.

30 декабря

И, услышав Наташин голос, папа заплакал. Человек мужественный, всю жизнь ходивший прямо, откинув назад голову, он держался твердо. Мог вспылить. Часто это случалось с ним. Но после горя своего смягчился. Только плакал так же легко, как прежде выходил из себя. Даже чаще. Потому что плакал он и растрогавшись, а не только обидевшись или огорчившись. Так заплакал он, услышав Наташин голос. Так плакал на «Снежной королеве», куда я привез его и маму. И к телефонным разговорам ежедневным прибавилась беседа с папой. Я бывал у них часто, каждый день почти, но он еще и звонил мне. Перестав работать, он жил нашими интересами. На «Снежную королеву», на премьеру, он заставил себя привезти, я боялся, что услышит он какие-нибудь непочтительные разговоры обо мне и обидится. Однажды ночью, уже во втором часу, позвонил он и попросил взглянуть на наружный градусник. Узнать, нет ли мороза. Зачем? Если сильно подморозит, у Вали⁵³², на его строительном объекте, не будет схвачен бетон. До сих пор стоит у меня в ушах особый звук, когда вспоминаю те дни. Если отец бывал недоволен мной, голос его начинал прерываться, а телефонная трубка дрожала в руке с такой силой, что передавалось это по проводам. У него еще до болезни появилась дрожь в правой руке, отчего вынужден он был прекратить операции. При малейшем волнении дрожь эта усиливалась — и вот ее-то я и слышал по телефону. В последние месяцы разговоры с ним по телефону. Разговаривал я о нем. Я устроил его через Литфонд в Военномедицинскую академию. Его положили в палату на двоих, потом в отдельную. Врачи были к нему внимательны трогательно как к товарищу. И вот по телефону позвонили мне, что папе плохо. Я, приехав, уже не застал его в живых. Несправедливо забывать телефонные разговоры благополучные. Прошла «Снежная королева»⁵³³ и «Тень»⁵³⁴. «Брат и сестра»⁵³⁵ успех имели весьма средний. «Красная Шапочка»⁵³⁶ — ничего себе. Провалились с треском кинокартины⁵³⁷.

31 декабря

Строгие критики братья Тур, степенно и вместе с тем игриво, задали вопрос в «Известиях» — «непонятно, зачем понадобилась автору подобная жеребятина»⁵³⁸. Рецензию эту прочли мне тоже по телефону 4–80–11. Впечатления она не произвела. Это был как раз конец 36 или начало 37 года, болели Катерина Ивановна, Наташа, а все остальное казалось как бы не существующим. Иной раз телефон радовал, иной раз бил. Бил основательнее, чем радовал. И вот началась война. Я записался в ополчение. По телефону

⁵³² См. «Шварц Валентин Львович», с. 621.

⁵³³ См. «Зон Борис Вульфович», комм. 8.

⁵³⁴ См. «Кошеверова Надежда Николаевна», комм. 5.

⁵³⁵ См. «Зон Борис Вульфович», комм. 8.

⁵³⁶ См. то же.

⁵³⁷ Шварц имеет в виду фильмы, поставленные по сценариям, написанным им совместно с Н. М. Олейниковым, «Леночка и виноград» (1936), режиссер А. В. Кудрявцева, и «На отдыхе» (1936), режиссер Э. Ю. Иогансон.

⁵³⁸ См. «Жеймо Янина Болеславовна», комм. 8.

вызвали меня в союз с кружкой и ложкой. Но там уже лежало предписание — прикрепить меня к Радиоцентру. Начались телефонные вызовы на радио. Потом о Наташиной эвакуации. И она уехала 5 июля. Примерно, через день или два после этого уехала мама с Валиной семьей. В Свердловск. Я пошел, усадил ее в машину. На вокзал ехать отказался — пришлось бы просить, чтобы пустили меня на перрон, а я этого терпеть не мог. Начальство в те дни было строго и подозрительно. Машина, «эмка», присланная Валею, стояла на улице Петра Лаврова. Я усадил маму. Держалась она просто, сдержанно. Только когда захлопнул я дверцу, то увидел, как строго и сосредоточенно глядит она прямо перед собой. Так и запечатлелся ее строгий профиль. Примерно в сентябре получил я от нее необыкновенно ласковое письмо. А в октябре позвонила Валина свояченица, сообщила, что мама заболела и ей ампутировали ногу — закупорка вен. А затем еще один звонок: мама умерла от общего заражения крови. В детстве я все думал, что покончу с собой, если мама умрет. А в конце октября в блокаде все чувства были перевернуты и опрокинуты, и я как-то до сих пор не верю в ее смерть. Телефон не заржавел и после этой новости. Почти все аппараты в городе выключили, но наш оставался по требованию радио, где я работал. Так он и служил нам до эвакуации⁵³⁹.

1956 год

2 января

В Кирове зашел к нам кто-то из ленинградцев. Заговорили об одном писателе, ныне умершем, он жил по той же лестнице, что мы. В пятом этаже. Приезжий сообщил, что у него только и сохранился телефон во всей надстройке. И сообщил: № 4–80–11. Когда мы слышали, что переехал наш телефон в другую квартиру из нашей, разбитой снарядом, то почему-то сердце сжалось, будто обрывалась еще одна связь с Ленинградом. Когда пришел я в 44 году в нашу квартиру, пролом в стене был уже заделан. Разворовали все: вплоть до кухонной плиты. Только отрывной календарь висел в моей комнате, на меня глядел пожелтевший листик 10 декабря 41 года. До которого обрывал. Я взял календарь себе на память. От телефона остался только прямоугольный след на стене. Квартиру отремонтировали, и мы в июле 45 вернулись к себе. И поставили нам телефон, наконец, 5–44–93. И он стал передавать новости, то дурные, то хорошие. Мучило меня здоровье Наташи. Об этом ничего радостного телефон не сообщил. Неожиданный успех «Золушки»⁵⁴⁰ и тут же «Тени» (в Берлине)⁵⁴¹ был затуманен моей Шелковской натурой и дурным здоровьем дочери. Потом бежали мы от ленинградских сложностей в Комарово. Где стоял у нас тоже телефон. № 1. И я то по одному, то по другому телефону слушал новости, то ужасные, то хорошие. Вышла замуж Наташа. Уехала в Москву. Затем я (как писал уже об этом) из Москвы позвонил Катерине Ивановне о рождении Андрюши. В начале пятидесятых годов телефон таинственно помалкивал. Писем тоже почти не было. В пятьдесят четвертом позвонил Валя, что умер Тоня. На другой день Анечка сообщила о смерти Суетина. Потом

⁵³⁹ 9 декабря 1941 г. состоялось решение Исполкома Ленсовета об эвакуации Шварца, Е. Л. и Е. И. Шварц 10 декабря выехали из дома на аэродром, 11 декабря вылетели из Ленинграда.

⁵⁴⁰ В мае 1947 г. вышел на экраны фильм «Золушка» по сценарию Шварца. Постановка Н. Н. Кошеверовой и М. Г. Шапиро, художник — Н. П. Акимов. Художественный совет Министерства кинематографии принял фильм на «отлично».

⁵⁴¹ 3 апреля 1947 г. состоялась премьера спектакля «Тень» в Камерном театре (Kammerspiele) — филиале Немецкого театра им. М. Рейнхардта. Режиссер — Г. Грюндгенс.

съезд. Я звонил Кате о брани Полевого ⁵⁴². Потом переехали мы сюда, на Малую Посадскую, и телефон переменялся.

3 января

Я лежал больной, а Катя бегала звонить врачам. Из булочной. Наконец, появился механик, бросил общий взгляд на расположение комнат, чтобы понять, сколько понадобится провода. Еще два — три дня — и вызвали Катю на станцию заключать договор. Это усложнилось тем, что я лежу. Сначала написали, что нужна доверенность (на открытке), а потом, что не нужно — это уж при встрече Катюши с очень сердитой работницей на самой станции. И этот этап был пройден благополучно. И дня через три появился рабочий, монтер, с переносным аппаратом. И был перехвачен Карнауховой, которая кричала, что она переезжает на курорт сегодня, поэтому телефон следует установить у нее. Оставив один аппарат у нас, монтер отправился к Карнауховой. Пришел часа через два и сообщил, что обстоятельства изменились. Его вызывают ставить телефон в райисполком. А я еще лежал в те дни, и пришлось со всякими трудностями передвигать мой диван от стены, чтобы освободить монтеру место. Узнав, что он уходит и, следовательно, передвигали меня напрасно, побежала Катя звонить начальнику телефонной станции, и он разрешил монтеру закончить у нас все работы сегодня. И этот этап закончился благополучно. И узнали мы, что телефон на днях включат. И в самом деле. Дней через пять появился у нас мальчик в форме ремесленника и довел дело до конца. И мы стали звонить, и нам стали звонить. Телефон у нас теперь (четвертый уже за тридцать с лишним лет и третий с тех пор, как живем мы с Катей вместе). В 2-91-80. Что он сулит? Бог один знает. А монтер Иван Иванович, с которого начал я рассказ, приходил нам чинить телефон предыдущий. Еще до того, как исчезли телефонные барышни. И после того, как стали мы АТС.

4 января

Миша Марьенков ⁵⁴³ — человек простой, необыкновенного здоровья в те дни, когда мы познакомились. Немногословный, чуть застенчивый. Всеми своими повадками напоминал он силача, сидящего в классе на задней парте. Силача из добродушных. И в литературе дела его шли, как у подобного силача учеба. Ни шатко, ни валко. Да он и не слишком утруждал себя. Писал, как подобные силачи готовят уроки: в самом крайнем случае. И его любили, как любят в классе таких учеников. Я познакомился с ним у Гитовича, в те годы еще простого и здорового, но уже с самолюбием воспаленным и со склонностью обвинять и проповедовать, со страстями и пристрастиями. Миша до такой степени просто смотрел на капризы и деспотические выходки Гитовича, что дружба их казалась нерушимой. Гитович, то страстно восхвалял, то столь же страстно поносил Прокофьева, то благословлял, то отвергал своих учеников, молодых поэтов, а поглядишь, как пьют за столом в кухне у Гитовичей Миша и хозяин дома, и покажется тебе, что нет на свете людей более благодушных. Война их разлучила. Марьенков оказался в строю, в артиллерийской части на так называемом пятачке у Невской Дубровки ⁵⁴⁴. Место для силачей. Незаметное и не достославное, но страшное по человеческим жертвам. И Миша едва не стал жертвой запутанного положения под Ленинградом. Был изранен. И когда встретились мы после войны, я не сразу угадал, чего не хватает здоровяку и силачу. Что он потерял? И вдруг с горечью ощутил: силу и здоровье. Был он широк и крепок, но только на вид. Щеки бледны. Глаза глядят по — прежнему просто, но как бы виновато или растерянно. Раны зажили, но

⁵⁴² См. «Альтман Натан Исаевич», комм. 3.

⁵⁴³

⁵⁴⁴

мучила его нещадно язва желудка. А вел он себя по привычке, как здоровяк.

5 января

Сейчас он приблизился к довоенному уровню. И с язвой как-то сладил. Работает в «Звезде». Иной раз в выходной день вижу его в окно — идет с полупустым рюкзаком за плечами — приехал в гости к Гитовичам. Все тот же вид силача — второгодника. Только озабоченней он, чем прежде: женат. И с женой все ссорится, но не расходится.

Далее идет **Мариенгоф**, которого не могу писать, по дальнорзости. И я так часто с ним ругался, нет — спорил в Кирове, а теперь он так нездоров, так трудно справляется с ногами. Ньюша — к той относился я всегда серьезней. К Ньюше Никритиной. И лучше. Но и о ней не могу писать, да и только.

Далее идет **Мессер Раиса Давыдовна**. Помню ее с начала тридцатых годов. И тоже не хочется говорить о ней. Что говорить? Я с ней ругался, когда работал на кинофабрике в 35 году, да и то скорее добродушно. А теперь встречал очень толстую женщину, пожилую, бабушку уже — что я могу сказать, кроме «здравствуйте» и «прощайте». Майя, дочка ее, та много любопытнее, но тут пришлось бы рассказывать то, о чем все мы разучились писать: о ее бескорыстном даре влюбляться. Нерассуждающем. Но и она делается уж больно взрослой и на материнский лад полнеет.

Далее идет **Московский вокзал**.⁵⁴⁵ Он назывался, когда я первый раз увидел его, Николаевским. Потом — Октябрьским. А сейчас — Московский. В первый раз увидел я его примерно в сентябре. В 14 году. И едва заметил его, так вглядывался в город. В нарушение всех традиций, городские крыши были освещены солнцем. Да, теперь помню точно: это был сентябрь. Я приехал за два — три дня до именин Милочки⁵⁴⁶. Вокзал при отъезде помню отчетливей. Но я до такой степени в те дни [был] полон своей любовью, своими горестями, что ничего не видел за этими границами.

6 января

Помню только, что по бездеятельности своей, укрепившейся еще в те годы, ни разу я не стоял у билетных касс. Я поручал носильщику брать билет. В первый раз я поехал на Николаевский вокзал в Москве полный тоски. Обоженный тоской по Милочке. Сказал только Тоне, что уезжаю в Петроград. В белом высоком сводчатом зале в Москве, почти не изменившемся и сегодня, стояли носильщики. Один из них сказал, что поезд отходит через сорок минут. Спокойно, без огорчения и радости, взялся достать билет, что и сделал без особого промедления, минут, вероятно, через десять. Иначе я запомнил бы — дорожные волнения задевают меня бессмысленно глубоко. Все казалось, — и по причине моей собственной сосредоточенности, и потому, что шла война, — ненастоящим. Большое количество военных, всё прапорщиков с наружностью не военной. Ни по — мирному, ни по — офицерски одетых. Светло — серые офицерские шинели исчезли. Новые были похожи на солдатские, только получше пригнанные. Все казалось не по — прошлогоднему временным. Уезжал я в те дни из Москвы полный надежд. А уезжал [из Петрограда] полный отчаянья. Особенно после второй поездки, прочитав Милочкин дневник. Теперь я думаю, что она оставила его на столе нарочно. Зная, что я приду. В назначенный час ее не оказалось дома, а дневник лежал на самом видном месте, не на письменном столике у стены, а на круглом

⁵⁴⁵ Московский вокзал. Здание Николаевского вокзала с высокой часовой башней было построено в 1845–1851 гг. по проекту архитектора К. Тона.

⁵⁴⁶ Крачковская Людмила Поликарповна (Милочка) (1897–1986) — первая юношеская любовь Шварца, впоследствии известный селекционер, училась в Петрограде.

обеденном посреди комнаты, под самой лампой. Теперь мне понятно ее желание ударить меня побольней, чтобы я вышел из состояния своей несмелой, мальчишеской и вместе с тем бесконечно требовательной любви. И я уезжал в отчаянии. Я стоял у своего вагона, как маньяк, думая об одном и том же, и вдруг на платформу прыгнул с полотна Юрка Соколов⁵⁴⁷. У него не было денег на перронный билет. Он был строг.

7 января

Ничем не высказал мне своего сочувствия. Да он и не знал ничего — я не умел рассказывать о своей любви, при полной открытости и распушенности во всех остальных своих заботах и радостях. Я никому, даже Юрке Соколову, ничего не говорил о своих отношениях с Милочкой. Но и так все было ясно. И он хоть был строг и держался как бы осуждающе, но я обрадовался тому, что он пришел меня проводить. В пятнадцатом году на Пасху увидел я Николаевский вокзал в последний раз. Приехал я в Петроград с Марусей Зайченко⁵⁴⁸; она хотела повидать Сережу Соколова⁵⁴⁹, которого по окончании артиллерийского училища должны были отправить на фронт. Это было время, когда любовь моя вдруг перегорела, но чувство пустоты и холодности еще не успело возникнуть. Я еще не мог понять, что случилось. Только отдыхал от мучений. В Москве мы едва не опоздали на поезд. Носильщик, которому заказал я билеты с утра, ждал нас уже у поезда и укоризненно покачал головой, увидев нас. Места были плацкартные. Под самым Петроградом, по превратностям военного времени, поезд вдруг стали задерживать на маленьких станциях. И тут впервые увидел я названия Акуловка, Колпино.

Мне было весело и, шагая через Николаевский вокзал, никак не предчувствовал, что вижу его в этом качестве в последний раз. Я пережил несколько жизней, пока 5 октября 1921 года не увидел знакомые, крытые стеклом своды. Вокзал выглядел потемневшим и словно обожженным. Наши теплушки отцепили и после долгих и нудных маневров поставили у платформ, мощенных булыжником, со скатом вниз для грузовиков. Я был несчастен и погубленной считал свою жизнь в первое утро приезда. Я разбил чашку и безобразно поссорился с женой. Я ушел бродить по рельсам — не хочется вспоминать. К вечеру того же дня шагал я с тревогой за тележкой, на которой везли багаж. Наш и Тони. Боялся я, что часовые у высочайших полукруглых ворот, справа от вокзала, задержат бидоны с маслом.

8 января

Но они и не взглянули на тележку. Так я впервые встретился с бывшим Николаевским вокзалом, ныне Октябрьским. Впрочем, переименование могло состояться и позже. Главное — изменилось время. Все лицо высоких залов. Появились пассажиры нового наименования: мешочники. Они бежали толпой с каждого поезда. Их то ловили, то нет. Торговля шла на площади у вокзала и на рынке в самом начале Суворовского. Мешочников окружали покупатели. Иные тут же продавали свой товар, иные спешили скрыться на городских улицах. До переезда в город я побывал на вокзале, постоял на крыльце, поглядел на новое для меня выражение Петрограда 21 года. Все, как во сне, даже не напоминает тех дней, когда приезжал я сюда полный надежд и уезжал в отчаянии. Утром в день приезда проводил я, сам

⁵⁴⁷ Соколов Юрий Васильевич (1895—?) — соученик Шварца по реальному училищу в г. Майкопе, близкий его друг; художник, учился в Петрограде, в годы революции пропал без вести.

⁵⁴⁸ Зайченко Мария Георгиевна (1893—?) — дочь владельца мельницы в Майкопе, училась в Москве на Высших женских курсах В. И. Герье.

⁵⁴⁹ Соколов Сергей Васильевич (1894—?) — брат Ю. В. Соколова, учился в артиллерийском училище в Петрограде.

не знаю зачем, Литваков к их родителям. А жили они в том доме, где некогда — Вячеслав Иванов⁵⁵⁰. Знаменитая башня. Она казалась такой же древней и ничего не напоминающей, как Петроград моих студенческих лет. С тех дней стал Петроград моим родным городом. Вскоре он даже имя переименовал, к чему привыкли с легкостью. Проще и легче, чем когда имя Санкт — Петербург исчезло. С тех пор обыватели успели притерпеться к любым переименованиям. Теперь я уезжал с Октябрьского вокзала в Москву, полный надежд, и возвращался часто в горести. Я не помню, когда именно вокзал получил третье свое имя. Делался он все щеголеватее. Народился на свет поезд неслыханной красоты. «Красная стрела». Синего цвета. Я уже прижился в городе. Завелось, явилось у меня множество знакомых. И ни разу не случалось, чтобы среди пассажиров и среди провожающих их не оказалось. Ярко освещенная платформа, всегда одна и та же, как раз та, на которую во времена доисторические вдруг прыгнул с рельсов Юрка Соколов.

9 января

В поезде гремела музыка — в каждом вагоне имелся динамик. Провожающие собирались все нарядные. А за путями на платформе справа стояла угрюмая и мрачная очередь, с деревянными сундучками, с узлами, с мешками. А перед очередью на штанге висела доска с надписью: «Станция Мга». Почему — то имя это и унылая очередь, и состав, неосвещенный, сплошь из вагонов четвертого класса, наводили на меня тоску, похожую на предчувствие. И вот пришла война, и о станции Мга заговорили все в конце июля 41 года. После взятия станции этой кольцо вокруг Ленинграда замкнулось. Началась блокада. И снова страшно изменился Московский вокзал. Я побывал там всего раз, когда еще до блокады детей отправляли в эвакуацию. Писательских детей. Часовые у входа. Эшелоны с войсками. Запах хлористой извести. Необыкновенно яркий и жаркий день. Пустые залы, через которые шагали мы следом за выстроившимися парами детьми. Все та же платформа, похожая на прежнюю, как человек в жару и бреду на здорового. Особенная, военная тоска того лета. Дети были веселы. Только когда поезд тронулся, Наташа уткнулась лицом в колени и расплакалась. Но, как это ни странно, возвращались мы через пустые залы с чувством облегчения. О блокаде еще не думали, но смутно чувствовали — детей из города следует увезти. В 42 году летом ехали мы из Кирова в Москву. Рудник⁵⁵¹, Бергер⁵⁵², Карская⁵⁵³ и я. И вдруг, отъезжая от Горького, увидели на запасном пути знакомые синие вагоны «Красной стрелы». И обрадовались. И опечалились. Но вот в 44 году, примерно, в сентябре — октябре поехал я в Ленинград. К Наташе. «Стрела» возобновила свои рейсы, только отходила в пять часов вечера. Примерно от Колпина, нет, еще раньше, много раньше путь становился однопутным. Воронки и дзоты тянулись вдоль полотна.

10 января

Потом вдруг увидели мы за окнами лес, погибший от артиллерийского обстрела: мертвые расщепленные стволы без крон. На перроне у разрушенной станции Любань сидели

⁵⁵⁰ Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) — поэт, драматург, историк и теоретик искусства.

⁵⁵¹ Рудник Лёв Сергеевич (1906–1987) — режиссер. В 1940–1944 гг. — директор и художественный руководитель БДТ, позднее — Центральной студии киноактера, с 1961 г. — Московского театра киноактера.

⁵⁵² Бергер Яков Григорьевич (р. 1904) — театральный администратор.

⁵⁵³ Карская Таисия Яковлевна (1901–1982) — театровед, работник Управления по делам искусств, позднее — секретарь Правления Ленинградского отделения союза Рабис.

на узлах озабоченные, строгие, только что возвращенные из немецких лагерей местные жители. Они, как видно, не ждали, что город разрушен так безнадежно — развалины, куда ни глянь. Проводник, выпивший и веселый, рассказывал, как бомба попала в самый вокзал. «Начальник станции со всем своим ПВО стоит на крыше и доказывает, что это наш самолет. И вдруг, здравствуйте, прямое попадание! Ни станции, ни начальника». Я глядел, слушал, и мне так же, как и любанским жителям, чудилось, что ничего тут не воскресишь. Так же, как в наши дни, когда гляжу я на новое здание вокзала и на новую Любань, пролетающую за окнами, — «Стрела» там не останавливается, — развалины 44 года представляются мне сном. И мы прибыли, — говорю о 44 годе, — в Ленинград. Встретили нас торжественно: оркестр, толпа — с нашим поездом вернулась команда «Зенит», взявшая в тот год кубок. Они вышли из вагона в майках и трусах, или встречали победителей товарищи в этой форме, — не помню. Ошеломил меня оркестр, шум. Тридцать лет прошло с тех пор, как вышел я под эти застекленные своды в первый раз. Я был ошеломлен. Голые парни, выстроившиеся в ряд, запах человеческого тела, аплодисменты, толчея у выхода. Только что пережитые Любань и мертвый лес. Наташа в те дни жила на Кирочной, 8. Стройный юноша в пальто, из которого он сильно вырос, предложил донести вещи. У меня был тяжелый чемодан с продуктами. Он его легко вскинул на плечо. По дороге мы разговорились. Выяснилось, что он артист балета Кировского театра. На его руках мать и младшая сестренка — вот почему прирабатывает он на вокзале. Дома казалось полуслепыми, вместо стекол — фанера.

11 января

Несколько раз приезжал я в Ленинград, пока в июне 45 года со всеми вещами и с котом не погрузились мы на «Стрелу». Начальник поезда, крупный, тяжелый человек со звездой Героя Советского Союза, полученной в те страшные дни, когда поезда водили по узкому простреливаемому коридору, увидев нашего кота, спокойно развалившегося поперек коридора, сказал добродушно: «Много возил котов, а подобного не видел». Мы взяли мягкую «Стрелу», чтобы не мешать никому — любовь к животным раздражает. Но, как нарочно, в тот день мягкие вагоны шли четырехместные. И как на зло, в нашем купе оказался двухлетний мальчик, по словам отца и бабушки, до судорог боящийся кошек. Его год назад, когда был у него жар, напугала кошка, прыгнувшая к нему в кровать. Я понадеялся на непривычно большой рост нашего кота и сказал мальчику: «Смотри, какая собачка!» И мальчик заулыбался. И вот мы вернулись в Ленинград после трех с половиной лет. Наташа нас встречала. И вот мы прошли через вокзал, словно поправляющийся от ранений, словно в госпитальном халате, и спустились по ступенькам в город, словно оглушенный, и началась новая или возобновилась старая ленинградская жизнь. И опять ездил я в Москву, полный надежд, и возвращался то опустошенный, то обожженный, а после драматургического пленума в 49 году — в мистическом ужасе⁵⁵⁴. А вокзал все хорошел. Года два — три назад его внутри перестроили так, что совсем он перестал походить на Ленинградский в Москве. Из холла по ступенькам широченного входа, в полздания шириной, попадаешь ты в тронную залу или дорогой ресторан. Только вместо трона или столиков занят он вокзальными двойными диванами для ожидающих. Электрические лампочки на черном прямоугольнике висят под куполом над путями, показывают время. Пышно, чисто, беспокойно, «Стрела». Его соперник — дизельный поезд. Скорые. Война, — как сон.

13 января

Дальше идет запись: «Машинный мастер **Самуил Абрамович Богданов**. Это человек,

⁵⁵⁴ См. «Дрейден Симон Давыдович», комм. 15.

уважающий себя, похожий на врача. Иногда лечит он пишущую машинку на месте, иногда же берет к себе, и она возвращается посвежевшая, словно из дома отдыха. И некоторое время пахнет маслом и керосином.

Дальше записан телефон **Марии Васильевны Бабаевой**.⁵⁵⁵ Я знаю эту одинокую и несчастную, но с характером могучим, самолюбивым женщину с 29 года. То есть скоро двадцать семь лет, после «Ундервуда», когда я пытался получить авторские, а МОДПиК⁵⁵⁶ встретил меня строго. По причинам, неясным мне до сих пор, Семенов⁵⁵⁷ вычел с меня аванс, полученный в Госиздате совместно с Олейниковым. За книжку «Газета»⁵⁵⁸ 300 рублей. Вычел всю сумму с меня одного. Мария Васильевна, впрочем, тут только выполняла приказ.

14 января

Затем очень постепенно и медленно, по мере того, как появлялись на сцене новые мои пьесы, становился я в МОДПиКе, а впоследствии в Управлении по охране авторских прав своим человеком. И увидел, что широкое, с большими серыми широко расставленными глазами лицо Марии Васильевны, с крупным и сердитым ртом, может принимать и приветливое выражение. На какой-то елке встретил я Марию Васильевну с очень славной, миловидной, застенчивой девочкой лет двенадцати. Мария Васильевна представила мне ее: дочка. Примерно, через год после этого спросил я Марию Васильевну: «Как поживает дочка?» И лицо ее вдруг исказилось. И она отчаянно, даже бунтовщически, воскликнула: «Умерла дочка! Нет у меня дочки! В три дня умерла от септической ангины. Нет у меня дочки! Нет у меня дочки!» И я ушел ошеломленный, отравленный чужим горем. В управлении толпились люди разные. Не всегда доброкачественные, как это случается вечно там, где пахнет деньгами. И они ухитрялись вышибать деньгу. И в довольно значительном количестве. Но служащие управления, через руки которых проходили многие тысячи, причем сами они сидели на крайне скромной зарплате, — бывало, ожесточались. И Мария Васильевна неукротимая, переживала несправедливость эту едва ли не острее всех. В блокаду потеряла она площадь. Вернувшись, поселилась она с матерью старушкой в маленькой комнатке. Мать хворает. Недавно пожаловалась Мария Васильевна: «Вот умрет мама, и останусь я совсем одна». Глаза ее стали еще больше и еще светлее. И делаются они выпуклыми. Судьба ее походит на самое нее характером. Не щадит. Послала ей какую-то болезнь щитовидной железы. От этого стала она еще нервней и обидчивей. В так называемые выплатные дни в квартире, занятой под управление, полно народа. Табачный дым стоит столбом, к ужасу кассирши, страдающей бронхиальной астмой. Шум разговоров.

15 января

Кое-кто уже выпивши. В коридоре иные сидят в очереди к Марии Васильевне, или просто ждут, чтобы перехватить взаймы у счастливых или совратить склонного к соблазнам: повести в забегаловку. Чаще всего в ближайший подвальчик «Русское шампанское»,

⁵⁵⁵ Мария Васильевна Бабаева — сотрудник Управления по охране авторских прав (Ленинград).

⁵⁵⁶ В 1923 г. Всероссийское общество драматических писателей и композиторов было реорганизовано в Московское общество драматических писателей и композиторов (МОДПиК) и Ленинградское общество драматических и музыкальных писателей. Это, последнее, общество и имеет в виду Шварц.

⁵⁵⁷ Семенов Андрей Семенович — юрист, сотрудник Управления по охране авторских прав (Ленинград).

⁵⁵⁸ Книжка не была написана.

недалеко от угла Садовой и Невского. И вот, наконец, приходит твоя очередь. Столик Марии Васильевны расположен непосредственно за дверью, перпендикулярно к стене. Позади нее — ящики с личными нашими счетами. Там записано все: сколько денег пришло и сколько мы получили по сей день. На обороте расходного ордера Мария Васильевна пишет один столбец: сколько причитается. Подсчет производится почему-то каждый раз за все время. С начала года. Затем возле вырастает второй столбец. Сколько получено. Глядя на все это, испытываешь чувство, как на скачках или боксе. Который столбец победит? Дважды проверяет Мария Васильевна итог и, наконец, на самом уже ордере пишет причитающуюся тебе сумму. На лицевой его стороне. А иной раз сообщает, что ничего тебе не причитается. В первом случае идешь ты к бухгалтерии. Ты чуть возбужден, как и весь жужжащий разговорами коридор. В получении денег, особенно тут, в управлении, когда не можешь ты угадать заранее, сколько ты получишь, есть нечто по-охотничьи праздничное. Охотники до займов в преувеличенно юмористической речи, отведя в угол, снимают с тебя некоторую сумму. Впрочем, случается это позже, когда ты уже выходишь от кассирши. А до этого со своим ордером идешь ты к Семенову. Он сидит в комнате, разделенной деревянной перегородкой. В первом отделении — небогатый диванчик, круглый столик, креслице. Тут ожидают очереди. За перегородкой большой простой письменный стол и пишущая машинка, тут принимает Семенов. Напротив — за маленьким — его заместитель.

16 января

Виноватого и правого встречает Семенов недобрым взглядом. В лице что-то птичье из-за горбатого носа. Только птичка эта справится с любой лисой и змеей, а при случае, если найдет такой стих — и с добрым молодцем. Улыбается Семенов все больше саркастически. Если разговорится, то все больше обличает и разоблачает свирепо, но негромко, чтобы не посвящать в дела ВУОАПа ожидающих очереди. Он едва ли не единственный знаток авторского права в союзе и много раз доказывал это на деле, отстаивая наши интересы. Но характер трудный и деспотический, что в сущности — дело второстепенное. А при борьбе за строгое соблюдение закона об авторском праве — полезное для обеих сторон. Он взглядывает, если не в духе, на оборотную сторону расходного ордера, словно желая проверить вычисления Марии Васильевны, а если в духе, то просто визирует бумагу, и ты двигаешься медленно через переполненный гудящий коридор. Дверь в бухгалтерию распахивается. На пороге появляется бледная широколицая Мария Васильевна, суровая и беспощадная, как собственная ее судьба. И провозглашает: «Кто следующий?»

18 января

«Мастерская Литфонда». Помещалась она до августа на Загородном у Пяти углов, а теперь вместе с нами переехала в новый наш дом. Пишу — и слышу, как стучит у них дверь в первом этаже. Если у меня бессонница, то я слышу часов в шесть, как с грохотом снимают запоры и отодвигают что-то тяжелое, может быть, решетку, замыкающую вход в ателье. «Ателье» — вот как называется наша мастерская. Так и на двери написано. И новое и прежнее помещения до крайности похожи друг на друга. Новое больше, видно налево от двери из прихожей просторное помещение, где работают мастера. Направо — неестественной высоты зал ожидания. В следующей комнате — длинной и узкой — работают за длинным столом закройщики. Все ново, все высоко, стены, правда, кое — где уже в пятнах, паркет затоптан. Седой директор, стройный, важный, глубоко сосредоточенный. Дела! Он работает у нас давно, славится своей энергией, но вся она у него в скрытом состоянии. Однако, первый телефон в доме поставлен был в ателье. Причем, казалось, он и движения не сделал лишнего. Не уступил ни единого метра из нового своего помещения. Для лифтера. Хоть места у него теперь больше, чем нужно. И он все стоит в приемной комнате, и выражение лица у него, несмотря на полную неподвижность, словно у

гонщика на вираже.

Итак, директор там стоит с выражением мотоциклетного гонщика на вираже, но такого гонщика, которому приходится тщательно скрывать и то, что он гонщик, и мотоциклет, и вираж. Оба закройщика похожи друг на друга, как близнецы. Точно выбирали их нарочно. Оба лысы, оба маленькие, оба плотные. Только мужской закройщик, Александр Федорович, как будто аккуратнее оформлен. Журналы на столах, запах утюгов, особый портновский дух делают оба помещения подобными друг другу. Во время примерки испытываю я два неприятных чувства. Одно — сразу. Когда вижу себя в непривычном ракурсе в трехстворчатом зеркале. Я представлял себя другим. Моложе. Второе неприятное ощущение — это с детства оставшееся отвращение к примеркам. Я начинаю задыхаться, почти задыхаться, когда на мне, примеряя, что-то закрепляют булавками, помечают мелом — мне с самых ранних лет от чувства несвободы, от вынужденной неподвижности делается душно. Ну, вот и все о мастерской.

19 января

Метальников Владимир Дмитриевич ⁵⁵⁹ держится с достоинством, и не только не скрывает, но всячески подчеркивает, что он человек хорошего воспитания. Но эта самая подчеркнутость простоты и напряженность непринужденности раздражают иной раз, как естественный тон МХАТовских последышей. Мешают и его оттопыренные уши. И узость плеч и всей фигурки. Роста он хорошего, но держится очень уж прямо, до откинутости назад, и все на него раздражаются и не считаются с его достойным видом. Он хорошо владеет английским языком, до войны переводил Пристли. «Опасный поворот» шел в Комедии в его переводе. После войны дела его что-то не ладятся. То он работает где-то в библиотеке, то завитом в Большом драматическом. И почему-то не задерживается на своих должностях. В Комарове отдыхал он в доме отдыха ВТО. И предложил как-то пойти с ним погулять. Я согласился, но нехотя, подчиняясь все тому же неопределенному неприязненному чувству, которое сидит в тебе тем более прочно, чем менее объяснимо. Но прогулка оказалась неожиданно памятной. Мы шли по Первой Дачной к лесу, через него — к верхнему шоссе и через шоссе к долине Сестры — реки, где финская природа леса вдруг без перехода превращается в средне — русскую. Хвойный лес теряется в лиственном, цветет черемуха. Узкая речка в кустах. И всю дорогу Метальников рассказывал. И при этом — отлично. Сначала, правда, поносил он Щепкину-Куперник ⁵⁶⁰, еще живую в те дни, за наглость, ловкость, богатство и безнравственность. Однако вскоре перешел разговор на семейство Алексеевых, на братьев и сестер Станиславского, на историю семьи Морозовых ⁵⁶¹. Станиславский представился с неожиданной стороны. По словам Метальникова, миллионное дело, которое отец вел один, братьям оказалось не по плечу.

20 января

И они поделили все предприятия между собой. Станиславскому досталась фабрика — не в собственность, в управление — золотошвейная, или басонная, или золотой канители, точно не припомню. Считалось это предприятие в огромном отцовском хозяйстве

⁵⁵⁹ Метальников (псевдоним Грибовский) Владимир Дмитриевич (1901–1968) — драматург, рецензент, зав. литчастью Ленинградского театра комедии с 1939 по 1941 г., затем Большого драматического театра.

⁵⁶⁰ Щепкина — Куперник Татьяна Львовна (1874–1952) — писательница, переводчик.

⁵⁶¹ Морозовы — капиталисты, владельцы текстильных предприятий. Один из них — Савва Тимофеевич (1862–1905) — друг М. Горького, меценат Художественного театра.

третьестепенным, даже грозящим убытками. Но Станиславский взялся за дело со свойственной ему страстностью и превратил фабрику чуть ли не в самую доходную часть отцовского наследства. А тут родился на свет Художественный театр. И Станиславский вдруг стал доказывать братьям, что ничего он в делах не понимает и просит освободить его. И доказывал свое неумение не только словами, но и всем поведением. Тогда братья, отлично его знавшие, поняли, в чем дело, и освободили его от фабрики, поставив условием, что искусством он займется во всю силу. И в первые годы жизни Художественного театра Станиславский отдавал административной работе больше или не меньше сил, чем Немирович — Данченко. И только впоследствии принялся доказывать всем своим поведением, что в этой части руководства он наивен, как ребенок. И сбросил с себя этот груз. Все это рассказал Метальникову Алексеев⁵⁶² — музыкант, работавший в Театре имени Станиславского. Он охотно рассказывал «дома, после спектакля, за бутылкой красного вина... Прелестный человек, тончайший художник». Не знаю, насколько достоверно то, что услышал я от Метальникова, шагая по дороге между огородами, потом под соснами, но я, разойдясь, опьяненный движением, верил и наслаждался. Историю дома Морозовых, столь же запутанную, как все подобные истории, рассказывать не буду. Боюсь перепутать. Начало ее услышал я над узкой, но глубокой Сестрой-рекой, а закончил ее Метальников возле нашей дачи.

21 января

Вторая прогулка с Метальниковым состоялась много спустя. Шли мы на этот раз низом — лесом, что тянется вдоль шоссе, по просеке. Болотистая, северная, чухонская сущность леска выступала иной раз с угнетающей неприкрытостью. А иной раз исчезала: песок, сосны или вдруг ели с низко опущенными ветвями и высокие, или вдруг березы, со своей чуткостью к малейшему движению воздуха. И в этом скромном поневоле, северном, иной раз словно прихворнувшем леске рассказывал Метальников о Саре Бернар⁵⁶³. От детства ее до смерти. Вся история этой жизни до того не вязалась с моим приглушенным поневоле душевным состоянием# тех лет, с погодой, с природой, что слушал я ее, как сказку. И сколько бы ни проходил потом этой дорожкой, все мне вспоминались события этой далекой и до того чуждой, до того сделанной жизни. Года через два — три принес мне Метальников свою пьесу, написанную с какой-то фольклористкой⁵⁶⁴, и она понравилась мне. Пьеса. И опять я с удивлением взглянул на его откинутую назад, узкоплечую фигурку, на оттопыренные его уши. Что-то в нем отпугивало, в фигурке, во всей его сущности. Эгоизм слабых людей подобного вида опасен. Тут ждешь падения и разложения. И его.

22 января

Почему-то казалось, что он в случае опасности может впасть в безнравственное состояние. А он — смотрите-ка — принес пьесу, да еще вполне пристойную. А немного погодя написал совсем хорошую пьесу⁵⁶⁵. На нее, по причинам неясным — разве что из-за

⁵⁶² Алексеев Владимир Сергеевич (1861–1939) — режиссер. Брат К. С. Станиславского. В 1918–1939 гг. — режиссер и педагог Оперной студии, затем Оперного театра им. К. С. Станиславского, постановщик ряда оперных спектаклей.

⁵⁶³ Бернар Сара (1844–1923) — французская актриса.

⁵⁶⁴ Очевидно, имеется в виду пьеса «Никита Кожемяка и Змей Горыныч», написанная в соавторстве с Е. Тудоровской (1950).

⁵⁶⁵ Возможно, речь идет о пьесе «Птичье молоко» (1951). Отрицательный отзыв дал политредактор

наружности автора — жестоко обрушились. Я писал хвалебную рецензию, которая ничему не помогла. Метальников храбро и непреклонно отбилса собственноручно. Затем написал он пьесу об актерах — на этот раз плохую! И снова кукольную, которую стали в Москве уничтожать. На этот раз я уже был председателем секции драматургов и должен был вмешаться в это дело. Но заболел. А Метальников отбилса собственноручно, о чем рассказывал мне уже здесь, на новой квартире, когда пустили ко мне его с разрешения врача. И он, откинувшись назад от желания выпрямиться, повествовал о своих победах.

23 января

Следующей на букву «М» записана у нас доктор **Ивановская**.⁵⁶⁶ Потому что мы ее называем **Мария Владимировна**, а фамилию вспоминаем редко, от случая к случаю. Появилась она у нас уже тут, на новой квартире, когда я заболел. Это врач квартирной помощи. Сначала, первые недели две, приходила ко мне другая, потом уехавшая в отпуск. Но к Марии Владимировне привыкли мы быстро. Она входила с выражением лица внимательным и чуть смущенным и замкнутым. С движениями, рассчитанными, как у рабочего на производстве. Сначала — к столу, посмотреть листок с температурой, потом ко мне, уже со стетоскопом в руках. Сначала считает пульс, глядя на карманные часы. Потом выслушивает — все это не торопясь и не останавливаясь. Потом (это уже в начале второго месяца моей болезни) она просила, чтобы я осторожно лег на бок. Выслушивала легкие. Затем заполняла она больничный листок. За короткое время пребывания своего, ни одного мгновения н

етеря даром, кротко и вместе с тем сдержанно поглядывая на меня светлыми своими глазами, успевала она и осмотреть меня, и рассказать о состоянии здоровья на сегодняшний день, и дать предписания на дальнейшее. Но как тесно мы живем!.. Сын ее⁵⁶⁷ оказался учеником Лозинского, молодым переводчиком, любимцем Бианки. Я слышал о нем и раньше — его очень хвалили. Оказалась Мария Владимировна той самой любимой докторшей моей подшефной, Антонины Венедиктовны⁵⁶⁸, слепой сказочницы, о которой выслушал я столько от Антонины Венедиктовны похвал. На вечере памяти Лозинского выступил сын Марии Владимировны так хорошо, что даже Акимов, человек строгий, его очень хвалил. А на вечере молодых писателей говорил сын резко. И «Смена» спорила.

24 января

И напечатала статью «Прав ли молодой писатель Ивановский?» И Мария Владимировна, соблюдая все то же размеренное спокойствие в движениях и глядя все так же ласково и сдержанно, явно была все же смущена статьей и обеспокоена. «А как сын?» — спросил я. — «А он занимается фехтованием, увлекается этим делом. Белый костюм особый завел. Прыгает, машет шпагой». Я в те дни испытывал как бы обновление, освежение внимания. Словно окна открылись. И больше всего трогало меня многообразие жизни. Богатство. И рассказ Марии Владимировны о сыне тронул меня именно этими признаками. Когда кончился четырехмесячный срок, провела меня Мария Владимировна заботливо через ВТЭК и попрощалась все с той же благожелательной сдержанностью. Может быть, соседи по

Главреперткома 23 июня 1951 г. Пьеса была запрещена.

⁵⁶⁶ Мария Владимировна Ивановская (1906–1977) — врач.

⁵⁶⁷ Ивановский Игнатий Михайлович (р. 1932) — писатель, переводчик.

⁵⁶⁸ См. «Юстус Антонина Венедиктовна», с. 622.

квартире или товарищи по службе иначе понимают Марию Владимировну. Но я знаю ее верней. Из квартиры в квартиру, не спеша и не останавливаясь, чтобы всех обойти в срок, всем помочь. Ну, как ее не благословить. Пусть злословят соседи. Мы тоже думаем, что понимаем соседей. А правда вовсе и не тут. Вот и кончился листок на букву «М».

Н

Перехожу к **Наппельбаум Иде Моисеевне**.⁵⁶⁹ В 21 году, недовольный театром⁵⁷⁰, товарищами, той колеей жизненной, в которую меня затянуло, а вместе с тем бессмысленно веселый и верующий, что все обойдется, был я приглашен со всеми нашими актерами в «Звучащую раковину». Тогда родились легко, как мыльные пузыри* не только театры, но и поэтические студии. И «Звучащая раковина» была таковой. Молодые поэты — ученики и поэты постарше — гости собирались в доме 72 на Невском.

В фотографии Наппельбаума⁵⁷¹. Сам хозяин дома — недавно праздновалось в Москве его восьмидесятилетие — тогда едва тронутый сединой, бородатый, с лицом библейским и вместе наивным, добродушный и приветливый, приветствовал гостей. Жена его, замученная собственной толщиной, бледная и озабоченная, угощала их бутербродами. И тут же присутствовали три сестры: Ида, Фрида⁵⁷² и Оля⁵⁷³. И брат, еще подросток. Ида и Фрида тоже писали стихи. Ко времени нашего приезда руководителя в студии не было. «Звучащая раковина» существовала сама собой. Вся просторная комната — налево от входа к квартиру — была до отказа набита людьми. Мало кому хватило стульев, большинство сидело или полулежало на ковре. Чай и бутерброды стояли на маленьком столике у печки. Брали их понемногу. Голодные времена едва — едва начали сменяться нэпом. Всем собравшимся хотелось есть, но мы собрались для стихов. И они читались по очереди, по кругу, в большом количестве. В невозможно большом. От этого, от установившегося запаса тогдашних поэтических слов, от ровного качества стихотворной техники, от вкуса слишком приличного — все стихи сливались в одно. Способствовала этому и единая манера чтения — все пели. Нараспев произносила стихи свои и Ида... «Фамира... (забыл без чего) и Кифаред без лютни». Читалось все это нараспев, лицо принимало отсутствующее выражение. Новых стихов у Иды, видимо, не было, — она все повторяла одно. Но кроме первой строчки, и то приблизительно, я ничего не запомнил. Бывал там единственный прозаик Доливо — Добровольский⁵⁷⁴, пожилой человек с вытянутым правильным лицом, в берете. Бывший моряк. Его рассказы отличались той же техникой и вкусом. Начинались примерно одинаково: «Мы шли на кэлик — п-п — перс». И он слегка тянул слова, и наши актеры быстро научились его изображать.

⁵⁶⁹ Наппельбаум Ида Моисеевна (1900–1992) — поэтесса, одна из основательниц поэтической студии «Звучащая раковина».

⁵⁷⁰ Имеется в виду Театральная мастерская, с труппой которой Шварц приехал из Ростова — на — Дону в Петроград 5 октября 1921 г.

⁵⁷¹ Наппельбаум Моисей Соломонович (1869–1958) — фотограф — художник.

⁵⁷² Наппельбаум Фредерика Моисеевна (1902–1958) — поэтесса, одна из основательниц поэтической студии «Звучащая раковина», фотограф.

⁵⁷³ Наппельбаум (в замужестве Грудцова) Ольга Моисеевна (1905–1982) — литературный критик.

⁵⁷⁴ Доливо — Добровольский Александр Иванович — писатель, член культурно — просветительной коллегии профсоюза деятелей художественной литературы.

26 января

В те дни Ида со своим низким лбом и вьющимися волосами походила на барашка, которому, в сущности, нет дела ни до Кифареда, ни до лютни. Фрида представлялась мне куда более отравленной со своим робким и человеческим выражением и глазами, ничего иной раз не замечающими. Словно ушла она в воспоминания. Или мучают ее угрызения совести. Но и Фрида, так же, как Ида, отошла от литературной отравы, с меньшей, вероятно, чем сестра, легкостью, но отказалась. «Звучащая раковина» выпустила альманах того же названия, где изображен был некий юноша, похожий на принца, с мечтательным выражением лица, прижимающий к уху раковину. На обложке он был изображен. Что там было напечатано, слилось в воспоминаниях с содержимым альманахов Дома искусств и многих других. Вскоре за этим, словно совершив, что могла, «Звучащая раковина» исчезла с лица земли. Ида и Фрида стали помогать отцу. Фотография Наппельбаумов снимала не просто, а художественно. Снимки и цвет имели необычный, а с уклоном в красновато — коричневое. Контуры несколько терялись, как бы в дыму, подчеркивалась самая характерная часть лица, все остальное расплывалось. Дрейден, написавший шуточную биографию Коли Чуковского, утверждал, что он: «женится на Оле Наппельбаум. На семейных портретах — демоничен». Затем фотография перебралась в Москву.

27 января

Итак, с течением времени «Звучащая раковина» умолкла, а фотография Наппельбаума перебралась в Москву. Ида вышла замуж за Фромана⁵⁷⁵, поэта маленького роста, мягкого в — обращении, общественника, частью искреннего, частью, возможно, из чувства неполноценности. Вспоминаю о нем с грустью — он умер в сороковом году. Он всегда казался больным, желтым. Болела печень. Когда получили они квартиру на Троицкой в 34 году, нам дали две их комнаты.

28 января

Итак, фотография уехала в Москву, Ида вышла замуж, а Фрида со своим человеческим, а вместе отсутствующим выражением лица исчезла из Ленинграда. Не знаю, как Фрида, но Ида начисто бросила писать, словно и не занималась этим делом никогда в жизни. Но от литературы не отошла. Напротив. Она со страстью жила всеми мелочами сегодняшнего дня ленинградских литературных кругов. Даже, точнее, литераторов и их жен. Она знала все, а когда не знала, строила предположения и, болтая, не делала различий между существующим и предполагаемым. Все с тем же ясным выражением, низким лбом, туповатым носиком, барашек- барашком, радостно и деятельно процветала и суежилась она в окололитературном воздухе. Я однажды был у них, не предчувствуя, что в этой комнате предстоит мне прожить целый период моей жизни. Два года. Тогда время не летело еще с такой быстротой, словно под откос, и два года вспоминаются, как целая жизнь. Комната выходила окном с цельными стеклами на Литейный проспект. Имела она у Фромана достойный, а вместе с тем (это от Иды) как бы кокетливый характер. Кокетливо — литературный. Переплеты маленьких стихотворных сборников пестрые, матерчатые. Скрывающееся в коричнево — красном мраке лицо Блока на фотографии наппельбаумовской работы. И достойная, нет — вне всей комнаты — гипсовая маска Пушкина. Я увидел ее, точнее, рассмотрел ее впервые — и ужаснулся впадине на месте зрачка за опущенными веками. В 34 году Фроманы, как я уже рассказал вчера, переехали в отдельную квартиру на Троицкой. Это был дом новой стройки, без кухонь, предполагалось, что питание будет общественным, для чего создали внизу

⁵⁷⁵ Фроман (наст. фам. Фракман) Михаил Александрович (1891–1940) — поэт, писатель, переводчик.

пищеблок для всех жильцов. Кто-то прозвал дом этот «Слеза социализма». И прозвище до того привилось, что употреблялось на деловых собраниях даже в высоких собраниях. «Освободившуюся в «Слезе» квартиру можно предоставить...»

29 января

У Иды на новой квартире родилась дочка, чему она очень обрадовалась. Все мы знали, что она очень хотела ребенка. Ведь знали мы об Иде все, как и она о нас. Жили в узком кругу. В 38 году оказались мы на даче рядом, в Мельн[ичн]ом Ручье. Но не познакомились ближе, чем до сих пор. Установилось какое-то равновесие, и ни мы, ни Фроманы не испытывали потребности его нарушить в ту или другую сторону. Вполне доброжелательное, но вместе с тем на известной дистанции. Я как-то зашел к ним с папой — кто-то у них заболел. Папа только что ослеп почти, сразу стало плохо с сердцем. Но какую-то долю зрения он сохранил, достаточную для того, чтобы осмотреть больного. И мы разговаривали потом с Фроманом — как страшно, когда человек вдруг перестает работать. Как разрушает это его. Оба мы понимали, что папе недолго осталось жить. Но никто и подумать не мог бы, что переживет папа вечно прихварывающего Фромана. Он именно прихварывал — и только. Но вот иду я летом 40 года по Сестрорецку, подхожу к витрине, где наклеена «Ленинградская правда», и вижу объявление о смерти Фромана. Он умер в больнице. Подозревали рак печени. Оказалось, что у него просто камни в желчном пузыре. Но он так ослабел после самой операции, что через две недели словно догорел потихоньку. И маленькая дочка его укоряла мать, рыдая: «Зачем ты сказала, что он умер. Ведь мне только семь лет. Придумала бы что-нибудь, что увезли его в дом отдыха». Все это я узнал позже, папа был так тяжело болен, что я все время занят был этой бедой. Его похоронили мы в декабре того же года. Иду я не встречал до самого конца войны. Видал я только в Москве полного сил и живого более, чем прежде, старика Наппельбаума с его библейским и наивным лицом. Бледную и тихую Фриду.

30 января

Оля выдалась самой крупной из сестер. Косая сажень в плечах. Она же единственная жила литературной работой — секретарствовала в каком-то из журналов, писала статьи. Сын стал архитектором. Семья в целом казалась дружной и жизнеспособной. А где же была Ида? Может быть, и в Москве. Просто слилась она у меня в памяти со всей своей семьей. Когда вернулись мы в Ленинград, и ССП восстанавливал свое анкетное хозяйство, Ида фотографировала всех членов союза в одной из комнат Дома писателей на фоне белой двери. Фотографировала строго, самым деловым образом, без признака демоничности двадцатых годов. Она пополнела и озабоченным выражением напоминала покойную свою мать. Тем не менее, вскоре слышали мы, что вышла она замуж. И я порадовался за нее. Это шло ей. Жила она живо, весело, с аппетитом. А то, что любила она поговорить о чужих делах, так ведь и мы все были в курсе ее дел. Страсть к литературному воздуху, да и материальные трудности заставили ее с обычным упорством добиваться места в союзе. Секретарского. В одной из секций. Место она получила, а в 49 примерно году ее арестовали. Мы не были слишком близко знакомы, сохранялась всегда некоторая дистанция по ряду причин. Но я помню, как больно мне было прочесть о смерти Фромана. И с такой же болью услышал я об исчезновении Иды. Но в 54 году она вернулась, оправданная и реабилитированная и совсем мало изменившаяся, и я искренне обрадовался, увидев ее знакомое, озабоченное, но полное жизни лицо. Мы так много лет про — жили недалеко друг от друга! Да, она страстно любила знать все о жизни друзей и недругов и охотно болтала об этом. Но мне всегда казалось, что Тургенев не прав, утверждая, что обо многом человек говорит с увлечением и только о себе

со страстью⁵⁷⁶.

31 января

Может быть, так было в его время, но нынче пошел человек все замкнутый и недоверчивый. Он не прочь поговорить о других. И очень даже не прочь. Тут говорит иной раз он и со страстью — чего же сердиться на Иду. А она уже заняла свое место на дистанции не слишком близкой, но и не слишком далекой. С год назад позвонила, напомнила, что празднует отец ее восьмидесятилетие со дня рождения. И я дал телеграмму юбилейному комитету. 1 января позвонила, поздравила нас с Новым [годом]. Все идет могучая наппельбаумовская семья полным ходом. Особенно могуч старик. Он неукротим — недавно затеял писать мемуары⁵⁷⁷. И Фрида, и Ида все звонили Слонимскому, чтобы взял он руководство этой затеей в свои руки. — «А почему вы сами не возьметесь?» — спросил Миша. — «Да разве с ним справишься?» — ответили дочери.

Надеждина Надя,⁵⁷⁸ одна из тех женщин, которым волею судеб приходится своими руками тянуть свою ношу. Она растит девочку, у которой ко всему еще обнаружился вдруг диабет. Муж умер. Много можно сказать в оправдание той судорожной, бешеной деятельности, которую она развивает. Она и подобные ей. Но иной раз я боюсь ее. И ей подобных. Им есть чем оправдываться перед собой. А беспокойство их гложет. И далеко заводит, далеко. Серебровская⁵⁷⁹, например, есть ли предел ее предприимчивости? Не буду больше рассказывать об этом явлении.

Следующая фамилия на «Н» — это Рашевская.⁵⁸⁰ Попала она на эту букву, потому что зовут ее Наталия Сергеевна. Это явление совсем иного порядка. Жажды жизни у нее побольше, чем у Надеждиной. Но и пути пошире. Здесь талант. Это одно расширяет и упрощает жизнь. А вторая сила — порода. Чехов сказал Бунину шутя: «Дворяне у нас не вырождаются. А вырождаются купцы да крестьяне. А вы нас всех переживете»⁵⁸¹.

1 февраля

И оказался прав. Так же, с какой-то стороны, оказался прав и один старый дворянин, большой циник, из людей, близких к придворным кругам. Когда его высылали, он сказал кому-то из знакомых: «Советская власть делает большую ошибку. Мы, дворяне, из поколения в поколение служили любому царю, за грех почитая разбирать, достоин этого он или недостойн. У нас наследственное уважение к власти, наследственный дар угадывать,

⁵⁷⁶ > См. «Легошин Владимир Григорьевич», комм. 4.

⁵⁷⁷ Мемуары М. С. Наппельбаума «От ремесла к искусству» (литературная обработка О. М. Грудцовой) были изданы в 1958 г.

⁵⁷⁸ Надеждина Надежда Степановна (1906–1973) — драматург, переводчик.

⁵⁷⁹ Серебровская Елена Павловна (р. 1915) — поэтесса, прозаик, литературовед, редактор «Ленинградского альманаха» (начало 1950–х гг.).

⁵⁸⁰ Рашевская Наталия Сергеевна (1893–1962) — артистка, режиссер. В 1914–1917 гг. и с 1921 г. до конца жизни — в труппе Ленинградского театра драмы им. А. С. Пушкина. В 1946–1950 гг. (параллельно с работой в Театре им. А. С. Пушкина) — художественный руководитель БДТ.

⁵⁸¹ Шварц имеет в виду воспоминания И. А. Бунина «О Чехове», изданные в Нью — Йорке в 1955 г. См. также: Бунин И. А. Собр. соч. в 9-ти т. Т. 9. М., 1967, с. 222.

чего она хочет. Угадали при Петре, угадали бы и теперь». И иной раз эта шутка казалась мне, за эти годы, основанной на правильном наблюдении. Во всяком случае я вспомнил это замечание, когда увидел однажды поближе генерала Игнатьева⁵⁸². Да и некоторых других подобной породы. Это — доходящая до невинности уверенность в своем праве на исключительное положение и доходящее до изыщества уважение к источнику благ земных. Без признака суетливости, подхалимства, без тени смущения, воистину прирожденное. Когда я слышу, как говорит Наталия Сергеевна речи на собраниях, поглядывая на окружающих просто и невинно, изычно, доверительно, — то угадываю породу. «Но ведь и в самом деле, — говорит Наталия Сергеевна, — ну, посмотрите вокруг! Какое идет строительство. Ведь это

тподъем...» и так далее и так далее. Я не знаю сложной и трагической жизни, что пережила Рашевская. Не знаю в подробностях. Но понимаю, что подобного рода простота дается человеку не легко и не даром. Когда я вижу ее строгую — не выражением, а подтянутостью — фигуру, ее несдающуюся жизненную силу, то испытываю уважение. Нет, она не хочет уступать свое исключительное положение даже годам. Вот она худрук БДТ. Идет обсуждение какой-то пьесы. Входит секретарша с бумагами на подпись. И словно застенчиво прячет в руке очки.

2 февраля

И подает их Наталии Сергеевне в последнее мгновение, вместе с бумагами. И Наталия Сергеевна с отвращением скорее прикладывает к глазам, чем надевает очки, скорее в один миг угадывает, чем прочитывает бумаги и столь же молниеносно их подписывает. И — ни признака насмешки не обнаружил я в себе при виде этого. Нежелание показать слабость — вот что в этом угадывалось. Сказать, что она молодится, было бы так же позорно, как сказать о генерале, спокойно шагающем под пулями, что он храбрится. Восемь лет прошло с тех пор, но Рашевская не сдалась. Правда, она больше не худрук в БДТ, но причиной тому — не возраст. И мужчины более молодые, сменившие, не заменили ее. Она все так же пряма, и стройна, и благожелательна. В мыслях все та же спасительная неясность, но зато безошибочное чутье ведет ее нужными дорожками. Не изменяет ей талант и не изменит до самой смерти. И я верю, что если и умрет Наталия Сергеевна когда-нибудь, то, по обычаю римских императоров, стоя.

О

3 февраля

Перехожу к букве «О». **Орлов Владимир Николаевич.** ⁵⁸³ Человек несомненно умный, несомненно знающий, несомненно порядочный. Прибавляю этот эпитет не для усиления. Так говорят о женщине, — **еще** молодая. Я кое-что люблю в нем. А кое-что переносу с трудом, до такой степени с трудом, что вечно при встрече чуть не ссорюсь с ним, а это при моем нраве и при вечном смятении чувств — вещь необычная. Прежде всего он — человек резко ограниченный и гордится этим. И выставляет на границах заградительные отряды. Он думает, что то, что он знает, то знает. А это вовсе и неверно. Настоящего понимания литературы он лишен. Есть в нем что-то от могильщика, говорящего близким,

⁵⁸² Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954) — дипломат, генерал — лейтенант Советской Армии, писатель, автор воспоминаний «Пятьдесят лет в строю».

⁵⁸³ Орлов Владимир Николаевич (1908–1985) — литературовед.

плачущим у гроба: «Граждане, или плакать, или дело делать». Или от того старика в Публичной библиотеке, что говорил: «У нас тут книги не для чтения, а для хранения. Книгохранилище — понимаете?» Возможно, так и полагается, но я не понимаю литературоведа, в котором не осталось хоть сколько-нибудь читателя. А у него тут врожденная строгая граница, до нескромности видимая. Так же строго соблюдает он границы табели о рангах. Когда ему не дали билета на премьеру капустника «Давайте не будем», — громко и открыто оскорбился, напомнил, что он сталинский лауреат, и написал соответствующее заявление. Читатель этого не сделал бы. Нет, он резко ограниченный деятель. Но вот судьба повернулась к нему спиной. Жена, нежная, тихая, по — восточному изящная и детски простая Иoliko, полюбила другого и ушла от Орлова⁵⁸⁴. И он принял это без всяких границ — тяжело. Но знаю я это кружным путем. Я с безоговорочным уважением любовался тем, до какой степени по- мужски он это принял. Не дрогнув. Он присутствовал на тех заседаниях, где ему следовало быть.

4 февраля

Сдавал те работы, которые должен сдавать. И я впервые ощутил в его ограниченности — здоровую силу. И тем не менее, встречая его, слыша горловый голос с подчеркнутой уверенностью разглагольствующий на литературные темы, видя подбор его пластинок, доказывающий полное безразличие к музыке, при полной уверенности в том, что он тут дока, я испытываю чувство протеста.

Озерецкая Елена Леонидовна — небольшого роста, крайне уверенная в своем праве на существование женщина. Вместе с тем, по опыту она знает, что далеко не все в этом уверены, и не упустит ни одной мелочи, чтобы это доказать. Муж ее, профессор психиатр, умер в прошлом году. Тот был человек любопытный, острый, **работяга. Они завели дачу на Карельском перешейке, и**

Елена Леонидовна как-то особенно практически устроила его. Бога, может быть, не было и у покойного Озерецкого, но какому-то кумиру он служил всей правдой, всей душой. Может быть, он не веровал в свою науку, но дело свое исполнял. Это был отличный администратор. Остроумный человек. Пил весело из любви к людям. Обожал, чтобы было много народу, чтобы было весело и шумно. И застольные речи ему удавались, потому что ему весело было веселить. У Елены же Леонидовны я и кумира не ощутил. Одиночка по природе. Впрочем, отлично владеет установившимся на нынешний день складом идей и языком. Может показать себя. Один раз даже пьесу написала с кем-то в соавторстве. А все же хоть бы завалыщенький кумир завелся у нее. Не видно!

5 февраля

Дальше в телефонной нашей книжке записана **Ольга Исаковна**. Кто это? Хоть убей, не припомню. Пишу для того, чтобы в ее лице помянуть множество забытых людей, прошедших через твою жизнь, как нитка через ткань, а с течением времени — истершуюся и выдернутую без последствий. Кто это? Редактор? Или молодой автор? Или кто-то приехавший из Москвы для того, чтобы собирать материалы для какого-нибудь сборника? А может быть, маникюрша? Запись старая, без обозначения АТС. И таких множество. Иной

⁵⁸⁴ См. «Клыкова Лидия Васильевна», комм. 7.

«Образцовский театр». Центральный театр кукол под руководством С. В. Образцова был организован в Москве в 1931 г. при Центральном Доме художественного воспитания детей. В 1946 г. открылся Ленинградский филиал этого театра, работавший до 1949 г.

Отт (справочное). Говорится об Акушерско — гинекологическом институте, одним из основателей и почетным пожизненным директором которого был профессор Дмитрий Оскарович Отт.

раз фамилия, иной раз имя, отчество. Здесь же, на «О», записан некий Дмитрий Михайлович. А почему на «О»? Потому что в данном случае, рассеивая туман, обозначена в скобках профессия этого человека. Обойщик. А кто Мар. Ал. и Ант. Кузьм., записанные без алфавита на первой странице, торопливо, вне алфавита, страшным моим почерком? Какой записан у меня Кирсанов? С поэтом Кирсановым я не знаком и ни разу не встречался. Но подобные незнакомцы с именами — это полбеды. С годами накопилось порядочное количество знакомых без имен. Ты встречаешь человека, он тебе улыбается, заговаривает, и ты с ужасом понимаешь, что хоть убей, но не вспомнить тебе его имени и фамилии. И вообще, кто он такой? С годами выработалось умение доводить разговор до конца благополучно, переходя на предметы общечеловеческие. А все же страшновато: вот — вот попадешься. Виню в этой последней беде только самого себя. Собственное благожелательно равнодушное отношение к людям. Иной раз вдруг выяснялось, что неизвестного знакомого я отлично знаю по его работам. Что это режиссер такой-то. Или актер из Москвы, с которым познакомился во время войны. Но чаще эти неизвестные знакомые таковыми и остаются.

6 февраля

«Образцовский театр» — телефоны записаны в те годы, когда у них существовало отделение в Ленинграде. Телефон директора и администратора. Первого забыл, а второго помню отлично: маленький, с выпуклыми глазами и большим ртом, принимающим легко выражение оскорбленное. Человек до безумия, именно до безумия, честолобивый и мнительный, в чем я убедился, когда он обвинил одного писателя — эстрадника в плагиате без всяких на то оснований, кроме явственной мании преследования. Впрочем, этот мир эстрадников и администраторов простой по мотивам поступков, запутан и перепутан по результатам этой простоты, как джунгли. Тут легко заблудиться. Возвращаюсь к театру Образцова. О нем я собирался писать, о самом Образцове, когда перейду к московской записной книжке, кончив ленинградскую. Там записаны у меня телефоны москвичей. А ну как я доживу до того, что исчерпаю весь алфавит? Поэтому пока скажу только о театре. Это наш лучший кукольный и один из лучших театров вообще. Там собрались люди, до того любящие искусство, что кажутся сами себе недостойными подойти к нему прямо. (Сперанский и другие.) Идут тропочкой и превращают ее в прямую, большую трассу. Есть люди, обладающие великолепным голосом, талантливые, но уродливые или изуродованные на войне, и они нашли себе место в театре Образцова. Их ты видишь, когда выходят они раскланиваясь, держа тех кукол, что водили. И ты вдруг понимаешь, что кукольный театр с помощью ширм и кукол помогает скрыть ненужное, а дать лучшее. Самое сильное из того, чем они владеют. И не мешает этому ни администратор с выпуклыми глазами, ни пьесы хорошие и средние. Ничто.

7 февраля

Дальше идет: **Отт** (справочное). Этот телефон занял место в моей жизни в конце февраля 1954 года. Когда увезли Наташу в этот родильный дом. Андрюшка за четыре года до этого родился с такой быстротой, что увезли мы Наташу на день раньше срока. Но вот 1 марта позвонили мне: «Поздравляю с внучкой». Лечебница Отта помещается в одном ряду с университетскими зданиями. А справочное бюро — крошечная комнатка, в которой главным образом пишут. За большим столом, разложив перед собой свертки с передачами, посетители отвечают на записки, полученные от рожениц. Почта от них — в ящиках с буквами. Передачи принимает сестра, за окошечком. Она просматривает свертки — нет ли в них чего запрещенного. Утром, когда я там бывал, посетители подбирались все больше женщины, старухи, — молодые на работе. Огорчало меня одно письмо на букву «Ш», лежащее рядом с записками от Наташи, которые менялись каждый день. А это письмо, сложенное треугольником, так никто и не взял. Появилось оно при мне и пролежало дней десять. Ни

разу не пришел отец ребенка. И этот робкий треугольный конвертик так и остался без ответа, и мне иногда чудилось, что он похож на то будущее, что ждет мать и ребенка, когда выйдут они из родильного дома. А иной раз, много чаще, придумывал я благополучное объяснение. Что отца вдруг услали в командировку. И он известил об этом — ведь письмо было всего одно. Или, что адресован конвертик не мужу, а брату, который не догадался навестить сестру. А письма к мужу идут на другую букву алфавита и так далее, и так далее. Чтобы все было хорошо. Или представлялось хорошим, по характеру мне. И вот наступил день, когда собрались мы все — и я, и Олег, и Андрюша, и бабушка уже не в справочном бюро, а в конце длиннейшего, вроде университетских, коридора, возле канцелярии. За Наташей и Машенькой.

8 февраля

Андрюша сначала притих, когда, войдя в главный подъезд, увидел широчайшую мраморную лестницу, ведущую во второй этаж, людей в белых халатах, когда услышал особый гулкий, а вместе как бы приглушенный шелест, шорох — голос больничных помещений. Но маму с новорожденной сестренкой так долго не отпускали вниз, в канцелярию, и коридор был до того длинный и завлекательный, что Андрей ободрился, а потом возликовал и стал гонять по коридору взад и вперед с неболыничным грохотом, и я повел его на улицу, где ждало нас такси. Я был встревожен и перевернут не предстоящей встречей с дочкой и внучкой, а тем, что для меня всегда трудней всего — организационной стороной дела. Она выпала на мою долю. И мне чудилось, что такси уедет, не дождавшись, а мы так и останемся навеки в больничном коридоре, что Наташу вдруг не выпустят в последний момент и так далее, и так далее. Сегодня у нас 32° мороза. И я подумал — как же это я выхожу на улицу? С Андрюшкой? И тут же увидел серый день ранней весны 54 года — вот в какую погоду выбрались мы из тяжелых дверей лечебницы Отта. Увидев такси, Андрюшка присмирел. Я посадил его к шоферу, на которого мальчик взглянул почтительно, как на представителя другого, высшего мира. Захлопнув дверь, я оставил Андрея в машине, а сам пошел шагать взад и вперед, вспоминая Наташу девочкой и удивляясь простоте происходящих перемен. Увидел Нонику Бианки, которая вела сынишку в консультацию. И ее я совсем недавно видел маленькой девочкой. Заглянул в такси. И залюбовался. Затылком ко мне, уставившись прямо в лицо шоферу, Андрей читал ему наизусть стихи Маршака. И шофер хохотал во весь рот.

9 февраля

Так прошло минут сорок. И мне все чудилось, что Наташа спустилась в канцелярию и ждет меня, а я тут гуляю. И я шел к мраморной лестнице, уже знакомой мне, но все оставалось без изменений. Но вот, наконец, я, Андрюша, вся семья окружаем Наташу и Машеньку, тогда еще не имевшую имени, да и лица. Она из глубин одеяльца сонно поглядывала светлыми своими глазами, которые, к общему изумлению, через два — три месяца оказались черными. И вот мы все благополучно выбираемся из тяжелых больничных дверей и усаживаемся в машину, и лечебница Отта, занимавшая первое место в моей жизни все эти дни, уходит в прошлое.

Следующей записана **Олейникова Лариса Александровна**.⁵⁸⁵ Не телефон, адрес ее одесский. До такой степени живы все чувства, связывающие с Николаем Макаровичем и от него отталкивающие, что не могу я писать о Ларисе. Без него — не расскажешь, а он — вот уж поистине больное мое место. Адрес записан рукою его сына⁵⁸⁶. Он побывал у нас в

⁵⁸⁵ Олейникова Лариса Александровна (р. 1907) — жена Н. М. Олейникова.

⁵⁸⁶ Олейников Александр Николаевич (р. 1936) — сын Л. А. и Н. М. Олейниковых, геолог.

августе, когда я лежал, болевая. Показался простым и стихи читал простые. И вдруг я узнал, что, перечисляя людей, которых повидал, Сашенька скрыл, что был у Маршака и читал ему свои стихи. И на меня пахнуло знакомым запахом серы. Тот же демонический, как будто простой, даже сонный, утаивающий нечто, недоверчивый, внимательный, испытующий отцовский взгляд. И после отъезда его — письмо от Ларисы, и приветливое, и словно бы обиженное. Чем? Нет, каждая встреча с исчезнувшим Олейниковым причиняет боль. Никто меня не оскорблял до такой глубины. Дело не в том, простил я его или нет. Я не обвинял — я его слишком для этого любил. Но ушибленные места всё болят.

10 февраля

Остров Дмитрий Константинович, ⁵⁸⁷ или Митя, появился в тридцатых годах в группе молодых. Настоящая его фамилия — Остросаблин. Не знаю, зачем ему понадобился псевдоним — фамилия уж очень хороша. И сам он человек вполне доброкачественный, простой, но одержимый двумя бесами из числа тех, что во множестве бродят по коридорам Союза писателей и различных издательств — ищут работки. И непременно находят. Бес пьянства и ленивый бес. Остров талантлив. И талант его все боролся с искушениями. И он, подобно всем нам, то и дело начинал новую жизнь. Например, когда выяснилось, что Митя получит квартиру в надстройке, он возопил радостно: «Вот где заскрипят перья!» В 34 году на новом месте, переехав, мы часто встречались на лестнице. Увидел я его жену и маленького, очень хилого мальчика по имени Феликс. Жена обожала его и расписывала восторженно и таинственно Сильве Гитович⁵⁸⁸, как тоскливо одной и чем хорош, даже удивителен наш Митя. Все, казалось, идет ровненько: семья, ребенок, квартира, сочувствие друзей, — все должно было содействовать тому, чтобы перья заскрипели. И он как будто и начинал работать, Митя Остров, длинный, с длинным лицом, остроносый, ухмыляющийся дружелюбно. И вдруг — раз! Словно взрыв. Целый ряд молодых писателей исчез. И Митя в том числе. И появился перед самой войной, словно бы виноватый, сильно пьющий. Он был, видимо, полностью реабилитирован, потому что взяли его в армию. После войны он мало переменился внешне, только ухмылка приобрела менее добродушное выражение, — литературные дела не шли. С первой женой он развелся. Вторая — здоровая, круглощекая, работающая где-то Зухгалтером, сильная — держит его в руках, но по мере возможности.

11 февраля

При последнем переезде, когда получили мы квартиру тут, на Малой Посадской, Мите Острову досталась квартира Григорьева⁵⁸⁹ на углу Гагаринской и улицы Чайковского. Он очень доволен. Говорят, что в «Звезде» появились его хорошие рассказы⁵⁹⁰. И ухмыляется он доверчивее, впрочем, все это совершилось с ним еще до переезда на новую квартиру — доверчивая усмешка и хорошие рассказы. Очевидно, общими силами он и жена придерживают за хвост коридорных союзно — издательских бесов. Живуч человек! Я

⁵⁸⁷ Острбв (наст. фам. Остросаблин) Дмитрий Константинович (1906–1971) — писатель. В конце 1930–х гг. незаконно репрессирован, вскоре освобожден.

⁵⁸⁸ Гитович (Левина — Гитович) Сильва Соломоновна (1913–1974) — жена А. И. Гитовича.

⁵⁸⁹ См. «Карнаухова Ирина Валерьяновна», комм. 7.

⁵⁹⁰ В 1950–х гг. в журнале «Звезда» были напечатаны рассказы Острова «Письмо машинисту» (1951, № 12) и «Соринка в глазу» (1955, № 9).

прочел его повесть, написанную вскоре после всего пережитого. Судьба озлобленного уголовника в лагере, описанная рукой, отвыкшей от работы или не успевшей к ней привыкнуть. Но тем более ясно выступала доброкачественная, ошеломленная мальчишеская душа самого Мити. Повесть не напечатали. Даже пошумели и пожужжали вокруг нее. А потом даже постреляли из орудий, впрочем, Митя, по превратности судьбы, сам вызвал огонь на себя. И все это к пережитому до войны и на войне. И ничего — в конечном счете. Количество бесов не прибавилось. Людей не поносит на каждом шагу, даже виноватых перед ним. Радует, едва солнце проглянет. И пишет! Живая душа.

П

Письменского Андрея Аверьяновича ⁵⁹¹ увидел я в первый раз на заседании постоянной школьной комиссии и сразу отличил от всех. Если есть на лицах печать Каина, то есть и вполне противоположный ему знак. Богом данный. Андрей на редкость некрасив. Огромный рот, даже пасть с тем выражением, что бывает у чахоточных. Маленькие глаза. Очень большой рост, но впалая грудь. А общее выражение — до того добродушное, до того человеческое — лучше любого красавца.

11 февраля

Когда добрались мы до Кирова, я узнал, что Письменский работает там уполномоченным по эвакуированным ленинградским детям. В эвакуации ленинградцы встречались, как люди одного племени. Когда шел как-то Андрей Аверьянович во время бесчисленных своих командировок через деревню в глубинках, остановил его некий человек возгласом: «Вы ленинградец?» И, услышав подтверждение, повел его брить. Оказался эвакуировавшимся парикмахером. И все время, пока брил он Андрея Аверьяновича в избе, вспоминали оба Ленинград. Побривши, ленинградец попрыскал земляка одеколоном, попудрил и наотрез отказался взять деньги. Письменский понравился мне и в мирное время. Постоянная школьная комиссия заседала на углу Фонтанки и Пестеля в Институте усовершенствования учителей, где Письменский был директором. И ни разу нам не пришло в голову, что очень — очень скоро встретимся мы в чужом городе, на холмах, в сорокаградусный мороз, когда дым над домами розовый от заката и синевелый от ясного неба поднимается по — библейски прямо столбом вверх, словно в знак принятой жертвы. А за Пупыревкой, в конце улицы Карла Маркса над заводом возвышалась черная башня, над которой дымок вечно стелился. И Лебедеву представлялась она похожей на индийские, где сжигают трупы. Хотя мы и знали, что подобных не существует, но что-то восточное, покорное и роковое, напоминающее и романы, прочитанные в детстве, и сумрак сегодняшнего дня, чудилось и мне в этой башне. Ленинград мирный был за тридевять земель, о Ленинграде нынешнем страшно было вспоминать. И тут-то, на чужой угро — финской земле, мы и подружились с Письменским. Его скоро назначили завоблоно. Работал он с утра до вечера. Сохраняя добродушие.

12 февраля

Вечерами, выбираясь из деревянного длинного театрального дома, где мы жили, и пройдя через длинный двор, выходили мы на улицу, сбегаящую с холма, и поднимались на его вершину. Тут, на площади, возвышался театр, и в Москве такое здание поищи — белый, многоколонный. По ту сторону площади влево от театра белели дома, тоже вполне подходящие для любой столицы. Тут и дали Письменским две комнаты. В правительственных домах. Со двора, как в давние времена к Суеиным, заглядывали мы —

есть ли свет в окнах, чтобы не подниматься напрасно. И потом уже с улицы входили в их подъезд. Принимали они нас всегда приветливо. За это время успели сжиться быстрее, чем в мирных условиях. В двух комнатах жили сначала пятеро: Фаня Михайловна, жена Письменского с сестрой, ее родители и сам Андрей Аверьянович. Но мать умерла как раз, когда мы были у них в гостях, в начале нашего знакомства. Сестра уехала. Мы проходили в комнату Письменских, где встречали нас хозяева. Вышеописанный Андрей и Фаня, по — южному коротенькая, быстрая, полная, налету старающаяся схватить твою мысль, договаривающая за тебя слова и вечно в переполохе, страдающая за кого-нибудь из беженцев, за кого-нибудь из ленинградцев или за Андрея, вечно прихварывающего. У него был туберкулез. В легких — затихший. Но иногда дающий себя знать в брюшине. И у Фани был туберкулез. В санатории в Детском Селе эти на редкость непохожие люди и встретились. Процесс, перенесенный Фаней, тоже давал себя знать — она чуть задыхалась, разговаривая. Андрей, ладный, несмотря на худобу, и вечно спокойный шагал взад и вперед по комнате, вспоминая прошлое. Мы все тогда любили вспоминать, находили в этом словно бы опору. И я постепенно узнал очень многое об Андрее. Он из пятого класса реального училища в станице Мечетинской бежал в Первую Конную.

15 февраля

Не помню, было реальное училище в самой станице, что вполне возможно, станица была большая, или ездил он куда-нибудь учиться. Рассказывал он о своих похождениях, часто повторяя с растяжкой: «во — о-т». Без тени рисовки, для собственного удовольствия. Часто появлялся в комнате отец Фани Михайловны, старый, маленький, деликатный, корректно одетый, в воротничке и при жилете, в прошлом коммивояжер. В руках нес он большую коробку, которую до сих пор вспоминаю с нежностью. Табак! Самое драгоценное утешение в те дни! Он как-то ухитрялся — я говорю о Михаиле Владимировиче — всегда иметь табак. Или проще говоря — самосад. В лучшем случае — махорку. И приходил он, чтобы угостить нас. И мы закуривали с наслаждением. И старик скромно усаживался в сторонке и не только не мешал своим присутствием, а даже как-то придавал всему оттенок солидности, пристойности. Он с наслаждением слушал наши разговоры. Итак, Андрей Аверьянович бежал в Первую Конную и, как парнишка грамотный, да еще научившийся легко печатать на машинке, скоро назначен был адъютантом командира полка. В эти праздничные, победоносные, народные времена одет был Андрей в нарядную черкеску с цветным башлыком, и два вестовых с трубами сопровождали его, когда скакал он с приказами командира. Однако этот последний невзлюбил Письменского за грамотность. Он диктует: «Мы вдарили на противника с правого края», а Письменский печатает «с правого фланга», да еще укажет по карте направление. И однажды командир продиктовал Андрею: «Товарищу Буденному. Посылаю до тебе Письменского, бо вин для мене дуже грамотный».

16 февраля

И Письменский поскакал с соответствующим блеском, сопровождаемый вестовыми, к самому командующему армией. Было еще рано, он еще не выходил из палатки. Возле мылся в рубашке начальник штаба, вытирал шею полотенцем. Он в свое время и научил Письменского, как положено писать донесения и не раз хвалил за точность. Прочтя приказ, начальник захохотал так громко, что Буденный появился взглянуть, что случилось. Хмуро и сонно прочел он приказ комполка и тотчас же наложил резолюцию. «Посылаю до тебе Письменского, бо ты дурак». И Письменский поскакал со своими вестовыми обратно. Полк уже тронулся с места, вступил в бой с противником. Андрей со своими вестовыми присоединился к бойцам. Командира нашел он только поздно вечером. Он сидел в избе, набитой народом. Сидел на полу, грелся. «Тебе чего?» Андрей протянул ему приказ. «Чи ты не знаешь, що я неграмотный. Читай!» Письменский огласил резолюцию командарма.

Воцарилась мертвая тишина. Командир полка славился горячим нравом. Но он поступил как истый хохол. Ответил, к общему удовольствию, мирно, приняв простоватое выражение, почесав затылок: «А може и правда?» Но тут же приказал Письменскому: «Ступай в первый взвод». То есть с адъютантов все же снял. А через день погиб командир в бою. С особенной в те дни жадностью внимания и живостью воображения слушал я рассказы Письменского о мимолетной встрече с Дундичем⁵⁹². О том, как едва не погубили Письменского актеры Нахичеванского театра. Он ведь был в те дни совсем мальчишкой. И актеры напоили его до бесчувствия.

17 февраля

И Письменский сдал такую сводку, что начальник штаба армии сказал спокойно: «Расстрелять». И расстрелял бы. Но вступился кто-то из командиров, знавших и любивших парня, — и дело обошлось. Рассказывал о польском походе. О том, как по окончании Гражданской войны их часть направили в Петергоф. И Письменский с двумя товарищами в самый разгар нэпа, о котором имели представление довольно смутное, забрели как-то в «Европейскую гостиницу». И пришли в ярость, увидя буржуев. И не скрыли своего к ним отношения. А когда один из них запротестовал, хватил Письменский шашкой по столу. Метрдотель спас их от самих себя, подошел, похвалил, увел в отдельный кабинет и там так напоил, что очухались они уже в Петергофе. И командир сказал сурово: «Ваше счастье, что денег за ваши безобразия не потребовали. А то вы у меня под суд пошли бы». Часть постепенно расформировалась, и Письменский получил назначение в Среднюю Азию. Все документы, вплоть до железнодорожной литеры были на руках. Оставалось пройти врачебную комиссию. Он прибежал туда с просьбой поспешить, — поезд идет вечером. Но врачи, осмотрев парня, принялись совещаться. Приказали ему явиться еще раз на другой день. И, наконец, объявили, что едет он не в Среднюю Азию, а в Сухум, в санаторий. Туберкулез. После Сухума окончил Письменский рабфак. И ко времени нашего знакомства имел уже звание кандидата наук, историка. И признака отчаянного парнишки, адъютанта с двумя вестовыми, бойца Первой Конной в нем не уцелело. Он рассказывал спокойно, от случая к случаю, кусочки богатой своей биографии. И стал он еще яснее мне, если это возможно. Простая душа его угадывалась сразу, с первой встречи. Однажды походили мы с ним по области.

18 февраля

Это было летом 42 года. Сначала я один приехал в Оричи. На станции встретила меня высокая женщина и мальчик подросток. Мы разместились на телеге и лесом поехали в деревню, в интернат эвакуированных ленинградских ребят. Уже стемнело. Правила женщина, оказавшаяся воспитательницей дошкольников. Вероятно, поэтому она разговаривала все время с лошастью наставительно, повторяла: «Я тебе что сказала?» В колхозе шла уборка, лошадь дали с норовом и сбрую похуже. Раза два лошадь ложилась, отчего сбрую приходилось связывать веревочками, чинить тут же, в темноте, ощупью. Занимался этим подросток, фамилия которого оказалась Шалаев Вася, большой знаток этого дела. Подняв лошадь и приведя в порядок упряжку, он провозглашал торжествующе: «Во, и все убито!» Интернат застали мы опечаленным. Старший брат Васи, Женя, уходил на фронт. Опечалены были и педагоги, и ребята, не одна Васина семья. Утром я узнал, что Женя и спать не ложился, просидел всю ночь над койкой шестилетнего младшего братишки. Он, Женя, вывез семью из блокады и особенно любил младшего. «Что мы будем без него делать! — сказала заведующая. — Он был такой авторитетный». Пришли бабы, принесли Жене пирогов на дорогу. Он — невысокий, миловидный, с шапкой светлых волос — все

молчал застенчиво. Потом пришел председатель колхоза, посидел с Женей молча на скамье. Потом произнес несколько слов в поучение: «Начальников не обижай. Пошлют учиться — не отказывайся. Где опасно, не лезь без толку. Ну, прикажут — тогда другое дело». Ушел Женя днем, хоть поезд его уходил вечером. Хотел попрощаться с одной девочкой в интернате в Оричах — объяснила мне преподавательница. Мы пошли проводить его до леса. Шли лугом, цепочкой, друг за другом. Сеял дождичек.

19 февраля

Женя хотел обойти деревню стороной, боялся, что бабы, по обычаю, станут причитать, как положено, над новобранцем. Но они заметили шествие и догнали нас, перебежав поле. Сначала, когда завывали они под дождем, я испытал обычное смятение чувств, неясность мыслей и холодность непонимания. Как во сне, глядел я не рукоятки ножей, торчащих в груди причитающих, — «а это еще что». Но разглядев, что это ручки серпов, надетых через плечо, я понял вдруг все разом и сам едва не заплакал с провожающими. Когда двинулись мы, наконец, дальше, один из дошкольников пробормотал: «Они откроют огонь, а Женя — в воду, огонь и погаснет». У леса мы простились, и Женя сказал мне застенчиво: «Напишите что-нибудь мне в память». И слова эти долго тревожили меня. Мальчик, говоря это, держал в руках записную книжку, может быть, он хотел, чтобы я написал ему что-нибудь на память в книжку? Или в его память? Он чувствовал, что не вернется. Примерно через полгода я узнал, что, кончив танковую школу, погиб он чуть ли не в первом бою. Вечером разговаривал я с заведующей. Рядом на столе клеили стенную газету старшие ребята. Заведующая рассказывала, что привезли к ней племянницу, родители которой умерли в блокаде. И родная дочка ревнует. И если одна прибежит приласкаться, бегут и другие. За открытой дверью спали старшие ребята. Спали беспокойно. То кто-то стонал. То щелкал языком по пересохшему нёбу, вечный ночной казарменный, приглушенный гул. И все педагоги, заходившие поболтать, сначала вспоминали прошлое, потом расспрашивали — нет ли новостей о настоящем. И у всех отняла война кого-то из близких. Или не было от них писем. Грозил потерей.

20 февраля

А дети дышали, и скрипели зубами, и стонали за дверью. Утром я проснулся рано. Мальчики работали на огороде — собирали огурцы, и один из них, приложив огурец к непоказанному месту, смешил остальных. Этот мальчик жаловался накануне вечером, что нет и нет писем, и робко спросил меня: «Правда ли, что ребят, потерявших родителей, не вернут в Ленинград». Он тосковал вчера по родному городу, по близким людям, как существо вполне сознательное и внушающее уважение и сочувствие. А сейчас гримасничал, как обезьяна. «Широк человек». И я в сотый раз почувствовал, как трудны будни педагогов. А они еще взяли на себя всю счетную работу колхозов. И приходилось им ездить в распутицу в районный центр верхом в ленинградских своих шубах и шляпках, отбивать для интернатов продукты. И все это — не бросая ни на миг работы воспитательской, самой трудной. И дети учились и росли. И смертность среди эвакуированных детей, по сравнению с ленинградской, сильно снизилась. Да, правда, ленинградские ребята вели себя на занятиях куда хуже деревенских, но учились лучше. И самостоятельные их коллективы славились на всю область. И ленинградские школьники были первыми помощниками на полях, и вели их ленинградские педагоги и воспитательницы. Но никто не видел подвига, который они совершают. И сами они были тому виной. Издерганные и переутомленные, они всё писали друг на друга заявления. Вроде такого, что заведующая такая-то вечно угощает заврайфо вареньем, отчего получает ассигнованные на интернат деньги вне очереди. И все видели утомительных и мелких склочниц там, где на самом деле трудились без отдыха настоящие подвижники. Днем пошел я в соседний интернат. Сопровождал меня рассудительный

парнишка. Он рассказывал по пути интересные новости. Больше всего о двух собаках — Альме и Пальме.

21 февраля

Альма и Пальма пристали где-то на дороге к эвакуированным детям и особенно привязались к старшим ребятам. А их, старших, перевели в этом году в соседнее село, где имелаась десятилетка. И вот собаки все бегали в это село, и спутник мой боялся, что их убьют. Зачем? А на бубны. Из собачьей кожи тут делают бубны. Играть на праздники. Мальчик тоже скучал по Ленинграду, но, с другой стороны, не жалел, что приехал сюда, в деревню. Раньше не умел он затопить печку, наколоть дров, сварить щи, отличить рожь от ячменя, запрячь лошадь. От него я узнал, что Вася Шалаев, например, не хочет возвращаться в город, за что его очень полюбил председатель колхоза. Вдруг спутник мой закричал: «Глядите!» Мы остановились на косогоре и увидели, как в небе ястреб и ворон завели настоящий бой, то слетаясь клюв с клювом, то разлетаясь для нового захода, двигаясь плавно, как в замедленной съемке. В новом интернате приняла меня заведующая и строго и робко по — учительски. Словно я комиссия. Так шел я от интерната к интернату, угадывая в них черты сходства и обнаруживая незначительные различия. И все более и более понимая мир, в котором работает так напряженно Письменский. На станции Оричи встретил я и самих Письменских. Андрей приехал по делам, жена — погостить к приятельнице, к Мирре Абрамовне, к заведующей интернатами всего района. В прошлом была она педагогом и поплатилась за это. Тут, в Оричевском районе, вела она работу властной рукой. Местные власти до того считались с ней, что в первую очередь, распределяя поступающее продовольствие, запрашивали ее. Например: «Абрамовна! Водка пришла — сколько детям оставлять?» Водка в те дни была валютой.

21 февраля

За водку тебе и крышу в интернате отремонтируют, и дрова привезут, и печи сложат. Жила Мирра Абрамовна в крошечной комнатке с дощатыми стенами, будто в келье. С потолка спускался будильник, подвешенный на проволоке с таким расчетом, чтобы приходился как раз над изголовьем кровати. Грозная эта Абрамовна, с которой считались даже никак не робкие, не покладистые и не укладистые местные власти, не забывшие древний клич: «В Вятке свои порядки», была небольшого роста коренастой блондинкой, с близорукими, очень светлыми, утомленными и даже как будто вечно заплаканными глазами. Она вела свой район внимательно, с той особой женской хваткой, которая и мелочей не пропустит, и под сундуками сора не оставит, но при этом казалась рассеянной, думающей о другом. И вскоре выяснилось, что ее гложет. Да она и не скрывала своего мучения — сын не писал с фронта вот уже два месяца. И о чем ни заходил разговор, все у нее заканчивалось одним. То воспоминаниями о сыне. То представлением о том, как повел бы себя он нынче при таких-то и таких-то обстоятельствах. Например: «Интересно, мог бы он подружиться с таким-то мальчиком или нет». Мысли о деле не ослабевали, но тревога о сыне оставалась фоном, не исчезающим ни на миг. Здесь, в Оричах, увидел я Письменского на работе. Увидел его чисто мужскую хватку, умение отместить мелочи, чтобы понять дело в масштабе, более крупном, чем районный. И другим объяснить, спокойствием своим усмирить разгулявшиеся страсти. Мы побывали в интернате, что разместился в одной из деревень колхоза — миллионера. Тут наших ребят не обижали. И только. В том бедном колхозе, где познакомился я с Женей Шалаевым, их любили. Да в сущности тут, в богатом колхозе, их и обижали. Я шел с детьми, а у ворот появился председатель.

22 февраля

Он стоял у ворот с замкнутым и озабоченным выражением. И ребята наши вежливо поздоровались с ним. Но он не снизошел до того, чтобы заметить бедных изгнанников, он, председатель колхоза — миллионера. Дети промолчали, а воспитательница пожаловалась: «Как работать, так посылает за нами, а как здороваться, не видит нас». Председатель успел побывать на войне, левая рука у него не действовала. Это был единственный относительно молодой человек в деревне. Отдавши на войне дань общему, вернулся он к частному. Воистину крестьянское презрение к чужой бедности выражала его фигура. И еще: «В Вятке свои порядки». По пути воспитательница показала мне стоящую на пригорке избенку, покосившуюся, без кустика, без деревца, без признака изгороди. «Здесь живет самая богатая баба в деревне. Скрывает свое богатство. Прибедняется. Только постель в избенке ее богата. Атласное одеяло, подушки до потолка. А сама спит на полу».

И вечное ощущение, овладевавшее мной в деревнях вятских, охватило меня. Ощущение двойное и тем самым мучительное. Уважения и ужаса. И того, что это всё чуть ли не ближе мне своей правдивостью, чем город, и дальше, чем тот свет. А тут еще разговоры про отказниц. Про баб, что отказывались принимать домой мужей — инвалидов. «И без него тяжело» и так далее. И такие же бабы с плачем провожали чужого мальчика на фронт, и рукоятки серпов, как рукоятки ножей, поднимались над платками, как раз против сердца. В Киров мы вернулись в необыкновенно жаркий день и шли домой переулками мимо деревянных домов, до того набитых беженцами, что казалось, они вот — вот разъедутся по швам. В какое окно ни глянешь: койки, топчаны, детские кровати. И дома Катюша. И Наташа.

24 февраля

Катюша была в белом платье, и мы по солнцу, что было так непривычно в Кирове, по деревянным мосткам — сухим! — отправились обедать в столовую, где кормили ученых и писателей. Она недавно открылась, кормили там еще прилично. Потом пообвыкли, и дело пошло круто вниз. Чай стали подавать в глубоких тарелках. Рассказываю, чтобы восстановить весь клубок тех дней вятских, и ледяных, и летних, без чего Письменский не ощущается. Но вот в июле 43 года уехали мы из Кирова. А приехав в 44 году в Москву, вдруг, чуть не в первый же день приезда, увидел я в коридоре гостиницы фигуру, запечатленную печатью Авеля, если существует такая в мире. И если Каинова печать отталкивает, то эта, вторая, привлекает и радует. Ты знаешь, что подобный человек обижаем братьями именно за особое благородство существа своего. Но теми братьями, что умеют обижать. Имя которых — Каин. Он был вызван в Москву на какое-то совещание. Приехав к Наташе в Ленинград, я ночевал у него во Дворце пионеров, о чем рассказывал, вспоминая дворцы. В июне 45 года вернулись мы в Ленинград, что казалось в Кирове до такой степени невозможным. Письменские к тому времени жили в помещении Института усовершенствования учителей на Чернышевском переулке. Мы пошли к ним в гости. Внизу, в прихожей, на двери висела табличка: «Гардероб», а под ней: «Раздеваться обязательно». Открыв дверь, увидел я бочки с цементом, доски, строительный мусор. В третьем этаже мы прошли коридорами и огромными пустыми комнатами через весь этаж и добрались до помещения, где жили сотрудники института, потерявшие квартиру. И здесь нашли Письменских. И снова шагал он по комнате спокойный, довольный нашим приездом. Тесть умер в Кирове, тихо и незаметно, как жил. Словно не желая обеспокоить близких.

25 февраля

Домой мы шли часов в девять вечера. И этого чувства не забыть. Словно Помпеи. Никого на улицах, светло, как днем, и пусто, пусто. Мы прошли мимо опустевшего Апраксина двора, по Перинной линии Гостиного. Пусто. Одиннадцать лет прошло с тех пор. С Письменскими видимся мы то реже, то чаще. Фаня пополнила так, что ходит, откинувши голову назад, задыхается. Андрей все так же худ. Из директоров его вытеснили по вечной судьбе работяг этого рода. Он читает лекции в Педагогическом институте, в партийной

школе. Когда приезжали они к нам в Комарово, мы шли с Андреем обычно в длинную прогулку к озеру и обратно. И, как в Кирове, вспоминали ленинградскую жизнь, как далекую и недостижимую мечту, так здесь вспоминали Киров областной чуть ли не с нежностью. Во — первых, мы знали теперь, что невзгоды тех дней кончились хорошо, победоносно. И были они доброкачественными, открытыми: теснота, голод, война. А нынешние горести все подобрались подкожные. Вчера звонила Фаня. Андрей утомлен, хворает, не может и часа выбрать, чтобы забежать к нам. «До того устает, что даже стал сердиться». А тут еще предстоит генеральный ремонт всего дома. И должны Письменских выселить в помещение красного уголка. А как там разместиться со всеми книгами Андрея? По планам — ремонт продлится целый год. И в довершение всех бед, комнаты их в результате перепланировки уменьшатся на шестнадцать метров. Одна станет узенькой, как колбаса, а другая тоже уменьшится чуть не вдвое. И это можно было бы вынести, получишь после перепланировки отдельная квартира. Так нет — опять останется коммунальная! В жилотделе прямо сказали, что если Андрей пойдет в вышестоящие организации, то может добиться и другой квартиры и лучшей перепланировки, но не могу я ему говорить об этом. Он и без того утомлен. И не пойдет он! Вы его знаете!

26 февраля

Прокофьев Александр Андреевич ⁵⁹³ — малого роста, квадратный, лысеющий, плотный, легко вспыхивающий, вряд ли когда спокойный. В гневе стискивает зубы, оттягивает углы губ, багровеет. Человек вполне чистой души, отчего несколько раз был на краю гибели. Крестьянин из - под Ладоги, он появился в союзе человеком несколько замкнутым, угрюмым. Тогда он писал вполне на свой лад, и стихи его нравились, казались сбитыми и плотными, как он сам. Познакомился я с ним ближе в 32 году в Коктебеле. Поездка оказалась и ладной и неладной. Долго рассказывать почему. Теперь, через 24 года, кажется она только терпкой и горьковатой. Тогда наш литфондовый дом только что открылся. Дом Ленинградского литфонда. Купили дачу у наследниц профессора Манассеина⁵⁹⁴. Дочь его — рослая, с лицом правильным и трагическим, оставалась в то лето еще чем - то вроде директора бывшего своего владения. Она распределяла нас по комнатам, когда мы приехали, и, к моему негодованию, все путала меня с Брауном — мы казались ей однофамильцами. Но знакомое чувство близости моря, виноградники, только что пережитое по дороге ощущение, что вернулся я на родину, запах полыни — все это примиряло меня с трагической и рассеянной хозяйкой. Расселили нас по большим комнатам профессорской дачи. Мы заняли застекленную террасу второго этажа: я, Женя Рысс, Раковский⁵⁹⁵ — остальных в точности припомнить не могу. Женщин селили внизу. Скоро жизнь вошла в свою колею. Прокофьев — и еще не помню кто — получили комнату тоже внизу окнами на виноградники. Мы же видели в стеклянные решетчатые стены своей террасы море. При таком близком житье — бытие вскоре знали мы друг друга во всех подробностях. Знали, что Раковский завел кое- какое знакомство. И рад.

27 февраля

Но боится хвастать, чтобы не дошло до Ленинграда. Возвращаясь, он протягивал руку под кровать. И доставал оттуда совсем не то, что можно было ожидать по металлическому звуку, а большую кружку с простоквашей. И принимался есть, от времени до времени восклицая: «Хорошо!» И все понимали, что относится это не только к простокваше, но и к его похождениям. Однажды только он высказался ясней. Сказал в пространство,

⁵⁹³

⁵⁹⁴

⁵⁹⁵

таинственно: «На профессию надо напирать, братцы». То есть, напоминать облюбленной девице, что ты не кто-нибудь, а писатель. Впрочем, скоро разнеслись слухи, что приударяет Раковский за вдовой, а не за девицей. И «вдова» стало условным обозначением. И известную частушку в связи с этим слегка переиначили. Пели: «В нашем саде, в самом заде, вся помятая трава. То не буря виновата, а проклятая вдова». Впрочем, я не уверен, что мы не наклепали на Раковского, всё это в избытке веселости. Ах, какое это было веселое и горькое лето. Женя Рысс, тогда легкий, почти юный и почти не пьющий. Я, до того худой, что наши тучники отдавали мне второе, если оно казалось им тяжелым. Рая Троянker. Не знаю, что она была за поэтесса, но талантливость сказывалась в самой породе ее. Она умерла, сгорела от туберкулеза в Мурманске, куда уехала году в 34–35. Но тогда никто и не думал о смерти. Все были веселы, а я словно опьянел от моря и запаха Польши, и все ходили стаей за мной.

28 февраля

Прокофьев в первые дни казался угрюмым и держался в стороне. Общался только с Брауном да Марусей Комиссаровой⁵⁹⁶. Браун, с нездоровым цветом лица и словно бы пыльный, тоже казался замкнутым, но по причинам другим. Этот был Прокофьеву противоположен. Прокофьев не боялся. А Браун окружающий мир считал зараженным и угрожающим. Все мазался йодом. Каждую царапинку, каждую ссадинку. От нее и след простыл, а он всё, бывало, мажет это место на всякий случай. Потом была Маруся Комиссарова, она была простой и открытой. И у всех трех, и у Прокофьева, и у Брауна, и у Маруси, был завидный дар: музыкальность.

Когда запевали они втроем, чаще всего народные песни, — я их слушал да удивлялся. Постепенно дачная жизнь сближала нас. И я разглядел Прокофьева поближе. Прокофьев еще не отошел от деревни и тех кругов, в которые попал он, уйдя оттуда. Мы были ему чужды, но он, приглядываясь, убеждался, что мы тоже люди. О, терпкое и радостное и горькое лето 32-го года. Приехала Наташа Грекова, о которой я рассказывал уже. Приехал Зоценко. Парикмахер, который брил нас в римском дворике бывшей виллы какого-то грека, со стенами, расписанными масляной краской, спрашивал перед его приездом: «Вот, наверное, веселый человек, всё хохочет?» А в те дни мучали Михаила Михайловича бессонницы и болело сердце. Он мог заснуть только сидя в подушках. Он был мрачен, особенно в первые дни, но потом повеселел и, сам удивляясь, повторял: «Как я добр! Как я добр!» Мы с Катюшей переселились в дом вдовы Волошина⁵⁹⁷. Для этого нас представили ей. Мы прошли через большую комнату, где стояла не то голова Зевса, не то статуя Аполлона. Забыл. Среди выбеленных стен казалась она такой же ненастоящей, самодельной. Это чувство помню. И неуместной. Смущала, как декламация. И библиотека казалась почему-то неестественной.

29 февраля

Вдова Волошина рассказала нам, как умер ее муж. И я ужаснулся. Повяло на меня охотнорядским, приспособленческим духом, который в союзе — в московском его отделении — был еще очень откровенен. Волошин подарил дачу своему союзу. Хозяйственники сразу заподозрили недоброе. Они сначала умолкли. Два или три месяца не отвечали, стараясь понять, в чем тут хитрость. Наконец потребовали нотариальное подтверждение дара. После долгих и утомительных поездок в Феодосию Волошин и это выполнил. И вдруг пришла из союза телеграмма, подействовавшая на бедного поэта, как пощечина. «Продали дом Партиздату выгодно и нам и вам». Волошин крикнул жене: «Пусть меня лучше солнце убьет!» — и убежал из дому без шляпы бродить по горам. Жена уверяла,

596

597

что эти слова «выгодно и нам и вам» оскорбили его воистину смер — тельно. И я верю, что так и было. Он не сомневался, что, делая это, даря свою дачу, он обрадует писателей. И будут они вспоминать его с уважением — Волошин чувствовал, что тяжело болен и скоро умрет. А тут вдруг приносят «выгодно и вам и нам». В 32 году новое руководство союза с огромным трудом выкупало у Партиздата то, что принадлежало им уже однажды по дарственной записи. Часть дома оставалась за наследницей. Сюда примыкал одноэтажный флигелек, длинный, с крытой галереей. Вот тут нам и разрешила поселиться вдова Волошина. Рядом жили супруги Габричевские⁵⁹⁸, давние друзья поэта. Он — профессор. Высокий, с выражением насмешливым. Аристократически картавящий. Он славился пословицами, которые произносил аристократически небрежно. Например: «Без рубашки к телу ближе». «Мальчик от девочки недалеко падает». Волошинская дача резко отличалась от нашей, манассеинской. В ней еще доживал дух десятых годов.

2 марта

Дух начала века чувствовался и в Зевесовой голове, и в переплетах книг, и в рассказах об Андрее Белом, который приезжал сюда со свитой антропософок. У одной из них челюсть была вставлена на какой — то новый, конструктивный немецкий лад: без деления на отдельные зубы. Она была сплошная, без мещанского подражания природе. Но, по рассказам, этот сплошной, не то костяной, не то сконструированный из некоей имитации белеющий на месте челюсти полукруг вызывал у зрителей душевное смятение. Белый сам был весел, оживлен. Антропософки же держались осуждающе. Белый понимал прелесть нигилистических выходов Габричевского и чувствовал родство этого очень, слишком много понимающего эрудита со своим временем. Антропософки же начисто лишены были чувства юмора и отрицали его, как монашки. Белый, как приехал, стал вместе со всеми собирать коктебельские камушки. И по свойствам загадочного ума своего, первым делом принялся их классифицировать, но не на существующий у коктебельских коллекционеров лад, и не на принятый у петроградцев, а на свой, и научный, а вместе с тем как бы и переходящий за пределы разума.

М. М. Марьенков

П. М. Меттер с Ю. П. Германом

Л. А. Малюгин

А. Н. Москвин. Портрет работы ф. М. Наппельбаум Н. П. Акимова

М. С. Наппельбаум

С. Образцов

М. Ф. Панова

Г. М. Козинцев и И. А. Орбели на съемках фильма «Пирогов» по сценарию Ю. П. Германа

В верхнем ряду: В. А. Рождественский, Н. Л. Браун; в нижнем ряду: А. А. Прокофьев, О. Ф. Берггольц

А. И. Райкин

В. Рест и Н. В. Сезеневская

Л. Пантелеев, В. Н. Орлов, Л. Я. Рахманов и Н. Н. Никитин

М. И. Алигер, Е. А. Долматовский, Е. И. Рывина, К. М. Симонов

*М. Л. Слонимский (крайний справа), В. А. Каверин (крайний слева), Е. Л. Шварц и
И. И. Слонимская*

П. И. Соколов

Л. В. Соловьева (в замужестве Григорьева), В. В. Соловьева, У. Даниленко, Е. В. Соловьева. Друзья детства

Е. В. Тарле

Е.А. Уварова

Г. А. Флоринский

Н. К. Черкасов

П. В. Цетнерович

И. А. Фрээ

М. А. Фроман

Л. 3. Трауберг

Б. В. Томатешевский

Т. И. Чокой

В. Б. Шкловский

В верхнем ряду: П. Черняк, М. Г. Шапиро, И. А. Готов, Г. М. Козинцев; н нижнем ряду: Ф. Г. Раневская, Я. Б. Жеймо, Н. Н. Когиеверова.

Родители Евгения Шварца — Мария Федоровна и Лев Борисович; Евгений и Валентин Шварцы

Студенты Московского университета Евгений Шварц

Шварц Антон

Е. Л. Шварц

И. Г. Эрпбург

Ф.М. Эрмлер

Б. М. Эйхенбаум

И. В. Шток, В. Н. Плучек, А. Н. Арбузов и А. К. Гладков

М. О. Янковский

Е. В. Юнгер, Ф. Г. Раневская, Т. В. Сезеневская. Кадр из фильма «Золушка»
А. М. Лобанов Л. Ф. Макарьев

А. Б. Мариенгоф, Д. Д. Шостакович, А. Б. Никритина

Это был чудом уцелевший мамонт символистической эпохи, и его разглядывали с жадностью, и о нем рассказывали в 32 году, будто о чуде, хотя уже года три прошло с тех пор, как побывал он тут в последний раз. У Волошиных каждый вечер собирались на крыше, читали стихи. И, по рассказам, он несколько ревновал к тому пиетету, которым окружен был Андрей Белый. Теперь не было ни того, ни другого, ни вечерних сборищ. Однажды только собрались внизу у рояля, и композитор, фамилию которого забыл, сыграл что-то свое. Слушателей было немножко.

3 марта

Это были последыши друзей дома — реликтовые девушки, длинный человек неясной профессии, горбоносый, начинающий плешиветь, с верблюжьей шеей. Все, кроме спокойного, всепонимающего Габричевского, крепкой и миловидной жены его, урожденной Северцевой, из славного рода ученых и академиков, казались увядающими. Как не похож был наш манассеинский дом, проданный Ленинградскому литфонду, на волошинский! Взять жизнь поэтов тамошних — и Прокофьева, выросшего в избе, воевавшего в Гражданскую, хлебнувшего там такого горя, какое и не снилось человеку до 17-го года. Потом бандиты застрелили его отца. Потом был он следователем ГПУ. Такой дорогой пришел он в литературу. Андрей Белый в то лето не приезжал, и Волошин умер. Прожили они и Прокофьев разную жизнь, такую разную! Но, думаю, какие-то общероссийские горести и радости переживали они одинаково, хоть называли их до того непохожими словами! С этого лета перешли мы с Прокофьевым на ты. То ближе сводила нас жизнь, то разъединяла — никогда вполне близко, никогда слишком далеко. Но я понимал его. Если рассказывать дальше, то придется коснуться зловещих лет, дьявольских времен нашей жизни. Но Прокофьев, доброкачественный и ясный, не пользовался тьмой, а переносил ее мучительно, как мы. И не хочется говорить о нем в связи с временами, о которых и вспоминать тошно. На коктебельском лете, веселом и горьком, на лете первого нашего знакомства и закончу я о нем рассказывать.

4 марта

Из Майкопа, из города, обыватели которого казаков обзывали куркулями, черкесов — азиатами, русских — кацапами, а украинцев — хохлами, попал я вдруг после большого промежутка времени — года два я там не был — в настоящую Россию, в город Жиздру. До этого в пятилетнем возрасте побывал я в Белёве. А летом 1903 было мне уже без трех месяцев семь — огромная разница. Тут впервые я сознательно понял, что принадлежу двум мирам, сильно отличающимся друг от друга. В Майкопе мальчишки дразнили меня за то, что я на рязанский лад, твердо, произношу букву «г», вместо южного «Ь». Черный хлеб покупали для мамы у солдат. В булочной у турка Окумышева продавался только пшеничный. Пшеничный продавался и на пышном майкопском базаре, высокий, с гофрированными белыми боками и коричневой, подпекшейся выпуклой головой. Но не только в этих внешних признаках была разница. Начну по порядку. В 1903 году бабушке захотелось повидать, может быть, в последний раз, всех своих детей. Решили собраться у старшего маминого брата, у дяди Гаврюши⁵⁹⁹, в Жиздре. Но по дороге туда заехали мы в

⁵⁹⁹ Шелков Гавриил Федорович — юрист по образованию, акцизный чиновник в городе Жиздре. Дядя Шварца.

Рязань. В 1901 были мы в Белёве у маминого брата⁶⁰⁰. Рязань я не видел с четырехлетнего возраста. Когда-то именно этот город считал я своим родным, но за два года пережил я целую жизнь. И я удивился извозчикам в низких шляпах с полями. И при том еще — одноконным. Улицам, вымощенным булыжником. И едва узнал своего двоюродного брата, фамилия которого стоит в моей книжке на очереди: **Проходцов И. И. Ваня Проходцов.**⁶⁰¹ Я сразу побежал с ним и с Лидой — младшей его сестренкой в сад и очень смутился, когда вышел туда же длинный, хмурый, черноволосый и чернобородый Иван Иванович Проходцов — старший, муж тети Сани⁶⁰². Я почему-то очень его боялся. Через день — два мы ехали все в Жиздру.

5 марта

В Москве была у нас пересадка. Вообще в те времена, видимо, до прямых вагонов еще не додумались — все поездки в моих воспоминаниях связаны с долгими ожиданиями в высоких залах, с сияющими буфетными стойками, со столами в белых скатертях, с лакеями в черном, со швейцаром, провозглашающим у двери, какой поезд куда отходит, какой прибывает, какому поезду дан первый, второй или третий звонок. Мы ехали через всю Москву с вокзала на вокзал. Так летом 1903 года увидел я впервые город, с которым столько связано у меня в жизни. Поразило меня то, что на Кремлевском дворце так много труб. Под Спасскими воротами снял извозчик шапку и перекрестился, и я за ним, испытывая особое удовольствие от того, что и я, как все. В Майкопе я был не как все. А в этот приезд — из Рязани. А тут мне объяснил, не помню кто, что всем полагается тут снимать шапку и креститься. Всем. И я, как все. И крестился я, следом за извозчиком, у церкви. В Жиздре у дяди Гаврюши — он служил по акцизу — была большая квартира и огромный сад, и конюшни, в которых стояли три лошади: Зорька, рыжая, будничная, и два вороных — Васька и Фока. Ваську выстаивали в конюшне, потому что предыдущий кучер заморил его. «Он был, как котенок», — рассказывала бабушка. Зато теперь, когда его выпускали во двор промяться, он совсем не походил на котенка. Он летал по двору, лягался, и нам запрещалось выходить, смотрели из окна кухни. Вскоре, впрочем, его стали запрягать в коляску. Праздник. Мы едем встречать чудотворную икону. Запах лаковых крыльев коляски, нагретых солнцем. Мы стоим и видим медленно надвигающуюся толпу, хоругви. Икону несут на полотенцах. К ней прикладываются.

6 марта

Или мне это представляется? Нет, кажется, правда — на ходу женщины в белых платках бросаются на колени перед иконой на миг, чтоб не задержать плавное движение толпы — и отбегают в сторону. Все на площади перед собором стоят без шапок — и я, как все. Теперь мне ясно видно, как труден первый переходный возраст. Душевно я был развитее обычного, умственно — изнемогал под тяжестью своего багажа. А воли и вовсе не было. Я понимал, что веду себя не так, как положено, но своими силами выбрать линию поведения не мог. Я кричал, когда сердился, и плакал, когда огорчался, как маленький, хоть и понимал уже, что это мне не по возрасту. И множество вещей, оставшихся на всю жизнь, впечатавшихся в самые глубины души, я принимал и не предполагал, что в них можно сомневаться. Так было с церковью, с иконами, с молитвами. Когда бабушка узнала, что я еще не причащался никогда, она очень рассердилась на маму и повела меня в церковь. Вот самое

⁶⁰⁰ Шелков Николай Федорович — акцизный чиновник в городе Белеве, скульптор — любитель. Дядя Шварца.

⁶⁰¹ Проходцов Иван Иванович — двоюродный брат Шварца.

⁶⁰² Шелкова (в замужестве Проходцова) Александра Федоровна — тетка Шварца.

новое и поразительное из того, что вошло в мою жизнь тут, в Жиздре. Я дрожал в церкви, потрясенный и пением, и царскими вратами, захваченный волнением бабушки. Так как до семи лет я еще считался младенцем, то причащали меня без исповеди. И когда я принял причастие, то почувствовал то, чего никогда не переживал с тех пор. Я сказал бабушке, что причастие прошло по всем моим жилочкам, до самых ног. Бабушка сказала, что так и полагается. И была со мной такою, как всегда. Но много спустя я узнал, что дома она плакала. Она увидела, что я дрожал в церкви, — святой дух сошел на меня, следовательно. Наверное, я буду святым. Об этом рассказала мне мама через несколько лет. Впрочем, бабушка через два — три дня сердилась на меня, как и прежде.

7 марта

Богатство новых чувств, восторги без примеси страха (мне объяснили, что до семи лет я безгрешен), ясность небесных, но полная запутанность земных дел — все это перегружало меня. Думать я не умел, и в глубине души считал, что, конечно, взрослые правы, когда отчитывают меня, и одновременно с этим думал, что если бы они поняли, какой я хороший мальчик, то всё было бы иначе. Словом, в мыслях царствовала полная неясность. С одной стороны — полная ясность чувств, а с другой — двойственность мыслей. Когда я, уже студентом, узнал, что с Проходцовыми пробыли мы в Жиздре всего две недели, то не хотел этому верить. В воспоминаниях моих — это целая огромная полоса жизни. Потом они уехали — и началась новая полоса, оказывается, тоже двухнедельная, пока мы гостили в Жиздре без них. Ваня оказался парнишкой куда более цельным, чем я.

Для него все было тут привычным и ясным: и то, что хлеб, это — черный, а белый называется ситным. Что

похожие формой на куличи необыкновенно вкусные маленькие, продающиеся с лотка произведения местного поварского искусства называются грешники. И не по каким-нибудь таинственным церковным причинам, а потому, что они сделаны из гречневой муки. Его не удивляла, как меня, огромная русская печь, в которой и пекли и ситный, и хлеб для всех гостей. Ему разрешали есть лепешки из ржаной муки со сметаной, а мне мама позволила только попробовать, говоря, что они тяжелы для желудка. Когда кучер запрягал Зорьку, мне разрешались только подсобные работы: поднести хомут, например. А Ване кучер позволял и затянуть ремешки, и вставить в зубы смирной лошади удила. Однажды в конюшне у нас завязался спор: «Я офицер!» — сказал Ваня. «А я полковник», — возразил я. «Да, выходит твой верх», — сказал кучер. — Полковник старше офицера». — «А я генерал!» — воскликнул Ваня. «Да, тогда ты старше», — сказал кучер. — Твой верх». И какие чины я ни вспоминал, кучер, качая головой, отводил их: «Нет, генерал старше». Так нас и стали звать: «генерал» и «полковник». И я огорчился. Уже вернувшись в Майкоп, я придумал, что надо бы мне ответить: «А я адмирал», — но было уже поздно. Однажды я увидел, что Ваня сидит в беседке, обливаясь слезами, и держит в руках раскрытую тоненькую книжку. Оказывается, он терпеть не мог читать, а мать усадила его за книжку, чтоб он не забыл грамоту за лето. Мне это было удивительно, так как я обожал чтение. Однажды, когда мать дала мне какую-то интересную книжку, я от радости стал эту книжку целовать. И тетя Саня сказала скорбно: «А Ваню я никак не приучу к книге!» Когда мы вернулись с того праздника, где встречали икону, самый любимый из моих дядей, худой и узколицый Коля, тот самый, у которого мы гостили в Белёве, таинственно приказал мне остановиться у закрытой двери. Потом он запел что-то торжественное, двери распахнулись. Посреди комнаты стоял таз с водой, горели свечи. А по воде плавали два лебедя. И они, слушаясь палочки, поворачивались к ней носиками и плыли за нею следом. Это был подарок дяди Коли к празднику мне. Взрослые сначала восхищались, а потом обнаружили, что тетя Саня исчезла, заперлась в своей комнате. И мама сказала тете Зине, младшей из сестер, тогда еще гимназистке: «Обиделась». Тетя Саня обиделась, что дядя Коля подарок сделал только мне, а не всем своим племянникам. Но зато замок из песка в саду дядя Коля построил для всех нас. Он украсил его

кусочками зеркального стекла, и мне казалось, что ничего прекраснее я не видел. Сад был яблоневый. Срывать яблоки до Спаса запрещалось. Можно было их только подбирать. И до сих пор яблоко, лежащее в траве, вызывает у меня чувство радости, охотничье чувство, чувство находки. Кажется очень красивым. И наполненным до краев.

9 марта

Особенное чувство вызывал и стук упавшего яблока. Обедали и завтракали мы в саду, под деревьями, и вскакивали, включая и маму и тетю Зину, если раздавался мягкий, глухой удар — яблоки были крупные. И мы мчались наперегонки в направлении звука. Шелковы любили дразнить. И я помню, как мама целый день дразнила тетю Зину. Описывала, как яблоко подмигнуло ей из травы, из-под самых ног Зины: «Возьми, мол, меня. Не хочу я к этой». Шелковы любили дразнить, но сами часто обижались, как тетя Саня, когда дядя Коля подарил игрушки одному мне. Шварцы любили свою породу. Говорили: «По — нашему, по — шварцевски». Шелковы же вглядывались друг в друга без пощады и уступок. Говорили, что Лида некрасива. Ваня простоват. Я несдержан и избалован. Говорили в отсутствие упоминаемых и их родителей, но дети слышат все. Осуждали и старших. Говорили, что дядя Федя⁶⁰³ несчастен в семейной жизни, все это так, но не к чему бранить свою жену за столом и в ее отсутствие. При всех. (Жена его в Жиздру не приезжала.) Говорили, что характер у дяди Гаврюши тяжелый, гнетет он всех своей молчаливостью. Осуждали не с удовольствием, а с горечью, как самих себя. И не верили себе, хоть и были одарены. Не верили на российский лад, чтобы не действовать. Рязанский любительский кружок держался некогда их силами. Барон Дризен⁶⁰⁴, руководивший кружком, поражался тем, как сыграла мама, которой в те годы было 18 лет, Галчиху в «Без вины виноватые». И не хотел верить, что мама не видела Садовскую⁶⁰⁵ в этой роли.

Играли отлично все, кроме молчаливого дяди Гаврюши. Он не любил сцену. А дядя Коля играл плохо, но зато великолепно лепил. И вообще был мастер на все руки, всё мастерил какие-то машины или сооружал целые постановки. Одну из них — на даче в Рюминой роще, под названием «Зима» — запомнил я на всю жизнь. И снег шел с неба, и мальчик съезжал на салазках с горки — и всё это в закоулке, где лестница вела в верхние комнатки, а главное — посреди лета. Но ни один из них не верил себе. И похвалам.

10 марта

Когда маму хвалили, то лицо ее принимало выражение отчужденное, недоверчивое. И у всех Шелковых тоже лицо словно темнело в подобных случаях. Шварцы принимали славу просто, как будто вещь вполне естественную, и любили ее. Шелковы же упирались. Нередко бывали они веселы и смеялись, но потом спохватывались. И бабушка обычно говорила: «Что-то мы развеселились, как бы нам не пришлось завтра плакать». Все это я понял значительно позже, разбираясь в превратностях собственного нрава. Но запомнил. Те дни словно впечатались мне в самую глубину души. Всё было и по-новому, а вместе с тем близко. Словно выступало из тьмы, а не появлялось заново. И стук копыт по деревянному

⁶⁰³ Шелков Федор Федорович — мировой судья, артист-любитель, играл в кружке барона Дризена в Рязани. Дядя Шварца.

⁶⁰⁴ Дризен (барон Остен — Дризен) Николай Васильевич (1868–1935) — театральный деятель, историк театра, один из основателей Старинного театра в Петербурге.

⁶⁰⁵ Садовская (рожд. Лазарева) Ольга Осиповна (1849–1919) — артистка Малого театра с 1879 г. до конца жизни.

настилу конюшни. И прыгающая на лошадиных спинах сбруя, когда кучер позволял сесть возле него на козлах. И обеды в саду. И вечное подшучивание старших друг над другом. Дядя Гаврюша был холост. Сестры все уговаривали его жениться. Писали имена невест на бумажках, потом скатывали, как лотерейные билетки и клали за иконы в бабушкиной комнате. А потом вытаскивали, как жребий. И все смеялись. И бабушка улыбалась, а потом ушла из комнаты, и Зина прибежала и сказала: «Мама плачет». В церковь ходили, но как бы тоже упираясь. А иной раз и посмеиваясь. В то лето бабушка всё собиралась на открытие мощей Серафима Саровского⁶⁰⁶. И ее поддразнивали, хоть и любовно и почтительно. Я относил это за счет непобедимой Шелковской привычки дразнить, от которой сам так страдал. А теперь понимаю, что они и верили, [и] не верили. В отцовском атеизме и в нашем майкопском укладе жизни было больше решительности и цельности. И даже как бы монашеской скромности. В Жиздру приехала та мамина сестра, имя которой я твердо не помню. Кажется, тетя Катя. Она не кончила гимназии, рано вышла замуж, в Рязани не жила и с самыми моими ранними воспоминаниями не связана. Муж ее, высокий и стройный брюнет, был управляющим в каком-то имении. И я увидел чудо.

11 марта

Он часто бывал выпивши — до сих пор в нашем доме я подобного не видывал. Как теперь понимаю, он приехал отдохнуть, был в хорошем настроении, предела не переходил, но все-таки я был изумлен. У нас в доме и этого не случалось. Он говорил громче обыкновенного, хохотал, а если бабушка выговаривала ему за шум, то восклицал: «Теща, пожалуйста ручку!» И целовал, шаркнув ногой и низко поклонившись, руку бабушке, чем тоже повергал меня в изумление. А взрослые посмеивались над ним добродушно, как над расшалившимся ребенком. Только кучер осуждал его. Однажды он запряг коней и уехал покататься один, без кучера. И тот всё ворчал потом и даже принес жалобу самому дяде Гаврюше на то, что гость загнал коней. Нет на свете ни кучера, ни коней, ни конюшни, [ни] самой Жиздры — немцы сожгли ее дотла, и теперь это совсем не тот город. И я не могу сказать, как звали кучера, какие волосы у него были. Он движется лишенным цвета и формы в самой глубине моей памяти, но живой. Самый характер его я вижу. И чувствую свое отношение к нему. Скорее, его ко мне, отчего и запомнил я его так глухо. Он не уважает меня за то, что я гость. И живу на даровых хлебах и, тем самым, как бы отнимаю у него некие возможности. Посреди двора охалка сена. Кучер клянется дяде Гаврюше, что сено, которое предлагает он купить, хоть и дороже, но настолько лучше, что конь разгребет любое другое, а доберется до этого. Для того и навалена охалка сена. Начинается опыт. Дядя Гаврюша угрюмо глядит, стоя в дверях, а мы из окон. Приводят под уздцы Фоку. Конь нюхает сено и вдруг, задрав башку, строит гримасу, которую никак я не ждал от лошади: каким-то особым образом поднимает верхнюю губу, обнажая зубы. Это повторяется несколько раз. Дядя Гаврюша молчит угрюмо. Кучер, как я замечаю, несколько смущается. Но вот, наконец, Фока и в самом деле разбрасывает дешевое сено и добирается до дорогого. «Подсыпал чего-то в сено!» — ворчит бабушка сердито. И за столом говорят, что кучер — хитрец.

12 марта

Мы целыми днями вместе — я и Ваня — и все время, то ссоримся, то живем общими интересами, все больше связанными с конями и конюшней. Однажды нам разрешили покататься верхом на Зорьке, по очереди, мне, Лиде и Ване. По улице. Добрая Зорька терпела, терпела, потом сбросила Лиду. Мы, стоя у ворот, увидели, как на углу улицы Зорька

⁶⁰⁶ Серафим Саровский (1760–1833) — монах Саровской пустыни.

вдруг поднялась на дыбы. И Лида вдруг мягко съехала на землю. А Зорька, пробежав мимо, скрылась в конюшне. А Лида не спеша, растерянно зашагала к нам. Сколько было разговоров, расспросов, ахов и охов.

Ходили мы на речку. И купальня была тут построена не по — майкопски. Домик без крыши. Вместо пола вода в середине. Вдоль стен — узенькие настилы и скамейки. Спустишься по лестнице — мне по горло, дяде Гаврюше вода по грудь. Плавали на лодке. Дядя Гаврюша подплыл к нам, вынырнув из купальни. Стоял твердо на песчаном дне. Разговаривал. Однажды поехали мы за грибами. В бор. Особое чувство — высоких сосен — охватило меня. И я понял, что это не простой лес, а именно — бор. И густой и вместе — чистый и гулкий. И я собрал много грибов, и меня хвалили. И я никогда их прежде не ел, потому что запах грибов казался мне в раннем детстве подозрительно незнакомым. А тут, вечером, дома попробовал, и очень они мне понравились. Потом ездили мы в какое-то загородное хозяйство. И я удивился, что капуста на грядках стоит не круглыми кочанами, а распустив широко листья, за которыми кочан едва чувствовался.

Но вот две недели прошли, и мой спутник и соперник (кого пустят на козлы, кому кучер даст править, кто скорее найдет упавшее яблоко и так далее, и так далее) собрался уезжать.

Прежде всего **привели** меня в восхищение раки вбуфете на вокзале. Их я тоже научился есть только в Жиздре. Прежде запах их казался мне подозрительно незнакомым. И больше всего любил я крупные клешни раков, и в буфете подобраны были в этом отношении раки — богатыри. Но вот — первый звонок.

13 марта

Семейство Проходцовых в окне вагона. Ваня улыбается добродушно и весело, и все мое существо охватывает огорчение и печаль. И вот — третий звонок. Бабушка плачет. Для нее каждая разлука может быть разлука навеки. Я должен был бы на этом перестать рассказывать о Жиздре — ведь рассказ-то должен идти о Проходцове. Но мне жалко. А кроме того, некоторое отношение дальнейший рассказ о Жиздре имеет и к Ване. Я уже писал как-то об этом: его отъезд вдруг вызвал у меня, к моему собственному удивлению, ужасное огорчение. Теперь у меня соперников не было. И на козлы меня пускали сколько угодно, и править давали. И когда бабушка ездила по лавкам, я один ездил с ней. И ужасно горевал. В каком-то отношении, в отношении чувств я был переразвит и невольно тяготился, — что мне было делать с этим богатством. При Ване жизнь моя шла здоровее. Вот я вижу — по пыльной дороге разбросаны еловые веточки. Значит, похороны пройдут мимо нашего дома. Одно дело — выбегать смотреть, как несут покойника, с Ваней и Лидой, а другое дело — одному. Гроб открыт. На лбу — венчик. Страшно. Не знаю почему, может быть, от хины, которую я пил в Майкопе в таком количестве, но на меня в тишине нападало особенное состояние. В ушах шумело. И в шуме этом явственно слышал я голоса. Иногда неопределенные, иногда отчетливо кричавшие: «Ж — е-е — ня!» Когда я спросил у своей тети Зины, совсем еще девочки в те дни, с которой мог я разговаривать проще и легче, чем с другими взрослыми: слышит ли она что-нибудь подобное, то получил ответ сердитый. Приказ, чтобы не молот я чепухи. Только потом, много позже, понял я, что с Шелковским суеверием Зина огорчилась, узнав, что мне чудится, будто меня зовет кто-то. Дурная примета. При всей своей насмешливости Шелковы верили в приметы, в сны. По утрам слышал, бывало: «Вижу я, будто бы...»

Это значит — рассказывают сон и шутя обсуждают: к чему он. Один мамин сон всегда сбывался. Она видела, что попала в сад.

14 марта

К Рюминым. И рвет с дерева вишни. И вдруг появлялась хозяйка и укоризненно качала

головой. И все мы знали — этот сон к слезам. А сколько обсуждалось в Жиздре, что икона Божьей матери, которой в свое время благословили маму перед женитьбой, за несколько дней до дедушкиной смерти упала у нас, в Майкопе. Мама повесила ее, когда жили мы в доме Родичева, в переднем углу, и вдруг икона сорвалась и упала. Плохая примета. И я верил в это. И верила и мама, и мамины братья. Дедушка, бывший крепостной, а потом циркульник, известный в Рязани, дал детям высшее образование. Но от деревни и от старой Руси, от безотчетного ожидания удара неведомо откуда, от веры в приметы — сплошь всё плохое, — от веры в предчувствия, да и вообще от веры уйти не ушли. Посмеивались, а верили. А за ними и я. Только уж без признака насмешки. Вера установилась у меня, как я уже говорил, жизнерадостная. Страх темноты — особый, скорее приятный страх, что нападал на меня, когда слушал я страшные истории с привидениями, — Ничего общего не имел с церковью. Бог казался мне добрым. Тем более, что от страшных снов следовало перекрестить подушку. И чудовища в страшных рассказах исчезали, если их перекрестишь. Вот новое, что увозил я из Жиздры. И прошло двадцать пять лет, словно двадцать пять веков. Мама больше ни разу не ездила к родным своим. И связь с ними прервалась, словно бы сама собой, как свойственно, иной раз, родственникам. И вдруг в 28 году зашел ко мне в Госиздат лысеющий, черный, скуластый человек, с бородкой — Ваня Проходцов! Он, как выяснилось, отлично кончил гимназию, потом военно — медицинскую с отличием, вступил в партию и теперь заведует областным отделом здравоохранения во Пскове. Был он женат. Имел двух детей. И сохранил цельность прежних дней.

15 марта

Это было явление из доисторических времен. Мы познакомились заново, впрочем, довольно легко. И я поехал летом, нет, весной 28 года во Псков, где в то время на летний сезон поступила в областной театр Ганя⁶⁰⁷. Она и поселилась у Проходцовых. По традиции их семьи старшего в семье называли всегда Иваном, так что Иван Иванович не переводился в семье. На этот раз закон был нарушен. Жена Вани черноглазая и черноволосая, видимо, не слишком поладившая с родителями мужа, настояла на том, чтобы старшего назвали Володя. Была она проста, как и Ваня. Даже проще. Но я чувствовал себя у них легко. Мальчики, оба беленькие, имели, как мне казалось, Шелковские черты. Особенно один (кажется, старший), Володя. Он мне напомнил меня же в детстве. Непобедимой привычкой раскачиваться на стуле, я вспомнил об этой своей особенности, когда услышал привычный с детства окрик: «Не качайся» или «не ломайся на стуле». Это последнее сочетание слов было почему-то особенно принято в Шелковской семье. Был он, кроме того, мечтателен, задумчив и очень понравился мне, хотя в его возрасте я был шумен, нетерпелив, капризен, неприятен, — находил я какие-то общие с ним черты. Или мне казалось. Бродил я по Пскову. В воскресенье, когда стоял возле церкви, услышал я снизу с берега реки крики: «Ладья сорвалась! Ладья сорвалась!» И тут же пахло на меня чем-то древним и близким. И умирающим — этого чувства не было в Жиздре. В Пскове томило меня предчувствие счастья, хоть и был я измучен друзьями, семьей и умственным, выдуманном романом с одной актрисой. Хоть и выдуманная игра, но это была игра. Хоть и не на деньги играешь, не всерьез, но все равно обижаешься, проигрывая. И все же бродил я по городу, полный предчувствий счастья. Однажды зашел я в кирху. Там шла конфирмация. Девочки в белых платьях. Цветы. Благостный пастор.

16 марта

На хорах выставляли номера. И по этим номерам прихожане пели псалмы. После

⁶⁰⁷ См. «Альтус Ефим Григорьевич», комм. 1.

конфирмации к пастору поднялись родители. Их было меньше, чем детей. И пастор поздравил их. Потом поднялись дедушки и бабушки. Этих было совсем уж немного. И снова номер появился на хорах, зашелестели молитвенники, запел орган и все вместе с ним, негромко, пристойно и скромно. И я ушел из кирхи с двойным чувством: я был тронут. Но вместе с тем чувствовал близость конца той жизни, которой коснулся. Я уехал из Пскова, как всегда в те дни, в смятении и смутной радости. В следующий приезд семья Вани жила на даче. В деревне. Он был весел и завидно целен, как всегда. А меня все дергало в разные стороны. Башня посреди реки. Сад и летний театр. Запах пыли. Путаница предчувствий и воспоминаний и упорное, бессмысленное ожидание перемен и счастья. И в самом деле — очень скоро любовь умственная, скоро и без всякой борьбы, рухнула, как ей и подобало. Пришло время самое напряженное, ясное и счастливое в моей жизни. Я ушел от своей первой семьи, чего никак не мог ждать от себя. Все окрасилось новым цветом. Скоро в Ленинград переехали папа и мама. Не в связи с моим разводом, а просто в Москве никак не могли они получить комнату. А тут — получили. Ваня бывал у нас. Он перевелся уже в Ленинград, работал здесь в облздравотделе. Я встречался с ним по — прежнему дружески — спорить нам не о чем было. Уж слишком разной породы мы оказались. Ничего в нем не оказалось Шелковского. Он был, как Иван Иванович — старший, служака. Тот до революции бессменно оставался заведующим или начальником, не помню, как это называлось, — канцелярии рязанского губернатора. А после революции остался таким же строгим и исполнительным служащим.

15 марта

И Ваня унаследовал отцовский дар управлять. Это был врач — администратор, вряд ли что понимавший теперь в своей науке. Как и все работники подобного типа, плыл он по морю беспокойному. Жизнь снова развела нас. И когда я встретил его в трамвае, то, разговаривая, оглядываясь он недоверчиво, как зверь травленный. Его перебросили на профсоюзную, кажется, работу. Потом встретил я его в Кирове, куда его эвакуировали, кажется, уж как какого-то руководящего работника Красного Креста. Там наше знакомство окончательно расклеилось. Почему? Кто знает. Как-то само собой. Теперь он в Ленинграде, но мы не встречаемся. Как и с родным братом, впрочем. С Валею я хоть по телефону говорю, а этого единственного родственника с материнской стороны совсем потерял из виду. Стал писать о нем, и пахло на меня вначале дыханием раннего моего детства. И я почти забыл Проходцова И. И. А стал писать о детстве. И все не мог остановиться.

16 марта

Веру Федоровну Панову ⁶⁰⁸ знаю я мало. Да и вряд ли кто-нибудь знает ее. Включая самоё Веру Федоровну. Рост небольшой. Лицо неопределенного выражения. Чуть выдвинутый вперед подбородок. Волосы огорчают — она красит их в красный цвет, что придает ей вид осенний, а вместе искусственный. Она очень больна. Какая-то незаживающая язва на ноге, кажется, туберкулезного происхождения. Часто прихрамывает. Через чулок просвечивает бинт повязки. Недавно перенесла инфаркт. На собраниях говорит не слишком ясно, однако решительно. По — женски поддается мужнину строю мыслей. А у Дара ⁶⁰⁹, мужа ее, строй мыслей таков, что будь это не мысли, а материал весомый, то развалился бы у него на глазах. Маленький, все переминающийся с ноги на ногу, будто нужно ему неотложно сбегать по малому делу, он все улыбается и растерянно и отчаянно. И

⁶⁰⁸ Панова Вера Федоровна (1905–1973) — писательница.

⁶⁰⁹ Дар (Рывкин — Дар) Давид Яковлевич (1910–1980) — писатель.

хоть он и еврей, ярко выраженный, но российское, сектантское чувство, что «все не так», владеет им, как Гариным, Бабочкиным и другими, не то что мыслителями, а скорее чувствователями известного лада и разного качества. И Вера Федоровна любит его и когда высказывается, слышатся отголоски даровских чудачеств. Любит она играть в преферанс. Играет страстно, до рассвета. Едва не вызвала этим второго инфаркта. Но вот происходит чудо: Вера Федоровна принимается за работу. И что там крашенные волосы ее, выступления, влияния мужа. Божий дар просыпается в ней. Чудо, которому не устаю удивляться. Если и несвободна она, то лишь от влияний времени; тут надо быть богатырем. Но в целом владеет она своим искусством, как всего пять — шесть мастеров в стране. В каждой ее книжке непременно есть настоящие открытия. Особенно в последней повести «Сережа»⁶¹⁰. Я не умею писать о книжках, к сожалению. Но определяет ее именно это богатство. И не сердятся другие прозаики! Из первой тысячи! Другие мастера из первой пятерки больше защищены. Поэтому бьют ее. Нещадно.

17 марта

И вообще жизнь к ней строга беспощадно. Потеряв мужа, осталась она с тремя детьми. До войны все хвалили ее пьесу «Старая Москва» или «В старой Москве», я не читал ее. Но никто не решался по каким-то причинам пьесу поставить⁶¹¹. Как растила она детей, чем жила, не знаю. Не пойму. В блокаду эвакуировали ее с детьми в Ставрополь⁶¹². Там, как рассказывают, когда приближались немцы, пыталась она вывезти детей, но привело это лишь к тому, что потеряли они друг друга. Но Панова каким-то чудом собрала детей по немецким тылам. Когда удалось ей выбраться на нашу сторону и пробиться в Молотов, где в те дни в основном сосредоточился Ленинградский союз писателей, пришлось ей вначале не слишком сладко как лицу, побывавшему на территории противника. Но секретарь обкома или горкома по пропаганде Римская, которую ленинградцы называли мама римская — так она возилась с нашими эвакуированными, — поняла положение Пановой. И добилась того, что устроила ее в санитарный поезд. После своих путешествий в этом поезде и написала Панова первую вещь «Спутники». И получила Сталинскую премию⁶¹³, что и вызвало ненависть полувоплотившихся писателей. И в самом деле обидно. За что? Почему избрана именно эта, столь простая на вид, иной раз совсем неубедительно разговаривающая женщина? Измученная огромной семьей — теперь у нее прибавились еще и внуки, и сын первой жены Дара, и дочка его же, — измученная трудным характером честного, хорошего, но безумного и самолюбивого Дара, она все пишет. И едва принимается за работу — совершается чудо. За что?

18 марта

Печерский Григорий Борисович — литфондовый врач. Из большеголовых и

⁶¹⁰ Повесть «Сережа» написана в 1955 г.

⁶¹¹ Панова написала пьесу «Старая Москва» в 1940 г. В этом же году пьеса была премирована на Всероссийском конкурсе, опубликована в 1956 г. под названием «В старой Москве». В этом же году поставлена в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола (преьера — 16 декабря).

⁶¹² Из г. Пушкина под Ленинградом, где застало Панову начало войны, она и ее дочь — школьница с трудом добрались до села Шишаки на Полтавщине, где до войны жили два сына и мать Пановой. Там они прожили вместе до конца 1943 г. После освобождения Украины переехали в г. Молотов.

⁶¹³ Повесть «Спутники» написана в 1946 г. Удостоена Государственной премии СССР в 1947 г.

лысеющих, словно волос не хватило на такое пространство. Он приехал сюда из Баку. Терапевт. Говорит чуть горловым голосом. Чуть- чуть громче, чем принято, что случается с врачами и педагогами. Он и внимателен и вместе с тем рассеян — вдруг чувствуешь, что вступило нечто ему в душу: то ли бакинские воспоминания выплыли на поверхность, то ли сегодняшние заботы, то ли нечто расовое, ему самому невятное. Ум у него резко ограниченный и крайне трезвый. Сильно сомневаюсь, что способен он осознать то, что его беспокоит. Трезвости его ума соответствуют вытекающие отсюда уверенность и недоверчивость. Он не верит в твою болезнь. Он не верит, что приходящие к нему писатели в самом деле писатели. Разве только достаточная известность, что он уважает, не снижает его недоверия. Я думаю, что прожил он жизнь не простую — Баку не такой город, думаю, что при ограниченности и трезвости ума он имеет в глубине существа свои подвалы со скелетами, комнаты с особым ключиком, которые открывать запрещается под страхом смерти. О ком я это пишу? Чего это я рассказываю? Войдешь в лечебный отдел Литфонда и видишь маленького, большеголового, вежливого, улыбающегося Печерского? Какие там подвалы и скелеты и особо трезвый разум, резко ограниченный? Так — то оно так. Но ведь он сын древнего народа, создавшего некогда Библию. Неужели ничего не сохранилось от дней исхода, от дней изгнания и бедствий. Он сын нашего времени, сложнейшего из времен. Он пришел сюда, на северо — запад, с востока, из Азербайджана, где сложная и без того жизнь еще усложнена. Неужели и это прошло **над** ним? Скользнуло? Нет... если разобраться, все найдешь. А ложная уравновешенность и простота ничего не говорят. И не скажут. С толку сбивают.

19 марта

«Подписные издания» которые следуют за «Печерским», помещаются в магазине очень памятном, на улице Бродского. Там, в 45–47 годах царствовал так называемый лимитный магазин, таинственный, окруженный слухами и подозрениями. В нем получали пайки ученые и писатели. Одни — на триста рублей в месяц, другие — на пятьсот. Выдавалась длинненькая книжечка, в которой напечатаны были купоны на разные суммы — рубль, три рубля, пять рублей. И копейки. Продукты были нормированные и ненормированные. Последних мало: черная икра, например. В нормированные входили мясо, масло, сахар. На них имелись свои купоны. Сюда же прикреплял ты свою литерную карточку. Лимитную книжечку на 300 рублей получил я в Москве. Много волнений пережили мы, пока не перевели мой лимит сюда, когда в 45 году вернулись мы в Ленинград. Несколько раз ходил я в какое-то учреждение, занимающее барскую квартиру на Адмиралтейской набережной. И с этим связано чувство Ленинграда 45 года. Еще словно больного. Так плешивеют после брюшного тифа. Голова зарастает, но смотреть жалко. Но лето, Нева, белые ночи — не пострадали. Наконец, мне выдали не то справку, не то самую книжечку. И я пошел с Наташей в магазин. Прикрепился. И по неопытности получил в счет мяса копченые свиные языки, такие соленые, что едва можно есть. Сейчас все забылось, но о сорок пятом годе рассказывать, не упоминая о карточках, пайках, трофейной посуде и других вещах, появлявшихся вдруг в магазинах — это значит забывать об очень существенной черте того времени. А трофейные машины! Разнообразие марок удивительное. От «ДРВ», таких низеньких, что казалось, будто пассажиры сидят в ванне, до «оппель — адмирала» или «хорьха» или «мерседеса». Появились американские машины, «бьюик — айт» неслыханной красоты находился, по слухам, во владении какого-то кинооператора. Но вернемся к лимитам. Сколько волнений они вызывали!

20 марта

В начале каждого месяца приходили списки, и никто не знал, не был до конца уверен, что таковой не сократят или не изменят где-то там, в таинственных торговых и вместе с тем

идеологических недрах. Магазин на улице Бродского напоминал клуб. Там встречались артисты, ученые, писатели, художники и жены этих лиц. Разговоры в очередях — ибо и там в горячие дни вырастали хвосты — велся на самые разнообразные темы. Иногда вспыхивали слухи. Чаще всего приносила их азартная и мнительная Ренэ Никитина⁶¹⁴. Она знала все от последних литературных новостей до литерных и лимитных. Этим свойством она славилась и в Кирове. Тесть Письменского, о котором я уже рассказывал, деликатнейший и тишайший Михаил Владимирович, придя из закрытого ОРСа писателей и научных работников, рассказывал удивительные новости. Когда изумленный Письменский спросил однажды: «Откуда вы это узнали?» — ответил: «Рассказала эта, ну как ее... которая все знает... Рено... с кисточками... с язвой». Так мы ее с тех пор и звали «Рено». «Кисточки» относились к ее шляпке, а «язва» — к желудку. В лимитном магазине знала она заранее, что привезут, когда, какого качества. Слухи, волновавшие всех, были, к примеру, таковы: «Магазин переводят. На новое место. Очень далеко. Надо хлопотать». И очередь гудела, и самые видные ее представители принимались хлопотать. И магазин оставался на старом месте. Войдешь, налево — бакалейный отдел, направо — масло, кондитерский, винный. В глубине, в следующей комнате — отдел мясной и рыбный. Катерина Ивановна всё прихварывала, ходили в магазин больше я и Наташа. Вообще отличался тут состав покупателей большим количеством мужчин — заходили с работы. Или одинокие. Намётанным глазом тогда сразу угадаешь, бывало, где что выдают. По оживлению в одних отделах и пустоте в других. И вдруг исчез магазин.

21 марта

Исчез, как будто его и не было, вместе со всеми пайками, распределителями, литерами и прочими карточками, исчез с целой полосой послевоенной жизни, будто его и не было. И мы легко, даже как бы радостно выбросили из памяти длинненькие книжечки с денежными продуктовыми купонами, будто их и не было. Уже в третий раз появлялись и занимали особое место, значительное и угрожающее, карточки в нашем существовании. Первый раз в 19–20 годы. Второй — в начале тридцатых. И тогда писателям давали книжечки в особые распределители, то давали, то отнимали, словно дразня или пугая. В зависимости от репутации, что установилась у тебя на данное время там где — то, в идеологически — распределительных недрах. И, наконец, в третий раз появились. Военные и послевоенные карточки от 41 до 47 года. С их исчезновением магазин существовал некоторое время, но уже в качестве обычного гастронома. Но вот магазин подписных изданий с Владимирского проспекта перебрался на улицу Бродского. Там, где был отдел животного масла, кондитерский, винный и табачный, стоят теперь строгие ящики с картотеками подписчиков, разбитые по алфавитам. Подписчики на «А», «Б», «В» расположены на месте животного масла, а моя буква — там, где был конец кондитерского. На месте бакалейного отдела горой высятся книги. Здесь ты получаешь по бумажке маленькой и квадратной, вроде листика из блокнотика, выданной тебе девицей, дежурящей у картотек, и по кассовому чеку соответствующий том соответствующего собрания сочинений. Там же, где продавали рыбу и мясо, — служебные помещения, отгороженные от магазина портьерами. И всегда в магазине очереди — только на этот раз он никак не похож на клуб. Тут — весь город: и студенты, и инженеры, и военные, и писатели — кого только нет! Есть очереди, которые мне очень нравятся.

22 марта

Если объявлена подписка на какого-нибудь классика, то у Дома книги с вечера

⁶¹⁴ Никитина (рожд. Розеноер) Ренэ Ароновна (1897–1975) — вторая жена писателя Н. Н. Никитина.

выстраивается очередь, бурная и немирная. Борются две группы: одна со списком, устраивающая переключки каждые три часа, и вторая, опоздавшая, легкомысленная отчасти, даже как бы разбойничья. Эта — особенно смелая, к открытию магазина ревет: «Живая очередь!», разрывает списки, бросается вперед. Но и представители первой группы не дураки. Списки у них в нескольких экземплярах. В последнее время пошли разоблачения. Утверждают, что в очередях множество спекулянтов. Но это не меняет сути. Спекулянты заводятся вокруг предмета, имеющего сбыт. Книги в цене. Как всегда вокруг любого распределения, разгораются вокруг любой подписки страсти и в Союзе писателей. В конце концов установился закон: живая очередь. Или телефонная запись, но в день подписки строго в порядке живой очереди. Здесь, кроме любви к книге, еще и азарт, вызванный писательским самолюбием и мнительностью. Больше всего спрос на классиков — на Чехова, Тургенева. Страшные бои вокруг Джэка Лондона, Жюль Верна и Драйзера. «Всемирная история» разошлась в несколько часов. На углу улиц Бродского и Ракова — такие же ночные утешительные очереди в Филармонию. С бою берут абонементы на весь год. Следовательно, литература и искусство необходимы, как хлеб и масло. Впрочем, я забываю об отборе. В очередях сотни, а населения — то в городе сколько — то там миллионов. Это я понял как — то в том же магазине подписных изданий. Там между дверями в тамбуре установлен щит с очередными новинками. Среди них однажды увидел я 84 том юбилейного издания Толстого. И два идиота, лет по семнадцати, тыкая в него пальцами, давились от смеха. Из обрывков их фраз я понял, что их смешит, как мог человек добровольно написать так много. По всему виду парнишек ясно мне стало, что забрели они в магазин случайно. Но как ни поворачивай, а магазин новый.

26 марта

Часто, с ученических лет, считалось, что я дружу с тем или другим, а от дружбы — то ничего и не оставалось. Так и теперь — многие считают, что я дружен с **Пантелеевым**. Нет. У этого странного существа друзей нет. На этом и останавлиюсь, хоть знаю его теперь в высшей степени ясно. Я уже писал о нем как — то, хоть знал его меньше и писал хуже. Это слишком хороший знакомый теперь, и если буду я описывать его, получатся не наблюдения и открытия, а сплетни. Лучше перейду поскорее к слову **«Полотер»**, которое стоит в моей книжке вслед за Пантелеевым. Это запись новая. На старой квартире у нас пол был дощатый. До этого бывали у нас полотеры. Один на Седьмой Советской оказался человеком грамотным и всё читал книжки, пока просыхала мастика. И любил пофилософствовать. Любил поговорить на общие темы и полотер в 405 номере гостиницы «Москва», где прожили мы около года во время войны. Шкафы сдвинуты, ковры сняты, в комнате особый полотерский беспорядок, предшествующий порядку. А полотер то рассказывает о том, как служил он на Дальнем Востоке, то о событиях сегодняшнего дня. В те дни вся Москва рассказывала о грабителях, вдруг порожденных войной, не боящихся крови, и, на взгляд грабителей прежней школы, бессмысленно склонных к убийству. Мой полотер московский рассказывал всё больше смешные случаи. Например: кто — то резал свинью. А тушу уложил в прихожей. Где — то на московской окраине. Приехала вдруг скорая помощь, входят санитары с носилками. «Где больной?» — «Что вы, у нас больных не имеется». — «Ах, простите, ошиблись адресом». Уезжают. А потом хозяева обнаруживают, что они увезли, уложив на носилки, и свиную тушу. Наш новый полотер не молод, солиден. Кате слышалось, что работает он в цирке. И мы удивлялись.

27 марта

Что можно в цирке натирать? Где там паркет? И только после двух — трех его посещений, когда вел он разговоры на общие темы среди сдвинутых с положенных мест вещей, выяснилось, что работает он полотером в церкви. Вот и все о полотерах. Осталось

последнее слово на «П» — «Поликлиника». Тут я могу только, как делается в словарях, написать: «см. Мария Владимировна⁶¹⁵».

Р

Перехожу к букве «Р». **«Радио».**⁶¹⁶ Это учреждение сыграло большую роль в моей жизни. Сначала, году в 26–27, позвали меня и Олейникова делать «Детский час», два раза в неделю, тогда еще в совсем молодом ленинградском узле. Занимал он всего два этажа во дворе дома на улице Герцена. Теперь в подобном состоянии наш Телевизионный центр — все знают друг друга, от гардеробщика до начальника, все живо интересуются передачами и обсуждают их. В то время, несколько распущенное и неподбритое, встречались любопытные характеры. Из них первый — директор или начальник Радиоцентра, по фамилии Гурвич⁶¹⁷. Он был в прошлом левым художником, отказавшимся от красок. Его огромные полотна напоминали мозаику, только материал применял он особый: пшено, овес, рожь, ячмень. Как взбрела эта идея в его крутолобую башку? О чем думал он в своем кабинете, отвечая на твои вопросы с особой расовой, задумчивостью, словно не видя тебя? Говорил он по — русски очёньТПуюхо. До Радиоцентра был Гурвич директором Красного театра, где прославился фразой: «Я был мозгом, я есть мозгом и я буду мозгом этого дела!» К нам относился он доброжелательно и провозгласил даже после одной из передач: «Я всегда отличался способностью выбирать сотрудников». Любопытен был и бухгалтер, высокий, тоненькой, узколицый, несколько по — стародевичьи обидчивый и раздражительный. Он однажды сообщил, что умеет петь детские песенки, и попросил занять его в программе. И спел нежным своим голоском песенку о птичках.

28 марта

Начиналась она так: «Чирик — чик — чик, чирик — чик- чик, так жалобно поют!» Мы придумали — с полной беспечностью и легкомыслием тех дней — постоянные маски — персонажи, которые и вели программу: Петрушку, тетю Анюту, еще кого- то там. Каждый номер начинался с интермедии, где все они участвовали. Актеры подобрались не слишком опытные в этом жанре, хоть и пожилые. Репетиции вести мы не умели. Петрушку, в частности, читал всё тот же тоненький, высокий бухгалтер и пищал скорее обиженно, чем весело. И не слишком разборчиво. Тем не менее дело так или иначе шло. А когда придумали мы нечто новое: непосредственное обращение к детям в ответ на их письма или жалобы их родителей, то почта Радиоцентра или как он там еще назывался в 27 году, увеличилась чуть не втрое. Года полтора или два продолжали мы работать там. Я считаю время это для себя решающим: постоянное упражнение в драматургии очень помогло мне в дальнейшем. И первую пьесу свою «Ундервуд» закончил я тем, что девочка проникает на Радиоцентр в финале и распутывает запутанный крохотный узел, выступив по радио. Подлинные имена сотрудников я сохранил в пьесе. Но в конце концов наши передачи пришли к концу. Жизнь усложнялась, принимала более строгие организационные формы. Гурвич перестал говорить нам, что всегда отличался умением выбирать сотрудников. И в один прекрасный день нас

⁶¹⁵ См. «Мария Владимировна Ивановская», с. 604.

⁶¹⁶ «Радио». Шварц начал работать на Ленинградском радио в 1926 г. С первых дней войны до 10 декабря 1941 г. прикреплен к Радиоцентру Ленинграда решением Ленгоркома ВКП(б) (ЛГАЛИ, ф. 333, оп. 1, д. 410, л. 192; РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 22, л. 2, 4 об.).

⁶¹⁷ Гурвич Иосиф Наумович (1895—?) — директор Ленинградского радиоцентра, ранее — художник, затем один из основателей Красного театра.

заменял Туберовским⁶¹⁸, который повел дело солидно, пришел с целой группой пионеров, заменивших стариков актеров. И связанных, кажется, с «Ленинскими искрами»⁶¹⁹. Расстались мы с нашей работой легкомысленно и беспечно, с тем же чувством, с каким пришли туда. Только встречаясь с сотрудниками радио или нашими актерами, вспоминали мы наши передачи весело и не без сожаления. А Радиоцентр все разрастался. Гурвича сняли, старые сотрудники исчезли, как будто их и не было. Учреждение перебралось в множество студий.

29 марта

Мне приходилось там выступать редко, от случая к случаю. Появились там студии и для публики. С одной из подобных связаны у меня воспоминания неприятные. Мне пришлось говорить вступительное слово к утреннику Маршака. Я не подозревал, что окажусь в зале, подобном театральному, и стану лицом к лицу с видимым, а не предполагаемым зрителем. Все это было бы ничего, — текст выступления был напечатан заранее. Но стола не было. И я держал листки в руках. И руки у меня задрожали. И я подумал: зрители решат, что я волнуюсь. И от этого руки задрожали у меня до непристойности сильно. И чтение превратилось в пытку. Но есть и хорошие воспоминания. Однажды состоялся вечер, посвященный мне. Я, этим делом не избалованный, ничего не испытывал, кроме смущения, когда вошел в студию. Сотрудники повесили плакат на стене с приветствиями. Я не знал, что ко мне относятся тут дружески. Один из редакторов, Бабушкин⁶²⁰, маленький, худенький, с лицом необыкновенно привлекательным, вел весь вечер, поглядывая на меня весело и одобрительно, Я чувствовал себя связанным и, повторяю, ничего не понимал, пока продолжался вечер. Я скрыл от родителей, что он состоится. По сложным причинам. Мне почему-то не хотелось, чтобы они его слушали. То ли мне чудилось, что они преувеличат степень моей известности. То ли, что отец будет волноваться. Но они прослышали об этом событии у соседей. И отправились к ним. И остались довольны передачей. Особенно мать. Отец не понял отрывка из «Тени» и со свойственной ему прямоотой так и сказал об этом. И я до сих пор с удовольствием вспоминаю о вечере, который в смятении чувств так мало оценил, пока он продолжался.

Пришла война. Я записался в народное ополчение. А когда явился в союз с кружкой и ложкой, там уже лежало распоряжение обкома — меня прикомандировывали к Радиоцентру⁶²¹. Тут я принялся работать с наслаждением.

30 марта

⁶¹⁸ Туберовский Михаил Дмитриевич (1899–1977) — писатель.

⁶¹⁹ Ленинградская пионерская газета.

⁶²⁰ Бабушкин Яков Зиновьевич (ум. 1942) — редактор Ленинградского радио, художественный руководитель Радиокомитета во время блокады.

⁶²¹ Шварц участвовал в передачах, называвшихся Радиохроникой. В выпуски Радиохроники входили статьи, рассказы, песни, фельетоны, стихи. Их читали по радио сами авторы. В книге о работе Ленинградского радио блокадной поры говорится: «Самыми интересными, значительными сатирическими произведениями Ленинградского радио лета и осени 1941 г. стали сказки и сценки Евгения Шварца. Каждый приход на радио этого большого художника становился событием не только потому, что в очередном номере Радиохроники появлялись его новые вещи. Вокруг Е. Шварца всегда была обстановка творчества, доброжелательства. Включение в Радиохронику таких сказок драматурга, как «Сон министра», «Дипломатическая конференция», «Союзники», заставляло требовательней отнестись и к другим материалам хроники. Хлестко и остроумно были написаны Е. Шварцем «Похождения фашистского черта» (Рубашкин А. Голос Ленинграда. Л., 1975, с. 20–21).

Трудно передать особое чувство тоски, охватившее меня с 22 июня 41 года. Физической тоски. Не страха, страх — чувство ясное, заставляющее действовать, бежать или защищаться. А тоска душила, то не давала спать, то наводила непонятную сонливость. Да, настоящую сонливость. Мы уехали с дачи 22 июня к вечеру. К ночи с финской границы, с запада слышалась пальба зениток, а мы уснули крепко. Не слушая, не глядя. Тоска не касалась меня одного. Мне представлялось, что кончилась жизнь, наступил конец света. Помню, как удивили меня веселые и возбужденные, словно прибежавшие глазеть на пожар, мои спутники по дачному поезду в день объявления войны. Каждое утро надеялся я, что все внезапно отменится. Но радиорупоры на улице продолжали кричать бодрыми, парадными, военными голосами. Потом исполнялись марши. Какая-то команда, расквартированная в нашем дворе, целыми днями играла в домино, стучала костяшками в ожидании дальнейших событий. А когда замолкали речи и марши, начинал в радиорупорах стучать метроном, проклятый звук. Уже не костяшки, а словно кости стучали о кости. Тоска эта, ощущаемая отчетливо, физически, как боль, очевидно, была родственна неожиданной радости до слез, которую я испытал в 17 году. Я, которого не без основания упрекал отец в безразличии к политике! Это было несомненное предчувствие бедствий, что предстоит пережить всему народу. Безотчетное, но сильное и неотвратимое. И оно вдруг стало исчезать, когда дела как будто бы еще ухудшились. И когда я стал работать на радио. Да, это был не тот знакомый дом на улице Герцена. Беспечного времени двадцатых годов словно и не бывало. Но я вдруг нашел, или мне показалось, что нашел, тон для ежедневных фельетонов (теперь не только речи и марши звучали по радио, а передавались целые журналы). А главное — нашел свое место. Я был нужен.

31 марта

Работал на радио все тот же прелестный Бабушкин, Макогоненко⁶²², в те дни худой, молодой и не размахивающий руками по — лопахински, как в наши дни. Работала Ольга Берггольц. Знакомы с нею мы были много раньше, но познакомились близко в те дни. И она была молода и не искалечена, как сегодня. И не пила. Война вдруг стала поворачиваться ко мне медленно — медленно другой своей стороной: горести и беды, что несла она, были просты и чисты. Немного спустя, в Кирове, я думал о том, что в дни всенародных бедствий люди несчастны одинаково, а когда проходит общая беда, то по — разному. И чистота опасности, непохожая на страх, который мучил и коверкал наши души до войны, каким-то образом очищала людей. В те дни, чтобы понять линию фронта, надо было глядеть на карту пригородов наших. Голод мучил. Бомбили город с воздуха. Начинались первые артиллерийские обстрелы. И все же, едва нашел я свое место, стала проходить физическая, унылая тоска первых дней войны. А труднее всего было найти свое место именно в Ленинграде. Пребывание на чердаке во время бомбежек стало ощущаться как дело бессмысленное. Все слуховые окошечки там забили, чтобы утеплить его. Стоишь, дышишь чердачным прокопченным воздухом и ждешь отбоя. И приезжавшие с фронта жаловались: в Ленинграде хуже. Там, на фронте, знаешь свое место и что тебе положено делать. А тут, в Ленинграде, совсем другое дело. В бомбоубежище к детям, и женщинам, и старикам идти, как будто бы и стыдно. Дома сидеть нельзя, не велят. Стоять без всякого дела и терпеть — что может быть хуже. И я, попавши в новый Дом радио, нашел свое место. Во время одного из первых обстрелов шел с Берггольц по улице Ракова, от нас на улицу Пролеткульта. И мне было весело впервые с начала войны. Я шел что-то делать. Не верил, что снаряд попадет в меня. На улицах было пусто, через правильные промежутки — предостерегающий свист

⁶²² Макогоненко Георгий Пантелеймонович (1912–1985) — критик, литературовед. В 1956 г. — начальник сценарного отдела киностудии «Ленфильм».

снарядов. А мы смеялись. Вспоминали XIX век.

1 апреля

Я вспоминал вечные жалобы слепого XIX века на то, как отвратительно «тонуть в тине жалкого мещанского существования». И вот мы на своей шкуре — в который раз — испытывали последствия этого отвращения. Вот куда оно завело. Сверхчеловек оказался не умнее филистера: самая методичность обстрела была, как это ни странно, смешна. Ужасно нам смешны были ежевечерние, начинавшиеся в определенный час бомбежки. Дурак сеял смерть, не понимая, что делает. Браня тину пошлого мещанского существования, грохнули в новую тину со всей будничностью ужаса. Увы, самым будничным на свете оказались не только мещанские горести, а всякие, откуда бы они не насыпались. И что могло быть столь неистово прозаично, как разрушенный бомбой дом с перемешанными обломками кирпичей, извержениями фанзовых труб и разорванными на части людьми. Увеличенный в миллион раз флюс не делается величественным или трагическим. Ощущение неслыханной ошибки — вот что заменило физическую, как ломоту, непрерывно ощутимую тоску первых дней войны. А весело было от сознания, что если причина аварии понятна, то ее можно исправить. И сколько раз говорили мы, не представляя **холод и мрак грядущих дней**, о том, как мы будем писать после войны и как переменится от этого все вокруг. Разговаривали и готовили на ходу, что требуется на сегодняшний день. И что с надлежащей внимательностью, как ходили слухи, записывали, чтобы наказать нас в случае чего, соответствующие отделы немецкой армии, обложившей город. Слухи были настолько определены, что находились, как рассказывала Ольга Берггольц, люди, отказывавшиеся выступать в эфире и бранившие немцев только по трансляции. Все возможно. Верующие люди шли на риск. Они не допускали, что бомба упадет на них. А люди благоразумные, рассудочные принимали меры.

2 апреля

Я слишком много помню о Радиоцентре тех дней — и сбиваюсь. О тех днях слишком много помню. Словно только что пришел я в Дом радио, в дом потемневший, озабоченный, но живой. В первые дни моих посещений еще я заходил с Макогоненко в буфет. Там давали какой-то салат и без карточек. А потом жизнь в столовой замерла. 21 октября, узнав, что это день моего рождения, Ольга⁶²³ или Юра⁶²⁴, — не помню, кто из них, подарили мне кусок хлеба грамм в сто, и я не шутя растрогался и обрадовался. Мне выдали ночной пропуск, чтобы я ходил беспрепятственно на ночь в передачи. Однажды воздушную тревогу объявили днем. И нам приказали спуститься в бомбоубежище. Этого я не любил — днем, как правило, не бомбили. Сидеть в подвале и чувствовать над собою многоэтажное здание все-таки было тем не менее почему-то особенно тоскливо. Вдруг услышали мы глухой удар, несильный толчок. Все-таки сброшена была фугаска. Кто-то упорно дозванивался в это время до издательства «Советский писатель», в те дни помещавшегося в двухэтажном домике внутри Гостиного двора. Ответа не было. А после отбоя узнали мы, что бомба угодила как раз в этот домик. Убита была добродушнейшая Татьяна Евсеевна, с которой познакомился я, когда работала она у Кролля в Музыкальном театре для детей. Как сочувствовала она, что не платят мне за пьесу «Остров 5 К», которую давно репетируют. И я имел жестокость попросить у нее взаймы пятьдесят рублей (в 30–31 году это были не маленькие деньги), а у нее не хватило решимости отказать в этом. Она была добрый друг и безответный. И я воспользовался этим — дома не было ни копейки. И я не помню, чтобы

⁶²³ См. «Берггольц Ольга Федоровна», с. 562.

⁶²⁴ См. комм. 6 к настоящей записи.

отдал долг, когда дела у нас пошли лучше. А она всё так же приветлива была при встрече. Личная жизнь складывалась у нее сложно — и вдруг оборвалась. И еще восемнадцать человек погибло там.

3 апреля

Город менялся с каждым днем, и менялась жизнь в Доме радио. Я ходил туда каждый день, то по улице Ракова, то по Невскому, сворачивая у гастронома. Витрины его были заколочены дощатыми, косо укрепленными конструкциями. А к концу ноября жизнь уже не столько менялась, сколько замирала. Остановились вдруг трамваи. На улицах, где застиг их паралич. Со дня на день ожидали, что прекратится освещение и подача воды. 10 декабря мы выехали из Ленинграда. Вечером, перед отъездом, пришли к нам прощаться товарищи по работе на радио: Макогоненко, Берггольц, Бабушкин. Приходили по очереди, и я долго разговаривал с Бабушкиным, и нам было несколько неловко — до сих пор мы встречались целой компанией. И когда он выделился из среды, мне почудилось в нем что-то новое, не менее привлекательное, но незнакомое. Я был дружен со всей группой работников радио, а не с каждым в отдельности. Тем не менее мы поговорили с ним о журнале, который будем издавать после войны для молодежи. И больше не встретились. Он был убит в конце войны. Я думал, что расскажу о радио отчетливее, но что-то слишком много недостаточно забытого и, тем самым, неотобранного нахлынуло на меня. Ну, вот и все. Теперь я снова бываю в Доме радио редко, от случая к случаю. Раза два записывали меня на пленку, и я с отвращением слушал свой голос: он казался мне наглым и чужим. Из старых знакомых в знакомом доме не осталось никого, и я едва узнаю его, в тех случаях, когда приходится мне там бывать.

4 апреля

Рахманов Леонид Николаевич, ⁶²⁵ один из немногих людей, с которыми у меня подобие дружбы. Познакомился я с ним еще в тридцатых годах, ближе сошелся в блокаду, а еще ближе в 42–43 году. Он эвакуировался с семьей в Котельнич, а мы на два с лишним месяца раньше — в Киров. И, получив от него письмо, почувствовал облегчение и радость — еще один выбрался из ада. Первый раз увиделись мы в июне, когда ехал я в Москву — он вышел с Татьяной Леонтьевной⁶²⁶ на вокзал, в Котельниче. А потом, вернувшись, приехал я к ним погостить. Его родной город выглядел не веселее Кирова. Если Петербург — самый умышленный из городов, то Котельнич вырос, словно нечаянно, вернее, нехотя. Впрочем, кирпичный домик Рахмановых выглядел отчасти даже весело. Полукруглый балкон выходил в садик. В комнатах ощущалась жизнь. Библиотека, нет, книжный шкаф с любимыми книгами отца — механика на железной дороге, упорно молчащего человека с синими глазами и черной бородкой. Стол, за который садилась вся семья. Молчаливая, но не так, как отец, а робко, мать Рахманова; все это была одна семья, даже с приезжими. И балкон, и садик выглядели постаревшими, в доме стало тесно, однако, жизнь продолжалась, сохраняя свой характер. Отец любил Чехова и Диккенса. Рахманов показал мне номера «Русского слова» за 1910 год, собранные от первого сообщения об уходе Толстого до его похорон. И я, перечитав их, удивился, какое предчувствие катастрофы. Не в телеграммах и статьях о Толстом. Нет, в бесконечных сообщениях о самоубийствах — действительно, словно бы и необъяснимых и растерянных, фельетонных рассуждениях на эту тему. Опять я вспоминаю слишком многое! Завтра начну сначала. Я разучился писать.

⁶²⁵ Рахманов Леонид Николаевич (1908–1988) — писатель, друг Шварца, автор воспоминаний о нем.

⁶²⁶ Петерсон Татьяна Леонтьевна (р. 1908) — жена Л. Н. Рахманова.

5 апреля

Рахманов Леонид Николаевич — человек худенький, роста — выше среднего, взгляд рассеянный или недоверчивый, смеется, не открывая губ, чтобы скрыть отсутствие зубов. Много знает. Читает не по — литературоведчески, но со страстью, по — писательски, со многими книгами отношения у него личные, словно с людьми. И поносящих подобные книги не прощает, как будто обидели его близких. Самолюбив, что, возможно, и есть главное бедствие его жизни. Пишет мало, или, точнее, мало делает. Он охотнее берется за дела второстепенные. Неудача здесь не ударит по самолюбию так больно. И вторая беда — недоверчивость. Не к людям. К судьбе. К своему счастью. Ко всему, от большого до малого. Вот зову я его в Комарове скорее, скорее выйти из комнаты, поглядеть северное сияние редкой силы. Выходят в сад несколько человек, и все останавливаются сразу у крыльца, и разговоры замирают — каждый поражен и хочет внутренне взвесить и примириться с тем, что происходит во всей северной области небосвода, до самого зенита. Ходят, словно живые, вздрагивая, белые лучи, или прозрачные крылья. Мерцают облака. Иной раз чудится, что они не вздрагивают, а бьются, пульсируют, как живые. И вот первым заговаривает Леонид Николаевич: «Это прожектора». И вяло, как бы неохотно соглашается, наконец, что это и в самом деле северное сияние. Против дачи, что снимали Рахмановы у Литфонда, стояла на пустыре другая, принадлежавшая дачному тресту. И Рахманову очень хотелось взять ее в аренду. И он много раз говорил об этом нам, но ни разу союзу, Литфонду, дачному тресту, то есть те

млицам и организациям, что могли осуществить его мечту. И Чивилихин, не менее скромный, но не страдающий в такой степени страхом отказа, в конце концов овладел дачкой. Рахмановы получили квартиру в доме 7 на Марсовом поле. Дом старинный и прекрасный, и квартира хороша. В первом этаже. Большая. Светлая до странности.

6 апреля

Пишу ночью, чтобы выполнить урок — день, по ряду причин, вышел хлопотливым. Итак, Рахманов получил квартиру, непохожую на все в этом доме. Она как раз на углу Мойки и Марсова поля, на закруглении, так что свет в столовой перекрестный, из разных окон — одни с Мойки, другие с Марсова поля. Отчего она светлее обычных. Коридоры широки. Из одного, который ведет в кабинет и столовую, можно было бы сделать отдельную комнату. Да он и похож на добавление к кабинету, со своими книжными полками до потолка и **столами**. Радуйся, да и только. И я сказал об этом Рахманову, придя к нему на новоселье. Он взглянул на меня своим затуманенным взглядом, покачал головой: «Вы думаете? Нет, в квартире много неполадок. Мы с Таней **даже** записали. Их восемнадцать!» И, достав блокнотик, он стал читать: «В кухне фрамуги неплотно закрываются. В столовой дверь непригнана». И так далее. Едва он дошел до пятой неполадки, я засмеялся, засмеялся за мною, сразу поняв, и Рахманов: «Вам смешно, что я записываю такие мелочи? Конечно, это пустяки по сравнению с квартирой, но все — таки...» Он очень умен, И несомненно талантлив, но своими руками засыпает нафталином, и запечатывает сургучом живые источники, и заливает кипяченой водой огонь в своей душе. Я близко познакомился с ним в эвакуации, приехав к нему в Котельнич. Если Петербург — самый умышленный из городов, то Котельнич — самый нечаянный, словно против воли выступивший из грязи. У Рахмановых было **весе** лей. Кирпичный домик. Полукруглый балкон без перил, выходящий в садик. Но кусты выглядели старенькими, дом казался утомленным. Какое- то благородство и внутреннее богатство угадывалось в отце Рахманова. Это был человек тоже худенький и роста выше среднего.

7 апреля

Но выглядел значительней сына. Синие суровые глаза. Черная бородка. И уж он — то, откровеннее сына, наглухо замкнул себя на все замки. Без всяких заменителей высказывания. Начисто. Мать Рахманова тоже помалкивала, но робко. А отец — без объяснения причин. Молчал, чем иной раз наводил тоску на близких. Татьяна Леонтьевна, жена Рахманова, роптала иной раз на это — может быть, недоволен он тем, что ленинградская семья приехала к нему: сын, невестка, внучка — и стеснили старших? Но Рахманов отвергал это объяснение. Объяснял особой мнительностью изгнанников. Отец молчал всегда. Но некое внутреннее богатство угадывалось, несмотря на нежелание высказываться, — по книжному шкафу, его собственному. Этот железнодорожный техник читал много, с выбором. Любимыми его писателями были, по свидетельству сына, Чехов и Диккенс. Но кроме того собрал он всех русских классиков. Показал мне Рахманов комплект «Русского слова» за те дни, когда ушел Толстой из Ясной Поляны. От ухода до болезни и смерти. И странно было читать газету 1910 года в суровые дни лета сорок второго. И поразила меня газета не историей последних дней Толстого — все это было и без нее памятно, а статьями и сообщениями о бесконечных самоубийствах, словно люди бежали на тот свет в предчувствии катастрофы.

Сообщения с фронта утром и вечером передавались все мрачнее и мрачнее. Город казался недоброжелательным. Стареющие кустики с трудом удерживали редкую листву. Настоящее было невесело, будущее — неясно, и все же посещение Рахмановых радовало. Я словно попал в страну, где говорят на родном языке. Спали мы с Рахмановым на сеновале и перед сном говорили, говорили, понимая друг друга с непривычной легкостью в этом утро — финском, нехотя живущем, исподлобья поглядывающем крае. К концу моего пребывания стал теплеть и даже улыбаться и сам старший хозяин. Раза два услышал я, наконец, его голос. Здесь чувствовалась семья, что тоже радовало в эвакуации.

8 апреля

Мы не только на сеновале говорили обо всем на свете. Мы и бродили по городу унылому, словно перемогающемуся, и дождь то и дело загонял нас на чужое крыльцо. Когда усиливался. А в промежутках — моросил. Когда зашли мы в городской сад, с фанерными киосками, и стендами для газет и плакатов, и гимнастической лестницей, и поперек установленным на двух стояках бревном для детских игр, дождь и вовсе прекратился. А Леонид Николаевич рассказывал о детстве. Этот город, мертвый для меня, для него жил каждой своей улочкой. Впрочем, и для него город был уж не тот. В двадцатых годах весь его почти уничтожил пожар. Может быть, поэтому выглядел город больным? Ходили мы гулять за город. Видели борозду картошки, отведенную учреждению, где работал отец семейства Рахмановых. Просторное поле, и на каждой борозде — палочка с фамилией владельца. Выходили на обрывистый берег. За ним домики. За долиной широкая река свинцового цвета. Солнце так и не показывалось в мой приезд. А за рекой начинался лес, такой высокий и густой, с таким чувством достоинства, что город после него выглядел еще более вороватым, безбилетником. Скоро Леня переехал в Москву. И мне пришлось побывать там несколько раз до отъезда в Сталинабад. Это новый период знакомства, окрашенный совсем по — другому. Снимал Рахманов комнату в одном из особнячков в переулках возле Садовой, в районе ближе к Кудринской площади. Одноэтажный домик, дворик, поросший травой. Старый город. Однажды возле улицы Воровского в одном из подобных переулков, примерно с третьего этажа, сорвался карниз и рухнул, рассыпался по панели у самых ног идущего нам навстречу полковника. Тот засмеялся добродушно и сказал: «Так и убить может». Но все уже шло на поправку. Война 41-го, не в пример пережитой мной войне 14 года, чем дальше, тем отчетливее наводила порядок в тылу. Рахманов был все так же близок. И все казался земляком, понимающим с полуслова.

9 апреля

Поездки в Москву резко отличались от установившегося мрачного вятского быта. Мне казалось, Грин, родившийся в Вятке, в беспросветном вятском быту, из ненависти к нему и выдумал город Зурбаган, лишенный быта⁶²⁷. Памятны мне и московские разговоры, и их содержание, и качество разговоров с Леонидом Николаевичем. И запечатлелся в душе одноэтажный особнячок, двор, поросший травой, и в дверях вышедший меня проводить Рахманов со своими туманными глазами, чуть улыбающийся. Народные бедствия, вроде войны, делают всех одинаково несчастными. Одинаковые заботы и горести объединяют. А после войны каждый озабочен на свой лад. Встретились мы в конце войны в Москве уже не так дружески. Точнее, каждый уже был озабочен своим. Холоднее встретились мы и в Ленинграде, хотя до сих пор качество наших разговоров при встрече остается все тем же. Он все из самых близких друзей. Но я уже достаточно трезв, чтобы увидеть разрыв между тем, что он может, и тем, что делает, заметить несчастные нафталиновые плотины. Или, говоря трезвее, осторожность и самолюбие, превратившиеся в демонов. Мы по — прежнему друзья, но, встречаясь в союзе, на собраниях, держится он от меня в стороне. Почему? Впрочем, он сторонится и всех остальных. Держится осторожно, в одиночестве. Каждый по — своему переносит последствия отравления бедствиями послевоенных лет. Рахманов держится в сторонке. А я, как ни в чем не бывало, разговариваю с теми, кого боюсь, как змей. Что лучше? Мы встречаемся от случая к случаю. Чаще я бываю у него, чем он у меня. Это уже превратности самолюбия. И каждый раз, забывая мелочи, узнаю я в нем существо высокой породы.

10 апреля

Сколько нерожденных детей. Сколько принужденного молчания. Роковая немота, — при остром и точном слухе. Вытопанное поле, запомнившее, как больно, когда топчут, и решившее, что бесплодие — меньшее из зол. Так мы и не узнаем, как вырос Рахманов в своем нелюдимом городе, как любил, что увидел, запомнил, что запало в душу, что испугало и отняло дар речи⁶²⁸. И кто всему этому виной? Бог знает!

Далее идет **Рест. Юлик Рест.** ⁶²⁹ Псевдоним. Он рад был бы совсем спрятаться, еще глубже, чем за псевдонимом. Его настоящая фамилия Шаро, и он действительно круглый, как тот колобок, что от бабушки ушел и от дедушки ушел. И спасся от многих других, желающих его съесть. Отличается он от знаменитого колобка черной щетиной на щеках и печальным, настороженным и вместе с тем нарочито безразличным выражением. И еще тем, что вы почти уверены, что данная разновидность колобка уйдет от всех без исключения. Жизнь современного колобка полна таких превратностей, что лучше и не задумываться о них. Не исключена возможность, что в превратностях невообразимого пути мог он сам съесть тех, кто собирался произвести с ним подобную операцию. А в смятении чувств — и тех, кто и не собирался этого сделать. Нет, нет, не смею углубляться в глубь его существа, за маску вечной небритости. Расскажу о более ясной его стороне. Была бы она и вполне светлой, если бы наш Юлик и тут не навел тень по мере возможности на вещи вполне доброкачественные. Я говорю о его таланте. Еще до войны затеяли в союзе одно дело. Театр.

⁶²⁷ Название города, повторяющееся в ряде рассказов А. Грина и в романе «Бегущая по волнам».

⁶²⁸ В 1977 г. Рахманов написал большую автобиографическую повесть. Некоторые главы ее были опубликованы («Нева», 1977, № 7). Отдельным изданием книга вышла в 1978 г. под названием «Люди — народ интересный».

⁶²⁹ Рест Б. (наст. имя и фам. Юлий Исаакович Рест — Шаро) (1907–1984) — писатель, корреспондент «Литературной газеты» в Ленинграде в течение двадцати лет. В 1950–е гг. — зав. литчастью Театра комедии.

Маленький, веселый театр или «устный альманах», как его называли, чтобы не было страшно: «театр» — шутка ли сказать. Называли его еще и «капустник» — это уж было совсем не страшно. На самом же деле, повторяю, затеяли в союзе театр и довели эту затею до конца. Безличную форму употребляю из уважения к скрытности Юлика. Это он затеял все дело и довел его до конца.

11 апреля

Он сколотил труппу, он добился денег у Дома писателя, он в основном написал всю программу⁶³⁰. Но при этом добился, чтобы на афишах и пригласительных билетах стояло чуть не двадцать фамилий авторов. Я, например, написал очень неудачный отрывочек для первой программы и сам же настоял, чтобы он был выброшен из спектакля. На это Реет согласился. Но фамилию снять мою — нет, этого он не допустил. Чем больше народа, тем легче укрыться. Репетировал он хорошо, актеры даже подарили ему какое-то блюдо. Репетировал самоотверженно. Весь зарос, перейдя всякую меру к концу работ. Тратил свои деньги — а он и в этом направлении осторожен до крайности — на бутафорию. Он был отцом и автором дела, но потребовал, чтобы несколько вступительных слов на премьере сказал я. Еще лишнее укрытие. Многие думали, что я чуть ли не основной автор спектакля, после того, как я открыл его. И премьера имела необыкновенный, редкий успех. Ее повторяли у нас, потом вывозили в Дом архитектора, в Дом художника, в Дом искусств. И каждый раз, когда пьеса шла в нашем помещении, Реет просто требовал, чтобы я говорил вступительное слово. Последний раз это произошло 31 мая 41 года, в день рождения Катерины Ивановны. И она ужасно огорчилась, что пришлось нам в этот день ехать из Сестрорецка, где мы уже поселились на даче, в город. Но Реет не мог, просто не в состоянии был пережить, что спектакль останется незащищенным и тем самым колобок окажется перед некоей пастью. И вместе с тем горечь наполняла его сердце, если он замечал, что люди, от которых он скрывал степень своего участия, начинают верить ему. Так мучился наш Юлик и наслаждался на разные лады, создав театр — не театр, где он был автором — не автором, выдвинувшись в первые ряды и спрятавшись в норку с целым рядом запасных выходов. После войны театр был восстановлен, потом упал без чувств, когда тучи сгустились на небе и молнии раз за разом стали лупить в кого попало. Даже Ресту пришлось уйти из «Литературной газеты».

12 апреля

Как раз накануне своего двадцатилетнего юбилея. Двадцать лет он был представителем газеты в Ленинграде — и вдруг рухнул, несмотря на все заслуги. Вот какие пошли времена. Вроде мора. Человек ни в чем не виноватый вдруг падал, наказанный за грехи, ему самому неизвестные, но записанные где-то там. И у Юлика вид стал еще более загадочный и отчужденный, и полные его щеки еще более почернели, ошетинились. О «Давайте не будем» и речи не возникало. Он написал пьесу, переделал заново комедию какого-то среднеазиатского драматурга⁶³¹. И снова имел успех, на свой лад, таинственный и затушеванный, полный горечи. Но вот его детище воскресло. Количество актеров возросло, но по — прежнему каждая программа доходила до зрителя только его трудами. Я видел его на репетициях, перед премьерой. Он целыми днями не выходил из Дома писателя, сердитый, больной, угрюмый, ревнивый. Его соавторы жаловались вечно на его упрямство. А сама

⁶³⁰ Реет написал текст капустника, или устного альманаха «Давайте не будем».

⁶³¹ Говорится о пьесе Реста по комедии Абдуллы Каххара «Шелковое сюзанне» (первый авторский вариант назывался «На новой земле»). Шла на сцене Ленинградского театра им. Ленинского комсомола в 1952 г.

программа? С одной стороны талант его толкал, как в пропасть, шептал: «Рискни, рискни, прыгни». И он писал вещи рискованные, острые. С другой стороны — он, колобок особого рода, знал все превратности и опасности, подстерегающие его на пути, и он ужасался собственному безрассудству. И все-таки талант брал верх, и Юлик выходил раскланиваться в толпе подлинных и привлеченных им для безопасности соавторов. К премьере он брился. Стоял он не в первых рядах авторов, заполняющих нашу маленькую сцену до отказа. Его лицо, как всегда, имело выражение настороженное и вместе с тем нарочито безразличное. И мне кажется, что множество грехов должно проститься нашему колобку из колобков, мастеру псевдонимов, за тот маленький, веселый, храбрый театр, который он породил как бы против воли.

14 апреля

Рахлин, директор книжной лавки Литфонда, обладал сладким, чуть дрожащим тенором, легко переходил от восторга к отчаянью, дело вел с истерической энергией. Лысеющий, с неровным румянцем, не рыжий как будто, но цвет лица рыжего человека. Низкозадый. Любил рассказывать, как уважают его значительные люди. И при этом хохотал нервно своим высоким, теноровым смехом: «Я ему — ха — ха — ха, как вы похудели, NN, а он мне — Все из-за вас. Не достали мне, ха — ха — ха, такой-то книжки, Геннадий Моисеевич, ха — ха — ха!» Обладал неслыханными связями — книги открывали ему все двери. Когда мы вернулись в Ленинград, Театр комедии долго не мог поставить мне телефон. А Рахлин сказал два слова, и все было сделано. Причем, надо признаться, что я не был из тех людей, которые покупали много книг, — я приехал небогатым. И вообще не был я книжником. Нет, просто услышал Геннадий Моисеевич, что наши администраторы никак не могут помочь мне, захохотал горделиво сладким своим тенорком — и через два дня устанавливали мне аппарат. Как все люди подобного характера, не скрывал он семейных своих горестей. То сообщал, что дочка больна, то, что жена свалилась — с глубокой, воистину библейской, любовью и местечковой суетливостью и испугом. Сложен человек!

Как я удивился, узнав — рассказывать, так рассказывать, — что он склонен к мужеложеству. Пол есть пол. Так вот откуда его сладкая, словно его тенорок, привычка обнять среди разговора собеседника и положить ему голову на грудь, будто ослабев от смеха. Его вдруг посадили в конце 40-х годов. Почему? Кто: нает. Во всяком случае не за бытовое разложение — потому что недавно реабилитировали. И он уже носится по городу, разворачивая с неслыханной энергией какой-то особый книжный магазин. Маленький, живучий, низкозадый грешник!

15 апреля

Рысс Симон Михайлович,⁶³² когда я познакомился с ним, был студентом, как и я, показался мне угрюмым. Встретились мы, кажется, в семье у доктора по фамилии Португалов, где сын хозяев играл на скрипке, а мы слушали. Тогда только — только начиналась Театральная мастерская, несло меня в эту сторону, я чувствовал смятение и беспомощность. Поэтому шел, куда меня вели: на репетицию, так на репетицию, в гости, так в гости. Так что не вижу сейчас, через туман тогдашних дней, как я туда попал? И сейчас, едва вспомнил о тех днях, понесло меня не в ту сторону. Симон Михайлович Рысс, профессор, терапевт, знаком мне еще со студенческих лет. Говоря о нем, непременно называли имя. Потому что были еще Цаля Рысс⁶³³, Лёся Рысс (ныне Березарк)⁶³⁴ и многие

⁶³² Рысс Симон Михайлович (1896–1968) — врач — терапевт, профессор.

⁶³³ Возможно, что имеется в виду Цезарь Георгиевич Рысс (р. 1898) — студент Высшего литературно — художественного института им. В. Я. Брюсова, работавший в Госиздате, часто бывавший в командировках в

другие Рыссы, похожие друг на друга, впрочем, только фамилией. В студенческие годы казался мне Сима Рысс угрюмым и замкнутым. В двадцатые годы, уже молодым врачом, удивил он меня веселым и открытым характером. Сейчас он уже профессор. Он тоже весел, но как издерган, как все щурит один глаз. Разговаривая, подходит излишне близко, берет за плечо, заглядывает в лицо — все по нервности и издерганности. Что врач практик, педагог, заведует кафедрой в Медицинском институте. Любит театр до страсти. Судит решительно. Но еще более решителен, когда дело касается музыки: выносит приговоры дирижерам окончательные, не подлежащие обжалованию. Он крупный, занимающий много места, с очень крупными руками человек, и ощущение задерганности и слабости в нем — масштабны. И разговоры его об искусстве теснят, особенно, если он берет тебя за локоть и заглядывает в лицо. Обстановка у него солидна. Напоминает адвокатские или докторские квартиры начала века. Темная мебель, ширмы, рояль, на нем фарфоровые статуэтки.

15 апреля

В большой комнате от обилия мебели тесно. Жена Симы существо очень привлекательное. Более прямая, мужская душа. И более в силу этого добрая. Туман от смятения чувств не мешает ей видеть и действовать. И мучаться смятение чувств и душевный туман защищают от боли. Много лет работала она в Куйбышевской больнице, и в конце сороковых годов ее заставили уйти. Сестра из этой больницы, что вспрыскивала мне камфору, когда я болел, вспоминала Веру Ивановну чуть не со слезами. Такого человека в больнице нет и не было. И с больными и со служащими добра. Каждого помнит, каждому поможет: «Идет она из корпуса в корпус, через двор, не меньше сорока минут. Каждый подбежит, каждый спросит совета или расскажет о своей беде». А уж если сестры хвалят врача, то тут уж можно поверить. Тем более, что не знала Марья Васильевна о моем знакомстве с Верой Ивановной. Вера Ивановна русская, родом из Саратова, но в наружности у нее есть что-то негритянское: вьющиеся круто волосы, смуглое лицо. Ростом она едва ли не выше Симы и очень крупна. И родила она сына, который на голову перерос своих родителей. Он студент — медик, унаследовавший от матери что-то негритянское. Черноволосый, толстогубый, но худенький и нежный. Глеб Григорьев ⁶³⁵ правильно заметил, что он похож чем-то на диснеевского Бэмби. Рыссы народ занятой. И мы встречаемся всегда с некоторым напряжением. То зайдут они днем до обеда и все поглядывают на часы, то забегут к нам в Комарове, гуляя в воскресенье. Иной раз бывали и мы у них. Редко. Всегда почти я один. Слово «интеллигенция» сейчас, к середине века, утратило свой первоначальный, относительно точный смысл. В начале века врачи, адвокаты, инженеры стояли примерно на одной степени развития. Какой — это второстепенно.

16 апреля

Сейчас инженеры — одно, а врачи другое, адвокаты потеряли самоуверенность, но читают и рассуждают о прочитанном, пожалуй, больше, чем прочая интеллигенция: тем просто некогда. Врачам, инженерам... Впрочем, все это требует особого рассказа. У Симы иной раз собираются профессора — опять-таки новый вид, отдельно развившийся вид интеллигенции. (Я так не люблю это слово, что даже не знаю, как его писать.) Как их определить? В начале века владели этим термином так уверенно, что были даже степени,

Петрограде.

⁶³⁴ Березарк (наст. фам. Рысс) Илья Борисович (Лёся) (1897–1981) — критик, театровед.

⁶³⁵ См. «Григорьева (рожд. Соловьева) Наталия Василм'и на», комм. 3.

точные величины (например: «в высшей степени интеллигентный». «Полуинтеллигентный»), А глядя на профессоров — медиков, не знал я, что о них можно сказать, пользуясь этой устаревшей терминологией. Вот один из них разносит доклад на конференции. Сердится. Говорит о том, что «этот субъект не хочет понять, что белок собаки одно, а белок человека другое». Происходит некое чудо — тебе самому не надо знать предмет, чтобы угадать в другом настоящее знание (читаешь ты его или слушаешь — все равно). И я угадываю это знание и в ясности выражений, и в непритворности увлечения. Но вот — о ужас — разговор меняется. Профессора заговорили о живописи. И тот же самый профессор с увлечением, уже фальшивым, несет такую чушь, называет такие имена, что, будь это в области медицины, это соответствовало бы эпохе доисторической. С кровопусканиями и прочим. Нельзя, конечно, требовать от человека, чтобы он был специалистом во всех областях. Но скромность суждений, по меньшей мере в чужой области, желательна. Второй профессор играл на рояле свои этюды, с усмешкой говоря: «Тут семьдесят пять процентов Рахманинова, остальное мое». Да это еще полбеды. Иные из собравшихся, чудилось мне, и в своей области не специалисты. А просто решились на это без особенных данных.

17 апреля

Что-то в их уверенности наводило на меня страх. Врачи земского типа, среди которых я вырос и в среду которых попал в Донбассе в 23–24 годах, казались куда более доброкачественными. А впрочем, опять я отошел в сторону. Сима Рысс крупный, с огромными лапищами, маленькими глазами, чуть заикающийся, приходит всегда, через силу выбрав время. И всегда он в смятении. Вера Ивановна внешне спокойна. Не суетится. Но иногда вдруг задумывается о чем-то своем так глубоко, что даже закрывает глаза. Сильно охватывает ее боль на несколько мгновений. Или какое-то мучительное представление. И эта внешне благополучная семья, с такой большой квартирой и с такой солидной репутацией, производит впечатление страдающей.

Рождественский В. А. П оэт. Сильно шепелявит. Большая семья: три дочки, жена. Человек высокой культуры. А цвет лица серый. Владеет отлично языками. За всю жизнь не написал ни одного живого слова. Вид отчужденный. Высота культуры приводит его в вечно уравновешенное состояние. Щеки словно бы отсыревшие и чуть обвисшие. Репутация нехорошая. Рассказывают... Впрочем, в эту темную область лучше не вносить света. Может быть, это говорят просто из неприязни, редко кто окружен таким дружным и стойким насмешливым, презрительным недружелюбием. А между тем, он так старается. В последнее время пишет оперные либретто и на всех совещаниях по этому поводу — шепелявый с головы до ног — поучает. И, о ужасы войны, имеет возлюбленных.

18 апреля

Жена у него открытый, прямолинейный, воинствующе — положительный персонаж. Недавно еще была красивой. Теперь седая. Рот у нее чуть перекосило, видимо, от пребывания в атмосфере темной и высококультурной, от которой отсырели и обвисли щеки поэта, а рот его стал похожим на лягушачий. Года два назад праздновали мы в Доме писателя юбилей его. Кажется, шестидесятилетие со дня появления этой темной души на свет. И писательские жены тревожились, а кто-то из них, по просьбе Рождественского, звонил в Комарово. Жена Рождественского узнала о какой-то его связи с молодой женщиной — о, силы небесные! О, ужасы войны! О, гибель молодых на фронте! О, радости беззастенчивой старости! И ввиду всего этого не хотела жена Рождественского присутствовать на торжестве мужа. Ну, вот и все. Он живет себе в своем подвале из моржовой кости.

Аркадий Райкин ⁶³⁶ — следующий по списку. Из эстрадников самый привлекательный. Нет выше для него счастья, чем играть. Он не пьет и не курит, и ест в меру, и даже дом его устроен и обставлен куда скромнее, точнее, безразличнее, чем у людей, зарабатывающих так много. Целый вечер, целый спектакль ведет он один, все держится на нем, да он и не вынес бы помощников в этом деле. Я когда-то писал о нем в специально для банкета после премьеры сочиненном послании: «конечно, актеры нужны, пока я меняю пиджак да штаны...» Он занимает первое место — и, надо признаться, по праву. Работает, вернее, отрабатывает, доводит он каждый выход свой, как изобретение, что далеко не так часто среди актеров. Подчас только циркачи так же старательны. Особенно те, у которых жизнь зависит от точности работы. Вот и Райкин так работает. И при этом он еще талантлив. И своеобразен. Он был окружен бешеной ненавистью товарищей по работе.

19 апреля

Начинаю сначала. Аркадий Райкин — имя широчайшее. Стало нарицательным: «шутки, анекдоты, хохмы — ну, просто Аркадий Райкин». Когда пришлось нам работать вместе, приехали мы как-то в Зеленогорск. Зашли в аптеку — маленькое помещенье позади разбитой снарядами церкви. И тотчас же продавщицы впали в состояние, среднее между столбняком и религиозным экстазом. Они отвечали на вопросы Райкина замедленно, а потом сразу бросались выполнять просимое. А Райкин словно бы и не замечал воздействия славы своей. Привык. Когда мы вышли, он заглянул в двигатель своей «Победы», раскрыв ее акулоподобную пасть. И какая-то пожилая дама спросила меня: «Простите, это Аркадий Райкин?» И радостно закивала, получив подтверждение. Словно подарок получила. Ленинградская эстрада держалась, да и до сих пор, по-моему, держится на сборах его театра. Дает он миллион чистой прибыли. И кормясь его стараниями, держа свой аппарат и рассылая свои малоодоходные бригады, — как ненавидит его руководство эстрады. В 51–52 году, работая с ним⁶³⁷, успел я подивиться на это противоестественное явление. Они делали все, чтобы помешать новому спектаклю появиться на свет. И их дружные усилия едва не привели к успеху. Увидел я Райкина задолго до войны. Году, вероятно, в 35-м. Его привела Шереметьева⁶³⁸, тогда ведавшая репертуаром эстрады, — показать талантливого молодого актера, ради которого стоит поработать. Совсем юный, высокий, кудрявый, черноволосый с наивными, печальными, огромными глазами, полногубый, курносый, производил он впечатление своеобразное и, в самом деле, необыкновенно приятное. И в нашей маленькой столовой показал он кусочки своих номеров так скромно и изящно, что ни разу я не смутился, слушая. И уже тогда угадывалась в нем одна его черта: это был неутомимый работник.

20 апреля

Он рассказывал, что придумал, рассказывал, что ему хочется сделать. И угадывался в

⁶³⁶ Райкин Аркадий Исаакович (1911–1987) — артист эстрады, с 1939 г. — артист и художественный руководитель Ленинградского театра эстрады и миниатюр.

⁶³⁷ В 1951–1952 гг. Шварц работал над текстом обозрения К. А. Гузынина (фактически переписывал его заново) для Ленинградского театра эстрады и миниатюр «Под крышами Парижа». Премьера состоялась 29 января 1952 г.

⁶³⁸ Шереметьева Екатерина Павловна — заведующая детским отделом Ленконцерта — была ассистенткой режиссера В. Н. Соловьева — учителя Райкина по Ленинградскому институту сценических искусств с 1930 по 1935 г. и режиссера Ленинградского театра рабочей молодежи, где начинал свою артистическую деятельность Райкин.

нем прежде всего человек, который свою работу считает основной. Для меня было открытием, когда я прочел в воспоминаниях Кугеля⁶³⁹, что он и его друзья считали работу газетную — случайной, занимались ею как бы поневоле — они надеялись стать со временем настоящими писателями. Один Дорошевич считал фельетоны делом своим кровным, придавал значение каждому словечку, возился с каждым фельетоном так же серьезно, как будто это рассказ! Ну и стал королем фельетона, а из тех, других, ничего не вышло, из тех, кто работал «пока», не уважал то, что делает. Люди подобного склада в большинстве случаев народ обреченный. Райкин, как и Дорошевич, «малую форму» уважал, и почитал, и никак не считал ее малой. И не по недостатку дарования, а по его своеобразию. Он чувствовал, что в театре ему делать нечего. В театре обычного типа. И вот начался его путь к своему театру. Я его после первой встречи не видел несколько лет. Но в 51 52 году, когда на афишах во всю ширину печаталось: «Аркадий Райкин», он как-то рассказал два — три случая, подтверждающих, как нелегко дался ему этот путь. Особенно трудны оказались обеспеченные, но вечно несытые эстрадные тузы. «Вы не представляете, что это за люди. Они совсем особой породы, ни либо обдумывают свои делишки, либо разыгрывают друг друга по телефону. Либо злобствуют. Страшнее и злобнее всех Смирнов — Сокольский⁶⁴⁰. Однажды я выступал в его программе. Я придумал такое начало: распахивается занавес, и я прямо на публику вылетаю на качелях. И, раскачиваясь, говорю монолог. Меня держат, по сигналу — толкают, и я взлетаю прямо над оркестром. Я решил проверить аппаратуру перед началом. Смотрю канаты перерезаны. Я взлетел бы и рухнул прямо в оркестр или в первый ряд.

21 апреля

«Ну, и что же вы сделали?» — «А просто ушел из театра и на вокзал. И в Ленинград». Но вот, так или иначе, добился он славы. И имя его заняло место во всю афишу. Году в 51 ночью, часа в три, позвонил он мне в омарово и предложил мне вместе с Гузыниным, автором программы, переделать ее. Заново. Иначе не выпускают спектакль. А чтобы он вышел, важно и для Акимова, который и делал декорации, и теперь ставит. И для айкина, предыдущую программу которого вырули в «Правде». И я, разбуженный среди ночи, согласился, понимая, что этого не следовало делать. Скоро аикин появился у меня. Он сильно изменился за долгие годы, что мы не виделись. Вздернутый нос и крупные губы придавали ему теперь грубоватое выражение, яркость прежних лет превратилась в хорошо выработанную вкрадчивость. Преуспевание не прошло даром, и пополнил. Одевался чуть слишком хорошо. И вместе тем благородство породы сохранилось. Он все так же резко отличался от других эстрадников. И прежде всего удивительной, жадной работоспособностью. Страстной, и любил свою славу. Жизнь. Но как-то между делом

Очень любил женщин, но халтурно. Сохраняя чисто национальную верность семье, семейным интересам. Работая с ним, убедился я, что все мое дело сводится к пригонке литературного материала к его возможностям. Мастера эстрады так же ограничены, как мастера цирка, только последние свои границы знают. Фокусы, так фокусы. Перш⁶⁴¹, так перш. И, овладев полетами под куполом, они только за это и берутся. Райкин же, будучи столь же резко ограничен границами своего жанра, принужден выяснять к каждому

⁶³⁹ Глава, посвященная московской журналистике и В. М. Дорошевичу из «Литературных воспоминаний» А. Р. Кугеля (М. — Пг., 1924).

⁶⁴⁰ Смирнов — Сокольский Николай Павлович (1898–1962) — артист эстрады. Создатель жанра устного сатирика — публицистического эстрадного фельетона.

⁶⁴¹ Цирковой эквилибристический снаряд — шест.

спектаклю, что он может, а что не может. Что выйдет, а что не выйдет. В этом повинна промежуточность его специальности: разговорник! То ли актер, то ли может он играть самого себя только, не отходя далеко от выработанной им маски. Трудность работы увеличивалась трудностью времени. Вспомнить жутко.

22 апреля

Его мягкость, превратившаяся с течением лет во вкрадчивость, в трудные минуты оборачивалась уклончивостью. Его «да» или «нет», в сущности, ничего не значили. Но это шло к нему, и в этом до такой степени не походил он на остальных представителей его искусства. Один драматург, получивший положительный ответ по поводу скетча, узнал, что берет Райкин скетч другого. И, по слухам, дал согласие — третьему. Тогда они собрались все вместе, как обманутые девицы, к Райкину и притянули его к ответу. И он, прижатый к стене, вдруг заплакал! Приехало московское эстрадное начальство. Из комитета. Наполнилось ядом здешнее. Им грозили чистые убытки в том случае, если программа не пойдет, но что им до того? Зарплата сохранялась! Они, поскольку могли, пользовались случаем. Райкину ставили в вину и то, что он заслоняет коллектив, и то, что он решает образ актера — борца и революционера поверхностно. Кусали, как могли, за талант, за успех, за собственные неудачи. И все же, после судорожных усилий, программу разрешили. Во многом обязаны мы были презрительной и заносчивой храбрости, с которой обращался Акимов с приезжим начальством. А приходилось ему в те годы трудно. Из театра его заставили уйти, вывели из состава Сталинского комитета, ругали при каждом удобном случае за формализм, а он держался с начальством, как власть имеющий. Выбрался я из всей этой истории, как из давки, переживая еще дома всю оскорбительность вынужденного пребывания в чужой среде. Но к Райкину осталось отношение отдельное. Благоприятное. И к его труппе такое же. Ну, вот и все. Так отчетливо воскресло в душе чувство насилия, испытанное в те дни, что я боялся, что не доплетусь до конца.

23 апреля

Раковский Леонтий Осипович. Он появился в поле зрения давно. Году в 24–25–м. Слонимский хвалил его рассказ «Конь». Но как только этот рассказ принимали куда-нибудь, так альманах или журнал закрывался. Не помню, — напечатали его в конце концов или нет. Мы смеялись над этим роковым его свойством и Раковский прежде всех. Добродушный, крупный, с лицом большим, туповатым по очертаниям: крутой лоб, короткий нос. Мы в 25 году втроем: Слонимский, он и я вели журнал «Ленинград». В одном углу просторной комнаты Маршак и Житков самоотверженно редактировали журнал «Воробей», а мы в другом работали больше со смехом. И больше из-за меня. Раковский обладал счастливой душой: жизнерадостной и честной. По робости. Попробуй роптать в столь суровое время. И он посмеивался и делал понимающее лицо, строгое, даже религиозное — в зависимости от обстоятельств. Посмеивался невинно, не подумайте дурного. Был до крайности покладист, до щепетильности честен — все по робости. Сейчас он несколько не изменился. Выглядит все таким же молодым, так же лишено морщин и свежо его туповатое большое лицо. Одно умерло: робость. Он написал толстый роман о Суворове, об Ушакове. Но эти большие, похожие на его простоватое и туповатое лицо книжки имели меньший успех, чем ему хотелось бы. И он стал сердитым — умерла самая привлекательная часть его существа. Воспалилось самолюбие. Он стал покрикивать: то в союзе устроит скандал. То на шофера накричит. Или на лифтера. Бог с ним. А какой был робкий, безвредный

24 апреля

Лена Рывина, гимназистка до седых волос, черноглазая, искренняя, болезненная и до

того нервная, что двух мыслей ей не связать.

Резвин Илья Маркович. Врач. Говорит нежнейшим тенором. Самоуверен. Женолюбив до того, что удален был из Куйбышевской больницы. Ростом невелик. Носит черную бороду. Часто напевает. Когда являлся делать мне кардиограмму, его сопровождала санитарка наша, Мария Иванна, женщина робкая, лицо в красных пятнах. Я всегда здоровался с ней, приходя в Литфонд. И, приученная к этому, она, приезжая, протягивала мне руку. И маленький, надменный, бородатый Резвин за ее спиной со снисходительным презрением усмехался и указывал мне на нее глазами. Он не считал ее за человека из глубокого уважения к образованию. Сделав кардиограмму и проявив ее здесь же, чего, в сущности, он не обязан был делать, Илья Маркович, ослабившись, прощался. Нюша Никритина называет его прозвищем длинным, но чем-то его определяющим. А именно: «Сильва, ты меня не любишь!» К ней, когда она хворала, он являлся, ослабившись и напевая эту самую песенку.

Дальше следует в телефонной книжке врач противоположного характера. Профессор **Рабинович Константин Николаевич.** С ним познакомился я в 1936 году, когда он делал операцию Катюше. Он тоже бородатый, невысокого роста, но от бороды до выражения глаз ничем не похож на предыдущего. Папа стоял при операции на пульсе. Говорит, что подобного хирурга — поищи. Художник! И, кроме того, он был связан с людьми. Он сочувственно говорил со мной, добр, действительно добр был с больными, любил, действительно любил науку, а не звание профессора. Много ли? Пропись как будто. И какое редкое явление! Но его и любили за это.

27 апреля

И студенты, и больные. Вот он входит в палату, где лежит после операции Катюша. Ее должны перевести в общую, самый тяжелый послеоперационный период кончен. Профессор поздравляет больную. — «Вы довольны?» — «Да. Я боюсь только, что в общей палате не разрешат курить». — «У нас нигде нельзя курить», — отвечает Константин Николаевич и протягивает Катюше открытый портсигар. У Рабиновича была в те годы жива жена. Она потеряла рассудок, кажется, после вторых родов. Рабинович был необыкновенно ласков с женой и каждый вечер водил ее гулять, шел с ней под руку, внимательный, заботливый. В глазах его — никакой благодати и доброты не ощущалось. Скорее, взгляд чуть дерзкий и скрытно насмешливый. Конечно, жил он жизнью человеческой, как все мы, грешные. Но мне посчастливилось увидеть его подлинную сущность, силу, которая сказывалась вне его человеческих свойств. Вне бытовых, которым грош цена, когда говоришь о человеке до такой степени одаренном. И как всегда это бывает, он не позволил себе и пальцем шевельнуть, когда в трудные годы стали его преследовать, отобрали кафедру, сняли с работы в институте. Ему за семьдесят. Но он все так же свеж, бодр, внимателен, глаза глядят дерзко и чуть насмешливо. Затаенно насмешливо. И работает во всю силу.

А вот второй **Рабинович — Лазарь Аронович.** Высокий. Серьезный. Небрежно одетый. Хирург Куйбышевской больницы. Был у нас, когда заболела Катя острым приступом аппендицита. Говорит внимательно, не случайно. Внушает доверие, а больше я ничего не знаю о нем.

А вот третий **Рабинович — Николай Семенович,** музыкант. И этот прост. Нетороплив в движениях. Как и все предыдущие, говорит без малейшего акцента. Имеет странный тик. Непобедимую дурную привычку — жует язык.

30 апреля

Рабинович Николай Семенович жует язык, засунув его за щеку. Делает он это посреди разговора. Делает это, дирижируя, чем смущает оркестр. Отличный музыкант, о чем

говорили такие люди, как Зандерлинг⁶⁴² и сам Шостакович. Как дирижера его ставят ниже. Мне кажется, что тут дело в некотором его целомудрии при выражении чувств. Он пластически — застенчив, что чувствует оркестр. Однажды я слышал, как играл он с Шостаковичем Четвертую симфонию Брамса в четыре руки. Удивительно сдержанно, словно читали для своих вслух, без примеси декламации. Но и в достойных качествах есть своя обратная сторона. Те самые понимание и вкус, о которых говорят с таким уважением товарищи Николая Семеновича, ему самому мешают. Связывают. Мы чаще встречаемся летом. На даче они всегда живут в Комарове. У него прелестная жена Ирина Леонидовна, адвокат. Несмотря на то, что у нее дочь уже студентка, выглядит Ирина Леонидовна совсем девочкой. Да и Николай Семенович моложав, хоть ему и сильно за сорок и он пополнил на еврейский лад. Лицо худощавое, а живот наметился. У мужа и жены один велосипед. Когда я вижу, как правит он к нашей даче, горделиво откинувшись по особенностям конструкции дамского велосипеда, с легкой сединой в нагосо подстриженных бачках, жуя язык, я испытываю удовольствие. Очень хороший, простой человек, а кроме того — музыкант! Дар для меня загадочный и вызывающий почтение.

2 мая

Рысс Самуил Борисович, отец Жени Рысса, старик, которому уже за семьдесят. Большой лоб, увеличенный лысиной, полузакрытые черные глаза, словно от долгой и трудной жизни его тянет в сон, но взгляд все еще внимательный, вечно встревоженный. Рост большой. Так же страстно любит театр, как его племянник Сима, но любовь его более деятельна. В молодости он и его брат собирались на сцену. Отец разрешил одному. Другой обязан был получить специальное образование. Инженерное, кажется. Братья бросили жребий. И вот Самуил Борисович отказался от сцены, по жребию, а брат его стал артистом, в свое время довольно известным в провинции. На старости лет решил Самуил Борисович вернуться к мечте своей юности. Он приходил к Антону Шварцу, просил заняться с ним художественным чтением. Когда тут не получилось, устроился он завитом в Областной театр. И тревожился за свой театр и за всю театральную жизнь города, и его полузакрытые глаза глядели печально. Бог одарил его душой нежной, уязвимой, любящей. И поэтому ему жилось нелегко. Когда умерла его жена — уверенная и красивая женщина, он сказал: «Жалко, что не я умер. Мою смерть она перенесла бы легко...»

3 мая

И теперь он все тревожится и невесело глядят его усталые полузакрытые глаза. Женя, единственный сын его, человек прелестный, но вечно переживающий чрезвычайные происшествия, не дает старику покоя. Не требованиями или просьбами, о, если бы! Нет. Полным молчанием. А слухи о Жениных приключениях быстро разносятся по узкому кругу, в котором мы живем, и старик приходит в смятение. То Женя разводится, то он начинает пить свыше меры, то выступает на собрании со слишком рискованной речью. То просит секретаршу, чтобы передала она одному из главарей ССП, назначившему, а потом отменившему прием ему, Жене, что тот подлец. «Передам!» — отвечает секретарша спокойно. — «Не забудьте!» — «Нет, нет, я запишу!» — отвечает секретарша. Мы, услышав это, испытываем даже некоторое удовольствие, а старик не спит ночами. С невольной, свойственной именно таким характерам жестокостью Женя совсем не пишет отцу. И с характерной для него неряшливостью в денежных делах не помогает ему. А старик уже потерял место в Областном театре. И то позирует — художникам нравится его лицо, — то от случая к случаю снимается в кино, в массовках. Он самодлюбив, денежной

⁶⁴² См. «Варченко Нина Платоновна», комм. 1.

помощи от племянника не примет, хоть ты умри, а сын в своих чрезвычайных происшествиях, поездках, романах, скандалах — просто начисто забывает, точнее, откладывает на потом мысли о старике. Сейчас, впрочем, положение несколько прояснилось. Женя развелся окончательно. Его новая жена пишет Самуилу Борисовичу часто. И налаживается жизнь беспокойного его сына. Как будто налаживается. И все же этот старый, усталый человек звонил мне извиняющимся голосом: «Евгений Львович! Меня смотрели для массовок в «Дон Кихоте».

4 мая

«Признали годным для герцогского двора. Но с тех пор не звонят и не звонят. Если вас не затруднит, между делом, к случаю, спросите у заведующей актерским цехом. Они были очень довольны, и костюм подошел, а теперь вот не звонят». Я спросил и узнал, что Самуил Борисович и в самом деле очень подошел для герцогского двора — настоящий старый испанский придворный. Но снимать его будут только осенью.

Разумовский А. В. ⁶⁴³ Драматург. Пишет вместе с Бехтеревым⁶⁴⁴. Он имеет вид задумчивый, степенный, глядит через очки основательно, внимательно, словно дело делает. Бахтерев же имеет вид испуганный, если перевести на слова, то выйдет: «ой, попадусь». Разумовский роста несколько выше среднего. Бахтерев же поменьше. Задуман как кругленький, но какие-то болезни извели его. На лице пигментация, темные пятна. Извелся. Оба люди земные. «Насекомым — сладострастье, — Ангел богу предстоит». Они предпочли первое. С глубокой верою, что это и есть удел разумного человека, а все остальные ломаются и приспособляются. Это касается не только личных развлечений. Тут жизнь их меня совсем не интересует. Впрочем, как это ни странно, именно в прямом сладострастии они вдруг по насмешке судьбы испытали человеческие горести. От кого-то из них ушла жена, и кто-то из них страдал, как человек, а не как насекомое. Пишу со слов. В области же литературы они употребили для удовлетворения и ублажения историческую тематику. А именно генералиссимуса Суворова. Не имея никаких чувств, кроме желания, они состряпали пьесу довольно грамотно, и она держится по сей день.

5 мая

Люди, возле которых терлись они в самом начале своего пути, в двадцатых годах, «обэриуты»⁶⁴⁵, тоже презирали (кроме Заболоцкого) какие бы то ни было правила поведения. Я опять возвращаюсь к женщинам. Но для тех это являлось частью отрицания более высокого. Они, как юродивые, спасались. Бахтерев же и Разумовский усвоили самую доступную для них сторону устава того монастыря, в который сунулись сдуру. Они искренне полагали, что Хармс пишет непонятно не потому, что хочет писать чисто, а из деловых соображений. Вокруг каждого монастыря и вокруг учения любой чистоты собираются,

⁶⁴³ Разумовский Александр Владимирович (1907–1980) — драматург.

⁶⁴⁴ Бахтерев Игорь Владимирович (1882–1980) — драматург.

⁶⁴⁵ «Обэриуты» — члены литературно — театральной группы «Обэриу» (Объединение реального искусства), существовавшей в Ленинграде в 1927 — начале 1930-х гг. Обэриуты провозгласили себя «творцами не только нового поэтического языка, но и создателями нового ощущения жизни и ее предметов». «Достоянием искусства», по их словам, становится «конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи», и в поэзии «с точностью механики» его передает «столкновение словесных смыслов» (манифест обэриутов в «Афишах Дома печати», 1928, № 2). Их творчеству свойственны алогизм, абсурд, гротеск, которые не были чисто формальными приемами, а выражали некоторую конфликтность мироуклада обэриутов. В группу входили А. И. Введенский, Н. А. Заболоцкий, Д. И. Хармс и др.

сползаются, налипают подобного рода монахообразные, ученикоподобные существа. Хармс относился к слову как подобает. Появление в детской литературе его и Введенского было очищением.

Я помню, как смеялся надо мной Хармс за то, что в «Карете с приключениями» в одном рассказике написал я, сам того не заметив, слово «моментально». Он даже стихи сочинил — забыл одну строчку. Примерно так: «Иван Иванович подскочил, моментально обмочил, (забытая строчка) и обратно отскочил». А вот как относится к слову Разумовский. Выступая на очередном совещании по драматургии, он сказал: «Задача завлита — встретить меня с директором, встретить меня с режиссером, встретить меня с коллективом». Как говорит Бахтерев — не знаю. Он больше помалкивает, с таким выражением, будто его вот — вот схватят за шиворот. А Разумовский, тот говорит. И перед съездом печатал статьи в газетах. О задачах драматургии⁶⁴⁶. Видимо, на совещании было у них решено, что Разумовский должен для дела стать общественником. Так вот они и живут. Покрываются пятнами, словно бы от сырости, выжидают, когда добыча не идет, наслаждаются, когда охота удачна. Были бы безвредны, если бы не развращающая уверенность, что так и надо жить, все такие.

С

6 мая

Сукова Татьяна Викторовна,⁶⁴⁷ — артистка Театра комедии и режиссер, ее самодеятельная труппа при Выборгском Доме культуры прославилась на весь Союз. Ходит мужской походкой, движения угловаты. Играет характерные роли. Человек подчеркнуто прямой. Умышленно прямой. Личного счастья не видала, однако не сдается. Выстроила себе домик в Токсово на перешейке между двумя озерами. Выходит навстречу друзьям в ватнике и брюках, заправленных в сапоги. В руках садовые ножницы или лопата. Сапоги блестят, промокли в сырой траве. За ней два жесткошерстных фокса, потерявшие голову от такой радости: чужие приехали, можно отвести душу, и они задыхаются от лая. Георгины теснятся на клумбе, поднимают свои роскошные пустые головы. Холодная вода, мокрая трава, осень близко, но Татьяна Викторовна весела. Работает. Я очень любил ее мать, Надежду Всеволодовну⁶⁴⁸. Я познакомился с нею в Сталинабаде. Ей было сильно за восемьдесят — она из первого выпуска женщин — врачей. Несмотря на возраст свой, сохранила она голову вполне ясную. Круг ее знакомств был необыкновенно велик. Она кончала курсы вместе с Линтваревой⁶⁴⁹, упоминаемой часто в письмах Чехова. Усмехнувшись, Надежда Всеволодовна махнула рукой и сказала пренебрежительно: «Влюблена была в Чехова. Впрочем, она вечно влюблялась». Но тут же похвалила ее и всю семью Линтваревых⁶⁵⁰. Хорошие люди. И с самим Чеховым была знакома Надежда Всеволодовна. Встречала у

⁶⁴⁶ Статья Разумовского «Драматург и театр» была напечатана в «Ленинградской правде», 1954, 8 декабря.

⁶⁴⁷ Сукова Татьяна Викторовна (1899–1968) — артистка, режиссер. С 1937 по 1959 г. — в труппе Театра комедии. Исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

⁶⁴⁸ Сукова Надежда Всеволодовна (1862—?) — врач — гинеколог. С 1898 по 1928 г. работала врачом в Дирекции бывш. императорских театров.

⁶⁴⁹ Линтварева Елена Михайловна (1859–1922) — врач, близкая знакомая семьи Чеховых.

⁶⁵⁰ Линтваревы — владельцы имения Лука близ г. Сумы Харьковской губ., где Чеховы жили на даче.

Сувориных⁶⁵¹. И я не могу себе простить, что так и не собрался расспросить ее о людях, которых она узнала за долгую свою жизнь. По роду своей работы встречала она самых разнообразных людей. И она рассказывала хорошо и охотно. А я все откладывал. Так и не успел.

7 мая

Миша Слонимский⁶⁵² для меня — вне суда, вне определения, вне описания. Он был со мной в те трудные, то темные, то ослепительные времена, когда выбирался я из полного безобразия и грязи — к свету. Грязь и безобразие — это конец Театральной мастерской, неуспех Холодовой, что и я принял, и она заставила меня пережить хуже любого личного несчастья. Потребность веры — и полная пустота в душе. Полное отсутствие заработка. Полная неуверенность в себе. И рядом с этим — безумная, безрассудная, увлекающая других веселость. Доходящая до вдохновения. Отсюда — знакомство и дружба со Слонимским и Лунцем, да и почти всеми «серапионовыми братьями»⁶⁵³. В Доме искусств устраивались вечера, где мы ставили так называемые кинокартины. В качестве актеров действовали зрители. Те, кого я называл. Сценарии писал Лунц, но я отступал от них, охваченный безрассудным, отчаянным и утешительным вдохновением. Каждый, кого я называл, выходил и действовал. Оставались нетронутыми зрители солидные и взрослые. Замятин⁶⁵⁴, Ахматова, Корней Чуковский, Волинский⁶⁵⁵, Шишков, Мариэтта Шагинян⁶⁵⁶ и другие. Ольга Форш, когда писала книгу «Сумасшедший корабль»⁶⁵⁷, вспомнила эти вечера и изобразила меня под именем Геня Чёрн. Доброжелательно, но непохоже. «Сумасшедший корабль» — это тогдашний Дом искусств, помещавшийся на Мойке в особняке Елисеева. Будь времена более ясные и будь мы постарше (впрочем, мне уже исполнилось 25 лет) — положение, что занял я при писателях, могло бы казаться унижительным. Из любви к литературе развлекал я литераторов. Но я не веселил, а веселился. И все остальные — со мной. И Миша Слонимский в случае особенно удачного вечера говорил: «Чего вы удивляетесь? Очередная вспышка гениальности, да и все тут». И эти вечера были для меня спасением.

8 мая

⁶⁵¹ Суворины — семья журналиста, драматурга, издателя газеты «Новое время», организатора драматического театра в Петербурге Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912).

⁶⁵² Слонимский Михаил Леонидович (1897–1972) — писатель. Друг Шварца, автор воспоминаний о нем.

⁶⁵³ «Серапионовы братья» (по названию кружка друзей в одноименном романе Э. — Т. — А. Гофмана) — литературная группа, основанная 1 февраля 1921 г. в Петрограде при Доме искусств. В нее входили И. А. Груздев, М. М. Зощенко, Вс. В. Иванов, В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, Н. Н. Никитин, Е. Г. Полонская, М. Л. Слонимский, Н. С. Тихонов, К. А. Федин. Они регулярно собирались для чтения и обсуждения своих произведений. На их собраниях часто бывал Шварц.

⁶⁵⁴ Замятин Евгений Иванович (1884–1937) — писатель.

⁶⁵⁵ Волинский Аким (наст. имя и фам. Аким Львович Флексер) (1863–1926) — литературный критик, искусствовед.

⁶⁵⁶ Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) — писательница.

⁶⁵⁷ Книга Ольги Дмитриевны Форш (1873–1961) «Сумасшедший корабль» вышла в Издательстве писателей в Ленинграде в 1931 г.

Папа в 23 году решил перевестись из Майкопа в Туапсе, в одну из тамошних санаторий. И позвал меня к себе, на лето. И я, по удивительному легкомыслию тех лет, позвал с собою Слонимского. И он так же легко согласился. В Туапсе папе не понравился старший врач. И решил папа взять другое место. В Донбассе. Возле Артемовска, тогдашнего областного центра. В больнице. На соляном руднике имени Карла Либкнехта. И мы с Мишей, с божественной легкостью тех лет, решили ехать в Донбасс. Весна в 23 году была поздняя. Уезжали мы в конце июня, а листья на деревьях еще не достигли полного роста. И вот высадились мы на маленькой станции Соль, перед самым Бахмутом. (Тогда еще он не назывался Артемовском). Папа, несколько смущенный, встречал на бричке, запряженной двумя сытыми конями. Степь, еще зеленая, лежала перед нами. И на меня так и пахло Майкопом, когда увидел я дорогу за станцией. Пожалуй, тут дорога была более холмистой. Ехали мы среди травы, которую солнце еще не выжгло. Кобчики носились над степью. Все это вижу так ясно, что не знаю, как описать. Все вижу, вплоть до высокой, худощавой фигуры отца, с откинутой назад седой головой, в белом плаще. Привезли нас в белый домик, где у отца была квартира. Две комнаты и кухня. И через несколько дней Миша так вошел в наш быт, как будто всегда был у нас. Он никому не мешал и не мог помешать. В двадцать пять лет это был рассеянный, легко задумывающийся, длинный, тощий, с умоляющим и вместе рассеянным взглядом больших черных глаз человек. Он все задумывался, так глубоко, что ничего не слышал и не отвечал на вопросы. В те дни это значило, что обдумывает он рассказ. И, глядя на меня испуганно, он заявлял, к примеру, следующее: «Я решил начало убрать. Просто — бандиты вешают начальника станции, а потом уже начинается сюжет». Тогда еще он строил рассказы странно.

9 мая

Тогда еще гражданская война была любимым материалом молодых писателей. И Слонимский об этом и писал рассказ. И не случайно. Каждый день слышали мы истории о бандах Маруси, или Махно, или безымянных атаманов. Рассказывали о страшной, похожей на сон, облаве в соляных рудниках. Старые разработки тянулись под поселком, словно кротовые норы. Никто, с бегством старых владельцев, не знал толком планов этих подземных ходов, перепутанных, как паутина. Бандиты, с помощью сообщников своих, скрылись в норах. С земли снабжали их едой. Но вот сообщников арестовали. В норах начался голод. Рабочие заметили, что стали у них пропадать завтраки. Поняли почему. И началась облава, как по крысиным норам. Всех перебили. Рядом с нами жил человек, по фамилии Чаплин, — сытый, белобрысый, хозяйственный — знаменитый в гражданскую войну командир партизанского отряда. Этот ничего не рассказывал о героическом своем прошлом, только военную форму сохранил. Я ехал с ним из города на линейке, на собственной его линейке. И он говорил с увлечением знакомым мне с детства русско-украинским говором обо всем: об урожае, о ценах, о бабах, о сегодняшнем курсе червонца, но только не о своем героическом прошлом. Уже въезжая в поселок, переправились мы вброд через узенькую, но быструю речушку. И конь наш вдруг зашатался и рухнул. На неподвижном красном лице Чаплина с белыми ресницами ничего не отразилось. Он освободил коня от сбруи и сказал: «Вы мне заплатите да идите до себе. Вин встанет». И, получив с меня пять миллионов — столько брал он за коней, — объяснил Чаплин, что если конь дуже хочет пить, а ему не дать, когда он идет вброд, то вин падае. И минут через десять после моего возвращения домой приплелся и Чаплин на линейке, шажком. Чаплин не вспоминал о гражданской войне, жил новым. А оно отчетливо намечалось.

10 мая

Нэп казался и привычным, и чудовищным после всего, что было пережито. Частные магазины с хозяевами, которые сами не верили, что они хозяева. Могучие базары — эти не смущались: шум, нет, ровный гул, и не ярмарочный, лихорадочный, пьяный, с шарманкой,

каруселями, и гармоникой, и выкриками, — а именно базарный, здоровый гул. Изредка жеребец закричит отчаянно или беззастенчиво завизжит поросенок. Жизнь медленно и неуверенно входила в русло, удивляясь тому старому, что сохранилось после отчаянной ломки последних лет. Трудно было понять то, что совершалось сегодня. И все писали о гражданской войне, и Миша сосредоточенно размышлял: «Слушай, а если начать так: начальник станции вступил в банду, чтобы спастись. И скачет с железнодорожным фонарем в степь». Вскоре после нашего приезда выяснилось, что бандиты не перевелись. Мальчик пошел в рудоуправление. Сын одного из счетных работников. И прибежал домой растерянный: «Мама, воны сплять» — сказал он своим украино — русским говором. Как спят? Поднялась тревога. Все руководство рудоуправления лежало на полу неподвижно. Налетели бандиты «верхами». Забрали деньги, приготовленные для зарплаты рабочим, приказали всем, кто был в конторе, лечь на пол и лежать полчаса, по круглым стенным часам. Кто встанет раньше, будет застрелен. У окна стоит часовой, сторожит. Был часовой или не был, но руководство и бухгалтерия отлежали честно минут двадцать. Отлежали бы и все тридцать, да мальчик прибежал с криком, что «они спят». Сбили погоню. Но бандиты все равно успели скрыться неведомо где. То ли в степи, то ли на заброшенном руднике. Вокруг поселка тянулась степь. Изредка балочки, деревья, кусты. Но к вечеру на небе, не по — ленинградски черном, появлялись звезды до того яркие, что казались Мише незнакомыми. И мы без труда уверили его, что тут виден Южный Крест. К этому времени мы узнали Ивановых.

11 мая

Если идти от нас прямо, в направлении к больнице, то проходили мы редкий лесок, потом пустырь — казалось, что у степи тут, среди поселка, маленькие, но прочные владения, потом беленький домик — здесь жил доктор Иванов — младший, однофамилец старшего, длинный, худой, молодой, с полной, здоровой, сердитой, неукротимой женой. Дальше, за участком степи, начинались больничные здания — одноэтажные, кирпичные. За больницей белел домик. Здесь жил фельдшер. Высокий человек с длинной седой бородой. Папа говорил, что он из тех фельдшеров, что лучше многих врачей. Опыт сделал из него великолепного диагноста. И вот за его домом мы вступали в область, полную значительности, многообещающую. За пустырем, в садике или рощице стоял дом доктора Иванова — старшего. Мама хорошо помнила эту семью — его сестер и родителей по Рязани. Семья была дворянская. Имение — недалеко от города. И говорили о них, когда мама была еще девочкой, с почтением и некоторым страхом. Кого-то из них арестовывали, кого-то ссылали. Кто-то скрывался у них в имении. Дом доктора Иванова, просторный, потемневший, стоял в саду или рощице, в которую превратился теперь сад. Большая открытая терраса, мезонин, выглядел дом печально, как человек после операции, что продлила ему жизнь, но ненадолго, и он чувствует это. Забор вокруг дома давным — давно сломался, и никто не собирался его восстанавливать. Дорожки в саду заросли, яблони одичали. Только в самом доме порядок поддерживался прежний. Кабинет хозяина поражал обилием книг — полки от пола до потолка. Большой письменный стол. Тридцать лет налаживалась тут жизнь, и как ни сильны были удары, обрушившиеся на дом Ивановых, он жил еще. Сам хозяин доктор Иванов, стройный, легкий, худой, с тонким лицом, с темными глазами, с характером ясно выраженным: мягким, но вместе упорным, живучим, седой, сильно гложущий, избалованный за долгую жизнь любовью и уважением, но не изнежившийся. Жил, как привык за тридцать лет. Читал лекции.

12 мая

Рабочим. В клубе, как было заведено много — много лет назад. Только теперь на них поглядывало косо начальство, новое, недавно приехавшее на рудник, это еще что за

кустарщина в политпросветработе? Впрочем, старые рабочие, входившие в завком, поддерживали доктора. Да и о чем он читал? О солнечной системе. О японском землетрясении. Кстати, опережая события, расскажу. О японском землетрясении написал он статью для журнала «Забой» по моему заказу⁶⁵⁸. И свирепый редактор Валь⁶⁵⁹ выскочил, фыркая и сердясь, из своего кабинета, — статья оказалась написанной по старой орфографии. Я не придавал этому значения, зная упрямство доктора, а Валь принял это чуть ли не за демонстрацию. Нет, просто доктор не мог отказаться от некоторых привычек, выйти из колеи, — это убило бы его. Так с весны уезжал он каждое воскресенье в Серебрянку, в селение километрах в 15 от либкнехтовского рудника. Там ловил он на озере щук. По семейным преданиям, — не поймал он еще ни разу, а все ездил. Каждое воскресенье. И каждый день уходил с утра в больницу, где ждали его пациенты. Сначала обход больных, потом — амбулаторный прием. Вечером сидел он за столом над книгами или выходил к нам, гостям. Ему трудно, невозможно было выйти из колеи, страшный удар обрушился на их дом. Недавно, в гражданскую войну, потеряли они двух сыновей. Один умер от брюшного тифа, другой пропал без вести. И Сергей Константинович и Наталья Владимировна (не путаю ли я ее отчество) жили, но ошеломленные, оглушенные. Это я понимаю теперь. Понимал, впрочем, и тогда, но отворачивался, по молодости лет. Хозяйка дома выглядела старше мужа. Отяжелевшая, спокойная, седая, сидела она за самоваром, разговаривала с нами внимательно. Однажды сказала она: «Старость лучше. Столько глупостей делаешь в молодости...» И вдруг улыбнулась. Как мне почудилось, тем самым глупостям, о которых отозвалась так пренебрежительно. И я был поражен. А мы делали глупости. Дом Ивановых был полон. Племянница с детьми.

13 мая

Дочка хозяйкиного брата, известного в свое время политического защитника Жданова⁶⁶⁰. С нею — двое детей. Племянница по фамилии Круковская. Анечка. Сергей Константинович как-то сказал, усмехаясь: «Наследница венгерских королей. Фамилия — то ее Корвин-Круковская». Несмотря на знатное происхождение, имела Анечка лицо никак не венгерское, а вполне отечественное, курносенькое. Казалась она девушкой веселой и простой. Но однажды рассказала, как отравилась толченым стеклом, много его приняла и хоть бы что. «Почему же вы хотели умереть?» — «От счастья. Я так в те дни была счастлива, что хотела умереть». И я до сих пор не понимаю, что это? Я по простоватости, которая на меня иной раз накатывает, понял ее слова буквально, или она ответила на мой дурацкий вопрос насмешливо." Впрочем, помнится, разговор был душевный и я несколько раз переспросил Анечку. У нее был жених, угрюмый, длинный, с наголо обритым черепом и недобрым взглядом. Или бывший жених. Инженер как будто. Рассказывали, кажется, что он тяжело болел. Твердо помню, что был это человек жестокий. Избил свою охотничью собаку, чуть не до полусмерти, за свою же собственную вину — он недосмотрел и собака сошлась с каким-то беспородным кобелем. Эти углы скрываются как бы во мгле. Угол, из которого возникает в памяти этот угрюмый, наголо обритый, длинный человек с недобрым взглядом, скрывается, как бы во мгле. Тридцать лет и три года пережито с тех пор. И каких! Зато весь ивановский дом стоит передо мной, как будто ушел я оттуда вчера, а предстоит мне идти к

⁶⁵⁸ Летом — осенью 1923 г. Шварц работал секретарем редакции журнала «Забой», выходившего в Бахмуте (позднее Артемовске).

⁶⁵⁹ Валь Валериан Владимирович — журналист, в 1923 г. редактор журнала «Забой» и газеты «Всероссийская кочегарка».

⁶⁶⁰ Жданов Владимир Анатольевич (1869—?) — присяжный поверенный, защитник по политическим делам.

ним сегодня вечером. И причиной тому — Наталья Сергеевна. Все мы звали ее по имени отчеству, хотя было ей лет совсем немного — она только что кончила школу и должна была осенью ехать в Москву учиться. Держалась она с достоинством. Не молчаливо, не строго, а с достоинством. Она болтала с нами так же весело, как мы с ней, хорошо рассказывала. Но мы Анечку звали Анечкой, а ее — Наталья Сергеевна. Она внушала уважение, что в женщинах нравилось мне больше всего. Некоторая таинственность ощущалась в ней. И ты понимал — ни от какой, самой большой близости не исчезла бы до конца. Люди другого толка считали эту ее особенность просто- напросто холодноватостью. И решительно ошибались.

14 мая

Вот это и называлось, вероятно, вечно женственным. Я вообще был влюбчив, а тут вырвался из Ленинграда, из обстановки, похожей на пожарище, даже квартира моя тогдашняя пропахла гарью: мы восстановили чью- то сгоревшую квартиру. Все рухнуло. Закрылся театр, в котором я работал без всякой охоты, растерянно, но все- таки работал, занимал какое- то место в жизни. Университета я не кончил. К литературе приблизился, но работать, писать — все не решался. Попробовал, впрочем, написать пьесу для детей — с приключениями. Действовали там пираты. Лунц похвалил, похвалил и Слонимский, но мания ничтожества крепко держала меня в руках, и я не осмелился показать это сочинение больше никому. Причем начинали мы пьесу вместе с Колей Чуковским. Но с первых же сцен я почувствовал, что не вынесу никакого постороннего вмешательства. Это наряду с манией ничтожества. Но в конце концов от возни с пьесой, несмотря на то, что меня как бы поддерживали, осталось чувство горечи и неуверенности. Побывал я секретарем у Чуковского, но и это меня не приблизило по — настоящему к литературе. И вдруг вместо ежедневного напряженного моего семейного жития, вместо вечных угрызений совести и сознания, что жизнь пропадает (а эти чувства, несмотря на мою хорошо обработанную, безотказную беспечность, непрерывно, как фон, ощущались), жизнь легкая, южная, свободная, среди близких людей или среди таких, что, как Ивановы, свободно читались. Мания ничтожества касалась литературы. А с людьми я чувствовал себя свободно. С понятными людьми. Поворот начался давно, с переезда в Ленинград. Но тут я вдруг почувствовал, что поворот непременно произойдет и я из болота выберусь на дорогу. Лицо у Натальи Сергеевны было простое, широкое, русское, с небольшим упрямым носом, нижняя губа чуть выступала. Глаза серые глядели спокойно. Прекрасны у нее были волосы — две большие косы носила она еще на школьный лад. И я, в смятении чувств, влюбился — не влюбился и, наконец, на самом деле влюбился в Наталью Сергеевну. Вот как я рассказываю о Мише Слонимском. Но ужасно хочется распутать весь клубок чувств.

15 мая

И тут я перестану рассказывать о себе. Любовь кончилась ничем. К концу лета сделалась она, как это вечно у меня случалось, мучительной. У других это называлось бы игрой. Наталья Сергеевна вдруг, без особых причин, переставала со мной разговаривать. А у меня с майкопских лет выработалось умение тяжело переживать подобного качества обиды. И так далее. Осенью она уехала, а в 24 году все потихоньку прошло. Но именно потому, что кончилась любовь ничем, она сохранилась в памяти в том возрасте, в каком умерла. Как друзья, умершие в юности.

Возвращаюсь к Слонимскому. И он не то был влюблен в Наталью Сергеевну, не то не был. Как до этого — в молоденькую Рину Зеленую⁶⁶¹. А до этого в артистку Пыжову⁶⁶².

⁶⁶¹ Зеленая Рина Васильевна (1902–1991) — артистка эстрадах, снималась в кино.

⁶⁶² Пыжова Ольга Ивановна (1894–1972) — артистка, педагог, режиссер.

Об этой, последней, он даже написал рассказ «Артистка». Миша пережил детство непростое. Деспотическая мать⁶⁶³. Старший брат, от которого он был далек по ряду причин⁶⁶⁴. Брат — пианист⁶⁶⁵, преподававший музыку трагически погибшему сыну Скрябина (мальчик утонул). А Мишин брат после этого долго болел. Нервами. Сестра⁶⁶⁶, которую Миша никогда не вспоминал, тоже, видимо, далекая ему. И, наконец, брат, ближайший ему по возрасту⁶⁶⁷, с которым Миша был дружен и рос вместе. И тот заболел туберкулезом. И болезнь быстро развилась. И умирал он сумасшедшим, и Миша не отходил от него. Глядя на меня своими огромными, растерянными черными глазищами, рассказывал Миша, как начинал несчастный больной играть с ним в шахматы и вдруг посреди игры, свирепо фыркая, сшибал щелчками фигуры с доски. А главное, мать — владыка семьи — бешено деятельная, безумно обидчивая и самоуверенная, как все женщины подобного вида, беспредельно. Легко было Мариэтте Шагинян говорить со смехом: «Обожаю Фаину Афанасьевну. Она — олицетворение женщины. Вот это и есть вечно женственное!» Попробовала бы она расти и жить под вечной грозой и нескончаемым ураганом. Отсюда беспомощный Мишин смех и взгляд и воля, может быть, и не сломленная, но ушибленная. Отсюда же его уживчивость и нетребовательность тех лет. Отсюда и многие душевные ушибы.

16 мая

«Серапионовы братья» Мишу любили. Собrania их чаще всего происходили в Мишиной комнате. Зайдешь к нему утром, он еще лежит в кровати и курит, закинув руки за голову, узкая грудь, худые ключицы. И всегда к этому времени у него люди. И Миша курит, кто знает, какую папиросу натошак и не собирается вставать. Кто только ни бывал у него из проживающих в Доме искусств. Лунц, маленький, легкий, без признака сутуловатости, но в посадке большой его головы что-то чувствовалось от горбуна. В том, как закидывал он голову, в тонкой его шее. Он был весел, доброжелателен. И жизнь открывалась перед ним так богато, что он даже терялся. Не мог решить — остаться ли ему при университете или отдаться только искусству. Рассказы его были суховаты, программно — сюжетны. Но в пьесах был настоящий жар, и сделаны они были из драгоценного материала. Это был прирожденный драматург милостью божией. У него — как чудилось ему и всем нам — огромное будущее. Пока, правда, он жил в комнате, выходящей окнами во двор, сырой и темноватой. Работал с утра до вечера — кончая университет, писал. Заболел ревматизмом. Но как будто вылечился. Он собирался после государственных экзаменов съездить за границу, повидать родных, вернуться и выбрать себе дорогу. Все его любили, да и нельзя было не любить его, до того он был ясен. И весел. В те времена, «серапионовы братья» на вечерах Дома искусств не только устраивали живой кинематограф. Они еще играли в жмурки. И была еще одна игра: Лунц садился посреди, а друзья вокруг, и все должны были повторять за ним его движения. Тут Лунц доходил до шаманского вдохновения и заражал

⁶⁶³ Слонимская (рожд. Венгерова) Фаина Афанасьевна (1857–1944) — мать М. Л. Слонимского.

⁶⁶⁴ Слонимский Александр Леонидович (1881–1964) — литературовед, писатель.

⁶⁶⁵ Слонимский Николай Леонидович (1894–1996) — музыковед, композитор, пианист, дирижер.

⁶⁶⁶ Сазонова (рожд. Слонимская) Юлия Леонидовна (1884–1957) — литературовед, театральный критик, журналистка, в молодости — актриса.

⁶⁶⁷ Слонимский Владимир Леонидович (1895–1915).

всех. Он и по коленям своим колотил, и вскакивал, и вертелся. И язык показывал, и все это со страшной быстротой — раз — раз — раз. И все за ним. И все за ним. И так уставал, что Антон Шварц однажды после этой игры, зайдя в соседнюю гостиную, увидел, что лег на диван Лунц — да и уснул, как заигравшийся ребенок. Мариэтта Шагинян.

17 мая

Эта была старшей из Мишиных гостей, как Лунц был младшим. Мариэтта Сергеевна появлялась в состоянии умозрительного исступления. То она прибегала с требованием, чтобы Миша отказался от литературы. У него не хватает *heilige Ernst*⁶⁶⁸. Они слишком уж много говорят о нанизывании, острашении, обрамлении, а где *heilige Ernst*? У них, у молодых? «Нет, Миша, бросайте, бросайте писать, пока не поздно!» А Миша кричал ей так, что вены надувались на его длинной шее: «Если я не буду писать, то умру!» И он смеялся беспомощно. — «Вы слышите меня? Я не могу бросить писать! Умру! Слышите?» Он говорил чистую правду, но Шагинян по глухоте своей не слышала его, да и не хотела слышать. Она пришла высказать мысли, возникшие за работой там, в глубинах елисеевского особняка. Иной раз прибегала она сообщить, что живет за стеной, которую не пробить — глухота и близорукость. «Я не вижу и не слышу, я оторвана от жизни, и самое страстное мое желание — к ней пробиться». Вот она все читала Гете и ездила по стране — все хотела присоединиться и к жизни гармонической, а вместе с тем и к той, другой, которая существует и не дается, эмпирической. И любовь к этой, последней, была острее, как всякая безнадежная любовь. А однажды потрясла нас среди разговора сообщением, что решила влюбиться в простого человека, гориллу: «Я еще не была по — настоящему женщиной», — говорила она своим спокойным, тускловатым голосом. Она принадлежала к породе глухих, которые разговаривают тише, а не громче обыкновенного. «Да, я замужем и у меня ребенок, но я хочу идиотского женского счастья. Хочу романа с гориллой». И в умозрительном исступлении своем в качестве гориллы выбрала Жака Израилевича, сложнейшего, самолюбивейшего, путаннейшего человека. Именно человека. И конечно, ничего из ее романа не вышло. Он и не начался. Форш к Мише не заходила. Она работала по утрам, и весь Дом искусств знал об этом, — так громко она кричала за работой. Бывал Пяст, глядя так, словно не понимает, куда зашел.

18 мая

Да, видимо, и в самом деле он не отдавал себе в этом отчета. Он до того был углублен в запутаннейшие ходы своих мыслей, что я каждый раз удивлялся, когда узнавал он меня на улице. Говорил Пяст голосом дрожащим, будто вот — вот разрыдается, что при отсутствующем, безразличном взгляде его светлых глаз казалось совсем странным. Он принадлежал полностью к поколению писателей умерших, к более чистым символистам, чем создатели школы. Блок мог в четырех строчках дать живое, живейшее изображение пассажирского поезда. А Пяст не видел ничего вокруг. Он переводил Стриндберга⁶⁶⁹⁶⁷⁰, писателя второстепенного, по причинам внечеловеческим казавшегося им всем, даже крупнейшим представителям школы, значительным. В начале двадцатых годов сходил Пяст несколько раз с ума. Начиналось это обычно с того, что в одном из темных и длинных коридоров, в глубинах Дома искусств или, говоря проще, в служебных помещениях бывшего

⁶⁶⁸ Святая серьезность (*нем.*).

⁶⁶⁹ Пяст (наст. фам. Пестовский) Владимир Алексеевич (1886–1940) — поэт, переводчик.

⁶⁷⁰ Стриндберг Юхан — Август (1849–1912) — шведский писатель.

елисеевского особняка находили Пяста стоящим лицом к стене и на одной ноге. На вопросы он не отвечал, с места сойти отказывался, и скорая помощь увозила его в психиатрическую лечебницу. И вскоре он возвращался в состоянии обычном для себя. В нем угадывалось что-то значительное. Heilige Ernst налицествовала в самых своих высочайших степенях. Но увы, в годы гражданской войны, голода, разрухи, полного перерождения его среды ключ к его значительности был утерян. Он тоже считался потомком королей, как и Анечка Круковская, но только не венгерских, а литовских. И в своей рассеянной серьезности походил на такового. Но однажды в «Звучащей раковине» я был сильно удивлен — Пяст шутил! Читал шуточные стихи о поэтах московских и петроградских, о том, как по — разному оценивают их в каждом из городов. Читал своим обычным голосом, будто с трудом преодолевая слезы, но громко, особым напевом: «Павлович⁶⁷¹ для вас — пасс, Павлович у нас — бас!» «Для вас Нельдихён⁶⁷² — тлен, у нас Нельдихён — член!» и так далее. Тут же я узнал, что читает Пяст громко, особым напевом, не просто, а с умыслом.

19 мая

У него была своя теория декламации, о которой он делал доклады. О чем только не делались тогда доклады в гостиных и залах елисеевского особняка с атласными беспружинными креслами. Вместо пружин в сиденьях умещалось некое пневматическое устройство. Сядешь, и кресло заципит негромко, и ты в нем покачаешься, и оно тебя устроит в своем пневматическом ложе куда мягче и ласковее, чем в любом пружинном. И были они белые, как и вся мебель какого-то из Луи, кокетливые. И тут же подлиннные скульптуры Родена⁶⁷³ с его подписью. И читал там Волынский об элевациях, и двойных батманах, и о прочем, придавая читаемому смысл балетно — трансцендентный и с библейской страстностью. Здесь же, в глубинах особняка, помещалась его балетная школа, дела которой, видимо, шли не слишком хорошо. Все время Петроток грозился обрезать свет всему Дому искусств за неоплаченные счета балетной школы. И к нему, Акиму Волынскому, ключи были утрачены. Но он занимал куда более твердое место в действительности, чем Пяст. Он был председателем правления Дома. И когда в коридорах проносилась его тощая фигура и видел ты его профиль — фас у него отсутствовал — то испытывал ты уважение. Он читал доклады. И Пяст. И Сологуб⁶⁷⁴. И Чуковский. И Замятин. Напряженная умственная жизнь, казалось, шла в Доме искусств, но мы не принимали ее всерьез. У молодых шла своя жизнь. Они не верили в значительность старших. Ключ был утерян. Как и старшие не принимали всерьез верхний этаж елисеевского особняка, где, по преданиям, жила некогда прислуга владельцев. Распутывая, ушел я за ниткой клубка в сторону. Появлялась в Мишиной комнате и бывшая жена Ходасевича⁶⁷⁵, невысокая, худенькая с беспокойными глазами, темными и словно выбирающими. Его самого видел я мало.

20 мая

⁶⁷¹ Павлович Надежда Александровна (1895–1980) — поэтесса, переводчица.

⁶⁷² Нельдихен Сергей Евгеньевич (1891–1942) — поэт, критик.

⁶⁷³ Роден Огюст (1840–1917) — французский скульптор

⁶⁷⁴ Сологуб (наст. фам. Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927) — писатель.

⁶⁷⁵ Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) поэт, литературный критик.

Раза два, все в тех же гостиных, на каком-то докладе. О нем говорили уже восторженно. Не в пример угасающим и непонятым представителям уходящего поколения, этот вдруг заговорил на новый лад. Переродился. Отыскал вдруг ключ к самому себе. Ходасевич был страшен. Лицо его походило и на череп, и вместе с тем напоминал он увядшего, курносого, большевротого, маленького телеграфиста с маленькой станции. И страдал экземой. И какая-то, кажется, туберкулезная язва разъедала ему кожу на пятке. Обо всем этом рассказал мне Коля Чуковский, восхваляя его стихи и с ужасом и восторгом говоря о его недугах. И о том долгом его литературном прошлом, когда считался Ходасевич поэтом второстепенным, «эпигоном». «Он ненавидит папу! — рассказывал Коля. — Он как-то сказал: «Чуковский, давайте дружить!» — на что отец промолчал. И он не может ему этого простить!» Но в дни, когда я его видел, был он признан всеми, вышел в первые ряды. И вдруг исчез с громом и шумом — бежал с молодой поэтессой Ниной Берберовой⁶⁷⁶ в Германию. Опять я отвлекаюсь — говорю не о Мише, валяющемся до одиннадцати в своей комнате на третьем этаже Дома искусств, а об ощущениях от всего Дома в целом. Итак, Миша Слонимский воскликнул, беспомощно хохоча, когда Мариэтта Шагинян предложила ему бросить литературу, ввиду отсутствия в его писаниях *heilige Ernst*: «Если я не буду писать, то умру!» И в этом восклицании не было преувеличения. Миша был отравлен или пропитан склонностью к своей профессии. Дед его⁶⁷⁷ был известный общественный деятель и публицист, так называемый «просветитель», проповедующий, что евреи должны принимать культуру страны, в которой поселились. Отец⁶⁷⁸ сотрудничал и заведовал каким-то отделом «Вестника Европы». Родной дядя по материнской линии был известнейший профессор, историк литературы Венгеров⁶⁷⁹. Зинаида Венгерова была его теткой⁶⁸⁰.

21 мая

Он унаследовал от предков хорошую голову. Мог играть в шахматы вслепую. Когда он рассуждал, голова работала без перебоев. Но душа у него была уже и тогда уязвленная, запутанная, внушаемая. Начинал он — от души. Первые его рассказы, особенно «Варшава», были ему органичны. В дальнейшем стал он притворяться нормальным. И — потерял дорожку. В Донбассе, когда пришло время возвращаться в Петроград, произошло событие, перевернувшее всю мою жизнь. Слонимский зашел в редакцию. Чтобы помогли ему с билетом. С железнодорожной броней. И редактор предложил ему организовать при газете журнал «Забой». И Слонимский согласился с тем, что секретарем журнала останусь я. Мы съездим в Ленинград, вернемся и все наладим. После чего я останусь еще на два — три месяца, а он, Слонимский, уедет и будет держать связь с журналом, посылать материал из Ленинграда. Так мы и договорились. И уехали. И вернулись обратно. К нашему ужасу старого редактора на месте не оказалось. Новый, по фамилии Валь, худенький, с безумными

⁶⁷⁶ Берберова Нина Николаевна (1901–1993) — писательница, поэтесса, литературный критик. Эмигрировала в 1922 г.

⁶⁷⁷ Слонимский Зиновий (Хаим Зелиг) Яковлевич (1810—?) — еврейский ученый, публицист, общественный деятель.

⁶⁷⁸ Слонимский Леонид — Людвиг Зиновьевич (1850–1918) — публицист, с 1882 г. — постоянный сотрудник и член редакции журнала «Вестник Европы».

⁶⁷⁹ Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — и торик литературы, библиограф.

⁶⁸⁰ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867–1941) — литературный критик, историк литературы, переводчица.

глазами, маленькой бородкой, с перекошенным от вечного гнева ртом, пришиб нас своей энергией. Он потребовал, чтобы мы, пока собирают материал для журнала, сотрудничали в газете. И тут я пережил первое в своей жизни чудо. Я написал фельетон раешником о домовом, летающем по Донбассу. Материалом были рабковские письма. И, придя в редакцию, я услышал, как Валь читает мой фельетон вслух секретарю и кому-то из сотрудников. А затем он вышел из кабинета. Обычная яростная улыбка отсутствовала. С удивлением глядя на меня, он сказал, что фельетон ему нравится и он сдает его в набор⁶⁸¹. И я испытал спокойствие.

22 мая

Именно — спокойствие. Значит, я на что-то годен в той области, которую выбрал. Конечно, газетный фельетон — это не литература, но Слонимский был доволен. Поэтому и трудно писать мне о нем трезво — такие вещи не забываются. Он словно был польщен тем, что дела у меня пошли так хорошо. Следовательно, все-таки вошел я в одну из комнат, самую пусть маленькую, но в доме, о котором столько мечтал. Я писал, и меня печатали! И в самом деле, без этого шага не сделал бы я следующего, не написал бы первой детской книжки все тем же раешником, которому научился в Донбассе⁶⁸². Итак, съездивши в Петроград, вернулись мы с Мишей обратно. Потом приехал Груздев⁶⁸³, который решил тоже устроиться в газете. Все поселились у нас на руднике. Груздев и Миша спали на полу в просторной кухне, где, впрочем, не готовили, так что там кухней и не пахло. И все ссорились, как и подобает братьям. Тут я впервые увидел Мишу в ярости. После какого-то теоретического спора Миша сел на своем тюфяке и воскликнул трижды: «Ну, в таком случае ты дурак, дурак, дурак!» На что Груздев улыбнулся таинственно и сдержанно, будто довольный тем, что раздражил брата по Серапиону.

Несмотря на молодость содружества, там уже накопились чисто семейные обиды друг на друга. И сжились братья уже настолько, чтобы высказываться открыто. Свирепый Валь отверг одну за другой статьи Груздева. И в самом деле — академический, литературоведческий тон не шел к газете «Всероссийская кочегарка». И Миша был доволен. И со свойственной ему цикличностью мышления повторял, шагая по комнате задумчиво, примерно раз в десять минут: «Я говорил Илье, что в газете ему делать нечего». О чем бы он ни начинал думать, мысли его приводили к этому заключению. Был Слонимский в те дни куда беспечнее, чем впоследствии. Но вот он не получил ответа по поводу своего рассказа, сданного в какой-то журнал. И заскучал.

23 мая

Беспомощно хохоча и шагая взад и вперед по комнате, он повторял каждые десять минут: «Ведь понимаю, понимаю, что это неврастения, и ничего не могу с собою поделаться». О чем ни начинал думать, возвращаясь все к тому же заключению, Миша страдал. И хохотал беспомощно, понимая, что это ему только кажется, будто его в Ленинграде все забыли,

⁶⁸¹ Фельетоны Шварца (псевдоним — Щур) «Полеты по Донбассу. (Наш раешник)» печатались в газете «Всероссийская кочегарка» по воскресеньям — 16 сентября, 18 ноября и 9 декабря 1923 г.

⁶⁸² Весной 1924 г. Шварц отдал С. Я. Маршаку для издания первую большую рукопись в стихах «Рассказ старой балалайки». Вначале «Рассказ старой балалайки» был напечатан в журнале «Воробей» (1924, № 7), а в 1925 г. издан Госиздатом отдельной книжкой.

⁶⁸³ Груздев Илья Александрович (1892–1960) — критик, литературовед.

отбросили, затоптали. Почта приходила не на станцию Соль, с которой приехали мы на Либкнехтовский рудник, а на другую. На ветке, а не на магистрали. Надо было пройти мимо больницы, мимо дома Ивановых, с их садом или рощицей, и дальше по степи. Станция белая, маленькая стояла на солнце одинокая, без единого деревца. Служила. Колокол у двери. Окошечко кассы. Окошечко почты и телеграфа. Со стороны платформы — рельсы, линии телеграфа. Телеграфист. Сухой, подходящий к скрипению цикад и сухому жаркому воздуху стук телеграфного аппарата. И степь по ту сторону станционного здания. Телега. Ленивый крик: «Цоб! Цобэ!» Волы в облаке пыли. И несколько раз приходил тут Миша в отчаяние. Придешь — и нет письма. И нет перевода. Но вот, наконец, выдали ему у окошечка и то и другое. И кончилось шагание по комнате взад и вперед. В последний раз воскликнул он, но уже в прошедшем времени: «Я ведь знал, что это неврастения!» — и успокоился. Когда, съездив в Ленинград, вернулись мы на Либкнехтовский рудник, я был горестно удивлен переменами, которые произошли за короткий срок моего отсутствия. Август по новому стилю. По старому — июль. А трава ка пустыре перед нашим домом пожелтела. И множество сухих листьев на деревьях. Лето сожгло. Общими силами стали мы собирать первый номер журнала «Забой». Валь кричал. Секретарь редакции Тардов⁶⁸⁴, по выражению Олейникова, сидел перед кабинетом Валя с примерзшей улыбкой. Слонимский уехал. Но я не чувствовал себя одиноким: познакомился, а потом и подружился с Олейниковым и с Эськой Паперной. Впрочем, это другая история.

24 мая

В 24 году Миша женился. Свидетелями были я и Федин. Из серапионовских барышень Дуся⁶⁸⁵ нравилась мне больше всех. Она училась на биологическом. Даже, кажется, кончила его. Она была очень хорошенькой в те годы. И имела свой характер. И была умница. Одно время нравилась мне она не меньше, чем Наталья Сергеевна. Но это опять другая история. Записывались Миша и Дуся в бывшем дворце бывшего великого князя Сергея Александровича, в бывшем особняке Белосельских — Белозерских. Назывался он в те дни Дворец Нахимсона, и помещались в нем райком партии (который теперь занимает все помещение) и райсовет. Там в загсе Миша и Дуся записывались. А я и Федин были свидетелями, чем-то вроде шаферов. Дуся все плакала, а Миша смеялся беспомощно. Мы долго ждали очереди. Когда уже позвали нас к столу, где регистрировались браки, Федин вдруг пропал. Я кинулся его искать и услышал его красивый баритон из уборной. Он зывал о помощи, ибо дверь в уборную защелкнулась сама собой снаружи. Освободив пленника, я побежал с ним к брачащимся. Церемония прошла быстро. Девица, совершавшая ее, сказала в заключение голосом, в высокой степени безразличным, без знаков препинания: «Поздравляю брак считается совершившимся к заведующему за подписью и печатью». В ресторане быв. Федорова на улице Пролеткульта заняли мы отдельный кабинет. Здесь Дуся опять плакала, а я, по ее словам, сказал ей: «Чего вы плачете, Дуся, когда приобрели на всю жизнь таких друзей, как я и Федин». Вряд ли я сказал именно так, но Дуся уверяет, что так оно и было, и до сих пор поддразнивает меня этой фразой. С этой свадьбой кончилась Мишина жизнь на третьем этаже Дома искусств. Он перебрался в большую комнату на улице Марата, где жила Дуся.

25 мая

⁶⁸⁴ Тардов Михаил Семенович (1892–1948) — русский и украинский писатель, секретарь редакции, позднее — редактор газеты «Всероссийская кочегарка».

⁶⁸⁵ Слонимская (рожд. Каплан) Ида Исааковна (Дуся) жена М. Л. Слонимского.

24 год. Я снова работаю вместе с Мишей Слонимским, но на этот раз — в Ленинграде. Вернувшись из второй поездки в Донбасс, где опять работал в газете и журнале, я было испугался: трудно было после работы, где всем ты нужен и тебя рвут на части, остаться вдруг в тишине. Правда, у меня уже печаталась первая книжка. Встреча с Маршаком определила окончательную дорогу. Но платили в те дни за книжки до смешного мало. И когда Слонимский предложил работать с ним в журнале «Ленинград»⁶⁸⁶, я очень обрадовался. Трудно передать легкость этих дней. Я не ждал и не требовал ничего — наслаждался тем, что так или иначе выхожу на дорогу. Да, я был еще недоволен собой, но, в конце концов, состояние это не являлось новостью. А Миша женатый несколько не изменился. Все так же уходил вдруг в дебри повторяющихся мыслей. То высказывал их, то нет. Работали мы в доме, где помещалась редакция и типография «Ленинградской правды». В первом этаже, в большой комнате. Остальные занимала бухгалтерия. Из писателей чаще всего сидел у нас Василий Андреев⁶⁸⁷. Человек безумный. Бледный. Тощий. С лицом, словно поврежденным в драке, — не то перебит нос, не то изуродованы уши. Всегда пьяный. Писал о налетах, бандитах, преступниках. Получалось у него это талантливо. Иногда — болезненно. В одном, например, рассказе убивали у него человека так: забивали рот кляпом, а потом, покуривая и посмеиваясь, затыкали ему ноздри двумя пальцами. Однажды пришел Василий Андреев особенно пьяным. Мы сидели в буфете на пятом этаже. Я заставляю его выпить нарзану.

26 мая

И вдруг, к моему ужасу, он хватает бутылку и швыряет ее в открытое окно. Мы замерли. Тишина, продолжающаяся ровно столько времени, сколько нужно бутылке для того, чтоб от пятого этажа долететь до мостовой. И сам Андреев, испугавшись, придал искалеченному лицу своему выражение еще более полного опьянения, открыл рот, уставился остекляневшими глазами в угол. Удар. Звон разбитого стекла. Радостный вопль мальчишек. Все обошлось! И Андреев ожил и пошел куражиться с этажа на этаж. Однажды видел я любопытнейшее столкновение его с Маршаком. Встретившись с ним в дверях, Андреев сказал Самуилу Яковлевичу что-то неопределенно — пьяно — вызывающее. Маршак мгновенно весь собрался, откинул голову и сказал строго: «Со мной так нельзя разговаривать. Запомните! Со мной так не разговаривают!» Было это сказано с такой силой убеждения, что Андреев — любитель пошуметь и схлестнуться — только хихикнул неопределенно и умолк. А через час рассказывал мне же, забыв, что я был свидетелем столкновения: «Ох, нагнал я сейчас страху на Маршака! Он мне говорит: «Со мной до сих пор никто так не разговаривал». Производил Андреев впечатление печальное. Нет — зловещее, как сгоревший лес. Ты понимал, что произошли в нем, в самой его глубине, разрушения необратимые. Бывала в редакции Елизавета Полонская⁶⁸⁸. Горемыка, глядевшая то кротко и умоляюще, то обиженно и угнетенно. Владела она языками, и работала врачом, и переводила, и писала стихи, и лечила, но все выглядела какой-то неустроенной, не нашедшей себе места в жизни. И сын у нее был. Мужа не было. И бывал в редакции поэт Оксенов⁶⁸⁹, длинный, высокий, приносивший стихи на случай. И

⁶⁸⁶ Со второй половины 1924 г. по октябрь 1925 г. Шиарц работал секретарем редакции журнала «Ленинград».

⁶⁸⁷ Андреев Василий Михайлович (1896–1941) — пиштоль

⁶⁸⁸ Полонская Елизавета Григорьевна (1890—11МШ) поэтесса, переводчица.
Оксенов Иннокентий Александрович (1897 IU45I) поэт, критик, переводчик
См. «Гаккель Евгений Густавович», комм. 17.

⁶⁸⁹ Журнал «Воробей» выходил с 1923 по июль 1924 г., с августа 1924 г. стал выходить под названием

познакомился я с Соколовым⁶⁹⁰.

27 мая

Впервые я увидел его, когда делал Петр Иванович иллюстрации к «Рассказу старой балалайки». Когда поэма — так называл ее Маршак — печаталась в «Воробье». (Впрочем, может быть, журнал уже получил многозначительное, хоть и не слишком понятное имя «Новый Робинзон»⁶⁹¹.) Петр Иванович пришел в нашу крохотную, хоть и четырехкомнатную квартиру. Толстогубый, как негр, смугло — бледный, с глазами черными и маленькими, с лицом некрасивым, но значительным. Он сказал, что вещь ему нравится. Но что я лично лишен физиологической тоски. Я не понял тогда, что он этим хочет сказать. Впоследствии я узнал, что это его очередное открытие. Как все люди, много и страстно думающие, Петр Иванович имел на разные периоды своей жизни различные открытия, в которые глубоко верил, пока не сменялись они новыми. Человек одаренный. Нет, даже с признаками гениальности, он не успел сделать то, что мог, по роковой переменчивости. Открытие сменялось открытием, манера письма манерой. Нашел он свой путь незадолго до трагической своей гибели. Когда мы познакомились, был он еще учеником Петрова — Водкина. Немного погодя поносил он уже его со своим особым спокойствием, покачивая головой, необыкновенно красноречиво. И убийственно. Это была натура воистину русская и неудержимо деспотическая, родственная Эрасту Гарину. Но начисто лишенная его добродушия и простосердечия. Он казнил решительнее. «Физиологическая тоска» обозначала у него следующее. Человек, работая, испытывает особое физиологическое ощущение, то же, что обладая женщиной. Каким бы то ни было способом. И эта тоска — необходимое условие успеха в работе. Правда, он признавал ее только в себе. Петров — Водкин оказался лишен ее начисто. Лебедев — иногда. Он мерял нас ею, физиологической тоскою, отсутствием ее или наличием, пока теория эта не умерла вместе с манерою писать того периода.

28 мая

По неудержимой страстности натуры, он в утверждениях и отрицаниях своих не всегда бывал справедлив. Но верил в то, что говорит, как российский сектант. И всегда был готов казнить и благословлять. Казнил, впрочем, охотнее. Но бывал и тронут до слез. Всего однажды, впрочем, наблюдал я это последнее явление — у Житковых по какому-то поводу стали читать вслух «Пир во время чумы». И Петр Иванович слушал, блаженно улыбаясь, и слезы выступили на его глазах. Он, Житков, Гарин, Олейников, Хармс (отчасти) доказали мне с несомненностью, что деспотизм — неизбежная национальная особенность наших крупных людей. Я видел, как безобразничает и куражится профессор Сперанский по той же несчастной внутренней неизбежности. И чем хуже идет прямое дело подобного типа гениев, тем решительнее и убедительнее казнят и поносят они грешников, по большей части из близких. Грехи-то найдутся у каждого! Петр Иванович был удивительный рассказчик. Как некоторые рассказы Житкова (устные) превратились как бы в собственные мои воспоминания, так и рассказы Петра Ивановича были словно вместе с рассказчиком пережиты и так и вспоминаются. В Судаче, где провели мы месяц на одной даче, рассказал он как-то, как впервые почувствовал себя художником. Было ему лет тринадцать. Захворал

«Новый Робинзон».

⁶⁹⁰ Пахомов Алексей Федорович (1900–1973) — художник, автор иллюстраций к произведениям Шварца.

⁶⁹¹ Бармин Александр Гаврилович (1900–1952) — детский писатель.

он ангиной в тяжелой форме. И уже поправляясь, заскучал. На стене висел портрет Чехова. Стал Соколов его копировать. И обрадовался, и поразился, как карандашом можно передать мягкость волос бороды. Пришла мать — счетная работница управления железной дороги. Удивилась работе сына. И отнесла учителю рисования. А тут подросла ученическая выставка, работы с которой продавались. И Петр Иванович получил пять рублей за свой портрет. И учитель ему прислал открытку с пейзажем Шишкина. Велел скопировать. «Пять рублей, шутка сказать! И я решил постараться. Сiju, срисовываю».

29 мая

«И вдруг так захотелось мне нарисовать среди сосен — березку! (Печально покачивает головой.) Так захотелось! И вот пошли мурашки от крестца по спине. И с полной уверенностью, что совершаю преступление, нарисовал я березку». Перед войной 14-го года учился Петр Иванович в Париже. Однажды, все с тем же меланхолическим покачиванием головой, рассказывал он нам целый вечер о парижской своей жизни. О веселой уличной толпе. О том, как ранним утром открывает он окно. Посвистывая, катит почтальон на велосипеде. Вот он заговорил с булочником. Оба засмеялись. Вмешался в их разговор прохожий. Хозяин булочной увидел Петра Ивановича в окне, помахал колпаком. И все веселы. Рассказывал о кафе «Ротонда», о том, как однажды вечером он вскарабкался на дерево и произнес речь, почти не зная языка, но такую, что его качали. О молоденькой проститутке, как ему чудилось, что вся

Франция возле и он с ней. Как девчонка холодно и решительно отказалась остаться дольше условленного времени. И Петр Иванович жаловался на это с досадой наивной и незабытой, будто обидела его француженка только вчера. Рассказывая, говорил он часто о цвете, находя сложные определения, например: глухие, винные тона. И всегда возвращался к живописи. С завистью рассказывал, что во Франции мелкий служащий, приказчик, рабочий стоит перед картиной, — и ты чувствуешь, что он ее понимает. Живопись во Франции народна. Пахомов⁶⁹² называл Петра Ивановича: «король штриха». Но сам Петр Иванович считал, что без станковой живописи художника, все равно что не существует. Это было главное обвинение, которое предъявлял он Лебедеву. Второе: «карандаш... Им можно передать такую грубость — куда камню или дереву — и такую мягкость — мягче пуха. Лебедев знает, что мягкость приятна, нравится — и пользуется только мягкостью». Все эти свойства я узнал много позже. В журнале «Ленинград» поразил меня Петр Иванович другими своими свойствами. Зашел разговор, что для верстки нам нужен художник. Дали нам штатную единицу. Позвали на эту должность Володю Гринберга. И вдруг Володя, с удивлением, даже с ужасом сообщил мне, что Петр Иванович отправился к главному редактору «Правды» и уверил его, что он, Соколов, — лучшая кандидатура.

30 мая

И спокойно, с полной уверенностью в своей правоте отобрал у Володи Гринберга место. Почему? Хотелось! Я тогда не понимал, что натуры страстные очень часто и в мелких своих делишках так же, как в областях более достойных того, испытывают 'бесстыдное бешенство желания. И чудится им, что всегда они правы. Могущество желания очищает в их глазах любой грех. Но я до сих пор, даже понимая это, испытываю неловкость и недоумение, когда большие люди подобного склада теряют чувство приличия именно из- за делишек, а не из- за стоящей того причины. Хотя бы из- за девки какой, а то из- за штатного места рублей на шестьдесят. Правда, рубль тогда стоял высоко, следовало бы говорить: шесть червонцев. Но все- таки! Хоть бы из- за девки какой, а то из- за штатного места! Этот

⁶⁹² С 1925 по 1928 г. Шварц работал редактором детского отдела Госиздата и издательства «Радуга».

случай заставил меня насторожиться и заслонил более высокие черты его характера. Черты гениальности, понятые мною позже. Но это опять совсем другая история, печальная для меня. Не было у меня злейших врагов, чем друг мой Олейников. Он очень сошелся с Петром Ивановичем и даже поселился с ним на одной квартире. И лучшие годы моей жизни были отравлены вечным моим с ними несовпадением. А я ничего не принимал так болезненно, как отраву осуждения близких. При каждом повороте, при каждом открытии, которые они совершали от времени до времени, выяснялось, что я ошибаюсь в чем-то... Но, повторяю, это другая история. Еще несколько слов о Петре Ивановиче. Он любил поговорить в тот период, в период журнала «Ленинград», о романтике. Тому-то не хватает романтики, другому. И о чувстве современности. Тогда ему казалось, что джаз современен. Если бы найти что-то соответствующее в живописи! Впоследствии джаз называл он визготней. О романтике молчал. Не переставал только говорить о чувстве современности. И твердо, решительно, как религиозный тезис, провозглашал: «У современной Венеры должны быть толстые ноги». И он рисовал множество большеголовых, светлоглазых женщин с толстыми ногами и крошечными руками и поносил тех, кто не верует в подобных Венер.

31 мая

Как теперь я понимаю, отсутствие среды, необходимость ходить в упряжке, невыносимая для этой благородной породы — все уродовало Петра Ивановича, как Олейникова, Хармса, Житкова и многих других. В тесноте, не находя настоящего применения своим силам, бросались они и на своих, и на чужих. О, если бы знал Житков, как безжалостно они глумились над ним и поносили его. Не добрее, чем Житков Маршака. А этим много сказано. Коля Чуковский, не шутя, с глубоким убеждением утверждает до сих пор, что умер Житков от ненависти к Маршаку. Дьявол гулял и наслаждался. Ненависть Олейникова и Петра Ивановича была заразительна. Бармин⁶⁹³, уже умирающий, отказался дать для сборника памяти Житкова материалы, которые хранились у него, два — три года назад. Так же полон ненависти и Бианки. Хармс был добродушнее и безразличнее всех. Он, словно бы играя, поддерживал злобствующих и бывал, вместе с тем, у Маршака. Совсем вне игры был Введенский. Но Петр Иванович и Олейников казнили нещадно и изобретательно. Опять это другая история, не имеющая никакой связи со Слонимским, о котором я рассказываю. Но у меня не будет больше случая вернуться к Петру Ивановичу. Его телефон у меня не записан. Петр Иванович погиб до войны. Незадолго до гибели своей стал он мягче и спокойнее. И менее мнителен. Уже не чудилось ему, что у него рак. Или, что он обманут кем-то и как-то, или осмеян. Он женился. И родилась у него девочка, я не видел красивее грудных детей. И перебрался он в Москву. Но главное, что больше всего смягчило его, нашел свою манеру в живописи. Понимали ее немногие, но именно те люди, которыми он дорожил. Я ничего не понимал в его манере. Петр Иванович жил то в черной тьме, то выбирался на свет. Он не терял из виду света, даже погружаясь во тьму. Точнее, даже погружаясь во тьму, он твердо верил, что это его путь к свету. И никогда не был он холоден или равнодушен, даже поступая практично. Он был личностью. И исчез почти бесследно. Продолжаю рассказывать о Слонимском. Распутываю клубок.

1 июня

Журнал «Ленинград» в 25 году закрыли решением издательства, и я перешел на работу

⁶⁹³ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — политический деятель, историк, публицист. Один из организаторов партии кадетов. В 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал.

в детский отдел Госиздата⁶⁹⁴, что тоже является совсем другой историей. В Донбассе, работая в газете, я почувствовал дно под ногами. А тут уж совсем выбрался на берег, надо было решить, куда идти. Но спутники мне попались немирные, деспотические. Я ушел с головою в новые отношения, побрел по дороге, далекой от Мишиной. Но юношеские годы связали нас прочно, навсегда. Мы могли не встречаться подолгу, но это ничего не меняло. Вот Миша и Дуся решили поехать за границу. Году в 27-м. Тогда это было просто. Но тем не менее событие это взволновало умы. Слонимские стали собираться. Для вещей, которые следовало уложить на лето и пересыпать **нафталином, купили они корзину**, которая, по мнению Дуси, оказалась слишком большой. И Миша с беспомощным смехом рассказывал: «Пропала Дуся. Не могу найти. Оказывается, она забралась в корзинку, закрылась крышкой и плачет там». В ясный весенний день провожали мы их на Варшавском вокзале. С цветами. Дуся уже не плакала, а смотрела весело в четырехугольнике окна мягкого вагона* веселая и умненькая, хоть и склонная к слезам, как девочка, как гимназистка, что ей шло. И Миша длинный, с тонкой и длинной шеей, улыбаясь во весь тонкогубый, большой рот, примерно каждые три минуты, возвращаясь, как всегда, к одной и той же мысли, только в дорожной лихорадке завершая круг быстрее, повторяет: «Значит, едем, все-таки». И побывали Миша и Дуся за границей. И в Париже Мишина мама, олицетворение вечно женственного, удивлялась и сердилась, что Миша не идет с визитом к Милюкову⁶⁹⁵, которого так уважали в «Вестнике Европы». «Мама, да как же я после этого вернусь в Ленинград?» — «Миша, но ведь Милюков левый!» Мама очень равнодушно отнеслась к тому, что у Миши на родине выходят книжки. Только удивлялась, почему не пишет рассказов и романов ее любимец Александр. Пушкинист, первенец ее. «Ведь у него такой хороший слог!» А время всё шло.

2 июня

И вернулся Миша из-за границы. И снова пошла наша жизнь, все усложняясь и усложняясь, своим чередом. Я развелся. И женился на Катерине Ивановне. И однажды пришел Миша бледный, сияющий, улыбающийся, словно пьяный, и сообщил, что у Дуси родился сегодня ночью сын⁶⁹⁶, а у него, [у] Миши, всю ночь температура была 40°. И он ничего не понимает и просит, чтобы я пошел с ним в Свердловку. Мы жили тогда на 7-й Советской, угол Суворовского. И Мишина новость нас поразила, хоть мы и ждали подобного сообщения со дня на день. Мы были тогда еще людьми и были очень близки, я и Катерина Ивановна. И я любовался ее просиявшим лицом и тем, что она едва не заплакала — так всегда на нее действовало сообщение, что у кого-то из близких родился ребенок. Так же едва не заплакала она в 38-м году, когда позвонили мы из Всеволожской и узнали, что Таня Герман⁶⁹⁷ благополучно родила. И вся засветилась. Вечно женственное, в другой своей категории. Итак, в те дни, повторяю, мы были еще людьми и очень обрадовались. Я радовался поверхностнее Катюши. Когда пошел с Мишей в больницу, я все потешался. Ужасно веселил меня бледный и счастливый Мишин лик и то обстоятельство, что Дуся рожала, а у него всю ночь температура была сорок. То, что родился у Миши сын, казалось мне до такой степени труднодостижимым, что я как-то не принимал этого. Умственно постигал. Дуся прислала записку, просила принести что-то из вещей и купить молокоотсос.

⁶⁹⁴ Слонимский Сергей Михайлович (р. 1932) — композитор, пианист, музыковед.

⁶⁹⁵ Герман (рожд. Риттенберг) Татьяна Александровна (1904–1995) — жена Ю. П. Германа.

⁶⁹⁶ Театр комедии приехал из Сталинабада в Москву 17 мая 1944 г.

⁶⁹⁷ Роман Слонимского «Инженеры» вышел в 1950 г.

Мы зашли в аптеку на углу 8-й Советской. Миша постеснялся спросить такую непривычную штуку. Этот молокоотсос спросил и купил я, чем попрекал потом Мишу всю жизнь. Вскоре мы увидели черноглазого мальчика, на редкость похожего на отца. И вскоре жизнь перестала идти. Пошла скачками. Мы жили как в бочке, сброшенной с горы. Нас колотило и швыряло, лупило. Миша начисто отбросил свою раннюю манеру писать, а стал притворяться нормальным писателем. В те дни известным становился писатель по назначению, по приказу откуда-то из мглы. Эта известность не всегда соответствовала подлинно существующей.

3 июня

И назывался подобный избранник осторожно: ведущий. Известный — это дело внеорганизационное. А ведущим назначать можно было вполне просто, как взводного или старшину. Но совершалось это назначение, повторяю, так глубоко или так высоко, за таким количеством дверей, в такой мгле, и срок нахождения в звании ведущего был до того неопределим и непрочен, что у многих из ведущих развивалась особая профессиональная болезнь: неудержимое беспокойство. Если назначили, значит, могут и снять? Одни испытывали беспокойство пассивное — лучшие из них. Другие же — активное. Эти деятели активно боролись за свое право на звание ведущего. Не работой — они отлично знали, что сила не в книгах. А писали заявления, поднимали кампании, подавали сигналы, срывали маски. И так как оценивались их труды где-то крайне далеко и неизвестно, оценивались ли, то они шипели, жалили, грызли, отравляли, точили ножи на глазах у всех безостановочно. И никто не говорил им: хватит! А бочка все летела и летела под гору, и лучшие друзья разбивались насмерть — не у тебя на глазах, в темноте. И ты мог уверить себя, что, может быть, они и не разбились, и не насмерть. И все же при всем умении не смотреть в глаза правде испытывали беспокойство и все мы, и не ведущие. Но они — вдвойне. Во время Первого съезда Миша оставался ведущим. Целый ряд признаков подтверждал это. Номер занимал он в «Гранд отеле». Когда перечислялись имена лучших, называли и его. А главное, был он выбран во всесоюзное правление ССП. Но вскоре начался загадочный упадок его славы. Где-то в глубине или на недостижимой высоте что-то было сказано кем-то. Еще в 30-м году, когда писателям дали вдруг ордена в большом количестве, Миша оказался среди награжденных. Но — не могу сейчас вспомнить — кажется, получил он «Знак почета» только. А во время войны уже стало понятно, что новые активно — беспокойные ведущие затаптывают и оттесняют чистоплотного пассивного Мишу. Дуся уж не казалась умненькой, хоть и склонной к слезам. Она сердилась.

4 июня

Сережа, как бывает это часто у матерей вспыльчивых и беспокойных, рос необыкновенно тихим и уступчивым, только смеялся беспомощно, на отцовский лад. И когда они всем семейством жили во время войны в Молотове в гостинице, в номере, то сочинил Сережа стихи: «Мама редко веселится, называет всех г...ном, люди будут сторониться заходить в наш номер — дом». Когда Театр комедии переехал в Москву⁶⁹⁸, встречались мы довольно часто. Хоть и получал Миша литературную карточку, а потом и лимитную, но с каждым днем становилось яснее: видимо, он больше не ведущий. В этом звании была еще одна мучительная особенность: как нигде не объявлялось, что оно присуждено, так и не сообщали тебе, что ты больше не ведущий. И Миша, приходя к нам в гостиницу «Москва», все шагал взад и вперед по комнате и каждые десять минут с негодованием жаловался на очередную обиду. И пытался установить, кто из нынешнего руководства союза ее конкретный виновник. В декабре двадцатого числа в 44 году отпраздновали мы

⁶⁹⁸ Имеется в виду однотомник Слонимского «Инженеры. Лавровы». М., 1953.

двадцатилетие их свадьбы. Был Федин и мы с Катериной Ивановной. Слонимские снимали комнату в Замоскворечье, в переулке недалеко от Пятницкой, и дом этот подходил к их тогдашнему настроению. Некогда модный, модернистский, с лестницами, решенными своеобразно: они прерывались длинными площадками, повисающими над лестничной клеткой, будто капитанским мостиком, с большими квартирами. Он, дом, теперь состарился недоброй старостью. И капитанские мостики, заплеванные и загаженные, среди закоптелых стен, казались устроенными для того, чтобы самоубийцам удобнее было бросаться в пролет. Да так и поступил кто-то из жильцов, как рассказывала Дуся. И коридор их, некогда огромной, ныне коммунальной квартиры казался полным ненависти к жильцам, отчего и выступили пятна на его стенах. Впрочем, мы этот вечер провели весело. Что-то от света и огня ранних лет нашей молодости все теплилось. И Миша смеялся.

5 июня

Только Сережа все поеживался и растерянно улыбался. Кто-то его так толкнул на лестнице в метро, что он ушиб руку. На другой день выяснилось, что у него перелом, но Сережа никому не сказал, как тяжело ему приходится, перемогался весь вечер — вот какое поколение Слонимских росло понемножку. Кончилась война, лишения и несчастья которой были ужасны, но доброкачественны. И началось опять безумное падение в бочке с горы, все страшнее и страшнее. С Мишей в Ленинграде обращались попросту: будто с привидением. Будто его и нет. И он все ездил в Москву. Останавливался там в гостинице «Москва» и работал в комиссии союза по областной литературе. В одну из поездок попал под автомобиль в переулке возле самого союза. Отделался благополучно. И постепенно стал приходить в себя. Из ведущих вывели его настолько явно, что можно было и не думать об этом больше. Да и времена пошли такие, что это зло не казалось таким уж большим. Похвалили его книжку «Инженеры»⁶⁹⁹, до того старательно нормальную, что не найти в ней было и признака автора. И того времени, о котором он писал. Но книжку похвалили, а потом вышел однотомник⁷⁰⁰. А Сережа рос и рос и оказался талантливым композитором и пианистом. И окончив музыкальную школу, попал в консерваторию, где учился и в классе фортепиано, и в классе композиции. И при встречах, шагая взад и вперед по комнате, каждые десять минут возвращался Миша не только к своим делам, но и к Сережиным. Миша никогда не был особенно здоров. Еще в раннем возрасте пошел он с Дусей в Казанский собор на пасхальную заутреню. Вдруг услышала она шум позади и, оглянувшись, увидела — лежит Миша на полу, сложив ручки, белый, как бумага. Упал в обморок. Заболел он, когда Дуся была в родильном доме. Тяжело заболел в июле 41-го. Мы тогда навещали его каждый день, а он лежал, беспомощно улыбаясь, на широкой двухспальной кровати один, тощенький, длинненький. После войны обнаружилась у него какая-то болезнь щитовидной железы; он не может теперь застегнуть ворот рубахи.

6 июня

Все мы стареем. Когда представлял себе старость, то не боялся. Представлял, что изменюсь внешне, и все тут. А стареть-то, оказывается, больно. Сваливается то один, то другой из моих сверстников. Мне все кажется, что это какое-то недоразумение, вот — вот все разъяснится, в мое время старики были вовсе не такие. И в самом деле — разве старик Миша? Вот идет он по улице навстречу, — такой же длинный, такой же тощий, с той же тонкой шеей, только у основания распухшей, воротничок расстегнут. Ему пятьдесят восемь лет, но он так же беспомощно хохочет, как в молодости, когда я поддразниваю его. Года

699

700

полтора назад вызвали нас в военкомат, как в былые годы, — на учебу. Какие же мы старики? Потом писателей выделили. Мы стали ходить, согласно приказу, на лекции в Дом писателя. Но райвоенкомат не успели известить об этой перемене, и мы получили строгий приказ явиться туда и объясниться. Вся наша жизнь прошла под знаком мобилизаций, явок, переосвидетельствований, и мы к подобного рода повесткам привыкли относиться вроде как бы к зовам судьбы. В данном случае было все ясно, — недоразумение. Да и мы не призывники. Пришла повестка в субботу. Являться с объяснениями приказано было в понедельник. Миша звонил мне по телефону трижды, примерно каждые десять минут повторяя одно и то же: «Мне гораздо удобнее идти сегодня, чем в понедельник. Давай пойдем и выясним это дело». И он пошел в военкомат в тот же день, повинаясь его могучему зову, как всю жизнь, — какой же это старик. Теперь, правда, в июле прошлого года сняли нас с учета. Но каждый раз, когда вижу я длинную тощую фигуру, с головой, чуть склоненной набок, в глубокой задумчивости, — разом оживают во мне веселые и печальные чувства двадцатых годов. И я не чувствую возраста, как, впрочем, и всегда. Как не чувствует его и Миша. Некогда. Он был ведущим, потом его сняли. Потом он вновь приподнялся. Тут еще Сережу вызывают в военкомат и... Есть нам время стареть!

10 июня

Союз писателей⁷⁰¹ стоит дальше в телефонной книжке. Появился он на свет в 34-м году, и вначале представлялся дружественным после загадочного и все время раскладывающего пасьянс из писателей РАППа⁷⁰². То ты попадал в ряд попутчиков левых, то в ряд правых, — как разложится. Во всяком случае, так представлялось непосвященным. В каком ты нынче качестве, узнавалось, когда приходил ты получать паек. Вряд ли он месяца два держался одинаковым. Но вот РАПП был распущен. Тогда мы еще не слишком понимали, что вошел он в качестве некоей силы в ССП, а вовсе не погиб. И года через три стал весь наш союз раппоподобен и страшен, как апокалиптический зверь. Все прошедшие годы прожиты под скалой «Пронеси, господи». Обрушивалась она и давила и правых, и виноватых, и ничем ты помочь не мог ни себе, ни близким. Пострадавшие считались словно зачумленными. Сколько погибших друзей, сколько изуродованных душ, изуверских или идиотских мировоззрений, вывихнутых глаз, забитых грязью и кровью ушей. Собачья старость одних, неестественная молодость других: им кажется, что они вот — вот выберутся из-под скалы и начнут работать.

Кое-кто уцелел и даже приносил плоды, вызывая недоумение одних, раздражение других, тупую ненависть третьих. Изменилось ли положение? Рад бы поверить, что так. Но тень так долго лежала на твоей жизни, столько общих собраний с человеческими жертвами пережито, что трудно верить в будущее. Во всяком случае я вряд ли дотяну до новых и счастливых времен. Молодые — возможно.

Сезеневские Тамара и Нина, ⁷⁰³ когда-то — друзья. Когда-то от них исходил

⁷⁰¹ Союз писателей СССР. Создан в 1934 г. после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно — художественных организаций». Первоначально назывался Союз советских писателей. Шварц вступил в ССП 1 июля >1934 г.

⁷⁰² Российская ассоциация пролетарских писателей создана на I Всесоюзном съезде пролетарских писателей, проходившем с 30 апреля по 8 мая 1928 г. В 1932 г. на основании вышеупомянутого постановления ЦК ВКП(б) РАПП была распущена.

⁷⁰³ Сезеневские: Тамара Вячеславовна (1915–1987) — артистка Театра комедии с 1939 г. до конца жизни, исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца и в фильме «Золушка»;

Нина Вячеславовна (1911–1984) — сестра Т. В. Сезеневской, в 1944 г. — секретарь художественного руководителя Театра комедии.

свет. Увидишь и повеселеешь. А теперь пишу о них только потому, что не хочу пропускать ни одной фамилии в телефонной книжке. Они словно отгорожены временем, небритыми щеками Реста. Кто-то загрязнил дорожку от меня к ним. А жаль. С ними связаны лучшие часы тяжелых времен.

Сценарный отдел «Ленфильма». С ним отношения непонятны. Единственное место, где я бывал груб и неуступчив, — это «Ленфильм». Я с трудом выношу, когда требуют поправок, а сценарный отдел только этим, собственно, и занимается. В ателье напряжение и спешка, в костюмерной, гримерной, диспетчерской — звонят, спешат, слепят светом, или кричат у телефонов, или спорят с художником или с актерами. И только в сценарном отделе тихо — не то, как в оранжерее, где выращивают цветы, не то, как в классе во время контрольной работы. Или это та зловещая тишина, когда экзаменующийся запнулся. Это последнее — вернее всего. С одной разницей: экзаменатор знает еще меньше экзаменующегося.

«Советский писатель» ⁷⁰⁴ — издательство. Я с ним не встречался до этого года, пока не вышло решение: печатать сборники пьес. И вот я сдал туда свой сборник. И стал ждать. В сборник мой вошла пятая часть пьес, что я написал, и один сценарий ⁷⁰⁵. Месяца через полтора меня вызвали в издательство. И вот после очень большого промежутка времени приехал я в Дом книги, чтобы поговорить об издании своей книги. Дом Уошеров, который давно упал, но никто этого не замечает ⁷⁰⁶. Штатные работники выполняют, нисколько не смущаясь и не пугаясь, работу призраков. Я в течение двух часов добивался с помощью редактора единообразия. То есть: чтобы все ремарки были набраны одинаково, стояли в одном и том же порядке, чтобы... не помню уж всех крохоборческих и третьестепенных требований, которые сводились всё к одному — к типографскому единообразию. Хорошо, впрочем, было то, что никто не требовал, чтобы я переделывал текст пьес. Кончив работу, спустился я во второй этаж, где теперь, — там, где в двадцатых годах размещалась бухгалтерия Госиздата, — устроили отделение книжного магазина. Тут теперь отдел художественной литературы, детской книги и так далее. И вот я увидел зрелище, испугавшее меня. Множество сборников, под названием «Пьесы», стояли, как памятники. На полках, за спиною продавщиц. Фамилия автора едва видна. «Пьесы», «Пьесы», «Пьесы» — и никому они не нужны. Это испугало меня. Приехавши домой, попросил я, позвонив в издательство, переменить название книги, взяв для этого любое заглавие пьесы. Там согласились. Книга будет называться «Тень». Через два — три месяца, совсем недавно, прислали мне корректуру. И — о, ужас! — в верстке! За это время могущественная и на самом деле существующая типография скрутила призрачных обитателей Дома книги. Верстка! Значит, я не могу править рукопись, увидев ее в печати. А именно тут многое становится окончательно ясным. Править можно было только в пределах двух — трех слов. Общее, призрачное безразличие к существу дела и загадочная, потусторонняя придиричивость к мелочам.

Слонимский Юрий Осипович, известный под кличкой «Тука». Впрочем, она, кличка эта, относится к двадцатым годам. Лысый, голубоглазый. Нет, не так. Гладковыбритая голова, чтобы скрыть, смягчить лысину, ощущение энергии, доходящей до некоторой вибрации всего организма. Чуть дрожит голос, смех почти рыдающий. Светлые глаза, признак все той же энергии и темперамента. Губы не толстые, но как бы припухшие от слез. Быстрые движения. Странное соединение специальностей. Во время первой паспортизации занимал он какую-то крупную должность в системе милиции. И вместе с тем считался крупным специалистом по балету. Писал рецензии, балетные либретто, книги по истории балета. Сейчас вторая его специальность как будто стала основной и единственной. Он в последнее время болеет **так же страстно и энергично, как и всё, что он** делает. Плохо с

⁷⁰⁴ «Советский писатель». Имеется в виду Ленинградское отделение издательства.

⁷⁰⁵

⁷⁰⁶

сердцем. Он переехал в наш дом, в первый этаж. Квартира хорошая, но нелепо высокая — продолжение нашего портняжного ателье. В этом есть нечто мистическое. Он сын знаменитого в свое время портного Слонимского, страстного любителя литературы, многих писателей, обшивавшего их в трудные годы бесплатно. Живет Слонимский в своей высочайшей по- дворцовому [квартире] (балет близок ко дворцам — второе таинственное совпадение) со страстью. Он собирает подписи под требованиями жильцов, ходит по учреждениям.

11 июня

Общее впечатление от него скорее благоприятное — уж очень открыт и понятен. И ты почему-то угадываешь, что при всей своей энергии он имеет предел.

Сафонова Елена Васильевна ⁷⁰⁷ — художница, одна из дочерей дирижера Сафонова⁷⁰⁸, очень известная в свое время.

Еще двух сестер ее я видел мельком. Рослые, худые, словно испепеленные внутренним огнем, темноглазые, темноволосые, голоса низкие. Елена Васильевна, полная, медленная в движениях, тоже могучего роста, казалась уравновешенней остальных, вероятно, потому что часть ее сил уходила в искусство. Она отлично рисовала. С ее иллюстрациями вышли первые издания книги Житкова «Почемучка»⁷⁰⁹. Была умна и наблюдательна, умела хорошо рассказывать. И вместе с тем оставалась несчастной женщиной, как и сестры ее, одной из многих, изнемогающих от одиночества и избытка сил. Тянуло ее к мужчинам суровым и деспотичным. Была она влюблена в одного сердитого художника — безнадежно, потом в Житкова, который выбрал другую горемыку, ей подобную. Так она и тосковала, и томилась, и это определяло ее больше, чем талант или ум. Во время войны сестры ее умерли в блокаду. Взяла она к себе племянника, маленького, остренького, как мышка. И часть любви ушла на него. Но сколько осталось! Ходила она в поддевке какой-то, подвязывалась платком, махнула рукой на счастье. Но желание отдать избыток, пострадать — не исчезало. Сколько ей были должны! Сколько денег она рассылала, получит гонорар и идет на почту. В последние годы бывала у Гарина, этого беспутного святого подобного рода женщины просто обожают. Уж тут можно позаботиться и приласкать, ничего не получив взамен, разве только уложить пьяного до поезда, а потом растолкать и отвезти на вокзал, в самый последний миг. Все-таки утешение ей, что не опоздал. Все-таки истрачено что-то из избытков неиспользованной доброты. Мне в этом бескорыстии чудится присутствие божественной силы. Жалко, что в последние годы перестали мы встречаться с Сафоновой. Она до войны еще перебралась в Москву. Вчера был Эраст. Я спросил его: «Как Елена Васильевна?» — «Да плохо что-то. С сердцем. А Эрдман⁷¹⁰ заставляет ее подниматься на 5-й этаж».

12 июня

«Эрдман Борис. Художник. Сафонова — его рука. Он рисовальщик никакой. Она рисует. Он человек темный. Ничего не понимает. Гоняет ее на пятый этаж, с больным

⁷⁰⁷ Сафонова Елена Васильевна (1902—?) — художница, артистка. Оформляла книгу Шварца «Приключения мухи».

⁷⁰⁸ Сафонов Василий Ильич (1852–1918) — пианист, педагог, дирижер, музыкально — общественный деятель.

⁷⁰⁹ Имеется в виду книга Б. С. Житкова «Что я видел», которая была издана впервые в 1939 г.

⁷¹⁰ Эрдман Борис Робертович (1899–1960) — художник.

сердцем». Так Эраст поносил Бориса Эрдмана за то, что обижает он Сафонову. А в это же время Елена Александровна, больная и пожилая, ворча и сердясь, но отправилась все-таки на городскую станцию добывать Эрасту билет, понимая, что если он не уедет, то в театре отдадут его под суд. Деньги на дорогу растранижил он, пока ехал из Вильнюса в Ленинград. Поэтому выдала ему деньги другая сердитая и пожилая женщина, Татьяна Викторовна. Это друзья. А третья женщина, тоже не молодая, но героически с этим борющаяся, измученная любовью к Эрасту, ждала его, считая минуты, готовая вытерпеть все. И отвезти его потом на вокзал, скандалящего или спящего. А четвертая женщина — жена, седая, худая до той степени, когда при взгляде испытываешь не то страх, не то умиление, беспокойная, мнительная, ревнивая, изболевшая за мужа душой, звонила из Москвы и строго спрашивала — достали ли билет Эрасту. И если достали, то выедет ли он. И строго спрашивала Елену Александровну: «Не знаете, где он? Билет есть, а остальное вас не касается? Значит, у вас есть основание предполагать, что он может сегодня не выехать?» Так допрашивала она Елену Александровну, гневную, едва дышащую от усталости. А Эраст сидел у нас в Комарове, беспутный, седой, молодой, легкий, вдохновенный, и, ругаясь нехорошими словами, обвинял Бориса Эрдмана за то, что мучает тот Лену Сафонову, не понимает, туды его, темный человек, как тяжело ей подниматься на пятый этаж.

Смирнов Владимир Иванович — один из самых привлекательных людей. Он обладает врожденной душевной лояльностью, не лезет в свалку, как некоторые академики озверевшие, за что, вероятно, иные из них готовы заподозрить его в хитрости. Но он никак не хитер и даже не уклончив, как обычно люди подобного душевного склада. Он вечно хлопочет за кого-нибудь и не выходит из университетских боев и сражений. Нет на них историка, а они и на миг не прекращаются. Но дерется Владимир Иванович на свой лад, справедливо, без визга. Ему вчера исполнилось шестьдесят девять лет, но глаза глядят живо — темные под седыми бровями, и душа живет, не цепенеет, как жила в молодости. Он внимателен, как в путешествии.

13 июня

Он академик, математик, резко отличается от крупных ученых подобного чина знаниями и в чуждых как будто бы ему областях. Володя Орлов его встретил на пароходе и познакомился. Кто-то ему сказал, что Владимир Иванович — профессор. Всю дорогу они говорили о символистах — Володина специальность — и он решил, что Владимир Иванович несомненный литературовед. Одному удивлялся: как же так вышло, что по роду занятий зная всех специалистов в своей науке, мог он пропустить такого знающего, а главное — понимающего. Вовсе не обязательно это подлинное знание в чужой области, но необыкновенно привлекательно и человечно. О живописи, скажем, Владимир Иванович никогда и ничего не говорит, что резко отличает его от многих других профессоров, собирающих Шишкина и Маковского и восхваляющих этих живописцев, прищурив один глаз и делая неопределенные движения пальцами. Зато музыку, которую Владимир Иванович любит, знает он до тонкости. Научился играть на рояле самоучкой. Но когда играл в четыре руки с Рабиновичем Николаем Семеновичем, человеком в своей области непреклонно строгим, тот удивился, как понимает Владимир Иванович Малера. Все знания Владимира Ивановича естественного происхождения, исходят от подлинного желания, от невыдуманных, истинных душевных потребностей. И поэтому он начисто лишен свойственной многим ученым чисто бабьей уверенности, что он и во всех областях все понимает. Знает Владимир Иванович многое и в философии. И все это, возглавляя чуть ли не семь кафедр и какое-то большое количество научных институтов, и читая чужие диссертации, и преподавая, и ведя те самые бои, о которых я говорил, что, пожалуй, труднее всего. Ходит он быстро, глядит остро, играя на рояле, забывает все, — борода вперед, плечи вздрагивают, губы шевелятся, глядит строго, как на молитве или в самый высокий миг любовного свидания. Рассеянным я его не видел. Однажды зашел разговор о том, что многие

до старости видят во сне экзамены. Я спросил его. «Мне до такой степени легко это давалось, что я не вижу их во сне». И при своей занятости, всегда он о ком-нибудь хлопочет. И как! Мы попросили года три назад узнать, примут ли Колю Москвина на физический факультет. Ему, как будто, не хватало 0.1 [одного очка]. Владимир Иванович, к нашему ужасу, трижды ездил в университет по этому поводу.

14 июня

И в последний раз еще издали закричала ему секретарша, кивая успокаивающе: «Принят, принят ваш мальчик!» При могучем его темпераменте вряд ли прожил он свою жизнь добродетельно. И как многие, которым ничто человеческое не было чуждо, он прост, чувства его не запутаны. Не бросают на его душу тени темные уединенные углы, где из страха перед человеческим грешат нездоровые существа на дьявольский лад. Впрочем, в эту сторону человеческого существования лучше не углубляться. Всего, что чувствуешь, не скажешь. Да и знаю я Владимира Ивановича, к счастью, недостаточно близко. И мелкие, и не мелкие, но чисто личные сведения о его жизни не заслоняют главного, то есть того, что видишь издали, как в картине.

Т

Тарле Евгения Викторовича ⁷¹¹ видел я раза три в моей жизни. Он успел уже замкнуться в условные формы: академик, большой ученый. Так, вероятно, принимали при дворе. От всего, что он говорил, веяло ледяным холодом чистой формы. Впрочем, исходило это не от сознания своего величия, а от смертельного страха. Он был в свое время арестован и приговорен к смерти, а потом освобожден. И жил в поле зрения того, от которого зависели и честь, и позор, и жизнь, и казнь. Был он, казалось, милостив сегодня, но что ждет тебя завтра за одно слово, за одну букву? Я узнал его благодаря знакомству своему с Богдановичами. Тарле с незапамятных времен, еще до революции, был влюблен в Татьяну Александровну. Я был тронут, когда она, седая, бабушка уже, сказала как-то с удовольствием и гордостью: «Ох, достанется мне от Евгения Викторовича за то, что вышла я в такую гололедицу». Незадолго до этого Татьяна Александровна упала на улице и повредила руку. Году в 49-м или в 50 — в Союзе писателей состоялся вечер памяти Татьяны Александровны. И академик Тарле выступил с докладом. Скованный и замороженный, говорил он об одном: о патриотизме покойной. Ни редакции «Русского богатства», где они встретились, ни долгой и сложной жизни, ни привязанностей: патриотизм и все. Как радовалась Татьяна Александровна, уже больная, умирающая, победам русского оружия. Верю. И не могло быть иначе. Но ведь качество радости ее было особое. А в докладе несчастного, трагически замерзшего академика не отличить ее было от генерала Богдановича ⁷¹².

15 июня

Я его ни в чем не обвиняю. Рассказываю только, во что может превратиться человек возле черного пламени и возле абсолютного нуля административных высот.

Театр комедии ⁷¹³ — существо строптивное, грешное, путаное, то доброе, то свирепое,

⁷¹¹ Тарле Евгений Викторович (1875–1955) — историк, академик АН СССР.

⁷¹² См. «Богданович Софья Аньоловна», комм. 9.

⁷¹³ Театр комедии. Организован в 1929 г. из трудового коллектива «Театр сатиры», в 1931 г. переименован в Ленинградский театр сатиры и комедии. С 1935 г. — Ленинградский театр комедии. Художественный

то справедливое, то деспотическое. После паралича — Акимов уходил на семь лет⁷¹⁴ — еще не может прийти в себя. И Акимов сам пребывает в судорожной жажде деятельности после вынужденной неподвижности. Старые актеры — на местах. Но развратились от множества неудач. Работают старыми приемами и утратив веру в себя. Я очень любил театр, пока мы жили в эвакуации. Был связан с ним так, что знал каждого его работника очень близко. Но время разделило нас, и сейчас, подойдя к нему поближе, я со страхом заметил, что во многих своих звеньях он омертвел. Окостенел. Молодых в труппе не прибавилось, а старшие, не имея столько лет почвы, все питались и питались от корней, пока не привыкли, что это и есть питание. Все то же и то же у Суханова, у Ускова⁷¹⁵ и Бениаминова⁷¹⁶. Трофимов⁷¹⁷ зол, будто карлик, и это погубит его. И я не в силах забыть, как Трофимов произносил речи об акимовщине семь лет назад, а теперь не сводит глаз с начальника, ест почтительно глазами все того же Акимова. Большой драматический театр не организм и Александринка не личность, а Театр комедии — живое существо, которое можно любить и не любить в разные времена. И сейчас я испытываю против него смутное раздражение. И виною этому — последний спектакль, прошедший словно бы с успехом, а вместе с тем сыгранный окостеневшими шутниками, которым невесело⁷¹⁸. Был успех, который мог бы быть куда более полноценным. Был банкет, на котором было ужасно невесело. И забулдыга — мученик Эраст Гарин, посетивший меня позавчера, показался мне куда более удачливым и существующим на свете, чем мой друг, помертвевший, но сладострастный Театр комедии. Впрочем, это отношение к театру у меня пройдет, надеюсь.

Трауберг⁷¹⁹ записан у меня дальше. Маленький, выпуклоглазый, глупый. Об этом, последнем, своем свойстве никогда не узнает именно в силу глупости своей. Самоуверен до того, что вряд ли кто-нибудь ставит себе вопрос — есть ли у него хоть капля ума. Не даст он поставить этот вопрос. Заговорит. Он теоретик. Один из самого ненавистного мне вида ораторов — шаман. Он начинает, не зная, что скажет и чего хочет.

16 июня

руководитель — Н. П. Акимов с 1935 по 1949 и с 1955 г. — до конца жизни. С 1940 г. Шварц становится постоянным драматургом театра. С июля 1943 г. до 20 февраля 1946 г. заведовал литчастью этого театра, с августа до 21 октября 1943 г. и с 25 декабря 1943 по 5 марта 1944 г., на время отъезда Н. П. Акимова из Сталинабада в Москву, исполнял обязанности художественного руководителя театра. В марте 1956 г. приказом по Главному управлению по делам искусств Министерства культуры РСФСР утвержден членом художественного совета театра.

⁷¹⁴ См. «Барченко Нина Платоновна», комм. 1.

⁷¹⁵ Усков Владимир Викторович (1907–1980) — артист. С 1948 г. до конца жизни — в труппе Театра комедии.

⁷¹⁶ Бениаминов Александр Давидович (р. 1904) — артист. С 1937 по 1941 и с 1946 по 1963 г. в труппе Театра комедии. Участник спектакля «Тень» по пьесе Шварца.

⁷¹⁷ Трофимов Николай Николаевич (р. 1920) — артист, с 1946 по 1963 г. — в труппе Театра комедии. Участник спектакля «Обыкновенное чудо» по пьесе Шварца.

⁷¹⁸ Шварца огорчил спектакль Театра комедии «Обыкновенное чудо». Премьера состоялась 30 апреля 1956 г. Постановка и оформление Н. П. Акимова, музыка А. С. Животова, режиссер — П. М. Суханов. Роли исполняли: Хозяин — волшебник — А. В. Савостьянов, Хозяйка — И. П. Зарубина, Медведь — В. А. Романов, Король — П. М. Суханов, Принцесса — Л. А. Люлько, Министр — администратор — В. В. Усков, Первый министр — К. М. Злобин.

⁷¹⁹ Трауберг Леонид Захарович (1902–1990) — кинорежиссер.

Но тонет в наборе идеологических слов с таким самоуверенным выражением, что никто не замечает несчастья, которое с ним на глазах у всех совершается. Впрочем, спасение оратора не только в его самоуверенном виде, но и в том, что никто не слушает его. В припадке чисто физиологической самоуверенности попытался он получить в университете звание профессора. Он читал там лекции не то по истории, не то по теории, не то по контрапункту кинематографии. Но на ученом совете кто-то из математиков сказал угрюмо: «Этак мы еще циркачей начнем принимать». И в тишине, словно ангел здравого смысла пролетел. И вопрос о зачислении Трауберга в профессора даже не был поставлен на голосование. Он, помимо этих своих свойств, раздражает меня бессознательной лживостью. К жизни отношение у него чисто потребительское. Буржуазен до недр. Дела свои обделывал прекрасно. Но послушайте его на художественном совете или когда вразумляет он публику перед показом иностранных картин. Мировоззрение его ничего общего не имеет с поведением в миру. Уж слишком непохожи. Но Трауберг не замечает этого. Он искренне верит в то, что несет; а как же иначе обделал бы он свои дела. Он аполитичен до отказа — ему безразлично, какую политику проводить на сегодня. Пусть укажут. Сделает. И вдруг — взрыв сероводородной бомбы. Все благополучие Трауберга сожжено и загажено в изумительно короткий срок. Лупят по его эстетике и жарят по его этике. И главное, — вот в чем ужас, — клеветают. Режиссер Рошаль⁷²⁰ вопит в страхе, делая вид, что он это в негодовании: «Поглядите на его библиотеку! У него только переводная литература! Русское искусство его не интересует». И это было ложью, потому что как раз все классики русские были собраны у него и все современные писатели. И выступали против него люди, за которых он заступался и хлопотал, ибо те, кто умеет обделывать свои дела, при случае, владея этой техникой, помогает и другим. Что сделал Трауберг? В чем провинился? Молчат леса и доли, и самые небеса. В глубочайших недрах, куда и самые первые отделы не вхожи, решено было его смешать с самой ядовитой грязью. Он это вынес. И сейчас реабилитирован и ходит, как ни в чем не бывало. Лупили-то его не туда и не за то. Не было худсовета, чтобы я не сцепился с ним. И вместе с тем, я раздражен только против него.

17 июня

Только раздражен, не больше. Почему? Язык! С ужасом убеждаюсь, что встречаю и провожаю не по одежке, не по уму, а по языку. Когда хороший человек говорит «радушно», с ударением на **а**, вместо правильного ударения на **у**, или «я восхищаюсь о том» — то, к сожалению произвольно исключая его из круга людей, мне близких. Я продолжаю считать его хорошим человеком, но чужим. А Трауберг говорит глупости, увы, на моем языке. И я по непреодолимой косности человеческой продолжаю считать его своим. Глупости, которые он несет, не переходят по форме вероятное. Одна женщина, которой увлекался Олейников, сказала ему: «Я, как язычница, люблю духи», — и он никак не мог ей простить этого. В данном случае были перейдены границы человеком, говорящим на твоём языке. Нет, Трауберг болтал на газетном языке, который свободно в одно ухо входил, а в другое выходил, и пользовался жаргоном пижона 20-х годов, к которым принадлежали такие разные люди, как Москвин и Козинцев, и Акимов, и многие другие, вполне настоящие и знающие люди и уж никак не дураки. Пережив труднейшие годы, Трауберг сейчас признан опять человеком. Он переехал в Москву еще в трудные времена по той же причине, по которой воробьи выют гнезда на сучьях гнезда орлиного. Крупному хищнику не до тебя, а мелкие сюда не сунутся. И теперь он вполне полноправный москвич. Там его утробная, неподдельная самоуверенность найдет себе применение. Ну, и господь с ним.

⁷²⁰ Рошаль Григорий Львович (1899–1983) — кинорежиссер, педагог.

ТЮЗ ⁷²¹ — существо гораздо более сложное, чем Театр комедии. Здесь любовь к блеску и славе сильно затуманена традициями театра, театра воспитывающего, самоотверженного, особенного — от сценической площадки до актерского поведения. И в самом деле Брянцев, со своей особенной наружностью, бородкой, брюшком, любовью к морскому спорту, особой хитрой повадкой в обращении с властями, оказался, вместе с тем, до самой своей глубины верным своему особенному делу. Уходящих считал он искренне дезертирами. Но, как нарочно, все, кто посильней, бежали от полукруглого зала, и необыкновенно эмоционального зрителя, и сценической площадки, требующей особого мастерства. Ушли Полицеймако⁷²² и Чирков, и Черкасов, и Пугачева⁷²³. Тяжелее всего перенес Брянцев последнюю измену — уход Мамаевой⁷²⁴ в Александринский театр. А верные? Увы! Самые чистые из них оказывались бездарными. А иные и нечистыми и бездарными. Остальные же — не то, что притворялись особенными.

18 июня

Они не притворялись особенными, но сами верили, что они такие, подчиняясь особенному духу театра. Но, увы, оставались обыкновенными актерами, и театр оставался все-таки скорее всего театром, подчиняясь особенностям общетеатральным. И ссорились из-за ролей, может быть, только меняя терминологию, и, то верили руководству, то не верили, а один раз даже раскололись — ушли в Новый ТЮЗ⁷²⁵, во главе которого стал Зон. Но Новый ТЮЗ погиб, а старый все держится, и Макарьев, уже седой, все произносит речи автоматического характера и все обижается, неведомо на кого, только не на себя. И обижает в последнее время Брянцева. А старик хворает и кажется ясным, как стеклышко, и простым, и единственный внушает уважение из всего театра, особенное уважение, которое хотел завоевать смолоду и завоевал, наконец. Им, в сущности, и держится театр. С театром, где шли твои пьесы, образовывается особая связь, как будто кровная. С ТЮЗом, и Новым, и основным, с Театром комедии эта связь есть. Но я сердился часто на ТЮЗ прежний, он неприятен мне иногда, точнее, бывал неприятен. Теперь старые счеты затуманены. И, водя Брянцева, как бы неосуществившуюся идею ТЮЗа, я испытываю только умиление.

Томашевские Борис Викторович и Ирина Николаевна. Он высокий, выражение упрямое, несколько сварливое, словно он не шутя играет в свои соседи и всеми недоволен. Человек любопытный. По образованию инженер, а по специальности литературовед. Доктор филологических наук. При всех взрывах и переворотах он, по тяжести характера, усидел в Пушкинском Доме. Выступает на заседаниях свирепо, ухитряясь, иной раз, кусать правых так же злобно, как виноватых. Уважаем. Но говорят о нем, поеживаясь, словно собираясь что

⁷²¹ ТЮЗ — имеется в виду Ленинградский театр юных зрителей, основанный А. А. Брянцевым в 1921 г. и открывшийся в помещении концертного зала бывш. Тенишевского училища в феврале 1922 г. На сцене ЛенТЮЗа шли спектакли по пьесам Шварца — см. «Зон Борис Вульфович», комм. 4 и 8, а также «Вейсбрем Павел Карлович», комм. 5.

⁷²² Полицеймако Виталий Павлович (1906–1967) — артист. С 1927 по 1930 г. — в труппе ЛенТЮЗа, с 1930 г. — в БДТ, исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

⁷²³ Пугачева Клавдия Васильевна (1906–1996) — артистка. В 1924–1934 гг. — в труппе ЛенТЮЗа, исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

⁷²⁴ Мамаева Нина Васильевна (р. 1923) — артистка. С 1946 по 1954 г. — в труппе ЛенТЮЗа, с 1954 г. — Театра драмы им. А. С. Пушкина.

⁷²⁵ Новый ТЮЗ существовал с 1935 по 1945 г.

- то прибавить, отдавая ему должное. Что- то оговорить. Всеми недоволен и всех обидел. Жена его, Ирина Николаевна, полна сил, которых хватило бы на множество людей. Хоть на учреждение. До сих пор сохраняет привлекательность, Она и пишет что- то и ведаёт дачей, что завела она в Крыму до войны, обменяла после войны и еще раз обменяла два — три года назад. И делами детей своих, сына и дочки, занимается она властно, хоть они уже имеют своих детей. Назвать ее бабушкой не позволяет очевидность. Встречаемся мы с Томашевскими редко, но контуры их отчетливо усвоены и не забываются.

19 июня

Тагер Елена Михайловна, ⁷²⁶ горемыка. Судьба как будто умышленно испытывает ее выносливость, не давая отдохнуть. Когда познакомился я с ней — в начале тридцатых годов — считалась она хорошей писательницей, да и в самом деле писала талантливо. Немножко слишком, как говорят формалисты, орнаментально. Она чувствовала себя ученицей Ремизова⁷²⁷, Замятина скорее. И поэтому одна из лучших ее книг начинается так: «Хухреват был поп, а попадя была телоносна». И даже в те времена, когда к подобному речевому ладу ключ еще не был утерян, нужно было некоторое напряжение, чтобы одолеть бесстыдное богатство языка. Но сама книжка была хороша. Когда переехала Тагер в наш дом, точнее, когда переехали мы на канал Грибоедова, 9, в писательскую надстройку, познакомился я с ней поближе. Узнал, что мужа у нее нет. Кажется, умер. Было у нее две дочки. Старшая очень красивая, привлекательная, с мягкими движениями и кроткими глазами. Подросток еще. И младшая, строгая, но шустрая, очень земная, во все дела дома вникающая, самостоятельная Машка. Литературные дела у Тагер шли лучше, чем можно было ожидать — побеждала ее сила. Она своего добивалась неотступно. Но куда девалась ее женская сила? Она жила одна, одна растила девочек. Было у нее много приятелей и друзей — и... никого! Когда старшей девочке исполнилось лет пятнадцать — шестнадцать, она умерла после аппендицита. Меня охватил ужас. Я любовался ею при редких встречах в нелюдимых коридорах надстройки. Только поздороваюсь — и словно свежим воздухом повеет, бывало, от ее кротости, женственности, благожелательности. На похоронах поразила меня Машка, младшая. Ей было, вероятно, уже лет семь. А она бегала по кладбищу, играла, всем своим видом показывая: «Ну вас, с вашими глупостями». Об умершей Елена Михайловна сказала кому- то из близких: «Это первый раз, что она огорчила меня за всю свою жизнь». Все с тем же упорным видом, большелица и длиннolica, телоносная; неотступно продолжала она жить, выдержав этот страшный удар. С издательствами дралась с переменным успехом. Поставили в Областном ТЮЗе у Мокшанова ее пьесу⁷²⁸. И вдруг в 37 году исчезла. Словно сквозь землю провалилась. Машку взяла тетка Тагер, старушка. Прошли слухи о смерти Елены Михайловны. Прошла война. После войны услышали мы, что Машка вышла замуж и родила девочку. А в прошлом году вдруг узнал я, что Тагер на свободе.

20 июня

И вот, несколько дней назад появилась Елена Михайловна у нас, в берете, похожая на

⁷²⁶ Тагер Елена Михайловна (1895–1964) — писательница. Незаконно репрессирована, реабилитирована в 1956 г.

⁷²⁷ Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) — писатель.

⁷²⁸ Говорится о пьесе Тагер «Гудочек», поставленной в Ленинградском областном ТЮЗе (1934), где директором был Мокшанов Николай Никифорович (1899–1946).

карточного валета, только седая. Но все такая же. То, что она рассказывает, невозможно, точнее, не в силах я записывать. И определяет это больше не ее, а время. Надо только сказать, что все она выдержала. Судьба должна это зачесть. И внешне — кроме седины — ничего нет в ней нового. Везла она с собой из Казахстана кошку, через все пересадки и приключения. А в Саратове у Машки оказалась своя. И саратовская так была приезжую, что пришлось ее отдать «в хорошие руки, в очень хорошие руки!» У Машки, как выяснилось, уже большая дочка. И Елена Михайловна, улыбаясь, полезла в сумочку. Я думал за карточкой. Но она достала конверт, а из конверта локон до странности золотого цвета. Взяла у внучки. Значит, не думает возвращаться. Боюсь, что Саратов был для нее еще одним испытанием. После этого жила она в Москве. Но там сейчас никого не прописывают. И вот приехала она устраиваться в Ленинград — седая, по — прежнему телоносная, нескладная, все с тем же упрямым, неотступным выражением всего существа. Но теперь уже совсем одинокая.

у

Перехожу к букве «У». **Управление по охране авторских прав.** ⁷²⁹ Когда пришел я туда в первый раз, называлось оно, кажется, иначе. В 1929 году. Как будто еще МОДПиК⁷³⁰. И встретили меня там неприветливо, когда получал я свои авторские, очень маленькие, за «Ундервуд». Исчислялись они, как и теперь, процентом с валового сбора, а билеты в ТЮЗе были очень дешевые, чуть ли не бесплатные. Затем увидел я там впервые Андрея Семеновича Семенова. Глаза черненькие, близко поставленные, нос хрящеватый и горбатый, лицо худое, вытянутое, небольшое, как сам Семенов, выражение губ скорбное, или ожесточенное, или оскорбленное. Темперамент бешеный, но взятый в кандалы, ходящий в ярме. Хотелось бы мне хоть в щелочку заглянуть, разглядеть, какие разрушения и чудовища породила загнанная внутрь сила в душе этого глубоко современного создания. О разрушениях и чудовищах говорю потому, что по ряду проявлений чувствую, что оседлан, взнуздан и взят в шоры он не к добру. Я и на себе испытал в начале тридцатых годов его норы. Он взыскал с одного меня долг общий мой и Олейникова за книжку «Газета». Олейников служил в Детгизе и у него выходили книжки, но он, Семенов, удержал полностью и без того ничтожные мои авторские только из неопределенной ненависти. Зато долг Нардома мне не взыскал.

21 июня

Жаркое лето 33-го года. Мы сидим в Сестрорецке без копейки. Иногда не хватает даже на обед. Сняли чердак над Каверинскими за 250 рублей. С дачевладельцами кое-как расплатились и пропадем от безденежья. Настроение отличное. Народный Дом, открывший Музыкальный детский театр, где шел «Остров 5 к»⁷³¹, не заплатил мне ни гроша, хоть пьеса уже и прошла. Они должны мне по договору 500 рублей. И вот отличное настроение мое гаснет: надо ехать в город к Семенову узнать, взыскал ли он эту сумму, по тем временам очень заметную. Я предвижу, что не взыскал. У Нардома запутанные денежные дела. Семенов, с такой простотой взыскавший с меня чужой аванс, в данном случае ничего предпринять не в силах, по его словам. И как говорятся эти слова! Однажды он крикнул, когда я вошел в отделенный фанерой закуток, где Андрей Семенович властвовал за

⁷²⁹ Управление по охране авторских прав.

⁷³⁰ См. «Мария Васильевна Бабаева», комм. 1.

⁷³¹ См. «Воеводин Всеволод Петрович», комм. 4.

письменным столом с папками и пишущей машинкой: «Подождите в коридоре, видите, что я занят!» При встрече с грубостью и открытым оскорблением я, к сожалению, тупею. И долго отходил я от посещений по Охране моих прав. Наш чердак с длинным окном виден был из окна вагона, когда поезд переезжал мост через канал перед Сестрорецком. И всегда вдали, в окне этом, в зелени деревьев я видел тоненькую фигуру в белом — Катя ждала меня, глядела, еду ли я. И я махал ей рукой, подавал знак, и она отвечала мне тем же. И среди своих я забывал, наконец, об искалеченной, садистической душе, пылающей серным пламенем за фанерной перегородкой. А через неделю опять отправлялся дышать этой отравой: деньги — то нужны были! Но он их так и не взыскал в мою пользу. С течением времени отношения мои с Семеновым резко изменились к лучшему. Я увидел, какие проходимцы толкутся вокруг ВУОАП, и понял, что грубость Семенова с незнакомыми имеет и другие основания. Не одно только желание дать выход душащим его страстям. Разглядел, как он трудоспособен. Оценил знания его в области авторского права. Понял, как всем работникам управления отвратительно следующее обстоятельство: получая гроши, платить крупные деньги людям, которых они не уважают. Едва Семенов решил в душе своей, что я не проходимец, отношение его ко мне резко изменилось. Но чувство, образовавшееся вначале, не совсем прошло.

22 июня

В моей душе не прошло чувство от скованного, беснующегося, а может быть, и бесноватого существа, нападавшего на меня от избытка каких-то темных сил. И как ни дружелюбно мы теперь разговариваем, я вспоминаю, что видел его голым, и какое это невеселое зрелище. Столько же, сколько Семенова, помню я Марию Васильевну. Это она выписывает тебе причитающийся гонорар. Подсчет производится с начала года: выписываются все суммы, причитающиеся тебе, потом все, что ты получил с начала года, и ты, трепеща, ждешь, что получится после того, когда из первого итога будет вычтен второй. И Мария Васильевна, горемыка и одинокая женщина, потерявшая единственную дочку. Только у нее и есть на свете, что мать, да и та все хворает. Живет Мария Васильевна в крошечной комнатке — потеряла площадь в эвакуацию. Хворает. У нее что-то со щитовидной железой. Она коренастая, с большим, излишне плоским лицом, с белыми глазами, за последние годы чуть излишне выпуклыми от болезни ее. И в ней бродят и не находят выхода силы. Она никак не может их направить себе на пользу, а все сердится. Мы с нею, кажется, в дружеских отношениях, но как ненавидит она всех, кто попадет под сердитую руку, и как ненавидят ее сотрудницы. Большая часть из них. До войны, когда помещалось управление на улице Росси, работал там бухгалтер длинный — длинный, с худым лицом, со щеками, румянец которых отдавал в коричневое. Не в пример остальным, крайне вежливый. Всегда старающийся помочь тебе. Известный как отличный финансовый работник. И вдруг — удар грома. Выяснилось, что он в течение нескольких лет растратил какую-то неслыханно большую сумму. Его судили, приговорили к расстрелу, но заменили приговор пятнадцатью, кажется, годами и сразу взяли на финансовую работу в недрах органов — так, во всяком случае, рассказывали. Вторая крупная растрата обнаружилась в конце войны. Очень привлекательная женщина, молодая, с кротким лицом. Говорили, что она возлюбленная Андрея Семеновича. Несчастная покончила самоубийством. Своеобразное учреждение, собирающее деньги, и крупные деньги, ВУОАП уже имеет своих мучеников, свои жертвы. В выплатной день — дым стоит столбом. Мученица-кассирша, страдающая бронхиальной астмой, глухо, мягко, глубоко кашляя, выдает по ордерам деньги и жалуется, что перегородка комнаты не до потолка.

23 июня

Сколько ни проси — в коридорах все равно курят. Там тесно. Очередь к Марье

Васильевне. В дымной полумгле видишь полную женщину, вдову опереточного сценариста, молодых авторов эстрадных песенок. Длинного старика, всегда полупьяного, со страстью осуждающего неведомо кого. Кто он? Не знаю. При встречах здоровается с таинственной улыбкой. Иногда говорит: «А помните, как мы встречались в Кирове?» Хоть убей, не помню. За что он получает авторские? Они, как заметил я, встречаясь с ним у кассирши, невелики. Не превышают ста рублей. Аранжировал что-нибудь. Перед кабинетом Андрея Семеновича светлее. Здесь несколько кресел. Овальный столик. Полно и тут. Все оживлены — в получении денег есть нечто возбуждающее. Кроме того, примешивается элемент игры: отчеты пришли, но никто не знает, сколько придется на его долю, да и вообще получит он что-нибудь, когда Мария Васильевна подсчитает два столбика и вычтет один из другого. Вроде как бы лотерея. Есть среди присутствующих и авторы, которым ничего не причитается, и они знают об этом. Но и они ждут, надеются перехватить что-нибудь у тех, кто посчастливее. Раз в декаду взбираются по крутой лестнице на пятый этаж драматургии и композиторы. В бухгалтерии стучат счеты. К Андрею Семеновичу, постучавшись, входят подписывать получившие от Марии Васильевны ордера, глухо кашляет кассирша. Клубами ходит табачный дым. В невыплатные дни в коридорах тихо, работает без устали только аппарат. Да после трех сидят у Андрея Семеновича люди, пришедшие посоветоваться о своих авторских делах. Иной раз удаляется Андрей Семенович в суд, защищать права авторов. И я со страхом думаю, что будет, если начнутся какие-нибудь реформы в области авторского права. ВУОАП учреждение нервное, строгое, но стольких кормит, подкармливает, защищает. Ничего, кроме хорошего, мы от него не видели. Дай ему бог здоровья.

Уварова Лиза. ⁷³² Характер трудный, склонный к самомучительству. И к мучительству. Когда встретил я ее впервые, тридцать с лишним лет назад, была она очень хорошенькой, очень молоденькой тюзовской актрисой. Она и Капа Пугачева были красой и гордостью театра. Лучшими травести.

24 июня

Теперь Лиза Уварова совсем другая. Уже давно рассталась она с ролями травести. Впрочем, и в молодости,

в 29 году, сыграла она роль старухи Варварки в пьесе моей «Ундервуд». Я настоял на том, чтобы ей дали эту роль. Мне казалось, что она отличная характерная актриса. Она сыграла маленькую роль в каком-то некрасовском водевиле⁷³³ по случаю какой-то памятной даты. И я твердо уверовал в то, что она характерная. В «Ундервуде» играла она отлично. Теперь, по общему мнению, она актриса острохарактерная, «гротесковая», как написали в последней рецензии⁷³⁴, и играет она уже не в ТюЗе, а в Театре комедии. Играет она много. Умна. Владеет французским языком. Комната обставлена с необыкновенным вкусом. И просто. Небольшая, но отличная библиотека. Самостоятельна материально. Кроме театра, работает на радио. Золотые руки. Она бутылка из-под чернил, похожую по форме на

⁷³² Уварова Елизавета Александровна (1902–1977) — артистка. С 1922 по 1935 г. — в труппе ЛенТюЗа, с 1935 по 1945 г. — Нового ТюЗа, с 1945 г. до конца жизни — в Театре комедии. Исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

⁷³³ Уварова играла роль скотницы Татьяны, 70-летней старухи в водевиле Н. А. Некрасова «Осенняя скука».

⁷³⁴ С. М. Осовцов в своей рецензии «Ирония и романтика» на спектакль «Обыкновенное чудо» в Театре комедии отметил, что Уварова всегда тяготеет к острой, эксцентрически гротесковой форме (см. «Ленинградская правда», 1956, 21 июня).

старинный штоф, расписала маслом так талантливо под екатерининский, что весело смотреть. И вряд ли хоть минуту в своей жизни была она счастлива. Ни когда была она женою Гаккеля, ни в замужестве за Чирковым. После каждой премьеры — в молодости — плакала она, что провалила роль, и ее общими силами утешали. Но вряд ли она хотела утешений. Она из той породы женщин, что, уставши, не отдыхают, а принимаются мыть полы в доме или стирать белье. Они свои раны не залечивают, а раздирают. Она теперь одинока. Но, и окруженная близкими, умела мучиться. А теперь комната ее, на которую так приятно смотреть, для нее — вечный застеноч, где она и палач, она же и жертва. Мучает она и всех, кто подвернется, — искаженная, изуродованная душа. Не хочется говорить о ней подробнее, потому что к таким старым знакомым привязываешься в конце концов. Да еще она только что сыграла в моей пьесе⁷³⁵. Да еще и праздник сегодня. Закончу на этом об Уваровой, хоть мог бы и продолжать.

Ф

26 июня

Следующая запись в телефонной моей книжке — **Финляндский вокзал**. С ним связано много. Близок он мне стал особенно в лето 29 года, переменившее всю мою жизнь. Тогда жил я напряженно и несчастливо и так счастливо, что кажется мне, что сохранилось это время, не могло исчезнуть, отпечаталось вовеки, открой дверь и войдешь. В те дни я, уклончивый и ленивый и боящийся боли, пошел против себя самого силою любви. Я сломал старую свою жизнь и начал новую. И в ясности особенной, и как одержимый, как в бреду. Все это было так не похоже на меня, что я все время думал, что умру. И в самом деле старая жизнь моя осенью умерла окончательно — я переехал к Катюше. Тогда Наташа четырехмесячная с матерью и бабушкой и Колей жили в Токсове. Жил там же Маршак с семьей. Еще какие-то знакомые появились там и исчезли, как призраки ушли со старой жизнью. Особенно напряжен и даже страшен был июль, когда заболела Катя. Мы ждали ребенка, но кончилось это ожидание бедой, и я отвозил ее в больницу. И вернувшись, она все температурила, и ей вспрыскивали морфий, и так же вдруг она поправилась. Худенькая, словно не имеющая веса, с огромными глазами, удивительно красивая. И кроткая, вся ушедшая в любовь. Самоотверженно и просто. И когда уезжал я в Токсово, провожала она меня на вокзале — вот как запомнился он первый раз. Она шла за вагоном по дощатому перрону, пока поезд не наберет хода. И вагон бежал над городом по высокой насыпи. Ревели моторы во дворе авиационного завода. За окнами серых корпусов какой-то больницы двигались люди в белых халатах. Мы пролетали по мосту над шоссе — и все у меня было окрашено, пронизано тем новым, до смертельной силы новым чувством. Да и в самом деле я старый, прежний умирал, чтобы медленно — медленно начать жить. До тех лет я не жил. Вероятно, вся толпа, все пассажиры были другими, масса мелочей, определяющих быт, были другими. Наступал конец нэпа, конец двадцатых годов. Но все с тех пор менялось так постепенно и неуклонно, что я не вижу этой разницы. А она, конечно, очень велика. И перемены продолжают. Давно ли я записал, что электричка гудит низким как бы влажным голосом, напоминающим теплоходы. А сегодня свистит она, словно детский свисток.

27 июня

В тридцатом году Наташе сняли дачу в Песочной. В те времена туда требовался

⁷³⁵ Уварова сыграла роль Придворной дамы в спектакле Театра комедии «Обыкновенное чудо» (см. «Театр комедии», комм. 5).

пропуск, местность считалась пограничной. Но я, по бездеятельности своей, не мог заставить себя идти заполнять анкеты, добывать справки. И, отправившись на станцию, купил билет до Сестрорецка и поехал в первом же поезде, идущем по Белоостровской линии. И уже в пути узнал, что поезд идет только до Левашова. В Левашове попытался я нанять лошадь у застенчивого финна, ожидавшего пассажиров. Он заломил такую несусветную цену, что я предпочел идти пешком. И все путешествие мое, хоть и продолжалось оно не больше часа, запомнилось как необыкновенно счастливое. Теперь я понимаю, что, оторвавшись от привычных мелких забот, выйдя хоть на час из колеи, я почувствовал самую основу своей жизни, напряжение, силу счастья, которые испытывал в новой своей жизни. Потом с того же вокзала ездил 31 году к Наташе в Разлив. И опять первая поездка была с приключением. Я взял билет до Разлива, а поехал круговой дорогой, через Белоостров, думая, что имею на это право. Кондуктор хотел оштрафовать меня, но я был нищ и уговорил его отпустить меня. Что он и сделал. И я от Курорта до Разлива опять шел пешком. Всего не перечислишь. Я входил в невысокое здание вокзала, брал билет и под стук колес словно отрывался на час от забот, делался безответственным. Словно пьянел. Голова работала живее. То вспоминались мне давние поездки, ранние утра на каких-то станциях в ожидании пересадки. То вспоминалось то, чего не было, но как будто и было. Увидишь пешехода, идущего дорожкой через поле где-нибудь за Парголовым, и вдруг словно окликнет тебя: постой — что это? Когда пережито нечто подобное? Ты шел? Или видел друга, идущего к тебе? В пути мир приобретает особую как бы прозрачность. Видишь не то пережитое и забытое, не то что-то существующее за видимым. Сейчас Финляндский вокзал стоит в лесах. Он погибнет в старом своем качестве и воскреснет в новом. Он уже умирал в войну и воскресал. Я не боюсь перемен. То, что было, оставило прочный отпечаток в душе. А новый вокзал — пусть будет новый. И я теперь не тот. Познакомимся?

28 июня

Флоринский Глеб Андреевич, ⁷³⁶ артист Театра комедии. Познакомился я с ним близко в эвакуации. Человек той

самой оскорбительной для обладателя одаренности, когда не хватает пустяка. Ему самому не видно, но холодные и безжалостные точные измерения в конце концов показывают, что не хватило полсантиметра в очередном прыжке. Да что там измерения — все видят. В отличие от спортплощадки, где надо измерять сантиметром или включать секундомер, тут весь зрительный зал — точный прибор. Несомненно одарен литературно. Здесь мешает актерское безразличие к форме. Он играл такое количество ролей в пьесах, написанных на все лады, что выразить свое и на свой лад не испытывает необходимости. Но пьесы его имели все же больше успеха, чем его актерские работы⁷³⁷. Длинный, с лицом худым и узким, не слишком благодарным для грима, он не заражал зрителей своей уверенностью. Этой уверенности не хватало. Она была слишком малоподвижна, не гибка и громка, чтобы внушать к себе полное уважение. Впрочем, эта уверенность, возможно, и не была поддельной. На собраниях Глеб выступал так же решительно, громко, часто задевая больше, чем хотел. Есть одно свойство, выработавшееся у нас, вряд ли понятное кому-нибудь в мире. Свойственно оно, главным образом, интеллигенции. Части ее. Впервые я услышал о нем от завлита Калининского театра, пожилой женщины, с которой познакомился

⁷³⁶ Флоринский Глеб Андреевич (1906–1967) — артист, драматург, режиссер. С 1934 г. до конца жизни — в труппе Театра комедии. Исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

⁷³⁷ Флоринский — автор пьес «Каменный остров» (1943), «Воскресный визит» (1948), шедших в Театре комедии и др. театрах. К моменту настоящей записи Шварца сыграл около 40 ролей, в том числе графа Фредерико («Собака на сене» Лопе де Вега), Гордона («Опасный поворот» Д. — Б. Пристли).

вскоре после войны, в поезде. Зашел разговор об отступлении. Она рассказала, как ушли артисты из города. Прямо из театра. Многие не успели разгримироваться. И она ушла с ними. Квартира, вещи — все было брошено. Сын — на фронте. Муж с заводом эвакуировался на восток. «Вышла за город, оглянулась — трассирующие пули, осветительные ракеты, пожары. И никого у меня нет, не о чем беспокоиться. И такое счастье от этого на душе, так свободно!» Должен оговориться. Время воспитало и ряд людей необыкновенно, копеечно расчетливых. Отсюда — пять счетчиков на пять жильцов в коммунальных квартирах. Или в доме ИТР в одной из квартир погибали от крыс, но не могли завести кошку. Жильцы не в силах были договориться, кому ее кормить. Один знакомый молодой плотник сидит на чае и хлебе — копит на мотоциклет. Копящих особенно много. Флоринский принадлежал, как и большинство актеров, к милому моему сердцу, первому разделу людей. Легких!

29 июня

Когда познакомились мы в эвакуации, в Сталинабаде, жили они в одной комнатке вчетвером. Флоринский с женой, Натальей Александровной, с падчерицей нежной и тощенькой по имени Лирика и с очень хорошенькой родной своей дочкой Леночкой. Когда по дороге в Сталинабад проезжал театр мимо Сталинграда, на станцию вышли родные Флоринского или Натальи Александровны — не могу вспомнить. А с ними собачка по имени Тришка, карликовый пудель, не больше болонки, с черными разумными глазками, едва видными в белой, длинной, вьющейся шерсти. Девочки пришли в такой восторг от Тришки, что хозяйева ее подарили Флоринским, и собачка отправилась в путешествие к Каспийскому морю и дальше на пароходе к Ашхабаду и Сталинабаду. И сама того не подозревая, все дальше и дальше уносилась Тришка от неминуемой смерти. Придешь к Флоринским, и встречает тебя лай Тришки, это прежде, чем скажешь «здравствуйте». И лай это не сердитый, нет — восторженный. Собачка, чуть не плача, шерсть у глаз влажная, приветствует знакомых, прыгая, перебирая всеми лапами, изнемогая от избытка чувств. И вся большая семья Флоринских встречает тебя с той драгоценной приветливостью, которую научился я так ценить за свою жизнь, особенно в эвакуации. Здесь и в самом деле рады тебе. И здесь легко. И хозяйева веселы, хоть и нет у них ни кола и ни двора, а будущее — неясно. И я до сих пор испытываю удовольствие, увидев длинную фигуру Флоринского, с головою чуть склоненной набок, с улыбкой на худом и длинном лице. Я не знаю его полностью, да и знать не хочу. В гибельные для театра, да и для Акимова годы силы, неиспользованные в искусстве, забродили, его потянуло к административной власти. Но и тут не хватило ему до звания мастера спорта двух — трех сантиметров. Мы давно не виделись. И Лирика и Леночка выросли и вышли замуж, и у Флоринского теперь две внучки. Но он мало постарел — бережет силы, все та же актерская легкость и беспечность. Даже строгие годы борьбы за власть в театре не состарили его. И я люблюсь им и не желаю углублять своих знаний о нем.

30 июня

Есть евреи не семитического, а хамитского типа: курчавые волосы, толстые негритянские губы. **Фрэнз Илья Абрамович** ⁷³⁸ противоположной породы. Если бы под его портретом стояла подпись: «Наследник Йеменского престола», всякий подумал бы: «Да, настоящий араб». Он строен, сухощав, смугл, длиннолиц, по — ближневосточному аристократичен. Попробую новый способ описания. Разговор, которого не было: «Илья Абрамович, вы кто: еврей, араб, русский?» — «Я, Евгений Львович — киношник». — «Во

⁷³⁸ Фрэнз Илья Абрамович (1909–1994) — кинорежиссер. С 1932 г. работал на киностудии «Ленфильм» ассистентом режиссера, затем вторым режиссером. С 1943 г. работал на киностудии «Союздетфильм». Ставил фильмы для детей и о детях, постановщик фильма «Первоклассница» по сценарию Шварца.

что вы веруете?» — «Никогда не думал об этом. Мне всегда, сколько я себя помню, было некогда. Работал, а в промежутках отдыхал. В домах отдыха. Там тоже все время было занято. Отдыхом. Я, как должно, не отказывал девушкам, с надеждой и доверием любующимся моей стройной, многообещающей ближневосточной фигурой. Нет, нет, я не обманывал их надежд. И ходил в экскурсии. И плавал. И играл в волейбол. А потом опять за работу. С головой. Козинцев до сих пор говорит, что лучшего помощника, или, говоря на нашем языке, режиссера у него не было. И это правда. А потом я стал самостоятельным постановщиком. И ставил со всей добросовестностью, на какую способен. Вы знаете, что среди постановщиков есть плохие люди, бездарные, глупые, наглые, но нет лентяев. Такова особенность производства. Лентяи в большинстве случаев гибнут с позором. Или развивают бешеную деятельность для того, чтобы свалить свою вину на других, то есть в конечном счете перестают быть лентяями. Вот и все, что могу я ответить на ваш вопрос. Точнее, мог бы ответить, если бы был приучен к этому» — «Значит вы ни во что не верите?» — «Что вы, для этого нужна прозрачная бандитская душа или темная, воровская. Я человек рабочий. Я поддаюсь тому, во что верят сегодня немногие люди, которых я уважаю. Это моя задушевная вера. Как бы святая святых. Но если начинают уничтожать этих немногих, которых я уважаю, и главк провозглашает противоположные истины, то я принимаю их к сведению и исполнению. Я человек рабочий. И чувство заказчика не покидает меня. Божие Богу — по возможности, и кесарево кесарю — по условному рефлексу. Я рабочий человек и человек своего времени. Впрочем, я этого не знаю, не позволяю себе знать, ни разу не сформулировал, иначе я не был бы я. Ответ мой — чистая условность. У меня вместо веры и убеждений — чувство заказчика, чувство среды, и довольно с меня».

1 июля

«Довольны ли вы собой?» — «Когда я бреюсь и вижу в зеркале свое узкое, восточноарабское смуглое лицо, вьющиеся волосы, черные глаза, то я доволен собой. Когда примеряю новый костюм, я доволен собой. Я сшил новый костюм! На деньги, заработанные самым высоким искусством мира! Ведь кино — самое массовое из искусств и так далее и тому подобное! Но есть нечто вызывающее угрызения совести. Я ни разу не имел по-настоящему большого успеха. Значит я чего-то не сделал, не додумал. Я, вероятно, слишком долго оставался при Козинцеве. На меня привыкли смотреть как на хорошего помощника. Как на человека из вспомогательного, а не основного состава. Правда, я умею показать зубы и встать на защиту своих прав. Но есть нечто, что все время мешает мне. Мой успех, а у меня был настоящий успех, но как бы сверхкомплектный, не зачисленный в формуляр. Это мучает мою совесть. Как же это я не сумел!» — «Сказывается ли ваша ближневосточная наружность на вашей работе?» — «Это вечная наша ошибка — мы ждем соответствия между психическими данными и красотой или безобразием. А между тем психическая жизнь моя находится в соответствии с Домом кино, но отнюдь не с домом отца моего. Возможно, что когда я выбираю между двумя поступками, то влияет тут вся моя сущность, полностью. Но поступки мои не выходят за пределы того, что принято в моей нынешней среде. Я в трудные дни моей жизни не раздираю одежду мою, не посыпаю пеплом голову, и из счастья не пляшу перед ковчегом. Разве что продаю по-библейски первородство, чтобы сегодня, сейчас же, сию же минуту поесть. Но это уже вошло в быт. Это принято. Вот я каков. В моих работах, в моих словах да и в моих действиях нет ничего, что слишком выделяло бы меня из среды. Да я и боюсь этого. Я живу, одеваюсь, думаю в подходящих пределах. И работаю. Чисто. Добросовестно. Средне. Может быть, именно потому, что самое сильное во мне никак не укладывается, не переводится на язык, который утвердился в моем искусстве. Не имеют названия и страсти мои, и я их поэтому не понимаю. Но и чувства некоторые я отбрасываю. Думаю, что, к счастью, силы, не нашедшие применения, не изуродовали меня. А ушли в неутолимую трудоспособность. И, вероятно, о них могли бы рассказать женщины, хотя я не бабник. Я не распутен, не сластолюбив, я страстен», —

«Простите, что я задавал вам все эти вопросы. Вы мне интересны как явление. Не вы как Илья Абрамович Фрээ, а Вы как человек известной породы, вышколенный известным временем и могучими пижонами самого массового из искусств». — «Понимаю. Но заставив меня говорить о себе так сознательно, вы лишили мой портрет главной черты: я не умею говорить. Я скрытен, сам того не зная. Я прост. Я не умею смотреть на себя и горжусь этим».

4 июля

Фаддеевы Дмитрий Константинович и Вера Николаевна ⁷³⁹ — люди дважды уважаемые; таинственная одаренность их кажется мне непостижимой и непостигаемой, чуть ли не божественной. Они математики — шапки долой! И музыкальны — прошу встать. Впрочем, музыкально, таинственно, одарен только Дмитрий Константинович. Он, не бросая математики, кончил консерваторию, по классу рояля, и утомленными своими глазами по растрепанным нотам просто и легко читает с листа, без малейшего напряжения. Ноты ему помощники, а не враги, которых требуется преодолеть. Почти каждую субботу в течение сумеречного периода моей комаровской жизни с осени 49 по 54 год — наступал праздничный вечер. С дачи Смирнова извещали: сегодня в семь часов музыка. В большинстве случаев число слушателей не превышало двоих: я и Вера Николаевна. Я сидел позади музыкантов. Вера Николаевна напротив меня у кафельной зеленоватой печки. Она могла любоваться и Владимиром Ивановичем, и собственным мужем. Первый сидел за роялем слева. На стул он подкладывал, по невысокому своему росту, толстую нотную тетрадь, кажется, бетховенские сонаты.

Долговязому Фаддееву и так было удобно. С первых же тактов играющие уходили в музыку, как в воду, как в среду, сильно изменяющую их свойства. Нисколько не казалось смешным, что Владимир Иванович то подпрыгивает, то вбирает голову в плечи, то откидывает вверх назад торжественно. А Дмитрий Константинович все покачивался и покачивался. Иногда среда поглотившая исчезала. Музыканты допускали ошибку. Тут они останавливались и, наскоро условившись, с какого такта начинать, снова благополучно одолевали трудное место и, сойдя с мели, погружались в свою стихию. Удивительно менялась, слушая музыку, Вера Николаевна. Она походила на курсистку — бестужевку. Лицо принципиально некрасивое, строгое. Судила и рядила беспощадно и храбро. Несла иногда, как и подобает курсистке, такое, что нельзя было не вступать с ней в спор. И при том отчаянный. Музыку любила до того, что первенца своего назвала Людвиг ⁷⁴⁰, в честь Бетховена, что тоже раздражало. Однажды пожаловалась: «У мальчика абсолютный слух. Мы так мечтали, что он пойдет в консерваторию, в дирижерский класс, а он выбрал физику!»

5 июля

И когда начинали в четыре руки наши музыканты, словно таяло осуждающее выражение ее лица. Вера Николаевна казалась теперь застенчивой, нежной, даже умной. Она слушала музыку не как общественница разглагольствует, а как «ангел Богу предстоит». Дмитрий Константинович высок, худ, выражение глаз серьезное, несколько странное, — у него что-то неладное со зрением от переутомления. Говорит несколько косноязычно, как Василий Алексеевич Соколов, учитель математики в нашем реальном училище в Майкопе. Отец лучшего моего друга Юрки Соколова. Не то картавит, не то не выговаривает нескольких букв. И мне чудится, что это не единственное сходство с Соколовыми у

⁷³⁹ Фаддеевы: Дмитрий Константинович (р. 1907) — математик, член — корреспондент АН СССР, любитель — музыкант; Вера Николаевна — математик, его жена.

⁷⁴⁰ Фаддеев Людвиг Дмитриевич (р. 1934) — математик, физик — теоретик, академик АН СССР.

Фаддеевых. Есть прелестное явление природы — талантливая и уравновешенная русская семья. Если бы не вызывающая ярость агрессивная простоватость Веры Николаевны, то целый ряд признаков этого явления ощущался бы ясней. Фаддеев ни разу за все пять лет нашего знакомства не сфальшивил. Все, что он говорил, соответствовало его мыслям, его представлению или ощущению. Я не могу себе представить, что он изображает профессора, видит себя со стороны и любит: «Я декан! Ай да я! Я выдающийся. Мы, ученые!..» и тому подобное. От врожденного отсутствия позы он, как таковой, стоит против предмета и смотрит на него не с условной, а с естественной точки зрения, без посредников. Поэтому об искусстве он тоже всегда говорит интересно. Или не говорит. Не притворяется.

Вера Николаевна, несмотря на то, что вечно я раздражаюсь, слушая ее — у нее не умозаключения, а приговоры, — чем-то и внушает уважение. Хотя бы душевной свежестью. Вечная студентка. Она основной двигатель семьи. И гараж построен благодаря ее энергии. И достраивается дача в Комарове. Она ведет дом. Детей их я знаю мало, но впечатление они производят хорошее. И такие резко ограниченные характеры, как у Веры Николаевны, необходимы для того, чтобы быть хорошей воспитательницей. Одеваются муж и жена не то чтобы небрежно, а не придавая этому значения. Свойство среды. И хорошие спортсмены — гребут, гоняют на велосипедах, путешествуют.

Х

6 июля

Ханзель и Гурецкая. ⁷⁴¹ Он красив, но вял, она некрасива, но полна жизни той самой, что вызывает свертывание молока, гниение. С той разницей, что бактерии невинны, бессознательно разлагают среду, в которой живут, Гурецкая же полна неистовой злобы. И нет на нее пенициллина. Держится до того уверенно и победительно, что многие искренне верят, что она хорошенькая. Дурнушки, которые держатся как хорошенькие, явление частое и скорее положительное. Но Гурецкая зла, разъедающе зла и, вероятно, от этого кожа ее лица кажется обожженной, словно ей плеснули кипятком в лицо. На самом же деле кипяток клокочет внутри неё самой. Я имел несчастье наблюдать, как она и заряженный ею вялый Ханзель разъедали, как и подобает патогенным бактериям, тот самый организм, в который их занесло. Ханзель, при всей своей вялости, отличный проводник именно злых сил. Противоположного явления не наблюдалось. На доброе, при всей своей вялости, не поддавался. Она бешено ненавидела Акимова, а заодно и весь Театр комедии. По их словам, приглашали их и в Вахтанговский театр и в Камерный и еще там куда-то, но по загадочным причинам оставались они в Комедии. В 49 году Акимов, не без их участия, точнее, в результате долгой, подтачивающей работы Ханзеля, Гурецкой и тех, кого удалось им настроить, мобилизовать, одурманить, был снят с работы. И театр остался без руководителя. И, как это вечно бывает, царь зла отказался платить тем, кто продал ему душу. А театр стал умирать, угрожая своей гибелью убийцам. Вечная судьба патогенных бактерий. Но те погибают с убитым ими организмом, ничего не понимая. Ханзель же и Гурецкая опомнились, перегруппировали силы и двинулись в бой за Акимова, присоединились к его друзьям. Прошло семь лет. Акимов вернулся в театр. Постаревший коллектив, все это время питавшийся от корней, пытается ожить. Постаревший и подурневший Ханзель, еще более, будто граната, исполненная сил Гурецкая ничего не выиграли ни от падения, ни от возвращения Акимова. Теперь мне придется портить схему: в Гурецкой есть

⁷⁴¹ Ханзель Иосиф Александрович (1909–1985) — артист. С 1936 г. до конца жизни — в труппе Театра комедии, исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца. Гурецкая Кира Яковлевна (р. 1910) — артистка. С 1936 по 1978 г. — в труппе Театра комедии, жена И. А. Ханзеля.

привлекательные стороны! Не смею скрыть. Первая — страстная любовь к своему делу.

7 июля

Это не редкость среди актеров. Но любовь Гурецкой сказывается не только в борьбе за роли и за славу. Она работает, непрерывно работает, муштрует, гоняет себя, учится. Брала уроки пения и теперь поет приятно и точно. Знает на зубок все роли, которые считает для себя подходящими, и все их сыграла, выбрав подходящий момент. На наших глазах она из плохой актрисы стала средней. А в «Льве Гурыче Синичкине» сыграла даже хорошо⁷⁴². Если бы не вечное беспокойство, не душевная чесотка, не истерическая суетность, может быть, из средней выработалась хорошая актриса? Далее: Гурецкая, не в пример озлобленным женщинам ее типа, любит и кого-то еще, кроме себя. Правда, эти «кто-то» ее мать и единственный брат. Но я помню, как обезумевший, закосневший чертов сын актер в Кирове во всеуслышание жаловался: «У меня большое несчастье — мать из блокады приехала». А в старом номере «Театра и искусства» в Кирове прочли мы, как дед этого самого актера — старый суфлер повесился в Ростове в нищете. И журнал упрекал в отсутствии дочерних чувств известную провинциальную актрису. И словно возмездие! Пришло время, и ее единственный сын отвечает ей тем же! Нет, нет, артисты ядовитые, обычно ядовитые до самого доньшка. А в Гурецкой вдруг, нарушая картину, обнаруживались человеческие свойства. Когда брат приходил к ней или разговаривала она с матерью, то даже хорошела. Мужа, на мой взгляд, любила она меньше. Женские желания ушли в любовь к актерскому ремеслу. Он для нее был не сожитель, а сообщник, по этой линии она с него и взыскивала. Бог с ними. Встречались люди, которых я выбирал, встречались и такие, близость с которыми образовывалась чисто механически, как в одном трамвае едешь. Я разглядел Ханзеля и Гурецкую, пока мы жили в смежных комнатах номера люкс в гостинице «Москва» в 44 году. И после этого, что бы я о них ни слышал, — все укладывалось в рамки первого представления о них.

Режиссер **Хейфиц**, благообразный и наклонный к полноте, начисто лишенный каких-либо пристрастий и убеждений, кроме привитых обстоятельствами.

Ц

8 июля

И при этом талантлив и что-то делает. Каким образом? А очень простым и страшным. Как солдат в атаке пробегает, когда ему оторвет голову, еще несколько шагов.

Цимбал⁷⁴³ существо своеобразное. Голову ему не оторвало, но он до того втянул этот орган в плечи, что практически дело сводится к тому же. Глаза у него светлые, почти белые, выражение лица спокойное, почти сонное. Мне жаловаться грех — лучшие статьи обо мне написал он⁷⁴⁴, но когда я вижу его длинное лицо с выражением сомнамбулическим, то

⁷⁴² В спектакле 1945 г. «Лев Гурыч Синичкин» А. М. Бонди (по мотивам водевиля Д. Т. Ленского) играла роль Лизы.

⁷⁴³ Цимбал Сергей Львович (1907–1978) — критик. В 1946–1947 гг. — зав. литчастью Театра комедии, автор монографии о Шварце, воспоминаний о нем и рецензий на спектакли по пьесам Шварца.

⁷⁴⁴ Цимбалу принадлежат статьи: «Романтика горных экспедиций на сцене ТЮЗа. «Клад» Евг. Шварца». Рабочий и театр. Л., 1933, № 29; «Брат и сестра» в филиале ТЮЗа. Там же, 1936, № 7; «Возвращение сказки». Там же, 1937, № 7; «Евг. Шварц и его сказки для театра». Ленинград, Л., 1940, № 7–8; «Театральные сказки Евгения Шварца» в кн.: Ленинградские писатели — детям, Л., 1954; «Добрая и беспокойная фантазия

испытываю страх. Привидение, но из плоти и крови. Убитый человек, не придающий этому обстоятельству особенного значения. Ну, убили и убили — подумаешь. Так даже спокойнее. Можно хладнокровнее относиться к окружающему. Хейфиц хоть бежит куда-то: осталась жизнь в ногах и руках — всю ду, кроме того органа, что оторван. Цимбал же никуда не спешит, а, напротив того, старается лечь и сложить ручки. Разлагается ли он? Боюсь, что да. Но в эту темную область я не смею заглядывать.

Цигельник Абрам Яковлевич, профессор, фтизиатр, одаренный природной добротой, благообразием, внешним и внутренним, сообразностью частей. Он и в самом деле рад помочь человеку и сохранил представление о сущности своего дела. Для него институт не просто учреждение, а больница, созданная для больных, для лечения. У людей подобного склада семья обычно избалованная, требовательная. Но он улыбается, не жалуется и живет благообразно, хорошо, работая в таком количестве и с таким напряжением, что мы, свистуны, через неделю так или иначе уклонились бы от этого ярма. А он не уклоняется и еще улыбается при этом.

Ч

Таня Чоккой. ⁷⁴⁵ Птичка. Любит жить и живет без лишних размышлений, как выйдет. Впрочем, года четыре назад училась в институте марксизма — ленинизма и утверждала, что это сильно расширило ее кругозор. Что, впрочем, практических последствий не имело. Познакомились мы в Сталинабаде. Жила она в одиночестве с сынишкой отчаянным Лешей ⁷⁴⁶. И этот радовался всему на свете.

9 июля

В те дни кто-то пустил слух по базару, что приезжие узбеки ловят детей и варят из них мыло. И, услышав об этом, жизнерадостный Лешка ворвался в комнату и сообщил, сияя: «Мама! Нас на мыло пегегабатывают!» И через несколько дней, увидев кусок черного пайкового мыла, спросил так же восторженно: «Мама, это из нас?» И Таня умела принять почти так же весело нищету, неудачи в театре, одиночество! Впрочем, одиночества-то и не было. Всегда за ней ходил хвостом кто-нибудь отвергнутый и при ней находился кто-нибудь, пламень которого был увенчан! И ничего она не требовала. И мне трудно представить ее себе не улыбающейся. Уж если очень обижали, чаще всего при распределении ролей, то улыбка делалась неподвижная и слезы выступали на глазах. Но она умела утешаться. Демони

— ческой, душераздирающей силы, подобной той, которой отравлялась и отравляла Гурецкая, в ней и помину не было. И была в ней храбрость неожиданная как будто в таком легком существе. Когда разбиралось в закрытом суде дело несчастного Киселева ⁷⁴⁷, попавшего в тюрьму по доносу кого-то из актеров, то Таня Чоккой храбро, не дрогнув, выступила в его защиту. И несчастный толстяк умер в заключении от диабета. И, умирая, получил свидание с женой. И просил поблагодарить Таню за ее поведение на суде, откуда и стало известным в театре все это. Сейчас Таня замужем. Лешка, который картавит, как в

сказочника» в кн.: *Шварц Е.* Пьесы. Л., 1960 и др.

⁷⁴⁵ Чоккой Татьяна Ивановна (1909–1995) — артистка. С 1934 г. — в труппе Театра комедии, исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

⁷⁴⁶ Бицкий Алексей Андреевич (р. 1937) — впоследствии инженер.

⁷⁴⁷ Киселев Валентин Георгиевич (1903—?) — артист, с 1945 по 1950 г. — в труппе Театра комедии.

детстве, кончил десятилетку, имея за все годы четверки только за поведение. Его приняли в Военно — воздушную академию и там подтянули, и поведение его стало более соответствовать успехам в учении. Недавно у Тани обнаружили опухоль и оперировали в Военно — медицинской академии. И она, улыбаясь, пошла на операцию и после нее вела себя так, что заслужила в больнице всеобщее уважение. К счастью, опухоль оказалась доброкачественной. И Таня — все такая же молоденькая, легкая, тоненькая живет, слава богу. Вряд ли есть у нее хоть приблизительно осознанная вера, но поступает она как человек, имеющий ее, и никого при этом не учит. Только радуется и радуется.

10 июля

Чарушин. ⁷⁴⁸ Смесь таланта, трусости, простоты как формы хитрости, здоровья и насквозь больной, запыхавшейся и надорвавшейся души. Во время одного из многочисленных совещаний по детской литературе писатели встретились вечером в кабачке на Арбате. Я не был, Олейников любовался беседой двух хитрецов — простаков Чарушина и епископа сей области поведения Пришвина⁷⁴⁹. Епископ поучал негромко Чарушина, и тот вопил в экстазе простоты: «Учите меня, учите, мне это до лешего нужно, до лешего!» В Кирове жил Чарушин в баньке. По приезду он ее расписал всю в русском стиле, но к тому времени, как попали мы в Киров, стены уже закоптились и покрылись пятнами, куда более органичными и современными, чем теремные цветы и птицы. Ласковость его и доброжелательность мало радовали. Этого товара у него было на окнах и полках много, и ты чувствовал бутафорию. Скоро мы в Кирове объединились в отделение союза.

11 июля

И выхлопотали из мясокомбината кости, получали их раза два в неделю и рубили и распределяли в предбаннике у Чарушина. Это очень большим подспорьем было для всех нас. И суп варили и продавали на рынке. Чарушин по ряду соображений отпустил бороду, что придавало ему вид жалостный и до того старило, что в военкомате при очередной перерегистрации спросили его: «А ты, дедушка, зачем пришел?» Маленькая, черноглазая жена не спускала с него глаз, со всех сторон глядели на него строгие глаза — так во всяком случае чудилось ему. И от этого охватывала его иной раз бешеная жажда греха. Об этой особенности его узнал я еще до войны. Рассказывали мне его товарищи, как, приехав в Москву и выпивши, метался он, как обезумевший, искал, с кем согрешить. И умолял друзей оказать содействие — посылал к цыганкам, певшим в ресторане. И что-то как будто даже вышло у него и не вышло по излишней торопливости. Таким робким грешникам роковым образом не везет, и все долго и весело обсуждали в самом начале оборвавшийся грех бедного Чарушина. Не знай я этого случая, то не поверил бы, до того тихо, с оглядкой жил он в Кирове. Писал картину «Партизаны». Начал учиться с меня, — ведь до сих пор он рисовал только животных. И я отобрал у него портрет. После первого сеанса был он очень хорош, а во втором начал он сомневаться, пугаться, сбиваться, портить, и я забрал эскиз себе. И это лучший мой портрет⁷⁵⁰. А был еще лучше, пока Чарушин смел оставаться самим собой. Уехав из Кирова, встречал я его только случайно. Однажды в 46-м году оказались мы вместе в «Стреле». В тот год поезд уходил из Ленинграда часов в пять и останавливался на всех больших станциях. И в Любани увидел я Чарушина, Пахомова, Курдова и еще нескольких

⁷⁴⁸ Чарушин Евгений Иванович (1901–1965) — писатель, художник. В 1943 г. — ответственный секретарь Кировского отделения ССП.

⁷⁴⁹ Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954) — писатель.

⁷⁵⁰ Портрет хранится в семье Наталии Евгеньевны Крыжановской. Воспроизведен в кн. «Евг. Шварц. Живу беспокойно... Из дневников» (Л., 1990) с ошибочной датировкой.

художников — все они ехали на какое-то совещание в Москву. Весело шли мы по перрону и вдруг поравнялись с международным вагоном. И увидели: Серов с кем-то из руководства сидел над списком фамилий и против них делал какие-то пометки.

12 июля

И сразу словно грозовое облако нашло. Лица художников померкли. Что это за списки? Что собираются с ними делать? Как сегодня решается судьба каждого из них тут, за закрытой дверью купе? Они, да и все мы знали, как непрочно репутация людей, незащищенных административно, не имеющих утвержденного имени. Вот «Стрела» двинулась в путь. Часа через два миновали ничтожную деревушку под названием — о, прочность репутаций утвержденных — «Большая Вишера» и остановились у большой станции под названием «Малая Вишера». Мы прошли мимо вагона судьбы. Взглянули на вершителей судеб. Пишут! Художники еще более потемнели и пошли за пивом. И Чарушин померк более всех. Еще года два — три ничего я не слышал о нем и вдруг узнал: на заседании в Москве при распределении каких-то премий Чарушин до того расстроился, что свалился и был увезен в больницу. Не то инфаркт, не то спазм. Через полгода примерно встретились мы во Дворце пионеров. Чарушин стал осанистым, постарел, но не так, как в Кирове. Тут не спросишь: «Дедушка, а ты зачем пришел?» А скорее скажешь: «Присаживайтесь, барин». Рядом как страж еще более встревоженная жена, неусыпный страж поведения и здоровья. Прелестный их мальчик Никита, необыкновенно одаренный художник в детстве, стал вдруг с годами словно бы выветриваться или осыпаться как художник. Так что дома нечем было утешиться. И Чарушин снова взбунтовался. Жажда греха и свободы, и наслаждения овладела им. И по роковому закону он снова попался. На этот раз с шумом, позором, угрозой суда. И он выстрелил себе в грудь из охотничьей винтовки, но промахнулся. Отстрелил часть мышцы и был, казалось бы, спасен и от попреков, и от суда, и от смерти. Но вот через год примерно узнаю я с ужасом, что сошел Чарушин с ума. Мания преследования! И увезен в психиатрическую лечебницу. Через полгода поправился.

12 июля

Потом снова принялся твердить, что его травят, считают не советским художником, что он погибает. Просил есть и пить. И снова увезли его в сумасшедший дом.

И применили новый способ лечения. Шок. Некоторое подобие электрического стула. Передернуло его током раз и два и, как это ни странно, электричество внесло порядок и свет в его перекрученную и замученную душу. И он поправился, и как будто находится в том самом более или менее устойчивом равновесии, что стоило ему стольких усилий и испортило ему столько крови. Послушный, тихий, не грешит, а, по слухам, работает.

Черкасов Николай Константинович ⁷⁵¹ — невинный простака, искренне верующий в себя как в человека государственного, многозначительного и гениального. Много лет находясь на содержании государства, привык к этому и требует спокойно, чтобы строили ему дачу, отправляли за границу лечиться и так далее, и тому подобное. И все это с полной убежденностью, что так ему и положено. Деляга и хапуга урвет потихонечку, из-за угла, он же при полном электрическом освещении, будто великий князь по цивильному листу. Однажды, вернувшись из Индии, зашел он к нам в Комарово, рассказал о поездке. Рассказал интересно. Но как припев через весь рассказ шло: «так приветствовали, такие речи

⁷⁵¹ Черкасов Николай Константинович (1903–1966) — артист, общественный деятель. В 1926–1927 гг. — в труппе ЛенТЮЗа, участник спектакля «Ундервуд» по пьесе Шварца. С 1933 г. — в труппе Театра драмы. Снимался в фильме «Дон Кихот» по сценарию Шварца в заглавной роли.

произносили!» Мы позвали его обедать. Он пришел. В окно я заметил, что несет он с собою большой белый сверток и удивился. Неужели решился великий князь принести что-то к обеду? Это было не в обычаях дома. И в самом деле: в свертке оказались переводы приветственных речей, что говорились в адрес нашего Коли в Индии, Обычное банкетное, полное вежливости красноречие. Но Черкасов принял его всерьез, как великие князья — приветственные крики на улицах. Впрочем, это еще полбеды. И скорее смешно. А вот что невесело — разучился Черкасов играть. Сам того не понимая, задохнулся и обленился. От отсутствия воздуха, сопротивления живой актерской среды. Не было риска проиграть, — и он разучился играть. Ходит важный, как собственный монумент, пустой внутри, совсем пустой. Даже писать о нем нечего.

13 июля

Чижова Елена Александровна решается непросто. Нужно поднимать всю историю русскую и, по возможности, проникать в законы чисто стихийных сил, что проявляются в тайфуне, землетрясении, в душах одиноких и сильных пожилых женщин, жестоко обиженных судьбой. Кончила Елена Александровна Смольный. В первую мировую войну потеряла мужа, во вторую — сына. Он был убит в двух шагах от нее. В первую мировую войну работала она сестрою милосердия на фронте. Общинной сестрой, где правила поведения внушались строгие, полумонашеские. И всю вторую войну провела в санбате. От первых дней, когда в ополчении потеряла сына, до самого конца. Там получила две «Красных звезды». Вступила в партию. Вернулась в Театр комедии, где стала завкадрами. Но у нее украли со стола портфель с ее партийным билетом. И, несмотря на все заслуги, ее исключили из партии. Таким беспощадным и оскорбительным образом. Шли тяжелые времена 49–50 гг. И Елена Александровна оскорбилась. Ей предлагали остаться в театре делопроизводителем. Отвергла. Не стала хлопотать о восстановлении в партии, когда жизнь пошла помягче. К горечи всех друзей отвергает любую попытку помочь. Живет упорно, властно и неприступно на двести рублей пенсии. Самые близкие терпят от нее, как от урагана. Но есть в ней драгоценное свойство, скрываемое в том самом тихом и таинственном, и неподвижном центре урагана, который мало кто наблюдал. Это чисто российские, даже дворянские качества — вера и верность. Но, увы, просыпаются они и оживают только разбуженные беспокойной и могучей рукой. Верующей оставалась Елена Александровна всегда. А сейчас прибавились к вере ее и те силы, что отдавала она земной службе. Как все это укладывается разом в ее сознании? А никак. Точные приборы отказывают во время урагана на корабле. И я смотрю на нее всегда и с уважением, и с ужасом. Но больше с уважением. И слушаю ее рассказы и о великих князьях, и о командире полка в этой войне.

14 июля

Чивилихин Анатолий Тимофеевич, ⁷⁵² один из самых привлекательных людей в нашем Союзе писателей. Честен органически, как бывают люди музыкальны или черноволосы. Худ. Застенчив. Лицо малоподвижно, за что Ольга Берггольц, когда находится в состоянии воинственном, называет его Буратино. Но душа его глубоко уязвима и нежна. Когда выдвинули его неисповедимые судьбы в секретари ССП, мы обрадовались, но в меру. Каждый понимал, что слишком уж он хороший человек для того, чтобы держать в страхе злодеев. Писал стихи он с наслаждением, а работу в союзе вел с ужасом и отвращением. Отчего много пил. Жена его, которую все зовут Соня, кажется очень некрасивой в течение первых трех минут. А потом простота и мягкость обращения не то что примиряют, а делают

⁷⁵² Чивилихин Анатолий Тимофеевич (1915–1957) — поэт.

чудо. Наружность ее, несмотря на модную прическу, с помощью которой она героически и наивно пыталась похорошеть, начинает тебе нравиться. Когда должна была она родить, вскоре после нашего приезда в Ленинград, шла она однажды вечером по нашему, еще неприбранному, обледенелому двору. Мать вела ее под руку. И я спустился вниз, когда она вдруг поскользнулась и упала. И прежде всего принялась успокаивать мать, что вдруг необычайно меня тронуло. Добрая женщина в беспорядочном, обледенелом, полном неулегшейся злобы мире. И благополучно родила она в положенный срок сына, и растит его, и душой болеет за мужа. Трудно ему приходилось. Приезжал в Москву он, даже номера не решался спросить себе, испытывая отвращение к надменному аппарату союза. Был случай, когда при обсуждении Сталинских премий не сказал он ни слова в защиту ленинградских кандидатур. Слишком честный человек для руководителя! Сейчас занимает он должность второго секретаря. В прошлом году, при распределении квартир, едва не спился от безразличия и ужаса. Строят сейчас себе дачу из щепочек. Дачу Мейлаха⁷⁵³, кирпичную, похожую на бывшую церковь, прозвали в ССП «Спас на цитатах». А дачу Чивилихина «Спас на долгах». Талантливый ли он поэт? Для меня это несомненно. Но именно честность натуры дает ему развернуться в полную силу, когда он пишет свое. А это удается ему не часто. Но голос у него свой.

Ш

15 июля

На букву «Ш» — одни Шварцы, родня, о которой так много знаешь, что никакого открытия не сделаешь, рассказывая. И люди всё разные, но близость с ними одинаковая, словно принудительная. Но все это не имеет отношения к делу. Начну.

Антон Шварц⁷⁵⁴ — был самым близким из родных. Нас объединяло время, среда, в которой мы выросли, достаточное сходство, чтобы понимать друг друга, и разительное несходство, чтобы друг друга удивлять. Самым поразительным для меня была Тонина уравновешенность. С самых ранних лет. Отец часто вспоминал, как двухлетний Тоня, когда его спрашивали: «Понимаешь?» — отвечал вяло и хладнокровно: «Помамаю». И помню я его, вероятно, с этого же времени. Мы сидим во дворе, на стульях, которые кажутся мне очень высокими. В руках у каждого по шоколадке, которые мы друг другу показываем. И что-то голубое связано с этим воспоминанием: Тонина шапочка с помпоном, вроде матросской, или голубые обертки шоколадных плиток, или ясное небо. Шоколадные плитки — с фокусом: дернешь за белый язычок, и собачка, нарисованная на обложке, откроет глаза. В те же времена или годом позже повели нас на Красную улицу в какой-то магазин — там показывали фонограф. От аппарата шли резиновые трубки с костяными наконечниками. Мне вставили эти холодные наконечники в уши, и я услышал какой-то отвратительный, нечеловеческий голос, и перепугался, и бросился бежать. Фонограф помнил и Тоня. Это — первое общее наше воспоминание. В 1904 году, летом, жили мы в Одессе. Мама решила кончить курсы массажа. На обратном пути остановились мы в доме бабушки⁷⁵⁵, возле кирхи. К этому времени жизнь у меня стала сложной. И Екатеринодар тех дней окрашен уже не одной краской. И тут мы с Тоней подружились. Он был так же уравновешен и спокоен и

⁷⁵³ Мейлах Борис Соломонович (1909–1987) — критик, литературовед.

⁷⁵⁴ Шварц Антон Исаакович (Тоня) (1896–1954) — мастер художественного слова, на эстраде с 1929 г. Двоюродный брат Е. Л. Шварца.

⁷⁵⁵ Шварц Борис — дед Е. Л. Шварца, владелец мебельного магазина в Екатеринодаре.

поражал меня богатством своего языка. Идем мы по улице, впереди — женщина, одетая модно. И Тоня говорит: «Какая красивая талия». И я молчу, не смею спросить: «А что такое талия?» В те дни Тоня твердо решил, кем он будет — купцом. Но таким, который возит товары в Африку. Мы из цветной бумаги, наматывая ее на плоские дощечки, делали товары. Материю, которую везем. Из серебряной бумаги — крошечные ружья: очевидно, под размер штукам сукна. И везли через реки и горы.

16 июля

Я помню екатеринодарский их двор пыльный, с деревьями, желтеющими не от осенних холодов, а от избытка жары, преждевременно стареющие. Соседские мальчики по фамилии Канатовы. Тоня, как самый спокойный и цельный, руководил нами, а мы с удовольствием подчинялись. Иногда игра прерывалась. Муравьи строим ползут, ползут, двигаются куда-то вверх черным ручейком по светлой коре какого-то дерева. Вернее всего пирамидального тополя. И мы обсуждаем, куда они спешат. И выясняется, что Тоня знает о муравьях больше всех нас. Толково, уверенно и спокойно он рассказывает, а мы слушаем с тем страстным вниманием, которое всегда просыпается, если мы остаемся в пределах своего мира, и которое умирает от малейшего насилия. Взрослые постоянно внушают: «Слушай, что тебе говорят». Тоне и в голову не приходит требовать внимания. Он рассказывает естественно, а мы естественно впитываем то, что он говорит. Таков мирный перерыв игры. А вот Канатов говорит что-то непочтительное о евреях. Так как я себя евреем не считаю, а игра в полном разгаре, я не придаю сказанному ни малейшего значения. Просто пропускаю мимо ушей. А Тоня вдруг теряет интерес к игре, встает и думает о чем-то, прислонившись к дереву. Канатов с виноватым видом спрашивает, почему перестал Тоня играть? А Тоня, не отвечая и не спеша, удаляется в дом. И Канатов сокрушенно признается, что это он виноват. Зачем он ругал евреев? При довольно развитом, нет — выше меры развитом воображении я нисколько не удивлялся тому, что Двоюродный брат мой еврей, а я русский. Видимо, основным я считал религию. Я православный, следовательно, русский. Вот и все. Лето девятьсот третьего года провели мы в Жиздре у бабушки. До этого, в Майкопе прочел я взятые у девочки соседки учебники для первых и вторых классов — Ветхий и Новый завет. В Жиздре впервые в жизни причащался. И я веровал в те годы без малейшего сомнения. Даже и не представлял, что они возможны. И вот тут обнаружилась область, где я столь же естественно и просто был для Тони авторитетом, как Тоня для меня в других областях жизни. При доме дедушки был садик, отделенный забором.

17 июля

Кусты барбариса. Акации. И тут однажды в сумерках завязался у нас разговор о Боге, рае и аде. Тут я говорил с уверенностью, а Тоня слушал, впитывая каждое слово, что меня еще более вдохновляло. И вот нас позвали чай пить. И когда мы перелезали через забор, сокращая путь, Тоня задержался на миг и спросил: «Скажи, а если еврей хороший человек, он может попасть в рай?» — «Конечно!» — ответил я без малейшего колебания. Я не сомневался, я веровал, что иначе и не может быть. И Тоня, когда мы уже перешагнули через верхнюю перекладину, снова задержался на миг и сказал с глубокой серьезностью, сидя верхом на заборе, поражая меня, как всегда, богатством словесного запаса: «Этим ты меня значительно успокоил!» Мы встретились через восемь лет — в тринадцатом году, весной. Мне было шестнадцать с половиной лет. Тоне — семнадцать. О том, как сидели мы на высоких стульях, он не помнил, фонограф — как через туман, но разговор на заборе запомнил твердо. За эти годы я бесконечное количество раз слышал о нем. Рос я нескладным, раздражал этим отца — человека здорового, красивого, рослого, вспыльчивого, страстного и цельного. И каждый раз, побывав в Екатеринодаре, он попрекал меня Тоней. Тоня — прекрасно декламирует. Круглый пятерочник. Однажды за столом зашел разговор о

том, как устроен знаменитый Новороссийский элеватор. И Тоня спокойно, толково и с полной ясностью объяснил взрослым это. Году в двенадцатом, возвращаясь из Анапы, побывал я у его родителей⁷⁵⁶. И Беллочка рассказывала о сыне еще подробнее и восторженнее, чем папа. И о его учении. И о его успехах. Однажды у них обедал известный миллионер Юкелис. И он предложил Тоне, рассказав какой-то анекдот: «А ну, переложи это на стихи — дам пять рублей», и Тоня, выскочив из-за стола, побежал к себе и через пять минут вернулся со стихами, от которых старик Юкелис пришел в восторг и заплатил обещанную сумму. Тони не было. Он гостил за границей у бабушки в Наугейме. К моему удивлению, по большой шварцевской квартире бегала маленькая, нежная девочка — лет трех. Тонина сестренка⁷⁵⁷. О ее существовании я и понятия не имел.

18 июля

К тому времени отношения со взрослыми у меня до того усложнились или скорее упростились, что я пропускал мимо ушей все их разговоры, если они не направлены были непосредственно ко мне. Они жили своей жизнью, а я своей, в достаточной степени сложной, и говорили мы на разных языках. Я их не осуждал за это. Напротив, склонен был часто считать себя виноватым, но понимал, что и это не поможет нам понять друг друга и объясниться. Вот отчего пропустил я мимо ушей, что у Тони родилась сестренка. И не придавал значения похвалам по Тониному адресу. Не сердился на них. И с интересом поехал погостить к ним весной тринадцатого года. Тоня прислал мне открытку, в которой звал меня, и кончал ее богато: «*Sic volo, sic jubeo*»⁷⁵⁸. Я был реалист, так что латинскую эту цитату перевел мне папа. Конечно, Тоня оказался совсем не таким, как описывали старшие. Худенький, узкоплечий, бледный, с ясно выраженными шварцевскими чертами лица — не семитическими, а хамитскими: полные губы, густая шапка жестких волос. Глаза глядели спокойно и достойно. Язык его рядом с моим был все так же богат, так что в первый день склонен был я обвинить его в страшном грехе — в неестественности. Главный недостаток, которого с детства приучала меня бояться мать. Но, к своему удивлению, вслушавшись, понял я, что за непривычной манерой выражаться скрывается понятный и близкий мне смысл. Я был варварски самоуверен. Шел по своим путям, но мы быстро поняли друг друга. Меня в те дни раздражало то, что разумеют под «музыкой прежде всего» в поэзии. Мне казалось, что аллитерация — ничего не стоит рядом с настоящей музыкой. Музыкальные поэтические картины. И Тоня прочел мне у кого-то из французов, как тот продекламировал за спиной трехлетней сестренки классический отрывок, где с помощью аллитерации изображался бег колесницы (что-то вроде: квадрупеданс педес и т. д.). И сестренка даже не оглянулась. Итак, мы снова оказались похожи и непохожи и легко понимали друг друга.

20 июля

Тоня был куда образованней меня, но вместе с тем мальчик, спрашивающий, может ли хороший еврей попасть в рай, не умер в нем, а вырос. Время было скептическое и эстетическое. Екатеринодар яснее ощущал влияние нынешнего дня: туда приезжал Бальмонт и скандалил за ужином и принялся ухаживать за Беллочкой, Тониной матерью. За ужином,

⁷⁵⁶ Шварц Исаак Борисович — врач, дядя Е. Л. Шварца, отец А. И. Шварца, участвовал в любительских спектаклях, исполнял главные роли; Шварц Изабелла Антоновна (ум. 1953) — жена И. Б. Шварца, мать А. И. Шварца.

⁷⁵⁷ См. «Шварц Валентина Исааковна и Маргарита Исааковна», с. 620.

⁷⁵⁸ Так я хочу, так я приказываю (*лат.*).

что давали в его честь, он вел себя так, что к концу осталось всего несколько человек. И Бальмонт спросил Исаака: «Вы любите свою жену?» — «Да!» — ответил Исаак с мрачной, шутиливой серьезностью. «И я тоже!» — сказал Бальмонт. «Что ж мы будем делать!» — воскликнул Исаак, схватившись за голову с комической серьезностью. На другой день тихий и трезвый пришел он к Шварцам с визитом и, уходя, написал в альбом Беллочке: «Душа светлеет, Увидя душу, Союз наш верный — Я не нарушу». И уехал читать стихи и скандалить в Новороссийск. И Тоня видел его в непосредственной близости. А в Майкоп подобные существа не забредали. Приезжал и пел свои стихи Игорь Северянин⁷⁵⁹⁷⁶⁰. И Тоня наблюдал его в непосредственной близости. И удивился и огорчился (за меня), узнав, что я не люблю его стихи. И толково, спокойно и рассудительно объяснил, почему они ему нравятся. И я подумал: «Ладно, об этом надо потом подумать». Так я всегда поступал в те дни при столкновении с чем-то, требующим душевного или умственного напряжения в области для меня новой. Рассказал мне Тоня о Мамонте Дальском⁷⁶¹. Он почему-то не мог найти комнату, приехав на гастроли, и Тоня провожал его по адресам, где знаменитый артист мог устроиться. Дважды потерпели они неудачу, и гастролер сказал с великолепной задумчивостью: «Когда я умру, тысячи людей пойдут за моим гробом, а сегодня мне негде приклонить голову». И хоть подобные существа забредали и в Майкоп, но им далеко было до Мамонта. Тоня к своим семнадцати годам много видел, много наблюдал, не раз побывал за границей, прочел множество серьезных книг, и они отлично уложились у него в голове. Свои знания добывал я, как Робинзон. Но мы понимали друг друга, как десять лет назад.

21 июля

В Екатеринодаре пробыли мы недолго: поехали в Кабардинку, куда был приглашен Тоня, предупредивший, что захватит и меня с собой. К этому времени мы совсем уже подружились. Большая шварцевская квартира была пуста, и я орал, пробуя голос, и брэнчал на рояле, и однажды напал на Тоню в дверях его комнаты, заставил его фехтовать штиблетами, что нес он в руках. И Тоня сказал весело и удивленно: «С тобой я опять превращаюсь в мальчишку». По пути к Новороссийску море появляется перед тобою как чудо, после станции Тоннельная, после самого длинного из тоннелей. Ты узнаешь его со знакомым прочным чувством. Живой синий шелк представляется полным значения, которое потом, потом поймешь, сейчас слишком весело, чтобы думать и заставлять себя сосредоточиться. Пройдя через двухэтажный новороссийский вокзал, отправились мы на извозчике в Кабардинку, не удаляясь от моря. Оно синело справа во всей славе своей, а горизонт стоял в уровень с нами, и когда шоссе шло высоко, и когда опускалось в долину. Я все спрашивал — какая дача у Рейновых — такая, как эта, или такая, как эта, и Тоня терпеливо и солидно объяснял: побольше. Поменьше. Приблизительно такая. Все эти дни — я говорю уже о 56 годе — испытываю я чувство, похожее на то, которое овладело мною в шесть лет, когда родился Валя. Тогда мать отвернулась от меня, что было вполне понятно. А теперь мне все кажется, что жизнь отвернулась от меня, что никак не поставишь никому в вину. Возраст. И воспоминания вызывают не радостное чувство, как еще недавно, а подобие обиды. Как будто я был обманут. Но должен честно засвидетельствовать — я был счастлив, когда ехал с Тоней на пароконном извозчике по шоссе от Новороссийска к Кабардинке, и так хохотал и дурил, что побаивался, как бы молчаливый, степенный грек — извозчик не осудил

⁷⁵⁹ Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) — поэт, переводчик.

⁷⁶⁰ Северянин Игорь (наст. имя и фам. Игорь Васильевич Лотарев) (1887–1941) — поэт.

⁷⁶¹ Дальский (наст. фам. Неелов) Мамонт Викторович (1865–1918) — артист. С 1890 по 1900 г. — в труппе Александринского театра. Гастролировал в провинциальных и столичных театрах.

меня. Дача Рейновых оказалась похожей на те, что видели мы по пути. Белая, двухэтажная. Стояла в негустом садике, среди акаций. Хозяева оказались приветливыми.

22 июля

Милочка Рейнова, наша сверстница, с глазами, как черносливы, несколько полная для своих лет, несколько по — южному коренастая, тем не менее очень понравилась мне — она принадлежала к таинственному миру девушек. Не женщин, которых я к тому времени познал и скорее презирал, а девушек, о которых я думал почтительно, даже печально, и вместе с тем надеясь — на что? Потом, потом пойму, потом! Я не задерживался на этом ощущении, чтобы не рассеять его туманности. Любил именно эту неясность. Нравилась мне Милочка Рейнова еще потому, что звали ее Милочка, как девушку, в которую я был в те дни отчаянно влюблен. Милочкина мама, воспитанная и доброжелательная, и старая гувернантка Милочки не мешали, а помогали общему чувству довольства, приличия и праздничности. Вечерами подолгу задерживались мы у моря. Однажды по какому-то поводу сказал я, что все существующее разумно. Придав этому смысл: все к лучшему. И Тоня спокойно, толково и ясно поправил меня и разъяснил смысл этого гегелевского утверждения. Рейновы были состоятельные люди, но ни водопровода, ни канализации на даче и в помине не было. А деревянная уборная устроена была в неудачном месте. Всякий с балкона видел, кто направляется в этот домик за нуждой. И Тоня как-то заметил, смеясь: «Смотри, как любопытно! Если на балконе одни взрослые, я иду в уборную спокойно, а если там Милочка, не могу!» И однажды во время долгих вечерних бесед на море рассказал Тоня одну историю. Уже к середине я догадался, что рассказывается она неспроста. Тоня под прозрачными псевдонимами вывел себя и Милочку и еще неизвестных мне людей. Выходило так, что он был увлечен и мог надеяться на взаимность, но появился некто третий, которого предпочла она. И тогда он, Тоня, перенес свою любовь на девушку с удивительными синими глазами. И Милочка сказала: «Это правда! Глаза у нее удивительные». Сказала убежденно, но чуть ревниво. Ах, как это было таинственно, печально. Такие именно истории и слушать на берегу, когда шумит прибой.

23 июля

Вскоре я узнал, что таинственный третий — это Исачка Пембек. А девушка с удивительными глазами — Вера Михалева. Никто ни в кого не был влюблен, но чувствовалась возможность этого — такая уж сила бродила в каждом. Соприкасались и отталкивались — зерна не давали всхода пока. Мы не только сидели у моря, а бродили по темному шоссе и рассказывали друг другу страшные истории, и я испытывал тот полный ожидания страх, который начисто исчез с годами. И Милочка Рейнова говорила: «Вот Исачка Пембек — у него есть какое-то особенное спокойствие. С ним я ничего не боюсь, а с вами мне страшно». И я проникался уважением к Исачке Пембеку. И когда я познакомился с ним в 16 году, то разглядывал его с уважением. Он оказался коротеньким, наклонным к полноте, черноглазым студентом, с преждевременно редющими волосами. Держался он спокойно и просто, был и в самом деле привлекательным. Мы выпили по бутылке вина, что во время сухого закона являлось редкостью. И еще немножко ликера. И Исачка Пембек, высунувшись в окно и глядя во двор шварцевской квартиры, сказал с подчеркнуто меланхолическим выражением: «Какой печальный ландшафт!» Тогда, в Кабардинке, представлял я его совсем другим. Я не помню, сколько пробыли мы у Рейновых, вероятно, не больше недели, но время это представляется мне как целый период жизни. Мне было с Тоней очень удобно. Я мог говорить с ним обо всем, кроме двух самых важных для меня и глубоко запрятанных сторон моей жизни. Это о моей любви к Милочке Крачковской и о том, что я пишу стихи. И вот мы простились навеки с веселыми днями и таинственными, обещающими чудеса вечерами и отправились на извозчике в Новороссийск. И море синело влево от нас, то

близко, за деревьями, то внизу, под обрывистым берегом, но горизонт стоял всегда на одном уровне с нами. В Новороссийске поезда надо было ждать несколько часов, и Тоня предложил зайти к Юкелисам, к тем самым богачам, о которых я уже слышал не раз.

24 июля

В узенькой новороссийской улочке стоял, ничем не отличаясь от других, выбеленный одноэтажный дом. На звонок наш через щелочку двери выглянула недоверчивая женщина и сообщила, что никого нет, все в отъезде, кроме такого-то. Тоня поблагодарил за сведения и с разочарованным видом увел меня. Дома оказался почти сумасшедший брат или дядя Юкелиса, обычная история в богатых еврейских семьях. И вскоре мы расстались с Тоней, чтобы встретиться через год в новом мире — военном. Осенью приехал я из Майкопа в Екатеринодар, где мобилизованный папа мой служил врачом в войсковой больнице. На душе было темно, не по возрасту — терзала и не давала покоя любовь к Милочке. Война казалась зловещей, но была только фоном к тому, чем я жил. Насколько светлее было прошлое лето, лето тринадцатого года. Екатеринодар тех дней больше всего связан у меня с запахом новой, только что отлакированной мебели. В мебельном магазине дедушки встречались мои дяди и их друзья, возвращаясь с работы. Самоуверенные и спокойные адвокаты, друзья младшего из моих дядей, Саши. Исаак, Тонин отец с выражением всегда несколько гневным и осуждающим. Магазин узкий и длинный, как галерея, ряды буфетов, кресел, диванов, исчезающих в глубине. Больше всего и увереннее всего говорили адвокаты — и о литературе, и о театре, и о суде, и о женщинах. В адвокатской комнате висело расписание — кому по дороге в суд покупать газету. Составлено оно было на тридцать пять дней, а ниже стояла надпись: «К этому времени война кончится». О женщинах говорили они с непривычной для меня откровенностью. Так один из них громко и подробно рассказал о проститутке, которая славилась тем, что причинное место у нее холодное. Он сам проверил. И мне странно было слушать спокойный и уверенный адвокатский голос, повествующий о вещах вполне непристойных. Особенно странно потому, что за день до этого я познакомился с его дочерью — гимназисткой. Мой полумонашеский майкопский мир исчезал.

25 июля

С Тоней мы встретились на этот раз как старые знакомые, но я успел сильно перемениться за этот год. Я

провел несколько месяцев в Москве⁷⁶². Вспоминаются они мне до сих пор, как несколько лет. Я утвердился в своей робинзоновской внутренней жизни. Кое-что самодельное, кое-что принесло к моему острову течение. Я писал стихи, подобные робинзоновской одежде. И на этот раз показал их Тоне. Он выслушал стихи мои с недоумением и даже неловкостью. Указал, что так не рифмуют. И возражал против полного отсутствия музыкальности, когда увидел, что я разумею под этим не в теории, а на деле. Печальные для меня длинныедлинные екатеринодарские дни. И споры в большом Сашином кабинете. Он уступил нам комнату в большой своей квартире. Все чуждо мне — и огромный адвокатский письменный стол, и кожаный диван с высочайшей деревянной спинкой, на вершине которой вмонтированы полочки. На полочках — вазы с глазурью немецкой выделки и фотографии какого-то актера с трогательной надписью, и Сашиной дочке от первого брака. Позади стола — книжный шкаф с роскошными изданиями. Четыре толстых тома: «Мужчина и женщина», словарь Брокгауза или «Просвещения» и еще какие-то книги с корешками, сияющими золотом. Кожаные мягкие кресла. За окнами ныне исчезнувший

⁷⁶² Конец лета и одно учебное полугодие 1913 г. Шварц жил в Москве, слушая лекции в Университете А. Л. Шанявского.

очень мной любимый шум: быстрый стук копыт по мостовой. Мне казалось когда-то, что это едут непременно к нам. И что приезд этих неведомых людей принесет мне счастье. Но не этой осенью. Я ничего хорошего не ждал в августе 14 года. И так, мы спорили. Тоня даже написал пародию на, мои стихи, пародировал мое стремление дать непременно картину: «Стол был четырехугольный. — Четыре угла по концам. — Он покрыт был мантией палача. — Жуткой, как химеры Нотр Дам». Все, кроме последней строчки, никак мне не свойственной, было очень похоже. Но самый факт написания пародии показывал, что Тоню задело что-то в моих стихах. А я был задет его указанием на полную неграмотность в технике. Нам сшили студенческую форму⁷⁶³. У одного портного.

26 июля

И достали билеты в вагоне «Новороссийск — Москва». Достали в Новороссийске — из Екатеринодара в военное время не просто было выбраться. Толпа у вагонов, шум, какие-то девушки кричат Тоне с площадки, вручают нам билеты, и вот мы отправляемся в Москву. Несмотря на любовь, терзавшую меня, не дававшую ни минуты покоя, я ухаживал всю дорогу за беленькой девушкой. Она ехала в Петроград на курсы. С нею — мать, худенькая, черненькая, моложавая. Жили они где-то на границе с Турцией (Манглис?). Отец-офицер служил там. Мы всё стояли на площадке, а мать появлялась от времени до времени, присоединялась к нам. И Тоня стоял тут же на площадке. Он не ухаживал — скорее снисходительно и вежливо принимал знаки внимания и восхищения от худенькой стройной девушки по имени Галя. Маруся Бахчисарайцева — гимназистка в Екатеринодаре, Галя и новые наши знакомые в поезде — все восхищались красотой Тониного голоса. А кто-то из взрослых сказал, что у него органый звук голоса, что когда он говорит, чувствуешь обертоны. Тоня охотно читал вслух. Но об актерской карьере и не думал. Сказывалась та же инерция, что не пустила отца его в актеры, а даже строгая моя мать подтверждала, что Исаак необыкновенно одарен. Та же сила привычной колеи, что не дала моей матери, ее брату и сестре пойти на сцену. Впрочем, вряд ли мы думали тогда об одном каком-нибудь пути. Казалось, что всё «пока». Война. Как можно решать что-нибудь окончательно. Беллочка, по особой характерной уверенности своей, что надо хлопотать и родственники помогут, написала в Москву своим двоюродным братьям, чтобы они оказали нам содействие. Они приняли это как должное. Один из них, седой сорокалетний, другой чуть моложе, лысый, с усами и светлыми нагловатонасмешливыми глазами, в день приезда приняли нас в конторе, принадлежащей им. Какой? Не поинтересовался. Оба серьезно, солидно давали нам советы, обращаясь больше к Тоне. Советы совершенно ненужные. Например: питаться в студенческой столовой. Там теперь кормят дешево и хорошо.

27 июля

Или: сдавая белье прачке, сосчитай его и запиши. Впрочем, младший из Тониных двоюродных дядей, тот, что с нагловато — насмешливыми глазами, Аркадий, указал нам, что в Дегтярном переулке, этажом выше его квартиры сдается комната. И это сведение не представляло ни малейшей цены. В те дни в Москве на каждом квартале можно было увидеть зеленые прямоугольные бумажки в окнах домов. Это были объявления о сдающихся комнатах. Красные объявления указывали на сдающиеся квартиры. Тем не менее мы воспользовались дядиным советом и поселились в Дегтярном переулке. Хозяином оказался чех лет тридцати, музыкант из оркестра Художественного театра. Вся семья его состояла из жены и свояченицы по имени Граня, которой чех горловым голосом читал иногда нотации.

⁷⁶³ Е. Л. и А. И. Шварцы были приняты на юридический факультет Московского университета.

Начинались они громко: «Граня, я тебе говорю!» — а в дальнейшем он понижал голос. Комнату мы сняли просторную, с новой светлой, модной в те дни мебелью. Так была обставлена и вся квартира. Вот и начался первый семестр моей студенческой жизни, который, когда я вспоминаю, представляется мне долгим, как бы многолетним. Два раза уезжал я в Петроград. После второй поездки, когда показалось мне, что жизнь моя кончена, решил я идти на войну добровольцем, или «охотником», как говорилось в книжечке, данной мне в канцелярии воинского начальника для сведения и руководства. Тоня, увидев у меня эту книжечку, сказал спокойно: «Ты уже потому охотник, что несешь дичь». Война только начиналась. Для несовершеннолетнего, каким я являлся тогда, требовалось, чтобы пойти на фронт, разрешение родителей. Приехала мама. Словом, ничего не вышло. И это другая история, а я рассказываю о Тоне. В этот период жизни мы были дальше друг от друга, чем когда-либо. Юридический факультет я ненавидел. До самого здания, коридоров, аудитории, студентов. Тоня, который обладал значительно более организованным умом, принимал его здраво.

28 июля

Я чувствовал себя не то что чужим, а вызывающим протест в среде дяди Аркадия, куда пышнотелая, темноглазая, живая, молодая, вечно напевающая что-то из оперетт, простоватая его жена постоянно звала нас то к обеду, то к ужину. У нее был мальчик — не от Аркадия — лет пяти. И с Аркадием они были не венчаны.

Бывал у них вечно в гостях сытый человек лет тридцати пяти, спокойный, уравновешенный, довольный жизнью. Бывал Метнер, брат композитора, до наивности немецкой наружности. И он владел какой-то конторой, как Аркадий, или была у него фабрика. С ним тощая блондинка, подруга жены Аркадия, находящаяся в том же положении при Метнере, как та при Аркадии. Длиннолицая и, на мой взгляд, немолодая жена адвоката появлялась всегда в сопровождении молодого спутника с лицом грубым и наглым. И целая шайка подобных молодцов иной раз являлась с ними. Сам адвокат, бледный до бесцветности, похожий лицом на Чайковского, держался несколько брезгливо в стороне от компании жены. И при Тоне однажды, когда в компании его жены вышла какая-то ссора и к адвокату обратилась жена с жалобой, он ответил: «Не вмешивайте меня в свои грязные дела». Он, адвокат этот, поразил нас годом примерно спустя. Шла премьера пьесы Андреева «Король, закон и свобода», шла с неслыханным успехом⁷⁶⁴. Зал обезумел, когда король приказал открыть плотины и утопить немцев. Зал представлял явление куда более поразительное, чем сцена. И наш знакомый, бледный до бесцветности адвокат, похожий на Чайковского, охваченный общностью, массовостью чувства, побледнев еще более обыкновенного, кричал, вскочив на кресло: «Так их, топи их, туда их!» И никому, кроме нас, не казалось это странным. Приближались новые, страшные времена, но в первый год войны мало кто угадывал это. И мы с Тоней успели забыть то особое, зловещее чувство, которое испытали, увидев на маленькой станции по дороге в Москву первых раненых. Теперь встречались они в каждом переулке, вошли в быт.

29 июля

Итак, в сытом, довольном собою, модно обставленном доме Аркадия жизнь шла привычной для них и невозможной для меня дорогой. Я вижу теперь, что никогда в жизни не смел брать. Не в похвалу себе говорю. Вечно я чувствовал себя виноватым, неведомо в чем, но, увы, ничего не делал, чтобы эту вину загладить. И не доводил до конца, если что-

⁷⁶⁴ В октябре 1914 г. пьеса Л. Н. Андреева «Король, закон и свобода» была поставлена в Московском драматическом театре Суходольских. Спектакль получил широкий отклик в прессе.

нибудь в этом направлении начинал. Взять хоть бы мою попытку пойти охотником на фронт. Я мог бы добиться своего — и отступил. Впрочем, это другая история. Разглядывая мир дяди Аркадия, я испытывал чувство, похожее на ревность, — с какой уверенностью потребляли они все, что давала им жизнь. А мои колебания приводили только к неясности чувств и сбивчивости желаний. Тоня принимал окружающую среду спокойно и с достоинством, не принимал, но и не вступал с ней в спор. Однажды только оба мы ужаснулись. Шел сбор в пользу какой-то курсистки. Я попросил Аркадия принять в нем участие, и вдруг развеселое и наглое лицо его приняло выражение жестокое и свирепое.словно змей выглянул, и мы испугались.

В следующем семестре поселились мы отдельно. Я снял комнату в солодовниковском доме в Лебяжьем переулке. Любовь моя к Милочке Крачковской вдруг сломалась под собственной тяжестью. Жизнь стала пустой — столько лет я жил только этим. Тоня же продолжал спокойно и не теряя равновесия развиваться. И особым достоинством являлось то, что он сохранял ясность взгляда. Он продолжал сам смотреть. Сохранял самостоятельность. Прочитанные книги помогали ему смотреть, а не являлись целью. В те времена образовалась группа студентов, выделяющихся из общей среды. Семенов⁷⁶⁵ — красивый малый, несколько охотнорядского склада. Рындзюн⁷⁶⁶ — маленький, сутулый, с лицом недоверчивым, но вместе с тем и спокойным. Он в эмиграции под псевдонимом Ветлугин выпустил роман «Записки мерзавца». Сладко и нагло улыбающийся, глупый, но самоуверенный до того, что это качество скрадывалось, — Волков⁷⁶⁷, впоследствии близкий к умершему Художественному театру человек. Инсценировал для них «Анну Каренину». Для большинства из них, из этой группы студентов, «эрудит» было высшей похвалой. Стилизация их восхищала. Тоню считали они равным. Но он был выше. Весна шестнадцатого года. Мы перешли на третий курс, возвращаемся в Екатеринодар на каникулы. В Кавказской — пересадка. Мы увидели в тупике екатеринодарские вагоны, стоим на задней площадке, ждем, когда прицепят. Зелень, еще не тронутая жарой, поражает после Москвы богатством, решетку станции не видно, все заросло травой и кустами. Мы разговариваем с жадностью и с прежним уважением к опыту друг друга. И если у нас нет ясной веры наших отцов и умерла детская вера, то потребность веры осталась. В нашем разговоре есть элементы того, что вели мы в дедушкином саду. Да, мы еще ничего не начали всерьез, война продолжается, все, что мы делаем, это «пока». Но мы говорим о том, что будем делать. К этому времени Тоня уже уверовал в мои варварские стихи и даже носил их показывать Бунину. К счастью, его в Москве не оказалось. А я с уважением отношусь к Тониным знаниям и привык к его манере говорить. Так мы и жили, все «пока» да «пока». Судьба забросила нас в Театральную мастерскую⁷⁶⁸. Мы стали актерами, что было естественно для Тони и совсем неожиданно для меня. Он женился на тоненькой, высоколобой огромноглазой Фрима Бунимович⁷⁶⁹. Женился и я. Оба мы развелись со

⁷⁶⁵ Семенов Александр Васильевич (1896—?) — студент юридического факультета Московского университета с 1914 по 1919 г. Его дед — купец 1-й гильдии.

⁷⁶⁶ Рындзюн Владимир Ильич (псевдоним А. Ветлугин) (1897 — после 1946) — писатель, журналист, сопровождал С. А. Есенина и А. Дункан в заграничной поездке в качестве переводчика, в 1930 г. издавал журнал «Paris — Comit» в Америке.

⁷⁶⁷ Волков Николай Дмитриевич (1894—1965) — театральный критик и драматург.

⁷⁶⁸ См. «Вейсбрем Павел Карлович», с. 569 и комм. 2.

⁷⁶⁹ Бунина Ирина (наст. имя и фам. Фрима Бунимович) — артистка Театральной мастерской (Ростов — на — Дону, Петроград). Первая жена А. И. Шварца.

своими женами, которые, кстати, ненавидели друг друга. Встречались редко — каждый шел своей дорогой. Тоня кончил юридический факультет, работал некоторое время адвокатом, продолжая выступать как чтец, и, наконец, окончательно отказался от адвокатуры. Со свойственным ему спокойствием относился он к переездам из города в город, к гастрольным своим поездкам. И объездил всю страну с программами, которые составлял сам. И имел очень большой успех всюду, где бы ни выступал. Ему найдется что сказать, если его спросят, что он за свою жизнь сделал. Он все уезжал, виделись мы редко, но я каждый раз испытывал некоторое огорчение, узнав, что Тоня собирается снова в путь. И вот пришла война. И мы встретились в Москве, в гостинице «Москва». Он рассказывал о фронте. С моей точки зрения, он не изменился. Но один из актеров, бывший с ним на фронте, рассказал мне. Генерал очень полюбил Тоню, все гулял с ним и разговаривал, и молодая жена генерала пожаловалась однажды: «Что нашел он в этом старике?»

30 июля

Для меня студенческие наши дни, даже детство — было точно вчера. И, глянув на седую Тонину голову, я подумал: «Да время — то идет». Но тут же почувствовал: «Идет, но не проходит». Я вспомнил, как однажды сравнил Олейников время с патефонной пластинкой, где существуют зараз все части музыкального произведения. Для меня Тоня не мог быть стариком. Я видел за случайными сегодняшними признаками его основную неизменную сущность. Он был, как всегда, уравновешен, и вместе с тем, или именно благодаря этому, голова его работала с той честностью, энергией и ясностью, что меня так покоряло всю жизнь. Он был спокоен и, несмотря на это, или благодаря этому, брал тех женщин, которые ему нравились, и они соглашались на это. Он всю жизнь нравился женщинам, как его отец, как все Шварцы, полногубые, негроподобные, — я, к сожалению, не принадлежал к их породе. И как все Шварцы, он всегда был влюблен в тех, с кем сближался. В одних бол: ше, в других меньше. Как принимала это Наталья Бор тсовна⁷⁷⁰, жена его, — не знаю. В семье все казалось спокойным и уравновешенным внешне, а глубже я не пытался заглядывать. И те, кто любили его, не называли его стариком. И за время войны, и в послевоенные годы мы сблизились больше, чем когда-нибудь, именно потому, что едва намеченное в молодости утвердилось, разъяснилось и окрепло после всего, что пришлось нам пережить. Тоня в 44–45 годах поселился на Тверской, не доходя до того самого Дегтярного переуллка, в котором начали мы свою студенческую жизнь. Одноэтажный старинный особняк с колоннами. В 14 году помещался аут паноптикум. Огромные залы особняка в 44 или 45 году разделены были фанерными стенками. И Тоня с женой жили в такой длинной самодельной комнатке, выходящей окном во двор. Позже поселились они на улице Немировича — Данченко в большом новом парадно — показательного стиля доме, где жили мхатовские артисты. В квартире Вишневого⁷⁷¹. Сам народный артист умер, сын его работал в ТАССе в Италии, в большой четырехкомнатной квартире жила только дочь Вишневого, Наталья Александровна — высокая, еще молодая, но измученная туберкулезом почек и брюшины женщина. Лицо значительное, смертельно — бледное, огромные глаза. Под ними не синяки, а черные провалы. Выражение несмирное. Что пережила и передумала она в большой своей комнате? **июля**

В одиночестве? На столе — портрет Станиславского с длинной надписью. Он желает Наталье Александровне быть талантливой, как отец, умной и прелестной, как мать, а главное — счастливой! Когда ночевал я у Тони, Наталья Александровна была в отъезде или в

⁷⁷⁰ Шварц — Шанько Наталия Борисовна (1901–1991) — переводчица. Вторая жена А. И. Шварца.

⁷⁷¹ Вишневецкий (наст. фам. Вишневецкий) Александр Леонидович (1861–1943) — артист. С 1898 г. — в труппе МХТ.

больнице, и мне, по ее указанию, отвели эту ее большую комнату. И на меня двинулись клопы, в позорном изобилии. Огромный парадный дом с затеями. Огромные окна, выходящие на административно чистый, по — московски подтянутый переулок. Два милиционера внизу беседуют со швейцаршей, точнее, лифтершей одного из подъездов — их, кажется, пять. Когда успел этот новый дом внутренне разложиться до такой непристойности? Улица Немировича — Данченко, обиталище ведущих артистов МХАТа, и клопы, клопы. И мне, когда я то зажигал, то гасил свет, выходил на балкон и снова пытался лечь и уснуть — все чудилось в явлении этом нечто значительное, объясняющее нынешнее положение театра. То, что желал Станиславский театру, так же мало сбылось, как и то, что желал он хозяйке комнаты, в которой мучилась она от болезни, одиночества и клопов. Когда утром спросил я Тоню и Наташу, почему не вступили они в бой с насекомыми, выяснилось, что они пытались это сделать. Но в их комнатах осталась библиотека хозяина, уехавшего в Италию. И клопы гнездились в книгах. Из этого убежища их не выгнать. От пола до потолка возвышались полки, корешки книг глядели на тебя сомкнутым строем, вызывая привычное уважение и вместе с тем укрывая полчища паразитов. Тоня относился к окружающей среде со своей обычной уравновешенностью, принимая ее без лишнего раздражения. Книги оставались для него книгами, и он брал из них то, что следует, оставляя клопов в стороне. Он готовил монолог Фауста и спокойно и толково спорил с Пастернаком⁷⁷² по поводу отдельных строк перевода, и Пастернак разговаривал с ним как со своим и соглашался. Встречался Тоня с людьми достойными, круг его знакомств был никак не похож на актерский. И был он, как всегда, влюблен, но дома, как всегда, это не чувствовалось. Мы рады были, встречаясь, — с годами привыкли понимать друг друга еще точнее.

1 августа

Но вот в конце сороковых годов Тоня тяжело заболел. Инфаркт. В результате сердечной недостаточности — плеврит, болезнь почек, кишечника. Мне казалось, что неверно это. Не может быть. Я, приехав в Москву, отправился к Тоне в клинику на Девичьем поле. Когда-то мы тут по соседству обедали в медицинской столовке, где бывали вечеринки, необыкновенно веселые. Местности я не узнал, но мог сообразить, где эта столовка помещалась. Больничная холодность, халат не по плечу, высокие коридоры и, наконец, неестественно высокая, небольшая, узкая палата на три койки. Тоня, все такой же спокойный и уравновешенный, очень бледный. Всегдашняя больничная связанность. И в самом деле — как разговаривать, когда в двух шагах лежат люди. Один читает, другой пишет письмо. Едва разговор завяжется, как чувствуешь, что хотят не хотят соседи, а послушают. Тоня шел уже на поправку — восьмой месяц, как он лежал. Мы провели вместе часа два. И я, без всякой веры в возможность этого, чисто рассудочно думал: неужели мы видимся в последний раз? К этому возрасту я привык к тому, что подобные вещи случаются чаще, чем ждешь. Но в глубине души я этому не верил. И Тоня в самом деле поправился и скоро — через год — уже выступал в концертах. И ездил по всей стране. И собирал полные сборы в Ленинграде, в Большом зале Филармонии. Как Тоня читал? Я долго привыкал, да так и не привык окончательно к этому виду искусства, к художественному чтению. Для меня исчезал смысл стихотворения, если к литературной выразительности примешивали еще декламационную. Всегда несколько искусственно — холодноватую. Условную. И громкую. Смысл — я говорю о поэтическом смысле — грубел и шел на дно. Пока я был актером, то притерпелся к этой условности. Потом отвык настолько, что, услышав недавно, как Журавлев⁷⁷³ читает «Даму с собачкой», как грубеет и твердеет самый высокий смысл, самый драгоценный из многих

⁷⁷² Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) — писатель, поэт.

⁷⁷³ Журавлев Дмитрий Николаевич (1900–1991) — артист, мастер художественного слова.

смыслов повести, то пришел в ужас. И ярость. Тоня обладал прекрасным, редким, низким, органичным голосом. И в его чтении я понимал автора. Особенно прозу. Потому что Тоня, хоть и допускал декламационную, излишнюю, по моей застенчивости, выразительность, чувствовал законы вещи.

2 августа

Мне казалось, когда начинал он выступать в качестве чтеца, что его особенности — голос, манера — делают похожими друг на друга и Державина, и Блока, и даже Сумарокова. Но в дальнейшем приемы его стали точнее. Большое лицо, шапка густых волос, спокойные светлые глаза, высокий рост, уверенность — органическая, внушающая уважение, простая. Жест, правда, несколько неуверенный, — да Тоня и не пользовался им почти. И голос. Великолепный голос. И зал подчинялся и верил. Мы несколько раз встречались с Тоней в Москве, каждый раз останавливался я у него, на улице Немировича — Данченко. Занимал только не большую комнату, а маленькую, где сложены были чемоданы и кое — какая старая мебель и не водились совсем клопы. Впрочем, я засыпал постель дустом перед тем, как лечь. Тоня уже готовил новую программу. Выступал. Однажды из окна троллейбуса увидел я, как пытается он сесть в мой вагон, а кондуктор не пустил, — переполнено. И у меня почему-то сжалось сердце. Я вспомнил, как на Николаевском вокзале увидел в последний раз Юрку Соколова тоже вот так, через стекло. Правда, Юрка был в вагоне, а я стоял на платформе, но никогда мы больше и не увиделись. И я вышел на остановке у улицы Горького, дождался следующего троллейбуса и встретил Тоню. Казалось, что он был совсем здоров в те дни. Но я почему-то испытывал какую-то неуверенность. Вот пришел Тоня и просит поскорее налить ведро горячей воды, поставить туда ноги. Прилив крови к голове. И у меня то же чувство, которое испытал я, когда Тоню впервые назвали стариком. И он, заметив, угадав — ведь столько лет мы знакомы, — говорит мне спокойно и ласково: «Да ты не расстраивайся. Ничего». Говорит больше интонацией, чем словами. Потом с глубокой неохотой переехал Тоня в Ленинград. Тут ему опять стало хуже. Он отлежался. Поехал на дачу в Москву и опять захворал и попал в ту же самую клинику, что прежде, на Девичьем поле. И снова, приехав в Москву, я отправился навестить Тоню и, пройдя через гулкий вестибюль и получив халат не по плечу, отыскал я Тоню в неестественно высокой палате на три человека. Он поправлялся.

3 августа

Что, собственно, рассказывать? Он поправился, но не так, как пять лет назад. Болезнь сваливала его с ног еще и еще раз, безболезненно почти, но упорно. Он принялся за книгу. Ему хотелось рассказать о своем опыте чтеца⁷⁷⁴. Он боялся, что выступать больше не придется. Он захворал, вдобавок к сердечной болезни, — забыл, какое имя носит это несчастье. У него стали шататься и выпадать зубы. Ему сделали мост. Золотой. И очень неудачно — испортили ему дикцию. И это огорчало его. Книжку писал он упорно. Интересной казалась мне мысль о том, что чтец обязан найти, от имени кого читается вещь. Угадать авторский характер. Не в актерском, а в особом плане. Не выходя за пределы своего искусства чтеца. Он зашел показаться профессору Рыссу, Симе Рыссу, нашему сверстнику. И Сима сказал мне: «А ты знаешь, что Тоня обречен? Ему жить — месяц, другой, — у него сильнейший склероз. Особенность склероза — его избирательность. Мозг — не тронут. Голова свежа. А человек обречен». И я не поверил этому. Тоня решил начать выступления — настолько он хорошо себя чувствовал. Но сначала по радио. Там спокойнее. Мы с Эйхенбаумом должны были зайти к нему — посоветоваться о Тониной книге. На радио

⁷⁷⁴ Книга А. И. Шварца «В лаборатории чтеца» вышла в 1960 г.

затянулась репетиция. Тоня устал. Когда я позвонил, что мы с Эйхенбаумом идем к нему, Наташа сообщила, что свидание придется отложить, Тоня заболел. И больше мы не виделись. То лучше, то хуже, то лучше, то хуже. Я был у Войно — Ясенецких на именинах. Позвонил домой. Все время занято. Слишком долго. И это встревожило меня. Я поехал домой. И узнал, что Тоня умер. Он обосновался в те дни у сестер — у Вали, той самой нежной девочки, появление которой так удивило меня в большой шварцевской квартире в Екатеринодаре, и у Муры⁷⁷⁵, которая появилась на свет годом — двумя позже. Валя уже совсем седая. Мура и Наталья Борисовна сидели возле постели, на которой лежал Тоня с обычным своим рассудительным и спокойным выражением, только глаза были закрыты, и это был не Тоня. И как бы мы ни жалели его, уже ничего общего не было между ним и нами. С месяц назад, в сильный ветер, поздним, хоть и светлым вечером включил я радио и услышал живой Тонин голос. Он читал «Медного всадника», и я слышал даже его дыхание.

4 августа

И хоть ветер шумел за окнами и брата, дыхание которого я слышал так ясно, будто стоял он рядом в комнате, уже не было в живых, я испытывал скорее радость, чем печаль. Если бы я умел! Я чувствовал за привычным смыслом вещей другой, настоящий. Еще усилие — и я пойму, что «времени больше не будет» и ничто не ушло, не умерло из пережитого. Но это последнее усилие — в который раз сорвалось. И мир вскоре принял свой непрозрачный и непреодолимый образ. Вот и все, что удалось мне рассказать о Тоне. **Его сестры**, телефон которых записан на той же странице, — немолодые женщины. Беллочка в свое время, когда исполнилось Тоне едва три года, решила, что из него выйдет артист. И заставляла его декламировать гостям, поставив его на стул, как на эстраду. И не ошиблась в своем предчувствии. Едва девочки подросли, Беллочка так же всею душою своею и всеми помышлениями уверовала, что вырастут они балеринами. И жизнь очень одаренных и умных девочек оказалась исковерканной. В начале тридцатых годов удалось было Муре сбежать в оптический институт, где сразу отметили ее как выдающуюся студентку. Садясь заниматься, она тетради целовала от восторга. Но железная воля Беллочки вернула ее на сцену. Валя, при всей своей мягкости, оказалась упорнее. Чтобы дать представление о ее характере, расскажу один случай из ее жизни. Было ей, вероятно, лет двенадцать, когда Беллочка привезла ее и Муру в Ленинград, устраивать в хореографическое училище. Остановились у Тони. Однажды сидел он у себя в комнате, читал. Вдруг слышит из кухни нежный и кроткий Валин голосок: «Тонечка, ты не занят?» — «Нет, а что?» — «Тогда иди, пожалуйста, в кухню. У нас, кажется, пожар». Вбежав, Тоня увидел, что примус пылает и разбрасывает вокруг горящий керосин. Еле потушил. И вот Валечка, эта самая, тихая и скромная Валечка, настояла на своем — ушла в институт иностранных языков и осталась там, к ужасу Беллочки, в аспирантуре, взяв специальностью старофранцузский язык. Впрочем, диссертацию не удалось ей защитить. Помешала война и послевоенные кампании. Так они и живут. И стареют.

Третий Шварц ⁷⁷⁶ в моей книжке — это мой родной брат Валентин. Вот уж о нем совсем не могу писать. Относимся мы друг к другу отлично, встречаемся раз в два, в три года. Был я когда-то заметно старше него: шесть лет разницы. А теперь ему 54, а мне 59 — чуть ли не ровесники. Он инженер, занят с утра до вечера. У него двое детей. Игорь — 27 лет и Сергей. Этот родился во время войны в Благовещенске, как и старший брат, Игорь. Я всегда рад, когда слышу его голос, столь знакомый. Но только по телефону мы и говорим. А

⁷⁷⁵ См. следующую запись.

⁷⁷⁶ Шварц Валентина Исааковна (1901–1990) и Маргарита Исааковна (Мура) (р. 1912) — двоюродные сестры Е. Л. Шварца. Шварц Валентин Львович (1902–1988) — брат Е. Л. Шварца, инженер.

не встречаемся. Почему? Кто знает. По особой Шелковской породе. Так и мама потеряла всякую связь с братьями и сестрами. Не могу я писать о брате, потому что он совсем перед глазами, хоть и видимся мы редко. Не найти точки зрения. Предмет расплывается.

Перехожу к **Мише Шапиро**.⁷⁷⁷ С ним жизнь свела в 46–47 годах, когда ставилась «Золушка». Высокий. По-еврейски толстеющий — с нижней части живота. Таким образом, его туловище как бы отстает от той части фигуры, что помещается ниже пупка. Носит усики, что придает ему злодейское выражение, не соответствующее действительности. Он растерян, и в мыслях у него такой узел, что лучше не пробовать развязать. Точнее — распутать. Ибо никто этого узла не завязывал, а он сам образовался от ночных страхов и дневных туманов. Эта путаница в мозгах иногда приводила меня в ярость, пагубно отражалась на работе. «Золушку» снимали в роковой 46 год. После известного решения ЦК⁷⁷⁸ стали требовать переделок. Я был в те дни в Сочи. Вернувшись и посмотрев материал, я согласился переделать только те куски, которые у постановщиков явно не вышли. Написал новые куски сценария. Их принял редактор, согласилась на них Кошеверова. А Миша вдруг повел себя требовательнее редактора. «Все-таки эта поправки не показывают, во имя чего мы снимаем картину, не проясняют идеологическую сущность...» — и так далее. Это самоубийственное бормотание привело меня в ярость. Но вот съемки кончились

5 августа

О картине появились положительные рецензии во всех газетах⁷⁷⁹, кроме «Правды» и «Известий». И Миша заявился ко мне со следующим предложением: «Давай напишем в редакцию «Правды» письмо: нам, постановочному коллективу, очень важно знать мнение центрального органа партии о нашей картине. Мы очень просим... И так далее». И никак не хотел понять, что просить отзыв — неприлично. Он женат на Жанне Гаузнер, дочке Веры Инбер⁷⁸⁰. Жанна воспитывалась в Париже. Наружность имеет, в отличие от матери, мужественную. И пишет не стихи, а прозу. Я бы относился к ней снисходительно, даже доброжелательно, если бы не выступила она при мне на совещании в «Звезде» против повести Шефнера⁷⁸¹. Это писатель особенный, драгоценный, простой до святости. Именно подобные существа и создали то явление, что называем мы литературой. А Жанна Гаузнер, которая выполняет заказы, пишет о колхозах или заводах, понятия о них не имея, она, у которой личная жизнь — одно, а литература — профессия, как для машинистки переписка, — она осмелилась кощунствовать. Это тем менее простительно для нее, что она не только умна и знающа, что может отличить произведение искусства от эрзаца. Во все времена, вероятно, бывали люди, несоизмеримые с общим направлением умов. Одни так или иначе находили себе убежища, где скрывали свое несходство со всеми. Очень однако трудно думать, что ты один нормален или ты один безумен. Другие, посильнее, лезли поперек пути всем, дичали и свирепели, как слоны — одиночки, отбившиеся от стада, превращались в

⁷⁷⁷ Шапиро Михаил Григорьевич (1908–1971) — кинорежиссер, кинодраматург. С 1928 г. работал на киностудии «Ленфильм», в 1946–1947 гг. совместно с Н. Н. Кошеверовой был постановщиком фильма «Золушка» по сценарию Шварца. Автор воспоминаний о нем.

⁷⁷⁸ См. «Зощенко Михаил Михайлович», комм. 1.

⁷⁷⁹ После выхода на экран фильма «Золушка» в газетах были напечатаны рецензии: Н. Коварского, «Вечерний Ленинград», 12 мая; С. Л. Цимбала, «Ленинградская правда», 17 мая; Г. Воронова, «Комсомольская правда», 18 мая; Дм. Молдавского, «Смена», 22 мая; М. Папавы, «Советское искусство», 23 мая; Е. С. Рысса, «Литературная газета», 24 мая; И. Гринбрег, «Ленинские искры»; Н. Иванова, «Пионерская правда», 6 июня.

⁷⁸⁰ Гаузнер Жанна Владимировна (1912–1962) — писательница, дочь поэтессы Веры Михайловны Инбер (1890–1972).

⁷⁸¹ Шефнер Вадим Сергеевич (р. 1914) — писатель.

чудаков, а иной раз в мучеников и святых. Иные, сами того не замечая, подчинялись своему времени. А самые неряшливые, самые прохладные думали одно, а говорили другое. И до того приноровились, до того овладели этим искусством, что сами верили, что это раздвоение как бы не существует и никто его не замечает. Однажды побывал я у Шапиро в гостях. Мама, с библейски могучим характером, что сказывалось в грозном ее молчании, осуждающем и уничтожающем. Сестра, внушающая невольное уважение.

6 августа

На ней судьба словно желала показать богатство своего воображения. Высокая, черноволосая, бледная Мишина сестра, юристка по образованию, работала шофером грузовой машины. Так вышло. Сначала в армии, потом и в мирное время. Мне как-то пришлось с нею ехать на «Москвиче», кажется, Хейфицев. Она вертела баранку и напевала с независимым выражением, словно желая показать судьбе, что ее ничем не удивишь. Поглядев на Мишину семью, на высокие комнаты, угрюмые, еще не очнувшиеся от блокадного умирания, на худую, седую, непреодолимую маму, на усатую, широколицую, широкозадую Жанну, исполненную тщательно скрытых задних мыслей и задних чувств, на сестру, старательно державшуюся спокойно, как ни в чем не бывало, я разобрал еще что-то в запутавшейся Мишиной душе. И в настоящее время душа его не распуталась, башка не просветлела. Что-то с ногой — прихрамывает, уезжает лечиться. Когда написал я эти слова, позвонили со студии, чтобы я пришел туда смотреть материал «Дон Кихота». Посмотрев, вышел я во двор студии и, по странному совпадению, впрочем, уже не первому, с тех пор, как пишу я «Телефонную книжку», встретил своего натурщика. Словно бы для проверки. Одет он был в свой вечный костюм в мелкую клетку. Походил на опереточного простака. Высокий рост. Худое лицо. Нижняя часть живота мягко, но непреклонно выпирала из-под брючного ремешка. Он внешне спокойно, внешне степенно двинулся навстречу мне. Но, несмотря на порнографически — разбойничьи усики, смятение сквозило через всю его маску. Он снимает с кем-то в соавторстве фильм по «Искателям» Гранина⁷⁸². Он задал два — три вопроса о материале, что я смотрел. Под маской многозначительности сквозила все та же привычная путаница и склонность к поддельному теоретизированию. «Хороший цвет, хорошая натура, этого еще никак недостаточно для решения «Дон Кихота». Тут нужно твердое понимание... ну, как бы тебе сказать... того, что хочет сказать автор... понимаешь? Идейная суть... Понимание». Я все понял. Я давным — давно все понял. И поспешил распрощаться с Мишей.

8 августа

Шишмарева Татьяна Владимировна. ⁷⁸³ Знаком я с ней лет тридцать, часто разговаривал, особенно в последнее время, но понял ее не больше, чем в первые дни знакомства. Покрыта она словно стеклом или глазурью. То ли это окаменевшая и деформированная застенчивость юных лет. То ли она по натуре своей не совпала с жизнью своего круга и остекленела от скрытого ужаса. То ли она от рождения лишена способности к общению с людьми. Во всяком случае с ней трудновато, и то, что она отвечает тебе, похоже на ответ глухого. И если калеку жалеешь, то здесь испытываешь непонятное раздражение. Она очень много знает: английским владеет настолько, что перевела несколько глав Джойса⁷⁸⁴, знает живопись, особенно французов. Раза два — три слышал я от нее живые

⁷⁸² Гранин (наст. фам. Герман) Даниил Александрович (р. 1 Шишмарева Татьяна Владимировна (1905–1994) — художница.

⁷⁸³ Шишмарева Татьяна Владимировна (1905–1994) — художница.

⁷⁸⁴ Джойс Джеймс (1882–1941) — английский писатель.

мысли. Одна из них на некоторое время произвела на меня сильное впечатление. Мы шли зимой мимо Дома творчества художников. Какой - то пожилой пейзажист писал без малейшей застенчивости, полотном к шоссе, лицом к заливу, снег, сосны, замерзшее море. И Шишмарева, с незнакомой мне, человеческой, а не условно подглазурной интонацией, сказала, взглянув на холст: «Да, в природе - то понежней!» Я как раз в те дни думал о невольной грубости, о неизбежном упрощении, убивающем предмет или порождающем новый, более резкий и правильный, едва только берешься его передать, рассказать тем или иным способом. И впервые, как всегда бывает при совпадении мыслей, испытал сочувствие, даже уважение к своей спутнице. Но этот просвет затянулся, забылся. Ее иллюстрации к Стивенсону ⁷⁸⁵ показались мне лишенными настоящего понимания, все теми же остекленевшими. Хоть и обнаруживающими хорошее воспитание. Она — заботливая до самоотверженности дочь, отличная мать. С мужем разошлась, однако поддерживает с ним дружеские отношения. Как и все мы, стареющие люди, бессознательно несчастна. Из гордости, а не от страха, не допускает мысль о надвигающейся старости до сознания. И это увеличивает непроницаемость ее прозрачной раковины

9 августа

Двадцать лет назад жили мы в Сухуми, в Алексеевской ущелье, и ощущалось бы это время сейчас как один из очагов тепла, согревающих жизнь через все годы. Но мешает одно — наш сосед, с которым мы подружились так, как это бывает в счастливые, праздничные черноморские дни, — трагически погиб в конце сороковых годов. Я говорю о **Льве Моисеевиче Квитко**. Это был, при наружности прозаической, солидной, прирожденный поэт и легчайший человек. Работал легко, как дышал. Проснувшись, брался за блокнот. И, лежа на берегу моря, работал над своей поэмой. Но это другая история. О Квитко рассказывать надо отдельно. Что я попробую сделать когда-нибудь, если хватит сил. Пока скажу, что это был один из самых привлекательных людей, что встречались мне в жизни. И смерть его, словно траурной рамкой, окружает лето 1936 года именно потому, что он жил тогда полной жизнью.

Щ

Но в телефонной книжке записана **Лидочка Щуко**, ⁷⁸⁶ а с ней познакомились мы по — настоящему именно в то лето в Сухуми. Надвигались времена тяжелые, убийственные для всей страны годы. Но в данном случае события не отбрасывали тень назад. Или мы упорно не хотели замечать ее. И вот встретили мы большую, подчеркнуто веселую, все время шутливо и отчетливо болтающую компанию: Рину Зеленую, Котика Топуридзе ⁷⁸⁷, Алису ⁷⁸⁸ — вдруг вышибло фамилию из головы и Лидочку Щуко. Они до настоящего времени, когда все мы уже в летах, не потеряли этой юношеской особенности: держаться одной стаей. Так и в гости ходить. Язык у них у всех был одинаково хорошо подвешен. Особенно Алиса. Держалась она уверенно и болтала насмешливо, даже издевательски, при

⁷⁸⁵ Романы Р. — Л. Стивенсона «Похищенный», «Катриона» вышли с иллюстрациями Шишмаревой (М., 1947).

Квитко Лев Моисеевич (1890–1952) — еврейский поэт. Незаконно репрессирован, погиб в заключении. С 1928 по 1941 г. работал над своим романом в стихах «Годы молодые». На русском языке роман был издан в 1968 г.

⁷⁸⁶ Щуко — Нраудо Лидия Николаевна (1908–1985).

⁷⁸⁷ Топуридзе Константин Тихонович (Котэ) (1904–1977) — архитектор, муж Р. В. Зеленой.

⁷⁸⁸ Порет Алиса Ивановна (1902–1984) — художник — график.

этом глядела на собеседника, наивно и широко открыв глаза. На пляже, сохраняя все то же наивное выражение, однажды сняла лифчик и лежала с открытой грудью, будто так и положено. В это лето и начался роман Рины Зеленой и Котика, кончившийся браком. Вся компания страстно любила жизнь. И не слишком ее усложняла. Но проще и здоровее всех — смотреть одно удовольствие — жила Лидочка Щуко. Лицо с выражением ясным, очень русское, карие глаза. Плавала она так далеко, что мы всякий раз испытывали тревогу — никаких признаков, даже точки на горизонте. Но вот мелькает голова, рука.

17 августа

Вернулась! И выходит из воды плотная, ладная, легко дыша и улыбается всем загорелым своим лицом. Светятся карие глаза. Родом Лидочка из семьи Чеботаревских. Родная тетка ее была женой Сологуба⁷⁸⁹. Когда приехал я в октябре 21 года в Петроград⁷⁹⁰, то на Невском увидел на углу одного из домов наклеенное от руки объявление — просили всех, видевших, как бросилась с Тучкова моста женщина, сообщить о подробностях по такому-то адресу. По странному совпадению был указан тот самый многоэтажный дом, выходящий на Средний проспект и набережную, глядящий окнами на Тучков мост, где остановился я у Юрки Соколова, когда приехал в первый раз в жизни в 14 году в Петроград. Там жил Сологуб, а женщина, покончившая с собой — Лидочкина родная тетка. И глядя, как легко дышит Лидочка, выходя из воды, можно было подумать, что никакими нитями не связана она со стихией, в которой прошло ее детство. И старик с плоским лицом, похожий и на римского императора и на бабу, замечательный поэт, темнейшая душа — никак не влиял на нее в свое время. После Сухуми встречались мы в Ленинграде от случая к случаю. Во время войны развелась Лидочка с мужем и вышла за известного органиста Браудо^{791 792}. И от этого тощего, высокого, капризнейшего, утонченнейшего, уязвимейшего и до деспотизма нежнейшего существа — родила Настю, здоровенную девочку, с очень русским лицом и карими глазами. После войны познакомились мы с Лидочкой ближе, даже перешли на ты. Она по — прежнему радовала всей своей повадкой. Она не плавала до самого горизонта, но вела семью и какую! Взрослая дочка от Щуко, Гулька, ссорилась с младшей сестренкой, как со сверстницей. Браудо завивался вихрями. Не было случая, чтобы Лидочку не вызвали к телефону, когда она приходила к нам в гости. Снимаю трубку, слышу рыдания — Настя зовет маму, жалуется на Гульку или какие-нибудь неприятности в школе. Или изысканно вежливый Браудо, принося извинения, просит к телефону Лидию Николаевну. И Лидочка рассказывает потом весело, по какому поводу она срочно понадобилась.

8 августа

Браудо сказал ей: «Не повторяй мои слова, отвечай намеками: где моя рубашка». И Лидочка объясняет осторожно, намеками, где найти требуемое. Весело, как в былые дни на волнах, держится она среди домашних бурь, поддерживает равновесие в семье и никогда не жалуется, улыбается во все лицо, только карие ее глаза стали беспокойнее, утратили беззаботное, черноморское сияние. Однажды, оставшись без домработницы, Лидочка сказала той ладностью речи, что свойственна всему их кругу: «Мужья и домработницы — это

⁷⁸⁹ Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876–1921) — писательница, переводчица, жена Ф. К. Сологуба.

⁷⁹⁰ В подлиннике ошибочно: в Ленинград.

⁷⁹¹ Щуко Георгий Владимирович (1905–1960) — архитектор.

⁷⁹² Браудо Исая Александрович (1896–1970) — органист, пианист, музыковед, педагог.

особого рода люди: с ними трудно, а без них невозможно». Иные некрасивые женщины держатся как хорошенькие с такой уверенностью, что им верят. Весь Лидочкин круг болтает с такой уверенностью, что люди, его составляющие, кажутся умными. Но не все они умные. А Лидочка умна. И когда познакомишься с ней ближе, то угадываешь, что живет она сложнее, чем предполагаешь вначале, только то, что впитала она в детстве и ранней юности, запрятано в ней так же глубоко, как чувства простые в ее родственниках и близких, когда те находились в полной силе и время определялось ими. У нее есть своя вера, уходящая корнями в те слои, из которых она вышла. Но сейчас нет на свете этой среды. Весь ее скептически — насмешливый нынешний круг не понял бы ее. Мелькнет и исчезнет вдруг то, чего не ждешь. То вдруг выяснишь, что знает она индусских философов прошлого века. То еще что — то более неожиданное. Нет, не так уж просто ей живется. Однажды мы оказались вместе на именинах у знакомых. Лидочка опоздала. Я стал поддразнивать ее этим обстоятельством. Подозрительно! И вдруг она сказала, не шутя: «Перестань, а то заплачу». Держится она открыто, доброжелательно и мажорно, до того мажорно, что самый легкий переход в минор удивляет и, пожалуй, даже радует, как подарок. Она практична, как весь ее круг, но это идет к ней. И у нее, и у Настеньки такой аппетит, что Ирина Альтман⁷⁹³ со складностью речи, свойственной всему кругу, говорит, глядя на них за столом: «Необыкновенно жоркое семейство». И Лидочка хохочет. Так вот она и живет. И не сдается. И полна страстного интереса к своей жизни и, кроме хорошего, никто от нее ничего не видит.

Э

9 августа

Эйхенбаум Борис Михайлович. ⁷⁹⁴ Опять трудная задача. Я его слишком давно знаю, и мелочи сбивают с толку. Большая голова. Не по хилу телу большая, — так казалось мне, когда познакомились мы. Впоследствии (опять на море!) убедился, что тело у него по — мальчишески складное и мускулистое, так что голова — чему особенно помогала резкая граница загара, — лысая, крупная, седая голова его казалась приспособленной к шее по ошибке. И он плавал далеко, скрываясь в волнах, и он легко ходил, но физиологической радости бытия не обнаруживал. Нет, он не испытывал страстной любви к жизни. Жил легко, но все чисто жизненные, практические вопросы, бытовые — решала за него Рая Борисовна⁷⁹⁵, жена, человек с ясными чувствами и твердым характером. Голова Бориса Михайловича работала сильно, требовала от складного, но мальчишеского тела усиленного питания. И ему было некогда и не к чему вмешиваться в людскую суету вокруг. Поэтому — то ученики его жаловались на холодность и безразличие к ним. Это худо. Зато он начисто лишен был бесстыдного бешенства желания низшего сорта. Что, к примеру, вспыхивает у собаки, когда ей кажется, что некто покушается на обглоданную и брошенную ее собственную еду. Мне казалось, что это благородство слабых. Что Шкловский⁷⁹⁶, вечно срывающийся в переходах своих от добра к злу, явление более внушительное. Что добродушие Бориса Михайловича ничего ему не стоит. Но он, как это бывает с существами

⁷⁹³ Щеголева — Альтман Ирина Валентиновна (1908–1993) — жена Н. И. Альтмана.

⁷⁹⁴ Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) — литературовед.

⁷⁹⁵ Эйхенбаум Рая Борисовна (1890–1946) — жена Б. М. Эйхенбаума.

⁷⁹⁶ См. «Московскую телефонную книжку. Шкловский Виктор Борисович», с. 630.

высокой породы, все рос и рос, не останавливался. И за слабостью вдруг определилась настоящая сила, которая дорогого стоит. Первая и главная — это добросовестность. Его били смертным боем, а он не раздробился, а выковался в настоящего ученого. Как настоящий монах не согрешит потихоньку, так и Эйхенбаум не солжет и не приврет в работе. И если монаха останавливает страх божий, то в Борисе Михайловиче говорит сила неосознанная, но могучая. С утра сидит, согнувшись над столом, и, словно по обету, мучается над ничтожным, иной раз, примечанием. Во имя чего? Цена одна. Что заставляет его доводить свою работу до драгоценной точности? По — прежнему он благожелателен и ясен.

10 августа

Рая Борисовна умерла, и все управление бытовой стороной жизни перешло к Олечке⁷⁹⁷ и, отчасти, к Лизе⁷⁹⁸, Бориной внучке. Олечка женщина добродушная, но безалаберная, и жизнь Бориса Михайловича пошла по совсем другим кочкам и ухабам, чем при жизни жены. Но легкое его тельце переносит все превратности пути с привычной терпеливостью, а голова все так же неустанно совершает аскетические подвиги. Только иной раз, когда могучий, унаследованный от бабушки норы Лизы приводит семью на край пропасти, Борис Михайлович теряет равновесие. Как все люди, считающиеся холодными, он любит горячо, всем существом двух — трех близких. Так любил он сына Диму⁷⁹⁹, пропавшего без вести на войне, так же болеет он душой за внучку. И как мальчик, рассказывает о своих горестях близким. И чисто, и беспомощно, и просто, что особенно поражает, когда видишь, как нелепо и страшно запутаны его семейные дела. Сейчас все несколько упростилось. Стало полегче. Его снова позвали в Пушкинский Дом старшим научным сотрудником. Словно проснувшись, припомнили, что он один из лучших текстологов, если не лучший, во всей стране. Его статьи стали печатать в журналах, как ни в чем не бывало. А он? Как и все эти самые страшные годы, работает, не разгибая спины. Перед ним чернильница, вделанная в отполированный, сверху плоский, по бокам неправильной формы обломок дерева, источенного червем. Медная дощечка подтверждает, что взято дерево из фрегата «Паллада», поднятого со дна такой- то бухты, тогда- то. Книги с множеством закладок высятся вокруг рабочего места посреди стола. Книги на этажерке возле стола. Коробка с множеством карточек. Книги, книги, книги. Вот уже больше года, как переехали Эйхенбаумы с Канала Грибоедова на Малую Посадскую, но книги еще не разложены в подобающем порядке. На столике проигрыватель. Эйхенбаум страстно любит музыку и собрал такое множество долгоиграющих пластинок, что и на них пришлось завести карточный каталог, в особой карточной коробке. Слушает он музыку с наслаждением. В последнее время все заводит Десятую симфонию Шостаковича, по несколько раз, часть за частью. Слушает и думает.

11 августа

Эрмлер Фридрих Маркович ⁸⁰⁰ всю свою жизненную силу тратит на то, чтобы

⁷⁹⁷ Эйхенбаум Ольга Борисовна (р. 1912) — дочь Б. М. Эйхенбаума.

⁷⁹⁸ Апраксина (Даль) Елизавета Алексеевна (р. 1937) — внучка Б. М. Эйхенбаума.

⁷⁹⁹ Эйхенбаум Дмитрий Борисович (1922–1943) — сын Б. М. Эйхенбаума, погиб на фронте.

⁸⁰⁰ Эрмлер Фридрих Маркович (1898–1967) — кинорежиссер.

Эльзон Давид Фроимович (р. 1908) — главный администратор, затем директор Театра комедии с 1942 по 1950 г.

доказать себе и другим, будто бы все идет правильно. Если и жалуется, то исключительно на свои болезни. Один из заметнейших деятелей кинематографа, придавших ему нынешнее лицо. Объяснителей. «Все правильно! Ах, до чего же мудро! Матушки, как масштабно. А вы - то думали...» В наружности — что-то нежное,⁸⁰¹ миловидное. Рассказывать любит. Предварительно улыбнется, склонив голову на плечо, помолчит, словно собираясь с мыслями, и красноречиво и обстоятельно изложит: либо как надо работать с актерами, и как он это умеет, либо помянет свое прошлое, либо как, откуда и кто удалял ему полип. Живет непросто. Нет ему покоя ни в работе, ни дома! Не хочется только рассказывать. Жизнь невыносимая, а он: все отлично, все правильно, кроме здоровья. И во всем просвечивает огонь той самой любви, которая так трогательна в молодых матерях и так раздражает, когда направляет ее человек на самого себя.

Следующая фамилия **Эльзон**.⁸⁰² Это театральный администратор. Я познакомился с ним в Сталинабаде, приехав на работу в Театр комедии. Все администраторы либо рассеянны, либо задумчивы до рассеянности. То ли они думают, как что добыть, то ли боятся, не придется ли ответить за добытое, и обдумывают ответы. Работа нервная. Не добудешь — сорвется постановка, добудешь — сам вот — вот сорвешься. Тут есть о чем глубоко задуматься. Исключение составляют администраторы с душой могучей, например, Львин⁸⁰³. Он не имеет никаких иллюзий относительно законности и носителей закона, и глаза его глядят невинно, светло, непроницаемо. Эльзон же задумчив. Часто небрит — до того ли? Вежлив — редчайшее свойство у людей его профессии. Имеет уважение к людям, создавшим себе имя в искусстве или науке, иной раз бескорыстное. Жизнь, неразборчивая в выборе приемов, грубо подшутила над ним. Он глух. Это еще ладно. Но и жена его глуха! Он для нее в гостинице «Москва» приделал к телефону усиленный звонок. Ну, а в целом — человек работающий, добрый, застенчивый, простой.

Ю

12 августа

Буду продолжать роман «Телефонная книжка», приближающийся к концу.

Юстус Антонина Венедиктовна.⁸⁰⁴ Это слепая сестра композитора Пушкиова⁸⁰⁵. Высокая, в темных очках, скрывающих запавшие глаза. Она сочиняет сказки, диктует их секретарше. Недавно вышла книжка ее в Детгизе⁸⁰⁶. Я бываю у Антонины Венедиктовны изредка. Со своей холодной благожелательностью и вечной слабостью я не в силах отказать, когда она просит помочь ей. И там, где добрый по — настоящему человек испытывал бы жалость, живое сочувствие — я только терплю, как под дождем. За долгое время нашего знакомства узнал я всю ее жизнь. И словно живого представляю себе ее мужа, ледяного и уверенного в себе адвоката. Услышал печальную повесть о ее ребенке, умершем еще грудным, о смерти мужа. Несколько раз за многие годы знакомства появлялась надежда, что

⁸⁰¹ Львин Яков Филиппович (р. 1907) — зам. директора Театра комедии с 1942 по 1951 г.

⁸⁰²

⁸⁰³

⁸⁰⁴ Юстус (рожд. Пушкиова) Антонина Венедиктовна — сказочница.

⁸⁰⁵ Пушкиов Венедикт Венедиктович (1896–1971) — композитор, педагог.

⁸⁰⁶ Книжка Юстус «Боб хвостун. Сказки», Л., 1956.

Филатов ⁸⁰⁷ вернет ей зрение. Она повредила глаза, раскрашивая анилиновой краской шарфы. Раздражение лечили дезинфицирующими средствами неопытные врачи и вызвали ожог, приведший к слепоте. Но и Филатов ничего не мог сделать. И единственное утешение осталось у старухи (сейчас ей за семьдесят) — сочинять сказки, ждать ответа из редакций, разговаривать со мной о своих работах и о своей жизни. И вот я сижу у ее кресла. Лица моего Антонина Венедиктовна видеть не может, но я не позволяю себе по некоей рассудочной честности зевать или показывать утомление. Комната невелика. Влево от меня во всю стену картина, вероятно, сороковых — пятидесятих годов, старательно выписанная, без признака мазков. Густая зелень, домик, празднично одетая крестьянская девушка, глядя на меня несколько испуганными черными глазами, выходит из калитки, вероятно, собралась в церковь. Над кроватью Антонины Венедиктовны — «Тургенев на охоте», «Сталин и Ворошилов». Иконка в углу. Я сижу и слушаю. Труднее всего, когда горемыка со всей женской несправедливостью принимается излагать мне положение своих семейных дел. Ей чудится, что ее обижают.

13 августа

Брат ее, Венедикт Венедиктович, нежнейшая душа, вернейшая душа, готовый на все, чтобы облегчить страшную долю старшей своей сестры, и он виноват, если верить Антонине Венедиктовне: «Вы не представляете, как мы были дружны прежде. Он бежал ко мне с каждой новостью. Я все знала о нем. А теперь, если и зайдет, то по обязанности. Нет, я ничего не могу сказать, он заходит все время, но я слышу по голосу, что делает он это по обязанности. Прежней близости нет. Я ничего не хочу сказать дурного о Марии Васильевне, она прекрасная жена, но...» И я сижу и слушаю безнадежную, бесконечную музыку человеческой несправедливости и безвыходного горя. Никто не виноват, но никто не распутает, не исцелит, не объяснит. Антонина Венедиктовна считает меня своим и поэтому забывает, что многие имена, которые появляются в ее повествовании — ничего мне не говорят: «Наталья Николаевна после этого входит ко мне и шепчет: «Я удивляюсь вашей выдержке, Антонина Венедиктовна. А вы знаете, какой справедливый человек Наталья Николаевна». Увы — не знаю. И представления не имею, о ком идет речь. Зато отлично знаю, что несчастная моя подопечная отлично ухожена, обслужена. Что брат не то, что болеет за нее душой, а убивается из-за ее горестей и болей — она все хворает в последнее время. Коротконогий, широколицый, черноволосый, светлоглазый, с мягкой и нежной улыбкой, мягким и нежным голосом, он хлопочет, ездит, звонит по редакциям, вызывает врачей к сестре. Сколько раз со своей особенной вежливостью звонил он мне и, принося тысячу извинений, просил помочь сестре. И как он огорчается за нее. Лицо темнеет, исчезает нежная улыбка, голос тенорового тембра становится гневным. Он, как все люди подобного вида, прибавляет обиду ко всем перенесенным им прежде. Нападает на человеческую черствость и жестокость вообще. Обиду, нанесенную сестре, переживает он, как свою. А она, горемыка, жалуется на брата, устремив на меня невидящие глаза за черными очками на смертельно бледном лице. И не объяснить ей подлинное положение вещей! Вот я и сижу и помалкиваю. И поглядываю на итальянскую картину.

14 августа

И думаю о том, что никогда не увидеть мне Италию. Воцарится ли мир на земле? В одной семье близкие люди и те, любя, так безнадежно отграничены друг от друга, брат от брата. И дело не в том, что эти мысли новы или справедливы. Среда, питающая их, сосредоточенная в маленькой комнате, перенасыщена. Мысли мои принимают силу чувств.

⁸⁰⁷ Филатов Владимир Петрович (1875–1956) — офтальмолог и хирург.

Я уже не холодно терплю. Тоска охватывает меня. Страх маленьких пространств. Начинает казаться, что никогда не вырваться мне на свободу из плена чужих, пусть мелких, мельчайших, но ужасных, словно распыленная анилиновая краска, ослепляющих обид и горестей. Но есть установившееся обычаем время, которое я провожу у Антонины Венедиктовны. И я не двигаюсь с места. Когда время на исходе, собеседница моя начинает говорить быстрее. Смертельно бледное лицо ее глядит встревоженно. Мы снова возвращаемся к ее сказкам. Я лишен необходимой для редактора уверенности, но даю советы решительно и утешительно. Она, когда позволяет здоровье, поднимается, чтобы проводить меня до прихожей. В столовой на кресле — кот с искаленной лапкой, подобранный Венедиктом Венедиктовичем. Из-за ширм выходит маленькая, полная Мария Васильевна, никак не похожая на обидчицу. Да так оно и есть: хозяйка дома живет в проходной комнате, за ширмами. В прихожей появляется и хозяин дома, с широким лицом, светлоглазый, черноволосый, коротконогий, ошеломленный — у него столько работы, что ночами приходится сидеть. И консерватория, и опера «Гроза», и главное мучение — музыка к кинофильмам⁸⁰⁸. На «Ленфильме

«вечно торопят, вечный аврал. И Венедикт Венедиктович прощается, долго пожимая руку. Вся семья остается, а я, наконец, ухожу. И браню себя. Это не доброта, а вялость душевная, вечное попустительство. Когда же, наконец, выбираюсь я на Карповку, то мысли принимают более общий характер. Я думаю о деспотизме горемык, о невозможности ему противиться со стороны людей близких. Когда я сажусь в троллейбус, туман человеческий, мрак непоправимых бед и несправедливости начинает постепенно рассеиваться. Хоть горезлосчастье, возле которого я побывал, вовсе и не исчезло, а только отделилось.

15 августа

Леночка Юнгер, Елена Владимировна Юнгер⁸⁰⁹ Она до того безыскусственна и правдива, до того человечна на всех путях своих, что обличитель, бросающий в нее камень, выглядит темным в сиянии мягкого света, который излучает все ее существо. Когда Маршак вспоминает ее отца⁸¹⁰, рано умершего поэта, у него лицо светлеет и он говорит мечтательно: «Володя Юнгер, Володя Юнгер! Ах, какой был человек». Он не рассказывает, какой, да это, видимо, и не передашь. Но в лице Маршака — отблеск того же сияния, которое определяет Леночку и, видимо, определяло ее отца. Стихов его Маршак не цитирует, несмотря на непогрешимую свою память. Видимо, Володя Юнгер был поэтичен всей своей сущностью и дело тут было не в стихах. Теперь вернусь к началу. Безыскусственность и правдивость следует понимать не буквально. Это не детская наивность или грубоватость бестужевской курсистки. Нет, Леночка может умолчать, и скрыть, и схитрить. Но она — это она. Это ее собственная безыскусственность и правдивость — она поступает так, как ей хочется. Вот на что люблюсь я, скованный майкопским, полумонашеским интеллигентским прошлым. Изящество, с которым она влюбляется, и божественное бескорыстие в выборе — вот, что в ней прелестно. Вот и все. Говорить о ней подробнее — это значит мельчить, и сплетничать, и вносить муть в то, что до такой степени ясно. А к Леночке я отношусь со всем

⁸⁰⁸ Пушкин написал музыку к многим кинофильмам, вошедшим в историю советской кинематографии: «Крестьяне» (1935), «Семеро смелых» (1936), «Тайга золотая» (1937), «Комсомольск» (1938), «Учитель» (1939), «Маскарад» (1941), «Жила — была девочка» (1944), «Большая семья» (1954), «Дело Румянцева» (1956) и мн. др.

⁸⁰⁹ Юнгер Елена Владимировна (р. 1910) — артистка. С 1936 г. — в труппе Театра комедии. Исполнительница роли Принцессы в спектакле «Тень» и роли Анны в фильме «Золушка». Автор воспоминаний о Шварце.

⁸¹⁰ Юнгер Владимир Александрович (1882–1918) — поэт.

уважением. Я к ней привязался за долгие годы нашего знакомства.

Вот идут последние фамилии моей книжки.

Я

Янковский Моисей Осипович. ⁸¹¹ С ним я познакомился в 20 году, еще в те дни, когда я работал в Театральной мастерской. Тогда он женился на Лиде Фельдман ⁸¹² и тем самым вошел в круг ближайших моих друзей. Это совершилось легко. Отличался он необыкновенным обаянием, так что трудно было не подружиться с ним. И казался он до конца ясным. Вскоре я увидел в нем человека из хорошей еврейской семьи. Он не любил грубости. Был брезглив. Чуть — чуть — чуть буржуазен. Буржуазен со всеми поправками двадцатого года. И я прибавил эти сведения ко всем, что накопились до сих пор. И по-прежнему Янковский казался мне ясным до конца.

16 августа

Я приехал в начале, нет, [в] середине двадцатых годов в Москву и остановился у Янковских. И там увидел отца его. Маленький старик с большой головой. Семья занимала две комнаты в большой коммунальной квартире, некогда принадлежавшей им полностью. Лиде и Мухе, так в те дни все звали Янковского, принадлежала комната против ванной, просторная, но темноватая. Буржуйка все еще стояла у стены. И старик отец все присаживался к огню, потом уходил, согнувшись, словно никого не замечая, томился, не находя себе места. Ему нездоровилось. И вернувшись в Ленинград, я узнал, что он умер. И в последующие наезды в Москву мне все представлялась эта неприкаянная фигура главы семейства, бродившего перед смертью, не находящего себе места в старой своей квартире. Познакомился я с братьями Моисея. Старший показался мне неясным, непонятно недоброжелательным. Другой, младший, был легок, как Муха, но в нем не было явной ограничивающей воспитанности Моисея. И легкость его заносила. Все казалось ясным. И вдруг Моисей из одной своей поездки привез новую жену! Брак с Лидой казался несокрушимым. Семья была не просто благополучной, а счастливой — так Муха был внимателен, ласков, весел. И вот приехал с новой женой, ни одним словом не предупредив первую. К этому времени они занимали две комнаты все в той же огромной коммунальной квартире. Муха отдал Лиде одну, ту, которая ближе к парадной двери, а себе оставил прежнюю, что против ванной. Все можно было бы понять: любовь, стихия, вне законов, вне разума. Я озадачен был другим: ясностью душевной, с которой Моисей произвел эту операцию. Сознание собственной правоты, ни на миг не нарушимое. Коммунальная квартира взволновалась, как море. События обсуждались всюду — в коридорах, на кухне, громогласно, жадно. Одна из жилищ с особым бесстыдством, порожденным коммунальным бытом, где многое по необходимости делается чуть ли не на виду — скажем, утренняя очередь в уборные, — спросила Лиду прямо: «Лидия Львовна, скажите, что нового у вас там — душа сплетен просит». Один Моисей сохранял полное душевное спокойствие и уверенность в своей чистоте.

17 августа

⁸¹¹ Янковский (наст. фам. Хисин) Моисей Осипович (1898–1972) — театровед, критик, драматург, музыковед, педагог. Автор воспоминаний о Шварце.

⁸¹² Фельдман (по второму мужу Эрберг) Лидия Львовна — артистка Театральной мастерской в Ростове — на — Дону.

Именно — не в правоте, а чистоте. Мало ли разводов я видел, — но это был единственный, где от полного семейного благополучия человек перешел к полному разрыву с такой непринужденностью. И вот у ясного, необыкновенно обаятельного, чуть — чуть буржуазного по вкусам, чуть — чуть чистоплюя Моисея обнаружилась еще одна черта: полная уверенность в своей правоте, когда им овладевает желание. Как бы ни был влюблен оставляющий свою жену ради другой женщины человек, он все же испытывает некоторое смятение чувств. Трудно спокойно смотреть на раны, которые наносишь, хотя бы и без всякой твоей вины, по роковой необходимости. А Моисей и не смотрел в ту сторону. И через год-два все уладилось, а потом и забылось — зрителями. Лида вновь вышла замуж. А Моисей, по — прежнему обаятельный, легкий, чуть по — буржуазному брезгливый, чистоплюй, перебрался со своей новой женой в Ленинград и занялся театром. Писал либретто для оперетт, критические статьи, занялся историей музыкальной комедии. И тут, работая с Вейсбремом над какой-то постановкой, в каком-то театре — снова поразил меня. В трудный момент, когда им овладело желание уйти от последствий неудачи, — а постановка, как выяснилось на генеральной, не удалась — он взял, да с полной непринужденностью так и сделал. И тут я испытал некоторый страх. Что-то темное почувствовалось в зна-

комом существе. Если страсть многое оправдывает, то в данном случае о ней и помина не было. Но я понял, что Моисей считает себя правым, самым искренним образом уверен в своей чистоте, когда им овладевают желания далеко не почтенные. Вроде вышеописанного, весьма практического. С новой женой Моисей жил хорошо, необыкновенно внимательно и ласково обращался с пасынком, семья казалась незыблемой. Я бывал у них не часто. Вышло так, что некоторые новые свои пьесы читал я у них. Например, «Ундервуд», потом «Снежную королеву». И вдруг внезапно, непринужденно и с полным сознанием своей чистоты, оставил Моисей вторую свою жену и ушел к артистке Пельцер⁸¹³. Зашумели в театральных кругах, жена (оставленная) уехала в Москву. Квартиру Моисей оставил. И часть мебели сложил в надстройке.

18 августа

И тут, в связи с этой комнатой, где была сложена мебель, разыгралась история и трагическая и комическая, понимай, как хочешь. Обнаружилась степень изуродованности душ человеческих. И особенность Янковского считать себя правым и чистым, когда им овладевает чувство. В данном случае чувство собственности. Его оскорбили в этом его глубоко, кровном чувстве и произошел взрыв. Его попросили уступить на время эту площадь, — где он не жил, а хранил вещи, — вернувшейся из ссылки Катерине Васильевне Заболоцкой с детьми. Литфонд обязали судом предоставить ей площадь, что требовало времени. Янковский дал согласие. На месяц. И когда прошел срок, его попросили о продлении и осторожно намекнули на то, что вроде как несправедливо получается: его вещи занимают отдельную комнату, а живым людям жить негде. И тут впервые грация и непринужденность изменили Янковскому. Он поднял такой шум, что друзья его ушам не поверили. Он произносил такие непристойные слова, как «жена репрессированного». Он прибежал к Эйхенбауму, ища у него сочувствия, уверенный в собственной чистоте. И кричал: «Я выброшу ее с ее щенятами», чего всепрощающий Борис Михайлович, словно у него синяк на этом месте, не может до сих пор спокойно вспоминать, хоть и пережил за эти годы довольно. Забыл об этой публичной произвольной исповеди — один Моисей. Начисто забыл, как выяснилось недавно. Эйхенбаум встретил его в гостях. Моисей стал жаловаться, что все его забыли, что он одинок, за что, почему? И Эйхенбаум напомнил,

⁸¹³ Пельцер — Чумакова Нина Васильевна (1903–1994) — артистка балета Ленинградского театра музыкальной комедии с 1929 по 1960 г.

почему. И Моисей так удивился! Он и тогда не сомневался в своей правоте, а теперь осталось у него смутное воспоминание о каком-то случае, когда он был обижен, но отстоял свои права с необходимой энергией. И мы испугались. Я долгое время побаивался Моисея, как человека, который на твоих глазах впал в буйный припадок. Если бы безумия — благоразумия. Потом привык. Мы живем тесным кругом, как в коммунальной квартире. Насмотрелись. Притерпелись.

19 августа

Он разошелся с Пельцер и женился на очень привлекательной женщине, простой в обращении, сияющей добродушием. И с ней у Моисея наладилась такая же ладная семейная жизнь, как со всеми предыдущими. Разойдется ли он и с Екатериной Дмитриевной? Вряд ли. Он прихварывает — возраст, мучения конца 40-х, начала пятидесятых годов. Не знаю, не хочу представлять себе, что извергали темные недра этой ясной души в те страшные времена. Куда его толкало желание уцелеть. Впрочем, все было как будто тихо и гладко. Слухов никаких не доходило. Сейчас я бываю у него. На даче. Все как прежде. Обаятелен. Остроумен. Прозрачен. Несколько чистоплюй. Редактирует Полное собрание сочинений Римского — Корсакова. Выпустил книгу о Шаляпине⁸¹⁴. И я чувствую себя с ним непринужденно. Но чуть — чуть беспокойно, как в доме, где по комнатам бродит злой пес. Хозяин убежден в его доброте и чистоте. Но ты наблюдал пса в бешенстве. Ты знаешь то, что знаешь.

Следующим в книжке едет **Ягдфельд Г. Б. М** не трудно объяснить, что раздражает меня в этом маленьком, густоволосом, вечно молодом драматурге с седеющими висками. Однажды я забрел к нему, и он показал мне автоматик. Птичку в клетке. Бросишь двугривенный в щелочку, и она запоет, зачирикает, закрутит хвостиком. Это не значит, что птичка корыстолюбива.

Но машинка ее приходит в действие только по заказу — так уж она сконструирована. Что для нее весь мир? У нее один повод чирикать, одна возможность — по заказу, по толчку извне. Не знаю — то ли Ягдфельд уж очень замкнут, то ли он и в самом деле пижон. Но я чувствую в нем ненавистную для меня любовь к приемчику — и ни к чему на белом свете больше. Что он любит? Что ненавидит? Бог весть. По пьесам не угадаешь. Написаны они красноречиво. Много места отведено ремаркам — две — три страницы иной раз чистого красноречия. Сюжет острый, как зубочистка. Все до того своеобразно, что хоть святых выноси. Впрочем, их нет в его построениях. Он числится формалистом. Вечно его бранят. Заступиться надо бы. Да я так и делаю при случае. Но злюсь.

20 августа

Следующая запись — **Яков Владимирович**. Это парикмахер. Человек небольшого роста, глаза, увеличенные стеклами очков, глядят наивно и прямо, даже когда он хитрит. И это непритворно. Он так привык хитрить, что это не отражается на его поведении. Ходит, ступая неуверенно, будто босиком по камням. И что-то скорбное за обывательской маской. Он болен — сердечные спазмы. Я думал, что лет сорок пять — оказывается под шестьдесят. Женился относительно недавно, мальчик третьеклассник, девочка первоклассница. Его вызвала Катюша из ближайшей парикмахерской, когда я встал после болезни, и с тех пор ходит он меня стричь. Он любит рассказывать, что у него постоянный круг клиентов. «Знаете профессора такого-то? Слыхали? Не может без меня, ха — ха — ха! Когда я в отпуску, так он жалуется. «Хоть не брейся — говорит. — Ха — ха — ха». Когда мы познакомились поближе, он достал из часового кармашка в брюках крошечный пузырек с

⁸¹⁴ Имеется в виду книга «Шаляпин. (1873–1938)», М., 1955.

желтосерым порошком и сообщил, что у него есть средство, укрепляющее корни волос. «Один профессор говорит мне — Яков Владимирович! Это же чудо! Давайте займемся. Я проверю ваш порошок в лаборатории и пустим его в ход. А я отказался. Зачем мне это? Эта возня, эти проверки. Я зарабатываю, сколько мне надо. Зачем мне это?» И он столько раз рассказывал о чудесах, совер — шенных его порошком, пытливо и просто заглядывая мне прямо в глаза, что я сдался, наконец, и он принялся втирать мне порошок в корни волос при каждом посещении. Беседы наши стали после этого еще более дружескими. Он рассказывал о своей службе в Красной Армии, о детях, о блокаде и однажды вдохновенно воскликнул: «Нет, напрасно я не учился! Мне один клиент сказал: «Яков Владимирович! Почему вы не занялись писаниной, ха — ха — ха! Из вас вышел бы толк, ха — ха — ха! Я ему: что вы, зачем это мне!» Порошок в конце концов вызвал какую-то сыпь, раздражение кожи, и лечение прекратилось.

21 августа

Но он по — прежнему приходит, когда я зову его по телефону. Стрижет и бреет, находясь в несколько тревожащей, вызывающей подавленный протест близости к тебе. Особенно, когда бритва ходит по верхней губе. И рассказывает о своей жизни, прошлой и настоящей.

22 августа

Вот и довел я до конца «Телефонную книжку». Примусь за московский свой алфавит. Этот город с первой встречи в 13 году принял меня сурово. Владимир — Долгоруковская улица, продолжение Малой Бронной. Осень. Зима с оттепелями. И огромное, неестественное количество людей, которым нет до меня дела. Полное неумение жить в одиночестве. Вообще — жить. Мне присылал отец пятьдесят рублей — много по тогдашним временам, — и я их тратил до того неумело, что за неделю до срока оставался без копейки. Чаше всего вечерами уходил я в оперу Зимина, которую не любил. И снова множество людей, которым до меня нет дела. Или уходил в Гранатный переулок. Там был особняк, который я выбрал для себя. Я должен был купить его, когда прославлюсь. Да, мечты мои были просты — вызвать уважение людей, которые шагали мимо или мрачно толпились у пивных. Впрочем, это не было главным. Главным была несчастная любовь. Когда переехал я на 1-ю Брестскую улицу, то уходил по Тверской- Ямской на мост, идущий над путями, существующий до сих пор. Соединяющий улицу Горького с Ленинградским шоссе. Там, глядя на поезда, я старался провести время до прихода почтальона. Любовь мучила меня больше всего: больше чужого города, больше подавляющего количества безразличных ко мне людей. Мне в октябре 13 года исполнилось семнадцать лет. И сила переживаемых мной чувств постепенно — постепенно стала меня будить. Я стал вглядываться в Москву. И удивляться количеству людей несчастных и озлобленных. Началось с того, что заметил я женщину, прислонившуюся к чугунной решетке забора тяжелым узлом. Чтобы передохнуть. По своей бездеятельности не посмел я ей предложить помощь. Но ужаснулся. И стал вглядываться. Иногда — умнел. Но снова несчастная любовь схватывала, как припадок. И тогда я видел только себя. И уехал, полный ужаса перед Москвой

Московская телефонная книжка

А

26 августа

Продолжаю о Москве.

Первая фамилия **Андроников Ираклий Луарсабович** ⁸¹⁵. Как-то я пришел в конце двадцатых годов к Елене Владимировне Елагиной и застал в гостях двух братьев, совсем еще юных Ираклия и Элевтера ⁸¹⁶. Оба коротенькие, только Ираклий пошире, а Элевтер постройнее. Оба по — мальчишески веселые. Они веселили и сами веселились. Изображали кучера и лошадь — Элевтер поил Ираклия из воображаемого ведра, оглаживал, проваживал. Потом Ираклий уже один изображал оркестр и дирижера одновременно. Потом профессора Щербу ⁸¹⁷ — это уже походило на чудо. Вскоре я узнал, что Яков Яковлевич Гуревич ⁸¹⁸ бородатый, седой — бывший владелец гимназии — родной дядя мальчиков. В жилах их текла кровь русская, еврейская (мать была полуеврейкой) и грузинская (отец был чистый грузин). Он, в прошлом известный адвокат по политическим делам, жил в Тифлисе, читал лекции на юридическом факультете университета, а мальчики учились в Ленинграде. Вышло так, что стали они бывать у нас, на 7-й Советской. И при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что они народ сложный. В Ираклии трудно было обнаружить единое целое. Он все менял форму, струился, как туман или дым. От этого трудно было схватить его отношение к окружающему. И он страдал. Его водили к гипнотизерам, чтобы излечить нервы. И как он изображал своих докторов — просто чудо. Особенно одного. Старика.

27 августа

Он преображался. Гипнотизер, старый доктор, утомленный до крайности, появлялся перед нами. Сначала старик вел длинный разговор о всех родственниках Ираклия, бессознательно стараясь оттянуть утомительную работу. Потом усаживался и вялым, сонным голосом начинал: «Отрешайтесь от действительности, отрешайтесь от действительности. Ваши руки цепенеют... сян — сян — сян (неопределенное шамканье). Ваши ноги цепенеют... сян... сян... сян» (клюет носом). Гипнотизер засыпал прежде пациента. Как все произведения искусства подобного рода, имеющие форму трудноуловимую, смешанную — и не рассказ, и не пьеса, и сыграно, и не сыграно, — они вызывали восторг. Но настоящего уважения не наблюдалось. Почему? Вероятно, потому, что зрителям казалось, что все это больно уж легко, не закреплено. За паровозной трубой на километр тянется дым. Но никто не скажет: какой большой дым. Скажут густой, черный, едкий, но величина его так непрочна и изменчива, что о ней и речи не заходит. И все говорили

о наблюдательности Ираклия, о его даре подражания, но не знали, как назвать то, что он делает. Учился в те времена Ираклий на филологическом. И тут его любили, но казалось самым наблюдательным из его учителей, что он подражает серьезному студенту, а не на самом деле интересуется наукой. В игре, в подражании Ираклий как бы спасался от собственной неопределенности. Однажды он шел с нами, тяжело опираясь на палку, жалуясь на непонятную боль в ноге. На углу мы расстались. Мне зачем-то понадобилось догнать Ираклия. Я свернул за угол, но Ираклий был уже далеко. Он бросил хромать, шагал, размахивая палочкой, переменил обличив. Он в чужой личине чувствовал себя увереннее, отдыхал в ее определенности. Коротенькие его рассказы день ото дня усложнялись и росли. И оркестр Ираклий теперь уже изображал не просто так, а дирижировал в обличии

⁸¹⁵ Андроников (наст. фам. Андроникашвили) Ираклий Луарсабович (1908–1990) — писатель, литературовед, мастер устного рассказа.

⁸¹⁶ Андроникашвили Элевтер Луарсабович (1910–1989) — физик.

⁸¹⁷ Щерба Лев Владимирович (1880–1944) — языковед.

⁸¹⁸ Гуревич Яков Яковлевич — педагог, директор одной из петербургских гимназий, редактор журнала «Русская школа».

различных дирижеров, чаще всего Штидри⁸¹⁹ показывал он и за пультом и в жизни. В конце двадцатых годов поступил Ираклий на должность секретаря в «Еж». И тут я увидел, как, словно в искупление за легкость в одном, тяжел он в другом.

23 августа

Если казалось, что входит в чужую сущность он со сверхъестественной легкостью, то себя он выражал с неестественным напряжением. Не мог он двух слов связать. Даже в таком пустом случае, как в подписи к журнальному рисунку. Он сидел над коротенькой заметкой в четверть странички долго, как над стихами. Это было бы не страшно, но заметка, несмотря на множество черновиков, все равно не удавалась. Нет, он не мог обойтись без чужой оболочки, сказать хоть два слова от себя. У Элевтера его тоже многообразные душевные свойства слежались крепко в единое целое. Спаялись. У Элевтера было ясно, кого он любит и кого не любит, а у Ираклия все были друзья. После ряда злключенияй перебрался Ираклий в Москву. Его талант все развивался. Кто-то нашел название для его произведений: «Устные рассказы». Их услышал Горький и высокие люди, бывающий у него. Ираклий приобрел вес. Женился. Родилась у него дочка⁸²⁰. В крохотной однокомнатной квартирке в переулке где-то возле Арбата поселился он со всей семьей. Жена — плотненькая, полногубая, привлекательная Вивиана Абелевна Робинзон⁸²¹ — была артисткой в студии, но ушла оттуда. Как это всегда бывает в семье, у жены стали развиваться те самые свойства, которых не хватало мужу. Она становилась все определеннее и крепче. Она в Ираклии старалась разбудить то, что определенно и крепко. И ко второй половине тридцатых годов семья их казалась мне привлекательной. Прежде всего, приехав в Москву, звоню я к ним. Однажды я пришел позже назначенного часа, и дочка Ираклия трехлетняя Манана встретила меня, прыгая и распевая во весь голос: «Женюрочка пропащий, Женюрочка пропащий!» Это была необыкновенно здоровая девочка, радостная, словно выражающая самый дух квартиры. Черные глаза ее сияли. Ираклий шумел и хохотал, и Манана шумела и хохотала. Вышло так, что я остался у них ночевать. Разговаривали мы долго, часов до трех. После какого-то особенно громкого выкрика Ираклия над сеткой кровати показалась голова Мананы. И она спросила сонным голосом: «Хлеб принесли?»

24 августа

Она ела с таким аппетитом, что весело было смотреть. Ираклий становился все веселее и нужнее. Правда, он стал заниматься усердно литературоведческой работой, но сила его была не в специальности, а в отсутствии наименования. Он никому не принадлежал. Актер? Нет. Писатель? Нет. И вместе с тем он был и то, и другое, и нечто новое. Никому не принадлежа, он был над всеми. Отсутствие специальности превратилось в его специальность. Он попробовал выступать перед широкой аудиторией — и победил людей, никогда не выдававших героев его устных рассказов. Следовательно, сила его заключалась не в имитации, не во внешнем сходстве. Он создавал или воссоздавал, оживлял характеры, понятные самым разным зрителям. Для того чтобы понять, хорошо ли написан портрет, не нужно знать

⁸¹⁹ Штидри Фриц (1883–1968) — австрийский дирижер. В 1933–1937 гг. — главный дирижер Ленинградской филармонии.

⁸²⁰ Андроникова Манана Ираклиевна (1936–1975) — дочь В. А. и И. Л. Андрониковых, искусствовед.

⁸²¹ Андроникова (рожд. Робинзон) Вивиана Абелевна (1910–1995) — жена Андроникова, в прошлом — артистка.

натурщика. И самые разные люди угадывали, что портреты сделаны Ираклием отлично, что перед ними настоящий художник. Его выступления принимались как чистый подарок и специалистами в разных областях искусства. Именно потому, что Ираклий занимал вполне независимую, ни на что не похожую позицию, они наслаждались без убивающей всякую радость мысли: «А я бы так мог?» В суровую, свирепую, полную упырей и озлобленных неудачников среду Ираклий внес вдруг вдохновение, легкость. Свободно входил он в разбойничьи пещеры и змеиные норы, обращаясь с закоснелыми грешниками, как со славными парнями, и уходил от них, сохраняя полную невинность. Он был над всем. И Элевтер шел своим путем. Его считали одним из лучших молодых физиков. Он жил в так называемом Капичнике, в одном из домов, построенных для сотрудников Института Капицы⁸²². Большой сад. В саду невысокие домики. Цветы. И Элевтер был несколько вне ведомств: Институт Капицы занимал особое, независимое положение. И когда мы побывали у Элевтера — он считался нашим любимцем, — ощущение, что дела братьев хороши и чисты, утвердилось. Приезжая в Москву, я в первый же день звонил Ираклию. В Москве мне, как правило, не везло. А у них я отходил от всех уколов и путаницы.

25 августа

Несколько раз встретились мы во время войны. До нашего переезда в Москву. Два раза нашел я Ираклия в госпитале — он хворал. Печень не в порядке. Был он мобилизован. Сначала работал в газете в партизанском крае, затем в Тбилиси. Каждый раз, когда попадал Ираклий на определенную полочку, терял он что-то из своей силы. Работа его в газете не радовала и не поражала никого. Напротив, то, что его специальность «писатель», раздражало журналистов. Но слава, созданная до войны, проникла и в военные круги и защитила Ираклия, спасла от товарищей по газетной работе. Кажется, он потерял всего одну звездочку, и только после войны началось движение Ираклия к определенному и прочному положению. Он стал литературоведом, доктором наук. Вы — ступает на прежний лад редко. В тяжелые времена бросался на своих. Литературоведческая его карьера, несмотря на все ее сходство с другими подобными, не принимается всерьез настоящими учеными. Но он упорно за нее держится. Что его изменило? Упыри и разбойники отравили его наконец? Выступило ли на поверхность то, что всегда было в нем? Возраст пришел? Есть на земле растения, цветы которых поражают и радуют, а плоды никому не нужны. Не хочется об этом ни рассказывать, ни думать. Во всяком случае, он отошел в сторону до такой степени, что, рассказывая о нем, я удивляюсь, как мы были прежде близки. Но вот встретишь его случайно — и все забудешь. Он рассказывает. Выступает перед тобой вся жизнь, во всем ее блеске. Вот рассказывает он о поездке в партизанский край, в бывший партизанский край. Году в 46-м. Он играет очередь у кассы, к окошечку которой милиционер подвел его без очереди. Несмотря на вмешательство начальства, стоящие в очереди пытаются оторвать Ираклия от окошечка, а он кричит, вцепившись в подоконник: «Кладите сдачу сюда, в боковой карман». И, взяв билет в зубы, отпускает руки, и его относят от кассирши. И вот он уже в вагоне. И касса со всеми злоключениями канула в прошлое, заботит будущее — где переночевать в Калинин. Попутчик дает советы, это молодой, красивый, очень доброжелательный человек. Он позвал бы Ираклия ночевать к себе.

26 августа

Но никак невозможно: «Матушку это стеснит. У меня одна комната всего». А когда Ираклий осторожно намекает, что от старушки можно было бы как-нибудь отгородиться,

⁸²² Петр Леонидович Капица (1894–1984) — организатор и первый директор Института физических проблем АН СССР.

занавеситься, спутник возражает: «Что вы! Матушка у меня молодая!» Выясняется, что он — священник. Далее шел новый период жизни, как всегда бывает в путешествии. Все позади. Ираклий мчит на грузовике. В кузове пленные немцы, которых шоферша, молодая и разбитная девица, везет с дорожных работ в лагерь. Девица все время напевает. Все шевелит лопатками. Спина болит — неудобная кабинка. И побаливает голова. Все это не мешает девице петь. У какого-то ларька останавливает она машину, пьет водку от головной боли. Водка мутная, «смотреть и то страшно. Плавают в стакане какие-то лоскутья. Обрывки газеты, что ли». Но шоферша пьет с наслаждением и через несколько километров сообщает, что голова болеть перестала. Встречный грузовик тормозит, и шофер, как дальше выясняется, Вася, просит шофершу Ираклия уступить ему фрицев. «Сделают мне погрузку, я их сам отвезу. Песку надо перебросить». После краткого спора шоферша уступает. «Фрицы, сколько вас там?» И фрицы отвечают, скрадывая «р» на немецкий лад: «Четыге! Четвегб» (с ударением на «о»). — «Лезьте в мою машину. А лопаты, лопаты! Вот народ. Зачем вы мне нужны без лопат. То-то. Сели?» — «Сели». — «Сколько вас?» — «Четыге! Четвего». — «Поехали». Шоферша запекает, но через некоторое время обрывает песню и задумывается. «Ох, Васька, ну, Васька! Как же я ему фрицев без расписки отдала? Ну и Васька!» И вот Ираклий у цели. Прежняя хозяйка, та, у которой он жил в партизанском крае, ласково принимает его, кормит щами. Несколько портит дело то, что она рассказывает подробно о болезни коровы, которую свели на бойню и мясо которой Ираклий ест. «Да что ты, батюшка, скривился? А в городе что ешь? Кто здоровую корову забьет?» И так далее. Целый час мы путешествовали по Калининской области 46 года, видели множество людей. И чувствовали время. И восхищались, и удивлялись. И забывали, с каким печальным упорством Ираклий рвется в табель о рангах.

1 сентября

Алигер Маргарита Осиповна худенькая, глаза напоминают коринку. Портит общее впечатление дурная кожа лица, особенно на носу. Внушает уважение спокойная манера держаться, тихий голос. И неожиданный юмор. На съезде поэтессы говорили умнее и лучше поэтов. Алигер в том числе. Она много думала. Понимает суть дела. Большая семья; две девочки, мать. Живет тихо. Вернее, замкнуто. Та же связанность, замкнутость иной раз чувствуется в ее стихах. Изуродована одиночеством, свирепыми погромами в Союзе писателей. Одна из тех многих женщин, что являются главой семьи. Безмолвно несет она все заботы и тягости. Противоположна одичавшим и озлобленным женщинам-одиночкам. Спасает талант. Но что у нее творится в душе, какие страсти ее терзают, какая тоска — не узнает никто и никогда. Ее тихий голос, черные глазки, прозаическое лицо с черными точками на кончике носа уводят в сторону. И стихи ничего не говорят и не скажут. Нельзя. Да и есть ли желание открывать то, что никто сейчас не высказывает?

Бруштейн Александра Яковлевна.⁸²³ Страстная любовь к литературе, к театру и полное, врожденное непонимание самой фактуры этих искусств. Обречена судьбой на любительское рукоделие. Последний роман⁸²⁴, самый свободный по манере из всего, что она сделала — до того простоват по задачам, что невозможно принимать его всерьез. Хочет быть открытой, более того, душа у нее полна — роман о детстве, об отце, которого она обожала, но отсутствие соответствующей формы, словно кляпом, забивает ей рот. Чувствует, как полноценный человек, а говорит, как глухонемой. Отсутствие формы, почти всегда и

⁸²³ Бруштейн Александра Яковлевна (1884–1968) — писательница, автор пьес для детского театра. С 1925 г. была основным драматургом ЛенТЮЗа, с 1936 г. — Нового ТЮЗа. В сезоне 1941/42 г. — заведующая литературной частью Новосибирского областного ТЮЗа.

⁸²⁴ Говорится об автобиографической повести Бруштейн «Дорога уходит в даль...» (М., 1956).

отсутствие ясного символа веры. Александра Яковлевна, как все мы, пережила столько пожаров и катастроф в области любимого своего искусства. что было отчего сбиться с ясного пути. Впрочем, и в начале двадцатых годов я не понимал — зачем она пишет? Что хочет рассказать? Это одна ее сторона. Но есть другая, Александра Яковлевна почти глуха. Теряет зрение, хворает. И всегда она весела, остроумна и вечно в действии.

2 сентября

Письма ее — прелестны. И место, которое занимает она в литературе, значительно. Но надо непременно ее знать. Непосредственно

Б

Болыпинцова Любочка. ⁸²⁵ Она же Любочка Стенич. Когда я увидел ее впервые, была очень привлекательна. Маленькая. Ласковые глазища. Говор чуть — чуть излишне быстрый. Одета обдуманно. Всегда в хлопотах. Или переводит какую-нибудь пьесу. Или достает какой-то материал. Но, в отличие от других хлопотливых женщин, не вызывала раздражения. Сияла. Жизнь ее шла непросто — даром ничто не давалось. Только в обмен. Но она не по — женски спокойно принимала эту особенность своего бытия. Начиная я писать теперь, непременно попробовал бы рассказать о Стениче ⁸²⁶. Но у меня сейчас исчез прошлогодний интерес к писанию портретов. И нет у меня ключа к Стенчу. То есть он, может быть, и нашелся бы, да страшно думать о труде, который придется на это затратить. Скажу только, что это было существо особое, его целиком воспитало время между двумя революциями. О нем написал Блок статью «Последний денди». То он казался великолепным, то бесплодным. То поражал. То пугал. Жене его приходилось нелегко. Но когда они разошлись, Любочка огорчилась. И жаловалась несколько непоследовательно на то, каким плохим Стенич был мужем. Радоваться надо было, следовательно, разводу! И Любочка вышла замуж за Большинцова ⁸²⁷. Рослый, несколько сырой. Несколько распушенный. Я познакомился с ним в 20-е годы в Ростове, когда поступил он в Театральную мастерскую артистом. Когда встретились мы снова, оказался он уже киносценаристом. Любочка переехала в Москву. И там всё ждали они удачи, но фортуна все не давалась Любочке в руки. Скучно рассказывать, как сияние ее глаз все тускнело. Умер Большинцов внезапно, когда работал в Тбилиси над сценарием ⁸²⁸. И Любочка, второй раз овдовевшая, постарела. И это ей до того не идет! Она не годилась никак для этой роли со своей легкой фигуркой и быстрым говорком. Но выхода нет!

3 сентября

Как надоел мне собственный голос. Все говорю, говорю, говорю сам с собой. Сначала радость от того, что я заговорил, заслоняла неестественность положения. А сейчас начинаю смущаться. А впрочем — продолжаю.

Г

⁸²⁵ Большинцова (по первому мужу Стенич) Любовь Давыдовна (1907–1983).

⁸²⁶ Стенич (наст. фам. Сметанич) Валентин Осипович (1898–1939) — поэт, переводчик, критик.

⁸²⁷ Большинцов Мануэль Владимирович (1902–1954) — кинодраматург, режиссер.

⁸²⁸ В 1954 г. Большинцов совместно с А. И. Белиашили работал над сценарием «Они спустились с гор».

Габбе Тамара Григорьевна. ⁸²⁹ Назовешь это имя — и столько противоречивых чувств тебя парализуют, что хоть молчи. С одной стороны — человек быстрый, острый, имеющий дар вдруг выразить ощущение. Например, стоим мы напротив кинематографа «Титан». На вывеске вспыхивает и гаснет стрелка, указывающая на название картины. И Габбе говорит: «Ужасно неприятно! Так же у меня дергало палец, когда он нарывал». В Филармонии увидели мы Каверина с палочкой. «Почему он с палочкой?» — спросил кто-то. И Габбе ответила: «Потому что у Тынянова нога болит». Получилось это действительно весело и смешно и определяло положение вещей в те давние, доисторические времена. Это с одной стороны. С другой же — ум ее, резко ограниченный и цепкий, все судил, всех судил и выносил окончательные приговоры, как это было принято в кругу Маршака. Приговоры самого Самуила Яковлевича носили отпечаток его библейского темперамента и оглашались в грозе и буре, в тумане и землетрясениях, и тень Шекспира появлялась при этом событии, и Блейка⁸³⁰, и Пушкина. Однажды я читал у Габбе свою пьесу «Телефонная трубка»⁸³¹. Это Олейников настоял. Из любопытства. Было что-то много народу — редакционного. Пили чай после чтения и обсуждали пьесу за чаем. И Габбе говорила и продолжала есть и пить. Нет, здесь и духа не было Библии — куда там. Жуя быстро и определенно по-заячьи, она говорила быстро, отчетливо и уверенно. Она знала, что такое сюжет. Она одна. Она знала, что такое характер. Она знала, какая сцена удалась, какая нет. Во всяком случае была уверена в этом. Пожует, сделает глоточек и приговорит. А я, кроме удивления, ничего не испытывал. Резко ограниченный ум. Система, в которую уверовала она, когда училась. И полная несоизмеримость ее пунктирчика с предметом. Маршак был неясен, но понятен. Он намекал — и это было точно. А Габбе говорила точно, однако, непонятно. Уверенность — вот ее бич. Она-то уж знает, что есть рассказ... Что сюжет. Что завязка. Что развязка.

4 сентября

Вечное несчастье вечных первых учеников.

Блокада. Раза два или три вызывал меня Маршак на городскую телефонную станцию. Я шел по городу, как будто заболевшему, — ему не до прохожих. Окно в белых крестах. Окна выбиты. Забитые витрины. Знакомый голос Маршака, беспокойный, на старый лад, что в новом блокадном мире меня раздражало. Настолько раздражало, что он даже заметил, спросил однажды: «Ты что — сердись?» Как мог я ответить, объяснить по телефону, что мы говорим из разных измерений? По его поручению заходил я к Габбе. И тут впервые разговаривал я с ней без всякого внутреннего протеста. Вражда, созданная демоническим духом Олейникова, следы той невидимой серной кислоты, которой уродовал он окружающих, незаметно для них самих — изгладились до этих блокадных дней. Габбе и Любарскую в 37 году арестовали. Потом освободили. После второго рождения встретились мы как бы заново. А теперь, в блокадном мире, узнал я совсем новую Габбе. Душа ее, в обычные дни сжатая в кулачок, готовая к нападению, теперь как бы раскрылась. Была Тамара Григорьевна сосредоточена, а не сжата, и говорила так, как подобает в том мире, куда привела нас судьба, как бы заново увидев все. По деятельной натуре своей не могла она просто терпеть и ждать. Нашла себе работу — читала детям в бомбоубежище. И рассказывала, как заново услышала то, что читает. Одно годилось, другое — не переносило

⁸²⁹ Габбе Тамара Григорьевна (1903–1960) — писательница, критик, автор книг и пьес для детей. В 1937 г. незаконно репрессирована, впоследствии освобождена.

⁸³⁰ Блейк Уильям (1757–1827) — английский поэт и художник.

⁸³¹ Пьеса «Телефонная трубка» была написана в конце 1930-х гг.

испытания. И новый этот взгляд на вещи был убедителен. И начисто лишен ученической уверенности. И в Москве в 43 году я рад был встрече с нею. И опять говорили мы дружески. Но постепенно все вернулось на свое место. С людьми сходишься или расходишься по причинам органическим, непреодолимым. Та новая Габбе, с тяжелыми временами раскрывшаяся, исчезла, когда жизнь вошла в колею. Снова разум ее словно бы обвели контуром, и душа ее сжалась в кулачок. И при встрече чувство внутреннего протеста вспыхивает во мне с новой силой.

5 сентября

Гушанский Семен Ханаанович ⁸³², один из многих беспокойных артистов. Он жаждет — чего? Вряд ли он в состоянии объяснить. Чего-нибудь этакого. Возвышенного. И вместе с тем приносящего театру и ему успех. Люди подобного склада отличные дрожжи для театра.

Но и разума у них, как правило, не больше, чем у дрожжей. Есть рука, есть мука — театр всходит. Нет ни того, ни другого — киснет. На собраниях подобного рода актеры выступают всегда искренне, прямо и всегда неясно. Одно несомненно и часто объединяет вокруг них труппу: они хотят, чтоб было лучше. Гушанский никак не похож на актера: толстощекий, сырой, небрежно одетый. Голос — тускловат. Носит очки. На сцене — хорошеет, меняется, как все талантливые артисты. Увидел я его впервые в 38 году, в Мельничном Ручье. Тогда он и Сажин ⁸³³, тоже никак не похожий на актера, — толстогубый, круглолицый, маленький, полный, серьезный, приехали ко мне договариваться относительно «Снежной королевы». Их театр, Третий детский — до этого Детский театр Бауманского района — в театральных кругах завоевал себе имя. Он рос. И в тот период нашлась и мука и рука. Пьесу Светлова «Сказка» поставили Пыжова и Бибиков ⁸³⁴. И беспокойные актеры не то, что успокоились, но им показалось, будто театр на правильном пути. Самые главные признаки имеются: роли у них отличные и успех спектакль имеет настоящий. На премьере — ощущение праздника. Крупные театральные деятели хвалят от всей души (успех молодых театров им не опасен). Чего же еще? И вот Гушанский и Сажин приехали ко мне поговорить о «Снежной королеве» ⁸³⁵. С некоторым недоверием. У них не было настоящей уверенности во мне и пьесе. Гушанский сказал: «А нельзя ли как-нибудь заменить слово «снежинка». — «Почему?» — «Как-то сладковато получается». — «А как найти имя для единиц, образующих снег?» Гушанский в ответ только пожал плечами. Любопытно, что стихи в «Сказке» Светлова, что, мол, прибежит внук... «вымазаны лапушки/, Неужели ты была комсомолкой, бабушка» — не вызывали протеста. Это лирично. Но в общем расстались мы скорее дружелюбно. Пьесу мою ставили у них два режиссера:

⁸³² Гушанский Семен Ханаанович (1904–1981) — артист, режиссер, педагог. В течение 20 лет работал в театрах для детей. В 1927–1930 гг. — в Первом государственном педагогическом театре, один из организаторов в 1930 г. Бауманского театра рабочих ребят (с 1936 г. — Третий московский театр для детей, с 1938 г. — Московский театр для детей). Артист, директор, художественный руководитель этого театра до 1941 г. В 1941–1945 гг. — в Центральном детском театре. Поставил совместно с А. З. Окуничковым спектакль «Далекий край» по пьесе Шварца.

⁸³³ См. «Сажин Зиновий Абрамович», с. 629.

⁸³⁴ Премьера спектакля «Сказка» по пьесе М. А. Светлова состоялась в Московском театре для детей в конце февраля 1939 г. Сопостановщиком О. И. Пыжовой был режиссер Борис Владимирович Бибиков (1900–1986).

⁸³⁵ Шварц согласился на постановку «Снежной королевы» в Московском театре для детей. Премьера состоялась в марте 1940 г.

Доронин⁸³⁶ и Окунчиков⁸³⁷.

6 сентября

Театр нащупывал только свою дорогу, и время было переходное, вероятно, поэтому охотнее действовали попарно: Сажин и Гушанский, Пыжова и Бибиков, Доронин и Окунчиков. И декорации к «Снежной коро

— леве» делали две художницы. Вишневецкая⁸³⁸ и... забыл фамилию второй⁸³⁹. Спектакль неожиданно имел большой успех, и отношения с труппой, а тем самым и с Гушанским, стали хорошими вполне. Приглядевшись, я понял, что у него в душе звучит всегда некоторая нота, для настройки. Он ее слышит. Вырабатывается она в силу ряда причин, связанных с положением театра на сегодняшний день. С помощью этой ноты он угадывает, что созвучно ему, а что нет. Что даст возможность прийти во вдохновенное состояние, то есть даст возможность сыграть с успехом, а что помешает. Поэтому желания его всегда ясны, но трудно выразимы в словах. Так как жажда вдохновенного состояния у него постоянна, а играть приходится не так часто, как душа требует, то находит он другие пути, попроще. Иначе выбивается из будней. Пьет. Однажды, года два назад, после юбилея Бруштейн⁸⁴⁰, у нас завязался вдохновенный, бесконечный, облегчающий душу и не восстановимый разговор. Его так же трудно рассказать, как сон. И чувства ясны, как во сне. Начали мы его в ресторане ВТО, потом перешли в «Арагви». На разговор, как бабочки на огонь, спешили подобные нам жаждущие вдохновения и разрешения души. Возле вдруг оказался черный, кудрявый человек с очень маленьким ртом и недобрый взглядом. Режиссер, который отводил душу, работая в маленьком пародийно — капустническом театре, созданном молодыми актерами. Потом вдруг оказался возле неестественно толстый совсем молодой парень, тоже большой любитель правды и справедливости и подлинного искусства — кларнетист из Филармонии. Официанты знали их всех по именам и были к ним непритворно дружелюбны, как к постоянным прихожанам. А мы все говорили, то ужасались, то хохотали, и казалось, что еще маленькое усилие — и мы все поймем, и исправим, и наладим. Гушанский работает сейчас в Театре Ермоловой. Недоволен. Недавно заходил со Светловым, выпивший, решительный, вдохновенный.

7 сентября

Далее идет запись: «Гостиница «Ленинград». Одно из самых зловещих знамений времени. Капище демона лжи. Высотная гостиница, где номеров чуть не вдвое меньше, чем в невысокой «Москве». Минуя тесный, относительно, вестибюль, через золотую, раздвинутую вправо и влево, ширмой складывающуюся решетку воротоподобного входа, попадаешь в холл наглой величины. Лестницы, непристойно широкие с алым бархатом соответственно широких перил, ведут вправо и влево к галереям второго этажа. С высокого лепного золотого потолка низко спускаются золотые светильники. У перил вправо и влево стоят львы, опираясь на щиты, бесстыдно высунув языки. У них обличив герольдическое,

⁸³⁶ Доронин Игорь Михайлович (1903–1950) — артист и режиссер.

⁸³⁷ Окунчиков Абрам Зиновьевич (р. 1904) — режиссер, педагог.

⁸³⁸ Вишневецкая Софья Касьяновна (1899–1962) — театральная художница.

⁸³⁹ Второй оформительницей спектакля была Фрадкина Елена Михайловна (1902–1981).

⁸⁴⁰ 23 ноября 1954 г. в ВТО отмечалось 70-летие А. Я. Бруштейн.

европейское, у светильников — азиатское. Мебель — отельная. А прямо против воротоподобного входа глубокая ниша, напоминающая трон русских царей или рисунок на меню торжественного обеда славянофильского оттенка. Сюда, в эту глубокую нишу, выходят двери всех четырех лифтов гостиницы. Двери массивные, тяжелые. Перед тем, как распахнуться, долго дрожат. Где-то в их недрах гудит сжатый воздух. Наконец, словно бы нехотя, створки дверей разъезжаются, обнаруживая лифтершу, помесь субретки с чиновником. Глядит на тебя оценивающе и презрительно — официально. Снова гудит и жалуется сжатый воздух, створки дверей соединяются, как бы против воли, и лифтерша нехотя нажимает кнопку, и лифт поднимает, либо не поднимает тебя до нужного этажа. Мне пришлось дважды пережить вынужденную задержку. В самом лифте на подъеме и в ожидании его на шестнадцатом этаже. В первом случае субретка сняла трубку и выделанным, небрежно — томным голосом сообщила: «Алло, механик? Алло! Опять застряли в восьмом этаже. Полна машина га — а-а — стей. Давай- давай». Через некоторое время, после нового звонка механику, субретка велела нам раздвинуть двери руками и выйти на «пла — ща — адку». Лифт не пойдет. И вот мы ждали двадцать минут, пока не удалось нам втиснуться в один из набитых га — а-астями остальных лифтов и добраться до цели.

8 сентября

Коридоры шестнадцатого этажа уже не поражают размерами. Коридоры как коридоры, только отделаны деревом, да с потолка спускаются все те же неопределенно восточные светильники. И вот, наконец, ты у себя. Ванная нормальных размеров. После всех пространств, что преодолены, после храмоподобного холла, лифта с дубовыми дверьми, словно бы от купеческого особняка, — номер размером с ванную, тесный, так что едва пройти между зеркальным шкафом и кроватью. Всего два стула и письменный столик, он же заменяет обеденный. Если ты дозвонишься до ресторана, появляется у тебя человек, со многими особенностями трактирного полового. Он даже намекает, что хозяин «большой, сударь, мошенник! Все красота, красота, а кухне в ресторане повернуться негде. Все пыль в глаза пускаем!» Он стелет на письменный столик толстую плюшевую скатерть, на нее — салфетку, где и расставляет судки. Я спешил на юбилейный вечер Бруштейн. И тут лифт остановился вторично. Я ждал на площадке. Здесь же сидела за столом дежурная, сводила какие-то счета, щелкала на счетах, что не мешало ей болтать с официанткой из буфета. «Такой капризный мальчик! — жаловалась официантка. — Что ни привези — бракует! Заказала теперь омлет, может, примет. Он плачет, мать плачет». — «Да мать-то сама почти девочка. Ей девятнадцать лет!» — «А он, муж-то, пожилой». — «Пожилой не пожилой, а много старше!» Если бы лифт подали в этот самый миг, я и забыл бы разговор официантки и дежурной. Но лифт не шел, и вялым голосом дежурная, продолжая щелкать на счетах, добавила: «Он женился на сестре своей жены. На свояченице. Жену с детьми разбомбило. А свояченица уцелела. Девочкой еще была. Он, конечно, взял ее к себе. А потом женился. И теперь так дрожат они над ребенком!» На другой день утром ручка двери в моем номере зашевелилась. «Войдите!» Никто не входит. Я открыл дверь. И понял, в чем дело. На ручке уже соседней двери повис всей тяжестью мальчик.

9 сентября

Лет двух. Повисев — ему, очевидно, нравилось это упражнение — двинулся он к следующей двери. За собою тянул он на веревочке грузовичок, в котором лежало два бутерброда: с ветчиной и сыром. Это и был тот самый мальчик, который браковал вчера вечером то одно, то другое блюдо из буфета. И в грузовике лежал, конечно, забракованный завтрак. Было во всем его существе что-то нежное, уязвимое. Понятно стало, почему дрожат над ним родители. И вместе с тем держался он уверенно, независимо, храбро цеплялся за ручки дверей, и далеко — далеко лежало от него прошлое родителей, бомбежки,

смерть братьев. Он жил. Это был едва ли не единственный сосед в моем этаже, которого я встретил за неделю. Да еще один сильно взрослый глухо шумел где-то в облицованных деревом стенах, под восточными светильниками. И дежурная спросила меня, когда ждал я лифта: «Вас не беспокоил ночью гость из такого-то номера? Совсем темный. Плутал по коридорам пьяный. С ванной не умеет обращаться. Привык жить в Доме крестьянина. А тут все не по нем, все не так». Вообще же звуконепроницаемость была отличная. Ни звука. В окно далеко — далеко видишь крыши, брандмауэры. Высотные здания стоят по колено в массе домов. Кажутся не имеющими отношения к Москве. Тихо. Но вот тишина нарушается. Не людьми. Пищат и щелкают трубы отопления. Скоро к ним присоединяется вой тоскливый, оскорбленный — пылесос где-то нехотя, против воли сосет пыль. Лифт заговорил. Сжатый воздух загудел в его тяжелых дверях. Людей не слышно. Но механические вопли то и дело, словно невмочь больше терпеть, врываются в твою крошечную комнату. Однажды Каверин позвонил, что заедет за мной. Площадь забита машинами. Один поток движется под мостом, вправо, к Казанскому вокзалу, другой льется рекой из-под левого пролета, от Ленинградского вокзала, к нам. А по мосту тихо ползет состав из цельнометаллических вагонов. Зажигается красный сигнал. Машины под левым пролетом замерли. Среди них узнаю я каверинскую машину. Но поток стоит неподвижно пять минут, семь, восемь.

10 сентября

К широчайшему, во все здание, подъезду со ступеньками подкатывают два ЗИМа. Генералы в нерусской, чешской или польской, форме не спеша выбираются из первой. Сопровождающие их лица — из второй. Гостиничные служители несут следом за знатными гостями чемоданы. И одновременно возле «Победы» с кубиками по борту, то есть возле такси, ссорятся и кричат цыгане. Двое уже уселись, а двое не дают захлопнуть дверцу. Шофер хохочет. А цыгане орут, как на ярмарке, как будто все, что вокруг, их не касается — ни дурацкая роскошная башня гостиницы, ни сплошной поток машин. Наконец и двое спорщиков забираются в «Победу», подобрав полы пальто, с такими приемами, будто лезут в повозку. И вот нет ни цыган, ни генералов. Светофор пропустил левый поток машин. И несколько из них подкатывает к ступенькам огромного подъезда, и новые гости двинулись вверх к тугим гостиничным дверям.

Городецкий Сергей Митрофанович. ⁸⁴¹ По странному совпадению имеет нечто общее с Ленинградской гостиницей — золото, светильники, многозначительные пустые пространства и полное, почти, отсутствие полезной площади. Только уклон более в сторону славянскую, чем азиатскую. Он даже проживает в бывших палатах Годунова — и хоть бы что. Страшная судьба этой семьи его никак не затронула. Его ничем не возьмешь. Жил при царе. И «смутное время» ему не повредило. И в конце тридцатых годов нашел свое место — сочинил заново либретто «Ивана Сусанина», и тысячи людей пели на старый лад новые его слова: «Славься, славься, наш русский народ». Всего только один слог прибавил! Кроме заслуг явных, упорно говорили, что имеются у него и тайные. Когда во время войны Ахматова хворала в Ташкенте брюшным тифом, при ней дежурила неотлучно вдова Мандельштама⁸⁴². И кто-то донес, что у Ахматовой ночуют без прописки. И народная молва тотчас же обвинила в доносе Городецкого. Верно это или нет, узнают археологи, если будут заниматься сороковыми годами в Ташкенте. Любопытно другое — все без исключения поверили, что так оно и есть. Вот какую славу заработал себе под старость поэт, о котором некогда с настоящим уважением писал Блок. Я его впервые увидел в Сталинабаде.

⁸⁴¹ Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) — поэт.

⁸⁴² Мандельштам Надежда Яковлевна (1899–1980).

11 сентября

Лицо хорошо знакомое по карикатурам. Маленькие глазки и крупный красноватый нос. Длинноногий.

Говор чуть шепелявый. Суетливость в приемах. Склонность к поучениям. Во всех областях знания — непреодолим. Сообщил, что на Памире несомненно жило племя славянского происхождения, такие-то и такие-то слова, общие с нами, например, «аз» — «я» неопровержимо доказывают это. И Александр Македонский женился на Роксане, славянке. Полагая, что никто не помнит его прошлого и стихи «Сретение царя», он любил намекать, что его всегда травили за патриотизм. А он еще тогда знал и понимал... Малярию лечил собственным способом: «Нужно с силою нажать кулаком на селезенку. И тогда плазмодии оттуда выйдут». Куда выйдут — не пояснял. Говоря о переводах, обнаруживал такую глубину теоретических знаний и такое богатство терминологии, что не только таджикские поэты, но и приезжие только руками разводили. Одна Татьяна Матвеевна Казмичева своим словно сшитым в углах ротиком, пользуясь только серединой губ, вступала с ним в споры — и напрасно. Его нельзя было убедить. Более того, совершенно очевидно — не слышал он никого, кроме себя. Он пребывал в другом измерении, неуязвимый, непробиваемый. Нос главной, изогнутой линией начинался между глазами, свисал к губам. Не слишком приличное, но вполне житейское зрелище. Он любил выпить, любил поесть, многое любил. На одном литературном вечере прочел он такое стихотворение. Передаю содержание. Идет караван верблюдов. Слышится песня. «Мы с тобой, как два лепестка розы. Мы с тобой, как то-то и то-то, соответственно близкое». Кто это поет? Восьмидесятилетний старик. В какой еще стране восьмидесятилетние старики способны петь подобные песни. И, огласив это произведение, Городецкий уселся, вдохновенный, довольный, не сомневаясь ни на миг, что и все о нем того же мнения. Он глубоко уважал все из него исходящее. Говорил, что на него злятся за оперное его либретто «Иван Сусанин» именно потому, что написано оно с соблюдением всех метрических и музыкальных законов. Несколько раз предупреждал, что вот — вот кончит комедию, написанную грибоедовским стихом, чего до сих пор никто не осмеливался совершать. И наконец, чтение это состоялось. Осенью 44 года у меня в номере.

12 сентября

У нас в 13-м этаже гостиницы «Москва» — (впрочем, возможно, что произошло все это не осенью 44, а в начале 45, что не меняет дела) прочел Сергей Митрофанович первый акт или полтора акта своей новой пьесы. Это было мучительно. Значит, в самом деле человек, некогда владевший стихом («Стоны, звоны» и т. д.) — мог потерять в суете простой версификаторский навык. После этого встретил я его году в 50, в диетическом магазине. Я остановился у Крыжановских. И купил к обеду фазана. Готового. Городецкий пришел в ужас. Он принялся, с глубокой укоризной глядя на меня, уговаривать отказаться от своей покупки. Лучше взять фазана сырого, и он обучит меня, как его шпиговать салом, обжаривать, тушить. Он перешел со мною через дорогу, делясь кулинарными знаниями, находясь в своем собственном мире, глядя и не глядя на меня своими потусторонними глазками. Он повествовал о том, как, проснувшись на рассвете в палатах Бориса Годунова, отправляется он к приходу такого-то поезда на такой-то вокзал, где всегда можно купить у колхозников мясо (тут мы зашли в грузинский магазин, и он поучил меня выбирать вино, смотреть, какого оно розлива). Настоящее черкасское мясо можно купить у колхозников здесь же, на вокзальной площади, — рассказывал Городецкий далее. И тонкий край. И филейную вырезку. («Кто же тебе все это отрубит и взвесит у вокзала?» — спросил я внутренне.) А дома он лично готовил из этого мяса яства, достойные годуновских палат. Он пригласил меня в гости, несмотря на полное ко мне безразличие, нарисовал план, как найти

его. По плану понял я, что годуновские палаты были сильно переделаны нынешними жильцами. Во время съезда⁸⁴³, когда шли мы в Кремль, он сказал укоризненно: «Эта башня называется Кутафья. Не знаете, небось?»

Д

13 сентября

Есть люди, чаще всего женщины, отдавшие себя целиком данному виду искусства и по — женски понимающие и прощающие его житейскую, для иных — отталкивающую сторону. Они знают — такова жизнь. Сейчас ребенок улыбается, а через миг безобразничает. В искусстве подобные женщины редко играют активную роль. Они вроде нянек, или повивальных бабок, или педагогов, или даже матерей. Не отдельных произведений, а людей. И так как не боги обжигают горшки, ставят спектакли, пишут пьесы, то роль подобных женщин гораздо значительнее, чем может показаться с первого взгляда. **Софья Тихоновна Дунина**⁸⁴⁴ принадлежит именно к этой благороднейшей человеческой породе. Премьера театра, судьба актера, пьесы или автора для нее явление личной ее жизни. Она умна, жива. Всегда заведена, не распущена. Храбра. Владеет языком: говорит, что думает. Одних активно любит и помогает им любовно. Других активно не любит и храбро с ними сражается. Одно у нее не по — женски сильно: чувство справедливости. Все-таки она целиком отдала себя данному виду искусства — и тут она нелицеприятна. 1944 год. Театр комедии вернулся из Сталинабада в Москву. И показал «Подсвечник» Мюссе⁸⁴⁵. В эвакуации, как выяснилось, меньше требуешь не только от бытовых условий: живешь, где придется, ешь, что дают, — но и от качества работы. Нам казалось в Сталинабаде, что спектакль очень хорош. А в Москве он выглядел убого. Я не сразу это заметил. Спрашиваю у Дуниной в антракте: «Ну, как?» И она отвечает с горечью, но решительно: «Очень плохо! Очень». Она любила и театр, и Акимова, но не было силы, которая могла бы принудить ее покривить душой. Она при необходимости храбро шла на защиту театра, но что плохо, то плохо. Это умение любить людей, понимать, как делается дело, а вместе с тем не забывать самое дело — редкая, не женская черта. Поэтому ее и уважали. Маленькая, темноглазая, решительная. Я мало знал ее личную жизнь. Но как явление — понимал и уважал со всей почтительностью и удивлением.

14 сентября

Милочка Давидович — женщина добрая, веселая. Судьба ее бьет. Первый муж умер — осложнение мозговое после гриппа. Второй — умер во время войны от рака. Но она все улыбается, все шутит. Ее работа — шутить, быть остроумной — она пишет для эстрады смешные номера. И говорит, все время стараясь подоб

— рать слова поострее. Когда сойдется, когда и не сойдется, будто подбирает из кубиков картинку. Глаза глядят пристально, проверяют. Почему-то женщины, работающие для эстрады, менее иссушены остроумием, чем мужчины.

Е

⁸⁴³ Имеется в виду Второй Всесоюзный съезд советских писателей (1954).

⁸⁴⁴ Дунина Софья Тихоновна (1900–1976) — критик, редактор, театровед.

⁸⁴⁵ Премьера спектакля состоялась в 1943 г. в Сталинабаде.
Давидович Людмила Наумовна (1900–1986) — поэтесса, переводчица.

15 сентября

Если продолжать работу над «Телефонной книжкой», то надо изобразить **Ермоловский театр**. Ну, что я о нем скажу? Что скажу о театрах вообще. У меня такое чувство, что раскормили мы тугоподвижных, прожорливых, допотопных, никому не нужных чудовищ и никак не можем с ними разделаться. В теперешнем театре чего — чего только нет! И чешуя. И когти. И желудок. И глазки, которые видят добычу. И огромное тело, с огромным хвостом. И подобие головного мозга, меньшее по весу, чем мозг спинной. И это чудовище поглотило театр в прежнем его легком и праздничном состоянии. И каким-то чудом, вечерами, когда допотопное чудовище спит, мы видим сквозь его ребра подобие проглоченного существа. И чем яснее оно проступает, тем чудовище больше пугается, очнувшись. И принимает меры.

Ж

Дальше записан **Жданов Николай Гаврилович**, ⁸⁴⁶ он же Коля Жданов, который создан человеком легким. Себя не утруждает и других не мучает. Работает не без таланта, но в крайнем случае. Жена, как часто у людей легких, уклончивых и уступчивых, склонных успокоиться и примириться на том, что судьба пошлет — строга, пряма, молчалива, неудовлетворена. Чего-то ждет требовательно и нетерпеливо.

Крон Александр Александрович. ⁸⁴⁷ Черноволос, черноглаз, отвечает на толчки внешнего мира как бы замедленно. Или осмотрительно. Он из материала благородного, но биографию имеет сложную. Кто поймет, как сложились благородные материалы, пока шагал Крон по бакинским ⁸⁴⁸ и столичным малым и большим дорогам. Он хороший человек, конечно, хороший, но не вывихнуто ли у него зрение, не затуманено ли сознание? Я несколько раз удивлялся тому, как, стараясь сохранять ясность и последовательность, он тратил душу на то, чтобы объяснить и оправдать необъяснимое.

Говорит он не спеша, обдумывая каждое слово. И всегда в конце концов в том, что он скажет, обнаруживаешь ты нечто живое, имеющее смысл. Недаром он создан из благородного материала. Но то, что пытался он объяснить и оправдать, увы, оставалось мертвым и не имеющим смысла. У него не было (или выветрилось, или вышибло из него) той неподкупной трезвости, что определяет художника большого масштаба. Он мог отвести самому себе глаза и оплести сам себя во имя той силы, которой с юных лет научился служить. В его «Кандидате партии» есть нечто более мучительное, чем в пьесах, откровенно лакирующих и упрощающих мир. Там, в откровенно плохих пьесах, действуют фигуры из дерева, картона, жести. А у Крона идет живой человек с фанерным туловищем или фанерная женщина с живыми глазами. Но он талантлив. И человек доброй воли. Поэтому в «Глубокой разведке» есть целые сцены с живыми людьми. И в последней пьесе. Сейчас он пишет роман. Если перешагнет через себя, то напишет ⁸⁴⁹. Если научится смотреть не через очки, которые напялило время на его здоровые глаза. Я с ним в условно хороших отношениях.

⁸⁴⁶ Жданов Николай Гаврилович (1909–1980) — писатель.

⁸⁴⁷ Крон (наст. фам. Крейн) Александр Александрович (1909–1983) — писатель.

⁸⁴⁸ Пьеса Крона «Глубокая разведка» посвящена жизни бакинских нефтяников.

⁸⁴⁹ Говорится о пьесах Крона «Кандидат партии» (1953), «Глубокая разведка» (1941), «Второе дыхание» в редакции 1956 г. и романе «Дом и корабль», законченном в 1964 г.

Мне, как со знакомыми последних десяти — пятнадцати лет, неловко с ним. Очевидно, что-то изменилось и отвердело во мне. Новые друзья не приживаются, не принимаются. С Малюгиным⁸⁵⁰ мне ловко и удобно. В 41 году, да еще после блокады, — я мог еще ближе сходить с людьми. А с Кроном я разговаривать не умею. Разве в последний год стало попроще.

К

Каверины идут следующими. О них говорить невозможно. Эти — уж слишком хорошие знакомые. И я, кажется, пробовал говорить о них.

Карпенко Галина Владимировна, ⁸⁵¹ редактор Детгиза. Московская знакомая, которая входит в тот фон беспокойной командировочной жизни, которую ведешь в столице. Словно призрачные люди. Полная женщина, черноглазая, доброжелательная. Дело свое любит. Готова за него жизнь отдать, да только не знает, как. Потому что понимает его приблизительно.

Корчмарев Климентий Аркадьевич ⁸⁵² — маленький, горбатый, болезненный. Профиль заострившийся. Сидит, как все горбатые, откинув голову назад, словно в гробу лежит, когда глянешь на него сбоку. Он композитор, сталинский лауреат по какой-то кинокартине⁸⁵³.

Несмотря на свой неземной профиль, полон интереса к земной жизни, как настоящий киношник. По поводу «Двух кленов», для которых писал музыку, выразился так: «Я понимаю. Эти места рассчитаны у вас на детей, а такие-то и такие-то — на взрослых». И не понял искренне, когда я сказал, что писал, не рассчитывая, а старательно вел рассказ, подчиняясь его законам. Был я с Корчмаревым знаком две недели. Пока шли репетиции и спектакль. Премьера⁸⁵⁴. Собирались в ресторан, но ему стало нехорошо. Он спускался по лестнице, дыша через какой-то стеклянный приборчик, наполненный желто — зеленым порошком. Голова его еще более закинулась назад. Лицо казалось прозрачным. Жена вела его под руку. Он кивнул мне, сказав: «Приходится отказаться». И исчез, как призрак.

16 сентября

Карягин Анатолий Анатольевич, ⁸⁵⁵ человек молодой, тоненький, изящный в движениях, культурный в выражениях, растение, возвращенное на клумбе возле правительственных зданий. Когда я его встретил впервые, был он одним из цензоров Реперткома. И я, ожидая приема, убедился, что это народ особенный. Они говорили о какой

⁸⁵⁰ См. «Малюгин Леонид Антонович», с. 627.

⁸⁵¹ Карпенко Галина Владимировна (1908–1977) — детская писательница, редактор Детгиза.

⁸⁵² Корчмарев Климентий Аркадьевич (1899–1958) — композитор, написал музыку к спектаклю МТЮЗа по пьесе Шварца «Два клена».

⁸⁵³ Государственную премию СССР Корчмарев получил в 1951 г. за кантату «Свободный Китай» (1950).

⁸⁵⁴ С 15 по 23 марта 1954 г. Шварц был в Москве, присутствовал на репетициях «Двух кленов» в МТЮЗе, 9 апреля состоялась премьера спектакля, на которую Шварц снова приехал из Ленинграда.

⁸⁵⁵ Карягин Анатолий Анатольевич (р. 1923) — политредактор Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром (ГУРК), затем зав. литчастью Театра им. М. Н. Ермоловой.

- то премьеры — до ужаса похоже на актеров, на драматургов, ведущих подобные обсуждения. С полным знанием самой кухни дела, с легким цинизмом, вытекающим из этого знания. И с полной уверенностью, что они принимают участие в работе театра. Нужны. И даже с любовью к делу. С пониманием, кто чего стоит. И с полным расхождением между сущностью своей и деятельностью. Не то солдаты. Не то проводы, по которым идет такой-то или такой-то ток. Для освещения или для электрического стула. Передадут, не деформируясь. Понимание — пониманием, а строй строим. И при этом полная уверенность в своей правоте, хоть и пришлось бы им поступать наперекор... вкусам, что ли. На месте убеждений у них сидит шут с рогами. Карягин, явившись с некоторым опозданием, рассказал анекдот французский, который слышал накануне вечером. Восхищаясь его изяществом и жалуясь на то, что в переводе он теряет. Затем вежливо, но непреодолимо высказал требования свои по поводу моей пьесы.

17 сентября

А затем Репертком упразднили⁸⁵⁶, и моя детская пьеса под названием «Василиса — работница»⁸⁵⁷ обнаружена была в архиве с визой: «Запрещено». То ли потому, что я не успел представить поправки, предложенные мне, то ли потому, что запрещать вообще спокойнее. За разрешение может попасть, что шут с рогами, заменяющий убеждения моих новых знакомых — никогда бы им не простил; когда увиделись мы с Анатолием Анатольевичем вторично, он уже был, по должности, таким же человеком, как и мы. Обязанности завлита, — совершенно призрачные, нисколько не мешали ему высказывать человеческие свойства. Я сидел у него в кабинете, в Ермоловском театре, и мы разговаривали на одном языке. Разве только он выражался слишком уж отработанно. Когда я спросил его, почему он запретил год назад мою пьесу. И собеседник мой самым неподдельным образом изумился и воскликнул: «Я? Что вы! Не может этого быть!»

Кальма Анна Иосифовна,⁸⁵⁸ воистину дочь земли! Живет с удовольствием, жадно. Однако без той жадности, что заставляет коситься на соседку и рычать. При такой жадности удовольствия от жизни не дождешься. Точнее будет сказать, что живет она с великолепным аппетитом. Она слишком здорова для того, чтобы рычать и коситься. И спасает ее вера. Вера в себя. Она разошлась с мужем, которого я не знал. Вышла замуж за инженера, с которым я познакомился в свое время, приехав к ней в гости с Акимовым. Кирпичный, нештукатуренный красный новый дом на Зубовском бульваре, один из целой семьи подобных, ставших рядом. Перед домами — палисадники. Перед палисадниками асфальтовое пространство, неоправданно просторное, заменившее бывший бульвар, растянувшееся по всему Садовому кольцу. Не то улица, не то площадь. Квартира небольшая, на московский лад. Невысокая. Отделанная с удовольствием. Убранная с удовольствием,

⁸⁵⁶ Главный репертуарный комитет существовал с 1923 по 1928 г., затем вошел в состав Главискусства, в 1933 г. выделен в самостоятельное управление — ГУРК. В этом учреждении и работал Карягин. При создании Министерства культуры СССР в 1953 г. ГУРК был упразднен.

⁸⁵⁷ Работу над пьесой «Василиса — работница» Шварц начал в 1949 г. В письме к дочери от 21 октября 1949 г. он писал: «...пишется она не с той быстротой, к которой я привык. Страшно портить». (Цит. по журн. Вопросы литературы, 1967, № 9, с. 172). Шварц дважды менял название пьесы. Первоначально она называлась «Каменные братья», затем «Василиса — работница» и в конце концов — «Два клена». На протоколе ГУРК по «Василисе — работнице» от 23 августа 1951 г. стоит виза: «В настоящем виде не разрешать. Предложить автору переделать пьесу» (РГАЛИ, ф. 656, оп. 5, ед. хр. 8926, л. 81). В 1953 г. Шварц продолжал работу над пьесой. 18 октября 1953 г. закончил ее. 10 ноября 1953 г. сдал пьесу в ГУРК.

⁸⁵⁸ Кальма Н. (наст. имя и фам. Анна Иосифовна Кальманок) (1908–1988) — писательница, автор книг для детей.

хотел я сказать. Хороший портрет женщины, маслом. Старая хорошая мебель. Когда были мы с Акимовым, подавали кокиль. Формы, раковины для этого кушанья, давно используются не по назначению. Поэтому не оставляла меня мысль, что ем я рыбу, запеченную в пепельни — це! Через некоторое время приехала Кальма в Дом творчества, в Комарово. Ходила на лыжах, с наслаждением.

18 сентября

У нее, у Кальмы, была такая судьба — чуть — чуть не те формы выбирала она для существования. Все будто кормит она из пепельницы, хоть в сущности она поступала по традициям, от которых мы отвыкли. По бедности. По превратностям судьбы. И детские книжки писала она традиционные. Действие последней ее книжки происходит в Америке, где обижают негров⁸⁵⁹. На первой же странице она сообщает приблизительно следующее: «Несмотря на ненастную погоду, все педагоги собрались в школу». И не замечает полной пустоты и даже бессмыслицы своего утверждения. Когда дурная погода влияла на педагогов? Будто это дети, которых выводят или не выводят в садик в зависимости от погоды? Но никто ничего не замечал. Традиционная форма помогала соблюсти приличие. И у детей книжка «Горчиный рай» пользовалась успехом. Кальма выступала года два назад на открытии Недели детской книги в Ленинграде. Говорила традиционно. («Иду по саду и вижу: девочка с двумя толстыми косами читает мою книгу. Я спрашиваю: «Интересная книга?» — «Угу!» — «Это я написала». Тогда она взглядывает на меня своими огромными серыми глазами и отвечает: «Большая, а говорит неправду».)

Все это рассказывалось так гладко, уверенно и традиционно, что зал в меру смеялся, в меру аплодировал и не испытывал явной неловкости. В последний свой приезд рассказала она, что сейчас проводится у них конкурс на лучший пирог. Жены одних известных художников, неких известных научных работников и она, Кальма, по очереди, собираясь друг у друга, соревнуются в изготовлении вышеупомянутого блюда. Что тут худого? Но я вдруг, без всяких на то прав, испытал плебейскую ярость. И чувство «пепельница с запеченной рыбой» овладело мной. А в общем вернее всего она добрая баба, несоглашающаяся стареть, идущая из- за этого на некоторые жертвы — лыжи, романы, — избалованная обеспеченной столичной жизнью, не приносящая зла. Говорю — вероятно, потому что мало знаю ее. А может быть, все это скрывает нечто трагическое, немыслимое, но реально существующее. На подобие романов Сю. Ведь таинственно задавила ее машина. Почти смертельно. И кто- то Принес ее домой. Разбери их там, в Москве. Впрочем, все мы больны манией преследования.

Л

19 сентября

Лобанов Андрей Михайлович ⁸⁶⁰ — фигура трагическая. Сегодня процветающая, завтра избиваемая, послезавтра процветающая и опять избиваемая — есть отчего впасть в то состояние, в коем пребывает он сегодня. Он страдает сильнейшими спазмами мозговых сосудов, лежит неподвижно в постели — иначе вызовет головокружение. Едва пошевелится. Я в предыдущей тетрадке пытался определить его театр. Это чудовище завелось от сырости

⁸⁵⁹ Роман «Дети Горчиного рая», М. — Л., 1950.

⁸⁶⁰ Лобанов Андрей Михайлович (1900–1959) — режиссер. В 1930–е гг. руководил Московским театром для детей, в 1945–1956 гг. — главный режиссер Московского театра им. М. Н. Ермоловой.

и грязи и проглотило театр в прежнем значении этого слова. Головной мозг у чудовища почти отсутствует, спинной же, угадывающий законы сегодняшнего дня — могуч. И предполагалось, что Лобанов руководит этим фактиозавром. А театр тот просто шагал в стаде подобных послепотопных, повинаясь инстинктам самосохранения. В первый раз я увидел Лобанова еще до войны в квартире у Хмелева⁸⁶¹. Меня несколько испугала оранжерейная атмосфера, охватившая меня. Чувствовалось, что в этом теплом и сыром дворце могут произрастать не одни цветы. Хмелев ростом, стройностью, значительностью выражения, тяжелым взглядом черных глаз внушал уважение. Но и в нем чувствовалась отравленность. Он жаловался озабоченно на неопределенные боли в руке, собирался в Цхалтубо. Лобанов, не то рассеянный, не то ушедший в себя, не то равнодушный, раздражал меня жаргоном, заменявшим живой язык, тоже родившимся в этой тепличной атмосфере. После длительных предисловий «в каком-то смысле, говоря очень — очень приблизительно, я знаю, что это неточно» — изрекал Лобанов нечто вполне элементарное. Никак не стоящее подобных предупреждений. А театр в те дни был еще живым существом. Студией имени Ермоловой. И верил своим руководителям. Впрочем, говорят, на работе Лобанов оживал. В дальнейшем встречались мы от случая к случаю. И он все полнел, что раздражало меня особенно, так как я полнел тоже. А театр становился одним из самых заметных в Москве. Получил Сталинскую премию за пьесу Малюгина⁸⁶². Прославился «Пушкиным»⁸⁶³.

20 сентября

И уже и не пахло в нем студией. Разыгрался даже в один прекрасный день скандал — какая-то актриса обвинила Лобанова, что он ее обижает, между тем, как она ждет от него ребенка. И все театры обсуждали этот случай с жаром, будто новую премьеру, с тою, впрочем, разницей, что не осуждали никого из участников ее. Да, театр становился взрослым и обростал послепотопной чешуей. У него было лицо некогда. И оно преображалось ото дня ко дню в морду. Неважно, в конце концов, как обращался Лобанов с женщинами. Но это было признаком времени и радостно успокаивало другие театры. «Ах, и у них, значит, скандалы. Ну вот, и славненько». А то можно было подумать, что они воплощенной укоризною стоят перед отчизною, перед старым МХАТом, выражаясь проще. Несмотря на то, что чудище, проглотившее Ермоловский театр и напаялившее на себя его вывеску, ничем не отличалось от других, ему влетало больше. Звания и чина не имело оно. Слишком недавно походило на театр. Лобанов считался талантливым — каково это было другим? И его, наконец, стукнули с грохотом за пьесу, которую они только репетировали, но не успели поставить⁸⁶⁴. И Завадский, ученик Вахтангова, выросший в той же атмосфере, что и Лобанов, бойко болтающий на том же самом мхатовском аргю («в каком-то смысле...

⁸⁶¹ Хмелев Николай Павлович (1901–1945) — артист МХАТ. Возглавлял Театр им. М. Н. Ермоловой. После смерти Хмелева главным режиссером стал Лобанов.

⁸⁶² В 1946 г. театр получил Государственную премию СССР за спектакль «Старые друзья» по пьесе Л. А. Малюгина, режиссер Лобанов.

⁸⁶³ Имеется в виду спектакль «Пушкин» А. П. Глобы с В. С. Якутом в главной роли, поставленный в 1949 г. В. Г. Комиссаржевским.

⁸⁶⁴ Говорится о последней режиссерской работе Лобанова в Театре им. М. Н. Ермоловой — «Дядя Ваня» А. П. Чехова, так и не увидевшей света ramпы. В 1952 г. начались репетиции. Трактовка пьесы Лобановым вызывала протесты, что тяжело отразилось на здоровье режиссера. В 1956 г. он был освобожден от обязанностей главного режиссера театра.

говоря очень приблизительно... не верю... ищите сквозное действие»), — лихо дал брату своему подножку. Он написал в «Правде» статью на чужом ему, чисто газетном жаргоне⁸⁶⁵. Жаловался на отсутствие смелой критики. Один абзац у него кончался тем, что, мол, в частности, мало критикуем мы свой театр, Театр Моссовета. В следующем абзаце все, естественно, ждали этой самой критики. Однако со всей естественностью чудовища, подчиняющегося инстинкту самосохранения, Театр Моссовета из этого абзаца выпал. Начинался он примерно так: «Роковой ошибкой

режиссера Лобанова явилось...» И так далее. И о болезни Лобанова услышал я от Завадского во время съезда писателей. Описав с глубоким сочувствием печальное состояние, в котором Лобанов находится, Завадский добавил: «Да, не умеют у нас беречь людей».

17 сентября

Левин Лев Ильич, ⁸⁶⁶ старый знакомый, некогда — молодой, подающий надежды. И в те, старые, времена казавшийся несколько чужим, как всякий критик. Внушало уважение то, что он держится, как взрослый, независимо и как будто любит литературу. Самолюбив был до крайности. И мнителен. Все ему казалось, что он болен. «Тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»⁸⁶⁷. Но с душами не столь хрупкими и могучими производит он изменения не столь легко определяемые. Сейчас Левин Лев Ильич уже совсем не похож на мальчика. Седые виски. Чуть пополнел, почему — то только лицом. И за седыми висками и отяжелевшим лицом ничего тебе не прочесть. Что он любит теперь, что думает о литературе — пойдй пойми. Ничего не видно. И писать не пишет, а только редактирует. Одинок. И романов ни с кем не заводит. Друзей нет. Приятели имеются. Мнителен он больше прежнего. Года два — три назад приехал он сюда. Я сказал ему: «Что с тобой, почему ты так плохо выглядишь?» Он растрогался и, бросив дела, уехал обратно в Москву, с повышенной температурой. Мне хочется иной раз отвинтить винты, снять заградительные и маскировочные щиты и заглянуть, во что превратил тяжкий млат эту замкнутую и осторожную душу. Что он думает, что он делает, когда остается наедине с собой?

М

Следующим в моей московской книжке записан **Малюгин Леонид Антонович**. ⁸⁶⁸ Это человек совсем другого склада. Он открыт, даже грубоват, прям. Его стукнуло куда сильнее, чем Леве Левину только угрожало, но он сохранился⁸⁶⁹. Я знал Малюгина в Ленинграде до войны. Мельком встречались мы то на премьерах, то на собраниях. Но вот в

⁸⁶⁵ В «Правде» от 8 августа 1954 г. была напечатана статья Ю. А. Завадского «За идейность и мастерство советского театра». Приводим отрывок ее, направленный фактически против Лобанова: «Возьмем к примеру Московский театр имени М. Н. Е.;. молодой. Этот театр имеет талантливых актеров, опытную режиссуру. А между тем за последнее время театр не показал содержательных спектаклей на современную тему. А сколько репертуарных ошибок совершил ермоловский театр?! Что это, как не ослабление художественной требовательности, как не ослабление творческой воли к вторжению в жизнь?»

⁸⁶⁶ Левин Лев Ильич (р. 1911) — литературный критик. Автор воспоминаний о Шварце.

⁸⁶⁷ Строка из первой песни поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

⁸⁶⁸ Малюгин Леонид Антонович (1909–1968) — писатель, литературовед, зав. литчастью БДТ в годы войны, друг Шварца, автор воспоминаний о нем.

⁸⁶⁹ Резкой несправедливой критике подверглось творчество Малюгина на XII пленуме Правления ССП, проходившем в Москве с 15 по 20 декабря 1948 г.

конце 41 года приехали мы в Киров. Еще по дороге, в вагоне, придумал я для успокоения душевного пьесу о Ленинграде⁸⁷⁰. О блокаде. В самых общих чертах. Атмосферу, в которой будет развиваться действие. И начал писать ее под новый год в своей ком — нате, в театральном доме — длинном, двухэтажном, сером от тоски, угрюмом. И вся работа над пьесой связана для меня с Малюгиным. Жил он в самом театре, неестественно великолепном среди деревянных домов. Его, Малюгина, маленькая комната. Топчан. Письменный столик. Обеденный столик.

18 сентября

Он все школил себя: спал на твердом, сидел на твердом. Работал положенное время. Я ходил к нему читать «Одну ночь» сцену за сценой. И понемножку начинал разбираться в нем. Он был живой человек, не боящийся боли и вступающий в драку естественно, как другие чай пьют. А среди равнодушных ко всему на свете, кроме личных дел, актеров БДТ иначе невозможно было бы существовать. Они ворчали на него, но — хотел написать уважали — нет — нет, на это не были они способны. Они не связывались с ним, зная, что ни к чему хорошему это не приведет. Даже такой влюбленный до страсти, до самозабвения, до отупения в свои актерские] и прочие достоинства Полицеймако, уродливый, лишенный шеи, широкомордый, боксер да и только, хитрый, недоброжелательный — и тот выслушивал без открытого протеста замечания, которые Малюгин ему делал за искажение текста роли. Малюгин, как прирожденный человек переднего края, обладал чувством дела. Я зашел к нему как — то в вечер очередной, второстепенной премьеры. В то время театры ошалели от непривычной обстановки и гнали премьеру за премьерой. «Трактирщицу» Вейсбрем поставил чуть ли не [в] две недели⁸⁷¹. В такой же, примерно, срок Суслович⁸⁷² поставил какую — то пьесу О. Литовского, не то из французской, не то из голландской жизни⁸⁷³. Действие происходило в 41 году. Никто не считал эти премьеры настоящими, а как бы призрачными, эвакуационными, или эрзацами. Все в театре были спокойны, кроме Малюгина, который переодевался, чтобы идти в зрительный зал. Он был красен, тороплив в движениях. Когда я заикнулся о том, что кончил какую — то сцену «Одной ночи», он взглянул на меня с яростью и пробормотал, что сегодня, мол, не до этого. До сих пор Малюгин обращался со мной подчеркнуто уважительно, и я онемел от удивления. Потом я почувствовал — он единственный во всем коллективе понимает, что премьера есть премьера, важнейший день в жизни театра. Он, завлит и только, считал себя ответственным за всех. И я не рассердился на него за резкость. Драгоценно было его отношение к моей пьесе. Он всегда говорил, если ему не нравится. И радовался, когда сцена ему нравилась. Он понимал, что если пьеса получится, то это хорошо.

19 сентября

Вспоминаю множество разговоров, то у него, то на освещенных солнцем крутых кировских улицах. Хорошая погода там была редкостью, и мы, если небо было ясно, выходили побродить. Война. Время трудное, но чистое. И разговоры о том, что после войны

⁸⁷⁰ См. «Войно — Ясенецкие Михаил Валентинович и Мария Кузьминична», комм. 2.

⁸⁷¹ См. «Казико Ольга Георгиевна», комм. 3.

⁸⁷² Суслович Рафаил Рафаилович (1907–1975) — режиссер.

⁸⁷³ Р. Р. Суслович поставил в БДТ спектакль «Расплата» по пьесе О. С. Литовского. Премьера 30 декабря 1941 г.

все станет еще чище. Пьеса моя «Одна ночь» не пошла. Я написал вторую — «Далекий край»⁸⁷⁴ и еще переболел скарлатиной⁸⁷⁵, побывал дважды в Москве⁸⁷⁶. Катя вспоминает Киров с ужасом — вся бытовая часть лежала на ней, а у меня все скрашивается воспоминанием наполненности душевной. И воспоминанием о том, что я много работал. Малюгин уехал на фронт с актерами. И прислал нам оттуда пачку табаку — драгоценность в те дни. Он был другом деятельным. Хлопотал и ссорился из-за моей пьесы в комитете. Посылал посылки при каждом случае. То, смотришь, он запаковывает кому-то книжку — нашел в магазине. То — когда БДТ перебрался в Ленинград — пришлет плитку шоколада — неестественной величины. После войны написал он пьесу «Старые друзья». И Ермоловский театр ее принял. И Малюгин получил Сталинскую премию⁸⁷⁷. Многие старые друзья заговорили после этого, что Малюгин стал грубоват, излишне категоричен, решителен. На самом же деле он несколько не изменился. Только друзья принялись перетолковывать его поведение на другой лад. Еще до своего награждения работал он в каком-то доме отдыха недалеко от Тбилиси. Рассказываю это, чтоб дать пример его обращения. Директор оказался недюжинным наглецом. Жалобная книга на него никак не действовала. Тогда в одно прекрасное утро Малюгин послал за ним уборщицу. Потребовал, чтоб директор немедленно явился к нему в комнату. Тот пришел, несколько удивленный. И Малюгин спросил его решительно и строго, но вполне спокойно.

20 сентября

«Вы хотите, чтобы я вас уволил?» Директор ничего не ответил, только хлопал глазами. «Не хотите, так потрудитесь...» — и Малюгин перечислил все жалобы отдыхающих и приказал немедленно изменить порядки в доме. И к величайшему восторгу отдыхающих — все изменилось, словно по волшебству. Уже обед подали вполне допустимый. И пошло, и пошло. Вот какой характер был у Малюгина, до награждения. Таким он и остался, но тут друзья уже стали обижаться. Так шло до рокового пленума по драматургии⁸⁷⁸. Малюгин был избит с обычной масштабностью, словно он один — целая организация заговорщиков или вражеская армия. Так же с жадностью и восторгом лупили всех, кого находили нужным. Это было началом такого мрака, мракобесия, что как раз в разгаре избиений свет погас во всей Москве, и даже метро остановилось часа на два. Но заседание пленума не прервалось. Принесли аккумулятор чьей-то машины, зажгли аварийную лампочку, и ораторы, кто от страха, кто в азарте выигрыша, озлобленные деляги и неудачники, почувствовавши, что пришло их время, несли нечто вполне соответствующее тьме, навалившейся на Москву. Я был у Малюгина на другой день после разгрома. Не застал его. И когда мы встретились и он узнал, что я ничего не рассказал о вчерашнем безумии его матери, то обрадовался. Он был преданный сын, глава семьи. Сестра, племянница, мать жили с ним, и он заботился о них. Другая сестра была военным врачом — и с ней он был внимателен и заботлив. Во время войны мать, сестра и племянница жили где-то в Средней Азии, на станции Чу, и Малюгин

⁸⁷⁴ Пьесу «Далекий край» об эвакуированных ленинградских детях Шварц закончил в сентябре 1942 г. Она была поставлена во многих ТЮЗах страны.

⁸⁷⁵ С 7 по 31 мая 1942 г. в Кирове Шварц болел скарлатиной.

⁸⁷⁶ С 25 июня по 2 июля и с 15 сентября по 4 октября 1942 г. Шварц был в Москве во Всесоюзном комитете по делам искусств по поводу разрешения к постановке своих пьес «Одна ночь» и «Далекий край».

⁸⁷⁷ См. «Лобанов Андрей Михайлович», комм. 2.

⁸⁷⁸ См. комм. 1. к настоящей записи.

все беспокоился и несколько раз пускался в нелегкий путь из Кирова до Чу — навестить своих. Когда разразилась гроза, он осторожно сам предупредил своих. Но и в трудные времена остался Малюгин прежним — все говорил прямо, держался грубовато, только окружающие перестали приписывать это тому, что он сталинский лауреат. Сейчас он снова на подъеме. Не женат. Романы у него почему-то всегда с женщинами, которые старше его. Встречаемся мы дружески — он привился. Я был еще молод в Кирове. Теперь не прививаются ко мне люди.

25 сентября

Марголина Алиса Акимовна. ⁸⁷⁹ Театровед. Познакомился с ней, когда она работала в Новом ТЮЗе. Была замужем за Колей Ждановым. Потом за Адрианом Пиотровским. Говорит чуть замедленно, глядя в сторону, как будто забывая, что собиралась сказать, или у нее выпадают из памяти отдельные слова. Характер тяжелый. В этом убедился, когда навещал ее и Пиотровского в Тбилиси, где лежали они в больнице после автомобильной катастрофы. Пострадали они одинаково. Муж даже больше, но она тянула жилы из всех вполне беззастенчиво в силу многолетней привычки. И капризничала в поезде, когда мы их провожали, распространяя вокруг тяжелый дух уныния. Мне стыдно ругать ее. Со мной держалась она всегда доброжелательно. Отчего и записан у меня ее московский телефон. Но я не был у нее ни разу. Не знаю, что за девочка, теперь уж взрослая, родилась у нее от Коли Жданова. Она теперь присоединена судьбой к армии одиноких женщин. С кем она теперь капризничает? Она мучает дочку, или дочка ее, или живут они мирно? Несколько лет назад, году в пятьдесят втором, написала Алиса Акимовна повесть ⁸⁸⁰. Вполне гладкую, на редкость. Все как следует. Этим доказала она, что человек ничуть не менее способный, чем многие, завоевавшие весьма почетное положение литераторы. Это встревожило многих литераторов и критиков обоего пола. Очень быстро повесть затоптали — Марголина человек незащищенный. И все успокоились.

О

Дальше идет **Образцов Сергей Владимирович**, ⁸⁸¹ человек лимфатический, чуть обрюзгший, моложавый, светлый по отсутствию красящих веществ, с голосом разработанно приятным, с простотой виртуозно отделанной и рассчитанной. Явление несомненно положительное. Но почему-то неловко мне смотреть в его глаза, светлые, с веками чуть покрасневшими. Я любил, влюблен был в некоторые его спектакли: «Король — олень», «Лампа Аладдина» ⁸⁸². Мне казалось, что это небывалое в театре обыкновенного вида явление, — человек показывает самое лучшее, самое артистичное в нем независимо от своих внешних данных. Отвлекаясь от них, с почти математической чистотой. Только то, что требуется. Когда вместо великолепных по своей выразительности кукол появлялись раскланиваться кукловоды, артисты как артисты, — ты это понимал.

⁸⁷⁹ Марголина Алиса Акимовна (1908–1971) — писательница, критик, театровед.

⁸⁸⁰

⁸⁸¹ Образцов Сергей Владимирович (1901–1992) — театральный деятель, артист, режиссер, организатор и руководитель Центрального театра кукол (с 1931 г.).

⁸⁸² Спектакль Центрального театра кукол «Волшебная лампа Аладдина» Н. В. Гернет был поставлен Образцовым (премьера 1 октября 1940 г.); «Король — олень» Е. В. Сперанского по К. Гоцци — Образцовым и В. А. Грозовым (премьера в июне 1943 г.).

26 сентября

Понимал эту прекраснейшую особенность кукольного театра. Из миллионов жителей Москвы набралось полтора — два десятка людей, любящих театр до потери уверенности в том, достоин ли ты подойти к нему. Имеющих страх божий. Кукольный театр представлялся им более доступным. И войдя в него, они полюбили и почувствовали дело с истинно монашеской ревностью. Вплоть до склонности отрицать театры другого вида. И это являлось второй особенностью образцовского театра. Этот дух передавался — хотел написать: молящимся. Зрители в театре кукол на площади Маяковского всегда несколько возбуждены, доверчивы, щеки горят — праздник да и только. Всегда в первых рядах знатные посетители, то египетская принцесса, то немецкие министры, то французские актеры. Вот какое пламя раздул Образцов и ведет своих монахов неуклонно и усердно по тому пути, что они избрали. Это далеко не просто. Как и во всяких монастырях, послушание послушанием, но по ревности своей склонны монахи сомневаться в чужой святости. Поэтому — то святоотеческие книги требуют послушания без обсуждения, полного, безоговорочного. И повторяют это едва ли не на каждой странице. В театре это невозможно, и поэтому образцовские актеры непрерывно вглядываются в образцовские работы и очень часто вступают с ним в пререкания на высоком уровне. Все это хорошо показывает, что в театре идет богатая духовная жизнь. И Образцов в этих спорах выступает как первый среди равных

— только как один из участников, пусть самый сильный, единого коллектива. Он не применяет никаких административных мер. А так как голова у него отлично разработанная, он побеждает в большинстве случаев. И все-таки, подчиняясь, театр все время его чуть — чуть осуждает. За что? Я сам повинен в подобном осуждении, хоть и совсем человек со стороны и мало имел дела с Образцовым как с режиссером. Почему? Несколько раз принимался я решать эту задачу — и ни разу не мог понять корней внутреннего моего протеста, не дающего до конца принять Образцова.

27 сентября

При первом же знакомстве он очень красноречиво и упорно стал доказывать, что классиков изучают с детьми, забывая, что это произведения для взрослых. Это детей портит. В «Обломове» очень ясна сексуальная линия. И такие книги следует давать уже взрослым людям. Зная, как сильна сексуальная линия в детях, без всякой вины классиков, какие неслыханно бесстыдные разговоры ведутся в классах, начиная с самых младших, более того, особенно в младших, я спокойно принял эту мысль Образцова. Мне показалось только, что в запале, с которым он говорил, есть что-то личное и где-то тут есть один из ключей к одной из комнат его души. Позднее я понял и еще одно: как у всех многодумающих людей, мысль об «Обломове» была у него одной из многих, овладевающих им на некоторое время. Но я встретился именно с этой педагогической, добродетельной, лимфатической и ощущение от этой первой его мысли осталось. Познакомился я и с Ольгой Александровной, женой его, артисткой⁸⁸³. Она ушла со сцены, аккомпанировала мужу в его концертах. Черненькая, худенькая, отчетливая, она полна энергии, переводит с французского, с английского, ведет дом, все ищет себе собственного дела. Не слишком добрая. С первых же дней удивил, приятно удивил меня Образцов своей внутренней воспитанностью. Он позвонил, что в Москве, — зайдет в гостиницу. Приведет к себе. И всегда полон какой-нибудь мыслью, словно открытием. Квартира его несколько походила на музей. И сколько мы ни были знакомы — она все усложнялась, обогащалась. Относился к ней Образцов творчески: приедешь один раз — мебель переставлена; появилось множество заводных кукол —

⁸⁸³ Шаганова — Образцова Ольга Александровна (1904–1989) — артистка, пианистка. С 1928 по 1936 г. — в труппе МХАТ 2-го.

например, целый обезьяний оркестр играет в стеклянном футляре. И дирижер даже шевелит своей замшевой верхней губой, показывая зубы. Рядом искусственные птички вертят хвостиками, поют на искусственном деревце. Кукушки выскакивают и кукуют из деревянной дверцы на часах в виде домика. Сейчас автоматика отошла на задний план: главное увлечение Образцова — аквариумы с удивительными, невиданными рыбами.

28 сентября

Я знаю об этих чудесах только по рассказам. Живут там рыбы прозрачные, со светящимся спинным хребтом, и с всеобразными хвостами, и золотые. Только непонятно, когда Образцов смотрит на них, — он один из самых занятых людей в Москве. Он и ставит в своем театре, и руководит им, и выступает в концертах, и представляет как человек знатный, и участвует в Международном комитете борьбы за мир, и ездит за границу, и пишет об этом книжки⁸⁸⁴. Особенно сейчас. Жизнь его похожа стала на осенний лес в ясную погоду — столько там богатства, что в первое время ты ошеломлен и покорен. А второе чувство — печальное. Чувство предела. И от Образцова ты уж больше ничего не ждешь. Ясен тебе его потолок. Все пышно, все талантливо, все хорошо, — но есть в том, что он делает, какая-то обманчивая игра цветов. Не золото в осеннем лесу, а подобие золота. И если «Король — олень» радовал полновесностью поэтического смысла, то и «Чертова мельница»⁸⁸⁵ — одна игра. И книжка об Англии. Застольная легкость. И щеголяние богатством: сам иллюстрации делает! Все это не обвинение. Попытка найти причины того, что мне с ним неловко. Мне известно, как храбро, даже самоотверженно вел он себя, когда Дрейден в тяжелые времена попал в беду. Я вижу, как изо всех сил помогает Ольга Александровна Наташе Шанько: привозит ей книги из Англии для переводов, заключает с ней договора. Ничего, кроме хорошего, — и что-то несоизмеримое с моей достаточно легкой и покладистой душой.

П

29 сентября

Пукшанская Мария Исааковна ⁸⁸⁶ — из тех людей, которых, приезжая в Москву, ощущаешь как своих. Если собрать воедино все наши встречи и разговоры — вряд ли набралось бы часа два полных. Не знаю ни домашних ее, ни друзей, кроме Норы Шпет⁸⁸⁷. Ни разу у нее не был дома. И все же по каким-то едва уловимым признакам угадываешь в ней человека порядочного и серьезного. Она небольшого роста, глядит на тебя через очки своими глубоко серьезными глазами и говорит внушающим уважение простым и серьезным тоном. Работает она в призрачном, ничего не решающем промежуточном — не то государственном, не то общественном органе — в ВТО. Тут ничего не решают, не

⁸⁸⁴ Говорится о следующих книгах Образцова: «5000 лет и 3 года. Путевые заметки» (М., 1953), «Лондон. Из путевого дневника» (М., 1955) и «О том, что я увидел, узнал и понял во время двух поездок в Лондон» (М., 1956).

⁸⁸⁵ Спектакль «Чертова мельница» И. В. Штока (по Я. Дрде) поставлен Образцовым в 1953 г.

⁸⁸⁶ Пукшанская Мария Исааковна (1910–1994) — заведующая Кабинетом детских театров ВТО, позднее — руководитель научно — методического отдела Центрального театра кукол.

⁸⁸⁷ См. «Московскую телефонную книжку. Шпет Ленора Густавовна», с. 630.

определяется судьба пьес или театров. Но все же каким-то образом ВТО играет роль в театральной жизни страны. Особенно детские театры, — в Главке их уважают больше по обязанности — отводят душу на всяких совещаниях и собраниях в ВТО. Вот в Отделе детских театров как раз и работает Мария Исааковна. Ездит по периферийным ТЮЗам, где со своей внушающей уважение повадкой со всей добросовестностью обсуждает их последние постановки, организывает декады детских театров и тому подобное и прочее. Ничего не решая, ВТО имеет свою, более близкую к действительности табель о рангах, — никак не влияющую на личную судьбу данного театрального деятеля. Но все-таки это общественное мнение. Когда я был на юбилее Бруштейн⁸⁸⁸, никак не официальном, проводящемся ВТО, где Мария Исааковна взяла на себя всю техническую сторону дела, мне показалось, что это учреждение в конце концов не так призрачно и имеет свой смысл. Старейшего детского драматурга обидели, и ВТО загладило обиду. И Мария Исааковна с выражением терпения, добросовестности, серьезно глядя через очки, радуясь тому живому духу, что установился в зале, делала свое дело. Так вот и видишь московских знакомых, большинство из них — в редакциях, на заседаниях, а что у них за жизнь, — не разглядеть, некогда.

30 сентября

Туся и Даня, Данин и Разумовская⁸⁸⁹ — московские знакомые более известные, чем те, которые как бы составляют фон московской жизни. Нет, это настоящие знакомые. Живут они в длинном, чисто московском двухэтажном доме, старомосковском, напоминающем студенческие мои годы. У них крошечная квартира в три комнатки, много книг. Даня моложе Туси, толстогуб, жестковолос по — еврейски, здоров и нездоров одновременно. Вынослив, жилист, но страдает от времени до времени от язвы желудка. Умен и талантлив. Описывая какую-то выставку в огромном помещении, заметил то, что все знали, но не догадались отдать себе в этом отчет — большое воздушное пространство над стендами. Чувство реальности у него врожденное. Художественной реальности. В повести это выступило еще яснее. Но ее так и не напечатали⁸⁹⁰. Его, как и Малюгина, втянуло вихрем, поднятым на роковом драматургическом пленуме. Он писал статьи о театре, на свою голову. Сейчас начинает оправляться. Забыл, что он знает и любит музыку. Одарен поэтическим, а не отчетливым, но ограниченным еврейским умом. С ним отношения у меня внешне хорошие. Но не настоящие. То ли мешает разница в возрасте, то ли я чужд его настоящей жизни, которая идет вне его крохотных трех комнат, напряженных супружеских отношений, даже вне статей и повестей. Та органическая, недозволенная, мальчишеская, веселая, слишком человеческая жизнь, о которой мне почтительно не докладывают, к моей некоторой досаде. А настоящая дружба корнями уходит именно в этот слой непритворной жизни. С Даниным я познакомился году в пятьдесят первом — втором. Но Туею Разумовскую знаю с 20-х годов. Она понравилась мне, когда увидел я ее в оскорбительно замкнутом, враждебно отрицающем самый факт моего существования Московском детском отделе Госиздата. Она единственная была приветлива с нами, ленинградцами, что приводило в ярость Житкова, подозревающего в этой приветливости нечто загадочное и угрожающее. Туся считалась в Москве хорошим редактором, что начисто отрицалось Маршаком и его редакцией.

⁸⁸⁸ См. «Московскую телефонную книжку. Гушанский Семен Ханаанович», комм. 8.

⁸⁸⁹ Данин (наст. фам. Плотке) Даниил Семенович (Даня) (р. 1914) — писатель, критик и Разумовская Софья Дмитриевна (Туся) (1904–1981) — редактор Московского детского отдела Госиздата. Жена Данина.

⁸⁹⁰ Говорится о повести Данина «Верность», он писал повесть в 1952 г. Шварц читал ее в рукописи 10 июля 1952 г.

1 октября

Первые впечатления самые могучие. Вроде детских, и то, что утверждал Маршак, — не смыто. Мы познакомились с Тусей ближе. Я принимаю лично ее уже на льготных условиях, делая скидки во всем, что касается личных отношений. Но поверить в то, что она хороший редактор, выше моих сил. И не только по причинам вышеуказанным. Она, Туся, в сущности равнодушна к литературе как к явлению. Для нее — это журнал, с его требованиями и с законами сегодняшнего положения вещей и соотношения сил. Впитывает она эти законы, проникается ими бессознательно, что оправдывает ее, по — человечески, но делает еще более опасной в качестве редактора. Это первое. А второе — от привычки вечно возиться с чьими-то рукописями у нее выработалось особое лекпомовское равнодушие. Как у тех к болезням. Усугубляется эта опасность тем, что равнодушные лекпомы лечат больных и приносят им пользу, независимо от своих чувств. А редакторы по равнодушию принимают лечить здоровые рукописи, повинаясь все тому же соотношению сил на сегодняшнее число. И убивают часто насмерть или гримируют живую повесть под покойника так, что не отличишь. Но лично, повторяю, она не виновата. Прожила жизнь такую, что всему научит. Центральную. Редакционную. А по — человечески — это до сих пор женщина, у нее хорошая кожа, светлые пышные волосы, несколько излишне выпуклые светлые глаза. Данина держит в строгости, что, вероятно, ни к чему не ведет. Тон уверенный и капризный. Ее дразнят так. Туся спрашивает: «Который час?» Ей отвечают: «Шесть». А Туся на это: «Да я сама знаю, что вы мне лезете объяснять». И еще: «Как живете?» — «Ужасно устала! Этот идиот (Данин) весь день перекладывал книги». Не слишком любя литературу как явление, Туся всю сознательную жизнь провела в литературной среде. Редактировала Фадеева, и он в какой-то статье указал с благодарностью, что она выискала у него двести, кажется, ошибок. Редактировала Николаеву⁸⁹¹ и хвалит ее — лишнее доказательство того, что я утверждал выше. Правда, хвалит и Казакевича⁸⁹².

2 октября

Вот я приезжаю в Москву и звоню двум — трем знакомым и Разумовским в том числе. Я и обрадован — получил номер, что кажется мне некоторым чудом каждый раз, — и ошеломлен дорогой, резкой переменой обстановки. Друзья рады мне. Но у них своя налаженная жизнь, и я каждый раз смутно чувствую, что хоть они

ирады мне, но я все же прибавляю мешочек к той ежг дневной и привычной ноше, что несут они на снoих плг чах. И я спешу облегчить положение, незаметно иплг стись в ткань их жизни. Уверяю их, что сегодня л занят, чтобы они сами выбрали время, когда нам встретиться, и так далее, и так далее. Но в конце концов друзья оказы ваются друзьями, и я с первого же дня чувствую себя даже более нужным, чем в Ленинграде. И непременно попадаю в один из ближайших дней в маленькую квартирку на Дмитровском переулке. Обычно является сюда и Лева Левин, нарочито спокойный. Тревоги, опасения, недовольство собой несомненно рвут на части его нежную душу, но он так привык к этому! А кроме того, стол накрыт, графин, рюмки — все-таки праз<ник! Иной раз за столом присутствует необыкновенно привлекательное существо — стройная, седая, достойная мать Данина. Полагаю, что понятие «аристократизм» появилось на свете или сохранилось до наших дней, именно из-за людей подобной породы, к сожалению, эта породистость дается человеку, как талант, и не наследуется. Данина мама молчалива. Однажды рассказала, к случаю, как в

⁸⁹¹ Николаева (наст. фам. Волянская) Галина Евгеньевна (1911–1963) — писательница.

⁸⁹² Казакевич Эммануил Генрихович (1913–1962) — писатель.

одном знакомом семействе дети все останавливали мать: «Мама, это не так... Мама, вы не понимаете... Мама, молчите!» И она ответила детям: «Я вас, когда вы были маленькие, учила говорить, а вы меня, когда я состарилась — учите молчать!» Не знаю, — это ли заставляет Данину маму помалкивать (хотя вряд ли у кого-нибудь хватило бы грубости останавливать ее) или нежелание ввязываться в чужой разговор, или умение сохранять дистанцию, — но её молчание не пугает и не мешает, а только внушает уважение. Она не осуждает нас, понимает, что мы тоже люди, не важничает как настоящая аристократка, которой не к чему напомиать каждую минуту о своем титуле. И ее присутствие, повторяю, не мешает, но украшает. Приходит часто Маргарита Алигер.

3 октября

Появляется тут часто и Маргарита Алигер, тихо разговаривающая, даже как бы рассеянная. Но она своим равнодушным тоном говорит иной раз так умно и так смешно, что и тут угадываешь ты существо высокой породы. Трудная жизнь притушила и затуманила огонь, посланный ей неведомо откуда, но тем более удивляет он, когда угадываешь ты его сияние в этой увядающей женщине, тощенькой, с глазами, как коринки, с красноватым носиком. Мы пьянем. Данин начинает развивать одну какую-нибудь мысль вполне трезво, излишне, может быть, упорно. Но горячность, с которой кричит Туся: «Ты — пьян, идиот» еще более неоправданна. Малюгин только что приехал с футбольного матча. У него особенность — не меняться, когда он на людях, в зависимости от состава компании. Это все тот же Малюгин, решительный, прямой, грубоватый, говорящий, потому что думает, то или другое, а не для того, чтобы произвести впечатление. Надежный и любопытно говорящий, даже когда неправ, потому что высказывается живой человек. Бывают тут и Кроны. И он весел. Черные густые брови, черные, как уголь, глаза. Он с удовольствием ест и пьет, хотя это ему и запрещено решительно — у него язва желудка в тяжелой форме. Уже несколько раз его увозили в больницу. Было прободение. Но он каждый раз выходил живым и здоровым и делал опять то, что нельзя, то, что хочется. Зато, когда он начинает рассуждать о каком-нибудь нешуточном предмете, то приходится ему говорить длинно. Разве скажешь коротко, когда хочешь непременно свести к тому, что можно. В области умственной соблюдает он диету, что еще более вредно, чем излишества в области физической. Тем не менее он привлекателен. И привлекательна своей женственностью и тактом Елизавета Алексеевна — его жена. Так вот и проходит вечер, один из тех, когда начинает тебе чудиться, что в Москве больше близких людей, чем в Ленинграде.

Р

4 октября

Ремизова Александра Исааковна, ⁸⁹³ похожа больше на учительницу, чем на актрису, суховата и внешне, и в обращении, все время задумывается и при этом делает такое движение губами, словно проверяет, держатся ли зубы, хотя они у нее, кажется, свои. Вахтанговский театр возник в те времена, когда МХАТ не только жил, но и порождал живые организмы. Сам Вахтангов — человек необыкновенной духовной силы и первых своих учеников, как и подобает учителю, собрал и зажег именно этим огнем. Казалось, что создается нечто высшее, чем обыкновенный профессиональный театр. Именно поэтому держался коллектив за название «студия». Вахтангова, когда он умирал, прежде всего

⁸⁹³ Ремизова Александра Исааковна (1905–1989) — артистка, режиссер. С 1920 г. — в труппе 3-й Студии МХАТ (с 1926 г. — Театр им. Евг. Вахтангова).

беспокоило, что он не успел договорить, досказать, передать ученикам нечто самое главное. Он уже в бреду собрал их, все говорил, учил, — хоть сознание в нем едва теплилось. Так и умер. Он был великолепный артист, великий режиссер, — но и учитель в библейском смысле этого слова. И я понял это, угадал отблеск этого огня, познакомившись с человеком, ушедшим из коллектива, с Лилей Шик или ныне Еленой Владимировной Елагиной. А театр, чтобы жить, вынужден был, точнее говоря, согласился затоптать тщательно огонь, зажженный учителем. И дьявол с охотой занял то место, откуда был изгнан дух высокий и человеческий. И студия Вахтанговского театра теперь создает учеников, а больше учениц, вполне соответствующих новому положению вещей. Александра Исааковна много перенесла горя в переходный период жизни театра. Тогда многие от тоски пили мертвую. И муж ее, напившись, упал с крыши поезда. Девочка ее умерла от воспаления мозга. Были годы, когда театр пытался завоевать Акимов. Он был близок с Ремизовой. И остался дружен с ней по сей день, хоть и не удержался в театре. Оказался для него слишком верующим. Александра Исааковна сухенькая, тощенькая, молчаливая, работает в театре, не слишком понимая, во что он обратился. Взрывов не было, катастроф тоже. То, что казалось неслыханной подлостью пять лет назад, сегодня становилось нормой.

5 октября

Ото дня ко дню, потихонечку, полегонечку — смотришь, уже ты и на донышке, что и не страшно вовсе — все тут же рядышком, кто выжил. Было бы страшно, если бы погибали лучшие. Нет, все без разбора, вдруг исчезали, будто бы их и не было. Значит, угрызения совести не мешали скатываться в помойную яму. И все знамена, при этом, остались на месте. Сама Александра Исааковна сохранила режиссерское дарование, как сохраняет человек голос, независимо от сложных обстоятельств, описанных мною, выше, но это уже театр, профессиональный театр с ясно ограниченными контурами. От вахтанговской проповеди, от искусства, близко связанного с мировоззрением и чуть ли не религиозными убеждениями, ничего и не осталось. Виртуозность со всеми особенностями ее — рядом с одинаковым умением исполняются вещи не только разного качества, но исключаящие друг друга. Вот еду я в 49 году с Александрой Исааковной в Сочи. Там гастролирует Театр комедии, и собирается Акимов вместе с нею ставить мою пьесу⁸⁹⁴. В дороге замечаю странное свойство у Ремизовой — она ничего не ест, словно привидение. Клонет корочку, проглотит капельку молока и то, вероятно, потому, что у людей так принято. Держится она просто, с ней легко, но вместе с тем — это явление мало понятное мне. Тут и благоразумие и суховатость. И делает старящее ее движение губами вперед, будто проверяя протез. А вместе с тем я знаю, что она влюблена, страстно, в одного актера. Где у нее скрыты, спрятаны воспоминания о страшном пути, что проделал театр от вахтанговских времен до наших дней? Акимов, как человек необыкновенно деятельный, забывчив. А что помнит, о чем думает Александра Исааковна? Как заставляет ее работать на себя тот темный дух, что овладел театром? А впрочем, все, конечно, гораздо проще. Что живет, то и живет. Что уцелело, то и уцелело, а что умерло, то исчезло с необыкновенной легкостью, словно спичку задули. Поэтому и живем мы все так спокойно, а возьмешься судить — запутаешься. За огромные общественные процессы что спрашивать с Александры Исааковны?

6 октября

Раскин Александр Борисович ⁸⁹⁵ — один из самых мрачных шутников, мне

⁸⁹⁴ Во время гастролей в Сочи Театр комедии должен был поставить пьесу Шварца «Первый год», в июле — августе пьесу запретили.

⁸⁹⁵ Раскин Александр Борисович (1914–1971) — писатель.

известных. Он все прихварывает, или это ему кажется, полон страхов за дочку, за жену⁸⁹⁶. Крайне вежлив, щепетильно вежлив, ограждающе вежлив — вот так и будем держаться. Когда говорит и особенно когда смеется, рот открывается не полностью и как бы против воли. Так что получается у него не «ха- ха — ха», а «у — у». Чистоплотная, брезгливая, деликатная душа. Странно, что он женат — такие люди обычно остаются старыми холостяками, поддерживают в комнате удивительный порядок — ни пылинки, и всё лежат в кровати либо с завязанным горлом, либо с горчичниками. Жена его прелестна. Фрида Абрамовна Вигдорова. Что- то даже не девичье, а детское в лице и всей фигуре. Во всяком случае не старше десятого класса. И так же впечатлительна, как в этом возрасте. Плачет от неправды и радуется добру. И пишет книги с той чистотой душевной, с которой писали бы дети, если бы умели. Она пишет больше мужа. Тот неохотно открывает рот и в этом случае. Живут, кажется, дружно. Уж очень не похожи. Как это ни странно, за все время нашего знакомства я почти не видел их вместе.

Далее идет **Роу Александр Артурович**.⁸⁹⁷ Человек физиологический. Прийдя, он прежде всего спрашивает разрешения пройти в уборную, откуда возвращается нескоро, без малейшего чувства неловкости. Крупный, смуглый, сырой, лысеющий. Из англичан по происхождению. Живет так же наивно и бесхитростно, как занимает, прийдя к вам, уборную. Делает, что надо. Он кинорежиссер и в своей среде чувствует себя удобно и спокойно. Полностью владеет лексиконом киношников. Ладит с начальством. И считается сказочником. Почему? Ставя сказки, он теряет всю свою бесхитрость и ясность намерений — все пышно, аллегорично, мучительно. Впрочем, полагаю, что взявшись за другие темы, работал бы он не лучше. Сотрудники утверждают, что он лентяй. Допускаю это только относительно, рядом с другими неслыханно деятельными режиссерами. Меня он угнетал скорее излишком деятельности. Он со сценарием и в ЦК ВЛКСМ сбегает и в министерство.

7 октября

Когда мы работали вместе, он и меня пытался притянуть к этой деятельности. Впрочем, это легче и проще, чем снимать картину и, может быть, он так энергичен в подготовительной стадии, чтобы скрыться от производительной. Нравится женщинам. Вероятно, несокрушимым добродушием, благообразием, ростом и дородством, а вернее всего простотой и наивностью, с которой существует и функционирует. Явление скорее положительное, но почему- то вызывающее у меня неожиданные и не свойственные мне припадки ярости. Раза два кричал я на него, последний раз у себя в номере в гостинице «Москва» при редакторше Погожевой⁸⁹⁸, когда стал он вносить поправки в сценарий. И не столько поправки разозлили меня, сколько бесхитростное и бесстыдное подчинение неясным и неопределенным требованиям руководства. Я в достаточной, нет, в превосходной степени не уверен в себе, но только не с той точки зрения. И отправление естественных потребностей, которому открыто предался Роу над какой ни на есть, но моей работой, вывело меня из равновесия. Ему хочется. Хочется, чтобы начальство было довольным. А я- то здесь при чем?

⁸⁹⁶ Вигдорова Фрида Абрамовна (1915–1965) — писательница.

⁸⁹⁷ Роу Александр Артурович (1906–1973) — кинорежиссер, постановщик фильма — сказки «Марья — искусница» по сценарию Шварца.

⁸⁹⁸ Погожева Валерия Павловна (ум. 1989) — редактор, член сценарной редакционной комиссии Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. А. М. Горького.

Рысс, Женя Рысс, ⁸⁹⁹ которого я увидел впервые мальчиком удивительной красоты, а теперь встречаю сильно зрелым мужчиной, сильно облысевшим и обрюзгшим, но уберегшим все то же ласковое выражение прекрасных глаз, ох, трудный предмет для описания. И прежде всего потому, что я его очень люблю. Он из тех друзей, которых встречаешь не так часто, но знаешь твердо — это друзья. Что при встречах, когда жизнь сведет, — подтверждается. В дни блокады Женя переселился к нам. Был он еще худощав. Носил военную форму — работал в ТАССе. Сапоги выдали ему нескладные, пудовые, но, уходя утром, на рассвете, на фронт — туда ходили пешком, — Женя ухитрился ступать так тихо, что мы и не просыпались. И каждый вечер слышали мы грохот его сапожищ у дверей. Он возвращался, к моей радости. Я почему-то не верил, что его могут ранить или убить. Опасность грозила со всех сторон, и фронт не представлялся более страшным, чем дом. Я радовался, что дела его не задержали.

8 октября

Жизнь шла на военный лад: тускло, приглушенно, и никаких не было надежд, что станет легче. Нет, становилось темней с каждым днем. А появлялся Женя, — и становилось светлей. Он рассказывает хорошо, без претензий и всегда правдиво, как и подобает человеку, занимающемуся литературой. Его задело — и он отвечает. Его интересует самый мир. Потом уже, когда пишет, переиначивает и меняет освещение, но рассказывает о материале чисто. В этом честолюбие — рассказать, как было. И Женя обладает этим свойством в тем более высокой степени, что он лентяй. Рассказы устные облегчают, подменяют у него необходимость писать. И в те дни я ужасно радовался его рассказам. Как единственному празднику. Я как будто вырывался из однообразия блокады. Мы дали обещание друг другу: если переживем и встретимся снова в Ленинграде, то устроим роскошный обед. Без еды нам праздник в те дни не представлялся возможным. И вот через четыре года все кончилось, все пришло к такому положению, о котором мы мечтали. Женя остался в Москве, а мы вернулись в Ленинград. И он приезжал сюда по каким-то делам. И мы решили устроить тот самый пир, о котором мечтали. С утра — еще были тогда карточки — доставали мы все, что можно было добыть. Катя готовила. И вот пришел назначенный час. Обед готов, а Жени — нет, как нет. В девять вечера раздался звонок. Открываю. Стоят рядышком Матвей Гуковский⁹⁰⁰, коротенький, обрюзгший, помятый и до краев наполненный непробиваемой самоуверенностью человека маленького, обрюзгшего и помятого, до которой никогда не дорасти человеку высокому, с предрассудками. А тут еще он был пьян. Пьян был и Женя, высокий, виноватый. Оба чуть покачивались, только амплитуда колебаний у Жени, благодаря росту его, была заметней. До сих пор я помню наше разочарование. Тут была измена тому, что мы пережили. Значит ничему не научились даже такие хорошие люди, как Женя? Впрочем, он скоро пришел в себя. Я даже прочел ему первый акт «Медведя», и он хвалил от всей души, с пьяной искренностью. Как это ни странно, но пьяные на известной стадии — отличные слушатели. Женя привык находиться в подъеме.

9 октября

Если он не взвинчен водкой, или влюбленностью, или поездками, из которых привозит

⁸⁹⁹ Рысс Евгений Самойлович (1908–1973) — писатель. Друг Шварца. Автор рецензий на спектакли по пьесам Шварца.

⁹⁰⁰ Гуковский Матвей Александрович (1898–1971) — историк, профессор Ленинградского университета. После Великой Отечественной войны — сотрудник Эрмитажа, заместитель директора по научной работе, заведующий библиотекой Эрмитажа.

он только материалы для устных рассказов, то для него и жизнь не в жизнь. В самом крайнем случае принимается он за работу. Избалованный легкими подъемами, скорее даже спусками — катись, набирая скорость, под горку — он спешит скорее, скорее отделаться. Диктует машинистке. И с грехом пополам, отдав десятую долю своих сил, сводит концы с концами, выпускает вполне сносную книжку. Он смел. Несмотря на ласковый взгляд, может рассвирепеть, невзирая на лица. В самые трудные годы выступал резко и прямо. Вмешивается в уличные скандалы — раз чуть не опоздал на «Стрелу», спасая мальчишку — папиросника от милиционера. И спас за три минуты до отхода поезда. Было это на привокзальном рынке, сразу после войны, когда выдавались папиросы по карточкам, и Жене, конечно, не хватало нормы. При всех видах наркотиков — от любви до водки — он в большинстве случаев собою владеет. Появилась только у него одна мучительная особенность — дойдя до известной степени опьянения, он вдруг, сидя и сохраняя спокойное, даже достойное выражение, засыпает! Да как — никакими силами не разбудить. Если это случается дома — полбеда. Но он заснул так однажды, когда сидели мы в ресторане гостиницы «Москва». Уже гасят свет, сдвигают столы, а он сидит неподвижно, подперев ладонью щеку! Едва — едва общими усилиями разбудили его. Он развелся недавно с женой. Жили они в Москве непонятно как, на десяти квадратных метрах, и тут же Наташа, дочка, и тут же теща. Женя, убегая от тоски, снимал комнату, то в одном, то в другом конце Москвы, вечно где-то на окраинах, и притом без телефона. Приедешь — и непонятно, где искать его. На нем это как-то мало отражалось. Но жена отошла, выражение приобрела отчаянное, стала пить. С новой женой, с Еленой Ивановной, Женя, как будто выбирается на дорогу, более подходящую взрослому человеку. Поживем — увидим.

С

10 октября

Сажин Зиновий Абрамович связан для меня с Гушанским, хоть жизнь их и развела. Они работают теперь в разных театрах. Сажин сохранил верность детскому зрителю. Точнее, вышло так, что его и не пытались соблазнять, насколько я знаю. Он стал теперь куда солидней — работа в Центральном детском театре его уgomонила. Маленький, большеголовый, с выпуклыми темными глазами, полный, он улыбается при встрече приветливо. Но сознание своей солидности придает его улыбке оттенок едва — едва условный. Почему, почему в самый разгар страшных лет, пережитых нами, мы вдруг стали полнеть, все почти, за редкими исключениями? Даже Шостакович полнел в конце сороковых, в начале пятидесятых годов, но потом, словно опомнился, и опять стал похож на мальчика. Может быть, это результат неподвижности? Если человек замрет от ужаса на несколько мгновений, то это ничего, а если на несколько лет, то это, как всякая неподвижность, как сон, приведет к ожирению? Или человек распухает от голода душевного? Мы так разработали умение не смотреть в глаза фактам, не смотреть под ноги, не смотреть в себя, что не понять нам самое интересное — человек как явление. Рассказываю о Сажине, а самое в нем любопытное, как менялся он вместе с временем, не замечая — этого никак не поймать. Есть люди, для которых чувство или умозаключение — процесс цельный — не остановить. И есть куда большее количество (они-то и выжили) умеющих недодумать или охладеть по заказу. Путаница в душах не причиняет им мучений. А некоторым даже помогает. Сажин при встречах улыбается приветливо, но вряд ли от прежних лет осталось живое желание работать. Огромный театр, с просторным кабинетом директора, с пропусками, которые требуют при входе, с бесконечными фойе. Где тут жить, рисковать? Поди, раскачайся!

Х

11 октября

Я не хочу больше писать о людях, попавших в мою записную книжку. Остались — **Халтурин Ваня** и **Смирнова Вера Васильевна**. Что я могу рассказать о них, когда после их страшного несчастья мне больно о них думать — они потеряли сына. Вспомнишь, и как обожжет.

Ц

Дальше **Цетнерович Павел Владиславович**.⁹⁰¹ Этому я завидую даже: он распустился на старости лет, на что не хватит у меня смелости никогда в жизни, я надеюсь. Он не ходит на репетиции (главный режиссер МТЮЗа), и не только в своем театре, где можно позволить себе некоторые вольности, — но и в Ермоловском, куда пригласили его недавно ставить «Потоп»⁹⁰². Тут дело повернулось уже совсем неудобно: выговоры, расследования. А он длинный, расхлябанный и в речах, и в жестах, странно сохраняя при этой расхлябанности и нечто педагогическое в выражении лица — продолжает шалить. Пьет, заводит возлюбленных. Опустошенный до полного безразличия ко всему на свете, кроме состояния опьянения.

Ч,Ш,Э

Далее идет **Игорь Чекин**,⁹⁰³ белолицый, беловолосый, всё острые углы: нос, локти, колени. Этот, в противоположность Цетнеровичу, никогда не даст себе воли. Чиновник, и считает это нормой. Когда-то писал пьесы и теперь пробует таким способом освободиться от тарифных сетей и штатных расписаний, хоть на один миг. Я познакомился с ним у Штока⁹⁰⁴ и когда на «Ленфильме» заговорил я с Чекиным просто, как знакомый, то удивился и даже ужаснулся. Оказывается, Чекин уважает свою должность и верит в ее значительность. И в его белых глазах мелькнуло смятение, осуждение — как это я говорю с ним запросто. И я отошел поскорее, словно обознался.

О **Коле Чуковском** писать не могу. Слишком близкий знакомый.

Шток Исидор Владимирович — человек занятный, но все дальше и дальше отодвигающийся. Говорит теперь, что пора нам стать профессионалами. Причем понимает этот термин на московский лад.

Шпет Ленора Густавовна стала как-то трудно определима. Когда-то казалась понятной. Теперь — как в тумане.

О Шкловском уже писал.

Эренбург — трудно определим. Это явление сложное, и я его недостаточно знаю. Вот и вся записная книжка.

⁹⁰¹ Цетнерович Павел Владиславович (1894–1963) — артист, режиссер. В 1946–1957 гг. — главный режиссер МТЮЗа, постановщик спектакля «Два клена» по пьесе Шварца.

⁹⁰² «Потоп» Ю. — Х. Бергера поставил в Театре им. М. Н. Ермоловой режиссер И. И. Соловьев. Премьера состоялась в июле 1956 г. во время гастролей театра в Кишиневе.

⁹⁰³ Чекин Игорь Вячеславович (1908–1970) — писатель, общественный деятель, главный редактор, затем начальник сценарного отдела Главного управления по производству фильмов Министерства культуры СССР.

Комментарии

Ленинградская телефонная книжка

Акимов Николай Павлович (1901–1968) — режиссер, художник. С 1935 по 1949 и с 1955 г. до конца жизни — главный режиссер Ленинградского театра комедии. Постановщик и оформитель следующих спектаклей по пьесам Шварца: «Тень» (1940), «Дракон» (1944), «Обыкновенное чудо» (1956), «Повесть

о молодых супругах» (сопостановщик М. В. Чежегов, 1957); художник фильма «Золушка» по сценарию Шварца. Автор двух портретов Шварца (1939 и 1943) и воспоминаний о нем.

1 Охлопков Николай Павлович (1900–1967) — режиссер, артист. В 1930–1937 гг. возглавлял Реалистический театр, в 1943–1966 гг. — главный режиссер Московского театра им. Вл. Маяковского.

2 См. «Лебедев Владимир Васильевич», с. 600.

Альтман Натан Исаевич (1889–1970) — художник, скульптор.

1 Серов Владимир Александрович (1910–1968) — художник. С 1962 г. — президент Академии художеств СССР.

2 См. «Козинцев Григорий Михайлович», с. 589.

3 Говорится о Втором Всесоюзном съезде советских писателей, проходившем с 15 по 26 декабря 1954 г. в Москве в Большом Кремлевском дворце.

В дневнике 16 декабря 1954 г. Шварц писал: «Полевой в своем докладе достаточно безобразно... обругал меня», и 17 декабря: «...я что-то как в тумане от съезда: жарко, все говорят длинно, а главное — я хожу в обруганных» (РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 68, л. 45 об., 46 об.). Писатель и общественный деятель Борис Николаевич Полевой (1908–1981) 16 декабря в своем содокладе «Советская литература для детей и юношества» в разделе «О нашей сказке» сказал: «...у современной сказки есть еще один страшный враг, который, как злой волшебник, одним своим прикосновением может превратить золото и драгоценные камни в мусор и черепки. Это — формализм во всех его проявлениях, погубивший уже немало хороших в своей основе творческих замыслов. Отрыв формы от содержания, механическое перенесение традиционных сказочных образов в современную нашу обстановку или, наоборот, введение современного советского человека в традиционную сказочную обстановку — все это неминуемо приводит к искажению действительности, мстит автору, как бы взрывая его произведение изнутри. Проиллюстрирую это парой примеров. Евг. Шварца мы знаем как автора двух интересных инсценировок — «Золушка» и «Снежная королева». Но вот он написал сказку «Рассеянный волшебник» и главным героем ее сделал инженера Ивана Ивановича Сидорова, обладающего способностью изобретать всяческие машины, «огромные, как дворцы, и маленькие, как часики». И вот этого инженера — волшебника автор почему-то заставляет делать... механическую собачку, а аппарат, задуманный им для того, чтобы приносить пользу людям, из-за рассеянности этого человека оказывается испорченным. Хочу думать, что помимо воли автора получилась пошлость. Больше того — вредная пошлость. Действительность оказалась принесенной в жертву безвкусному вымыслу» (Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1956. С. 52, 53). В противоположность Б. Н. Полевому, на съезде творчество Шварца как явление положительное отметили А. Е. Корнейчук, О. Ф. Берггольц, А. Л. Барто и др. (См. там же. С. 190, 346, 555).

Альтус Ефим Григорьевич (1901–1949) — артист, режиссер. Второй муж Г. Н. Холодовой.

1 Холодова (наст. фам. Халайджиева) Гаянэ Николаевна (1899–1983) — артистка. Первая жена Шварца.

2 Шварц (в замужестве Крыжановская) Наталия Евгеньевна (1929–1996) — дочь

Шварца.

3 Бабочкин Борис Андреевич (1904–1975) — артист, режиссер. Работал в Ленинграде в 1931–1935 гг. — в труппе Театра драмы, в 1935–1940 гг. — в труппе БДТ.

4 Чирков Борис Петрович (1901–1982) — артист. С 1926 по 1930 г. — в труппе ЛенТЮЗа, с 1932 г. — в Новом ТЮЗе. Участник спектакля «Ундервуд» по пьесе Шварца.

5 Шварц (рожд. Обухова, по первому мужу Зильбер) Екатерина Ивановна (1903–1963) — вторая жена Шварца.

Аэропорт

1 Сценарий фильма для детей «Первоклассница» Шварц написал в 1947 г., в этом же году начались съемки. Режиссер И. А. Фрэнз (см. «Фрэнз Илья Абрамович», с. 618). Фильм вышел на экраны в марте 1948 г.

2 Блерио Луи (1872–1936) — французский авиаконструктор и летчик, конструировал самолеты с 1906 г.

3 Кузминский Александр Александрович (1881–1930) — один из первых русских летчиков, учился во Франции, в летной школе Л. Блерио. Приобрел там самолет «Блерио XI». Ездил по городам России, выступая с лекциями и совершая показательные полеты. В Майкопе был в 1911 г.

4 Крыжановский Андрей Олегович (1950–1994) — внук Шварца.

Авраменко Илья Корнильевич (1907–1973) — поэт, член редакции Ленинградского альманаха.

1 Саянов Виссарион Михайлович (1903–1959) — писатель.

2 Колоколов Николай Иванович (1897–1933) — писатель.

Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) — востоковед, первый президент Академии наук Армянской ССР (1943–1947), с 1920 г. работал в Эрмитаже, с 1934 по 1951 г. — директор Эрмитажа.

1 Изергина Антонина Николаевна (1906–1969) — искусствовед, жена И. А. Орбели.

2 Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931) — литературовед, историк революционного движения.

3 Орбели Дмитрий Иосифович (1946–1971) — медик, сын И. А. Орбели.

4 Руссо Теодор (1812–1867) — французский художник.

5 См. «Бианки Виталий Валентинович», с. 566.

6 Сын Г. М. Козинцева, Александр Григорьевич (р. 1946), историк.

Александрова Вера Никифоровна, наст. фам. Георг — Ушакова (1890–1981).

1 Александров Александр Данилович (р. 1912) — математик, академик АН СССР. С 1952 по 1964 г. — ректор Ленинградского университета. Знакомый Шварца по Комарову.

Адаманис — ветеринарный врач.

1 Шварц (рожд. Шелкова) Мария Федоровна (1875–1942) — мать Шварца, по специальности — акушерка, массажистка.

2 Шварц Лев Борисович (1874–1940) — врач.

3 См. «Письменский Андрей Аверьянович», с. 606.

Арьев Тувий Яковлевич (1906–1981) — врач, хирург.

1 Соловьев Алексей Федорович (1870, по другим данным — 1866–1939) — врач, хирург, работал в Майкопе.

2 Окиншевич Александр Исидорович — врач, хирург, работал в Майкопе.

3 Шкляр Василий Григорьевич — врач, хирург, работал в Майкопе.

4 Суханов Павел Михайлович (1911–1973) — артист, режиссер. С 1936 г. до конца жизни — в труппе Театра комедии, постановщик спектаклей по пьесам Шварца и исполнитель ролей в них.

Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975) — писательница, поэтесса, в начале войны работала вместе со Шварцем на Ленинградском радио.

Богданович Софья Аньоловна (1901–1986) — писательница, дочь А. И. Богдановича.

1 Богданович Ангел Иванович (1860–1907) — литературный критик, публицист. В

1894–1906 гг. — редактор журнала «Мир Божий».

2 Богданович (рожд. Криль) Татьяна Александровна (1872–1942) — писательница, публицистка, историк, друг

В. Г. Короленко, жена А. И. Богдановича.

3 «Русское богатство» — литературный, научный и политический журнал. Издавался в Петербурге с 1876 по 1918 г. В 1880–1882 гг. издателями были писатели народнического направления. С 1893 г. новая редакция, в состав которой входили Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненский, сделала журнал центром легального народничества. Пользовался большой популярностью среди русской интеллигенции.

4 Детские годы Шварца прошли в Майкопе, самым близким ему домом, дорожке его родного, был в то время дом врача Василия Федоровича Соловьева, с дочерьми которого он был дружен до последних дней своей жизни. В этом доме он много читал, слушал музыку и учился играть на пианино.

5 Анненский Николай Федорович (1843–1912) — экономист, народник — публицист, общественный деятель. Один из редакторов, позднее — председатель редакционной коллегии журнала «Русское богатство».

6 Рассказ «Сон Макара» написал В. Г. Короленко в 1883 г.

7 В «Литературной газете» (1929, 19 августа) в рубрике «К Всесоюзному пионерскому слету» была напечатана статья Нестеровского «Воспитатели мещанства».

8 См. «Тарле Евгений Викторович», с. 615.

9 Богданович Модест Иванович (1805–1882) — военный историк, генерал — лейтенант, автор трудов по истории Отечественной войны 1812 г.

10 Степанов Николай Леонидович (1902–1972) литературовед.

11 Гофман Виктор Абрамович (1899–1942) литературовед.

12 Степанова Лидия Константиновна (р. 1906) — вторая жена Н. Л. Степанова.

13 Хлебников Велимир (наст. имя Виктор Владимирович) (1885–1922) — поэт.

14 Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) — писатель, литературовед.

15 См. «Эйхенбаум Борис Михайлович», с. 622.

16 Борисов (наст. фам. Гурович) Борис Салюйлович (1873–1939) — артист, выступал на эстраде с исполнением песен Беранже, куплетов, музыкально — вокальных пародий.

17 Бухштаб Борис Яковлевич (1904–1985) — литературовед, критик.

18 Имеется в виду трехтомный труд Б. М. Эйхенбаума «Лев Толстой». В 1928 г. вышла лишь 1-я книга, посвященная 1850-м гг.

Френкель Леонид Давыдович (1907–1984)

Воронина Екатерина Алексеевна (1907–1955) — писательница, печаталась в журнале «Еж». Незаконно репрессирована в 1951 г., освобождена в 1954 г.

1 Чуковская Лидия Корнеевна (1907–1996) — критик, мемуаристка. Дочь К. И. Чуковского.

2 «Еж» — детский журнал, издавался в Ленинграде с 1928 по 1935 г.

3 Хмельницкий Сергей Исаакович (1907–1952) — литературовед, писатель.

4 Повесть «Удивительный заклад» была издана в 1945 г.

5 В ЛенТЮЗе шли две пьесы Ворониной в соавторстве с С. Д. Зельцер: 28 декабря 1946 г. состоялась премьера спектакля «Удивительный заклад», 28 июня 1947 г. — премьера спектакля «Испытание».

Варченко Нина Платоновна (р. 1905) — артистка. С 1936 по 1976 г. — в труппе Театра комедии.

1 В конце 1940-х годов, в период так называемой борьбы с космополитизмом, удары критики обрушились на Н. П. Акимову, его обвиняли в стилизаторстве, в «западничестве», в утверждении на сцене «чистой комедианности». В августе 1949 г. Акимов был вынужден уйти из Театра комедии, куда вернулся лишь в 1955 г.

Бонди Алексей Михайлович (1892–1952) — артист, драматург, музыкант, художник. С 1923 по 1925 г. выступал в театре «Кривое зеркало». С 1926 по 1927 г. — в Ленинградском

театре сатиры, с 1927 по 1934 г. — в Московском театре сатиры, с 1935 по 1941 и с 1943 по 1949 г. — в Театре комедии.

1 Нурм Надежда Адамовна (р. 1901) — артистка. С 1944 по 1949 г. — в труппе Театра комедии.

2 Хармс (наст. фам. Ювачев) Даниил Иванович (1905–1942) — поэт. Принадлежал к литературной группе «Обэриуты» (см. «Разумовский Александр Владимирович», комм. 2). Незаконно репрессирован, погиб в заключении.

3 В Сталинабад (теперь — Душанбе) Шварц приехал 24 июля 1943 г. Н. П. Акимов пригласил его на должность заведующего литературной частью Театра комедии, работавшего там в период эвакуации с сентября 1942 по май 1944 г.

4 Бирнбаум (или Грушецкий, как он переводил свою

Комментарии

фамилию на русский лад) Жорж (р. 1919?) — писатель, критик, по образованию — медик. В дальнейшем взял псевдоним Ежи Помяновский. Руководил одним из кинообъединений в Варшаве, переводил пьесы Шварца на польский язык, затем жил в Италии, где печатались его критические статьи и издавались книги.

5 См. «Флоринский Глеб Андреевич», с. 617.

6 Семья патологоанатома Сиповского Петра Васильевича (1906–1962).

7 См. «Зарубина Ирина Петровна», с. 586.

8 Смирнов Борис Александрович (1908–1982) — артист. С 1929 по 1942 г. — в труппе Театра им. Ленсовета, с 1943 по 1950 г.

— Театра комедии, с 1955 г. до конца жизни — в МХАТе.

9 См. «Чоккой Татьяна Ивановна», с. 618.

10 «Лев Гурыч Синичкин» — водевиль Д. Т. Ленского, в Театре комедии шел в литературной обработке А. М. Бонди.

11 Премьера спектакля состоялась весной 1945 г., во время пребывания Театра комедии в Москве. Режиссер и художник — Н. П. Акимов. Н. А. Нурм играла Сурмилову.

12 См. «Московскую телефонную книжку. Образцов Сергей Владимирович», с. 628.

13 «Обыкновенный концерт» был поставлен С. В. Образцовым и С. С. Самодуром в 1946 г. (премьера — 19 июня). Авторами текста были названы С. В. Образцов, А. М. Бонди, З. Е. Гердт, В. Я. Типот.

14 См. «Ханзель Иосиф Александрович и Гурецкая Кира Яковлевна», с. 618.

15 Семья поэта Николая Алексеевича Заболоцкого (1903–1958).

16 Курихин Федор Николаевич (1881–1951) артист, играл в театрах миниатюр в Петербурге — в «Веселом театре»,

«Кривом зеркале», «Карусели».

17 Неверова Елена Николаевна (1897–1979) артистка. Жена Ф. Н. Курихина.

18 Петроградское артистическое кабаре «Карусель» было открыто в 1923 г.

19 См. «Варченко Нина Платоновна», комм. 1.

Браусевич Леонид Тимофеевич (1907–1955) — писатель, автор пьес для кукольного театра; секретарь правления Ленинградского отделения Союза советских писателей после 1946 г.

Бражнин Илья (наст. имя и фам. Илья Яковлевич Пейсин)

(1898–1982) — писатель.

1 Бурлеская поэма украинского писателя и культурнообщественного деятеля Ивана Петровича Котляревского (1769–1838) в переводе Бражнина вышла в 1953 г. (М., Гослитиздат).

Бианки Виталий Валентинович (1894–1959) — детский писатель.

1 Шварц имеет в виду период начала своей литературной деятельности, когда после работы в Театральной мастерской до ее закрытия в 1922 г., после ряда случайных работ, после секретарства у К. И. Чуковского он написал свою первую повесть для детей в стихах «Рассказ старой балалайки». Она была напечатана сначала в журнале «Воробей» (1924, № 7),

а в 1925 г. издана Госиздатом отдельной книжкой.

2 Первое издание научно — художественной книги Бианки «Лесная газета на каждый год» вышло в 1928 г.

3 См. «Пантелеев Алексей Иванович», с. 608.

4 Будогоская Лидия Анатольевна (1898–1984) — детская писательница.

5 Курдов Валентин Иванович (1905–1989) — художник- график.

6 Будогоский Эдуард Анатольевич (1903–1976) — художник — график, иллюстрировал и оформлял книги.

7 Мочалов Сергей Михайлович (1902–1957) — художник- график и гравер.

Борщевский Юрий Ефимович (1924–1984) — востоковед. Сын киноактрисы С. З. Магарилл.

1 Москвин Андрей Николаевич (1901–1961) — кинооператор, один из основоположников советской операторской школы. Снимал по сценарию Шварца фильм «Дон Кихот» (1957). Муж Н. Н. Кошеверовой.

Воеводин Всеволод Петрович (1907–1973) — писатель, критик, редактор в издательствах «Детская литература» и «Советский писатель».

1 См. «Московскую телефонную книжку. Рысс Евгений Самойлович», с. 629.

2 В 1930 г. в Театре сатиры (Ленинград) шли следующие пьесы В. П. Воеводина и Е. С. Рысса: «Мой дом», «Стая славных», «Сукины дети», в Театре комсомольской сатиры — «Табун знаменитостей».

3 Имеется в виду книга В. Богдановича, В. П. Воеводина, Е. С. Рысса, И. Г. Сегалю «Быт против меня. (Опыт памфлета)», Л., 1928.

4 Кроль Исаак Моисеевич (1898–1942) — режиссер. Главный режиссер Театра сатиры (Ленинград), в Музыкальном театре для детей поставил пьесу Шварца «Остров 5–К». Премьера — 31 марта 1932 г.

5 Кроль участвовал в организации следующих петроградских — ленинградских театров 1920–х — 1930–х гг.: Агит- театр Роста, Театр сатиры и комедии, Музыкальный театр для детей (при Народном Доме), Новый театр и др.

6 Антонов Сергей Петрович (1915–1995) — писатель.

ВТО — Всероссийское театральное общество. Основано в 1885 г.

Васильев Сергей Дмитриевич (1900–1959) — кинорежиссер, сценарист, один из постановщиков фильма «Чапаев», в 1944–1946 гг. — художественный руководитель, в 1955–1957 гг. — директор киностудии «Ленфильм».

1 Васильев Георгий Николаевич (1899–1946) — кинорежиссер, сценарист, один из постановщиков фильма «Чапаев».

2 Тур, братья — коллективный псевдоним Леонида Давыдовича Тубельского (1905–1961) и Петра Львовича Рыжее (1908–1978) — писатели.

3 Фильм «Чапаев» был поставлен Г. Н. и С. Д. Васильевыми в 1934 г., в 1941 г. получил Государственную премию СССР.

4 Мясникова Варвара Сергеевна (1900–1978) — артистка театра и кино, исполнительница роли пулеметчицы Анки в фильме «Чапаев» и Феи в фильме «Золушка».

5 В 1955 г. С. Д. Васильев совместно с кинематографистами Болгарии поставил исторический фильм «Герои Шипки».

Глотов Иван Андреевич (1903–1979) — директор киностудии «Ленфильм»

Варшавский вокзал. Сооружен в 1857–1860 гг. по проекту архитектора П. О. Сальмоновича.

1 Говорится о фильме, снимавшемся по сценарию Шварца.

Войно — Ясенецкие Михаил Валентинович (1907–1993) — врач, патологоанатом и Мария Кузьминична (р. 1909) — врач- бактериолог — знакомые Шварца.

1 11 декабря 1941 г. в крайне тяжелой степени дистрофии Шварц был эвакуирован из блокадного Ленинграда, 23 декабря приехал в Киров, где снова получил возможность вернуться к писательскому труду.

2 Пьесу «Одна ночь» о жизни Ленинграда в дни Великой Отечественной войны Шварц писал в Кирове с 1 января по 1 марта 1942 г. Она была принята к постановке БДТ, находившемся в эвакуации в Кирове, но постановка не состоялась, т. к.

16 апреля 1942 г. пьеса была запрещена Главреперткомом.

3 См. «Бонди Алексей Михайлович», комм. 3.

4 Войно — Ясенецкий Валентин Феликсович (1877–1961) — хирург, доктор медицинских наук, профессор. С 1921 г., не прекращая врачебной и педагогической деятельности, стал священником, а позднее — епископом, затем архиепископом, приняв монашеское имя Лука. 12 лет провел в тюрьмах и ссылках. Во время Великой Отечественной войны был главным хирургом ряда эвакогоспиталей в Сибири. В 1946 г. получил Государственную премию за книгу «Очерки гнойной хирургии».

Венецианов Георгий Семенович (1896–1965) — режиссер цирка, педагог, драматург. С 1946 г. до конца жизни — главный режиссер Ленинградского госцирка. В октябре — ноябре 1946 г. Шварц в соавторстве с Венециановым написал заявку на цирковую пантомиму «Иван Солдат и Забава Путятишна» (см. РГАЛИ, ф. 2499, оп. 1, ед. хр. 435, л. 195–205).

1 Манжелли (наст. фам. Шевченко) Павел Афанасьевич (1872–1948) — артист цирка, дрессировщик лошадей, наездник.

Варзар Василий Васильевич (1871–1960) — адвокат, отец Н. В. Шостакович.

1 Шостакович (рожд. Варзар) Нина Васильевна (1909–1954) — физик, первая жена Д. Д. Шостаковича.

Вейсбрем Павел Карлович (1899–1963) — режиссер, руководитель Театральной мастерской в Ростове — на — Дону, затем в Петрограде, где в качестве актеров работали Е. Л. и А. И. Шварцы. В 1920–х—1960–х гг. был режиссером в ленинградских театрах — БДТ, Театре им. Ленсовета, ЛенТЮЗе.

1 См. «Шварц Антон Исаакович», с. 619.

2 С 1919 по 1922 г. Шварц выступал как актер в Театральной мастерской — театре, основанном группой молодежи в Ростове — на — Дону (1918), Шварц был также и членом художественного совета театра.

3 В спектакль «Вечер сценических опытов» входили отрывки из спектаклей «Пир во время чумы» А. С. Пушкина, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова и др.

4 В 1941–1945 гг. Вейсбрем работал режиссером в труппе БДТ, который был эвакуирован из Ленинграда в г. Киров, где полтора года (с конца декабря 1941 по конец июля 1943 г.) находился в эвакуации Шварц.

8 Вейсбрем поставил пьесу Шварца «Два клена» в ЛенТЮЗе. Премьера — 5 ноября 1954 г.

Валентина Абрамовна Иоффе — физик, сотрудница физико — технического института, дочь академика А. Ф. Иоффе, наездница.

1 Иоффе Абрам Федорович (1880–1969) — физик, академик АН СССР.

2 Мигай Сергей Иванович (1888–1959) — певец (баритон). В 1911–1924 гг. — артист Большого театра, в дальнейшем (до

1941 г.) попеременно — Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова и Оперного театра им. К. С. Станиславского.

Вахта Союза писателей

1 28 декабря 1954 г. Шварц вернулся в Ленинград после Второго Всесоюзного съезда советских писателей.

Венгеров Владимир Яковлевич (р. 1920) — кинорежиссер.

1 С октября 1951 по август 1953 г. Шварц работал над сценарием и пьесой «Первое имя» по одноименной повести писателя Иосифа Исааковича Ликстанова (1900–1955).

2 В 1952 г. Венгеров поставил «Живой труп» по Л. Н. Толстому, в 1953 г. — «Лес» по А. Н. Островскому (совместно с С. А. Тимошенко).

3 Фильм «Кортик» по повести А. Н. Рыбакова был поставлен Венгеровым совместно с М. А. Швейцером в 1954 г.

Глинка Владислав Михайлович (1903–1983) — писатель, историк, искусствовед. В 1944–1964 гг. — главный хранитель отдела истории русской культуры Эрмитажа.

Герман Юрий Павлович (1910–1967) — писатель.

Гернет Нина Владимировна (1899–1982) — писательница, сотрудничала в детских журналах «Еж» и «Чиж».

1 Повесть Гернет «Три палатки» была издана впервые в 1933 г.

2 Гернет Эрик Михайлович (р. 1927) — впоследствии инженер.

3 Салье Михаил Александрович (1899–1961) — арабист, второй муж Гернет.

Гитович Александр Ильич (1909–1966) — поэт, переводчик. С 1937 г. руководил объединением молодых поэтов при Ленинградском объединении Союза советских писателей, в

1938–1940 гг. заведовал отделом поэзии журнала «Литературный современник». Участвовал в советско — финляндской войне

1939–1940 гг., с июня 1941 г. — в Великой Отечественной войне, принимал участие в войне с Японией.

Гаккель Евгений Густавович (1892–1953) — артист, режиссер.

1 Очевидно, Шварц видел Гаккеля в спектакле «Золушка» по Ш. Перро, поставленном А. А. Брянцевым в петроградском ТЮЗе. Композитор — Н. М. Стрельников. Премьера — 31 января 1923 г.

2 Зандберг (по мужу Макарьева) Вера Алексеевна (1897–1975) — артистка, педагог. С 1921 по 1959 г. — в труппе ЛенТЮЗа.

3 См. «Альтус Ефим Григорьевич», комм. 4.

4 См. «Уварова Елизавета Александровна», с. 617.

5 См. «Любашевский Леонид Соломонович», с. 599.

6 Елагина (наст. фам. Шик) Елена Владимировна (Лиля)

*(1895–1931) — артистка, ученица Е. Б. Вахтангова, педагог, преподавала в студиях ЛенТЮЗа и Театра драмы.

7 Артамонова Ольга Михайловна (1898–1928) — артистка театра кукол и ЛенТЮЗа.

8 Ец Иосиф Михайлович (1907–1941) — художник — график.

9 Двораковский Валериан Дмитриевич (р. 1904) — художник — график.

1 °См. «Зенькович Вера Владимировна», с. 587.

11 Спектакль «Разбойники Шиллера» Гаккеля по произведениям Ф. Шиллера был поставлен Гаккелем в ЛенТЮЗе в 1927 г. (премьера — 18 октября).

12 Спектакль «Тиль Уленшпигель» по Ш. Де Костеру был поставлен Гаккелем в ЛенТЮЗе раньше, чем «Разбойники Шиллера». Премьера состоялась 22 мая 1926 г.

13 Красный театр был создан в Ленинграде в 1924 г., в 1926 г. слился с театром «Красный молот» и в 1927 г., когда Гаккель пришел туда режиссером, назывался передвижным коллективом при Леноблпрофсовете, после ряда реорганизаций в 1936 г. получил наименование Ленинградский театр им. Ленинского комсомола.

14 См. «Зон Борис Вульфович», с. 585.

15 Спектакль «Дон Кихот» А. Я. Бруштейн и Б. В. Зона (по М. Сервантесу) был поставлен в ЛенТЮЗе в 1926 г. (премьера

— 24 декабря). Режиссер — Б. В. Зон, художник — М. З. Левин, композитор — Н. М. Стрельников. Спектакль был поставлен в буффонно — комедийном плане.

16 Премьера спектакля «Фронт» по пьесе Д. Дэля (Л. С. Любашевского) в постановке Гаккеля состоялась в Выборгском Доме культуры 3 февраля 1930 г.

17 Соколов Петр Иванович (1892 — около 1941) — художник, ученик К. С. Петрова — Водкина. Незаконно репрессирован.

18 Так называемый Блокадный театр в Ленинграде — ныне Драматический театр им. В. Ф. Комиссаржевской — был открыт во время блокады Ленинграда 18 октября 1942 г. в помещении Театра комедии.

Гуковский Григорий Александрович (1902–1950) — литературовед.

Гарин Эраст Павлович (1902–1980) — артист, режиссер. С 1922 по 1936 г. — в труппе Театра им. Вс. Мейерхольда, с 1936 г.

— в Театре комедии, с 1950 г. — в Театре — студии киноактера в Москве. Постановщик спектаклей по пьесам Шварца и исполнитель ролей в них, а также роли Короля в фильме «Золушка» по сценарию Шварца. Автор воспоминаний о нем.

1 Гарин поставил спектакль по пьесе Ю. П. Германа «Сын народа» в Театре комедии в 1938 г. (премьера — 29 декабря).

2 Локшина Хesia Александровна (1902–1982) — режиссер, жена Гарина, начала свою творческую деятельность в Театре Вс. Мейерхольда.

Голубева Антонина Георгиевна (1899–1989) — детская писательница. Автор книг о детстве и юности С. М. Кирова: «Мальчик из Уржума» (1936), «Сергей Костриков» (1939), «Рассказы о Сереже Кострикове» (1941), «Заря взойдет» (1957).

1 Холопов Георгий Константинович (1914–1990) — писатель. С 1957 г. — главный редактор журнала «Звезда».

Григорьева (рожд. Соловьева) Наталия Васильевна (1894–1975) — друг детства Шварца.

1 Соловьева Елена Васильевна (1896–1919) — друг детства Шварца, сестра милосердия, погибла во время гражданской войны.

2 Соловьева Варвара Васильевна (р. 1898) — друг детства Шварца, впоследствии врач — терапевт в Майкопе.

3 Григорьев Глеб Николаевич (р. 1928) — капитан дальнего плавания. Сын Н. В. Григорьевой.

4 Григорьева Елена Николаевна (р. 1923) — дочь Н. В. Григорьевой.

Грекова Наталия Ивановна (1908–1982) — дочь И. И. Грекова.

1 Греков Иван Иванович (1867–1934) — врач — хирург. С 1895 г. до конца жизни работал в Обуховской больнице в Петербурге, на базе которой в 1932 г. организовал Медицинский институт, с 1915 г. — профессор Психоневрологического института (ныне 2-й Ленинградский медицинский институт).

2 Федин Константин Александрович (1892–1977) — писатель, общественный деятель.

3 Грекова Елена Афанасьевна (1875–1937) — писательница, жена И. И. Грекова.

4 Е. А. Грекова — автор четырех книг: «Рассказы» (СПб., 1911), «Кусочек голубого неба. Рассказы» (Пг., 1916), «Богатырь. Повести и рассказы» (Пг., 1921), «Душа Сибири. Повести и рассказы» (Пг., 1923).

5 Урванцов Лев Николаевич (1865–1929) — драматург, беллетрист, автор популярных в предреволюционные годы пьес, широко шедших в столице и провинции. В театре «Кривое зеркало», работавшем в Петербурге — Ленинграде с 1908 по 1931 г., шли пародии Урванцова на мелодраму — «Жак Нуар, или Анри Заверни», на оперетту — «Восторги любви» и др.

Л. Гриневская Изабелла Аркадьевна (1864–1944) — поэтесса.

1 Сперанский Алексей Дмитриевич (1887–1961) — патофизиолог. В 1923–1928 гг. — ассистент И. П. Павлова, организатор (1926) и руководитель экспериментального отдела в Институте хирургической невропатологии (Ленинград), создатель своеобразного учения о роли центральной нервной системы при разных заболеваниях. Его книга «Элементы построения теории медицины» (М. — Л., 1935) пользовалась в свое время широкой популярностью. «Блокада» — временное нарушение нервных связей посредством инфильтрации тканей раствором новокаина.

8 Шишков Вячеслав Яковлевич (1873–1945) — писатель.

9 См. «Мариенгоф Анатолий Борисович», с. 602.

10 Горшков Михаил Алексеевич — врач — терапевт. Зав. терапевтическим отделением Обуховской больницы.

II Олейников Николай Макарович (1898–1937) — поэт, детский писатель, редактор журналов «Еж», «Чиж», «Сверчок». Незаконно репрессирован, 24 ноября 1937 г. расстрелян.

- 12 Лондон Ефим Семенович (1868–1939) — патофизиолог, биохимик и радиобиолог.
- 13 «Этот поцелуй, Юлия Павловна, дорогого стоит», — говорит Флор Федулыч Прибытков во втором действии пьесы «Последняя жертва» А. Н. Островского.
- 14 Шварц ошибочно указывает эту дату. Премьера спектакля «Клад» в ЛенТЮЗе состоялась 8 октября 1933 г.
- 15 Говорится о многотомном труде «История России с древнейших времен».
- 16 Вреден Роман Романович (1867–1934) — врач, хирург-ортопед, организатор и руководитель первого в России Ортопедического института.
- 17 Розанов Владимир Николаевич (1872–1934) — врач-хирург, в 1922 г. оперировал В. И. Ленина, с 1931 г. заведовал кафедрой хирургии в Центральном институте усовершенствования врачей.
- 18 Карпинский Александр Петрович (1846–1936) — геолог, общественный деятель, с 1917 г. — президент АН СССР.
- 19 Павлов Иван Петрович (1849–1936) — физиолог, создатель материалистического учения о высшей нервной деятельности.
- Гиппиус Никодим Васильевич (р. 1918) — артист, драматург, сценарист, заведующий литературной частью Ленинградского драматического театра в 1950–1951 гг.
- 1 Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) — писательница, поэтесса, критик.
- 2 Гиппиус Василий Васильевич (1890–1942) — литературовед, поэт, переводчик.
- 3 Гиппиус Владимир Васильевич (псевдонимы Вл. Бестужев и Вл. Нелединский) (1876–1941) — поэт, литературовед. Брат Василия Васильевича Гиппиуса.
- 4 Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941) — писатель и Гиппиус Зинаида Николаевна, его жена.
- 5 В воспоминаниях А. Белого «Начало века» следующие строки посвящены З. Н. Гиппиус: «... в те годы она — confidentка, мне нужная; еще не видел я тени ее, ставшей ею впоследствии, когда она — стала тень; это — сплетница, выросшая в клеветницу и клеузницу!» (М. — Л., 1933, с. 434).
- 6 В дневниковой записи от 15 января 1953 г. Шварц фиксирует рассказ К. И. Чуковского о Д. С. Мережковском и З. Н. Гиппиус: «... уже решив бежать, ходили по издательствам и собирали авансы. До отъезда были они с Корнеем Ивановичем ласковы, все просили советов и помощи, подписывая договоры в непривычных обстоятельствах, а бежав, стали обливать грязью. Гиппиус посвятила ему стихи, где говорила, как радуется ее всегда приход «седого мальчика с душою нежной», а за границей ругала его, как торговка» (*Шварц Е.* Живу беспокойно... Из дневников. Л., 1990, с. 276).
- 7 См. «Московскую телефонную книжку. Андроников Ираклий Луарсабович», с. 623. О З. Н. Гиппиус, очевидно, рассказывала Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1940).. — литературовед, историк театра, критик.
- 8 См. «Гаккель Евгений Густавович», комм. 18.
- Гор Геннадий (наст. имя Гдалий Самойлович) (1907–1981) — писатель.
- 1 Сезанн Поль (1839–1906) — французский художник.
- 2 Леви — Брюль Люсьен (1857–1939) — французский этнограф и психолог. Имеется в виду его книга «Первобытное мышление», вышедшая в русском переводе в 1930 г.
- 3 Гор Юрий Геннадиевич (р. 1930) — геолог.
- 4 Дочь Г. С. Гора Лидия Геннадиевна (р. 1932) — биолог, вышла замуж за сына Кирилла Федоровича Огородникова (1900–1985) — астронома, доктора физико-математических наук, профессора Ленинградского университета, Сергея Кирилловича Огородникова (1933–1985), ставшего впоследствии доктором химических наук.
- Григорович Юрий Николаевич (р. 1927) — артист балета, балетмейстер. В 1946–1964 гг. — в труппе Театра оперы и балета им. С. М. Кирова.
- 1 Дмитриев Владимир Владимирович (1900–1948) — театральный художник. Участвовал в создании балетных сценариев («Пламя Парижа», совместно с Н. Д. Волковым; * «Лебединое озеро», новая редакция сценария; «Утраченные иллюзии»; «Партизанские дни»,

совместно с В. И. Вайноненом).

2 Дзержинский Иван Иванович (1909–1978) — композитор.

3 В архиве Шварца сохранилось письмо Петра Федоровича Аболимова от 16 сентября 1953 г. Он писал: «В июле этого года, по просьбе дирекции Театра оперы и балета им. С. М. Кирова, я приезжал к вам в Комарово, но вас, к сожалению, не застал. Цель посещения — установить с вами творческий контакт по сценарию балета о скоморохах. Очевидно, вы об этом уже знаете от И. И. Дзержинского (Лит. часть театра). Если еще не отпала необходимость моего участия в совместной с вами работе над балетным сценарием, то я просил бы вас уведомить меня об этом и ознакомить с вашим первоначальным замыслом» (РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 92). Как видно из записи в книжке, Шварц отнесся резко отрицательно к предложению о соавторстве. Творческий контакт не состоялся.

Голичников Вячеслав Андреевич (1899–1955) — писатель. В 1937 г. — ответственный секретарь секции драматургов Ленинградского отделения ССП.

1 В. А. Голичников умер 29 января 1955 г.

Дом кино в Ленинграде был открыт в 1930 г. В нем проводились творческие конференции и вечера, совещания, дискуссии, просмотры фильмов, встречи со зрителями.

1 В фильме «Чапаев» Б. А. Бабочкин снимался в роли Чапаева, Б. П. Чирков — в роли Крестьянина.

2 Фильмы Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга, составившие трилогию о революционном движении в России в 1910–1918 гг., с Б. П. Чирковым в главной роли, выходили на экраны: «Юность Максима» — в 1935 г., «Возвращение Максима» — в 1937 г., «Выборгская сторона» — в 1939 г.

3 Двухсерийный фильм Ф. М. Эрмлера (см. «Эрмлер Фридрих Маркович», с. 622) «Великий гражданин» с Н. И. Боголюбовым в главной роли вышел на экраны в 1938 и 1939 гг.

4 Пиотровский Адриан Иванович (1898–1938) — литературовед, театровед, киновед, драматург, переводчик, заведовал в те годы сценарным отделом «Ленфильма». Незаконно репрессирован, посмертно реабилитирован.

5 Тиняков Александр Иванович (1886–1934) — поэт, незаконно репрессирован в 1930 г., в 1932 г. освобожден.

6 В эти годы были изданы исторические романы Ю. Н. Тынянова «Кюхля» (1925) и «Смерть Вазир — Мухтара» (1927–1928, отдельное издание — 1929).

7 В 1921 г. Г. М. Козинцев, Л. З. Трауберг и С. И. Юткевич организовали мастерскую — студию «Фабрика эксцентрического актера» (ФЭКС), в 1926 г. Козинцев и Трауберг поставили фильм «Шинель» — сценарий Ю. Н. Тынянова по повести Н. В. Гоголя. Тынянов участвовал и в сборнике группы ленинградских литературоведов «Поэтика кино».

8 См. «Трауберг Леонид Захарович», с. 616.

9 Шварц пишет о своем сценарии «Повесть о молодых супругах», первоначальное название его — «Первый год». Работа над ним относится к 1947–1949 гг.

Детиздат — Издательство детской литературы создано в Москве в 1933 г., до 1941 г. название его сокращалось как Детиздат, с 1941 г. — Детгиз. Существовало и Ленинградское отделение.

1 Чевычелов Дмитрий Иванович (1904–1970) — директор Ленинградского отделения Детгиза с 1941 по 1959 г.

2 Паперная Эстер Соломоновна (1901–1987) — журналистка, критик, переводчица.

3 6 декабря 1954 г. открылось отчетно — выборное собрание ленинградских писателей в Таврическом дворце. 7 декабря Шварц выступил с содокладом по детской литературе. В «Литературной газете» от 11 декабря в отчетной заметке говорилось о том, что Шварц резко критиковал Ленинградское отделение Детгиза за чрезвычайную медлительность, нерешительность, за противоречивость требований, предъявляемых авторам детской книги. «Ленинградская правда» считала, что Шварц остроумно и доказательно критиковал деятельность Ленинградского отделения Детгиза (см. «Ленинградская правда», 1954, 10

декабря).

4 В этой же заметке говорилось о том, что Б. Н. Полевой дал положительную оценку произведениям ряда писателей, напечатанным в Ленинграде.

5 Пискунов Константин Федорович (1905–1981) — директор Детгиза.

6 Дубровина Людмила Викторовна (1901–1977) — директор Детгиза с 1945 по 1948 г.

7 Козьмин Николай Дмитриевич — секретарь Ленинградского обкома партии по идеологии.

8 Привалова Екатерина Петровна (1891–1977) — педагог, работник детской библиотеки Педагогического института им. А. И. Герцена.

9 Левоневский Дмитрий Анатольевич (1907–1988) — писатель, журналист, переводчик, критик.

Деммени Евгений Сергеевич (1898–1969) — артист, режиссер. С 1918 г. выступал как актер — любитель в петроградских коммунальных театрах. В 1924 г. организовал и возглавил театр кукол — петрушек (первоначально при ЛенТЮЗе), который в 1930 г. был объединен с Театром марионеток и получил название Ленинградский кукольный театр под руководством Евг. Деммени. Ставил спектакли по пьесам Шварца «Пустяки» (1932), «Красная Шапочка» (1938), «Кукольный город» (1939), «Сказка о потерянном времени» (1940 и 1947).

1 А. А. Брянцев стал во главе Петроградского (позднее Ленинградского) ТЮЗа в 1922 г.

2 Данько Елена Яковлевна (1898–1942) — писательница, артистка театра кукол, живописец на фарфоровом заводе. Ее инсценировку «Гулливер в стране лилипутов» Деммени поставил в 1928 г.

3 Очевидно, Шварц, работая над пьесой «Клад», не сдал в установленный срок пьесу «Пустяки», предназначенную для Кукольного театра под руководством Деммени.

Дрейден Симон Давыдович (1905–1991) — критик, театровед, литературовед. Автор рецензий на спектакли по пьесам Шварца.

1 Чуковский Николай Корнеевич (1904–1965) — писатель, сын К. И. Чуковского.

2 См. «Воронина Екатерина Алексеевна», комм. 1.

3 Арнштам Лео Оскарович (1905–1979) — кинорежиссер, сценарист. Окончил Ленинградскую консерваторию по классу фортепиано. В 1929–1942 гг. работал на киностудии «Ленфильм».

4 Жукова (рожд. Цимбал) Лидия Львовна (1905–1985) — литератор, театральный критик. В кн. «Лидия Жукова. Эпипоэмы» (Нью — Йорк, 1983) содержатся воспоминания о Шварце.

5 В альманахе «Ушкуйники» (Пг., 1922) были напечатаны три стихотворения Н. К. Чуковского под псевдонимом Ник. Радищев: «Над золотыми куполами», «И горят огни во храме», «К душе», три стихотворения — «В глухие месяцы разлуки», «Синее ледяные скаты» и «Вечер» — под тем же псевдонимом вошли в сборник «Звучащая раковина» (Пг., 1922).

6 В подробном библиографическом указателе «Русские советские писатели. Прозаики» (М., 1969) этот перевод Н. К. Чуковского не учтен.

7 Повесть Н. К. Чуковского «Приключения профессора Зворыки» (Л., 1926).

8 Донцова Зинаида Ивановна (1902–1971) — артистка, мастер художественного слова, жена С. Д. Дрейдена.

9 Дрейден Сергей Симонович (р. 1941) — артист. С 1964 по 1980 г. — в труппе Театра комедии.

1 °С февраля по июль 1943 г. Шварц был заведующим литературной частью Кировского областного драматического театра.

11 Новый ТЮЗ перестал существовать в 1945 г.

В архиве Шварца сохранилось письмо А. Я. Бруштейн от 25 ноября 1942 г. из Новосибирска. Она писала: «Очень много грустного пришлось пережить в связи с переездом сюда Зона и его театра. Я еще не решила вопроса — всегда ли Зон и многие из его

окружающих были такими мразными людишками, — и только я этого по тупости не видала, — или же они, в самом деле, были раньше другими, очень прекрасными, и только война сделала их сволочами. Думаю, что тут действуют оба момента... Я всегда знала, что Зон — ну, скажем, не эталон. Но я очень многое прощала ему за его талантливость, и, может быть, потому мне многие противные Зоновы черты казались какими-то инфантильными, — детям прощаешь эгоизм, себялюбие, даже хамство. Но война обнажила все, — и многое предстало перед нами таким неприкрыто противным, что уже никакое самообольщение не стало больше возможно. Оттого ли, что мы стали строже и требовательнее, оттого ли, что сейчас все, и люди, и дела — как-то невидимо, но очень ощутимо связывается для нас с тем, что происходит в стране, на фронтах (и оттого не стало мелочей, — все стало крупным и важным, и не стало больше снисходительности, потому что довольно снисходить и прощать друг другу все возможное и невозможное), — оттого ли, что война развила гигантскую химию, — по которой все невероятно активизируется, и плохое, и хорошее, — но только все страшно изменилось. Я, например, не могу говорить с Зоном без раздражения и даже отвращения! Эта самовлюбленность... эта тупость, проведение первого меридиана не через остров Ферро, Париж или хотя бы Пулково, а через собственный многолюбимый пуп, — не могу я этого без раздражения видеть! В театре у них исключительно вонючая атмосфера. Душой театра, его совестью Зон никогда, вы знаете, не был... Заботы о коллективе у Зона нет ни на копейку, — никогда не было у него человеческой заботы о товарищах, но прежде это было не так ощутимо, когда люди

мжилось лучше и легче, — но теперь это приняло формы отвратительные, потому что осложнилось противнейшей зоновской жадностью, стяжательством и т. п. — достаточно сказать, что в театре ни один актер не имеет еще на зиму ни килограмма картошки и ни полена дров, — и Зон, и Тихановский заняты только устройством своих личных дел, набиванием своих погребов. Среди актеров есть много хороших людей, — все они тяготеют атмосферой в театре и чувствуют себя на песке...» (РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 115, л. 6,7).

12 См. «Черкасов Николай Константинович», с. 619.

13 Беюл (Гальперина — Беюл) Ольга Павловна (1901–1985) — артистка. В 1932–1935 гг. — в труппе ЛенТЮЗа, в 1935–1945 гг. — Нового ТЮЗа. Участница спектаклей по пьесам Шварца.

14 Шварц принимал участие в работе XII пленума Правления ССП, который был посвящен состоянию литературы народов СССР и вопросам драматургии. Чрезвычайно резкой, несправедливой критике подверглось творчество ряда крупных драматургов. Пленум проходил с 15 по 20 декабря 1948 г.

15 Первенцев Аркадий Алексеевич (1905–1981) — писатель.

16 Славин Лев Исаевич (1896–1984) — писатель.

17 Софронов Анатолий Владимирович (1911–1990) — писатель, поэт.

18 Чичкин Александр Васильевич — купец, владелец молочных магазинов в Москве.

19 Фадеев Александр Александрович (1901–1956) — писатель, общественный деятель, в 1946–1954 гг. — генеральный секретарь и председатель Правления ССП.

20 Дрейден был незаконно репрессирован в 1949 г., реабилитирован в 1954 г.

21 Генеральные репетиции и общественные просмотры спектакля МТЮЗа «Два клена» проходили в марте — апреле 1954 г.

Друскин Михаил Семенович (р. 1905) — музыковед, пианист, педагог.

1 Соллертинский Иван Иванович (1902–1944) — музыковед, литературовед, театровед.

Дворец пионеров (бывший Аничков дворец).

1 Сергей Александрович (1857–1905) — великий князь, сын Александра II. В 1891–1905 гг. — московский генерал-губернатор, убит И. П. Каляевым.

2 Дворцом Нахимсона называли здание, где помещались Куйбышевский райком партии и райсовет. Названо по имени

С. М. Нахимсона (1885–1918) — большевика, жившего в Петрограде и погибшего в дни белогвардейского мятежа в Ярославле.

3 Каплан Михаил Борисович — директор Музея революции в Петрограде — Ленинграде с 1919 по 1930 г.

4 Надеждов (наст. фам. Каплан) Аркадий Борисович (1886–1939) — артист, режиссер Театральной мастерской (Ростов — на — Дону).

5 Шакол Александра Тимофеевна (Алеша) — революционный деятель, анархистка.

6 Автор надгробия М. М. Антокольскому на Преображенском (еврейском) кладбище в Ленинграде — И. Я. Гинцбург. Бронза, мрамор, 1903.

7 Эмир бухарский посетил Петербург в 1902 г.

8 Художественно — литературный журнал «Аполлон» выходил в Петербурге в 1909–1917 гг. под редакцией С. К. Маковского.

9 Говорится о детской книге А. Б. Хвольсон «Царство малюток. Приключения Мурзилки и лесных человечков», вышедшей впервые в 1898 г., имевшей большую популярность и многократно переиздававшейся.

10 Театральная мастерская в 1921 г. переехала из Ростова- на — Дону в Петроград. 8 января 1922 г. состоялся первый спектакль («Гондла» Н. С. Гумилева), весной этого же года театр закрылся.

11 Имеется в виду мемориальный музей — последняя квартира А. С. Пушкина на набережной Мойки, 12 в Ленинграде.

12 Шварц неточно цитирует строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1831). У Тютчева:

«Счастлив, кто посетил сей мир...»

13 Театр комедии приехал в Москву в мае 1944 г.

14 Пьеса — памфлет Шварца «Дракон», направленная против деспотизма, была принята к постановке в Театре комедии.

В период репетиций появилась разгромная статья С. П. Бородина «Вредная сказка» (см. газ. «Литература и искусство», 1944, 25 марта), и спектакль был снят.

15 См. «Орбели Иосиф Абгарович», комм. 3.

16 Штейнварт Натан Михайлович (1907–1966) — педагог, организатор пионерского движения в Ленинграде, директор Дворца пионеров. В последние годы жизни — работник педагогической части и директор ЛенТЮЗа.

17 Рукопись эстрадного представления не сохранилась.

18 Имеется в виду статья Н. М. Штейнварга «Дайте пьесы, достойные великих задач коммунистического воспитания детей», напечатанная за подписью «Натан» в газ. «Ленинские искры», 1932, 20 марта. В статье говорилось: «Постановка «Ундервуд», в которой театр впервые хотел показать пионеров, была политической ошибкой ТЮЗа. Автор и театр, не зная пионеров, не зная задач пионерского движения, исказили сущность пионерской организации».

19 Премьера спектакля «Клад» в ЛенТЮЗе состоялась 8 октября 1933 г.

20 См. комм. 14 к настоящей записи.

21 «Ленинградское дело» — серия дел, сфабрикованных в конце 1940–х — начале 1950–х гг. по обвинению ряда видных партийных, советских и хозяйственных работников в измене Родине, намерении превратить ленинградскую парторганизацию в опору для борьбы с ЦК. Среди привлеченных — академик АН СССР Н. А. Вознесенский, генерал — лейтенант, один из организаторов обороны города в 1941–1944 гг. А. А. Кузнецов и мн. другие. Одновременно был осуществлен массированный разгром ленинградского руководства по линии партийно — административных органов. Заменено свыше 2000 руководителей, репрессировано свыше 200 работников и их родственников. В дальнейшем все были реабилитированы, большинство посмертно.

22 Премьера спектакля «Два клена» состоялась в ЛенТЮЗе 5 ноября 1954 г.

Добин Ефим Семенович (1901–1977) — литературовед, критик, искусствовед, редактор сценарного отдела «Ленфильма».

1 Говорится о книге Добина «Жизненный материал и художественный сюжет».

2 Статья Добина «Типическое в сюжете» была напечатана в журнале «Звезда», 1954, № 8.

3 Штейн Александр Петрович (1906–1993) — драматург.

Дембо Александр Григорьевич (р. 1910) — врач — кардиолог.

1 Письмо П. А. Вяземскому от 1826 г. [не позднее 24 мая].

2 Ланг Георгий Федорович (1875–1948) — врач — терапевт, кардиолог, гематолог.

3 Эрисман Федор Федорович (1842–1915) — основоположник научной гигиены в России. По национальности швейцарец.

4 Кабалевский Дмитрий Борисович (1904–1987) — композитор.

Жеймо Янина Болеславовна (1909–1987) — артистка. Снималась в фильмах по сценариям Шварца.

1 Жеймо выступала в цирке даже несколько раньше — с трехлетнего возраста, была наездницей, гимнасткой, балериной и музыкальным эксцентриком.

2 См. «Дом кино», комм. 7.

3 В 1926 г. в фильме «Шинель» Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга Жеймо играла роль подручного портного.

4 Костричкин Андрей Александрович (1901–1973) — киноартист.

5 См. «Хейфиц Иосиф Ефимович», с. 618.

6 Жеймо играла Леночку в комедийных короткометражных фильмах «Разбудите Леночку» (1935) и «Леночка и виноград» (1936), режиссер А. В. Кудрявцева. Фильм «На отдыхе» поставлен в 1936 г. режиссером Э. Ю. Иогансоном.

7 17 ноября 1936 г. в газете «Известия» была напечатана рецензия братьев Тур на кинокомедию «На отдыхе», где говорилось: «Неизвестно почему сценаристы Олейников и Шварц написали такую «жеребятину», режиссер Иогансон ее поставил, а «Ленфильм» выпустил».

8 Ллойд Гарольд (1893–1971) — американский киноактер-комик.

9 Китон Бестер (наст. имя Джозеф Фрэнсис) (1ННЙ 1966) — американский комический актер и режиссер кино

10 Жанно Леон (наст. имя и фам. Леонид Ефимович Кац) (р. 1908) — кинорежиссер.

11 См. «Кошеверова Надежда Николаевна», с. 588.

Жакт

1 Израилевич Яков Львович (Жак) — коллекционер картин.

2 Иордан Ольга Генриховна (1907–1971) — артистка балета, балетмейстер, педагог. С 1926 по 1950 г. — в труппе Театра оперы и балета им. С. М. Кирова.

3 См. «Томашевский Борис Викторович», с. 617.

Журба Павел Терентьевич (наст. имя и фам. Пантелеймон Терентьевич Скрипников) (1895–1976) — писатель, в 1950–е гг. — председатель детской секции ЛО ССП.

1 В 1949 г. вышла в свет биографическая повесть Журбы «Рядовой Александр Матросов», впоследствии неоднократно переиздававшаяся с дополнениями, менялось и заглавие ее — в 1949 и 1955 гг. был издан биографический очерк «Герой Советского Союза Александр Матросов».

2 С 14 по 18 апреля 1952 г. проходило Всесоюзное совещание по вопросам детской литературы, созванное ЦК ВЛКСМ, ССП и Министерством просвещения РСФСР. Шварц выступил

17 апреля. В отчете о совещании отмечалось, что он «говорил о многолетнем опыте и традициях советского театра для детей. Главное место в его выступлении занял вопрос о сказке, имеющей большое воспитательное значение для юных зрителей, особенно для зрителей младшего возраста» («Советское искусство», 1952, 19 апреля). 21 апреля 1952 г. Шварц записал в дневнике: «18-го выступает хабаровский писатель Нагишкин и в своей речи ругает мои сказки. Выступление его меня глубоко оскорбляет» (РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 56, л. 39). И в дальнейшем Дмитрий Дмитриевич Нагишкин (1909–1961) выступал в печати с необоснованной критикой сказок Шварца, не видя положительной идеи и

воспитательного смысла его сказок, издаваемых Детгизом с 1945 г.

3 Председательствовал Сурков Алексей Александрович (1899–1983) — поэт, общественный деятель.

Зощенко Михаил Михайлович (1895–1958) — писатель. С его именем связано начало литературной работы Шварца.

Он пишет в дневнике: «Попробовал через Зощенко устроить две — три мелочи в юмористических журналах тех дней. Точнее, он дал мне два или три письма для обработки. Я сдал их ему, он одобрил и снес в редакцию. И они, как я узнал потом, были напечатаны» (РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 56, л. 86).

1 В записи говорится о постановлении ЦК ВКБ(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и его последствиях. В постановлении, в частности, есть такие строки: «Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе... Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание... Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами...». ЦК ВКП(б) постановляет прекратить доступ в журналы произведений Зощенко.

Зон Борис Вульфович (1898–1966) — режиссер, один из основных деятелей тюзовского движения. В 1921–1935 гг. работал в ЛенТЮЗе как актер и режиссер. В 1935–1945 гг. — директор и художественный руководитель ленинградского Нового ТЮЗа. Ставил спектакли по пьесам Шварца. Автор воспоминаний о нем. В 1940 г. в «Известиях» от 10 мая была напечатана статья Шварца «Стиль работы театра» об уважении к авторскому тексту в Новом ТЮЗе; см. также статью Шварца о Новом ТЮЗе «Моя дружба с театром» («Московский комсомолец», 1940, 24 мая).

1 См. «Дворец пионеров», комм. 10.

2 Театр новой драмы работал в Петрограде в 1922–1923 гг. Режиссерами были: А. Л. Грипич, К. Н. Державин, В. Н. Соловьев, К. К. Тверской. В труппе — А. А. Мгебров и др., после закрытия театра основная часть труппы вошла в Театр Пролеткульта.

3 Зоном написаны с А. Я. Бруштейн и поставлены в ЛенТЮЗе следующие пьесы: «ДонКихот» (по М. Сервантесу, 1926), «Хижина дяди Тома» (по Г. Бичер — Стоу, 1927), «Так было» (1929), «На полюс!» (1930), «4.000.000 авторов» (1930).

4 В 1929 г. в ЛенТЮЗе Зон совместно с А. А. Брянцшмм поставили спектакль «Ундервуд» по первой пьесе Шиарца (премьера — 21 сентября). В 1933 г. Зон поставил там же спектакль «Клад» по пьесе Шварца (премьера — 8 октября).

5 Спектакль «Музыкантская команда» по пьесе Л. С. Любашевского (Д. Дэля) Зон поставил в Новом ТЮЗе в 1935 г. (премьера — 6 ноября).

6 «Бориса Годунова» А. С. Пушкина Зон поставил в Новом ТЮЗе в 1938 г. (премьера — 14 апреля).

7 Спектакль «Сказки Пушкина» Зон поставил в Новом ТЮЗе в 1937 г. (премьера — 14 апреля).

8 Кроме указанных в комм. 4 спектаклей, Зон поставил в Новом ТЮЗе по пьесам Шварца «Клад» (премьера — 25 января 1936 г.), «Брата и сестру» (премьера — 16 марта 1936 г.), «Красную Шапочку» (премьера — 12 июня 1937 г., режиссер — постановщик В. П. Чеснаков, художественный руководитель спектакля Зон), «Снежную королеву» (премьера — 22 марта 1939 г.), «Далекий край» (в Новосибирске во время эвакуации, премьера — 11 марта 1943 г.).

9 В 1941 г. к 100-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова, Зон совместно с В. П. Чеснаковым поставил в Новом ТЮЗе «Песню про купца Калашникова» и «Ашик Кериба».

10 Встреча с Зоном произошла в Новосибирске, где Шварц был проездом из Кирова в

Сталинабад.

11 Имеется в виду ЛенТЮЗ, работающий и до настоящего времени.

Зарубина Ирина Петровна (1907–1976) — артистка. С 1935 г. до конца жизни — в труппе Ленинградского театра комедии, исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

1 Зарубина Татьяна Александровна (1940–1995), впоследствии филолог.

Зинковский Абрам Соломонович (1909–1970) — артист. С

1942 г. до конца жизни — в труппе Ленинградского театра комедии. Ряд лет совмещал работу артиста с заведованием режиссерским управлением театра, с 1956 г. — заведующий режиссерским управлением.

1 Шварц ушел с должности заведующего литературной частью Театра комедии 20 февраля 1946 г.

Комментарии

2 См. «Барченко Нина Платоновна», комм. 1.

«Звезда» — литературно — художественный и общественно политический журнал, орган СП СССР. Основан в 1924 г. и Ленинграде.

1 См. «Марьенков Михаил Макарович», с. 602.

2 «Литературный современник» — литературно — художественный и общественно — политический журнал. Издавался в Ленинграде в 1933–1941 гг.

3 «Ленинградская правда» — газета, орган Ленинградского обкома и горкома КПСС, обл. и гор. советов народных депутатов, выходила с апреля 1918 г.

4 «Вечерняя Красная газета» выходила в Ленинграде с 1922 по 1936 г.

Зандерлинг Курт (Курт Игнатьевич) (р. 1912) — немецкий дирижер. С 1936 г. жил в СССР, с 1941 по 1960 г. работал в Ленинградской филармонии, с 1960 г. — главный дирижер Берлинского симфонического оркестра.

1 Герой одноименного романа Р. Роллана Жан — Кристоф относился резко критически к творчеству Брамса, как, впрочем, и ко всей немецкой музыке (см.: *Ролла и Р.* Собр. соч. Т. 4, кн. 4. М., 1956).

2 Брукнер Антон (1824–1896) — австрийский композитор, органист, педагог.

3 Малер Густав (1860–1911) — австрийский композитор и дирижер.

4 В книге «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников» (М., 1955) о восприятии Толстым музыки и отношении к ней говорится в дневниках В. Ф. Булгакова, Н. Н. Гусева, В. Ф. Лазурского, С. А. Толстой, П. И. Чайковского, в воспоминаниях В. И. Алексеева, Т. А. Кузминской, С. Л. Толстого, в записях П. А. Сергеевко, В. Г. Черткова, в записках Д. П. Маковицкого и др.

5 Стравинский Игорь Федорович (1882–1971) — композитор, дирижер.

6 См. «Рабинович Николай Семенович», с. 610.

7 Рихтер Святослав Теофилович (р. 1915) — пианист.

Зенисович Вера Владимировна (1906–1985) — художник

Зимин Леонид Сергеевич (1902–1970) — энтомолог.

Кошеровова Надежда Николаевна (1902–1990) — кинорежиссер, постановщик фильмов по сценариям Шварца.

1 Пьеса «Приключения Гогенштауфена» написана Шварцем в 1933 г. Опубликована в журнале «Звезда», 1934, № 11.

2 Пьеса «Принцесса и Свинопас» — впоследствии «Голый король» — первое обращение Шварца к Андерсену.

3 Грановская Елена Маврикиевна (1877–1968) — артистка, с 1931 г. — в труппе Ленинградского театра сатиры и комедии, преобразованного в 1935 г. в Ленинградский театр комедии.

4 В 1938 г. Шварц написал для Театра комедии пьесу «Наше гостеприимство». Тема ее — патриотизм советских людей. 5 июня 1938 г. Н. П. Акимов писал в статье «Ленинградский театр комедии. К гастролям в Москве»: «Особый интерес для нас представляет решение

вопроса о постановке в комедийном плане, т. е. в жанре нашего театра, спектакля на боевые актуальные темы. Над одной из таких пьес (на оборонную тему) работает с театром драматург Е. Шварц» («Вечерняя Москва», 1938, 5 июня). Разрешение Главреперткома на постановку пьесы в Театре комедии было получено 24 января 1939 г., однако спектакль не был поставлен.

5 Премьера спектакля «Тень» состоялась в Театре комедии

11 апреля 1940 г. Режиссер и художник — Н. П. Акимов.

6 См. «Борщевский Юрий Ефимович», комм. 1.

7 Москвин Николай Андреевич (р. 1935) — физик.

8 См. «Дворец пионеров», комм. 14.

9 См. «Григорович Юрий Николаевич», комм. 1.

1 °См. «Лепорская Анна Александровна», с. 598.

11 Левинсон Евгений Адольфович (1894–1968) — архитектор.

12 Ле Корбюзье (наст. фам. Жаннере) Шарль Эдуар (1887–1965) — французский архитектор и теоретик архитектуры.

13 Шапиро Евгений Вениаминович (р. 1907) — кинооператор. С 1940 г. работал на киностудии «Ленфильм». В 1947 г. снимал фильм «Золушка».

14 См. «Шапиро Михаил Григорьевич», с. 621.

15 См. «Борщевский Юрий Ефимович», с. 566.

16 Магарилл Софья Зиновьевна (1900–1943) — киноактриса.

17 Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948) — кинорежиссер и теоретик кино.

18 После смерти Шварца Кошеверова дважды обращалась к его драматургии. Ею поставлены фильмы: «Каин XVIII» («Два друга»; 1963). и «Тень» (1972).

Конашевич Владимир Михайлович (1888–1963) — художник — график, оформлял книги Шварца.

1 Лапшин Николай Федорович (1890–1942) — художник, художественный редактор журнала «Еж», один из организаторов Ленинградского отделения Детгиза.

2 Тырса Николай Андреевич (1887–1942) — художник.

3 «Мир искусства» — художественное объединение (1898–1924), созданное в Петербурге А. Н. Бенуа и С. П. Дягилевым. Проповедовало идеи «чистого искусства» и «преображения» жизни искусством, отвергало как академизм, так и искусство передвижников. Живописи и графике художников, входивших в «Мир искусства», были присущи утонченная декоративность, стилизация, изящная орнаментальность.

4 Сагайдачный Петр Кононович (? — 1622) — гетман украинских казаков. Сторонник сближения с Россией.

Козинцев Григорий Михайлович (1905–1973) — кинорежиссер, сценарист. По сценарию Шварца поставил фильм «Дон Кихот» (1957). Писал о Шварце в книге «Глубокий экран» (М., 1971).

Козаков Михаил Эммануилович (1897–1954) — писатель.

1 Имеется в виду повесть «Абрам Нашатырь, содержатель гостиницы», написанная в феврале — марте 1926 г.

2 Лапповцы — члены Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП).

3 Над основным своим произведением — романом «Девять точек» — Козаков работал с 1929 по 1954 г. Книги 1–4 выходили в 1930–1939 гг. В 1956 г. роман был полностью опубликован под названием «Крушение империи».

4 Козаков с 1933 по 1937 г. был вначале заместителем, а затем ответственным редактором журнала «Литературный современник».

5 Лавренев Борис Андреевич (1891–1959) — писатель.

6 Браун Николай Леопольдович (1902–1975) — поэт, переводчик.

7 Четвериков Борис Дмитриевич (1896–1981) — писатель (до 1939 г. печатался под псевдонимом Дм. Четвериков).

8 Борисоглебский Михаил Васильевич (1896–1942) — писатель.

9 Литературно — художественный альманах «Ковш» выходил в Ленинграде в 1925–1926 гг. Ответственный редактор

С. А. Семенов. В нем печатались М. М. Зощенко, В. А. Каверин, О. Э. Мандельштам, Н. Н. Никитин, Б. Л. Пастернак, Е. Г. Полонская, В. А. Рождественский, М. Л. Слонимский, Н. С. Тихонов,

А. Н. Толстой, К. А. Федин, О. Д. Форш и др.

10 М. Горький отметил первую книгу Л. Пантелеева, написанную совместно с Г. Белых, «Республика Шкид», вышедшую в 1927 г. Он писал 29 марта 1927 г. воспитанникам колонии им. Горького в Кураже: «Для меня эта книга — праздник, она подтверждает мою веру в человека, самое удивительное, самое великое, что есть на земле нашей» (*Горький М.* Собр. соч. Т. 30, 1956, с. 17).

11 «Попутчики» — распространенное в критике 1920–х гг. обозначение писателей, сочувствовавших социалистической революции, стремившихся служить ее идеалам, но в своем мирозерцании далеких от пролетарской идеологии. К «попутчикам» относили писателей, входивших в литературные группы «Серапионовы братья», «Перевал», «Леф» и др., а также многих писателей, не входивших в литературные содружества, например, Л. М. Леонова, Б. А. Лавренева, А. Н. Толстого, М. С. Шагинян и др.

12 Никитина (рожд. Гацкевич) Зоя Александровна (1902—

1973) — в первом браке замужем за Н. Н. Никитиным, во втором — за М. Э. Козаковым, мать М. М. Козакова.

13 23 апреля 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно — художественных организаций», которым была ликвидирована Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), и началась подготовительная работа к созданию Союза советских писателей.

14 Луковский Игорь Владимирович (1909–1979) — драматург.

15 Козаков Михаил Михайлович (р. 1934) — артист театра и кино.

18 Говорится о пьесе «Золотой обруч», написанной в 1945 г. совместно с А. Б. Мариенгофом.

17 Стааль Карл Густавович, фон (1777–1853) — генерал, комендант Москвы.

18 Чуковская Марина Николаевна (1905–1993) — переводчица, жена Н. К. Чуковского.

Казико Ольга Георгиевна (1900–1963) — артистка, педагог. В 1922 г. играла в Школе — студии при академическом театре драмы, в театре «Карусель», позднее — в театре «Вольная комедия» (Ленинград), в театрах Витебска, Смоленска. С 1927 г.

— в труппе БДТ.

1 Казико в 1927 г. в спектакле «Разлом» по пьесе Б. А. Лавренева сыграла роль Ксении (премьера — 7 ноября).

2 Н. Ф. Монахов был одним из основателей БДТ в 1919 г., в 1936–1937 гг. там ставил спектакли А. Д. Дикий.

3 «Трактирщицу» К. Гольдони поставил в БДТ во время пребывания театра в Кирове П. К. Вейсбрем (премьера — 13 января 1942 г.)

4 Пьеса, написанная Шварцем в 1942 г. в Кирове и посвященная жизни Ленинграда в период блокады.

Карнаухова Ирина Валерьяновна (1901–1959) — поэтесса, писательница — прозаик, драматург, фольклорист, мастер художественного слова — исполнительница народных сказок.

1 Литературная группа «Серапионовы братья» устраивала вечера, посвященные чтению и обсуждению своих произведений, спорам об искусстве.

2 Тихонов Николай Семенович (1896–1979) — писатель, общественный деятель.

3 См. «Московскую телефонную книжку. Габбе Тамара Григорьевна», с. 624.

4 См. «Слонимский Михаил Леонидович», с. 611.

5 Лунц Лев Натанович (1901–1924) — писатель, публицист.

6 Повесть К. А. Федина (1926).

7 Григорьев Николай Федорович (1896–1985) — писатель, редактор журнала «Костер» (1956–1957).

Кетлинская Вера Казимировна (1906–1976) — писательница. Автор воспоминаний о Шварце.

1 В 1931 г. Шварц был заведующим редакцией журнала «Еж».

2 Говорится о первом художественном произведении Кетлинской — повести «Натка Мичурина» (1928).

3 Кибрик Евгений Адольфович (1906–1978) — художник.

4 Повесть Р. Роллана (1914). Е. А. Кибрик иллюстрировал ее для издания в переводе М. Л. Лозинского (Л., 1935).

5 Никитин Федор Михайлович (1900–1988) — артист театра и кино.

6 Коковкин Борис Сергеевич (1911–1985) — артист.

7 См. «Рахманов Леонид Николаевич», с. 609.

8 См. «Орлов Владимир Николаевич», с. 605.

9 Голлербах Эрих Федорович (1895–1942) — литературовед, искусствовед.

10 Розанов Василий Васильевич (1856–1919) — религиозный философ, литературный критик и публицист.

11 Имеется в виду книга Э. Ф. Голлербаха «В. В. Розанов. Жизнь и творчество», последняя глава которой представляет собой воспоминания Голлербаха о Розанове, цитируются письма Розанова к Голлербаху (Пг., «Полярная звезда», 1922).

12 Зонин Александр Ильич (1901–1962) — писатель, критик.

13 Дементьев Александр Григорьевич (1904–1986) — критик, литературовед.

14 Кетлинская получила Государственную премию за роман «В осаде» в 1948 г.

15 26 июля 1955 г. в «Литературной газете» была напечатана статья Кетлинской «Человек и его дело».

16 В архиве Шварца сохранилось письмо Кетлинской от 17 мая 1942 г., в котором она пишет о жизни литературного Ленинграда, пишет дружески, тепло и с уважением. Приводим отрывки из ее письма, позволяющие живее ощутить обстановку Ленинграда 1942 г. и настрой самой Кетлинской:

Дорогой Евгений Львович, не думайте, что я так быстро забыла вашу светлую улыбку, освещавшую одичалые союзные пейзажи, или что я вас — чуть вы удалились — причислила к лицу тех эвакуантов, имена коих ни у меня, ни у вас не вызвали восхищения. Просто время было очень тяжелое и хлопотное, в союзе было некогда писать и холодно, а дома и холодно, и темно. Так что ответ на ваше письмо пришлось приурочить к весеннему теплу.

Рассказать о том, что пережили за последние 4–5 месяцев — не расскажешь. Вы, конечно, слышали многое. У нас было немало жертв. Я потеряла маму и тетю. Временами все это казалось каким-то приснившимся в недобрый час кошмаром, но дух живучее тела, а если тело привыкло подчиняться духу — все уже выносимо, даже невыносимое.

На днях я прочитала в газете, что лишения ленинградской осады были таковы, что перед ними бледнеют все когда-либо бывавшие осады от Трои до наших дней. И я искренно удивилась — неужели? Значит, уж не так страшно было самое страшное в истории! Потом стала перебирать в памяти все пережитое — вышло, что не так уж легко. Но сейчас стало тепло и сравнительно очень сытно, все повеселели, и мы начали проводить массовую работу под лозунгом: «Товарищ, опусти воротник!» Есть у нас такие люди, которые все еще ходят с поднятым воротником, грязные и голодные по инерции, оттого, что не заметили, как наступила перемена. [...] А все-таки в самые тяжелые дни ежедневно были литпередачи по радио, и люди писали стихи, рассказы, романы. Лучшее из стихов написано Берггольц и Верой Инбер, у Ольги поэма «Февральский дневник» очень хороша и может быть приложена к истории осады как документ о душевной жизни ленинградцев. В прозе пишут в Ленинграде многие, но законченных вещей еще нет. [...] С начала апреля мы начали проводить выездные заседания правления на фронте, в армиях, — моя информация о Ленинграде и работе писателей, а затем писатели — фронтовики рассказывают о себе и — главное — читают свои

вещи — очень интересно получалось. [...]

Недавно, греясь у буржуйки в моем кабинете, мы рисовали картины послевоенной жизни. И представили себе, как возвращаются Козаков, Слонимский и прочие и возмущаются, «что здесь без нас было? Водопровод лопнул, стекла выбиты, канализация не работает, что делала Кетлинская?!»

Вас я прошу меня извинить — не доглядела, снаряд попал прямо в вашу квартиру. Не знаю, чем загладить эту свою нераспорядительность. В союзе у нас позавчера вылетели все стекла, очень сильный был обстрел нашей улицы, один снарядик залепил в стенку дома во дворе флигеле. Мой кабинет сейчас открыт всем ветрам. [...]

На смену стационару, который откармливал по 20 писателей одновременно в течение 3 месяцев, мы открыли (в помещении горкома и «Звезды») комнату творчества и комнату творческих встреч, в последней два — три раза в неделю происходят литературные вечера — читки, обсуждения. Начали устраивать и военные лекции. В общем — весна.

И вы пожаловаться на меня не можете — не писала, не писала, а потом написала столько, что и не прочитать за один раз.

Как вы живете? Поправились ли Екатерина Ивановна? Не тянет ли вас снова к вашему пожарному ремеслу? Вспоминая осенние месяцы, я всегда чувствую себя в долгу перед вами за стояние на крыше — я-то ведь не стояла! Если бы вас не доконала эта крыша, вы бы, наверно, и сейчас ходили среди нас ясным солнышком.

Ну, теперь уж не так долго ждать, увидимся — наверное обрадуемся.

Сердечный привет вам обоим

Вера Кетлинская

По — женски не могу обойтись без приписки на полях — у нас возрождаются все журналы, в июне будут печататься и книги. Что у Вас есть, присылайте в редакцию любого журнала или прямо в союз, а мы пристроим, куда лучше. (РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 173, л. 1–4 об.)

Каверин Вениамин Александрович (1902–1989) — писатель.

1 Каверин окончил Институт восточных языков (1923) и историко — филологический факультет Ленинградского университета (1924).

2 Историко — литературная работа «Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения» была издана в 1929 г.

3 Лобачевский Николай Иванович (1792–1856) — математик, в 1827–1846 гг. — ректор Казанского университета.

4 Рассказ «Варшава» вошел в ранний сборник Слонимского «Шестой стрелковый» (1922).

5 Имеется в виду второй роман трилогии Слонимского «Друзья» (1951, 1954), последний роман трилогии «Ровесники века» вышел после смерти Шварца, в 1959 г.

6 Поэма «Дорога» написана Н. С. Тихоновым в сентябре — ноябре 1924 г., после поездки в Закавказье. Впервые опубликована в альманахе «Ковш» (Л., 1925, № 2).

7 Роман для юношества «Два капитана» (кн. 1–2) впервые был издан в 1938, 1944 гг.

Казмичев Михаил Матвеевич (1897–1960) — поэт, переводчик, составитель двухтомника Избранных драматических произведений Лопе де Вега (М., 1954), впервые перевел пьесу «Уехавший остался дома», включенную в это издание.

1 Очевидно, говорится о пьесе П. Кальдерона «С любовью не шутят», поставленной в Театре комедии в 1948 г.

2 Казмичева Татьяна Матвеевна — поэтесса, переводчица.

3 Казмичев Юрий Матвеевич (1907–1980) — художник.

4 В переводе М. М. Казмичева шли пьесы П. Кальдерона «С любовью не шутят» (1948, Театр комедии) и «Спрятанный кабальеро» (1955, Театр им. Ленсовета; 1956, Театр им. Вл. Маяковского).

Клыкова Лидия Васильевна (1903–1988) — сестра Е. В. Заболоцкой.

1 Заболоцкая Екатерина Васильевна (р. 1906) — жена Н. А. Заболоцкого.

- 2 Заболоцкий Никита Николаевич (р. 1932) — сын Н. А. и Е. В. Заболоцких.
- 3 Введенский Александр Иванович (1904–1941) — поэт. С 1928 г. выступал как детский писатель, сотрудничал в журналах «Еж» и «Чиж».
- 4 Немецкое училище при Лютеранской церкви св. Петра в Петербурге. Основано в 1710 г. После Октябрьской революции вошло в единую сеть учебных заведений (школа № 222). До 1928 г. в нескольких классах обучение велось на немецком языке.
- 5 Заболоцкая Наталья Николаевна (р. 1937) — дочь Н. А. и Е. В. Заболоцких.
- 6 Никритина Анна Борисовна (Нюша) (1900–1982) — артистка БДТ, жена А. Б. Мариенгофа.
- 7 Пантелеева Элико Семеновна (Симоновна) — жена писателя Л. Пантелеева.
- 8 Стихотворное переложение Заболоцкого «Слова о полку Игореве», изд. 1946 г.
- 9 Собр. соч. Важа Пшавела, т. 1–2, изд. М., 1958, подавляющее большинство переводов стихотворений и поэм принадлежит Н. А. Заболоцкому.
- 10 Рокотов Федор Степанович (1735? — 1808) — художник-портретист.
- 11 Поэма Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в переводе Н. А. Заболоцкого (М., 1937). Неоднократно переиздавалась.
- Колесов Лев Константинович (1910–1974) — артист. С 1933 по 1935 г. — в труппе Ленинградского ТЮЗа, с 1935 по 1940 г. — Нового ТЮЗа, с 1940 г. до конца жизни — Театра комедии. Исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца.
- 1 После возвращения из эвакуации Ленинградский театр комедии гастролировал в Москве с июня 1944 до ноября 1945 г.
- 2 Говорится о пьесе К. М. Симонова «Так и будет», написанной в 1944 г., в этом же году пьеса была поставлена в Московском театре им. Ленинского комсомола (премьера — 27 декабря).
- 3 Шварц имеет в виду высказывание Николая Осиповича Волконского (1890–1948) — артиста, режиссера, работавшего с 1919 по 1931 г. в Малом театре.
- 4 См. «Грекова Наталия Ивановна», комм. 14.
- 5 Емельянов Сергей Николаевич (1898–1942) — артист ЛенТЮЗа, затем Нового ТЮЗа, погиб на фронте.
- 6 См. «Юнгер Елена Владимировна», с. 622.
- 7 Волкова Татьяна Сергеевна (1907–1978) — артистка ЛенТЮЗа, Нового ТЮЗа, с 1945 по 1963 г. — в труппе Театра им. В. Ф. Комиссаржевской.
- 8 См. «Зон Борис Вульфович», комм. 6.
- 9 Русецкая Галина Францевна (р. 1918) — артистка Театра комедии с 1942 по 1956 г.
- 1 °См. «Сезеневские Тамара Вячеславовна и Нина Вячеславовна», с. 614, 615.
- 11 Люлько Людмила Александровна (1923–1967) — артистка. С 1945 г. до конца жизни — в труппе Театра комедии, исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца.
- 12 Савостьянов Алексей Владимирович (1909–1993) — артист. С 1936 по 1991 г. — в труппе Театра комедии, исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца.
- 13 См. «Ягдфельд Григорий Борисович», с. 623.
- 14 Хазин Александр Абрамович (1912–1976) — поэт, драматург.
- 15 Хазин Михаил Александрович (р. 1950) — впоследствии переводчик.
- Кукс Миней Ильич (1902–1978) — художник.
- 1 Гринберг Владимир Ариевич (1896–1942) — художник.
- Катерли Елена Иосифовна (1902–1958) — писательница.
- 1 См. «Чивилихин Анатолий Тимофеевич», с. 619.
- 2 См. «Прокофьев Александр Андреевич», с. 606.
- Кадочников Павел Петрович (1915–1988) — артист театра и кино. С 1935 по 1944 г. — в труппе Нового ТЮЗа, исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца.
- 1 Кадочников играл роль Деда Тараса в спектакле по пьесе Шварца «Брат и сестра», поставленном Б. В. Зоном в Новом ТЮЗе.

2 Фильм «Антон Иванович сердится» вышел на экраны в 1941 г. Режиссер — А. В. Ивановский. Кадочников исполнил роль композитора Мухина.

3 Кадочников снимался в следующих фильмах: «Иван Грозный» (1 и 2 серии, 1945, 1948), «Подвиг разведчика» (1947), «Повесть о настоящем человеке» (1948), «Заговор обреченных» (1950), «Большая семья» (1954) и мн. др.

4 Имеется в виду фильм «Укротительница тигров» (1955), где снялись Леонид Федорович Быков (1928–1979) в роли Пети Мокина и Кадочников в роли мотогонщика Ермолаева.

Королев Михаил Михайлович (1913–1983) — режиссер кукольного театра. С 1946 г. — режиссер, с 1948 г. — главный режиссер Ленинградского Большого театра кукол.

1 Шапиро Савелий Наумович (1906–1948) — режиссер, с 1932 г. — директор, с 1947 г. — художественный руководитель Ленинградского театра кукол, театральный рецензент. Ставил кукольные спектакли по пьесам Шварца.

2 Спектакль «Аленький цветочек» по инсценировке Л. Т. Браусевича и И. В. Карнауховой был поставлен в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола. Премьера состоялась 30 декабря 1951 г. Роль Кикиморы (Бабы Яги) исполнял Е. А. Лебедев.

Капица Петр Иосифович (р. 1909) — писатель.

Кобзаревский Павел Семенович (наст. имя и фам. Фаввий Залманович Гордон) (1909–1970) — писатель, переводчик.

Канторович Анатолий Всеволодович — писатель.

1 Шварц ошибся: под псевдонимом Евг. Танк писал Канторович Евгений Тимофеевич (1899–1973).

Кальма — см. «Московскую телефонную книжку. Кальма Анна Иосифовна», с. 626.

Крыжановские Олег Леонидович (р. 1918) — энтомолог, муж Наталии Евгеньевны Шварц; Нина Владимировна (1895–1979) — ее свекровь.

Кратт Иван Федорович (1899–1950) — писатель.

Лепорская Анна Александровна (1900–1982) — художник-прикладник.

1 Малевич Казимир Северинович (1878–1935) — художник, основоположник супрематизма, одной из разновидностей абстрактного искусства.

2 Шагал Марк (1887–1985) — французский художник, родился в России.

3 Рождественский Константин Иванович (р. 1906) — художник декоративного искусства, оформитель советских павильонов на Всемирных выставках в Париже (1937), Брюсселе (1958).

4 См. «Альтус Ефим Григорьевич», комм. 5.

5 Татлин Владимир Евграфович (1885–1953) — художник.

6 Суетин Николай Михайлович (1897–1954) — художник.

7 Фальк Роберт Рафаилович (1886–1958) — художник.

8 Чашник Илья Григорьевич (1902–1929) — художник, ученик К. С. Малевича.

9 Фрейд Зигмунд (1856–1939) — австрийский врач — психиатр и психолог, основатель психоанализа.

Названия известных изделий, выпускавшихся фарфоровыми заводами немецкого города Мейсена, а также русскими заводами, принадлежавшими Попову и Гарднеру.

10 Всемирная выставка в Париже открылась 24 мая 1937 г. Сообщения об открытии на выставке павильона СССР см. «Известия ЦИК», 1937 г., 26 и 27 мая.

11 Лозинский Михаил Леонидович (1886–1955) — писатель, переводчик.

12 Международная выставка открылась в Нью — Йорке 30 апреля 1939 г.

13 См. «Альтус Ефим Григорьевич», комм. 2.

14 См. «Шварц Антон Исаакович», с. 619.

15 Неменов Михаил Исаевич (1880–1950) — врач — онколог, рентгенолог. Его бронзовый бюст работы С. Д. Лебедевой отлит в 1952 г.

16 Лебедева Сарра Дмитриевна (1892–1967) — скульптор.

17 Коненков Сергей Тимофеевич (1874–1971) — скульптор.

Любашевский (литературный псевдоним Д. Дэль) Леонид Соломонович (1892–1975) — артист, драматург. С 1925 по 1935 г. — в труппе ЛенТЮЗа, с 1936 по 1945 г. — Нового ТЮЗа, исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

Литфонд — Литературный фонд СССР — организация при Союзе писателей СССР, осуществлявшая всестороннюю материально — бытовую помощь писателям. Создан в 1934 г. В ведении Литфонда находились дома творчества, книжные лавки, поликлиники и т. д.

Лифшиц Владимир Александрович (1913–1978) — поэт, прозаик, драматург, автор текста песен к фильму «Марья-искусница» по сценарию Шварца.

1 Кичанова — Лифшиц Ирина Николаевна (р. 1918) — театральная художник, соавтор Лифшица по некоторым детским пьесам.

2 Пьеса «Студенты» была поставлена Г. А. Товстоноговым в Театре им. Ленинского комсомола (Ленинград, 1950).

«Ленфильм» — одна из крупнейших советских киностудий. Создана в Петрограде в 1918 г. Последнее наименование — кинофабрика «Ленфильм» — получила в 1935 г. В 1936 г. все кинофабрики были переименованы в киностудии.

1 Лебедев Николай Иванович (1897–1989) — кинорежиссер. С 1929 г. — режиссер — постановщик на студии «Ленфильм», работал над фильмами для детей. Фильм «Настоящие охотники» поставлен в 1930 г.

Лавка писателей

1 Ойслендер Мария Львовна.

2 Морозов Александр Антонович (р. 1906) — литературовед, критик, писатель. Был награжден Государственной премией за книгу «Михаил Васильевич Ломоносов» (М., 1950).

3 Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) — писатель, после 1920 г. эмигрировал.

Ладыженская Ольга Александровна (р. 1922) — математик.

1 См. «Смирнов Владимир Иванович», с. 615.

2 См. «Фаддеевы Дмитрий Константинович и Вера Николаевна», с. 618.

3 Ковалевская Софья Васильевна (1850–1891) — математик, первая женщина член — корреспондент Петербургской Академии наук (1889).

Любарская Александра Иосифовна (р. 1908) — писательница, фольклористка. В 1937 г. незаконно репрессирована, впоследствии освобождена.

Лебедев Владимир Васильевич (1891–1967) — художник-график, один из создателей искусства советской иллюстрации к детской книге.

Легошин Владимир Григорьевич (1904–1954) — кинорежиссер, в 1920–х гг. — актер, режиссер и художник коллектива «Синяя блуза».

1 Зильбер (псевдоним Ручьев) Александр Александрович

— пианист, аккомпаниатор в коллективе «Синяя блуза». Брат Л. А. Зильбера и В. А. Каверина. Первый муж Е. И. Шварц.

2 Фильм «Белеет парус одинокий» по одноименной повести В. П. Катаева поставлен Легошиным в 1937 г.

3 Борозина Алла Владимировна — жена Легошина.

4 Шварц имеет в виду строки из повести И. С. Тургенева «Переписка»: «Начинаю, по обещанию, говорить о самом себе и буду говорить с удовольствием, доходящим до аппетита... Именно так. Обо всем на свете можно говорить с жаром, с восторгом, с увлечением, но с аппетитом говоришь только о самом себе» (*Тургенев И. С. ПСС*. Т. 6, 1963, с. 167).

5 Франко — итальянский фильм, поставленный Р. Клеманом в 1949 г.

6 См. «Московскую телефонную книжку. Роу Александр Артурович», с. 629.

Макарьев Леонид Федорович (1892–1975) — артист, режиссер, педагог, драматург,

искусствовед. В 1921 г. участвовал в организации ЛенТЮЗа, позже — заместитель художественного руководителя по репертуару в этом же театре. Автор воспоминаний о Шварце.

1 Петров — Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939) — художник.

2 Завадский Юрий Александрович (1894–1977) — режиссер, артист, педагог, художник, театральный деятель. В 1915—

1923 гг. — в труппе Студии, затем Театра Е. Б. Вахтангова. В

1924 г. перешел в МХАТ и организовал свою студию.

3 См. «Зон Борис Вульфович», комм. 4.

Меттер Израиль Моисеевич (р. 1909) — писатель.

1 Успенский Лев Васильевич (1900–1978) — писатель.

Монэ — портниха.

1 Дочь владельца бакалейного магазина в Майкопе.

Федоров Иван Иванович — монтер по установке телефонов.

1 Халайджиев Федор Николаевич (ум. 1925) — брат Г. Н. Холодовой. 3 октября 1925 г. кончил жизнь самоубийством.

2 Халайджиева (рожд. Хачатурова) Искуги Романовна (1870–1958) — теща Шварца, племянница М. Налбандяна — известного армянского просветителя, друга А. И. Герцена.

3 Крыжановская Мария Олеговна (р. 1954) — внучка Шварца.

4 Шварц Александр Борисович (ум. 1938) — адвокат, артист — любитель, антрепренер.

5 См. «Шварц Валентин Львович», с. 621.

6 См. «Зон Борис Вульфович», комм. 8.

7 См. «Кошверова Надежда Николаевна», комм. 5.

8 См. «Зон Борис Вульфович», комм. 8.

9 См. то же.

10 Шварц имеет в виду фильмы, поставленные по сценариям, написанным им совместно с Н. М. Олейниковым, «Леночка и виноград» (1936), режиссер А. В. Кудрявцева, и «На отдыхе» (1936), режиссер Э. Ю. Иогансон.

11 См. «Жеймо Янина Болеславовна», комм. 8.

12 9 декабря 1941 г. состоялось решение Исполкома Ленсовета об эвакуации Шварца, Е. Л. и Е. И. Шварц 10 декабря выехали из дома на аэродром, 11 декабря вылетели из Ленинграда.

13 В мае 1947 г. вышел на экраны фильм «Золушка» по сценарию Шварца. Постановка Н. Н. Кошверовой и М. Г. Шапиро, художник — Н. П. Акимов. Художественный совет Министерства кинематографии принял фильм на «отлично».

14 3 апреля 1947 г. состоялась премьера спектакля «Тень» в Камерном театре (Kammerspiele) — филиале Немецкого театра им. М. Рейнхардта. Режиссер — Г. Грюндгенс.

15 См. «Альтман Натан Исаевич», комм. 3.

Марьенков Михаил Макарович (1906–1975) — писатель.

1 Невская Дубровка — пристанционный поселок Всеволожского района Ленинградской области на правом берегу Нёвы. После того как немецкие войска сомкнули кольцо блокады Ленинграда, наши войска переправились через Неву в районе Невской Дубровки и создали на левом берегу реки, под Московской Дубровкой, плацдарм протяженностью по фронту до 4 км и глубиной до 800 м. Этот плацдарм получил название «Невский пятачок». В ожесточенных кровопролитных боях советские войска удерживали плацдарм до прорыва блокады Ленинграда. Невская Дубровка стала символом мужества, стойкости и героизма воинов Ленинградского фронта.

Мариенгоф Анатолий Борисович (1897–1962) — поэт, драматург.

1 См. «Клыкова Лидия Васильевна», комм. 6.

Мессер Раиса Давыдовна (1905–1984) — критик, литературовед, главный консультант киностудии «Ленфильм» в 1930–е гг.

Московский вокзал. Здание Николаевского вокзала с высокой часовой башней было

построено в 1845–1851 гг. по проекту архитектора К. Тона.

1 Крачковская Людмила Поликарповна (Милочка) (1897–1986) — первая юношеская любовь Шварца, впоследствии известный селекционер, училась в Петрограде.

2 Соколов Юрий Васильевич (1895—?) — соученик Шварца по реальному училищу в г. Майкопе, близкий его друг; художник, учился в Петрограде, в годы революции пропал без вести.

3 Зайченко Мария Георгиевна (1893—?) — дочь владельца мельницы в Майкопе, училась в Москве на Высших женских курсах В. И. Герье.

4 Соколов Сергей Васильевич (1894—?) — брат Ю. В. Соколова, учился в артиллерийском училище в Петрограде.

5 Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) — поэт, драматург, историк и теоретик искусства.

6 Рудник Лёв Сергеевич (1906–1987) — режиссер. В 1940–1944 гг. — директор и художественный руководитель БДТ, позднее — Центральной студии киноактера, с 1961 г. — Московского театра киноактера.

7 Бергер Яков Григорьевич (р. 1904) — театральный администратор.

8 Карская Таисия Яковлевна (1901–1982) — театровед, работник Управления по делам искусств, позднее — секретарь Правления Ленинградского отделения союза Рабис.

9 См. «Дрейден Симон Давыдович», комм. 15.

Мария Васильевна Бабаева — сотрудник Управления по охране авторских прав (Ленинград).

1 В 1923 г. Всероссийское общество драматических писателей и композиторов было реорганизовано в Московское общество драматических писателей и композиторов (МОДПиК) и Ленинградское общество драматических и музыкальных писателей. Это, последнее, общество и имеет в виду Шварц.

2 Семенов Андрей Семенович — юрист, сотрудник Управления по охране авторских прав (Ленинград).

3 Книжка не была написана.

Метальников (псевдоним Грибовский) Владимир Дмитриевич (1901–1968) — драматург, рецензент, зав. литчастью Ленинградского театра комедии с 1939 по 1941 г., затем Большого драматического театра.

1 Щепкина — Куперник Татьяна Львовна (1874–1952) — писательница, переводчик.

2 Морозовы — капиталисты, владельцы текстильных предприятий. Один из них — Савва Тимофеевич (1862–1905) — друг М. Горького, меценат Художественного театра.

3 Алексеев Владимир Сергеевич (1861–1939) — режиссер. Брат К. С. Станиславского. В 1918–1939 гг. — режиссер и педагог Оперной студии, затем Оперного театра им. К. С. Станиславского, постановщик ряда оперных спектаклей.

4 Бернар Сара (1844–1923) — французская актриса.

5 Очевидно, имеется в виду пьеса «Никита Кожемяка и Змей Горыныч», написанная в соавторстве с Е. Тудоровской (1950).

6 Возможно, речь идет о пьесе «Птичье молоко» (1951). Отрицательный отзыв дал политредактор Главреперткома 23 июня 1951 г. Пьеса была запрещена.

Мария Владимировна Ивановская (1906–1977) — врач.

1 Ивановский Игнатий Михайлович (р. 1932) — писатель, переводчик.

2 См. «Юстус Антонина Венедиктовна», с. 622.

Наппельбаум Ида Моисеевна (1900–1992) — поэтесса, одна из основательниц поэтической студии «Звучащая раковина».

1 Имеется в виду Театральная мастерская, с труппой которой Шварц приехал из Ростова — на — Дону в Петроград 5 октября 1921 г.

2 Наппельбаум Моисей Соломонович (1869–1958) — фотограф — художник.

3 Наппельбаум Фредерика Моисеевна (1902–1958) — поэтесса, одна из основательниц поэтической студии «Звучащая раковина», фотограф.

4 Наппельбаум (в замужестве Грудцова) Ольга Моисеевна (1905–1982) — литературный критик.

5 Доливо — Добровольский Александр Иванович — писатель, член культурно — просветительной коллегии профсоюза деятелей художественной литературы.

6 Фроман (наст. фам. Фракман) Михаил Александрович (1891–1940) — поэт, писатель, переводчик.

1 См. «Легошин Владимир Григорьевич», комм. 4.

8 Мемуары М. С. Наппельбаума «От ремесла к искусству» (литературная обработка О. М. Грудцовой) были изданы в 1958 г.

Надеждина Надежда Степановна (1906–1973) — драматург, переводчик.

1 Серебровская Елена Павловна (р. 1915) — поэтесса, прозаик, литературовед, редактор «Ленинградского альманаха» (начало 1950–х гг.).

Рашевская Наталия Сергеевна (1893–1962) — артистка, режиссер. В 1914–1917 гг. и с 1921 г. до конца жизни — в труппе Ленинградского театра драмы им. А. С. Пушкина. В 1946–1950 гг. (параллельно с работой в Театре им. А. С. Пушкина) — художественный руководитель БДТ.

1 Шварц имеет в виду воспоминания И. А. Бунина «О Чехове», изданные в Нью — Йорке в 1955 г. См. также: *Бунин И. А.* Собр. соч. в 9-ти т. Т. 9. М., 1967, с. 222.

2 Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954) — дипломат, генерал — лейтенант Советской Армии, писатель, автор воспоминаний «Пятьдесят лет в строю».

Орлов Владимир Николаевич (1908–1985) — литературовед.

1 См. «Клыкова Лидия Васильевна», комм. 7.

«Образцовский театр». Центральный театр кукол под руководством С. В. Образцова был организован в Москве в 1931 г. при Центральном Доме художественного воспитания детей. В 1946 г. открылся Ленинградский филиал этого театра, работавший до 1949 г.

Отт (справочное). Говорится об Акушерско — гинекологическом институте, одним из основателей и почетным пожизненным директором которого был профессор Дмитрий Оскарович Отт.

Олейникова Лариса Александровна (р. 1907) — жена Н. М. Олейникова.

1 Олейников Александр Николаевич (р. 1936) — сын Л. А. и Н. М. Олейниковых, геолог.

Острбв (наст. фам. Остросаблин) Дмитрий Константинович

(1906–1971) — писатель. В конце 1930–х гг. незаконно репрессирован, вскоре освобожден.

1 Гитович (Левина — Гитович) Сильва Соломоновна (1913—1974) — жена А. И. Гитовича.

2 См. «Карнаухова Ирина Валерьяновна», комм. 7.

3 В 1950–х гг. в журнале «Звезда» были напечатаны рассказы Острова «Письмо машинисту» (1951, № 12) и «Соринка в глазу» (1955, № 9).

Письменский Андрей Аверьянович — директор Института усовершенствования учителей.

1 Дундич Тома (называл себя Иван, в литературе — Олеко; 1896 или 1897–1920) — герой гражданской войны, по национальности — хорват. С 1919 г. в кавалерийской дивизии и корпусе С. М. Буденного и 1-й Конной армии. Погиб в бою.

Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971) — поэт. В 1945–1948 и 1955–1965 гг. — ответственный секретарь Ленинградского отделения Союза писателей СССР.

1 Манассеин Вячеслав Авксентьевич (1841–1901) — врач-терапевт и общественный деятель.

2 См. «Раковский Леонтий Иосифович», с. 610.

3 Комиссарова Мария Ивановна (1904–1988) — поэтесса, переводчица с украинского и белорусского языков, автор поэмы «Лиза Чайкина». Жена Н. Л. Брауна.

4 Волошина (рожд. Заболоцкая) Мария Степановна (1887–1976) — хранительница

Дома — музея Максимилиана Александровича Волошина (1878–1932) — поэта, переводчика, художника — акварелиста.

5 Габрический Александр Георгиевич (1891–1968) — искусствовед, литературовед, профессор Московского университета. Жена его — рожд. Северцева Наталия Алексеевна.

Проходцов Иван Иванович — двоюродный брат Шварца.

1 Шелков Гавриил Федорович — юрист по образованию, акцизный чиновник в городе Жиздре. Дядя Шварца.

2 Шелков Николай Федорович — акцизный чиновник в городе Белеве, скульптор — любитель. Дядя Шварца.

3 Шелкова (в замужестве Проходцова) Александра Федоровна — тетка Шварца.

4 Шелков Федор Федорович — мировой судья, артист-любитель, играл в кружке барона Дризена в Рязани. Дядя Шварца.

5 Дризен (барон Остен — Дризен) Николай Васильевич (1868–1935) — театральная деятельность, историк театра, один из основателей Старинного театра в Петербурге.

6 Садовская (рожд. Лазарева) Ольга Осиповна (1849–1919) — артистка Малого театра с 1879 г. до конца жизни.

7 Серафим Саровский (1760–1833) — монах Саровской пустыни.

8 См. «Альтус Ефим Григорьевич», комм. 1.

Панова Вера Федоровна (1905–1973) — писательница.

1 Дар (Рывкин — Дар) Давид Яковлевич (1910–1980) — писатель.

2 Повесть «Сережа» написана в 1955 г.

3 Панова написала пьесу «Старая Москва» в 1940 г. В этом же году пьеса была премирована на Всероссийском конкурсе, опубликована в 1956 г. под названием «В старой Москве». В этом же году поставлена в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола (премьера — 16 декабря).

4 Из г. Пушкина под Ленинградом, где застало Панову начало войны, она и ее дочь — школьница с трудом добрались до села Шишаки на Полтавщине, где до войны жили два сына и мать Пановой. Там они прожили вместе до конца 1943 г. После освобождения Украины переехали в г. Молотов.

5 Повесть «Спутники» написана в 1946 г. Удостоена Государственной премии СССР в 1947 г.

«Подписные издания».

1 Никитина (рожд. Розенер) Ренэ Ароновна (1897—1975) — вторая жена писателя Н. Н. Никитина.

Пантелеев Л. (наст. имя и фам. Алексей Иванович Еремеев) (1908–1987) — писатель, автор воспоминаний о Шварце.

«Поликлиника».

1 См. «Мария Владимировна Ивановская», с. 604.

«Радио». Шварц начал работать на Ленинградском радио в 1926 г. С первых дней войны до 10 декабря 1941 г. прикреплен к Радиоцентру Ленинграда решением Ленгоркома ВКП(б) (ЛГАЛИ, ф. 333, оп. 1, д. 410, л. 192; РГАЛИ, ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 22, л. 2, 4 об.).

1 Гурвич Иосиф Наумович (1895—?) — директор Ленинградского радиоцентра, ранее — художник, затем один из основателей Красного театра.

2 Туберовский Михаил Дмитриевич (1899–1977) — писатель.

3 Ленинградская пионерская газета.

4 Бабушкин Яков Зиновьевич (ум. 1942) — редактор Ленинградского радио, художественный руководитель Радиокомитета во время блокады.

5 Шварц участвовал в передачах, называвшихся Радиохроникой. В выпуски Радиохроники входили статьи, рассказы, песни, фельетоны, стихи. Их читали по радио сами авторы. В книге о работе Ленинградского радио блокадной поры говорится: «Самыми интересными, значительными сатирическими произведениями Ленинградского радио лета и осени 1941 г. стали сказки и сценки Евгения Шварца. Каждый приход на радио этого

большого художника становился событием не только потому, что в очередном номере Радиохроники появлялись его новые вещи. Вокруг Е. Шварца всегда была обстановка творчества, доброжелательства. Включение в Радиохронику таких сказок драматурга, как «Сон министра», «Дипломатическая конференция», «Союзники», заставляло требовательней отнестись и к другим материалам хроники. Хлестко и остроумно были написаны Е. Шварцем «Похождения фашистского черта» (Рубашкин А. Голос Ленинграда. Л., 1975, с. 20–21).

6 Макогоненко Георгий Пантелеймонович (1912–1985) — критик, литературовед. В 1956 г. — начальник сценарного отдела киностудии «Ленфильм».

7 См. «Берггольц Ольга Федоровна», с. 562.

8 См. комм. 6 к настоящей записи.

Рахманов Леонид Николаевич (1908–1988) — писатель, друг Шварца, автор воспоминаний о нем.

1 Петерсон Татьяна Леонтьевна (р. 1908) — жена Л. Н. Рахманова.

2 Название города, повторяющееся в ряде рассказов А. Грина и в романе «Бегущая по волнам».

3 В 1977 г. Рахманов написал большую автобиографическую повесть. Некоторые главы ее были опубликованы («Нева», 1977, № 7). Отдельным изданием книга вышла в 1978 г. под названием «Люди — народ интересный».

Реет Б. (наст. имя и фам. Юлий Исаакович Рест — Шаро)

(1907–1984) — писатель, корреспондент «Литературной газеты» в Ленинграде в течение двадцати лет. В 1950–е гг. — зав. литчастью Театра комедии.

1 Реет написал текст капустника, или устного альманаха «Давайте не будем».

2 Говорится о пьесе Реста по комедии Абдуллы Каххара «Шелковое сюзанне» (первый авторский вариант назывался «На новой земле»). Шла на сцене Ленинградского театра им. Ленинского комсомола в 1952 г.

Рысс Симон Михайлович (1896–1968) — врач — терапевт, профессор.

1 Возможно, что имеется в виду Цезарь Георгиевич Рысс (р. 1898) — студент Высшего литературно — художественного института им. В. Я. Брюсова, работавший в Госиздате, часто бывавший в командировках в Петрограде.

2 Березарк (наст. фам. Рысс) Илья Борисович (Лёся) (1897–1981) — критик, театровед.

3 Рысс Вера Ивановна (1894–1975) — врач — терапевт, жеин

С. М. Рысса.

4 См. «Григорьева (рожд. Соловьева) Наталия Василм'и на», комм. 3.

Рождественский Всеволод Александрович (1895–1977) поэт, переводчик

Райкин Аркадий Исаакович (1911–1987) — артист эстрады, с 1939 г. — артист и художественный руководитель Ленинградского театра эстрады и миниатюр.

1 В 1951–1952 гг. Шварц работал над текстом обзора К. А. Гузынина (фактически переписывал его заново) для Ленинградского театра эстрады и миниатюр «Под крышами Парижа». Премьера состоялась 29 января 1952 г.

2 Шереметьева Екатерина Павловна — заведующая детским отделом Ленконцерта — была ассистенткой режиссера В. Н. Соловьева — учителя Райкина по Ленинградскому институту сценических искусств с 1930 по 1935 г. и режиссера Ленинградского театра рабочей молодежи, где начинал свою артистическую деятельность Райкин.

3 Глава, посвященная московской журналистике и В. М. Дорошевичу из «Литературных воспоминаний» А. Р. Кугеля (М. — Пг., 1924).

4 Смирнов — Сокольский Николай Павлович (1898–1962) — артист эстрады. Создатель жанра устного сатирико — публицистического эстрадного фельетона.

5 См. «Варченко Нина Платоновна», комм. 1.

Раковский Леонтий Иосифович (Осипович) (1895–1979) — писатель. Автор воспоминаний о Шварце.

Рывина Елена Израилевна (1910–1985) — поэтесса.

Рабинович Константин Николаевич (1882—?) — врач-хирург, профессор.

Рабинович Николай Семенович (1908–1972) — дирижер, педагог. В 1950–1957 гг. — главный дирижер Большого симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета.

1 См. «Зандерлинг Курт (Курт Игнатьевич)», с. 587.

Рысс Самуил Борисович — отец писателя Евгения Самойловича Рысса (см. «Московскую телефонную книжку», с. 629).

Разумовский Александр Владимирович (1907–1980) — драматург.

1 Бахтерев Игорь Владимирович (1882–1980) — драматург.

2 «Обэриуты» — члены литературно — театральной группы «Обэриу» (Объединение реального искусства), существовавшей в Ленинграде в 1927 — начале 1930-х гг. Обэриуты провозгласили себя «творцами не только нового поэтического языка, но и создателями нового ощущения жизни и ее предметов». «Достоянием искусства», по их словам, становится «конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи», и в поэзии «с точностью механики» его передает «столкновение словесных смыслов» (манифест обэриутов в «Афишах Дома печати», 1928, № 2). Их творчеству свойственны алогизм, абсурд, гротеск, которые не были чисто формальными приемами, а выражали некоторую конфликтность мироуклада обэриутов. В группу входили А. И. Введенский, Н. А. Заболоцкий, Д. И. Хармс и др.

3 Статья Разумовского «Драматург и театр» была напечатана в «Ленинградской правде», 1954, 8 декабря.

Сукова Татьяна Викторовна (1899–1968) — артистка, режиссер. С 1937 по 1959 г. — в труппе Театра комедии. Исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

1 Сукова Надежда Всеволодовна (1862—?) — врач — гинеколог. С 1898 по 1928 г. работала врачом в Дирекции бывш. императорских театров.

2 Линтварева Елена Михайловна (1859–1922) — врач, близкая знакомая семьи Чеховых.

3 Линтваревы — владельцы имения Лука близ г. Сумы Харьковской губ., где Чеховы жили на даче.

4 Суворины — семья журналиста, драматурга, издателя газеты «Новое время», организатора драматического театра в Петербурге Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912).

Слонимский Михаил Леонидович (1897–1972) — писатель. Друг Шварца, автор воспоминаний о нем.

1 «Серапионовы братья» (по названию кружка друзей в одноименном романе Э. — Т. — А. Гофмана) — литературная группа, основанная 1 февраля 1921 г. в Петрограде при Доме искусств. В нее входили И. А. Груздев, М. М. Зощенко, Вс. В. Иванов, В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, Н. Н. Никитин, Е. Г. Полонская, М. Л. Слонимский, Н. С. Тихонов, К. А. Федин. Они регулярно собирались для чтения и обсуждения своих произведений. На их собраниях часто бывал Шварц.

2 Замятин Евгений Иванович (1884–1937) — писатель.

3 Волынский Аким (наст. имя и фам. Аким Львович Флексер) (1863–1926) — литературный критик, искусствовед.

4 Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) — писательница.

5 Книга Ольги Дмитриевны Форш (1873–1961) «Сумасшедший корабль» вышла в Издательстве писателей в Ленинграде в 1931 г.

6 Летом — осенью 1923 г. Шварц работал секретарем редакции журнала «Забой», выходившего в Бахмуте (позднее Артемовске).

7 Валь Валериан Владимирович — журналист, в 1923 г. редактор журнала «Забой» и газеты «Всероссийская кочегарка».

8 Жданов Владимир Анатольевич (1869—?) — присяжный поверенный, защитник по политическим делам.

9 Зеленая Рина Васильевна (1902–1991) — артистка эстрадах, снималась в кино.

- 10 Пыжова Ольга Ивановна (1894–1972) — артистка, педагог, режиссер.
- 11 Слонимская (рожд. Венгерова) Фаина Афанасьевна (1857–1944) — мать М. Л. Слонимского.
- 12 Слонимский Александр Леонидович (1881–1964) — литературовед, писатель.
- 13 Слонимский Николай Леонидович (1894–1996) — музыковед, композитор, пианист, дирижер.
- 14 Сазонова (рожд. Слонимская) Юлия Леонидовна (1884–1957) — литературовед, театральный критик, журналистка, в молодости — актриса.
- 15 Слонимский Владимир Леонидович (1895–1915).
- 16 Пяст (наст. фам. Пестовский) Владимир Алексеевич (1886–1940) — поэт, переводчик.
- 17 Стриндберг Юхан — Август (1849–1912) — шведский писатель.
- 18 Павлович Надежда Александровна (1895–1980) — поэтесса, переводчица.
- 19 Нельдихен Сергей Евгеньевич (1891–1942) — поэт, критик.
- 20 Роден Огюст (1840–1917) — французский скульптор
- 21 Сологуб (наст. фам. Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927) — писатель.
- 22 Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) поэт, литературный критик.
- 23 Берберова Нина Николаевна (1901–1993) — писательница, поэтесса, литературный критик. Эмигрировала в 1922 г.
- 24 Слонимский Зиновий (Хаим Зелиг) Яковлевич (1810—?) — еврейский ученый, публицист, общественный деятель.
- 25 Слонимский Леонид — Людвиг Зиновьевич (1850–1918) — публицист, с 1882 г. — постоянный сотрудник и член редакции журнала «Вестник Европы».
- 26 Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — и торик литературы, библиограф.
- 27 Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867–1941) — литературный критик, историк литературы, переводчица.
- 28 Фельетоны Шварца (псевдоним — Щур) «Полеты по Донбассу. (Наш раешник)» печатались в газете «Всероссийская кочегарка» по воскресеньям — 16 сентября, 18 ноября и 9 декабря 1923 г.
- 29 Весной 1924 г. Шварц отдал С. Я. Маршаку для издания первую большую рукопись в стихах «Рассказ старой балалайки». Вначале «Рассказ старой балалайки» был напечатан в журнале «Воробей» (1924, № 7), а в 1925 г. издан Госиздатом отдельной книжкой.
- 30 Груздев Илья Александрович (1892–1960) — критик, литературовед.
- 31 Тардов Михаил Семенович (1892–1948) — русский и украинский писатель, секретарь редакции, позднее — редактор газеты «Всероссийская кочегарка».
- 32 Слонимская (рожд. Каплан) Ида Исааковна (Дуся) жена М. Л. Слонимского.
- 33 Со второй половины 1924 г. по октябрь 1925 г. Шиарц работал секретарем редакции журнала «Ленинград».
- 34 Андреев Василий Михайлович (1896–1941) — пиштоЛЬ
- 35 Полонская Елизавета Григорьевна (1890—11МШ) поэтесса, переводчица.
- Оксенов Иннокентий Александрович (1897 IU45I) поэт, критик, переводчик
- См. «Гаккель Евгений Густавович», комм. 17.
- 36 Журнал «Воробей» выходил с 1923 по июль 1924 г., с августа 1924 г. стал выходить под названием «Новый Робинзон».
- 37 Пахомов Алексей Федорович (1900–1973) — художник, автор иллюстраций к произведениям Шварца.
- 38 Бармин Александр Гаврилович (1900–1952) — детский писатель.
- 39 С 1925 по 1928 г. Шварц работал редактором детского отдела Госиздата и издательства «Радуга».
- 40 Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — политический деятель, историк, публицист. Один из организаторов партии кадетов. В 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал.

41 Слонимский Сергей Михайлович (р. 1932) — композитор, пианист, музыковед.

42 Герман (рожд. Риттенберг) Татьяна Александровна (1904–1995) — жена Ю. П. Германа.

43 Театр комедии приехал из Сталинабада в Москву 17 мая 1944 г.

44 Роман Слонимского «Инженеры» вышел в 1950 г.

45 Имеется в виду однотомник Слонимского «Инженеры. Лавровы». М., 1953.

Союз писателей СССР. Создан в 1934 г. после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно — художественных организаций». Первоначально назывался Союз советских писателей. Шварц вступил в ССП 1 июля 1934 г.

1 Российская ассоциация пролетарских писателей создана на I Всесоюзном съезде пролетарских писателей, проходившем с 30 апреля по 8 мая 1928 г. В 1932 г. на основании вышеупомянутого постановления ЦК ВКП(б) РАПП была распущена.

Сезеневские: Тамара Вячеславовна (1915–1987) — артистка Театра комедии с 1939 г. до конца жизни, исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца и в фильме «Золушка»;

Нина Вячеславовна (1911–1984) — сестра Т. В. Сезеневской, в 1944 г. — секретарь художественного руководителя Театра комедии.

«Советский писатель». Имеется в виду Ленинградское отделение издательства.

1 В ооостав сборника «Тень» и другие пьесы» (Л., 1956) вошли пьесы для детей: «Два клена», «Снежная королева», пьесы для взрослых: «Тень», «Одна ночь», «Обыкновенное чудо» и сценарий «Золушка».

2 Аналогия с рассказом Эдгара По «Падение дома Уошеров».

Слонимский Юрий Осипович (Иосифович) (1902–1978) — критик и историк балета, драматург — либреттист. Автор воспоминаний о Шварце.

Сафонова Елена Васильевна (1902—?) — художница, артистка. Оформляла книгу Шварца «Приключения мухи».

1 Сафонов Василий Ильич (1852–1918) — пианист, педагог, дирижер, музыкально — общественный деятель.

2 Имеется в виду книга Б. С. Житкова «Что я видел», которая была издана впервые в 1939 г.

3 Эрдман Борис Робертович (1899–1960) — художник.

Смирнов Владимир Иванович (1887–1974) — математик, академик АН СССР, любитель — музыкант.

Тарле Евгений Викторович (1875–1955) — историк, академик АН СССР.

1 См. «Богданович Софья Аньоловна», комм. 9.

Театр комедии. Организован в 1929 г. из трудового коллектива «Театр сатиры», в 1931 г. переименован в Ленинградский театр сатиры и комедии. С 1935 г. — Ленинградский театр комедии. Художественный руководитель — Н. П. Акимов с

1935 по 1949 и с 1955 г. — до конца жизни. С 1940 г. Шварц становится постоянным драматургом театра. С июля 1943 г. до 20 февраля 1946 г. заведовал литчастью этого театра, с августа до 21 октября 1943 г. и с 25 декабря 1943 по 5 марта 1944 г., на время отъезда Н. П. Акимова из Сталинабада в Москву, исполнял обязанности художественного руководителя театра. В марте 1956 г. приказом по Главному управлению по делам искусств Министерства культуры РСФСР утвержден членом художественного совета театра.

1 См. «Барченко Нина Платоновна», комм. 1.

2 Усков Владимир Викторович (1907–1980) — артист. С

1948 г. до конца жизни — в труппе Театра комедии.

3 Бениаминов Александр Давидович (р. 1904) — артист. С 1937 по 1941 и с 1946 по 1963 г. в труппе Театра комедии. Участник спектакля «Тень» по пьесе Шварца.

4 Трофимов Николай Николаевич (р. 1920) — артист, с

1946 по 1963 г. — в труппе Театра комедии. Участник спектакля «Обыкновенное чудо»

по пьесе Шварца.

5 Шварца огорчил спектакль Театра комедии «Обыкновенное чудо». Премьера состоялась 30 апреля 1956 г. Постановка и оформление Н. П. Акимова, музыка А. С. Животова, режиссер — П. М. Суханов. Роли исполняли: Хозяин — волшебник — А. В. Савостьянов, Хозяйка — И. П. Зарубина, Медведь — В. А. Романов, Король — П. М. Суханов, Принцесса — Л. А. Люлько, Министр — администратор — В. В. Усков, Первый министр — К. М. Злобин.

Трауберг Леонид Захарович (1902–1990) — кинорежиссер.

1 Рошаль Григорий Львович (1899–1983) — кинорежиссер, педагог.

ТЮЗ — имеется в виду Ленинградский театр юных зрителей, основанный А. А. Брянцевым в 1921 г. и открывшийся в помещении концертного зала бывш. Тенишевского училища в феврале 1922 г. На сцене ЛенТЮЗа шли спектакли по пьесам Шварца — см. «Зон Борис Вульфович», комм. 4 и 8, а также «Вейсбрем Павел Карлович», комм. 5.

1 Полицеймако Виталий Павлович (1906–1967) — артист. С 1927 по 1930 г. — в труппе ЛенТЮЗа, с 1930 г. — в БДТ, исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

2 Пугачева Клавдия Васильевна (1906–1996) — артистка. В 1924–1934 гг. — в труппе ЛенТЮЗа, исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

3 Мамаева Нина Васильевна (р. 1923) — артистка. С 1946 по 1954 г. — в труппе ЛенТЮЗа, с 1954 г. — Театра драмы им.

А. С. Пушкина.

4 Новый ТЮЗ существовал с 1935 по 1945 г.

Томашевские: Борис Викторович (1890–1957) — литературовед, текстолог, по образованию — инженер — электрик; Ирина Николаевна — его жена.

Тагер Елена Михайловна (1895–1964) — писательница. Незаконно репрессирована, реабилитирована в 1956 г.

1 Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) — писатель.

2 Говорится о пьесе Тагер «Гудочек», поставленной в Ленинградском областном ТЮЗе (1934), где директором был Мокшанов Николай Никифорович (1899–1946).

Управление по охране авторских прав.

1 См. «Мария Васильевна Бабаева», комм. 1.

2 См. «Воеводин Всеволод Петрович», комм. 4.

Уварова Елизавета Александровна (1902–1977) — артистка. С 1922 по 1935 г. — в труппе ЛенТЮЗа, с 1935 по 1945 г. — Нового ТЮЗа, с 1945 г. до конца жизни — в Театре комедии. Исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

1 Уварова играла роль скотницы Татьяны, 70-летней старухи в водевиле Н. А. Некрасова «Осенняя скука».

2 С. М. Осовцов в своей рецензии «Ирония и романтика» на спектакль «Обыкновенное чудо» в Театре комедии отметил, что Уварова всегда тяготеет к острой, эксцентрически гротесковой форме (см. «Ленинградская правда», 1956, 21 июня).

3 Уварова сыграла роль Придворной дамы в спектакле Театра комедии «Обыкновенное чудо» (см. «Театр комедии», комм. 5).

Флоринский Глеб Андреевич (1906–1967) — артист, драматург, режиссер. С 1934 г. до конца жизни — в труппе Театра комедии. Исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

1 Флоринский — автор пьес «Каменный остров» (1943), «Воскресный визит» (1948), шедших в Театре комедии и др. театрах. К моменту настоящей записи Шварца сыграл около 40 ролей, в том числе графа Фредерико («Собака на сене» Лопе де Вега), Гордона («Опасный поворот» Д. — Б. Пристли).

Фрээз Илья Абрамович (1909–1994) — кинорежиссер. С 1932 г. работал на киностудии «Ленфильм» ассистентом режиссера, затем вторым режиссером. С 1943 г. работал на киностудии «Союздетфильм». Ставил фильмы для детей и о детях, постановщик фильма

«Первоклассница» по сценарию Шварца.

Фаддеевы: Дмитрий Константинович (р. 1907) — математик, член — корреспондент АН СССР, любитель — музыкант; Вера Николаевна — математик, его жена.

1 Фаддеев Людвиг Дмитриевич (р. 1934) — математик, физик — теоретик, академик АН СССР.

Ханзель Иосиф Александрович (1909–1985) — артист. С

1936 г. до конца жизни — в труппе Театра комедии, исполнитель ролей в спектаклях по пьесам Шварца. Гурецкая Кира Яковлевна (р. 1910) — артистка. С 1936 по 1978 г. — в труппе Театра комедии, жена И. А. Ханзеля.

1 В спектакле 1945 г. «Лев Гурыч Синичкин» А. М. Бонди (по мотивам водевиля Д. Т. Ленского) играла роль Лизы.

Хейфиц Иосиф Ефимович (1905–1995) — кинорежиссер, киносценарист.

Цимбал Сергей Львович (1907–1978) — критик. В 1946—

1947 гг. — зав. литчастью Театра комедии, автор монографии о Шварце, воспоминаний о нем и рецензий на спектакли по пьесам Шварца.

1 Цимбалу принадлежат статьи: «Романтика горных экспедиций на сцене ТЮЗа. «Клад» Евг. Шварца». Рабочий и театр. Л., 1933, № 29; «Брат и сестра» в филиале ТЮЗа. Там же, 1936, № 7; «Возвращение сказки». Там же, 1937, № 7; «Евг. Шварц и его сказки для театра». Ленинград, Л., 1940, №

7—8; «Театральные сказки Евгения Шварца» в кн.: Ленинградские писатели — детям, Л., 1954; «Добрая и беспокойная фантазия сказочника» в кн.: *Шварц Е.* Пьесы. Л., 1960 и др.

Чокоей Татьяна Ивановна (1909–1995) — артистка. С

1934 г. — в труппе Театра комедии, исполнительница ролей в спектаклях по пьесам Шварца.

1 Бицкий Алексей Андреевич (р. 1937) — впоследствии инженер.

21 Киселев Валентин Георгиевич (1903—?) — артист, с 1945 по 1950 г. — в труппе Театра комедии.

Чарушин Евгений Иванович (1901–1965) — писатель, художник. В 1943 г. — ответственный секретарь Кировского отделения ССП.

1 Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954) — писатель.

2 Портрет хранится в семье Наталии Евгеньевны Крыжановской. Воспроизведен в кн. «Евг. Шварц. Живу беспокойно... Из дневников» (Л., 1990) с ошибочной датировкой.

Черкасов Николай Константинович (1903–1966) — артист, общественный деятель. В 1926–1927 гг. — в труппе ЛенТЮЗа, участник спектакля «Ундервуд» по пьесе Шварца. С 1933 г. — в труппе Театра драмы. Снимался в фильме «Дон Кихот» по сценарию Шварца в заглавной роли.

Чижова Елена Александровна (1894—?). С 1937 г. работала в Театре комедии: с 1937 по 1941 г. — заведующая отделом кадров, с 1945 г. — старший реквизитор, затем управляющая делами, с 1946 г. — заведующая отделом кадров, в 1953 г. ушла на пенсию.

Чивилихин Анатолий Тимофеевич (1915–1957) — поэт.

1 Мейлах Борис Соломонович (1909–1987) — критик, литературовед.

Шварц Антон Исаакович (Тоня) (1896–1954) — мастер художественного слова, на эстраде с 1929 г. Двоюродный брат Е. Л. Шварца.

1 Шварц Борис — дядя Е. Л. Шварца, владелец мебельного магазина в Екатеринодаре.

2 Шварц Исаак Борисович — врач, дядя Е. Л. Шварца, отец

А. И. Шварца, участвовал в любительских спектаклях, исполнял главные роли; Шварц Изабелла Антоновна (ум. 1953) — жена И. Б. Шварца, мать А. И. Шварца.

3 См. «Шварц Валентина Исааковна и Маргарита Исааковна», с. 620.

4 Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) — поэт, переводчик.

5 Северянин Игорь (наст. имя и фам. Игорь Васильевич Лотарев) (1887–1941) — поэт.

6 Дальский (наст. фам. Неелов) Мамонт Викторович (1865–1918) — артист. С 1890 по

1900 г. — в труппе Александринского театра. Гастролировал в провинциальных и столичных театрах.

7 Конец лета и одно учебное полугодие 1913 г. Шварц жил в Москве, слушая лекции в Университете А. Л. Шанявского.

8 Е. Л. и А. И. Шварцы были приняты на юридический факультет Московского университета.

9 В октябре 1914 г. пьеса Л. Н. Андреева «Король, закон и свобода» была поставлена в Московском драматическом театре Суходольских. Спектакль получил широкий отклик в прессе.

1 °Семенов Александр Васильевич (1896—?) — студент юридического факультета Московского университета с 1914 по 1919 г. Его дед — купец 1-й гильдии.

11 Рындзюн Владимир Ильич (псевдоним А. Ветлугин) (1897 — после 1946) — писатель, журналист, сопровождал С. А. Есенина и А. Дункан в заграничной поездке в качестве переводчика, в 1930 г. издавал журнал «Paris — Comit» в Америке.

12 Волков Николай Дмитриевич (1894–1965) — театральный критик и драматург.

13 См. «Вейсбрем Павел Карлович», с. 569 и комм. 2.

14 Бунина Ирина (наст. имя и фам. Фрима Бунимович) — артистка Театральной мастерской (Ростов — на — Дону, Петроград). Первая жена А. И. Шварца.

15 Шварц — Шанько Наталия Борисовна (1901–1991) — переводчица. Вторая жена А. И. Шварца.

16 Вишневский (наст. фам. Вишневецкий) Александр Леонидович (1861–1943) — артист. С 1898 г. — в труппе МХТ.

17 Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) — писатель, поэт.

18 Журавлев Дмитрий Николаевич (1900–1991) — артист, мастер художественного слова.

19 Книга А. И. Шварца «В лаборатории чтеца» вышла в 1960 г.

2 °См. следующую запись.

Шварц Валентина Исааковна (1901–1990) и Маргарита Исааковна (Мура) (р. 1912) — двоюродные сестры Е. Л. Шварца

Шварц Валентин Львович (1902–1988) — брат Е. Л. Шварца, инженер.

Шапиро Михаил Григорьевич (1908–1971) — кинорежиссер, кинодраматург. С 1928 г. работал на киностудии «Ленфильм», в 1946–1947 гг. совместно с Н. Н. Кошеверовой был постановщиком фильма «Золушка» по сценарию Шварца. Автор воспоминаний о нем.

1 См. «Зощенко Михаил Михайлович», комм. 1.

2 После выхода на экран фильма «Золушка» в газетах были напечатаны рецензии: Н. Коварского, «Вечерний Ленинград», 12 мая; С. Л. Цимбала, «Ленинградская правда»,

17 мая; Г. Воронова, «Комсомольская правда», 18 мая; Дм. Молдавского, «Смена», 22 мая; М. Папавы, «Советское искусство», 23 мая; Е. С. Рысса, «Литературная газета»,

24 мая; И. Гринберг, «Ленинские искры»; Н. Иванова, «Пионерская правда», 6 июня.

3 Гаузнер Жанна Владимировна (1912–1962) — писательница, дочь поэтессы Веры Михайловны Инбер (1890–1972).

4 Шефнер Вадим Сергеевич (р. 1914) — писатель.

5 Гранин (наст. фам. Герман) Даниил Александрович (р. 1919) — писатель.

Шишмарева Татьяна Владимировна (1905–1994) — художница.

1 Джойс Джеймс (1882–1941) — английский писатель.

2 Романы Р. — Л. Стивенсона «Похищенный», «Катриона» вышли с иллюстрациями Шишмаревой (М., 1947).

Квитко Лев Моисеевич (1890–1952) — еврейский поэт. Незаконно репрессирован, иогиб в заключении. С 1928 по 1941 г. работал над своим романом в стихах «Годы молодые». На русском языке роман был издан в 1968 г.

Щуко — Нраудо Лидия Николаевна (1908–1985).

1 Топуридзе Константин Тихонович (Котэ) (1904–1977) — архитектор, муж

Р. В. Зеленой.

2 Порет Алиса Ивановна (1902–1984) — художник — график.

3 Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876–1921) — писательница, переводчица, жена Ф. К. Сологуба.

4 Щуко Георгий Владимирович (1905–1960) — архитектор.

5 Браудо Исая Александрович (1896–1970) — органист, пианист, музыковед, педагог.

6 Щеголева — Альтман Ирина Валентиновна (1908–1993) — жена Н. И. Альтмана.

Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) — литературовед.

1 Эйхенбаум Рая Борисовна (1890–1946) — жена Б. М. Эйхенбаума.

2 См. «Московскую телефонную книжку. Шкловский Виктор Борисович», с. 630.

3 Эйхенбаум Ольга Борисовна (р. 1912) — дочь Б. М. Эйхенбаума.

4 Апраксина (Даль) Елизавета Алексеевна (р. 1937) — внучка Б. М. Эйхенбаума.

5 Эйхенбаум Дмитрий Борисович (1922–1943) — сын Б. М. Эйхенбаума, погиб на фронте.

Эрмлер Фридрих Маркович (1898–1967) — кинорежиссер.

Эльзон Давид Фроимович (р. 1908) — главный администратор, затем директор Театра комедии с 1942 по 1950 г.

1 Львин Яков Филиппович (р. 1907) — зам. директора Театра комедии с 1942 по 1951 г.

Юстус (рожд. Пушкина) Антонина Венедиктовна — сказочница.

1 Пушкин Венедикт Венедиктович (1896–1971) — композитор, педагог.

2 Книжка Юстус «Боб хвостун. Сказки», Л., 1956.

3 Филатов Владимир Петрович (1875–1956) — офтальмолог и хирург.

4 Пушкин написал музыку к многим кинофильмам, вошедшим в историю советской кинематографии: «Крестьяне» (1935), «Семеро смелых» (1936), «Тайга золотая» (1937), «Комсомольск» (1938), «Учитель» (1939), «Маскарад» (1941), «Жила — была девочка» (1944), «Большая семья» (1954), «Дело Румянцева» (1956) и мн. др.

Юнгер Елена Владимировна (р. 1910) — артистка. С 1936 г. — в труппе Театра комедии. Исполнительница роли Принцессы в спектакле «Тень» и роли Анны в фильме «Золушка». Автор воспоминаний о Шварце.

1 Юнгер Владимир Александрович (1882–1918) — поэт.

Янковский (наст. фам. Хисин) Моисей Осипович (1898–1972) — театровед, критик, драматург, музыковед, педагог. Автор воспоминаний о Шварце.

1 Фельдман (по второму мужу Эрберг) Лидия Львовна — артистка Театральной мастерской в Ростове — на — Дону.

2 Пельцер — Чумакова Нина Васильевна (1903–1994) — артистка балета Ленинградского театра музыкальной комедии с 1929 по 1960 г.

3 Имеется в виду книга «Шалыпин. (1873–1938)», М., 1955.

Ягдфельд Григорий Борисович (р. 1908) — драматург, автор пьес «Дорога времени» (1945), «Коронный удар» (1954), «Раз в сто лет» (1954), «Дорога мечтаний» (совместно с Д. Я. Даром; 1956) и др.

Московская телефонная книжка

Андроников (наст. фам. Андроникашвили) Ираклий Луарсабович (1908–1990) — писатель, литературовед, мастер устного рассказа.

1 Андроникашвили Элевтер Луарсабович (1910–1989) — физик.

2 Щерба Лев Владимирович (1880–1944) — языковед.

3 Гуревич Яков Яковлевич — педагог, директор одной из петербургских гимназий, редактор журнала «Русская школа».

4 Штидри Фриц (1883–1968) — австрийский дирижер. В 1933–1937 гг. — главный дирижер Ленинградской филармонии.

5 Андроникова Манана Ираклиевна (1936–1975) — дочь

В. А. и И. Л. Андрониковых, искусствовед.

6 Андроникова (рожд. Робинзон) Вивиана Абелевна (1910–1995) — жена Андроникова, в прошлом — артистка.

7 Петр Леонидович Капица (1894–1984) — организатор и первый директор Института физических проблем АН СССР.

Алигер Маргарита Иосифовна (1915–1992) — поэтесса.

Бруштейн Александра Яковлевна (1884–1968) — писательница, автор пьес для детского театра. С 1925 г. была основным драматургом ЛенТЮЗа, с 1936 г. — Нового ТЮЗа. В сезоне 1941/42 г. — заведующая литературной частью Новосибирского областного ТЮЗа.

1 Говорится об автобиографической повести Бруштейн «Дорога уходит в даль...» (М., 1956).

Болыпинцова (по первому мужу Стенич) Любовь Давыдовна (1907–1983).

1 Стенич (наст. фам. Сметанич) Валентин Осипович (1898–1939) — поэт, переводчик, критик.

2 Болыпинцов Мануэль Владимирович (1902–1954) — кинодраматург, режиссер.

3 В 1954 г. Болыпинцов совместно с А. И. Белиашили работал над сценарием «Они спустились с гор».

Габбе Тамара Григорьевна (1903–1960) — писательница, критик, автор книг и пьес для детей. В 1937 г. незаконно репрессирована, впоследствии освобождена.

1 Блейк Уильям (1757–1827) — английский поэт и художник.

2 Пьеса «Телефонная трубка» была написана в конце 1930-х гг.

Гушанский Семен Ханаанович (1904–1981) — артист, режиссер, педагог. В течение 20 лет работал в театрах для детей. В 1927–1930 гг. — в Первом государственном педагогическом театре, один из организаторов в 1930 г. Бауманского театра рабочих ребят (с 1936 г. — Третий московский театр для детей, с 1938 г. — Московский театр для детей). Артист, директор, художественный руководитель этого театра до 1941 г. В 1941–1945 гг. — в Центральном детском театре. Поставил совместно с А. З. Окунчиковым спектакль «Далекий край» по пьесе Шварца.

1 См. «Сажин Зиновий Абрамович», с. 629.

2 Премьера спектакля «Сказка» по пьесе М. А. Светлова состоялась в Московском театре для детей в конце февраля

1939 г. Сопостановщиком О. И. Пыжовой был режиссер Борис Владимирович Бибилов (1900–1986).

3 Шварц согласился на постановку «Снежной королевы» в Московском театре для детей. Премьера состоялась в марте 1940 г.

4 Доронин Игорь Михайлович (1903–1950) — артист и режиссер.

5 Окунчиков Абрам Зиновьевич (р. 1904) — режиссер, педагог.

6 Вишневецкая Софья Касьяновна (1899–1962) — театральная художница.

7 Второй оформительницей спектакля была Фрадкина Елена Михайловна (1902–1981).

8 23 ноября 1954 г. в ВТО отмечалось 70-летие А. Я. Бруштейн.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) — поэт.

1 Мандельштам Надежда Яковлевна (1899–1980).

2 Имеется в виду Второй Всесоюзный съезд советских писателей (1954).

Дунина Софья Тихоновна (1900–1976) — критик, редактор, театровед.

1 Премьера спектакля состоялась в 1943 г. в Сталинабаде.

Давидович Людмила Наумовна (1900–1986) — поэтесса, переводчица.

Жданов Николай Гаврилович (1909–1980) — писатель.

Крон (наст. фам. Крейн) Александр Александрович (1909–1983) — писатель.

1 Пьеса Крона «Глубокая разведка» посвящена жизни бакинских нефтяников.

2 Говорится о пьесах Крона «Кандидат партии» (1953), «Глубокая разведка» (1941), «Второе дыхание» в редакции 1956 г. и романе «Дом и корабль», законченном в 1964 г.

3 См. «Малюгин Леонид Антонович», с. 627.

Карпенко Галина Владимировна (1908–1977) — детская писательница, редактор Детгиза.

0 Корчмарев Климентий Аркадьевич (1899–1958) — композитор, написал музыку к спектаклю МТЮЗа по пьесе Шварца «Два клена».

1 Государственную премию СССР Корчмарев получил в 1951 г. за кантату «Свободный Китай» (1950).

2 С 15 по 23 марта 1954 г. Шварц был в Москве, присутствовал на репетициях «Двух кленов» в МТЮЗе, 9 апреля состоялась премьера спектакля, на которую Шварц снова приехал из Ленинграда.

Карягин Анатолий Анатольевич (р. 1923) — политредактор Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром (ГУРК), затем зав. литчастью Театра им. М. Н. Ермоловой.

1 Главный репертуарный комитет существовал с 1923 по 1928 г., затем вошел в состав Главискусства, в 1933 г. выделен в самостоятельное управление — ГУРК. В этом учреждении и работал Карягин. При создании Министерства культуры СССР в 1953 г. ГУРК был упразднен.

2 Работу над пьесой «Василиса — работница» Шварц начал в

1949 г. В письме к дочери от 21 октября 1949 г. он писал: «...пишется она не с той быстротой, к которой я привык. Страшно портить». (Цит. по журн. Вопросы литературы, 1967, № 9, с. 172). Шварц дважды менял название пьесы. Первоначально она называлась «Каменные братья», затем «Василиса — работница» и в конце концов — «Два клена». На протоколе ГУРК по «Василисе — работнице» от 23 августа 1951 г. стоит виза: «В настоящем виде не разрешать. Предложить автору переделать пьесу» (РГАЛИ, ф. 656, оп. 5, ед. хр. 8926, л. 81). В 1953 г. Шварц продолжал работу над пьесой. 18 октября 1953 г. закончил ее.

10 ноября 1953 г. сдал пьесу в ГУРК.

Кальма Н. (наст. имя и фам. Анна Иосифовна Кальманок)

(1908–1988) — писательница, автор книг для детей.

1 Роман «Дети Горчичного рая», М. — Л., 1950.

Лобанов Андрей Михайлович (1900–1959) — режиссер. В 1930–е гг. руководил Московским театром для детей, в 1945–1956 гг. — главный режиссер Московского театра им. М. Н. Ермоловой.

1 Хмелев Николай Павлович (1901–1945) — артист МХАТ. Возглавлял Театр им. М. Н. Ермоловой. После смерти Хмелева главным режиссером стал Лобанов.

2 В 1946 г. театр получил Государственную премию СССР за спектакль «Старые друзья» по пьесе Л. А. Малюгина, режиссер Лобанов.

3 Имеется в виду спектакль «Пушкин» А. П. Глобы с

В. С. Якутом в главной роли, поставленный в 1949 г. В. Г. Комиссаржевским.

4 Говорится о последней режиссерской работе Лобанова в Театре им. М. Н. Ермоловой — «Дядя Ваня» А. П. Чехова, так и не увидевшей света ramпы. В 1952 г. начались репетиции. Трактровка пьесы Лобановым вызывала протесты, что тяжело отразилось на здоровье режиссера. В 1956 г. он был освобожден от обязанностей главного режиссера театра.

5 В «Правде» от 8 августа 1954 г. была напечатана статья Ю. А. Завадского «За идейность и мастерство советского театра». Приводим отрывок ее, направленный фактически против Лобанова: «Возьмем к примеру Московский театр имени М. Н. Е. Ермоловой. Этот театр имеет талантливых актеров, опытную режиссуру. А между тем за последнее время театр не показал содержательных спектаклей на современную тему. А сколько репертуарных ошибок совершил ермоловский театр?! Что это, как не ослабление художественной требовательности, как не ослабление творческой воли к вторжению в жизнь?»

Левин Лев Ильич (р. 1911) — литературный критик. Автор воспоминаний о Шварце.

1 Строка из первой песни поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

Малюгин Леонид Антонович (1909–1968) — писатель, литературовед, зав. литчастью БДТ в годы войны, друг Шварца, автор воспоминаний о нем.

1 Резкой несправедливой критике подверглось творчество Малюгина на XII пленуме Правления ССП, проходившем в Москве с 15 по 20 декабря 1948 г.

2 См. «Войно — Ясенецкие Михаил Валентинович и Мария Кузьминична», комм. 2.

3 См. «Казико Ольга Георгиевна», комм. 3.

4 Суслович Рафаил Рафаилович (1907–1975) — режиссер.

5 Р. Р. Суслович поставил в БДТ спектакль «Расплата» по пьесе О. С. Литовского. Премьера 30 декабря 1941 г.

6 Пьесу «Далекий край» об эвакуированных ленинградских детях Шварц закончил в сентябре 1942 г. Она была поставлена во многих ТЮЗах страны.

7 С 7 по 31 мая 1942 г. в Кирове Шварц болел скарлатиной.

8 С 25 июня по 2 июля и с 15 сентября по 4 октября 1942 г. Шварц был в Москве во Всесоюзном комитете по делам искусств по поводу разрешения к постановке своих пьес «Одна ночь» и «Далекий край».

9 См. «Лобанов Андрей Михайлович», комм. 2.

1 °См. комм. 1. к настоящей записи.

Марголина Алиса Акимовна (1908–1971) — писательница, критик, театровед.

Образцов Сергей Владимирович (1901–1992) — театральный деятель, артист, режиссер, организатор и руководитель Центрального театра кукол (с 1931 г.).

1 Спектакль Центрального театра кукол «Волшебная лампа Аладдина» Н. В. Гернет был поставлен Образцовым (премьера 1 октября 1940 г.); «Король — олень» Е. В. Сперанского по К. Гоцци — Образцовым и В. А. Громовым (премьера в июне 1943 г.).

2 Шаганова — Образцова Ольга Александровна (1904–1989)

— артистка, пианистка. С 1928 по 1936 г. — в труппе МХАТ 2-го.

3 Говорится о следующих книгах Образцова: «5000 лет и 3 года. Путевые заметки» (М., 1953), «Лондон. Из путевого дневника» (М., 1955) и «О том, что я увидел, узнал и понял во время двух поездок в Лондон» (М., 1956).

4 Спектакль «Чертова мельница» И. В. Штока (по Я. Дрде) поставлен Образцовым в 1953 г.

Пукшанская Мария Исааковна (1910–1994) — заведующая Кабинетом детских театров ВТО, позднее — руководитель научно — методического отдела Центрального театра кукол.

1 См. «Московскую телефонную книжку. Шпет Ленора Густавовна», с. 630.

2 См. «Московскую телефонную книжку. Гушанский Семен Ханаанович», комм. 8.

Данин (наст. фам. Плотке) Даниил Семенович (Даня)

(р. 1914) — писатель, критик и Разумовская Софья Дмитриевна (Туся) (1904–1981) — редактор Московского детского отдела Госиздата. Жена Данина.

1 Говорится о повести Данина «Верность», он писал повесть в 1952 г. Шварц читал ее в рукописи 10 июля 1952 г.

2 Николаева (наст. фам. Волянская) Галина Евгеньевна (1911–1963) — писательница.

3 Казакевич Эммануил Генрихович (1913–1962) — писатель.

Ремизова Александра Исааковна (1905–1989) — артистка, режиссер. С 1920 г. — в труппе 3-й Студии МХАТ (с 1926 г. — Театр им. Евг. Вахтангова).

1 Во время гастролей в Сочи Театр комедии должен был поставить пьесу Шварца «Первый год», в июле — августе пьесу запретили.

Раскин Александр Борисович (1914–1971) — писатель.

1 Вигдорова Фрида Абрамовна (1915–1965) — писательница.

Роу Александр Артурович (1906–1973) — кинорежиссер, постановщик фильма — сказки «Марья — искусница» по сценарию Шварца.

1 Погожева Валерия Павловна (ум. 1989) — редактор, член сценарной редакционной комиссии Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. А. М. Горького.

Рысс Евгений Самойлович (1908–1973) — писатель. Друг Шварца. Автор рецензий на спектакли по пьесам Шварца.

1 Гуковский Матвей Александрович (1898–1971) — историк, профессор Ленинградского университета. После Великой Отечественной войны — сотрудник Эрмитажа, заместитель директора по научной работе, заведующий библиотекой Эрмитажа.

Сажин Зиновий Абрамович (1903–1968) — артист, педагог. В 1930–1941 гг. — актер и зав. литчастью Бауманского театра рабочих ребят (с 1936 г. — Третий московский театр для детей), с 1941 г. — в труппе Центрального детского театра.

Халтурин Иван Игнатьевич (1902–1969) — писатель, критик, один из зачинателей литературы для детей, организатор и редактор газеты «Ленинские искры», член редакций детских журналов; Смирнова Вера Васильевна (1898–1977) — писательница, критик. Жена Халтурина.

Цетнерович Павел Владиславович (1894–1963) — артист, режиссер. В 1946–1957 гг. — главный режиссер МТЮЗа, постановщик спектакля «Два клена» по пьесе Шварца.

1 «Потоп» Ю. — Х. Бергера поставил в Театре им. М. Н. Ермоловой режиссер И. И. Соловьев. Премьера состоялась в июле 1956 г. во время гастролей театра в Кишиневе.

Чекин Игорь Вячеславович (1908–1970) — писатель, общественный деятель, главный редактор, затем начальник сценарного отдела Главного управления по производству фильмов Министерства культуры СССР.

1 См. «Шток Исидор Владимирович», с. 630, ниже.

Чуковский Николай Корнеевич — см. «Ленинградскую телефонную книжку» — «Дрейден Симон Давыдович», комм. 1.

Шток Исидор Владимирович (1908–1980) — драматург.

Шпет Ленора Густавовна (1904–1976) — театральный критик, педагог, одна из основоположников советского театра для детей, в том числе и Центрального театра кукол под руководством С. В. Образцова. В 1938–1964 гг. — зав. литчастью этого театра.

Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — писатель, литературовед, критик.

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) — писатель, общественный деятель. Вспоминал о Шварце в книге «Люди, годы, жизнь»